

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Сборник научных статей

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013

УДК 316 (06)
ББК 60.5я43
А43

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. Е. С. Барзгова (Уральский институт (филиал) РАНХ и ГС при Президенте РФ);
д-р социол. наук, проф. Е. А. Шуклина (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневский (председатель, научный редактор);
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский (заместитель председателя);
канд. социол. наук, доцент П. А. Амбарова (член редколлегии, ответственный за выпуск)

Актуальные проблемы социологии: сборник научных статей. – Екатеринбург :
А43 УрФУ, 2013. – 525 с.

ISBN 978-5-7996-0814-9

Сборник приурочен к 75-летию профессора, доктора философских наук Ю. Р. Вишневского. В нем опубликованы научные статьи коллег из Москвы, Нижнего Новгорода, Дальнего Востока, Уральского региона, посвященные актуальным проблемам современного российского общества.

Сборник рекомендован исследователям, преподавателям, студентам и аспирантам, а также всем, интересующимся социологией.

УДК 316 (06)
ББК 60.5я43

Ответственность за содержание представленных материалов несут авторы статей.

ISBN 978-5-7996-0814-9

© Уральский федеральный
университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вишневский Ю. Р.</i>	Жизнь социолога в ракурсе социологии жизни.....	7
<i>Акулич М. М., Батырева М. В.</i>	Социологическое исследование качества предоставления муниципальной услуги «Обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов».....	24
<i>Амбарова П. А.</i>	Проблема социального времени в работах уральских социологов.....	40
<i>Антипов А. Г.</i>	Проблемы гуманизации и гуманитаризации российского образования.....	48
<i>Багирова А. П.</i>	Родительский труд как новый объект и предмет социологии.....	59
<i>Банникова Л. Н.</i>	Услуга как социальный феномен: социологический анализ.....	64
<i>Баразгова Е. С., Хузина А. Х.</i>	Институт профессионального образования: к вопросу о некоторых типологических особенностях.....	73
<i>Берзин Б. Ю.</i>	Социология управления: кризис жанра или новая парадигма?.....	81
<i>Боронина Л. Н.</i>	О категории возможности в истории социологии.....	87
<i>Ваторопин А. С.</i>	Исламисты в современной России: генезис и перспективы развития социально-религиозного движения.....	110
<i>Вишневский С. Ю.</i>	Социокультурная теория призвания Л. Н. Когана.....	120
<i>Вишневский Ю. Р.</i>	Проект «Социальная педагогика» П. Г. Наторпа.....	127
<i>Гаврилюк В. В.</i>	Профессиональный потенциал преподавателей вузов.....	147

<i>Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.</i>	Рабочие России: статусные характеристики.....	158
<i>Горшков М. К.</i>	Опыт социологического измерения «русской мечты».....	171
<i>Грунт Е. В.</i>	«Законопослушный гражданин» в представлениях российского студенчества.....	185
<i>Гуськов Д. В.</i>	Положительные аспекты экстремизма как социокультурного явления.....	193
<i>Дзевенис А. А.</i>	Человек и наука.....	199
<i>Заборова Е. Н.</i>	Городские жители Свердловской области: социально-политические и социокультурные черты.....	206
<i>Зайцева Е. В.</i>	Электоральное поведение студенчества накануне выборов Президента России.....	221
<i>Запарий В. В., Лахтионова Е. С.</i>	Движение за сохранение индустриально- го наследия как один из факторов формирования патриотизма.....	230
<i>Зборовский Г. Е.</i>	Проблемы знания и образования в творчестве К. Манхейма.....	234
<i>Зырянов С. Г., Зырянова В. М., Богданова Д. В.</i>	Молодежь Челябинской области: особенности социокультурного портрета	250
<i>Качайнова Н. Б., Талалаева Г. В., Трухачев В. В.</i>	Развитие института семьи в условиях информационного общества.....	264
<i>Кислов А. Г.</i>	К политике в области профессионального образования на Урале.....	271
<i>Кислов А. Г., Шмурыгина О. В.</i>	О концепте потестарности.....	275

<i>Кораблева Г. Б.</i>	Роль социальных технологий в оптимизации государственного и муниципального управления.....	283
<i>Лесина Л. А.</i>	Профессионально-личностное становление и развитие студентов в образовательном пространстве современного университета.....	291
<i>Личман Б. В.</i>	Толерантное изучение истории России	295
<i>Мансуров В. А., Юрченко О. В.</i>	Становление социологии профессиональных групп в России: история и перспективы.....	313
<i>Меренков А. В.</i>	Жизнь и смерть стереотипов в современных условиях.....	325
<i>Мокроносов Г. В.</i>	Понятие «материальные общественные отношения»: два смысла.....	335
<i>Нархов Д. Ю.</i>	О ресурсном потенциале общности преподавателей высшего профессионального образования.....	345
<i>Ольховиков К. М., Ольховикова С. В.</i>	Идентичность в структуре социальной регуляции: мифологический аспект.....	355
<i>Певная М. В.</i>	Потенциал современной социологической теории в исследовании волонтерства как социального феномена.....	362
<i>Петров А. Ю.</i>	Потребность человека в непрерывном образовании в качестве объекта исследования и обсуждения (историко-философский обзор).....	375
<i>Попов А. А.</i>	Инновационная культура предпринимателей – актуальная исследовательская проблема.....	384
<i>Проказин В. В.</i>	Типология теорий прогресса в русской социологии XIX – начала XX вв.....	393

<i>Разинский Г. В., Слюсарянский М. А.</i>	Социальная мобильность и патернализм	401
<i>Саралиева З. Х.-М.</i>	Двое на качелях: семья vs. социум.....	405
<i>Стегний В. Н.</i>	Отношение преподавателей и студентов к научно-исследовательской деятельности	412
<i>Тощенко Ж. Т.</i>	Имитация – новые лики деятельности.....	420
<i>Файзуллин Ф. С.</i>	Социальное равенство и неравенство как основа этнической стратификации.....	443
<i>Чевтаева Н. Г., Яковлева С. А.</i>	Управленческие технологии проведения конкурсных процедур в органах государ- ственной власти Свердловской области: социологический анализ.....	451
<i>Шайдарова Е. С.</i>	О Ю. Р. Вишневском.....	458
<i>Шапко В. Т., Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е.</i>	Лев Наумович Коган – «человек эпохи Возрождения» в советские времена.....	460
<i>Шуклина Е. А.</i>	Социокультурная адаптация детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности.....	462
<i>Южакова Н. О.</i>	Социокультурное развитие студенчества: проблемы и тенденции.....	477
<i>Наши авторы.....</i>		490
<i>Библиография научных работ профессора Ю. Р. Вишневского</i>		493

ЖИЗНЬ СОЦИОЛОГА В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

Социология – «ослепительное и захватывающее предприятие, чьим предметом является поведение людей как социальных существ».

Э. Гидденс

Ценность социологии жизни «заключается в том, что именно сознание и поведение людей выдвигается на первый план при выявлении сущностных положений социологии».

Ж. Т. Тощенко

Приближается юбилей – 75 лет, или по моему «омолаживающему» счету 100 – 25. Время задуматься о былом, но и время помечтать. Первое – в ракурсе социологии жизни – мой жизненный путь – это не только личное, уникальное, неповторимое, хотя социология жизни акцентирует индивидуальность. Но все-таки справедливо отмечал П. Бергер – теоретик социального конструктивизма и сторонник личностно-ориентированного подхода в социологии, что речь скорее должна идти о диалектическом единстве «человек в обществе, общество в человеке». И, действительно, моя жизнь и судьба – это судьба, успехи и достижения, тревоги и потрясения моего – предвоенного поколения, наших детей и внуков. В них, как в капле дождя, отразились и судьба моей Родины – и «большой» (Советский Союз, Россия), и «малой» – где родился, учился, служил, работал и работаю, где любил и дружил...

Маршруты моей памяти: *Одесса* (где родился 15 марта 1938 г. в семье военнослужащего – Рудольфа Вениаминовича и Юлии Львовны Вишневских; *Ярославль* (где всю войну жил с бабушкой – Брейман Адель Юльевной); *Пушкин* (где 1 сентября 1945 г. пошел в 1 класс – в школу, в которой в свое время училась А. Ахматова); *Благовещенск* (где окончил школу и педагогический институт, где женился, где родился старший сын); село Нижняя Полтавка Константиновского района Амурской области, (где 4 месяца!!! был директором

сельской школы); *Раздольное и Камень-Рыболов* Приморского края (где служил срочную службу); *Нижний Тагил* (где работал в ШРМ № 2 и в педагогическом институте – преподавателем, доцентом, деканом худграфа, где родился младший сын, где сложилась наша дружная компания); *Свердловск (Екатеринбург)* (где защитил кандидатскую и докторскую диссертации, где более 30 лет руковожу кафедрой, где женились дети, где родились милые внуки, которые за это время подросли и сами создали собственные семьи).

Хотя мою жизнь можно разделить всего на три этапа – дотагильский, тагильский и послетагильский. Или еще короче – до свадьбы с Ниной Ивановной (19.11.67 – позднее этот день стал праздничным – днем ракетных войск и артиллерии) и вся последующая жизнь. Кстати, как всегда, наш очередной – изумрудный – юбилей свадьбы прошел накануне моего юбилея. Как шутил в свое время мой самый близкий и дорогой друг – Валера Шапко: «А что ты хотел, женившись в 19,5 лет?» Но ни о ранней свадьбе, да и ни о чем-то другом в этой жизни я не жалею.

Человек в социологии жизни рассматривается во взаимодействии со своей средой – социокультурной средой, сказал бы я вслед за П. А. Сорокиным и Л. Н. Коганом.

Характеристику моей социокультурной среды – ее личностного компонента – начать хотелось бы, конечно, с родителей. Мой папа – из бедной местечковой еврейской семьи. Всем, чего он достиг, он обязан революции и самому себе. Почти 50 лет он отдал врачебному делу (из них – 28 лет в армии). Его преданность профессии и любовь к людям навсегда останутся для меня примером. И люди платили ему признанием и любовью. В этом нам многократно приходилось убеждаться – и в радостные, и в горестные дни (проститься с ним пришло так много людей, что процессия растянулась на несколько километров).

Душой и стержнем нашей семьи была мама. Ее родители – известные в Одессе в 1920–1930-е гг. адвокаты. Дедушка (Брейман Лев Яковлевич) был даже редактором журнала «Вся Одесса». Бабушка (Брейман Адель Юльевна) училась в Сорбонне, что не мешало ей приезжать в родную Одессу рожать детей. Мама повторила ее путь в плане рождения детей. Так в моем паспорте и появилась Одесса. Мама была исходно интеллигентным человеком, хотя в силу своего «буржуазного» происхождения высшее образование она так и не смогла получить. На войну она ушла медсестрой, и эта профессия осталась ее

призванием на всю жизнь, к сожалению, оказавшуюся слишком короткой – ее не стало в 63 года. Мама прекрасно музицировала, подбирая на слух, пела (не от нее ли у меня такая любовь к пению, хотя – в отличие от мамы – мне «медведь на ухо наступил»), вокруг нее всегда были люди, она хотела всем помочь, всех обогреть...

Итак, год моего рождения – 1938. Сегодня – в истории Отечества – этот год соотносится с масштабными репрессиями. Не обошли они и нашу семью. Деда своего я не видел. Мой племянник – Вадим, живущий сейчас в Израиле, нашел в Интернете материалы «Мемориала», где сказано, что 19 октября 1938 г. мой дед был приговорен к ВМН (высшей мере наказания). И папу я увидел только через год – в момент моего рождения. Как следует из тех же материалов, он сидел в Ворошиловской (ныне г. Уссурийск) тюрьме и был освобожден и реабилитирован «за недостаточностью улик» 19 мая 1939 г. Не хотел бы принижать масштабы и – тем более – отвергать чью-либо персональную ответственность за репрессии. Но для меня и тут поучительна позиция моего отца – он сохранил веру в Советскую власть, сохранил свои коммунистические убеждения (его боевые награды – врача прифронтового госпиталя – удивляли бывалых военных; почти до самой смерти он был секретарем парторганизации больницы).

У меня были очень хорошие Учителя – и в школе (мужской!) – средней школе № 1 Благовещенска-на-Амуре (и директор – Римма Андреевна, и историк «Вячик» Белоглазов, и литератор – Ленина Леонтьевна), и в институте – Благовещенском, педагогическом. Тут особый разговор – в 1955 г., когда я и моя будущая жена поступали на первый курс, в нем работали преподаватели и профессора из Ленинграда; высланные в связи с «ленинградским делом» на Дальний Восток. Они привезли свои библиотеки и щедро делились с нами своими знаниями и книгами. Именно они зародили во мне интерес к научным исследованиям.

В память о 50-летию нашего выпуска (2010 г.) мы выпустили книгу «Достойно мы по жизни шли»¹, многие страницы которой посвящены нашим институтским преподавателям – Василию Прокопьевичу Малышеву, Николаю Антоновичу Шиндялову, Эдде Петровне Телегиной, Натану Максимовичу Лемпелю, Николаю Александрови-

¹ См.: Достойно мы по жизни шли (посвящается 50-летию выпуска историков-филологов и 80-летию Благовещенского государственного педагогического университета). Благовещенск, 2010.

чу Обетковскому, Людмиле Петровне Малахиной, Петру Фомичу и Евгению Петровичу Сычевским, Надежде Григорьевне Бакулиной, Анне Ивановне Вайсман и многим другим.

Интерес к науке сформировался еще в институте – сказались не только занятия у серьезных, увлеченных ученых, но и 5 лет занятий в нашем историческом кружке, многие часы, проведенные в Амурском государственном архиве и Амурском областном музее краеведения. Итогом этих изысканий явились доклады на студенческих научных конференциях. С гордостью храню юбилейные издания к 100-летию Благовещенска, где отмечалось: «Заслуживает внимания труд студента педагогического института, интересно рассказавшего о перспективах развития нашего города», «на II-й межвузовской конференции г. Благовещенска было прочитано 9 докладов. Интересные исследования по истории Благовещенска выполнил студент Ю. Вишневский»¹.

Правда, моя научная карьера не была связана с историей. Приехав после армии на Урал, понял, что проблема коллективизации в Амурской области (материал о ней я собирал в течение последних лет учебы в Благовещенске) здесь не актуальна.

Мой научный интерес развили и углубили профессора УрГУ – Леонид Михайлович Архангельский и Лев Наумович Коган, с которыми я познакомился, уже переехав после службы в армии на Урал, в Нижний Тагил. Первый меня – учителя вечерней школы – историка по образованию (кстати, именно как учителя вечерней школы мы встретились в 1964 г. с Володией Цукерманом, с которым сотрудничаем – уже как социологи – и дружим с тех пор) увлек новой наукой – социологией. Второй – научил меня в науке многому. Главное – порядочности, ответственности. Наше сотрудничество начиналось с того, что Лев Наумович был оппонентом при защите моей кандидатской диссертации, а затем – старшим другом и товарищем. Смерть Льва Наумовича была для меня, как и для всех его учеников и коллег, – тяжелейшей утратой. Считаю своим долгом сохранить и «увековечить» память об этом – без преувеличения – великом Человеке, Учителе, Ученом. Одним из самых важных для меня и Валеры Шапко

¹ Благовещенску 100 лет. Благовещенск, 1958. С. 41; Благовещенску 100 лет (1858–1958). Сборник документов и материалов / под ред. В. П. Малышева, 1959. С. 457. На собственном опыте убеждаюсь – без студенческой науки большая Наука невозможна. Считаю возможным обратить внимание на статьи В. В. Гаврилюк и В. Н. Стегния, публикуемые в данном сборнике, где ставится вопрос о привлечении современных студентов к НИР.

дел была подготовка, редактирование и издание трехтомника – один том был посвящен творческой личности Л. Н. Когана, два других – его избранным трудам¹. Сожалею, что Лев Наумович, которому в этом году исполнилось бы 90 лет, не смог разделить со мной, моими друзьями и коллегами радость моих последующих юбилеев.

Мне повезло и на друзей. Первыми в этом ряду я считаю своих однокурсников – Толика Дзевениса и Славу Поддубного. Наша троица (староста – комсорг – профорг группы) смогла пронести студенческую дружбу через годы. Конечно, особенно в последние годы непосредственно общаться становится дороже (Толик и Слава живут в Благовещенске) и потому труднее. Но мы помним друг о друге, в сферу нашей дружбы вошли и Толина жена – Зинуля, и Славина – Света. Но благодаря поддержке Виктора Валентиновича Проказина (зав. кафедрой социологии и проректора Амурского госуниверситета) я вот уже несколько лет летаю в Благовещенск как председатель ГАК. С моим приездом наши однокурсники (Антонова (Переверзева) Надя; Бортусенко (Карандаева) Лариса; Дзевенис Толя; Дмитриенко Борис; Клещев Володя; Лейко (Мехедова) Тоня; Поддубный Слава; Прохорова Нина; Суржина Лида) собираются в доме Карандаевых («место встречи изменить нельзя»). Так мы отметили 50 лет окончания I, II, III, IV курса, 50 лет окончания института, а сейчас начали отмечать «50 + 1», «50 + 2»... Эти встречи придают новые творческие силы. Я желаю своим однокурсникам (в том числе и Володе Колпину (Белгород), Вере Космач (Хабаровск), Маре Юфе (Аршинской) (Петербург)) и их близким здоровья, счастья, оптимизма!!! Мы действительно достойно по жизни шли и идем².

Жизнь в Нижнем Тагиле, работа в школе рабочей молодежи и педагогическом институте заметно обогатили и расширили круг наших друзей. Собственно это был даже не один, а несколько «кругов». В первую очередь – *семейный*: собралась компания семей, где жены

¹ См.: Коган Л. Н. Феномен многогранной творческой личности. Екатеринбург : ИПЦ «Маска», 2008; Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1987 гг. Екатеринбург : ИПЦ «Маска», 2009; Коган Л. Н. Избранные труды 1987–1997 гг. Екатеринбург : ИПЦ «Маска», 2009. В память о Л. Н. Когане и о В. Т. Шапко – через несколько дней после выхода третьего тома Валеры не стало – посчитал возможным включить в данный сборник нашу вводную статью из первого тома. И – как свидетельство преемственности поколений – раздел о Когане из докторской диссертации моего старшего сына.

² Как символ моей любви и уважения к «малой Родине» (Благовещенск) в сборнике публикуется раздел из учебника по философии Толи Дзевениса и статья В. В. Проказина.

были учителями, а мужья (кроме меня) – инженерами с «Вагонки» – Люся и Вова Верники, Марина и Яша Долгиновы, Фая и Юля Фридманы, мы с Ниной. Непременными участниками наших встреч были родители, старший брат Анатолий и его жена Валя. Состав компании постоянно расширялся – за счет и «инженерных» семей – Гриша и Ася Кержнеры, Фима и Люда (она преподавала в музыкальной школе по классу скрипки) Ниссенбаумы, и моих коллег по педагогическому институту – Валеры Шапко (и его жены Нэллы – учителя математики и музыкально одаренного человека), Леонида Абрамовича Марголина (его жена – Валентина Антоновна – врач, человек чрезвычайно энергичный, из породы заводил), мы встречались довольно часто, обсуждали стихи, новые книги. Многие из нас участвовали в первых соревнованиях команд КВН Н. Тагила. А Фима Ниссенбаум – при поддержке Людмилы (и нашем постоянном сочувствии) создал на «Вагонке» агиттеатр «Факел», который довольно скоро заслуженно стал «Народным» и многие годы заметно влиял на культурную жизнь района и города. Наши застолья отличались не столько обилием и изысканностью блюд или количеством выпитого (хотя аскетами даже в те годы мы не были, более того, – учитывались и «индивидуальные» вкусы, что позволило позднее Фиме сочинить, например, обо мне такую строчку: «Как Алябьев немислим без «Соловья», так и Юру не представить без «оливья»), сколько творческим духом, остроумием. Этот дух впитывали и развивали наши дети, которые в эти годы росли – подрастали, выросли... Жизнь заметно сказалась на нашей компании: говоря словами поэта, «иных уж нет, а те далече». Первая потеря – смерть Юли Фридмана, человека справедливого и честного, человека, являвшегося «совестью» нашей компании. Затем уехала из Нижнего Тагила (сначала в Донецк, затем в Ленинград) семья моего брата. Толик умер, не дожив до 50 лет, спустя несколько лет умерла и его жена Валя. Не стало и Гриши Кежнера. Потеряли мы и Вовочку Верника, вписавшего в годы перестройки и реформ свое имя в историю родной «Вагонки». Испытал горечь потерь и Леонид Арбамович – и, конечно, все мы – вместе с ним: не стало Вали, Валентины Антоновны. В последние годы не стало Валеры и Фимы. Этот скорбный перечень я привел лишь с одной целью – подчеркнуть: мы помним обо всех и о каждом, мы вспоминаем о прожитых вместе годах как о самом ярком периоде нашей жизни! Как сказано поэтом: «не говори с тоской – их нет, но с благодарностью – были!». Помним мы

и о тех, кого жизнь раскидала по разным городам и весям – от Москвы и Санкт-Петербурга до Израиля и США, где сегодня живут многие друзья – тагильчане и семьи их детей. С теплым чувством вспоминаем о разделенной с ними «роскоши человеческого общения».

Не могу не сказать особо о Валере Шапко. Когда пишутся эти строки, уже идет февраль 2013 г. Приближается «черная дата» – 27 февраля, а это значит, что уже четыре года Валеры с нами нет. Смириться с этим до сих пор сложно, ведь с ним мы не только подружились, более 35 лет продолжалось наше творческое содружество (когда мы отмечали «70-летие» этого содружества (35 + 35), выяснилось, что оно началось... до рождения каждого из нас). Не считал, но, думаю, не ошибусь: процентов 70–80 наших книг, статей, тезисов, опубликованных за эти годы, почти все проведенные нами социологические исследования – результат совместного творчества. Нет, мы не были одинаковыми в своих ориентациях, привычках, склонностях. Как бурно мы спорили (особенно с учетом моего громкоголосия), знали, наверное, только наши жены (Нина и Нэлла), которые, кстати, тоже тесно сошлись, подружились. Но это не помешало нам уважительно относиться друг к другу, признавать мнения каждого, приходить к общему мнению.

Именно Валера и подтолкнул меня к одному из самых неоднозначных решений в моей жизни – в 1976 г. я стал деканом ХГФ (художественно-графического факультета) НТГПИ. 5 лет проработал я деканом. Надо ли говорить, что ни «до», ни «после» я не умел и не научился рисовать (оставшаяся от тех лет привычка что-то «изображать» на доске по ходу лекции, как подтвердит любой мой студент, – не в счет). Проблем было немало: от «потрясающего впечатления», которое произвела на меня – почти 40-летнего мужчину – обнаженная натура, когда я обходил в первый раз аудитории факультета, до непонимания просьб студентов отменить мой «приказ № 1» (его смысл: преподаватели по рисунку и живописи должны постоянно быть на занятии в аудитории) – непонимания, что в художественном творчестве мелочный постоянный контроль лишь мешает (приказ этот я довольно скоро отменил). И все-таки за эти годы мы сделали немало, укрепили материальную базу, решили вопрос о пленэре (в том числе – о творческих командировках преподавателей и студентов в другие регионы), упорядочили участие факультета в строительстве «снежного городка» и в других работах по оформлению в городе и

институте. Самое главное я руководствовался основными принципами «не навреди» и «не мешай». И сегодня сохраняю самые теплые воспоминания о преподавателях и студентах худграфа, с которыми меня судьба столь неожиданно свела в эти годы. И когда 3 бывших студентки (Оля Гайдук-Белохонова, Инна Игнатьева и Таня Макарова) пригласили меня на свою персональную выставку в Екатеринбургский Выставочный зал Союза художников, я словно вновь окупился в атмосферу тех далеких теперь уже лет. А летом 2012 г. я испытал огромную радость и гордость за сложный и «тяжелый» педагогический труд. Группа ХГФ, которую я набирал, став деканом, пригласила меня на 30-летие своего выпуска. Три дня, проведенные вместе с ними в поселке Висим, – одно из самых запоминающихся событий предъюбилейного года.

Работая в Нижнетагильском педагогическом институте, я активно занимался научными исследованиями. Их итоги были обобщены в кандидатской (защищена в 1968 г.) и докторской (1981 г.) диссертациях по философским наукам (социология в тот период еще не была самостоятельной наукой). Обе работы защищались в диссертационном Совете Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Его председателями были – М. Н. Руткевич (1968) и К. Н. Любутин (1981), секретарем – Георгий Петрович Орлов, с которым у меня еще с тех времен установились самые теплые и уважительные отношения. УрГУ, таким образом, раньше других свердловских вузов вошел в мою жизнь. Теплые чувства к нему развивались и крепились в последующие годы: здесь работал Л. Н. Коган, здесь бережно сохраняют и развивают его традиции; в университете учились оба моих сына и обе невестки, в университете же Сережа защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Не прошли даром и проведенные в УрГУ годы и для моего младшего сына – Виктора, который стал практическим политиком. Он прошел все ступени (от рядового работника до руководителя) в областном КДМе (Комитете по делам молодежи). И я, многие годы занимавшийся проблемами молодежи, поражаюсь тому, как грамотно и квалифицированно он осуществлял молодежную политику в Свердловской области. Позднее он активно включился в избирательную кампанию, а затем, когда Е. Г. Зяблицев избирался депутатом Государственной Думы второго, третьего и четвертого созыва, а сейчас избран депутатом Законодательного собрания Свердловской области, работал и работает его помощником. С годами, видя успешность по-

литической деятельности Виктора, перестал считать ошибочным его уход из науки.

С легкой руки Льва Наумовича я сотрудничал и подружился с работниками возглавляемого им сектора социологии культуры в УФАНе (позднее УНЦ АН СССР) – с Володей Цукерманом, Володей Волковым, Володей Барсуком, Люсей Иванько, Алей Шаровой, Элей Проворовой, Светой Пановой, Галей Маклаковой, Борей Павловым, Беллой Модель (а позднее – с ее мужем Исааком), философами и социологами УрГУ, куда Лев Наумович потом вернулся, – с Борисом Багировым, Анатолием Меренковым, Евгенией Баразговой, Васей Руденкиным, и с многими-многими другими, кто в те годы сотрудничал с ним или приезжал к нему со всего Советского Союза.

Особую роль в расширении круга моих научных коллег сыграли Уральские социологические чтения, периодически (раз в 2 года) проводившиеся в различных городах региона. Инициатором Чтений и Председателем бюро Уральского отделения Советской социологической ассоциации (более 20 лет!) был Лев Наумович Коган. Благодаря чтениям и другим конференциям я познакомился и подружился со многими уральскими социологами: свердловскими – прежде всего, с Гарольдом (с годами – Ефимовичем) Зборовским и Люсей (Людмилой Яковлевной) Рубиной; челябинскими – особо выделю Володю Цукермана (переехавшего в Челябинск), Сережу и Леру Зыряновых; пермскими – Захаром Ильичом Файнбургом, продолжателями его дела – Марком Абрамовичем Слюсарянским и Василием Николаевичем Стегнием; уфимскими – особенно с Фанилем Файзуллиным, успешно продолжившим дело Н. А. Аитова и с многими-многими другими. После организации Уральского федерального округа тесные связи установились у нас с тюменскими социологами (М. М. Акулич, К. Г. Барбакова, В. В. Гаврилюк, Г. Ф. Куцев, В. В. Мельник и др.)¹. Вот уже 20 лет я, приняв эстафету у Л. Н. Когана и Г. Е. Зборовского, руковожу Уральским отделением Российского общества социологов. Конечно, времена изменились, наши встречи стали не столь регулярны. Но одной из своих заслуг в жизни и в организации науки (в полной мере разделяемой с В. Т. Шапко) я считаю проведение Юбилейных Уральских социологических чтений, посвященных их 25-летию (!!!).

¹ Отражением наших тесных научных и дружеских связей является публикация в данном сборнике статей наших пермских, тюменских, уфимских коллег.

К чтением мы издали исторический очерк об уральской социологии и избранные материалы всех предыдущих 12 Чтений. Традиция сохранена, это – наш долг памяти перед Учителями. Более того, традиция продолжается – в нынешнем году в Екатеринбурге будут проходить XIX Уральские социологические чтения... А прошедший недавно в Уфе IV Всероссийский социологический конгресс доверил нам – уральцам провести в 2016 г. V Всероссийский социологический конгресс в Екатеринбурге. Этот конгресс, идея которого поддержана Губернатором Свердловской области Е. В. Куйвашевым, Администрацией Екатеринбурга, ректором УрФУ В. А. Кокшаровым, совпадает с 40-летием Уральских социологических чтений.

В январе 1982 г. – после защиты докторской диссертации – мы переехали в Свердловск. И вот уже более 30 лет я работаю в УПИ, который за эти годы был и УПИ, и УГТУ, и УГТУ–УПИ, а стал УрФУ, который сменил имя – с С. М. Кирова на первого Президента России Б. Н. Ельцина. Все эти годы я руковожу одной и той же кафедрой, успевшей неоднократно изменить и профили, и название (кафедра научного коммунизма, социологии и политологии, социологии и социальных технологий управления). Мои коллеги по кафедре – за эти годы стали мне близкими и дорогими.

Это – люди старшего поколения, из которых дольше всех на кафедре трудились Леонид Дмитриевич Митрофанов и Роза Михайловна Сырнева. С Леонидом Дмитриевичем мы особенно подружились, совместно работая над книгой по истории профсоюзной жизни университета (эта творческая работа сблизила нас и с председателем профкома сотрудников Владимиром Никифоровичем Давыдовым, человеком щедрой души). Близкими для нашего семьи стала и его жена – Надежда Ивановна, к сожалению, безвременно ушедшая от нас, но оставившая память о своем гостеприимстве, добродушии, отзывчивости; его дети – Сережа и Танюша. Печально, но сегодня Леонида Дмитриевича нет среди нас.

Это – «Трилюдие» – Людмилы – Боронина, Банникова и Якурнова, вместе с которыми мы вынесли основную тяжесть подготовки, открытия и работы по выпуску социальных менеджеров и специалистов по государственному и муниципальному управлению.

Это и сегодняшнее руководство кафедры (Тамара Борисовна Багирова, Людмила Николаевна Боронина, Ольга Рудольфовна Белова, Мария Владимировна Певная, Полина Анатольевна Амбарова), со-

вместно с которыми нам удалось успешно преодолеть все трудности и проблемы недавней аккредитации, доказать эффективность работы кафедры.

Кстати, эту эффективность я «проверил» на своих внуках: обе они успешно окончили университет по специальностям нашей кафедры – Светуля по «Государственному и муниципальному управлению», Катюша – по «Менеджменту» (Управление сервисом), а сегодня работают менеджерами.

Это и ветераны кафедры – наш «бессменный» профорг Светлана Ивановна Минеева, Галина Борисовна Кораблева и Людмила Владимировна Орлова, Наталья Эдуардовна Майн. Это и вернувшаяся на кафедру, став доктором и обретя солидный организационно-управленческий опыт, Елена Николаевна Заборова. Это и пришедшие к нам на кафедру опытные доценты Татьяна Петровна Дегтярева, Зинаида Викторовна Сенук и Татьяна Евстафьевна Радченко. Это – также пришедшие на кафедру опытные «социальные менеджеры» – Галина Владиленовна Талалаева, Виктор Васильевич Трухачев, Надежда Борисовна Качайнова.

Это – Саша Пучков и Марина Бедулева, придававшие нашим кафедральным вечерам особый музыкально-песенный стиль. И вновь не могу без горечи не сказать о том, как рано «сгорел» Саша, так и не успев защитить уже почти готовую докторскую диссертацию о проблемах имитации¹.

Это – милые моему сердцу «тагильчане» – Константин Михайлович и Светлана Валерьевна. Пришел на нашу кафедру после успешной защиты докторской диссертации мой старший сын Сергей.

Это – наша талантливая молодежь, продвигающаяся в среднее поколение, среди которых прежде всего отмечу своих аспирантов (ныне кандидатов наук) – Аню Багирову и Яну Дидковскую, Дашу Баранову и Сашу Петрова, Катю Зайцеву и Сашу Непрозванных, Машу Певную и Наташу Хорошкевич, в этом же ряду – Полина Амбарова, Люда Лесина, Лена Нархова, Ирина Тесленко и Артак Айвазян. У них большие перспективы. Анечка Багирова – уже доктор экономических наук, активно развивает новое направление социологии

¹ Опубликованная в данном сборнике статья Ж. Т. Тощенко об имитации заметно расширяет наши представления о социальных проблемах современного российского общества и одновременно – для меня и всех, кто ценил Сашу Пучкова, – показывает, насколько актуальна сегодня та проблематика, которой он занимался.

труда – родительский труд. Яна – близка к завершению докторской диссертации по проблемам профессионального самоопределения. По статьям Амбаровой, Певной, Петрова, Зайцевой читатель увидит, насколько они продвинулись в анализе избранных для диссертационного исследования проблем.

Это наша нынешняя молодежь – кафедральная надежда. Кое-кто из них – Люба Парунина – уже «остепенился». Другие успешно обучаются в аспирантуре и магистратуре. Надеюсь, что эксперимент нынешнего учебного года, когда мы привлекли к преподавательской работе сразу нескольких магистров, себя оправдает.

Наконец, не могу не сказать добрых слов и о нашем кабинете. Терпеть не могу этот бюрократический термин УВП – учебно-вспомогательный персонал. Да, какие же они «вспомогательные»? И раньше – Анна Георгиевна, Алла Юрьевна (ныне – многолетний директор знаменитой в Екатеринбурге негосударственной школы «Гелиос», научным руководителем которой я являюсь), и сегодня – Лариса Евгеньевна, Люда, Женя, Лара – душа кафедры. Своей – порой не очень видимой – работой они обеспечивают спокойную жизнь кафедралов.

Серьезным усилием кафедры (думаю и всего социологического блока в УрФУ) считаю приход на штатную должность профессора Гарольда Ефимовича Зборовского. Главное – мы, безусловно, получили социолога-профессионала. Его учебники по общей социологии и истории социологии, по ряду отраслевых социологий (образование, управление, культура и досуг) получили широкую известность и признание. И все-таки для меня не менее значимы наши многолетние дружеские отношения. После смерти Валеры Гарольд для меня стал самым близким другом. И вновь – в наших отношениях нет места единомыслию и единогласию. Но я очень ценю его профессиональные знания и какую-то (вероятно, связанную с этими знаниями) профессиональную интуицию. Его советы оказались особенно полезными в последнее время, когда я решил – в память о Валере – превратить нашу с ним статью по истории зарубежной социологии образования в книгу. Потребовалась гигантская работа, которую я первоначально недооценил. Один из разделов этой будущей книги (о социальной педагогике П. Наторпа) помещен в данный сборник. Во многом с этим связана и тематика публикуемой статьи Зборовского – о социологии знания и социологии образования в творчестве Мангейма (Гарольд завершает работу над очередной монографией – о взаимо-

связи социологии знания и социологии образования).

Нарушая неписанные традиции юбилейных профессорских сборников, я посчитал правомерным, чтобы многие статьи, опубликованные в настоящем сборнике, были подготовлены кафедрами. Это и материалы, подготовленные докторами наук (А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, С. Ю. Вишневский, Е. Н. Заборова, К. М. Ольховиков), материалы будущих докторских диссертаций (П. А. Амбарова, Л. Н. Боронина, М. В. Певная, С. В. Ольховикова) и материалы аспирантов и соискателей.

Кафедра – живой организм. Кто-то приходит, кто-то уходит. В свое время я даже заметил, что многие наши кафедры защитили докторские диссертации, уйдя с кафедры, – Г. К. Чернявская, С. Н. Некрасов, Н. А. Комлева, А. М. Лобок и др. Но независимо от того, проработал ли человек на кафедре несколько лет (как Таня Юшкова) или несколько месяцев (как Наташа Чевтаева), мне они памятны все. Особые слова признательности Тане Агеносовой (не могу не высказать и свои симпатии в адрес ее мужа Саши, их друзей Саши и Иры Иофиных, с которыми нам так приятно встречаться и общаться).

Заведующий гуманитарной кафедрой крупнейшего вуза – да еще с моим характером и общественной жилкой (8 лет я проработал в парткоме УПИ)... это, конечно, не могло не расширить круг моих знакомых, коллег, друзей. Отношу к ним ректорат – не из какого-то подбострастия, а просто отдавая должное и Федору Петровичу Заостровскому, поддержавшему меня на первых порах работы в новом коллективе, и Станиславу Степановичу Набойченко, без которого и его помощников (Всеволода Семеновича Кортова и Владимира Ивановича Лобанова) наши начинания и инициативы не удались бы, и Анатолия Ивановича Матерна, который возглавил вуз пусть на короткое, но очень сложное – переходное – время (особенно ценю его оптимизм, который просто обязан быть у человека, родившегося 1 апреля), и Виктора Анатольевича Кокшарова, взявшего на себя трудную ношу ректорства объединенного классически-технического университета (не могу не отметить понимание им сложных проблем многопрофильной кафедры, готовность к постепенной интеграции, нежелание рубить сплеча, резать «по живому», и – самое главное – верность данным обещаниям).

Не могу не упомянуть добрым словом и ряд прошлых и нынешних руководителей:

- Александра Борисовича Соболева, который поразил меня именно как математик-управленец, когда в нескольких докладах выявил такие тренды, которые обычно ускользали от внимания; и еще один момент – при изменениях в его карьере он оставался одинаково ровным в общении и внимательным;
- Сергея Тихоновича Князева, умеющего логически выстроить оптимальную управленческую модель и прислушивающегося к иному мнению (по крайней мере, готового выслушать разнообразные аргументы);
- Владимира Петровича Батуева, вместе с которым мы расширили сеть подготовки менеджеров по всей Свердловской области (отмечу и то, что он внес один из самых крупных вкладов в мою коллекцию значков);
- Александра Владимировича Пономарева, вдохнувшего «вторую жизнь» во внеучебную работу университета, которая для меня всегда была не менее значима, чем преподавание (с Александром Владимировичем мы стали – вместе со Станиславом Степановичем Набойченко, Леонидом Ароновичем Рапопортом и Сергеем Николаевичем Гущиным – лауреатами премии Правительства РФ в области образования за 2005 г.; Пономарев успешно защитил докторскую диссертацию, возглавил и успешно руководит кафедрой «Организация работы с молодежью», которая выделилась из нашей кафедры и стала самостоятельной);
- своими делами (обстоятельность, готовность к оригинальным решениям, разумная требовательность) и человеческими качествами запомнился Иван Самсонович Пехташев;
- приятно, что многие из этих качеств в полной мере присущи и Владимиру Сергеевичу Шаврину – на любых участках организационной работы.

Из работников других факультетов особо отмечу милый моему сердцу и духу физтех – Аскольда Рафаиловича Бекетова, Бориса Владимировича Шульгина, Александра Васильевича Кружалова, Владимира Дмитриевича Селезнева...

Большинство моих друзей и коллег по совместной работе на факультете: ФОНе (общественных наук) – ФГО (гуманитарного образования) – ИнФО (Институт фундаментального образования). Это, конечно, деканы:

- Герман Викторович Мокронос. Милейший и умнейший человек, образец для нас во всем, кроме всего прочего – мой «вечный оппо-

мент» – и по кандидатской, и по докторской; недавно мы отметили его 90-летний юбилей. Меня поражает ясность и глубина мысли, творческий задор;

- Алексей Федорович Титков, сумевший в труднейшие времена сохранить факультет;
- Виктор Иванович Кашперский, с чьим именем связано превращение кафедр ФГО в выпускающие, со всем, что за этим стояло;
- Виктор Эдуардович Лебедев, талантливый ученый, к сожалению, слишком быстро ушедший с деканского поста;
- Владимир Васильевич Запарий, оказывавший кафедре постоянную поддержку и помощь; сумевший соединить организационную работу с наукой, успешно защитивший в 2002 г. докторскую диссертацию, ныне представляющий Россию в Международном комитете по сохранению индустриального наследия;
- Олег Валентинович Охотников, сумевший сохранить ФГО, органично вписать его в ИнФО, пытавшийся наладить взаимодействие различных кафедр ИнФО, но не выдержавший чрезмерного давления на ИнФО извне.

Из заведующих дружественными кафедрами особенно тесные отношения у меня сложились с Борисом Васильевичем Личманом (обосновавшим своеобразную методологию преподавания истории), Ириной Васильевной Котляревской (женщиной столько же обаятельной, сколь и умной; коллекционером – в отличие от меня собирающей колокольчики), Всеволодом Васиьевичем Семененко (человеком, с которым у нас почти совпадает судьба в УПИ, да и юбилеи – почти рядом и одинаковые!), Ольгой Иосифовной Ган...

Особые контакты у меня сложились с Гуманитарным университетом, где я работал и работаю практически с момента основания и где меня к 15-летию университета избрали – по инициативе его ректора – Льва Абрамовича Закса (человека в подлинном смысле интеллигентного) Почетным профессором.

Мои научные контакты сводили меня со многими видными советскими и российскими социологами. Прежде всего это – Валерий Андреевич Мансуров, многие годы – президент Российского общества социологов. Поражает и привлекает его отзывчивость, заинтересованность в развитии территориальных отделений РОС. Валерий Андреевич не только сам участвовал практически во всех Уральских со-

циологических чтениях, Когановских и Файнбургских социологических чтениях. В его выступлениях содержалась новая информация о событиях в социологическом мире, им была присуща озабоченность о судьбах социологии в нашей стране. Его статья в данном сборнике и участие в XIX Уральских социологических чтениях – продолжение этой линии.

Столь же плодотворно и наше сотрудничество с Жаном Терентьевичем Тощенко. На протяжении многих лет мы всегда ощущали его поддержку уральским социологам. Эта поддержка – и организационная (вспомним хотя бы «уральский» номер «Социса»), и – что особенно важно – теоретическая. Жану Терентьевичу удается в последние годы инициировать весьма плодотворные идеи, реализация которых обогащает социологическую науку – парадоксальный человек, социология жизни и – вот сейчас – имитация (мы посчитали правоммерным опубликовать в нашем сборнике эту – по многим параметрам прорывную – статью Ж. Т. Тощенко).

Примечательная ситуация в социологической науке России последних лет – постоянно возрастающая интегративная роль Института социологии РАН. Во многом это связано с проведением общедеревальных исследований. Результатам одного из них – «о русской (российской) мечте» – посвящена статья акад. М. К. Горшкова, публикуемая в нашем сборнике.

И еще о двух статьях сборника хотелось бы сказать. Прежде всего это размышления о семье Зарэтхан Хаджи-Мурзаевны Саралиевой. Наши связи с Нижегородским госуниверситетом многолетние. Я участвовал почти во всех ежегодно проводимых в ННГУ конференциях по разнообразным проблемам социальной политики. Привлекает меня в этом человеке – сочетание оптимизма, душевности, развитое чувство собственного достоинства и организованность. Поразительно, лишь несколько раз увидев мою жену, Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна испытывает к ней симпатию (и пользуется взаимностью). Кстати, и я, познакомившись с ее супругом, попал под обаяние этого интереснейшего человека.

Наконец, очень хотелось, чтобы в моем юбилейном сборнике была представлена Зинаида Тихоновна Голенкова. Мои встречи с ней на конференциях (особенно часто – в Тюмени) убедили меня в том, что она – самая веселая среди профессиональных социологов и самая профессиональная среди веселых социологов.

Любое перечисление – всегда ограничено. Оно не может – из-за недостатка места – охватить всех и, одновременно, оно может кого-то из неупомянутых обидеть. Поэтому и не буду продолжать перечислять всех, с кем мне довелось (посчастливилось!) встретиться на своем жизненном, творческом, педагогическом пути. Просто выражу им всем свои слова признательности, уважения и любви. Да, любви, используя постоянный тост моего лучшего друга Валеры Шапко: «Любовью на любовь».

Хочу высказать слова любви и признательности своим студентам и аспирантам. Счастье любого педагога немыслимо без сотрудничества и взаимопонимания с теми, кого он учит и – не побоюсь этого слова сегодня – воспитывает. Да, воспитывает: потому что, чтобы я не преподавал за эти годы – историю, философию, эстетику, социологию, социальный менеджмент, стратегический менеджмент, социальные технологии, социологию молодежи и семьи, «пиар» и, возможно, что-то еще – всегда руководствовался принципом «не навреди»!

Как писала моя бывшая аспирантка А. Коробейникова:

Хочу, чтоб всем всего и много,
Чтоб в новом веке или дне
Была надежда на поддержку
В науке, жизни и везде.

Этим горячим стремлением, «чтоб всем всего и много», этой оптимистической надеждой «на поддержку в науке, жизни и везде» и хотелось бы закончить введение.

М. М. Акулич, М. В. Батырева

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВА
ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ УСЛУГИ
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛЬЕМ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ
И МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ»

В Тюменской области в течение двух последних лет проводится мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг (рук. проекта проф. Акулич М. М.)¹. В процессе мониторинга в 2011 г. опрошено 500 получателей по 12 услугам, в 2012 г. – 1000 получателей по 20 услугам. В данной статье мы рассмотрим результаты социологического исследования по одной из услуг – «Обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов» (мониторинг 2012 г.).

В рамках мониторинга по анализируемой услуге было опрошено 48 ее потребителей (5 % от общего числа опрошенных в ходе мониторинга по всем услугам). Кроме того, данную услугу планируют получить в ближайшие полгода еще 42 респондента (4 % от общего числа опрошенных в ходе мониторинга). При построении выборочной совокупности учтены пол, возраст и образование респондентов. Что касается уровня материальной обеспеченности респондентов, то в соответствующем вопросе им предлагалось соотнести материальное положение их семей с одной из пяти смысловых категорий, каждой из которых соответствует определенный уровень обеспеченности². Большая часть респондентов склонны оценивать свое материальное положение как выше среднего (44 %) или среднее (27 %). 19 % опрошенных потребителей оценили материальное положение

¹ Мониторинг проведен по заказу ГАУ «Информационно-аналитический центр Тюменской области». В мониторинге приняли участие Н. В. Мальцева, Е. А. Любимова, А. А. Чернышев, В. Н. Фальков, Г. Н. Чеботарев, Е. С. Гайдаржи, другие преподаватели, аспиранты и студенты ТюмГУ.

² *Высокий* – «Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие покупки – машину, квартиру, дачу и многое другое».

Выше среднего – «Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи».

Средний – «Денег хватает на продукты и на одежду, но покупка товаров длительного пользования является для нас проблемой».

Ниже среднего – «На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения».

Низкий – «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты».

своей семьи «ниже среднего», а 2 % – как высокое. Доля респондентов с низким уровнем материальной обеспеченности составила – 2 %. 4 % опрошенных потребителей затруднились ответить на этот вопрос.

В ходе исследования было выявлено, в какие именно организации обращались респонденты за получением услуги. Большинству респондентов, обращавшихся за получением той или иной государственной (муниципальной) услуги, удалось получить ее в той организации, в которую они обратились изначально. Об этом свидетельствует тот факт, что на вопрос «Направляли ли Вас сотрудники данной организации для получения услуги в другую организацию?» большинство опрошенных (94 %) ответили отрицательно. Ответ на вопрос о том, в какие именно организации респонденты были перенаправлены, был получен от 3 человек, указавших в качестве ее Департамент жилищной политики.

Далее анализ удовлетворенности потребителей процессом оказания услуги произведем согласно такой логике: сначала рассмотрим процесс подготовки потребителя к получению услуги; затем – непосредственно процесс обращения за ней (в том числе удовлетворенность условиями получения услуги); и наконец – результат получения услуги.

При обращении гражданина за получением любой муниципальной услуги исключительное значение имеет процесс подготовки к обращению, который осуществляется на практике через получение потенциальным потребителем информации о порядке предоставления услуги и подготовку пакета документов, необходимых для получения услуги. В связи с этим респондентам был задан ряд вопросов, позволяющих оценить, насколько эффективно организован процесс информирования потребителей о порядке предоставления муниципальных услуг. Благодаря этому удалось выявить основные источники получения необходимой информации, доступность и полноту этой информации, а также временные затраты потребителей на подготовку к обращению за муниципальной услугой.

Данные мониторинга свидетельствуют: большинство опрошенных (67 %) предпочитают получать информацию лично и из первоисточника – во время личной консультации со специалистом (в среднем по выборке – 56 %). Некоторые респонденты предпочитают посещать учреждение, предоставляющее услугу, только после предварительного получения информации о порядке предоставления услуги по телефону

(13 %) или в сети Интернет (10 %). Лишь 4 % респондентов указали, что получили информацию через официальный запрос. 3 человека получили информацию о порядке предоставления услуги из иных источников (2 человека – от знакомых и 1 человек – от третьих лиц).

В ходе проведенного опроса был изучен вопрос о времени, которое потратили респонденты на сбор пакета документов, необходимых для получения государственной или муниципальной услуги. Сбор документов, необходимых для получения муниципальных услуг, как правило, не занимает много времени у потребителей, но в случае анализируемой услуги это оказалось не так. Сбор документов, необходимых для получения данной услуги, занимает у ее потенциальных потребителей достаточно много времени. Так, в течение недели собрать весь пакет документов удалось 46 % опрошенных по данной услуге (доля ниже, чем в среднем по выборке – 67 %). От недели до месяца собирали необходимый для получения услуги пакет документов 27 % опрошенных (в среднем по выборке такое время тратит 21 % опрошенных). Более месяца собирали документы 27 % опрошенных потребителей анализируемой услуги (в среднем по выборке – 11 % опрошенных). Все это позволяет сделать вывод о том, что сбор документов, необходимых для получения анализируемой услуги, занимает у ее потенциальных потребителей времени больше, чем по многим другим услугам, включенным в выборку.

Что касается вопроса о доступности информации о пакете документов, необходимых для получения муниципальной услуги, то в ходе проведенного исследования было выявлено, что большинство респондентов оценили доступность информации относительно невысоко. Лишь 23 % опрошенных отметили, что фактически смогли найти понятные ответы на все свои вопросы. Кроме того, довольно высокой (4 балла) оказалась оценка еще 46 % опрошенных. Тем самым суммарная доля респондентов, оценивших доступность информации о необходимом для получения услуги пакете документов, как отличную и хорошую, составила 69 % (в среднем по выборке 79 %). Отрицательные оценки (2 балла) дали по этому показателю 8 % опрошенных (в среднем по выборке 5 %), оценку «1 балл» дали всего – 2 % опрошенных. 19 % опрошенных предпочли дать среднюю оценку доступности информации о пакете документов. 2 % опрошенных не дали ответа на этот вопрос. Тем самым доступность информации о пакете документов, необходимых для получения анализируемой ус-

луги, ниже, чем в среднем по выборке. Подтверждает данный факт и то, что средняя оценка потребителями анализируемой услуги доступности информации о пакете документов, необходимых для ее получения, составила 3,80 балла, что заметно ниже средней по выборке оценки – 4,2 балла.

Значительная часть опрошенных (58 %) не могли отметить, есть ли информация о порядке получения анализируемой услуги в Интернете, поскольку не интересовались данным вопросом (доля выше, чем в среднем по выборке – 52 %). Уверены в том, что информация об услуге есть в Интернете – 23 % опрошенных (доля несколько ниже, чем в среднем по выборке – 32 %). Лишь 6 % опрошенных указали на то, что в сети Интернет информации о необходимом для получения услуги пакете документов им найти не удалось, а 12 % респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

В целом респонденты дали не очень высокие оценки полезности сайтов учреждений, в которые они обращались за получением тех или иных услуг: доля положительных оценок («4» + «5») превышает долю отрицательных («1» + «2») – 44 % против 25 %, но не столь значительно, как в среднем по выборке. Средняя оценка доступности сайта оказалась на уровне заметно ниже среднего по выборке – 3,31 балла (в среднем по выборке – 3,94 балла).

При обращении за услугой довольно часто респондентам бывает необходима справочная информация. Именно поэтому респондентам был задан вопрос о том, предлагалась ли им такая информация. Более половины респондентов (63 %) отметили, что им была предложена вся необходимая справочная информация по оказанию услуги (в среднем по выборке – 73 %). 21 % опрошенных по услуге указали на то, что справочная информация им представлена не была (в среднем по выборке – 13 %), и 16 % опрошенных отметили, что у них не было потребности в подобной информации.

Отметим также, что предлагаемая получателям услуги справочная информация может иметь разный характер, отличаться разной степенью полноты и доступности. Кроме того, в большинстве учреждений вся необходимая справочная информация доводится до получателей услуги посредством информационных стендов. Респонденты в целом довольно высоко оценивают доступность и полноту информации на стендах в местах оказания государственных и муниципальных услуг: суммарная доля положительных оценок («информация

вполне доступная и полная» + «информация скорее доступная и полная, чем нет») составила 75 %, тогда как суммарная доля отрицательных («информация скорее недоступная и неполная» + «информация совершенно недоступная и неполная») – 8 % (в среднем по выборке – 78 % против 7 %). Можно отметить также, что 10 % опрошенных не смогли дать оценку, поскольку им стенды при получении услуги просто не понадобились (в среднем по выборке – 14 %). Кроме того, 4 % опрошенных указали на то, что в учреждении, куда они обращались за получением услуги, стенды просто отсутствовали. В целом можно отметить, что доступность и полнота информации на стендах в учреждениях, оказывающих анализируемую услугу, оценивается ее потребителями немного ниже, чем в среднем по выборке.

Для получения большинства муниципальных услуг потребителям приходится заполнять различные бланки заявлений. В ходе исследования респондентам было предложено оценить, насколько доступным являются те бланки заявлений, которые им приходилось заполнять при обращении за получением муниципальной услуги. Исследование показало, что для подавляющего большинства потребителей анализируемой муниципальной услуги бланки, которые приходится заполнять при обращении за получением услуги, вполне понятны: суммарная доля положительных оценок доступности бланка («вполне доступный» + «скорее доступный, чем нет») значительно преобладает над суммарной долей отрицательных оценок («скорее недоступный» + «совершенно недоступный») – 92 % против 6 % (в среднем по выборке – 92 % против 5 %).

Процесс оказания анализируемой услуги изложен в соответствующем Регламенте, который предписывает при оказании услуги соблюдать определенные требования к ее доступности, комфортности получения по различным показателям, квалификации сотрудников, оказывающих услугу, срокам оказания и т. п. В ходе исследования респондентам был задан ряд вопросов, позволяющих проконтролировать, насколько четко соблюдаются требования Регламента. Для удобства восприятия анализируемых данных параграф поделен на подпункты в соответствии с блоками вопросов в анкете, в которых освещены вопросы доступности услуги, комфортности ее получения, уровня квалификации и поведения сотрудников, предоставляющих услугу потребителям, а также финансовых затрат потребителей на получение услуги.

В ходе изучения доступности муниципальной услуги потребителям, а также комфортности ее получения была произведена оценка по ряду параметров услуги, описанных в соответствующем Регламенте. При этом были оценены: территориальная доступность учреждения, удобство его расположения; организация записи на оказание услуги; организация информирования потребителей услуги; общая комфортность условий приема посетителей; комфортность условий приема по отдельным составляющим (удобство зала для посетителей, наличие необходимой информации, наличие системы пропусков для посетителей, электронной системы управления очередью, гардероба, туалета для посетителей, копировально-множительной техники, лифта, время ожидания при подаче и получении документов, время приема у должностных лиц).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что далеко не все учреждения, оказывающие муниципальную услугу, являются территориально доступными для потребителей. Для большинства опрошенных потребителей анализируемой услуги учреждения, которые ее оказывают, скорее доступны, чем нет. Об этом свидетельствует тот факт, что 44 % опрошенных потребителей услуги ответили, что она скорее доступна, чем нет. Суммарная доля положительных оценок территориальной доступности («максимально доступно» + «относительно доступно») выше суммарной доли оценок отрицательных («скорее недоступно» + «совершенно недоступно») – 36 % против 21 % (среднее по выборке их соотношение – 60 % против 39 %). Тем самым можно сделать вывод о несколько меньшей, по сравнению со средней по выборке, территориальной доступности учреждений, оказывающих анализируемую услугу.

В подавляющем большинстве случаев учреждения, оказывающие услугу, довольно легко найти, поскольку на входе в здания имеются таблички с указанием их наименования. Так, 88 % опрошенных потребителей услуг утвердительно ответили на вопрос о наличии на здании таблички с наименованием учреждения (в среднем по выборке – 86 %), а еще 8 % опрошенных просто не обратили внимания на то, есть ли она, очевидно, и без таблички зная, где можно получить желаемую услугу.

Доступность учреждения, безусловно, предполагает и то, что оно не должно располагаться в здании высоко, с тем, чтобы лица с ограниченными возможностями также могли получить необходимую

им муниципальную услугу. Более чем в половине случаев места оказания услуг являются максимально доступными – 56 % опрошенных указали, что учреждение, в котором им оказывалась услуга, расположено на первом этаже (в среднем по выборке аналогичная доля выше – 66 %). Кроме того, 15 % респондентов получили необходимую им услугу в учреждении, располагающемся на втором этаже здания. В учреждениях, располагающихся выше второго этажа, получили анализируемую услугу 21 % опрошенных. 8 % респондентов не дали ответа на этот вопрос.

Менее половины учреждений, оказывающих анализируемую услугу, работает, используя систему предварительной записи посетителей. На наличие предварительной записи в учреждениях, оказывающих анализируемую муниципальную услугу, указали 46 % опрошенных (показатель заметно ниже, чем в среднем по выборке – 60 %). При этом 17 % опрошенных указали, что запись позволила им получить услугу в тот же день, а 27 % опрошенных – в течение 2–3 дней. На отсутствие возможности получить услугу по предварительной записи указали 25 % респондентов (доля намного выше, чем в среднем по выборке, 12 %), а 29 % опрошенных сослались на то, что просто не знают, предоставляется ли подобная возможность учреждением, оказывающим услугу.

В ходе исследования также была проанализирована комфортность условий предоставления услуги для потребителей. Положительные оценки комфортности условий приема посетителей в целом преобладают над отрицательными. В частности, суммарная доля положительных оценок («5» + «4») составляет 50 %, тогда как суммарная доля оценок отрицательных («1» + «2») – 19 % (в среднем по выборке – 77 % против 5 %). Кроме того, еще 31 % респондентов предпочли дать среднюю оценку условий комфортности приема посетителей. Но комфортность условий приема посетителей по анализируемой услуге ниже, чем в среднем по выборке. Подтверждается данный факт и тем, что средняя оценка комфортности условий приема посетителей по анализируемой услуге составила 3,41 балла (намного ниже, чем средняя по выборке оценка – 4,10 балла).

Комфортность условий приема посетителей фактически складывается из комфортности для них отдельных составляющих: безопасность учреждения, продолжительность ожидания приема, наличие зала для приема посетителей, табличек, позволяющих ориентироваться

в учреждении, и бейджей у специалистов; информация о графике работы; наличие лифта; организованной электронной очереди; гардероба и туалета, доступных для посетителей. Все эти показатели были проанализированы в ходе исследования.

Что касается безопасности пребывания в учреждении, то в целях ее обеспечения во многих учреждениях вводится система пропусков для посетителей, которая, с одной стороны, безусловно, способствует тому, что в здания не проникают нежелательные посетители, но с другой стороны, нередко раздражает самих потребителей услуг, поскольку приводит к дополнительным затратам времени. В ходе исследования было изучено отношение потребителей к организации системы пропусков в тех учреждениях, в которые они обращались за муниципальной услугой. Большая часть респондентов (69 %) отметила, что системы пропусков в учреждениях, оказывающих услугу, отсутствуют (доля выше, чем в среднем по выборке – 65 %). На наличие системы пропусков в учреждении указали всего 4 % опрошенных, 2 % указали, что процедура оформления пропусков не занимает много времени и соответственно не вызывает отторжения. Интересно также, что 27 % респондентов не обратили внимания на то, существует ли в учреждении система пропусков.

В большей части учреждений, куда обращались потребители за получением муниципальной услуги, существуют специальные залы для посетителей, ожидающих приема. В большинстве учреждений, где оказываются анализируемые услуги, необходимые требования к залам для приема посетителей соблюдаются: на наличие зала для посетителей, ожидающих приема, указали 71 % опрошенных (доля заметно ниже, чем в среднем по выборке – 86 %).

Для потребителей услуг, безусловно, значение имеет не только само по себе наличие зала для ожидания, но и его удобство, наличие мест для ожидания. В связи с этим респондентам был задан дополнительный вопрос, позволяющий оценить комфортность условий ожидания. Опрос показал, что только немногим более половины опрошенных вполне удовлетворены условиями приема в учреждениях, оказывающих муниципальную услугу: 40% опрошенных отметили, что условия максимально комфортны, в зале есть свободные удобные сидячие места для посетителей, а еще 16 % – что условия в целом комфортны, сидения есть, но большая их часть занята. Таким образом, суммарная доля положительных оценок комфортности составила

56 % (замечто ниже, чем в среднем по выборке – 76 %). Абсолютно отрицательные оценки комфортности условий ожидания дали 21 % респондентов, указавших, что зона для посетителей в учреждениях, в которые они обращались, выделена не была, в результате чего документы пришлось заполнять «на коленке», а ожидать приема стоя (в среднем по выборке – 7 %). Тем самым, можно заключить, что опрошенные по услуге респонденты оценили комфортность залов для посетителей значительно ниже, чем в среднем по выборке.

При сборе необходимого для получения муниципальной услуги пакета документов у потребителей нередко возникает необходимость осуществлять ксерокопирование. В данном случае отсутствие в самом месте оказания услуги копировально-множительной техники может привести к снижению комфортности условий ее получения. Именно поэтому в числе других показателей комфортности было изучено наличие копировально-множительной техники в учреждениях, оказывающих муниципальную услугу.

Исследование показало, что копировально-множительная техника имеется далеко не во всех учреждениях, оказывающих муниципальную услугу: бесплатно воспользоваться ксероксом смогли лишь 10 % опрошенных (доля ниже, чем в среднем по выборке – 26 %), еще 15 % имели возможность воспользоваться им за плату (в среднем по выборке – 8 %). Кроме того, 17 % опрошенных указали на то, что ксерокс в учреждении, куда они обращались за услугой, был, но воспользоваться им не было возможности (им пользуются только сотрудники или он сломан). На отсутствие в учреждении ксерокса указали 23 % опрошенных, а более трети респондентов (35 %) сослались на то, что не знают, есть ли в учреждении ксерокс, поскольку им он для получения услуги не потребовался (в среднем по выборке – 43 %).

В ходе мониторинга так же проанализированы другие компоненты комфортности условий приема. В большинстве учреждений, оказывающих анализируемую муниципальную услугу, потребителям достаточно легко сориентироваться – 92 % опрошенных отметили, что на дверях кабинетов в учреждениях, куда они обращались, имеются таблички, информирующие о должностях и компетенциях сотрудников (в среднем по выборке – 83 % опрошенных). 88 % опрошенных указали на наличие информации о графике работы учреждения и порядке приема посетителей специалистами (в среднем по выборке – 87 %).

Во многих случаях и у самих специалистов имелись в наличии нагрудные бейджи или информационные таблички на столах с указанием ФИО и должности – на их наличие указали 65 % опрошенных (в среднем по выборке – 62 %). Возможность воспользоваться лифтом предоставлялась потребителям анализируемой услуги реже, чем в среднем по выборке (4 % против 22 %). Наличие в учреждении доступного для посетителей туалета отметили 77 % опрошенных, гардероба – 63 % (в среднем по выборке – 69 % и 50 % соответственно). Кроме того, в числе обследованных по анализируемой услуге, по сравнению с другими услугами, оказалось значительно меньше учреждений, оборудованных современными системами электронных очередей – на их наличие указали 2 % потребителей анализируемой муниципальной услуги (в среднем по выборке – 8 %). Тем самым комфортность анализируемой услуги только по части показателей выше, чем в среднем по выборке или близка к ней.

Немаловажной характеристикой комфортности получения услуги является время, затрачиваемое потребителями услуг на ожидание приема при подаче документов, прием специалистом, а также получение документов в результате оказания услуги.

Исследование показало, что время ожидания потребителей в очереди при подаче документов значительно варьирует. Более половины опрошенных (61 %) затратило на ожидание в очереди при подаче документов не более получаса (доля заметно ниже, чем в среднем по выборке – 85 %), причем только 19 % опрошенных ждали не более 15 минут. Еще 6 % опрошенных пришлось ожидать в очереди от 30 до 40 минут (в среднем по выборке – 5 %). Более 40 минут ожидали 4 % опрошенных потребителей анализируемой услуги в очереди при сдаче документов (в среднем по выборке более 40 минут ожидали 10 % опрошенных). Следует отметить, что 12 % респондентов ответили, что ожидали от 1 до 2 часов, а еще 17 % опрошенных вообще более 2 часов. Тем самым, в целом можно заключить, что время ожидания в очереди при подаче документов у потребителей анализируемой услуги оказалось более длительным, чем в среднем по выборке.

Требования к предельному времени ожидания в очереди при подаче документов, предусмотренные регламентом оказания анализируемой услуги (30 минут), соблюдены в данном случае в отношении 61 % потребителей.

Получение документов, как правило, оказывается более скоро-

течной процедурой, нежели их подача. При получении документов как результата оказания муниципальной услуги 63 % потребителей затратили на ожидание в очереди не более получаса (в среднем по выборке – 82 %), причем 50 % опрошенных ждали не более 15 минут (в среднем по выборке – 67 %). Более часа при получении документов пришлось ждать 15 % опрошенных. Требования к предельному времени ожидания в очереди при получении документов, предусмотренные регламентом оказания анализируемой услуги (15 минут), соблюдены в данном случае в отношении 40 % потребителей.

В целом можно заключить, что потребители анализируемой услуги ожидают в очереди, как при подаче, так и при получении документов, больше по времени, чем потребители некоторых других услуг, включенных в выборку.

Непосредственный прием у должностных лиц, как правило, не занимает много времени. Более половины опрошенных (54 %) провели на приеме у должностного лица при получении муниципальной услуги не более 15 минут (в среднем по выборке – 63 %), еще 35 % – не более получаса (в среднем по выборке – 31 %) и 6 % – более 30 минут (в среднем по выборке – 4 %). Можно отметить, что прием у специалистов занимает у потребителей анализируемой услуги по времени больше, чем в среднем по выборке.

Продолжительность приема посетителей, согласно регламенту оказания услуги, составляет 10 минут. Следовательно, требования регламента в данном случае соблюдены в отношении 27 % потребителей.

В более чем половине случаев потребителям удается подать документы на получение услуги с первого раза, необходимости в получении дополнительной информации не возникает. Однако нельзя не отметить, что более трети опрошенных потребителей услуги (38 %) отметили, что в процессе получения услуги возникла необходимость получения дополнительной информации (в среднем по выборке аналогичная доля составила 19 %). При этом сбор этой дополнительной информации не был слишком затруднителен для более чем половины: 50 % указали, что сбор дополнительной информации занял 1 день; 17 % – потратили 2–3 дня; 11 % – не более недели; 6 % – от 1 до 2 недель; 5 % – от 2 недель до месяца; 11 % – от 1 до 2 месяцев. Большинство респондентов не столкнулось и с дополнительными, ранее не заявленными требованиями к получению услуги, – только 17 % опрошенных по услуге указали, что им пришлось выполнить какие-либо из-

начально незаявленные требования для ее получения.

При этом устранение недостатков документации, как правило, занимало больше времени у потенциального потребителя анализируемой услуги, по сравнению со средними по выборке результатами. Так, среди респондентов, давших ответ на вопрос о потраченном на устранение недостатков документации времени, за 1 день собрали необходимые документы 13 % опрошенных (в среднем по выборке – 29 %); не более недели – 50 % (в среднем по выборке – 45 %); менее месяца – 12 % (в среднем по выборке – 13 %).

Удовлетворенность населения качеством предоставления муниципальной услуги в значительной степени зависит от того, насколько квалифицированы и как ведут себя сотрудники, непосредственно задействованные в процессе ее оказания. В связи с этим в ходе исследования потребителям услуги был задан ряд вопросов, в которых предлагалось оценить уровень квалификации и поведение сотрудников, участвующих в оказании анализируемых услуг. Прежде всего респондентам было предложено оценить поведение чиновников во время работы по предоставлению муниципальной услуги. Три четверти опрошенных (75 %) поведение чиновников при оказании муниципальной услуги оценили как соответствующее ситуации, рабочим, они не отвлекаются во время работы на посторонние разговоры (в среднем по выборке аналогичная доля выше – 83 %). Доля респондентов, отметивших, что при оказании услуги сотрудники отвлекались на нерабочие дела и темы разговоров, оказалась сравнительно высокой – 15 % против среднего по выборке значения 10 %. Уровень квалификации работников, участвующих в оказании муниципальной услуги, участники исследования оценили достаточно высоко. Так, 29 % опрошенных по услуге оценили квалификацию работников, участвующих в оказании муниципальной услуги, максимально высоко. Суммарная доля положительных оценок («4» + «5») составила 67 % (в среднем по выборке – 84 %), тогда как суммарная доля отрицательных («1»+«2») всего 2 % (в среднем по выборке 4 %). Кроме того, 29 % респондентов дали оценку обслуживающим его специалистам на «3» балла. Средний балл оценки уровня квалификации работников, оказывающих муниципальную услугу, составил, таким образом, 3,87 балла (заметно ниже, чем в среднем по выборке – 4,31 балла).

Конфликты с потребителями услуги возникают у специалистов, оказывающих муниципальную услугу, нечасто. В большинстве слу-

чаев (94 %) у респондентов не возникало конфликтов с сотрудниками, задействованными в процессе оказания государственной (муниципальной) услуги. Так, лишь 4 % опрошенных указали на то, что у них возникли конфликты со специалистами, связанные с оказанием услуги (в среднем по выборке – 7 %), еще 2 % – на то, что у них возникали конфликты с сотрудниками, не связанные с оказанием услуги (в среднем по выборке – 2 %).

На вопрос: «Обращались ли вы с жалобой на сотрудников, чья работа не позволила/затруднила получение требуемой услуги?» отвечали только те респонденты, у которых возникали конфликты с сотрудниками учреждения, оказывающего муниципальную услугу: дали ответ 3 человека, из которых только 1 обращался с жалобой.

Анализируемая муниципальная услуга является для потребителей бесплатной. Тем не менее нередко при обращении за различными услугами граждане вынуждены нести определенные расходы, связанные с необходимостью осуществления копирования документов, обращением к нотариусу для заверения копий документов, а также с обращением к различным посредническим организациям, оказывающим услуги по подготовке необходимого комплекта документов и т. п. Вполне понятно, что удовлетворенность потребителей зависит в том числе и от того объема финансовых затрат, которые они вынуждены понести в связи с обращением за получением той или иной услуги. Именно поэтому респондентам задавался ряд вопросов, позволяющих оценить те затраты, которые они понесли в связи с получением ими муниципальных услуг. При ответе на вопрос: «Оцените сумму финансовых средств, официально затраченных на получение муниципальной услуги» 42 % ответили, что получили услугу абсолютно бесплатно. 19 % опрошенных указали в качестве своих затрат суммы в пределах 190 руб.; 4 % – от 191 до 1000 руб.; 15 % опрошенных затратили при получении услуги от 1001 до 2000 руб.; 18 % – от 2001 до 5000 руб.; 2 % – от 5001 до 30 000 рублей. Средняя сумма официально затраченных средств на одного потребителя составила в результате 1589 руб. (выше, чем в среднем по выборке – 585 руб.).

Три четверти опрошенных (75 %) указали также, что им не пришлось осуществлять каких-либо неофициальных (не подтвержденных документально) затрат на оказание муниципальных услуг (в среднем по выборке – 82 %). Среди опрошенных не оказалось тех, кто был принужден к подобному платежу невозможностью получить услугу

иначе. Лишь 2 % опрошенных потребителей прибегли к неформальному платежу фактически по собственной инициативе, поскольку для них это сделало более комфортным ее получение. Интересно также и то, что 23 % опрошенных вообще отказались отвечать на данный вопрос. Неофициальные затраты на получение муниципальной услуги имел 1 человек, указавший сумму 500 рублей.

Решающее значение в оценках потребителями качества предоставления им муниципальных услуг имеет, безусловно, конечный результат их получения. В связи с этим респондентам был задан ряд вопросов, касающихся результата обращения за услугой, сроков ее предоставления, соблюдения сотрудниками учреждений, оказывающими услугу, всех требований, а также общего впечатления от процесса предоставления услуги и проблем, с которыми они столкнулись в ходе данного процесса.

Прежде всего респондентам был задан вопрос о том, как именно они получили информацию о стадии рассмотрения их обращения за муниципальной услугой. Большинство опрошенных потребителей услуг (69 %) предпочитают получать информацию о стадии рассмотрения своего обращения посредством личного (или через представителя) обращения в оказывающее услугу учреждение (в среднем по выборке – 69 %). 8 % опрошенных получали информацию по почте (в среднем по выборке – 13 %); 15 % респондентов ответили, что не могут сказать ничего об источнике информации, поскольку еще не получали результата. 6 % респондентов вообще не дали ответа на этот вопрос. Кроме того, 1 респондент предложил собственный вариант ответа на вопрос: «по телефону».

Половина опрошенных респондентов хорошо осведомлена о той последовательности действий, которые должны соблюдать специалисты при оказании муниципальной услуги, и способна судить о том, соблюдается ли эта последовательность. Так, 46 % опрошенных по услуге указали, что вся необходимая последовательность действий в отношении них была соблюдена (доля ниже, чем в среднем по выборке – 70 %); 4 % – что не соблюдена. В то же время 48 % опрошенных (доля заметно выше, чем в среднем по выборке – 23 %) не смогли вынести суждения по этому поводу, сославшись на то, что не имеют информации о предписанной при оказании муниципальной услуги последовательности действий.

Небольшой части опрошенных по услуге (40 %) удалось сдать

пакет документов с первого раза (доля намного ниже, чем в среднем по выборке – 72 %); еще 31 % опрошенных – со второго; 23 % – с третьего. Доля респондентов, которые предприняли бы более чем 3 попытки сдать документы, составила 4 %. 2 % респондентов не дали ответа на этот вопрос. С фактом отказа в предоставлении услуги сталкивались 15 %, при этом большинство из них исправили недочеты и обратились за получением услуги повторно.

Удовлетворенность потребителей качеством предоставленных им муниципальных услуг отражает их общее впечатление от процедуры оказания услуги, также изученное в ходе проведения исследования. В большинстве случаев сроки предоставления муниципальной услуги являются довольно длительными. Только 6 % опрошенных получили желаемую муниципальную услугу в день обращения за ней (в среднем по выборке – 25 %). У 15 % опрошенных срок получения услуги составил не более недели. У 8% опрошенных срок от первичного обращения за услугой до ее фактического получения составил от недели до 2 недель, у 10 % опрошенных срок получения услуги составил от 2 недель до месяца, у 6 % опрошенных – 1–2 месяца (в среднем по выборке – 10 %). Суммарная доля респондентов, у которых процесс получения услуги составил более 2 месяцев, составила 15 % (в среднем по выборке – 13 %).

В целом по результатам исследования более половины респондентов получили положительные впечатления от процесса оказания им муниципальной услуги. В частности, комфортной сочли пройденную процедуру 61 % (суммарная доля респондентов, давших оценки «4» и «5»), тогда как некомфортной – 18 % (суммарная доля респондентов, давших оценки «1» и «2»). Кроме того, 15 % опрошенных оценили общее впечатление от оказания услуги на 3 балла. Среднее по выборке распределение суммарных долей положительных и отрицательных оценок – 76 % против 5 %. Следовательно, общее впечатление от процедуры получения анализируемой услуги заметно хуже, чем среднее по выборке. Данный вывод подтверждается и тем, что средняя оценка общих впечатлений от процедуры оказания услуги составила при этом 3,55 балла (заметно ниже, чем в среднем по выборке – 4,17 балла). Эта оценка занимает предпоследнее место в рейтинге средних оценок впечатлений по анализируемым двадцати услугам.

Применение подобных балльных показателей для оценки отдельных характеристик позволяет использовать в исследованиях обобщенные индексные показатели. Инструментарий, подготовленный на двух

первых этапах мониторинга, не позволяет нам пока реализовать это в полном объеме. Тем не менее считаем возможным расчет средней оценки доступности и качества каждой услуги по тем показателям доступности и качества, которые в ходе данного этапа мониторинга оценивались респондентами в баллах, а именно: доступность информации о пакете документов, необходимых для получения услуги; комфортность условий ведения приема посетителей; уровень квалификации работников; общее впечатление от процедуры оказания услуги. В среднем по выборке средняя оценка доступности и качества услуг составила 4,2 балла, по анализируемой услуге она оказалась немного выше среднего по выборке значения – 3,69 балла (предпоследнее место в рейтинге оценок доступности и качества всех услуг. Тем самым можно заключить, что доступность и качество анализируемой услуги находятся на невысоком уровне.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются потребители, – долгое ожидание в очередях (отметили 49 % опрошенных), некомфортные условия оказания услуги (46 %), завышенные сроки ее оказания (31 %). Заметно реже сталкиваются потребители услуги с проблемами нерасторопности специалистов, оказывающих услугу, а также низким уровнем их квалификации. Кроме того, респондентами были названы и другие проблемы, с которыми они столкнулись в процессе получения услуги: «отсутствие специалиста, работающего с бумагами, который бы собирал их по порядку, как в перечне» (1 человек), «чувство игнорирования обращения» (1 человек).

Возможно, что именно наличие комплекса проблем, связанных с получением муниципальной услуги, приводит к тому, что далеко не все респонденты уверены в том, что в ближайшем будущем произойдут какие-либо улучшения в области их качества и доступности. Более четверти опрошенных (27 %) выразили уверенность в том, что в ближайшее время произойдут улучшения в сфере доступности и качества анализируемой услуги (в среднем по выборке – 44 %). 52 % опрошенных высказали сомнения в том, что подобные улучшения возможны (в среднем по выборке – 42 %), а 10 % опрошенных убеждены, что улучшений в сфере доступности и качества услуг определенно не будет (в среднем по выборке – 9 %).

Рассматриваемая услуга относится к одной из наиболее значимых и востребованных для населения. В этой связи результаты мониторинга могут быть успешно использованы как в практике деятельности органов управления, так и в научных целях.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В РАБОТАХ УРАЛЬСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Уральская школа социологии дала богатые традиции изучения самых разных актуальных проблем общества – молодежи, культуры, образования, труда, профессии. Чувствительная не только к самым актуальным, но одновременно и к фундаментальным вопросам жизни, она не могла обойти стороной такую проблему, как социальное время. Внимание к ней было обусловлено не только в целом уровнем уральской социологической науки, но и таким фактором, как многогранность личности ее основателя – Льва Наумовича Когана, который, будучи одновременно философом, социологом, культурологом, не мог не обратиться к одной из самых междисциплинарных тем – социальному времени.

Пожалуй, самый глубокий развернутый анализ этой темы Л. Н. Коган дал в книге «Вечность»¹. Хотя книга посвящена прежде всего проблеме Вечности, тем не менее это книга и о времени, поскольку сущность Вечности и Времени определяется им через соотнесение с их друг с другом. В ней показано, как исторически развивались представления о времени (мифологическом, эпическом, средневековом) и формировалась диалектическая взаимосвязь категорий времени и вечности.

Важной является его идея о том, что время и вечность связаны между собой посредством двух противоположных явлений – преходящего и непреходящего в жизни человека. «Вечность, – писал Л. Н. Коган, – то, что объединяет «круги» развития, сближает их, она – постоянное, *инвариантное*, непреходящее в непрерывной смене таких «кругов» и состояний»². Иначе говоря, вечное – это то, что остается неизменным во времени, при любых социальных изменениях и трансформациях: это вечные ценности (любви, дома, творчества, свободы); это социальная память народа (которую Коган называл спасением Вечности); это общечеловеческие принципы и нормы культуры. Все они составляют моменты вечности в повседневной жизни человека³.

¹ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург : УрГУ, 1994.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 86–87.

Благодаря наличию непреходящего, вечного в культуре осуществляется преемственность между поколениями и эпохами. Преемственность означает, по Л. Н. Когану, не просто повторение старого или механическое «наслаивание» нового на неизменное. Она означает включение или растворение старого в новом: «Непреходящее возрождается со смертью старого в новом и этим обеспечивает единую цепь развития, живую преемственность в отрицании»¹.

Эта идея проходит «красной нитью» через всю книгу и получает особое звучание в связи с идеями синергетики. Преемственность обеспечивает присутствие вечного в жизни каждого поколения людей и позволяет сохранить равновесие в культуре и обществе как динамических системах. Время же связывается Л. Н. Коганом с неравновесностью: «Только неравновесие дает возможность появиться стреле времени; в состоянии равновесия она невозможна»². Это высказывание, на наш взгляд, может служить важным методологическим основанием для дальнейшего социологического анализа социального времени, но, к сожалению, не получило последующего развития в книге «Вечность». Л. Н. Коган ставит проблему познания Вечности и Времени и обосновывает возможность не только рационального, но и интуитивного и эмоционального способов их познания. Отталкиваясь от его мнения о том, что у человека есть *чувство Вечности*, которое существует на эмоциональном уровне, можно говорить и об эмоциональном уровне существования *чувства Времени*. Не случайно он говорит о чувстве страха перед временем, а источник его видит в главном противоречии человека – «между его абсолютной и вечной сущностью и преходящим, временным существованием»³.

Л. Н. Коган был человеком, жившим на грани веков и остро чувствовавшим происходящие и грядущие перемены, кардинально поменявшие облик культуры и общества в XXI в., в том числе характеристики его социального времени. При этом он с опасением говорил об убыстрении темпов социальной жизни, уплотнении единицы времени, ускорении и без того быстротечной жизни человека. Он отмечал парадоксальность ситуации, когда более длительная по срокам жизнь кажется современным людям более короткой, чем прадедам⁴, и носталь-

¹ Коган Л. Н. Указ. соч. С. 57.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 82.

гировал по временам, когда люди могли себе позволить «созерцание». «Между тем в такие именно часы созерцания и происходит то накопление впечатлений и наблюдений, совершается та незаметная для нас самих работа мысли, без которой невозможно творчество»¹. По его мнению, ситуация, когда «нет времени у человека для Вечности» (Н. А. Бердяев), неминуемо ведет к дегуманизации личности². Последнее высказывание явно перекликается с тем, что будут констатировать в начале XXI в. социологи. Так, С. А. Кравченко, описывая сложность современного социума, отмечает: «...человечество подошло к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями»³.

Уфимские культурологи В. Л. Бенин и Е. Д. Жукова используют для описания хаотичности, спонтанности социализации личности в современных условиях информационно-коммуникативной среды понятие «мозаичной культуры». Данный тип культуры является следствием «темпорального вакуума», который образуется из-за высокой скорости образования страт, не способных создать устойчивые, интегрированные системы ценностей. Они пишут: «Мозаичная культура разрушила традиционные гуманитарные формы социализации и инкультурации, основанные на линейной логике внутридисциплинарных причинно-следственных связей. Если основным принципом традиционной гуманитарной формы культурной трансляции знаний является упорядочивание понятий, то мозаичная культура как бы «выплескивает» в культурное информационное поле их случайную совокупность»⁴.

В работах Л. Н. Когана переплетены философские, социологические и культурологические основы анализа социального времени. Многогранность личности Л. Н. Когана проявилась, например, в философском исследовании художественного времени, отраженного на страницах бессмертных произведений У. Шекспира, Ф. Достоевского,

¹ Коган Л. Н. Указ. соч. С. 139.

² Там же.

³ Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: матер. IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. [Электронный ресурс]. М. : РОС, 2012. С. 106.

⁴ Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 5. М. : Владос, 2007. С. 164–175. [Электронный ресурс]. URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854.

М. Булгакова, в музыкальных произведениях¹. «Социологичность» его понимания социального времени на теоретическом уровне отражается в утверждении связи времени и характера деятельности человека (наполнении времени делами и поступками); значении субъективного восприятия времени, в частности, возраста человека; определении каждого этапа жизни человека как времени освоения и выполнения тех или иных социальных ролей². На уровне конкретных социологических исследований Коган предлагал использовать анализ затрат времени на культурную деятельность в общей структуре бюджета времени личности, группы и общества в целом как надежный индикатор уровня развития культуры³.

Отдельного внимания заслуживает социологическая разработка в его книгах категории актуальной культуры. «Актуальная культура, – пишет он, – прежде всего – временное (и в определенной мере пространственное) понятие ... Образно говоря, это понятие помогает отделить «живую», находящуюся в реальном обращении культуру от культуры «мертвой» или «не востребованной» в данный период»⁴. То, как структурирует актуальную культуру Л. Н. Коган, говорит о том, что в ней как раз и соединяются вечное и временное, вечность и время. К первому, вечному, слою культуры относятся общечеловеческие, непреходящие ценности и национальная классика. Ко второму – явления «культурного потока», быстро сменяющие друг друга, но в то же время способные время от времени «оседать» в слое «вечности».

Проблема актуальной культуры стала предметом исследований другого замечательного представителя Уральской школы социологии – В. Т. Шапко. Он рассматривал культуру с позиций не только статического подхода (как ее особый вид), но и с точки зрения темпоральных характеристик: «Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, как ее *временная константа*. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие традиций и новаторства, пре-

¹ Коган Л. Н. *Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира*. Челябинск : ЧИРПО, 1996. С. 96–102; Коган Л. Н. *В четвертом измерении: Философские идеи русской философии*. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994. С. 173–190.

² Коган Л. Н. *Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира*. Челябинск : ЧИРПО, 1996. С. 97–99.

³ Коган Л. Н. *Социология культуры*. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. С. 13.

⁴ Там же. С. 63.

емственности и изменений»¹. Актуальная культура, таким образом, представляет собой своеобразное «сито», производящее селекцию ценностей, норм и других элементов культуры во времени: одни элементы «воскрешаются», другие подлежат забвению, третьи создаются в ответ на потребности сегодняшнего дня. Образно представить актуальную культуру можно как «машину времени» с особым механизмом: если обычная «машина времени» переносит героев в определенный период будущего, прошлого или возвращает в настоящее, то описываемая нами «машина времени» «перетаскивает» в настоящее элементы прошлого или воображаемого будущего и приводит их в соответствие с актуальными потребностями современного общества.

Уральский социолог отмечал то же самое качество культуры, формирующееся в условиях постмодернизма, на которое указывал и Л. Н. Коган. Речь идет об усложнении и ускорении темпов жизни, которые как лакмусовая бумага проявляют границы человеческих возможностей в освоении ценностей культуры. «Применительно к личности, – пишет В. Т. Шапко, – актуальная культура есть выражение драматического противоречия – между абстрактной возможностью человека распределить любые ценности культуры в любом количестве и реальной возможностью осуществлять это в весьма узких количественных границах. Если учесть многочисленность явлений культуры, которое уже есть и продолжает стремительно увеличиваться, становится ясно: реально человек может освоить лишь мизерную часть их. В отношениях личности и культуры имеется противоречие и на качественном уровне – между принципиальной возможностью сколь угодно глубоко и всесторонне осваивать любые – сложные, непреходящие, вечные – ценности культуры и реальными возможностями конкретного человека»².

В совместной статье, написанной 10 лет назад (в 2003 г.), Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко поставили очень важную для социологии времени проблему социальной инерции³. Они обратили внимание на то, что это явление имеет не только дисфункции, но и функциональное значение. Среди нескольких определений понятия

¹ Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социс. 1997. № 10. С. 94.

² Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социс. 1997. № 10. С. 101.

³ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. 2003. № 4 (24).

«социальная инерция» авторы выделили следующее: «Социальная инерция – постепенное, медленное изменение движения, определяемое массой движущегося объекта (являющейся мерой инерции) и связанное с временным характером процессов (в течение определенного времени)»¹. Временной характер социальной инерции проявляется в связи со спецификой социального сознания, отражающего и оценивающего явления в течение определенного периода времени. Любая деятельность или событие имеют тот или иной «вес» или «массу» (значимость, масштабы влияния на различные стороны социальной жизни, глубину «следа»), благодаря которому они впечатываются в общественное сознание и хранятся в социальной памяти. Функциональный анализ социальной инерции позволил Ю. Р. Вишневскому и В. Т. Шапко утверждать, что инерционные процессы обеспечивают действие механизмов преемственности, социальной памяти и традиций; задают обществу историческую логику и устойчивость развития; обеспечивают постоянство и воспроизводство взаимодействия социальных групп, общностей, в том числе поколений². Позитивный смысл социальной инерции возможен благодаря единству инерции покоя и инерции изменения. Эта идея о двустороннем характере описываемого явления (сочетание инерции покоя и инерции изменения) хорошо укладывается в логику современного социологического анализа социального времени.

Уральская школа социологии складывалась в советскую эпоху, когда многие темы были табуированы или могли быть прочитаны только «между строк». К таким темам, безусловно, относилось и социальное время, теоретический анализ которого был возможен в социальной философии, но не в социологии. И тем не менее в 1974 г. намного раньше, чем увидели свет работы Л. Н. Когана, вышла книга Г. Е. Зборовского «Пространство и время как формы социального бытия». Это была одна из первых работ советского периода, в которой был проведен глубокий философско-социологический анализ категории социального времени с позиций не только объективного, но и субъективного подходов (за что книга была отнесена к категории

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Указ. соч. С. 22.

² Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. 2003. № 4 (24). С. 31.

крамольных)¹. Автор отмечал, что, наряду с реальным (физическим) временем, существует перцептуальное и концептуальное время, существующие в сознании людей и отличающиеся по своим свойствам от физического: «В представлениях, воображении часто происходят временные и пространственные смещения, которые свидетельствуют о подсознательном «уплотнении» либо «разрежении», «ускорении» или «замедлении» и т. д. пространства и времени»². Насколько это было возможно в известных идеологических условиях, в книге были показаны различные свойства и проявления социального времени, протекающего не вне, а *внутри человека*.

Особый пласт исследований социального времени в рамках Уральской школы социологии сложился благодаря активному изучению проблемы свободного времени и досуга, осуществленного прежде всего Г. Е. Зборовским и Г. П. Орловым. Необходимо заметить, что в этом направлении исследований социального времени ведущим уральским социологам удалось в полной мере показать возможности социологического метода исследования социального времени, а также соединить теоретический и эмпирический уровни его социологического анализа, рассмотреть наиболее широко категорию социального времени и производные от нее понятия рабочего времени, вне рабочего времени, времени досуга, свободного времени³.

Следуя принципам социологического подхода, Г. П. Орлов поставил проблему субъекта социального времени: «...в общественных науках исследователи оперируют категорией времени, не ссылаясь в каждом конкретном случае на определенные события, безотносительно к ним. В теоретическом анализе это допустимо с целью более пристального внимания именно к самой форме бытия. Но здесь нас подстерегают опасности «бессубъектности» в понимании времени. Вдруг обнаружилось, что у времени как будто нет «субъект-носителя», своего рода «хозяина времени»⁴. Г. Е. Зборовский пред-

¹ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: Изд-во «Уральский рабочий», 1974.

² Зборовский Г. Е. Пространство и время... С. 29.

³ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Проблемы свободного времени в марксистской и буржуазной социологии. Свердловск : Ср.-Урал. книжное издательство, 1970; Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.

⁴ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.

ложил следующий ответ на поставленную проблему: в каждую эпоху, в любом обществе для отдельных классов и социальных групп формируется свой стиль, образ использования времени, соответствующий задачам производства, классовым потребностям и установкам.

Сложившиеся к рубежу XX и XXI вв. традиции Уральской школы социологии потребовали более глубокого развития проблемы свободного времени во взаимосвязи с понятием культуры. Этот важный методологический принцип лежит в основе всех прикладных исследований социального времени, проведенных уральскими социологами за прошедшие десятилетия. Многие из них были посвящены вопросам культуры использования свободного времени представителями различных социальных групп – молодыми уральскими рабочими, учителями, учащимися профтехучилищ.

Безусловно, книги, написанные в 1970–1980-е гг., не могли обойти марксистскую теорию и методологию. Однако многие положения Маркса, касающиеся социального времени, и сделанные на их основе разработки уральских социологов сегодня по-прежнему актуальны и ценны. Нельзя не согласиться с мнением Г. П. Орлова, который отмечал, что свободное время, в отличие от рабочего времени, может быть использовано для усвоения и унаследования культуры и «возвышенной деятельности»¹, что это единственный способ полного развития и реализации сущностных сил человека.

По-прежнему актуальна идея социального ритма, определяемого соотношением рабочего и свободного времени. Социальный ритм как характеристика социального времени общества, с точки зрения Г. П. Орлова, отражает насыщенность определенной единицы рабочего и свободного времени социальными действиями, имеет множество градаций, уровней и форм².

На теоретическом уровне проблема взаимосвязи досуга и культуры была поднята в работах Г. Е. Зборовского, прежде всего в книге «Социология культуры и досуга», которая была издана в 2006 г.³ «Свободное время, – пишет исследователь, – это пространство культурной деятельности, условие, форма и способ ее осуществления. Как правило, возможность такой деятельности связана с наличием време-

¹ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 58.

² Там же. С. 60.

³ Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. М. : Альтекс, 2006.

ни, свободного от непреложных дел и заполненного определенным культурным содержанием»¹. Взаимосвязь свободного времени, досуга и культуры по необходимости интегрирует, по его мнению, две самостоятельные отрасли социологической науки – социологию досуга и социологию культуры. В практическом же плане возникает необходимость возвращения к исследованию данной темы, «забытой» в трудные для российской социологии постперестроечные годы.

Сегодня вновь актуализирована проблема социального времени – и в связи с институционализацией социологии времени, и в связи с реальными процессами изменения свойств социального времени в современном обществе, и в связи с тем, что в условиях быстротекущей, нестабильной действительности все настойчивее возникает необходимость «созерцания» времени как фундаментальной, вечной проблемы, дающей возможность обретения устойчивых оснований жизнедеятельности. В связи с этим обращение к опыту исследования проблемы социального времени, накопленному уральскими социологами, кажется необходимым и своевременным.

А. Г. Антипов

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Острейшей и актуальнейшей проблемой в развитии современного общества, в том числе образования, является его гуманизация и гуманитаризация. Почти трехлетнее обсуждение в нашей стране проекта нового федерального закона «Об образовании» ярко высветило их значимость для социума и развития личности.

Гуманизация и гуманитаризация образования хотя и не тождественные понятия, но очень близкие по своей сути. Гуманизация образования заключается не столько в утверждении человечности в отношениях между субъектами этого процесса. Гуманизация образования – это и ориентация на общечеловеческие ценности: совесть, честь, порядочность, долг, ответственность, справедливость, сочувствие, милосердие и т. п. Без духовного движения все остальные успехи

¹ Зборовский Г. Е. Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социс. 2006. № 12. С. 58.

не способны удовлетворить глубинную потребность в человечности. При этом социальные ценности эффективны только тогда, когда они опираются не на внешнее принуждение, а на нравственный авторитет общества и нравственное совершенство людей.

Гуманитаризация не есть простое механическое сложение профессиональных знаний и умений с гуманитарной культурой и культурой в целом. Гуманитаризация – это проникновение гуманитарной культуры в содержание не только общественных, но и технических, и естественных наук, в профессиональную деятельность всех без исключения специалистов, в том числе крайне актуально ее проникновение в быт, повседневную жизнь людей.

Под гуманитарной культурой мы понимаем все, что связано с социальной и духовной жизнью отдельного человека, группы и общества в целом. Гуманитарная образованность – это не просто какой-то освоенный объем гуманитарных знаний, но и навыки, и приемы работы с этими знаниями, их производство и воспроизводство. Какие функции выполняет гуманитарная образованность?

Во-первых, она способствует большей открытости людей, формирует нравственность и толерантное отношение к разным мнениям, за исключением расистских, фашистских и т. п., активизирует деятельность интеллекта.

Во-вторых, гуманитарная образованность является основой духовности людей, которая характеризуется внутренней культурой, возвышенностью мыслей, желаний, благородной мотивацией поступков. Она помогает преодолеть разобщенность людей, которая ведет к крайне негативным социальным последствиям.

В-третьих, гуманитарная образованность, по словам Ф. М. Достоевского, облегчает освоение любой профессии. Это чрезвычайно важно для тех профессионалов, деятельность которых нагружена функциями общения и управления людьми.

Необходимость усиления гуманизации и гуманитаризации учебно-воспитательного процесса в любой образовательной структуре, начиная с детского садика и заканчивая системой повышения квалификации, объясняется рядом причин.

Во-первых, как в нашей стране, так и в мире в целом, идет повсеместный рост бездуховности и жестокости. Эти социальные болезни – результат воздействия многих факторов общественного, технического, политического, культурного, психологического порядка. В не-

малой степени сказываются и нерешенные проблемы воспитания, наличие авторитарных традиций и методов в системе образования и воспитания. Отечественные учебные заведения все еще выпускают в основном узких специалистов с «плоскостным» типом мышления, т. е. способных работать только в одном узком направлении и видеть свои задачи вне общих проблем. Отсюда и беды с экологией, и с культурой, и с экономикой, и политикой, и социальной сферой.

Во-вторых, повышенный интерес к гуманизации и гуманитаризации образования обусловлен растущей «бесчеловечностью» научно-технических достижений, увеличением доли риска обратить эти достижения против самого человека.

В-третьих, без опережающего интеллектуального, нравственного, духовного развития человека невозможно ни успешное овладение современными профессиями, ни высокопроизводительный труд, ни развитие личности, ни устойчивое развитие современного общества. Духовное обнищание народа чревато его экономическим крахом. Поэтому гуманизация и гуманитаризация – это две важные и тесно взаимосвязанные стороны единого образовательного и воспитательного процесса, без учета которых невозможно коренное обновление всей системы образования и общества.

Однако процесс образования сложен и внутренне противоречив. Эта противоречивость кроется преимущественно в двух типах культур: технической и гуманитарной. Противоположные черты этих культур формируют разные типы сознания и мышления, стиль поведения, профессиональную этику и т. п. Научно-технический прогресс способствует распространению стандартизации, массовости, стереотипности вещей, изделий, явлений, социальных норм, ценностей, мыслей, чувств. Гуманитарная составляющая науки – напротив стремится сохранить индивидуальную неповторимость того или иного явления, процесса.

Хорошо известно, что научно-технический прогресс несет не только позитивные, но и серьезные негативные социальные последствия, в том числе по отношению к гуманитарной составляющей образования. Так, еще в конце 1950-х гг. известный французский социолог и педагог Ж. Фридман по этому поводу писал: «Головокружительное развитие науки и техники оказывает губительное, разлагающее влияние на интеллект, притупляет критическое мышление, инициативу, чувство ответственности... Одно из наиболее эффективных противо-

ядий должно состоять в том, чтобы дать молодому человеку, прежде чем он придет на производство, такую техническую и гуманитарную подготовку, развить и укрепить в нем такие качества, которые позволяют ему сопротивляться этому отрицательному влиянию. Не должна ли педагогика в наиболее широком смысле этого термина сказать свое слово перед лицом этого грозного вызова, брошенного человеку XX века»¹. Это положение тем более актуально в XXI в.

Сегодняшние реалии таковы, что технические знания человечества опережают его моральное развитие, и в руках полудикарей оказываются новейшие виды оружия. Отсюда и появление такой глобальной проблемы, как терроризм. Но это только одна сторона проблемы, преимущественно явная. Но есть и скрытая, не менее опасная для человечества. Так, по мнению Э. Фромма, один из самых простых и очевидных признаков современного индустриального человека заключается в том, что его больше не интересуют другие люди, природа, все живое. Исходя из этого он делает вывод: когда страсть к техническим устройствам заменяет подлинный интерес к жизни, создаются условия для формирования некрофильской, деструктивной ориентации, проявляющейся в отказе от нравственно-гуманистического взаимодействия во всех сферах жизни. «Другой» как живое существо, как партнер по жизненному пространству перестает быть ценностью².

Во многом сходную точку зрения выразил А. Тоффлер, назвав современное общество «обществом одноразовых стаканов», а человека этого общества – «модульным человеком»³, подчеркнув тем самым коренное изменение психологии личности в новых индустриальных условиях. Эти условия диктуют изменение традиционной схемы общения, ориентированной на стабильность, долговременность, преданность, верность, – взаимодействие человека и техники подлежит оценке не в нравственных категориях, а в терминах рациональности и полезности.

Помимо противоречия гуманитарной и технической культур в обществе и образовании существуют и другие, не менее острые. К сожалению, мало кто из исследователей и политиков обращает внимание на острейшее противоречие между рыночными отноше-

¹ *Цит. по:* Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Дымарская О. Я., Чередниченко Г. А. Социально-гуманитарное образование: ориентации, практики, ресурсы совершенствования. М. : ЦСП, 2006. С. 15.

² Фромм Э. Антология человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994. С. 294.

³ Тоффлер А. Футурошок. СПб. : Лань, 1997. С. 40, 72.

ниями и нравственностью, важнейшей составной частью гуманности. Об этом противоречии, как справедливо пишет известный российский писатель М. Веллер, «...у нас категорически не хотят говорить. *Хороший человек и рыночные отношения – это два очень трудносовместимых понятия.* Хороший человек это тот, кто берет меньше, а дает больше. Сущность же рынка, напротив, в том, чтобы меньше дать, а *больше взять.* Поэтому каждый выбирает для себя, как жить, и успешный в рынке во все времена пытался спасти душу, отдав другим хоть часть от своего большего». И далее он высказал еще одно важное положение: «Нравственность бизнеса и нравственность общества неизбежно должны начинаться с нравственности власти»¹.

Одним из путей преодоления противоречия между рыночными отношениями и нравственностью может быть совершенствование законодательства и жесткий контроль за исполнением законов, всемерное развитие социального партнерства в сфере труда, повышение роли гражданского общества и его институтов, прежде всего профсоюзов. Учитывая значимость социального партнерства в развитии рыночных отношений и их гуманизации, было бы целесообразно включение в учебные планы всех вузов специального курса – «Социальное партнерство».

Обсуждение проекта федерального закона «Об образовании» высветило еще одно существенное противоречие. Суть его состоит в том, что государство по своей природе обычно ориентируется на единообразие, унификацию всего, в том числе образования, тогда как общество ориентируется на дифференциацию, более полный учет специфики социальных субъектов образования. Нельзя не обратить внимание и еще на одну существенную проблему. В ходе очередного реформирования системы высшего образования был взят курс на не во всем продуманное закрытие и объединение целого ряда вузов как неэффективных. Были предприняты меры по сокращению гуманитарной составляющей высшего образования, что не могло не вызвать негативную реакцию вузовской общественности².

В связи с ориентацией общества на модернизацию и инновационное развитие чрезвычайно важно не допустить противоречия меж-

¹ Веллер М. Скидка на миллион // Российская газета. 2009. 25 марта.

² Наиболее показательным в этом плане Заявление Ученого совета филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова о критическом состоянии гуманитарного образования (Новая газета. 2012. 28 ноября).

ду требованиями преемственности и инновационными устремлениями. Есть и другие проблемы и противоречия, способные затормозить гуманизацию и гуманитаризацию общества и образования. К ним можно отнести следующие: отсутствие у большинства молодежи потребности в глубоком овладении гуманитарной культурой; медленно и противоречиво идет демократизация образования; низким остается престиж преподавателей.

Все разговоры о необходимости повышения качества образования и повышения эффективности системы образования так и останутся разговорами, если не произойдет реального повышения престижа преподавательского труда. Пока ситуация такова, что в течение последних двух десятков лет в ходе различных реформ она мало в чем изменилась в лучшую сторону, а скорее всего даже ухудшилась.

Государственная власть и ее структуры, осуществляющие образовательную политику, явно недооценивают значение гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Подтверждением тому является постепенное вытеснение из учебного процесса целого ряда предметов этого направления, сокращение часов на их изучения и т. п. Социологические опросы свидетельствуют, что многие будущие инженеры, несмотря на широкомасштабную гуманитарную подготовку, осуществляемую в современных технических университетах, не преодолели технократический снобизм, десятилетиями утверждавшийся в массовом сознании. Каждый второй из опрошенных убежден, что главное качество будущего специалиста – узкий профессионализм, а общекультурная подготовка должна осуществляться на факультативных началах. Права известная белорусская писательница С. Алексиевич в том, что «самое глупое, что мы искореняем сейчас гуманитарность нашего образования. Выжить способен гуманитарный, а не рациональный человек»¹. Следует обратить внимание на то, что основа этого фундаментального положения была заложена еще в XVIII в. (!) классиком политэкономии Адамом Смитом. Он стремился взглянуть на человека с трех сторон: с позиции морали и нравственности, с гражданских и государственных позиций, только затем – с экономических позиций.

Глубинные причины нынешнего продолжающегося мирового финансового кризиса лежат преимущественно не в экономической, а

¹ Цит. по: Юферова Я. Прямая речь // Российская газета. 2008. 30 мая.

социальной и в гуманитарной сферах. Поэтому преодолеть этот кризис невозможно, игнорируя значимость этих сфер.

В нашем обществе не сформировался культ знаний и учебы как творческого процесса, не разработана целостная модель гуманитаризации и гуманизации образования, отсутствуют или слабо внедряются соответствующие социально-педагогические технологии инновационного типа. Роль последних трудно переоценить. Социально-педагогические технологии инновационного типа – это своеобразные методы социального управления. С их помощью модель гуманитарного образования становится более восприимчивой к потребностям и нуждам, интересам актёров учебного процесса. Отсутствие или недостаток таких технологий приводит к тому, что даже самые современные и эффективные концепции гуманитарного образования остаются простыми декларациями. Их создание и внедрение в практику актуальная задача не только для России, но и для так называемых цивилизованных стран. Это подтверждает всеобщий кризис системы образования, который наблюдается не только в нашей стране, но и в современном мире в целом.

Особо следует подчеркнуть, что гуманизация и гуманитаризация образования не может быть качественной только в рамках системы образования. Образование – важный социальный институт. Но нельзя на нем заикливаться, что сейчас мы наблюдаем в нашем обществе. В гуманизации и гуманитаризации образования велика роль социальной среды. Свою лепту в дегуманизацию вносят российские СМИ и журналисты, властная элита.

Социальная среда в нашей стране в настоящее время крайне неблагоприятна. В чем это проявляется? Выделим только некоторые характерные ее признаки.

Современное общество требует иной культуры, иного отношения бизнеса и государства к человеку. В цивилизованном обществе бизнес – это прежде всего не прибыль, а забота о человеке, его развитии. У нас, как образно выразился В. В. Путин, бизнес «жадничает». Надо признать, что и государство «жадничает». В том числе жадничает на здоровье человека, на образовании, на развитии физической культуры, культуры вообще. Из-за недофинансирования образования, культуры, науки происходит массовое обесценивание человеческого капитала.

Тормозит процесс гуманизации бизнеса и недостаток высоко-

профессиональных специалистов, предпринимателей и социально ответственных чиновников в органах власти. В стране по разным оценкам от 200 до 500 тыс. «липовых» выпускников вузов и десятки тысяч кандидатов и докторов. Многие из них принимают управленческие решения большой государственной значимости. Когда у малообразованного чиновника появляется власть, это становится опасно для общества, конкретных людей. В этом состоит и одна из причин высокого уровня коррупции в стране.

Российская социальная среда высоко криминализована. Гуманность и криминал антиподы. О высоком уровне криминализованности частично свидетельствуют такие данные: только за период с 1992 по 2007 гг. в стране было осуждено 15 млн. человек (почти 15 % взрослого населения России), или почти каждый четвертый мужчина¹. Национальным бедствием является пьянство, курение и наркотики, особенно распространившиеся в молодежной среде, в том числе среди детей. Социологические исследования и официальная статистика указывают на рост агрессии в российском обществе.

Высокий уровень преступности, в том числе в виде коррупции, наносит не только огромный экономический вред, но и нравственный. Сегодня у определенной части элиты, чиновников всех уровней желание иметь много денег переросло в страсть. Во многом этим можно объяснить достаточно высокий уровень мотивации части молодежи получить должность во властных структурах и возросший конкурс в вузы на специальность «государственное и муниципальное управление». Эта страсть опасна для общества. Она деформирует общечеловеческие нормы и ценности, провоцирует рост социальной напряженности и конфликтности в социуме. Во многом по этой причине достаточно высокий уровень отчужденности граждан от власти всех уровней.

Ситуацию усугубляет образовавшийся разрыв между бедными и богатыми. За последние два десятка лет он не только не снижается, но даже растет. Этот разрыв многие политики и ученые называют запредельным. Хорошо известно, что российские бедные принципиально отличаются от малоимущих из западных стран. У нас это в большинстве своем люди со средним или высшим профессиональным образованием, тогда как в развитых странах люди с высшим образованием бедными бывают крайне редко и уж точно не представляют со-

¹ Российская газета. 2008. 10 октября.

бой «массовое социальное явление», в том числе в системе образования. Во многом по этой причине из университетов «вымывается» наиболее профессиональный, креативный состав преподавателей.

Самое страшное в этой ситуации заключается в том, что становится все больше людей, которые уже не хотят работать, особенно много таких среди молодежи. Замечено, что если полгода человек не работает, он теряет интерес к труду. Идет нравственное и духовное разложение человека и общества. Об этом красноречиво говорит такая статистика: из всех отправленных за решетку в 2006 г. более полумиллиона человек нигде не работало¹. И это в условиях так называемого дефицита рабочих рук (!).

Выросло целое поколение молодых людей, которое уверено, что нравственность и высокие духовные ценности только мешают человеку в жизни. Частичным подтверждением тому является социологическое исследование, проведенное нами в прошлом году среди студентов восьми вузов (филиалов) г. Перми по специальной анкете: «Ваше мнение о духовно-нравственных ценностях». Выборка составила 641 человек².

На вопрос о том, кому легче живется в нашем обществе, какими личностными и социальными качествами должен обладать сегодня человек, желающий чего-то добиться в своей жизни, по мнению опрошенных, такими людьми, в первую очередь, являются государственные чиновники (так думает более половины опрошенных – 55 %), олигархи (47 %), люди пробивные (47 %), инициативные (25 %), бессовестные и ханжи (23 %). О том, что легко в нашей стране жить честным и порядочным, считает лишь 4 % респондентов, трудолюбивым – 14 % опрошенных. Значительно больше тех, кто назвал успешными людьми карьеристов (20 %), людей высокопрофессиональных (19 %). Еще 15 % считают, что проще жить в России тем, кто игнорирует профессиональную этику, правила и законы.

В условиях кризиса гуманитарная составляющая приобретает не менее важное значение, чем экономика. В формировании гуманистической среды большую роль играет прозрачность власти, ее заинтересованность в честном, открытом диалоге с населением по наиболее

¹ Куликов В. Нежелательный элемент // Российская газета. 2007. 26 января.

² Антипьев А. Г., Захаров Н. Н., Маркова Ю. В. Жизненные и духовно-нравственные ценности современного студенчества (по материалам социологического исследования). Пермь : Прикамский социальный институт, 2012.

острым вопросам общественного развития, в том числе по образованию. Но чаще всего этот демократический принцип в нашем обществе игнорируется. Справедливо отмечает академик Г. Месяц: «к сожалению, многое в образовании происходит спонтанно, неожиданно, без участия самих участников образовательного и научного процесса»¹. «В управлении образованием на местах, – пишет В. А. Мейдер, – господствует административный волюнтаризм, игнорирующий специфику «мира образования», законы его функционирования»². И повинна в этом не только власть, но и сами граждане, не проявляющие свою активность. Причин такой пассивности много. Одна из них имеет глубокий исторический характер – страх. Несколько поколений в нашей стране прожило в страхе и приучилось ко лжи, двойной морали, двойным стандартам жизни.

Особую опасность для общества для гуманитарной среды представляет дезинформация, идущая от власти. На одном из заседаний Госсовета В. Путин вынужден был специально остановиться на проблеме «надувательства». «Не будет никакого развития, – подчеркнул он, – если мы людей надувать будем...»³ Конечно, давая объективную информацию гражданам, ведя честный диалог с ними, власти труднее будет работать, но результаты будут эффективнее, потому что к власти будет доверие, а значит и реальная поддержка с «низов» в ходе проведения реформ будет обеспечена. Это чрезвычайно важно для нашей страны. Пока такой широкой поддержки нет. В этом, бесспорно, одна из главных причин такого положения, что ни одна из проводимых в стране реформ не дала положительного результата. Люди имеют смутное представление о проводимых мероприятиях и не участвуют в них. Современные реалии, к сожалению, пока таковы, что «российская политика согласно традиционной шкале оценок представляет собой театрализацию, замешанную на экономическом интересе и крови. Игровой момент и лицедейство, – пишет известный российский социолог Н. Е. Покровский, – превалируют над осталь-

¹ Вузовские вести. 2005. № 24.

² Мейдер В. А. О свободе и ответственности в управлении образованием// Alma mater (Вестник высшей школы). 2009. № 1. С. 10.

³ *Цит. по:* Костиков В. Гордыня, алчность, гнев // Аргументы и факты. 2008. № 12. С. 5.

ными характеристиками»¹. Политика в нашей стране во многом потеряла духовное измерение.

Сегодня российское общество, к сожалению, подошло к такому состоянию, что впервые за 20 лет реформ глава государства в своем Послании Федеральному собранию (12.12.2012) заявил, что «в начале XXI в. мы столкнулись с настоящей демографической и *ценностной катастрофой*»². Такое заявление вселяет некоторую уверенность в том, что власть, осознав всю пагубность этой катастрофы для российского общества, не на словах, а на деле займется решением этой острой проблемы. Свою роль в ее решении могло бы сыграть научное социологическое сообщество, прежде всего Институт социологии РАН. Судя по последним Всероссийским социологическим конгрессам, выступлениям руководства Института, а также других ведущих социологов страны, они готовы принять активное участие в решении этой сложнейшей проблемы³. Привлечь их и поддержать должно государство. Пока же оно, судя по многим фактам, не торопится делать такой шаг, в том числе не привлекает социологов к проведению *гуманитарной экспертизы* в сфере реформирования образования. Впрочем, в таком виде экспертизы нуждаются и другие осуществляемые государственной и муниципальной властью реформы.

В заключение можно сделать вывод о том, что гуманизация и гуманитаризация образования в нашем обществе является чрезвычайно острой проблемой и она должна решаться не только, даже, скорее, не столько системой образования, несмотря на всю ее значимость, сколько социальной средой, властью, общественностью, самим человеком, включенным в социум. Только при комплексном подходе можно добиться существенных результатов и преодолеть катастрофу ценностей, в которой оказалось «архаичное» российское общество со всеми присущими ему социальными и духовно-нравственными пороками⁴.

¹ Покровский Н. Е. Российское общество на путях глобализации // Человек и современный мир. М. : ИНФРА-М., 2002. С. 30.

² Здесь не лишне напомнить, что катастрофа – греческое слово. Оно означает – конец, гибель – внезапное бедствие, влекущее за собой тяжелые последствия.

³ Например: Интервью академика М. Горшкова (Добрынина Е. Предел погрешности // Российская газета. 2012. 14 ноября).

⁴ См.: Антипьев А. Г. Российское общество: пути модернизации и инновации // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 5; его же. Модернизация «архаичного» общества: состояние и проблемы // Научный вестник УрАГС. 2010. Вып. 13.

А. П. Багирова

РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Мотивация родительского труда, стратегия и тактика регулирования репродуктивных установок населения в Уральском регионе»), проект № 12-03-00073а.

Тенденция депопуляции российского населения, усугубляющаяся – в силу разных причин – снижением качества человеческого капитала заставляет научное сообщество разрабатывать новые механизмы, направленные на улучшение ситуации в этой сфере. Методологической основой одного из возможных подходов является принципиально новое рассмотрение деятельности по рождению и воспитанию детей как особого вида родительского труда.

С социологической точки зрения этот вид труда представляет собой социальный институт, основная функция которого состоит в упорядочении деятельности участников трудового процесса и сведении их к предсказуемым образцам трудового поведения, формируемым на основе общественных потребностей в результатах этого труда. В узком же смысле социологическое понимание родительского труда заключается в его определении как деятельности родителей и других субъектов родительского труда, направленной на физическое, социальное, психическое развитие детей, человеческий капитал которых рассматривается в качестве ее результата. Родительский труд включает в себя процессы подготовки к рождению детей, непосредственно рождение, последующий уход, социализацию, обучение детей. Его могут осуществлять как сами родители, так и другие родственники, а также специалисты соответствующих отраслей (здравоохранение, образование, спорт и т. д.).

Особенность социологического исследования родительского труда заключается в комплексном и системном рассмотрении этого вида деятельности в качестве формы социальной жизни, социальной подсистемы, функционирование которой происходит во взаимосвязи с другими подсистемами и вписано в конкретный культурно-исторический контекст.

В качестве *объекта* исследований родительского труда в социологии следует рассматривать всю совокупность фактов, процессов и явлений, составляющих этот вид труда как объективное явление че-

ловеческой жизнедеятельности. *Предметом социологического изучения родительского труда* выступает непосредственно родительский труд как особое социальное явление, как система социальных взаимосвязей, взаимодействий и отношений, как социальный институт и социальный процесс.

Родительский труд как один из видов труда в первую очередь должен изучаться в рамках *социологии труда*. Первоочередными проблемами его исследования становятся вопросы, относящиеся к формированию и развитию мотивации этого труда, а именно:

- 1) отношение к родительскому труду субъектов этого труда;
- 2) выявление и анализ объективных и субъективных факторов, формирующих отношение к родительскому труду;
- 3) проявление отношения к родительскому труду в мотивации, поведении, оценке труда;
- 4) условия формирования мотивов родительского труда;
- 5) специфика мотивации родительского труда в разных типах семей и при различных условиях реализации родительского труда;
- 6) оценка содержания и эффективности стимулов родительского труда;
- 7) выявление и анализ взаимосвязи и характера взаимодействия мотивов и стимулов родительского труда;
- 8) формирование установок на родительский труд;
- 9) удовлетворенность процессом реализации и результатами родительского труда его субъектов.

Частично проблемы научного изучения родительского труда могут быть поставлены и решены в рамках *социологии молодежи*, которая, изучая в числе прочих проблем подготовку молодежи к браку и семейной жизни, считает одной из задач формирование у молодых готовности быть родителями, умения воспитывать детей, относиться с уважением к их личности¹.

С позиций *социологии семьи* особенности семьи как социального института проявляются при выполнении ею специфических функций: собственно репродуктивной (рождение детей), экзистенциальной (содержание детей) и социализирующей (воспитание детей). Наибольшее развитие получило изучение первой из перечисленных функций, что

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учебник. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2006. С. 349.

привело даже к выделению отдельной социологической ветви – социологии рождаемости. Данный факт неслучаен – в поле зрения социологов в первую очередь попадает начальная стадия воспроизводственного цикла, условия ее формирования. Социология семьи изучает рождаемость в категориях репродуктивного поведения, структурными элементами которого выступают, как отмечает А. И. Антонов, репродуктивные нормы и ценности; потребность в детях, репродуктивные установки и мотивы; многообразные семейные ситуации и условия жизни, способствующие либо препятствующие реализации потребности в детях; результаты репродуктивного поведения, среди которых важнейшим выступает итоговое число детей в семье¹.

Несмотря на то, что в рамках социологии семьи эти вопросы изучаются подробно, глубоко и достаточно давно, четкого понимания того, почему результаты репродуктивного поведения российского населения не соответствуют потребностям общества в их количестве и качестве, до сих пор не достигнуто. Причина этого, на наш взгляд, состоит в том, что категории репродуктивных установок и мотивов, репродуктивных норм и ценностей, являясь важнейшими факторами принятия репродуктивных решений, далеко не описывают родительское поведение, реализация которого неизбежна после рождения ребенка. Между тем родительское поведение существенно меняет жизнедеятельность личности, и ожидание этих изменений (потенциально оцениваемых будущими родителями как позитивно, так и негативно), в свою очередь, может существенно влиять на их репродуктивное поведение.

Таким образом, родительское поведение является более широкой категорией, нежели категория репродуктивного поведения, а его основная сущностная характеристика состоит в трудовом содержании, лежащем в основе этого поведения.

Действительно, родительский труд соответствует всем *критериям, отличающим трудовую деятельность* от нетрудовой, а именно:

- он связан с созиданием благ, в частности с созданием и наращиванием материальных и духовных благ. В процессе родительского труда создается человеческий капитал, который может рассматриваться в качестве блага, поскольку включает в себе полезность. В процессе использования человеческого капитала производятся другие блага, удовлетворяющие потребности людей и отвечающие их интересам,

¹ Социология семьи : учебник / под ред. А. И. Антонова. М. : ИНФРА-М, 2012. С. 359.

целям, устремлениям. При этом человеческий капитал содержит в себе элементы, которые можно отнести к благам различного вида:

а) внутренние блага – это способности, задатки как элементы человеческого капитала, которые даны человеку природой (например, голос, музыкальный слух, способность к анализу и т. д.);

б) внешние блага – это взаимоотношения личности с окружающим его социумом, которые воздействуют на человеческий капитал и преобразуют его, формируя и развивая новые мотивации и умения (например, репутация, деловые связи, протекция и т. д.).

Несмотря на то, что отдельные составляющие человеческого капитала традиционно относят к нематериальным благам, они все же не совсем лишены экономического содержания и могут иметь стоимостное выражение. В частности, при отсутствии запаса здоровья (одного из элементов человеческого капитала) невозможно полноценное использование других его элементов, что соответственно приводит к снижению доходов от его эксплуатации. Стоимость (ценность) человеческого капитала как экономического блага определяется затратами общественно необходимого труда на его формирование и развитие;

- родительский труд осознан – еще до ее начала человек прямо или опосредованно предвидит, формирует образ ее результатов;
- рассматриваемая деятельность целенаправленна и имеет своей целью формирование высокоценного человеческого капитала. Причем можно говорить об общественном и личностном уровнях этого целеполагания (с одной стороны, формирование совокупного человеческого капитала, с другой – достижение определенных статусных позиций детьми и родителями);
- родительский труд легитимен;
- родительский труд предполагает энергозатратность действий: осуществляющие ее субъекты затрачивают определенную физическую, нервную, интеллектуальную энергию;
- родительский труд относится к общественно полезной деятельности;
- наконец, родительский труд удовлетворяет потребности человека и общества, он может выступать «средством самовыражения и самоутверждения личности, реализации ее опыта, знаний, умений, интеллектуального и творческого потенциала, нравственного достоинства»¹.

¹ См.: Экономика и социология труда : учебник / под ред. А. Я. Кибанова. М. : ИНФРА-М, 2009. С. 7.

Методологические ограничения социологии семьи социологи-фамилисты уже обнаружили: «в основном исследования касаются репродуктивной стадии семейного цикла, а не завершающих стадий, когда можно было бы определить удовлетворенность родителей итогами своей социализационной деятельности. Блок результатов воспитания, так же как и блок ситуаций социализации, в большей мере представлены исследованиями девиантного, неблагополучного и даже криминального поведения»¹. Таким образом, исследования родительского труда призваны обогатить фамилистическую проблематику, открывая ей новые горизонты в исследовании малоизученных экзистенциальной и социализирующей функций семьи. Дополнение изучаемых в рамках социологии семьи репродуктивных мотивов, установок и намерений, а также репродуктивного поведения исследованием мотивов и установок на родительский труд (причем на различных стадиях его реализации) позволит расширить круг решаемых социологией задач и усовершенствовать информационную базу принятия управленческих решений в сфере семейной политики.

Практическая значимость социологического изучения родительского труда связана с тем, что в современном российском обществе перед родительским трудом и трудом профессиональным стоят не только индивидуальные, но и равнозначные по важности, глобальные общественные задачи; однако отношение общества к этим двум видам труда кардинально различается. Так, если сфера профессионального труда обеспечивает своим работникам определенный социально-экономический статус, то родительский труд считается значительно менее статусным, достойным гораздо меньшего вознаграждения (как материального, так и морального). Такое отношение в обществе к этому виду труда сформировало неудовлетворенность населения, связанную с несоответствием между его сложным содержанием и неэффективно работающей системой его стимулирования, слабой организацией и недостаточно развитыми условиями его осуществления. В свою очередь, все это сказалось и еще скажется на объеме и качестве человеческого капитала.

Социологические исследования родительского труда должны быть направлены на выявление механизмов, которые позволят сделать потребности, реализуемые посредством родительского труда, ак-

¹ Социология семьи : учебник / под ред. А. И. Антонова. М. : ИНФРА-М, 2012.

туальными для личности; определение инструментов, которые будут способствовать тому, чтобы факторы, влияющие на процесс мотивации родительского труда, «работали» в сторону усиления мотивов и формирования установок на этот вид труда.

Л. Н. Банникова

УСЛУГА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

По мере перехода общества на постиндустриальный этап развития вещи становятся интересны не сами по себе, а упакованные в профессиональные услуги. Мир вещей породил колоссальное количество услуг, без которых вещи не нужны, превращаются в бесполезный хлам, загромождающий квартиры и гаражи. Компьютер без Интернета мало функционален, автомобиль без автосервиса быстро выйдет из строя. Услуги, как и вещи, быстро устаревают. Еще вчера повсюду были автоматы с газированной водой, пункты заправки шариковых ручек, телефонные аппараты в каждом доме, специалисты в ателье по поднятию петель на чулках и т. п. Сегодня об этом даже помнят немногие.

Несмотря на важность сферы услуг в экономике, ее теоретическая концепция в России долгое время не получала своего развития и распространения. Дискуссионный характер вопроса о природе услуги, неопределенность, многозначность употребления этого термина является одной из причин того, что теория услуг, по мнению исследователей, не завершена и не имеет перспектив завершения. Чаще всего, вопросы о природе услуги как социального феномена обсуждаются экономистами, юристами, маркетологами. Принято считать, что понятие «услуга» находится на стыке двух наук – экономики и права, не имея при этом строго научного экономического или юридического содержания¹. В поле экономического дискурса услугой является целесообразная деятельность, полезный эффект труда, «услуга – это блага, предоставляемые не в виде вещей, а в форме деятельности,

¹ Ситдикова Л. Б. Теоретические основы услуг по законодательству РФ // Юридическое образование и наука. 2008. № 1. С. 28.

и само оказание услуг создает желаемый результат»¹. Услуги исследуются не только с экономической, но и с юридической точки зрения, т. е. услуга рассматривается и как правовая категория. Понятие «услуга» входило в качестве неотъемлемой части в состав древнеримского частного права и было известно как договор найма. Исследователи-юристы отмечают два интересных момента: во-первых, размытость границ, неопределенность понятия «услуга» в российском праве и, во-вторых, взаимно дополняющий, взаимосвязанный и взаимообусловленный подход к пониманию сущности этой категории в предметном поле экономистов и юристов².

Попытка рассмотреть понятие услуги в рамках социологического дискурса позволяет, на наш взгляд, проанализировать этот концепт в новых и неожиданных аспектах, скорее дополняющих, чем взаимоисключающих экономико-правовой способ понимания, выявить любопытные особенности этого феномена.

Теоретико-методологические истоки изучения услуги восходят еще к работам классиков мировой теоретической социологии. Основные идеи теории услуг разрабатывались в трудах А. Смита, К. Маркса, Ф. Хайека, Т. Парсонса, институциональных теориях индустриального и постиндустриального общества Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, О. Тоффлера. Маркс разработал одну из первых классификаций услуг, подразделяя их на услуги, воплощенные в товарах, и неосязаемые услуги, существующие отдельно от исполнителя, подчеркивая тем самым уникальную природу услуг.

Услуга – необычный продукт, в котором как в капле отражаются все особенности и изменения современного пространства экономических обменов, рынка. Термин «услуга» многозначен, с точки зрения лингвистов, это, скорее, концепт. Понятие и концепт – разные уровни классификационного анализа. Концепт есть многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона. Он включает в себя помимо рационального признака, присущего понятию, аффективные, социокультурные характеристики, социально-психологические ассоциации, что порой затрудняет анализ.

¹ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2004. С. 359.

² См.: Ситдикова Л. Б. Теоретические основы услуг по законодательству РФ // Юридическое образование и наука. 2008. № 1. С. 28–32.

Основной является проблема различения товаров и услуг. Почти во всех определениях маркетинга услуг отмечается наличие одного признака – их нематериальность. Немецкие исследователи доказали, что с экономической точки зрения такое разделение бессмысленно. Они предлагают исходить из совокупной увязки товаров и услуг¹. При этом увязка товаров и услуг различается по степени их интегрированности и нематериальности. Во внимание принимается лишь то, каковы объемы материальных и нематериальных компонентов в данной продукции и какова степень интегрированности внешних факторов в процесс производства.

Преобладающий в экономических трудах, в практической деятельности вещественный подход к пониманию услуги есть следствие отчуждения, присвоения труда. Привычное для экономиста выражение «товары и услуги» некорректно с точки зрения социолога, ибо объединяет процесс профессиональной деятельности и его продукты, вещественные и нематериальные. Владеть услугой нельзя, ибо это процесс, ее можно испытывать, оценивать. Процедура и причины такой подмены проанализированы Э. Фроммом. Процессами и действиями, по мнению Э. Фромм, владеть нельзя, их можно только испытывать. Бытие заменяется обладанием. Современный стиль речи свидетельствует о высокой степени отчуждения, «Я» как субъект переживания заменяется на объект обладания².

Услуга как деятельность по удовлетворению нужд клиентов – продукт с весомым символическим содержанием. Она может анализироваться как экономическая категория и как понятие социологии. Как экономическая категория услуга – это «ресурс, подвижный и размещаемый»³. Как понятие социологии услуга имеет двойной смысл. С одной стороны, это оценка востребованности, «полезности» действия, функции, с другой – она структурирует взаимоотношения личности и социальной системы. Отношения между личностью и социальной системой социально структурируются через услуги, «первичное функциональное отношение между взрослыми индивидами и обществами, в которых они живут, связано с тем вкладом, который они вносят посредст-

¹ См.: Ворачек Х. О состоянии «теории маркетинга услуг» // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 1.

² Фромм Э. Иметь или быть? М. : Прогресс, 1990. С. 28.

³ Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология : Антология. В 2 ч. Ч. 2. М. : Книжный дом «Университет», 2002. С. 20.

вом оказания услуг, а также тем удовлетворением и вознаграждением, которое они за это получают от общества»¹. Парсонс выносит услуги за пределы экономики или, по Парсонсу, «экономической подсистемы» общества, оставляя в этих пределах товары. Он включает услуги в «политическую подсистему», отмечая, что «отношения между личностью и социальной системой, социально структурированные через услуги, образуют базисную единицу для *политического* аспекта обществ»².

Услуга как деятельность не задана изначально, она формируется во взаимодействии участников. Ее особенность в том, что в ней процесс производства и потребления слиты воедино, что предполагает иную логику анализа в сравнении с традиционной, товарной. Безусловно, услуга – это обмен, но серьезно отличающийся от традиционной модели экономических обменов. Услуга есть обмен неэквивалентный, негарантированный, несимметричный, как и большая часть социальных обменов:

- *негарантированный*, ибо даже при наличии внешнего вознаграждения возможна внутренняя неудовлетворенность деятельностью поставщика услуги (врача, парикмахера).
- *неэквивалентный*, так как порой сложно определить вклад каждого участника.
- *несимметричный*, ибо не всегда усилия адекватны вознаграждению, есть деятельность во имя долга, ответственности. В обмене услугами нет единого эквивалента.

Услуга есть деятельность, предназначенная для обмена, меновая ценность. В этом аспекте содержание понятия «услуга» совпадает с содержанием понятия «профессия». Точнее, они сопоставимы. Профессия есть деятельность, предлагаемая рынку, институционализированная услуга, «оказание услуг институционализируется в основном в виде профессиональных ролей в рамках, имеющих закрепленные функции коллективов»³. То, что социологи называют профессией, на языке экономистов – услуга. Профессиональная деятельность предназначена не для себя, а на обмен. Особенности (признаки) профессии – обособление деятельности, закрепление ее за отдельной социальной группой.

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология : Антология. В 2 ч. Ч. 2. М. : Книжный дом «Университет», 2002. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 15.

В термине «услуга» подчеркивается, на наш взгляд, инструментальная и адаптационная функции профессии. Профессиональные знания, умения, навыки являются ресурсом, обмениваемым и размещаемым. Профессионалы используют свою компетенцию не для себя, а для обмена, получая от общества вознаграждение за свой вклад. Прежде чем предлагать свою функцию для обмена, нужно получить патент от общества, доказать свое право оказывать услуги. Понятие «профессия» активно используется экономистами, но на их языке оно подразумевает подготовленность личности для выполнения определенной функции и доказательства ее права на эту функцию. Понятие «услуги» в социологической теории используется в другом контексте: оно акцентирует внимание на конечном результате, итоге выполнения профессиональной роли, оно связывает производство, распределение и потребление этой функции. Услуга – работа, выполняемая для удовлетворения чьих-то нужд, потребностей. Так, например, шахтер, обладая навыками, знаниями и необходимыми свидетельствами (диплом, разряд), не востребован на рынке данного региона или на рынке труда в целом. Обмен не состоялся, профессия не стала услугой. Это означает либо неверное территориальное размещение ресурса, либо устаревание функции. Возможна и другая ситуация: личности, обладая определенными профессиональными ресурсами, не получают адекватного вознаграждения, даже будучи востребованными. Педагог, врач не получает адекватного материального вознаграждения, предприниматель – должного уважения, признания. Состоявшийся обмен не эквивалентен для одной из сторон, а значит, не эффективен. Понятие «эффективности» в данном случае рассматривается в русле методологии неоклассики, как гармония, равновесие интересов. Профессия не стала услугой, взаимной пользой. Мы намеренно подчеркиваем взаимную удовлетворенность обеих сторон.

Профессиональная деятельность есть обменный процесс: с одной стороны, профессионал, т. е. индивид, владеющий навыками, базирующимися на теоретическом знании, прошедший специализированное обучение этим навыкам, компетентность которого гарантирована сданными экзаменами¹, а с другой стороны, потребитель, нуждающийся в этих знаниях и навыках и готовый вознаградить их использование. Если этот обмен эквивалентен, польза взаимная, про-

¹ Аберкомби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М. : Экономика, 2000. С. 248.

фессия стала услугой, а процессы обменов повторяющимися. Если учитываются интересы одной стороны, профессионала, не учитываются ожидания потенциального потребителя, то страдает качество услуги и, как следствие, наступает потребительское разочарование.

В социологии профессий чаще описывается, анализируется статусная функция профессии. Для решения целого ряда практических вопросов, связанных с выбором профессии, профессиональным самоопределением личности важно также принимать во внимание инструментальную и адаптационную функции профессии, рассматривая ее как потенциальную услугу. Речь идет об одном и том же явлении, описываемом на разных языках, о своеобразном взаимопроникновении, пересечении экономического и социологического дискурсов. Тем не менее каждое из этих понятий фиксирует особые свойства, стороны анализируемого процесса. В чем же их отличие, обоюдное дистанцирование?

Профессия принадлежит определенной профессиональной группе, а услуга – всегда оценка конкретного профессионала, его роли, востребованности. Адресность услуги: она всегда предназначена конкретному лицу, организации. Профессиональный труд различается по степени своей сложности, квалифицированности, «высшим и низшим» профессиям, по Г. Зиммелю. «Квалифицированный и неквалифицированный труд опирается на более высокую и сложную структуру объективных условий труда, на его историко-техническую организацию»¹. И высший, и низший труд может быть в равной степени полезен, ценен для индивида, ибо полезность не зависит от сложности труда. Тем не менее, по Г. Зиммелю, оценку следует дифференцировать, так как сложный труд создает большую ценность, требует большего вознаграждения, хотя с внешней точки зрения, с утилитарных позиций их полезность для индивида может быть равнозначна. Потребность в зрелищах может быть удовлетворена и с помощью поп-культуры, и с помощью высокого искусства. Может быть и так: различные оценки с точки зрения отдельной личности и общества.

Наряду с этим присутствует и иной, скорее, аксиологический, оценочный подход к пониманию услуги. Если профессиональная роль есть деятельность, процесс, то услуга – это оценка способности

¹ Зиммель Г. Философия труда // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. С. 474.

профессионала качественно решать проблемы клиента, потребительная стоимость профессиональной роли. Второй аспект выделим отдельно: это качество услуги как характеристика адаптивных возможностей роли. Может случиться и такое, что профессиональная деятельность, призванная быть благом для ее потребителя, таковой не стала с точки зрения последнего. Получается, что институционализируемая услуга (профессиональная роль) таковой не является с позиции ее потребителя. Понятие «качество услуги» помогает снять эту двойственность. Качество как соответствие ожиданиям потребителя, субъективная оценка пользователя того или иного профессионального труда и его результатов.

Качество продукта, деятельности рассматривается как субъективно воспринимаемое качество, т. е. труд оценивается лишь с внешней стороны, с точки зрения полезности результатов труда. Оценка труда с его внутренней стороны, по его сложности, с позиции потребителя в услугу не входит. Для того чтобы потребитель смог это оценить, он должен обладать необходимой компетенцией. Подобная оценка важна для поставщика услуги. В маркетинге услуг в качестве самостоятельного направления в последнее время учитывается внутренний маркетинг, мотивация персонала, но приоритет отдан, безусловно, удовлетворенности клиентов. Такой подход приемлем для простого труда, но недопустим для услуг с высокой добавленной стоимостью. На практике это может выглядеть так: для оценки качества парикмахерских, портняжных и других простых услуг важно отслеживать оценки потребителей, а для оценки качества образования, кредитно-финансовой, художественной деятельности, наряду с оценками пользователей, следует учитывать их компетентность и проводить диагностику поставщика тоже по двум основаниям – его компетентность и удовлетворенность деятельностью.

По содержанию услуга может быть деятельностью по удовлетворению нужд клиента либо означать отказ от подобной деятельности для блага клиента. Услуга, оказывается, проявляется, т. е. обнаруживается в том, что действие полезно. Должно пройти время, чтобы можно было оценить услуги с высокой отсроченной ценностью, например, образовательные. Высока степень неопределенности при оценке услуги. Рынок как механизм обмена не всеобъемлющ, есть блага, которые не могут стать товаром. Это доверие, лояльность, приверженность. Экономисты пытаются просчитать их эффективность,

замерить, хотя прямых показателей нет и быть не может, ибо эти блага не поддаются товаризации. Для экономистов доверие, лояльность – побочные эффекты, а в современном маркетинге, особенно в социальном маркетинге, – это значимые понятия.

Услуга в экономическом контексте оформилась как социальный институт профессии. Существуют виды деятельности, приносящей пользу, для которых не может и не должен быть создан рынок, например помощь близким, друзьям. Парсонс Т. обозначил эти процессы как «услуги в неэкономическом контексте». Дар можно квалифицировать как услугу в неэкономическом контексте. Услуга может и не быть профессиональной: для нее не нужна специальная подготовка, необязательно индивиду доказывать, подтверждать свое право на деятельность во благо других. Речь идет о дружеской услуге, семейной, о возможности предложить действие, приносящее пользу, безвозмездно. В этих ситуациях важно установить, поддержать, отношения. В действительности эти два аспекта взаимосвязаны. С профессионалами стремимся установить личностные, иногда дружеские отношения или придать им личностную окраску.

Социологический анализ услуги, исследование с помощью понятий социологии профессий, ролевой теории позволяет иначе рассмотреть ряд вопросов социологии профессий: проблемы профориентации, отбора и обучения, выбор стратегий трудоустройства потенциальных профессионалов. Как может быть установлено неустойчивое равновесие между запросами рынка и способностями, возможностями личности? Сегодня не сформирована нацеленность профессионалов на востребованность. Наши работники как знающие специалисты нередко выигрывают различные международные конкурсы, но при этом многие из них не обладают качествами, необходимыми в новых условиях. Они не научены трудиться эффективно и с большой нагрузкой, у них нет привычки к психологической нагрузке, связанной с необходимостью выживать в конкурентной борьбе. Они предпочтут бедствовать, но не будут работать, если сочтут, что трудозатраты и оплата несоизмеримы (традиционалистское поведение по М. Веберу). Специалист может быть хорошим юристом, финансистом, но не готов приспособиться к требованиям своего клиента, работодателя, не эффективен на рынке.

В рамках мониторингового исследования социокультурных аспектов жизни студенчества Екатеринбурга, проводимого в течение

семнадцати лет кафедрой социологии и социальных технологий управления УрФУ, отслеживались изменения в поведенческих характеристиках студентов *как потребителей услуг* высшей школы, уровень их требований, запросов к потребляемым образовательным программам. Анализ динамики изменения планов студентов по курсам выявил сохранение доминирующей ориентации на работу по специальности. При этом уверенность, что получаемая специальность будет востребована лишь у одного из шести опрошенных, их число не меняется от курса к курсу¹.

Какова «для себя ценность», «офелимити» по В. Парето, образовательной услуги для участников образовательного взаимодействия? Востребована не специальность, а специалист. Обучение профессии – это инвестирование в будущее, поэтому нужны не только конкретные знания, но и определенные личностные качества, социальные связи. Каждый шестой первокурсник, еще не освоив азы выбранной специальности, уже подумывает о втором (ином) образовании, *изначально не планируя работать по профилю*. Скорее всего, они поступили для того, чтобы получить «пропуск на рынок специалистов». Возможно, (в идеальном варианте) рассчитывают на себя, на свои личностные качества, на общекультурные компетенции. В чем-то они правы: студенты приобретают всего лишь образовательную программу, овладение профессией у них пока номинально. Профессионализм (скорость его формирования) зависит от личностных качеств, от готовности обучаться, усваивать не только знания и навыки, но и профессиональную этику, культуру, адаптироваться к профессиональной среде.

Наряду с этим спрос на образовательную услугу не только узкоутилитарный, прослеживается и социально-психологическая составляющая спроса. В ряде случаев выбиралась не профессиональная услуга, а студенчество как психологическое состояние, сопутствующее услуге. Можно провести аналогию с шопингом, когда выбирается не только продукт, но и сопутствующее ему психологическое состояние, ожидания.

Услуга есть значимое ролевое действие, адаптивный ресурс роли, оценка ее адаптивных возможностей. Это означает способность к со-

¹ См.: Банникова Л. Н. Влияние экономического кризиса на процессы профессионального самоопределения студенческой молодежи // Банникова Л. Н., Вишневецкий Ю. Р., Певная М. В. Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса. Екатеринбург : УрФУ, 2010. С. 150.

гласованию требований и ожиданий участников взаимодействия. Услуга определяется как оценка содержания профессиональной роли в соответствии с ожиданиями и компетентностью потребителя, как характеристика инструментальной и адаптационной функций профессии. В этом контексте качество услуги рассматривается как субъективная оценка полезности профессиональной деятельности. Способ понимания услуги как адаптивного ресурса роли означает способность к согласованию требований и ожиданий участников взаимодействия, что позволяет оценить маркетинговые практики как алгоритм превращения определенного вида деятельности в услугу. Маркетинг – алгоритм, технология превращения деятельности в услугу. Он оформился в экономическом контексте, но сегодня он активно востребован и в неэкономическом контексте. Традиционно социологов интересовали вопросы об удовлетворенности работников условиями и содержанием своей профессиональной деятельности, удовлетворенность трудом, а не удовлетворенность потребителей результатами этого труда. Связь между удовлетворенностью трудом (его содержанием, условиями) и его производительностью весьма слаба. Маркетинг услуг тем и интересен для социологов, что обратил внимание на аспекты соответствия трудовой деятельности ожиданиям ее потребителей.

Е. С. Баразгова, А. Х. Хузина

ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ

Проблема социальных институтов является одной из базовых в науках об обществе и, в частности, в социологии. Ее анализ проводился на всех этапах развития социологии. Внимание исследователей закономерно: институты, во-первых, определяют саму возможность существования общества как социальной организации и, во-вторых, способы удовлетворения его потребностей, потребностей отдельного индивида и социальных общностей.

Изучение типологии социальных институтов между тем не стало популярным среди социологов. По традиции, заложенной еще Г. Спенсером, социальные институты прежде всего связывают со сферой регулирования общественных отношений и поддержания стабильности общества в достигнутой им цивилизационной форме. Это

институты – воспроизводства рода, экономические, политические и т. д. В связи с историческим усложнением социальных систем и увеличением обслуживающих их институтов было предложено деление на главные институты и, по-видимому, вспомогательные. Причем институты, выделенные Г. Спенсером, вошли в состав первой группы. В ту же группу был введен институт образования. Таким образом, самим обозначением групп социологи признали наличие иерархии институтов в функционировании общества. При этом мы фиксируем факт того, что сегодня мы живем в высоко институционализированном обществе. Это может означать необходимость выделения нескольких следствий:

- система социальных институтов меняется и усложняется;
- в складывающейся системе иерархия неизбежно дополняется отношениями координации и субординации;
- типология институтов, таким образом, нуждается в соответствующей корректировке.

В дальнейшем анализе воспользуемся весьма популярным определением Н. Смелзера: «Институтом называется совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности»¹. Ключом к типологии, согласно предложенному подходу, становятся социальные потребности. Предикат социальности указывает, во-первых, на общественную природу потребностей и, во-вторых, на носителей потребности, которыми выступают социальная система общества, индивид как ее единичный представитель и отдельные общности, объединяемые определенными потребностями и интересами (У. Самнер²). Социальность является общей характеристикой потребностей и не может в силу этого служить дифференцирующим критерием в системе институтов.

Таким критерием, на наш взгляд, выступает содержание потребности, на удовлетворение которой направлено институциональное регулирование. В частности, в характеристике института образования социологи обращают внимание на потребность общества в обеспечении ценностной и когнитивной преемственности между поколениями, потребность индивида в приобщении к накопленным в обществе знаниям и культурным ценностям, потребность социальных групп в оп-

¹ Смелзер Н. Социология. М. : Феникс, 1994. С. 88.

² См.: Барзгова Е. С. Американская социология. Традиции и современность. Екатеринбург : УрГУ, 1997. Гл. 3.

ределенности и содержательности социальной и профессиональной селективности. Содержание потребности в образовании передано предельно общо, что неизбежно, на наш взгляд, влечет за собой игнорирование его усложнения и уточнения адресата. Мы наблюдаем в истории цивилизованных обществ структурирование института образования по уровню удовлетворения социальной потребности на общее, профессиональное и послевузовское образование. Одновременно с повышением уровня образования изменяется (сужается) социальная база носителей удовлетворяемой им потребности в образовании.

Позволим себе развить данный тезис. Общество является носителем потребности в образовании по отношению к институтам образования всех уровней. При этом содержание его потребности коррелирует с конкретными задачами и возможностями каждого из выделенных уровней.

Институт общего образования реализует потребность общества в формировании просвещенных граждан, воспринявших культурный капитал нации и способных его умножить в преобразующей деятельности. С одной стороны, общее образование закладывает фундамент связи поколений, с другой – создает личность, способную участвовать в изменении мира вещей и мира людей. Единство двух задач – обеспечения единства общества и разнообразия личностей – составляет реальную сложность в функционировании института общего образования и выступает «нервом» многочисленных дискуссий о его нормативно правовой базе.

Самостоятельным институтом является профессиональное образование, которое собственно и является предметом анализа в нашей статье. Его автономия определяется автономией удовлетворяемой им потребности общества, личности и социальных групп. Разделение профессионального образования по уровням начального, среднего и высшего представляется нам в известной мере рудиментом индустриального общества с его массовым товарным производством, требующим жесткого разделения функций группы технических исполнителей физического и умственного труда, технических управленцев – «надсмотрщиков» над конвейерным процессом и инженеров в собственном смысле данного термина – изобретателей.

Современное производство сформировало принципиально иную кадровую структуру, в которой присутствуют роли профессионалов – исполнителей и роли профессионалов-новаторов (если хотите, креа-

тивщиков). Эта структура была детально описана еще в конце 1960-х гг. А. Туреном¹. В начале нашего века его модель была детализирована в столь популярной сегодня теории креативного класса².

То, что было гипотезой в период заката индустриального общества, стало реальностью на этапе развертывания постиндустриальной эпохи. Таким образом, потребность общества – государства, бизнеса и некоммерческих организаций – заключается в подготовке профессионалов разных уровней с соответствующим набором компетенций. Эта потребность диктует создание соответствующей организации образования, способной обеспечить удовлетворение данной потребности. В том числе речь идет и о введении пресловутой Болонской системы, которая вызывает неприятие своих оппонентов самим своим названием – указывает на заимствование. В ее отрицании, на наш взгляд, во-первых, игнорируется изменение общественной потребности и, во-вторых, факт присутствия иностранного заимствования в период построения всей организации профессионального образования не только в России, но и странах Европы и Северной Америки. Нации создают уникальную культуру, но не могут иметь уникальной цивилизации. Она неизбежно формируется во взаимодействии со всем миром. Понятно, что в нашем контексте мы обращаемся к подходу О. Шпенглера, который в отличие, например, от А. Тойнби разделял понятия культура и цивилизация. Это разделение доказало свою историческую жизнеспособность в эпоху современной глобализации, которая в своем динамизме сняла технические, экономические и информационные барьеры между странами, создав общечеловеческую постиндустриальную, технотронную цивилизацию. Культура, безусловно, является фундаментом цивилизационного развития, но цивилизация приобретает самостоятельную способность экстенсивного развития, что востребовано и используется глобализацией. Это с неизбежностью порождает необходимость в общих принципах организации профессионального образования. Искусственная изоляция национальной системы профессионального образования чревата многими рисками, угрожающими благосостоянию, как страны, так и отдельной личности.

¹ Touraine A. La société post – industrielle. Paris, 1969. P. 91.

² Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика–XXI, 2005.

Логика анализа подсказывает вопрос: Россия внесла, что собственного внесла в историю мировой системы профессионального образования. Напомним, что в 1870-е гг. существовало понятие «русская система» профессионального образования, которую в тот период заимствовали под этим названием некоторые высшие технические учебные заведения Европы и США. Система, о которой идет речь, была создана, апробирована и представлена на всемирных выставках в Вене, Филадельфии и Париже, в Московском образцовом высшем техническом училище. В чем состояла суть системы? Оказывается, она стала естественным продуктом эволюции училища из ремесленного в высшее техническое, статус которого был приобретен в 1868 г.: студенты стали совмещать академические занятия с практическими в учебно-производственных мастерских. Именно данное соединение было признано эффективным и поощрено на выставках золотыми медалями. Осталось добавить: Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана не раз модернизировалось в своей истории, и на всех ее этапах доказывало эффективность, не изменяя когда-то внедренной концепции обучения.

Приведенный фактический пример позволяет вывести два принципа «русской системы» профессионального образования, ценность которых представляется нам неоспоримой на современном витке развития мировой экономики.

Первый состоит в построении специфической организации профессионального образования в различных его профилях – технического, социального, гуманитарного, художественного. Каждый из выделенных профилей требует особой стратегии обучения в соединении академических и практических компетенций и определения конечной эффективности образования. Совсем недавно – осенью 2012 г. – значимость этого принципа была обнажена в дискуссии об эффективных (или неэффективных) вузах в современной России. Дискуссия в экспертном сообществе, по нашему мнению, наглядно показала как недостаточную изученность самой проблемы связи конкретных профессий и образования, так и поверхностность отражения этой связи в ГОСах по конкретным специальностям. Риски данного положения и игнорирования описанного принципа в функционировании системы профессионального образования тем выше, чем динамичнее развиваются профессии в современном обществе и значимо увеличивается их число.

Второй принцип вытекает непосредственно из описанной нацио-

нальной модели: единство и преемственность профессионального образования всех уровней – от начального до высшего. Мы легко его представляем по отношению к профилям технического и художественного образования, где традиции сложились и система преемственности доказала свою жизнеспособность. Но в гуманитарном и социальном образовании таковых пока, на наш взгляд, не выстроено, что позволяет поставить вопрос об их полезности. Между тем и эти профили опираются на свои технические и творческие компетенции, которые, безусловно, требуют специального изучения. Представляется теоретически адекватным и практически полезным дифференцировать и данные профили образования по трем преемственным уровням, но при этом поддерживать их содержательную, организационную и кадровую преемственность. Реализация данного принципа организации профессионального образования позволила бы отдельным учреждениям выстраивать собственную стратегию развития; а молодым людям – индивидуальную образовательную траекторию на основании личностной мотивации профессионального и карьерного роста.

Таким образом, мы плавно переходим к вопросу о потребностях личности, на удовлетворение которых также направлено функционирование института профессионального образования. Иерархия этих потребностей может быть представлена с помощью классического образа пирамиды. У подножия данной пирамиды стоит потребность выживания на современном рынке труда, во все большей мере требующего от работника определенных профессиональных знаний и квалификационных умений – начального, среднего и высшего уровней. На глобальном рынке конца XX в. четко обозначилась тенденция стремительного сокращения сегмента неквалифицированного труда. Неимение специального образования и готовности к его углублению, таким образом, стало значимым риском личности, угрозой его экономическому выживанию. Следующую ступень развертывания потребности в профессиональном образовании представляет «погоня за статусом», в которой образовательное достижение становится ресурсом должностного продвижения и завоевания общественного признания. И наконец, на вершине пирамиды располагается потребность в профессиональной и социальной самореализации.

В исследовании экономически благополучного 2006 г., посвященном построению средне- и краткосрочного прогноза развития регионов России (в том числе и Свердловской области), наша исследо-

вательская группа постаралась замерить активность земляков на рынке труда и типологизировать их. Согласно данным регионального опроса, примерно половина экономически активного населения Свердловской области проявляли себя на рынке труда как его рационально мыслящие актёры.

Более того, в ходе анализа мнений респондентов обозначились две стратегии активности. Молодой исследователь М. Н. Овчинникова нашла им, на наш взгляд, удачное обозначение: «стратегия развития» и «стратегия накопления»¹. Первая была характерна для молодых, но амбициозных соискателей работы, вторая – для более зрелых работников, высоко оценивающих свой профессиональный опыт и достигнутый уровень квалификации, но стремящихся к накоплению новых знаний и умений.

Приведенные результаты иллюстрируют характер запроса активных людей на профессиональное образование. Это запрос на его непрерывность и организационную гибкость. Статистика свидетельствует о том, что этот запрос был в начале 1990-х гг. уловлен рынком образовательных услуг и нещадно эксплуатируется уже в течение 20 последних лет. Однако в институциональной организации профессионального образования не были системно завершены соответствующие изменения: подготовка специалистов всех профилей не строится как контролируемый непрерывный процесс, в котором каждый обучающийся волен выходить и входить по мере осознания потребности и формирования мотивации к овладению более высокими профессиональными компетенциями. В такой организации исчезает база так называемого имитирующего процесса, в котором обучающийся ценит не его содержание, а его институционализированный результат – сертификат.

Придя к выше сформулированному заключению, мы обращаемся к положениям недавно принятого (декабрь 2012 г.) Закона РФ «Об образовании». Статьи 22, 23, 24 данного Закона в целом соответствуют вышеизложенным принципам профессионального образования – его непрерывности и преемственности. Однако, как нам представляется важным, стоит обратить внимание на некоторые более частные, но чрезвычайно значимые для развития современной системы профессионального образования положения:

¹ См.: Овчинникова М. Н. Стратегии конкурентирования личности на современном рынке труда : автореф. дис. канд. ... социол. наук. Екатеринбург, 2007.

- В законе не в полной мере учтена ценность вышеописанной «русской модели». В частности, по-прежнему «педалируется» автономия образовательных учреждений (ОУ) разных уровней профессионального образования, каждое из которых осуществляет подготовку специалистов в соответствии с имеющейся лицензией (ст. 22, п. 2), что влечет за собой неравное положение учащихся: ОУ, имеющие лицензии на обучение более высокого уровня, обладают более квалифицированными кадрами и развитой инфраструктурой. Их учащиеся, таким образом, имеют образовательные преимущества перед теми, кто обучается в ОУ, не имеющими соответствующих лицензий. Одновременно в системе профессионального образования создаются условия неуправляемого хаоса, построения совокупности неупорядоченных элементов: возникают ОУ, реализующие лицензии разных уровней. Такое положение, с одной стороны, может способствовать развитию отдельных ОУ, но с другой – препятствовать реализации единых требований к качеству профессионального образования разных уровней. Выходом из описанных противоречий могло бы, на наш взгляд, служить построение организационного единства между ОУ трех уровней, позволяющее соединять их инфраструктурные и кадровые ресурсы. Положительный опыт такого сотрудничества в стране и регионах имеется, что, по-видимому, позволяет ставить вопрос о его законодательном закреплении.

- В Законе, совершенно справедливо, выделяются особые условия обучения в учреждениях разных уровней образования в области искусства (ст. 23, п. 1). Нам представляется уместным обратить внимание на наиболее эффективные образовательные траектории учащихся – от уровня к уровню – в других профессиональных профилях – технического, гуманитарного и социального образования. Междисциплинарные исследования могли бы способствовать обогащению «русской модели» профессионального образования в XXI в.

Теперь вернемся к заявленной проблеме типологических особенностей института профессионального образования. Рассмотрение тенденций развития профессионального образования, закрепленных в Законе РФ, привело нас к выводу о возможности применения типологии, предложенной в 1970 г. авторитетным американским методологом И. Гофманом. Он предложил выделять два типа социальных институ-

тов – тотальные и либеральные¹. Критерием различения названных типов выступает степень нормативно-правовой регламентации социальных взаимоотношений и поведения личности в институционально регулируемой сфере. Как и каждая типология, предложенная является относительно условной. Однако институциональные изменения в образовании указывают на вектор развития – движение к либерализации, которое становится более явственным именно в сфере профессионального образования. В современном институционально организованном пространстве профессионального образования у человека есть необходимые и достаточные нормативно-правовые условия удовлетворения индивидуальных потребностей в процессе их развития.

Таким образом, мы приходим к общему заключению о том, что по характеру регулирования профессиональное образование может быть отнесено к типу главных и либеральных социальных институтов.

Б. Ю. Берзин

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ: КРИЗИС ЖАНРА ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА?

С выходом в свет монографии В. Г. Афанасьева «Научное управление обществом»² начинается новый этап в развитии отечественной социологии – становление специальной социологической дисциплины – социологии управления, которая получила институциональное закрепление в начале 1990-х гг. В эти же годы была утверждена для научных работников новая специальность 22.00.08 «Социология управления», область исследования которой – история развития концепций социологии управления; ее понятийный аппарат; институты управления, в том числе государственная и муниципальная службы; взаимодействие индивидов, вступающих в отношения «руководства и подчинения»; проблемы эффективности управленческой деятельности и т. д. Область исследований согласно паспорту специальности насчитывает 31 позицию³, что, несомненно, весьма расширяет понима-

¹ Gofman E. The Characteristics of Total Institutions / Etzioni A. (Ed.) // A Sociological Reader in Complex Organizations. L., 1970.

² Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М. : Наука, 1968.

³ Номенклатура специальностей научных работников, утвержденная приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 г. № 59. [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru>.

ние предмета социологии управления. Вероятно, это отражает многоплановость и многоаспектность проблематики управления.

Следует отметить, что вопросы организации и управления занимают значительное место в научных публикациях. Так, например, в научной электронной библиотеке «library.ru» 530 журналов специализируются по этим проблемам, 762 журнала печатают статьи по социологии, но среди всего этого множества нет ни одного специализированного журнала по социологии управления на русском языке. Справедливости ради надо сказать, что существует рубрика в журнале «Социологические исследования», печатаются подборки по проблемам административно-публичного (прежде всего государственного и муниципального) управления в журналах «Государственная служба», «Социология власти», «Социум и власть». Мы попытались провести анализ публикаций в журнале «Социологические исследования» (далее – «Социс»), что позволило выявить ряд тенденций распределения интересов научного сообщества, так и редакции журнала «Социс». Редакция журнала в среднем за год получает – оценивает, обрабатывает, частично печатает около 500 материалов разного профиля и объема¹.

Общее количество публикаций в журнале за год колеблется от 201 (2010 г.) до 356 (2007 г.)² Был проведен анализ собственно научных публикаций в журнале «Социс» за период 2000–2012 гг. Общее число статей, помещенных в тематические рубрики составило более 2000 тыс. (2187). Все публикации были разбиты на пять групп – в соответствии с числом публикаций по каждой рубрике.

На протяжении всего анализируемого периода редакция журнала и научное сообщество больше всего внимания уделяло вопросам теории и методологии (особенно результативным был 2002 г. – 32 публикации), социальной политики и социальной структуре (наибольшее количество публикаций в 2004 г. – 26). Интерес к проблемам экономической социологии был наиболее заметен в начале 2000-х гг., число публикаций по политической социологии колебалось в соответствии с выборными циклами.

¹ Романовский Н. В. Качество социологического знания (заметки редактора) // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 41.

² Распределение по годам публикаций журнала «Социологические исследования» смотри на сайте <http://elibrary.ru>.

Количество статей, помещенных в тематические рубрики
журнала «Социс» в 2000–2012 гг.

Группа	Тематическая рубрика	Кол-во
Первая группа (свыше 200 публикаций)	«Теория, методология»	253
	«Социальная политика, социальная структура»	218
Вторая группа (от 150 до 200)	«Политическая социология»	171
	«Экономическая социология»	169
Третья группа (от 100 до 150)	«Этносоциология»	126
	«Социология образования»	126
	«Социология семьи»	109
	«Социология молодежи»	101
	«Социология культуры»	99
Четвертая группа (от 50 до 100)	«Социология права»	84
	«История социологии»	81
	«Социология медицины»	81
	«Социология религии»	78
	«Методика и техника социологических исследований»	77
	«Демография»	72
	«Социология управления»	69
	«Социология массовых коммуникаций»	66
	«Историческая социология»	58
Пятая группа (до 50 публикаций)	«Военная социология»	46
	«Социология села»	45
	«Социология науки»	29
	«Экосоциология»	29

Интересующая нас тематическая рубрика «Социология управления» набрала 69 статей, ежегодно в среднем публиковалось от 2 до 5 научных работ, исключение составил 2007 г. – 16 публикаций и 2002 г. – 11. Среди отраслей социологического знания по количеству статей в журналах она находится на 16-м месте из 22. Общие проблемы социологии управления занимают четвертую часть всех опубликованных материалов, среди них статьи А. В. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, В. В. Щербины. На втором месте статьи, посвященные личности руководителя, взаимоотношениям в организациях, управлению персоналом. На третьем – вопросы теории организации, управления городом, регионом. Проблемы государственного, муниципального управления,

государственной службы представлены незначительно – по 3–4 статьи.

Несколько иная картина складывается при анализе публикаций в журнале «Государственная служба». За последние пять лет опубликовано две статьи по социологии управления, три – по теории управления и более 40 – по вопросам кадров и кадровой политики (общее число статей – более 400). Среди всех публикаций выделяется статья Е. Тавокина «Социология управления и социальное управление: проблемы взаимодействия»¹.

В журнале «Социология власти» из 1546 статей по социологии напечатано 79 статей, из них 10 – по социологии управления. В журнале «Управленческое консультирование» из 643 публикаций 39 социологических, по социологии управления – 4.

И последний пример: в журнале «Вопросы теории и практики управления» из 1265 статей только одна по социологии (Блинов А., Сидорова А. Обучение в высшей школе: самоориентирование студентов // Вопросы теории и практики управления. 2007. № 11. С. 104–111).

Проведенный анализ публикаций журналов по проблемам социологии управления позволяет сделать вывод, что данная тематика отнюдь не находится на переднем крае социологии, ей отводится второстепенная роль как самим научным сообществом, так и редакциями журналов. Во многом эта ситуация объясняется как невостребованностью социологического знания практикой, так и слабым предложением со стороны социологов новых подходов к исследованиям, чрезмерным расширением предмета социологии управления.

Вероятно, можно согласиться с выводом заместителя главного редактора журнала «Социс»: «Социологическое знание в нашей стране делает значимые шаги вперед, но прирастает неравномерно, в ряде аспектов отстает от потребностей развития современного российского общества»².

Стоит сказать, что в последние годы вышло немало монографий и учебных пособий по социологии управления³. В каждой работе,

¹ Тавокин Е. П. Социология управления и социальное управление: проблемы взаимодействия // Государственная служба. 2008. № 2. С. 34–45.

² Распределение по годам публикаций журнала «Социологические исследования» смотри на сайте <http://elibrary.ru>.

³ Бабосов Е. М. Социология управления. Минск : Тетра Системс, 2001; Давыдов А. А. Системная социология. М. : Конкиста, 2006; Граждан В. Д. Социология управления : учебник. М. : КНОРУС, 2009; Зборовский Г. Е., Костина Н. Б. Социология управления. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2003; Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология

что вполне естественно, уделяется определенное внимание сущности и предмету социологии управления, но при этом большинство научных трудов, на наш взгляд, допускает расширительное толкование области исследований, охватываемой социологией управления. Например, в фундаментальной монографии А. И. Кравченко, И. О. Тюриной «Социология управления» рассматриваются вопросы власти, лидерства, бюрократии, организационного поведения, корпоративной культуры, менеджмента, управления персоналом.

Предмет социологии управления трактуется как изучение больших социальных групп и институтов, действующих в сфере управления¹. Затем авторы делают еще одно уточнение: в предмет научной дисциплины входит также изучение наиболее общих законов социальной иерархии². При этом происходит включение в исследовательскую область социологии управления вопросов социальной психологии, менеджмента, проблем общей и экономической теории управления.

Очень часто в научной литературе встречается и попытка скрытого отождествления социологии управления с социальным управлением. Так, например, в учебнике «Социология управления»³ из трех разделов два посвящены проблемам социального управления: «Научно-методические предпосылки исследования процесса социального управления» и «Особенности управления в разных социальных системах», в которых рассматриваются особенности социального управления в различных сферах жизни общества. Предметом в этом случае выступают проблемы собственно социального управления. Иногда происходит и прямое отождествление. Граждан В. Д. прямо пишет о том, что научное управление, социальное управление и социология управления – это понятия-синонимы⁴. Подобные позиции, на наш взгляд, также способствуют расширительной трактовке предмета социологии управления.

управления : фундаментальный курс. М. : Акад.проект, 2004; Социология управления. М. : Изд-во РАГС, 2008; Социология управления: стратегия, процедуры и результаты исследований : коллект. монография. М. : КАНОН+, 2010; Тощенко Ж. Т. Социология управления : учебник. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011.

¹ Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления: фундаментальный курс. М. : Акад. проект, 2004. С. 164.

² Там же. С. 179.

³ Социология управления. М. : Изд-во РАГС, 2008.

⁴ Граждан В. Д. Социология управления : учебник. М. : КНОРУС, 2009. С. 36.

Интересную попытку выделения управленческого алгоритма в качестве основного содержания предмета социологии управления предпринял известный российский ученый Ж. Т. Тощенко¹, тем самым отделяя проблемы социологии управления от вопросов социального управления и менеджмента. Анализируемый им управленческий цикл включает в себя: социальное предвидение и прогнозирование (цель); методы решения управленческой проблемы (социальное планирование, проектирование и программирование); реализацию решений (социальные технологии).

Тощенко Ж. Т. считает, что социологию управления можно определить как исследование органического единства общественного сознания, поведения (деятельности) и окружающей среды в процессе целенаправленного изменения социально-экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов. Эти изменения осуществляются посредством соблюдения управленческого алгоритма – последовательной реализации функций – от предвидения и прогнозирования до социально-технологических и организационных методов управления².

Основываясь на подходе Ж. Т. Тощенко, мы включаем в предмет социологии управления изучение социальных общностей и социальных институтов с позиций управленческого алгоритма – выделения цели, проблемы, методов разработки управленческих решений, способов реализации и контроля. Вопросы менеджмента, управления персоналом, личности руководителя (лидера) – это предмет исследования других научных дисциплин или научных специализаций.

Сужение проблемного поля позволит избежать соблазна изучения вопросов, находящихся в сфере интересов других наук и сосредоточить внимание на исследованиях, от которых зависит дальнейшее развитие социологии управления. Сегодня следует признать, что если не произойдет поворот в позиции исследователей, то у социологии управления как научной дисциплины печальное будущее – ее место займет общая теория управления, менеджмент, психология управления.

Один из возможных путей дальнейшего развития социологии управления – ее поворот к практическим нуждам развития современ-

¹ Тощенко Ж. Т. Социология управления : учебник. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011.

² Там же. С. 42–43.

ной России – социологии государственного и муниципального управления, управления бизнесом, через выявление специфики управленческих решений, разработку механизмов социального прогнозирования, планирования, программирования. В современных условиях основной узел российских противоречий, по мнению большинства аналитиков, сосредоточен в сферах управления: экономической, политической, социальной и без их решения дальнейшее развитие невозможно.

Следует согласиться с позицией д-ра социол. наук А. В. Тихонова, что развитие социологии управления невозможно без использования специфических методов и процедур¹ – оргструктурного, социотехнического, идентификационного, социально-коммуникативного.

Наиболее эффективной сферой приложения сил социологов в управлении социальными системами следует признать разработку социальных технологий как механизма превращения теоретических знаний в прикладные, механизма решения практических задач.

Социология управления будет востребована там и тогда, где «реализуется коллективная деятельность, в рамках которой ошибки в решениях быстро сказываются на результатах – либо на эффективности, либо на выживании организации»².

Л. Н. Боронина

О КАТЕГОРИИ ВОЗМОЖНОСТИ В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Вопрос о категориях и понятиях в любой науке – вопрос кардинальный, определяющий сущностную основу и содержание данной науки. Как известно, философия трактует категории как объективные универсальные формы мышления и бытия³. Логико-онтологический статус категорий, с одной стороны, характеризует их как структурные характеристики объективной реальности, с другой – фиксируют категории как определенный способ членения и синтеза ее объектов. Облекаясь в философские понятия бытия и небытия, тождества и разли-

¹ Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 45.

² Щербина В.В. Существует ли сегодня наука социология? // Социологические исследования. 2012. № 8.

³ Книгин А. Н. Учение о категориях. [Электронный ресурс]. Томск : ТГУ, 2002. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/knigin_kategorija/04.aspx.

чия, сущности и явления, формы и содержания, необходимости и случайности, возможности и действительности, эти категории генерируют универсальные матрицы, необходимые для научного исследования до того, как они приступают к изучению своих объектов. Развивая свои категории, философия готовит для естественных и социальных наук своеобразную предварительную программу их будущего понятийного аппарата¹.

История социологии с ее классическим двойным вопросом – как *возможно* общество и как *возможна* сама социология – на теоретическом уровне разворачивается, реализуется в контексте категории возможности. Но такая логико-онтологическая артикуляция основного вопроса социологии, будучи уникальной в истории науки, вызывает ряд вопросов и предположений.

1. Является ли использование категории возможности имплицитным (рефлексивным)? Если да, то как ее функциональное использование повлияло на становление и развитие социологии?

2. Если фундаментальные категории являются универсальными формами бытия и мышления, может ли категория возможно/возможности претендовать на статус фундаментальной социальной константы², являясь универсальной характеристикой социального бытия и социологического мышления? Если да, то какие эпистемологические возможности открывает категория возможности в социологическом знании и может ли социология претендовать на особый тип социального мышления?

Типологически категория возможности относится к модальным категориям. Модальные категории (от лат. *modus* – мера, способ) – это понятия, с помощью которых с той или иной позиции конкретизируется характер связей и отношений объектов. Онтологические модальности отражают способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления, гносеологическая (логическая) модальность – способ понимания, суждения об объекте, явлении или событии.

В онтологии категория возможности соотносима с категорией действительности. Возможность и действительность как модальные характеристики бытия выражают тенденцию становления и ставшую реальность. Выступая в качестве парных категорий, возможность и дей-

¹ См.: Степин В. С. Прогностическая функция философии // Вопросы философии. 1985. № 4.

² Ильин В. В. Социология как фундаментальная наука // Социс. 1994. № 3. С. 29–35.

ствительность могут быть охарактеризованы с точки зрения взаимоперехода: возможность возникает в рамках действительности как одна из тенденций и потенциальных перспектив ее эволюции, презентуя будущее в настоящем, воплощая тем самым эволюционный потенциал действительности¹. Возможности принадлежат все определения, выражающие в той или иной мере возможное, т. е. не существующее в действительности, но могущее быть.

В гносеологии синонимом возможности является осмысленность, непротиворечивость. Осмысление объекта знаний – это осмысление его возможности существования. Желая осмыслить какую-то вещь, мы пытаемся понять возможность этой вещи. Один аспект этого понимания связан с представлением пространства возможных состояний этой вещи, другой – заключается в понимании, почему именно этот вариант вещи актуализирован в данный момент. В логике суждения возможности носят гипотетический характер, в отличие от ассерторических суждений необходимости и аподиктических суждений действительности.

Если онтологическая модальность связана с предикатом *быть*, гносеологическая – *знать*, то в эпистемологии модальность возможного связана с модальным предикатом *мочь* (как можно получить истинное знание, каковы условия возможности получения достоверного знания). На эпистемологию возлагаются обязанности открывать с помощью логического анализа фундаментальные принципы научного знания.

Рассуждая о различных типах эпистемологического знания, К. Мангейм редуцирует последние к возможным способам постановки проблемы. По его мнению, существует определенная логическая связь между формулировкой проблемы и предлагаемыми решениями. Способ, которым ставится проблема познания, предписывает возможные теории познания. Именно вопросы определяют тип представляемых наукой объяснений: «нельзя получить ответ вне области возможных ответов, нельзя узнать того, о чем не спрашиваешь».

Способ полагания проблемы познания общества, озвученный в форме вопроса о возможностях, восходит к эпистемологическим традициям Канта. Задаваясь вопросом о возможности математики и точного естествознания как самых надежных и продуктивных для того

¹ См.: Балашов Л. Е. Философия : учебник. [Электронный ресурс]. М. : Дашков и К, 2009. URL: http://www.vladimirpeople.com/osa/02_balashov_01.html.

времени научных дисциплин, Кант стремится найти условия возможности определенного рода суждений, истинность которых представляется ему бесспорной. Вопрос о возможностях выражает не неведение относительно конечного решения», а «некоторый способ приостановки действительности суждения, который может быть классифицирован не как утверждение или отрицание», а как проблема поиска основных предпосылок знания и значения этих предпосылок.

Изначальная постановка основного социологического вопроса относится к донаучному периоду формирования социологической науки и принадлежит философским просветителям Нового времени Руссо и Гоббсу.

Созданная ими теория общественного договора явилась своеобразным ответом на вопрос: как возможно общество, если в нем существует война всех против всех? Трансформируемый в идею социального порядка, этот вопрос на долгое время определил основную проблематику социологических теорий.

Научно-институциональное оформление социологии начинается в тот период, когда другие науки уже приобрели свой классический дифференцированный вид. Нахождение своего места в сложившемся научно-дисциплинарном пространстве так или иначе предопределили поиски ее эпистемологической автономии. Онтологический вопрос об условиях существования общества, поднятый французскими просветителями, одновременно приобретает эпистемологическое оформление в вопросе о том, как возможна социология как наука.

Конт О. в рассуждениях о назначении новой «позитивной философии», которая в своем развитии должна превзойти временное единство теологического и метафизического мышления, напрямую апеллирует к Канту. Логические потребности социологии по Конту – «удовлетворять одновременно требованиям порядка и прогресса». Порядок и прогресс, рациональное объяснение и предвидение, статика и динамика – те шесть, по выражению самого Конта, категорий, которые должны привести к единому универсальному закону позитивной философии. Понимая ограниченность человеческого познания и относительность научных истин, Конт открыто признает «прямую невозможность приводить к единому положительному закону как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира». Возможность снятия этого

противоречия основатель социологии находит в установленном Кантом «блестящем общем различении» между субъективной и объективной точками зрения, свойственного всякому исследованию – «строить логическое единство каждого изолированного ума и продолжительное согласие между различными умами». Поступательный и преемственный характер развития научного знания у Конта коррелируется с конвенциональностью как одним из критериев достоверности научного знания.

В своем стремлении размежеваться с философией и другими социальными науками социология изначально не только полагает свой предмет, но исследует предпосылки собственного знания, что может определять ее как эпистемологический тип знания. Мангейм писал, что «если научные дисциплины отвечают на вопрос: – что это? прилаживая определенный элемент к контексту, "упорядочивают" этот элемент, ничуть не заботясь о том, чтобы исследовать контекст особого и в целом», то эпистемология определяет природу своего предмета, переводит вопрос о природе познания в плоскость предпосылок познания. Тот факт, что формировать самосознание новой науки ее основатели начинают с выбора эталона научности, коим признаются методы естественных наук, лишь подтверждает эпистемологические интенции ее создателей.

Эпистемологическая версия новой социальной науки в ее гипотетической модальности возможного исторически обуславливалась, прежде всего, теми глубокими изменениями социально-экономического и мировоззренческого характера социальными переменами, которые происходили в Европе в канун XIX столетия. Общество мучительно переходило от средневекового сословно-монархического устройства к новым, капиталистическим формам организации экономической политической жизни. Основанное на достижениях научно-технического прогресса быстрое развитие экономики с одной стороны, а с другой – нарастание динамики социальных конфликтов, приводят Конта к мысли о фундаментальном противоречии идеи порядка и идеи прогресса. «Созерцание» этого противоречия определило контовский способ полагания проблемы познания общества – как возможно общество, если необходимые условия его существования не совпадают с реальными? Условием возможности общества у Конта становится сама социология, которая не только описывает общество, но и становится его основной организующей

силой. Естественный порядок, убеждает Конт будущих социологов, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответствующих явлений, должен быть нам сначала хорошо известен для того, чтобы мы могли либо изменять его в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если такое вмешательство невозможно. Иначе говоря, общество будет возможным, если в нем будет социология.

Взаимозависимость онтологического и гносеологического статуса категории возможности в исследовательской программе Конта создает эпистемологическую ситуацию круговой причинности, замысел и интрига которой дешифровывалась социологией на протяжении всей ее истории. Причиной тому – интеллигибельность объекта познания, т. е. его сверхчувственность, умопостигаемость. Вопрос о том, как «чистая», по Конту, социология, гносеологически изоморфная естествознанию, может познавать не обладающую свойством чувственной наглядности социальную реальность – предмет обсуждения на протяжении всего развития социологической науки.

«Решившись посмотреть на общество как на особенный индивидуальный предмет, – рассуждает Г. Спенсер, – мы должны спросить себя – что это за предмет, какому роду объектов его отнести? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств. Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения»¹. Доказывая способность положительного мышления к умозрительной жизни, Конт наряду с опытом вводит еще одну гносеологическую переменную – рациональное изучение, которое в социальную науку «входит двояким путем – в виде неизбежного элемента и в виде основного ведения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины». Социальная наука, по Конту, устанавливает уникальную связь, одновременно логическую и научную, «которая отныне заключает в себя все наши действительные созерцания»².

¹ Спенсер Г. Основания социологии // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. М. : Наука, 1994. С. 45.

² Конт О. Дух позитивной философии // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. М. : Наука, 1994. С. 32.

Однако для умозаключающих дисциплин, в противоположность описательным, характерно, что любой ответ является не истинным, но *возможным*. Там, где вопрос направлен вовне того, что представляется, можно умозаключать и конструировать¹. В первую очередь это проявлялось в конструировании предмета исследования в разных социологических школах. Подобно тому, как чисто логический субъект в системе Канта в корреляции с «вещью в себе» принимает способ ее онтологического существования, логические связи в процессе конструирования предмета переопределяются как онтологические. Вопрос «как возможно?» трансформируется в вопрос «как должно быть». Отношение между обществом и социологией в ее истории рассматривается как «отношение между познающим и долженствующим быть узнанным»². Гипотетический характер суждений возможного, транспонируемый в формат необходимого и должного, изначально создает вероятность разноречивых и конструктивных решений эпистемологических проблем социологии. По меткому выражению Ю. Л. Качанова, социальная реальность как «небытийственное бытийствование социального мира» становится «возможностью возможности любой возможной социологии»³. Иначе говоря, категория возможности, эпистемологический статус которой был задан Кантом, явилась той универсальной матрицей исторической логики социологического мышления, которая позволяла конструировать разные предметные модели и социологические методы.

Заметим, что идеи эпистемологического релятивизма в современной теории познания возникают лишь начиная с середины XX столетия. Возникновение новых научных направлений и дисциплин (квантовая механика, синергетика, теории прикладного системного мышления) задают новый контекст понимания знания и его получения. Процесс конвергенции науки и технологий XXI столетия изменяет структуру и функции научного знания. Оно органически начинает сочетать функции научного познания и технологического конструирования новых объектов, интегрирующих в себе физические, химиче-

¹ Мангейм К. Структурный анализ эпистемологии // Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования». М. : РАН ИНИОН, 1992. С. 61.

² Там же.

³ Качанов Ю. Л. Начало социологии. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/kachanov_yu/nachalo_sociologii/.

ские, биологические, информационные, психические и социально-значимые свойства. В это же время трансформируется классическая для научного мышления парадигма субъект-объектного отношения. Так описание микрообъектов в квантовой механике в сравнении с классической физикой перестает носить объектный характер, а субъект познания включается в объектное описание. Получение знания становится невозможным без идеи реализации внешнего наблюдателя. Новое понимание мышления, как субъект-предметного отношения при возрастании роли субъектности и понимания конструктивного характера познавательной деятельности отразилось в такой эпистемологической парадигме, как конструктивизм. Возникнув в 1950-е гг., конструктивистская парадигма сегодня является современным трендом в эпистемологии¹. *В социологии эта парадигма возникает в момент ее создания.* Теоретическое пространство социологии с ее различными объяснительными схемами, теориями и фундаментальными концепциями с самого начала формируется как ресурсное поле возможных описаний общества, задолго опережая процесс институционального оформления идей конструктивизма.

В классической социологии онтология основного вопроса «как возможно общество?» переформатируется в контексте той же категории возможности в два основополагающих вопроса – «как устроено общество?» и «как возможен социальный порядок?» Социальные факты и органическая солидарность Э. Дюркгейма, социальное взаимодействие Г. Зиммеля, социальное действие М. Вебера – те разнокачественные формы социальной реальности, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира.

Конструирование различных предметных инвариантов в классической социологии сопровождается разворачиванием дискуссии о ее возможных методах. Предметом обсуждения являлся спор, более чем на полвека разделивший не только логиков и методологов, но также обществоведов на две научные школы. Одни вслед за Конттом признавали номотетические методы естественных наук единственно научными и абсолютно приемлемыми для изучения социальной реальности. Другие, отмечая фундаментальное различие социального мира

¹ Маркова А. А. Смена базовых оснований философии наук // Эпистемология: перспективы развития. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С. 296.

и мира природы, ратовали за идиографические методы, ориентированные не на объяснение, а понимание социальных процессов¹.

Так возникает понимающая социология Макса Вебера. Категория возможности в социологии Вебера является одной из центральных категорий и выступает в нескольких ипостасях. Первый аспект – гносеологический. В статье «Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в историческом рассмотрении каузальности» Вебер называет категорию возможности «формирующей» категорией, выполняющей функцию отбора включенных в историческое изображение каузальных звеньев². Как инструмент детерминационного анализа, категория возможности используется им при различении «становления» и «ставшего» в истории и исторической науке. Категория возможности соотносится у Вебера с процессом формирования некоторого исторического результата, тогда как «сформировавшийся» результат являет собой необходимость³. Инструментально-методическая значимость категории «возможности» позволяет Веберу рассматривать возможность как один из вспомогательных приемов абстрагирования, т. е. мысленного отвлечения одного из причинных элементов (формальная возможность по Гегелю).

Второй аспект – аксиологический, включающий оценку конкретного исторического результата как реализовавшейся возможности. Сравнительная оценка этой реальной возможности осуществляется на основе незаменимых культурных ценностей. В рамках ретроспективного анализа, мысленное конструирование хода событий, измененного в отношении одного или нескольких условий, позволяет, как считает Вебер, определять значимость исторического события.

Третий – прогностический. Исторический результат используется как средство, обеспечивающее переход от одной гипотетической возможности к другой, как инструмент конструирования новых и новых возможностей, как опрокидываемых в прошлое, так и проеци-

¹ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль : Тексты / под ред. В. И. Добренькова. [Электронный ресурс]. М. : Изд-во МГУ, 1994. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/>.

² Вебер М. Критические исследования области логики наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 464–493.

³ Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология // Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М. : Мартис, 1998. С. 73.

руемых в будущее¹. Чтобы добиться каузального объяснения к цепочке мотиваций, додумываются отдельные составляющие и конструируется вероятное протекание действий. Использование категории возможности в значении «вероятности» выявляет ее прогностическую функцию.

Наконец, еще один функциональный аспект использования искомой категории – онтологический. В работе «Основные социологические понятия» наряду с немецким «die Möglichkeit» (русский пер. – возможность) Вебер употребляет понятие «die Chance», что правильнее переводить как шанс. В первом варианте категория «возможности» используется при характеристике целерационального поведения. Целерационально действует тот, уточняет Вебер, кто ориентирует свое действие в соответствии с целью, средствами и побочными следствиями, рационально взвешивая средства относительно целей, цели относительно побочных последствий и различные возможные средства между собой. Вписанная в диалектику целей и средств, категория «возможности» у Вебера является важной характеристикой социального действия.

Понятие «шанс» Вебер соотносит с понятиями социального отношения и социального порядка. Социальным отношением по Веберу называется поведение нескольких людей, которое по своему смысловому содержанию взаимно ориентировано и тем самым взаимно настроено². Социальный порядок возникает тогда, когда смысловое содержание социального отношения ориентировано на обязательное или образцовое. Долженствующее быть обязательным повышает шансы на то, что действие будет ориентировано на этот порядок. Так вопрос «как возможно общество?» у Вебера переформатируется в вопрос о возможности социального согласия, а именно, «как возможно, чтобы шанс на согласие реализовался?» Социальное отношение всецело и исключительно является шансом на то, что будут совершаться (осмысленно) определенные социальные действия независимо от того, на чем этот шанс основывается – идет ли речь о государстве, церкви, товариществе, семье и т. п. Социальное отношение наличествует исклю-

¹ Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология // Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М. : Мартис, 1998. С. 81.

² Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология : Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 31–97.

чительно как шанс возникновения того, что действия по своему смысловому содержанию явственно взаимно настроены, совершались, совершаются или будут совершаться. Шанс, что это произойдет, определяет значимость социального порядка.

Традиции использования в социологии категории возможности в ее эпистемологическом, гносеологическом и онтологическом статусе, сформировавшиеся в процессе становления социологической науки и классический период ее развития, воспроизводятся и в современных социологических теориях. В первую очередь это относится к теориям социального конструктивизма, развивающие эпистемологические идеи О. Конта.

Современным философским основанием социального конструктивизма стала феноменология Э. Гуссерля, конституирующая деятельность сознания в протекциях – устремленных в будущее динамических траекторий, которые задают характер когнитивной активности в настоящем. Программный тезис радикального конструктивизма был сформулирован представителем когнитивной биологии У. Нассером, квалифицировавшим конструктивизм как *эпистемологию возможностей*. Окружающий мир в конструктивистской парадигме – это мир опыта, в котором субъект познания выполняет роль наблюдателя, а объект «предоставляет возможности» быть познанным или непознанным. Наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя, наблюдение создает самого наблюдателя. Паттерны обоюдного конструирования, структуры объективного и субъективного сопряжены, конгруэнтны¹.

Одной из значимых концепцией социального конструктивизма является теория социальных систем Н. Лумана. Модифицируя понятие аутопойезиса Ф. Варелы и Х. Матураны, Н. Луман превращает его в конститутивное обозначение социальных систем. По Н. Луману, социальные системы – это самовоспроизводящиеся и самореферентные системы, изучение которых сталкивается с парадоксами, логическими и теоретическими трудностями, поскольку общество есть сам себя описывающий объект. Парадоксальность социологии раскрывается Луманом через различение двух изначально стоявших перед социологией, основных вопросов – «что происходит?» и «что за этим кроется?» Двойственная перспектива этих вопросов по определению

¹ Князева Е. Н. Телесное и энактивное познание // Эпистемология: перспективы развития. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. С. 338–339.

делает социологию научной и общественной. Как внутренний наблюдатель системы она не может рефлексировать в различении субъекта и объекта, как если бы она была субъектом, а общество или наука – ее объектом, подобно физике она своим наблюдением меняет свой объект. Выход из создавшейся ситуации Луман связывает с проблемой разрешения двойной возможности/двойной контингентности. Парадокс двойной возможности в качестве проблемы социального порядка был сформулирован Парсонсом¹. В процессе коммуникации ее субъекты ориентированы на взаимные поведенческие ожидания. Двойная неопределенность этих ожиданий блокирует социальный порядок. Только на основе ценностного консенсуса коммуникация может продолжаться. Признавая теорию Парсонса как одну из величайших в методологическом плане, Луман не соглашается с тем, что социальный порядок не объясняется, а закладывается в теорию в качестве предпосылки. «Четырехфункциональную парадигму» Парсонса, считает он, следует рассматривать не как факт, а как *модель возможностей*. Луман убежден в том, что коммуникативная ситуация двойной возможности, с одной стороны, объясняет природу социальности, с другой – является основой социального порядка. Двойная возможность вызывает необходимость согласования перспектив, отбора возможностей, обеспечивающих существование системы. Этот отбор осуществляется через взаимодействие системы и среды. основополагающей характеристикой системы и среды является комплексность – пространство возможностей «переживания и действия». Взаимодействие системы и среды осуществляется по принципу их структурного соответствия. Разграничение системы и среды происходит через самореференцию как процесса установления самоидентичности и самоотнесения. Двойная контингентность – это зависимость социологии от теории и наблюдения. Социальные системы суть самореферентные системы, основная операция которых, коммуникация, постоянно вынуждает их наблюдать самое себя (как сообщение – то, что происходит здесь и сейчас) и иное (как информацию – значение происходящего). Задача социологии, по утверждению Лумана, – реализовать коммуникации как наблюдение второго порядка. Наблюдение второго порядка – выявление значимости как отношения к значению, как

¹ Луман Н. «Что происходит» и что за этим кроется?» Две социологии и теория общества // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 204.

единства возможных значений (того, что кроется за происходящим). Различение возможных значений – это смысл. Категория смысла образуется в расхождении действительного и возможного, иначе говоря, смысл задается модальностью. Следствием двойного наблюдения является устранение онтологической латентности, связанной с ответом на вопрос «что за этим кроется?»; сама латентность переводится в модус контингенции – «она всегда возможна и по-другому, и можно знать, от чего это зависит, т. е. можно также знать не то, как этого избежать, а то, как этим управлять»¹.

Еще один представитель радикального конструктивизма П. Бурдье, характеризуя современную познавательную ситуацию в социологии, сетует на утрату такой исследовательской процедуры, как конструирование научного объекта². Причиной тому явилось деление на теорию и методологию, а следствием – эпистемологическая оппозиция различных школ в социологии. Монотеизм – так характеризует Бурдье строгое следование определенной школы определенному, часто одному методу. Проповедуя принцип радикального сомнения, социологи, по мнению Бурдье, должны занять активную позицию по отношению к фактам, конструируя конкретный случай *как особый случай возможного*, выделяя в нем общие и инвариантные свойства. Второй возможный способ конструирования – сравнительный метод аналогий на основе структурных гомологий, существующих между различными полями (например, между полем академической власти и полем религиозной власти) или между различными состояниями одного и того же поля (например, религиозное поле в Средние века и сегодня). Наконец, еще один метод конструирования объекта – это обращение к истории социальных проблем, исподволь, окольными путями проникших в социологию и образующих эпистемологические бреши в социальных науках.

Продолжением дискуссии о том, как возможна социология и каковы социологические возможности, является работа Э. Гидденса «Новые правила социологического метода». Постулатам структурно-

¹ Луман Н. «Что происходит» и что за этим кроется? // Две социологии и теория общества // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 204.

² Бурдье П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология. Антология: в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 95.

функционального анализа, ведущим, по убеждению Гидденса, к концептуальному уничтожению активного субъекта, он противопоставляет теорию структурации, в соответствии с которой действие агента является не только принуждающим со стороны социальных структур, но детерминируется внутренними побуждениями самого действия, его структуры. Действие рассматривается как воспроизводство условий, которые делают *возможность* деятельности агента. В структуре действия Гидденс, основываясь на философии Гуссерля, особую роль отводит интенциональности. Понятие интенции соотносится с целенаправленным поведением, но как намерение, как возможность сделать нечто. *Возможностное выражение действовани*я («мог бы поступить иначе») отражает *проектность* человеческого действия¹. Проект воплощает целый ряд интенциональных способов деятельности. Что делает агент и что намеревался делать – вопросы, которые задают двойную герменевтику социальных наук в отличие от наук естественных.

Онтологическую традицию социологической трактовки категории «возможность» продолжают постмодернистская теория общества З. Баумана и социология социальных изменений П. Штомпки. С большой тревогой и неудовлетворенностью З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» на феноменологическом уровне выявляет характерные черты того типа общества, которое возникло на Западе в последние десятилетия. Воспроизводя логику Вебера, Бауман использует риторику и стилистику модальности возможного в раскрытии вопросов социального порядка, рационального поведения и социальной иерархии. Главная привлекательность порядка в том, что он, по мнению Баумана, обеспечивает возможность с большей или меньшей вероятностью предсказывать результаты наших поступков и тем самым гарантирует определенную безопасность. В современном порядке не хватает внятного распределения вероятностей. Порядок имеет место, если бы возможным было не любое событие, если бы каждое событие было не в равной степени вероятным. В том случае, когда шансы любого события представляются равновероятными, следует говорить о хаосе. Порядок дает возможность предсказывать и тем самым контролировать результаты своих поступков. Хаос разрывает связи между действием и их последствием, увеличивая

¹ Гидденс Э. Новые правила социологического метода // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 97.

риски как возможные неблагоприятные события. Любая попытка привести «вещи в порядок» приводится к оперированию вероятностями тех или иных событий. Как следствие, уверяет Бауман, возникает всепроникающее ощущение утраты контроля над настоящим. Это в свою очередь ведет к параличу политической воли, к утрате веры в то, что коллективным образом можно чего-то достичь, а солидарные действия способны внести решительные перемены. Существующая ситуация расценивается как должное, высшая необходимость, в которую люди могут вмешаться во вред самим себе¹. Любой вид социального порядка может быть представлен как сеть каналов поиска жизненных смыслов и передачи открытых смыслов. Бауман, следуя Веберу, считает, что главной задачей социологии является активное участие в продолжающихся усилиях по переосмыслению того меняющегося состояния, в котором оказываются «все более индивидуализированные индивиды, борющиеся за внесение смысла и цели в своей жизни. Энергию, с которой внушающая благоговение возможность наживать капитал постоянно генерируется и никогда не утоляется до конца жаждой поиска смысла жизни, нужно направить в нужное русло и найти ей разнообразные применения. Суть социологической задачи состоит не в корректировке здравого смысла, не в открывании перед человеком достойных реализации возможностей, а в предотвращении отказа от их анализа, в противостоянии их подмене или простому уходу из поля зрения. Призвание социологии в наши дни, по Бауману, лежит в спасении человеческого универсума от его закостенения, от превращения современной цивилизации в такое состояние, когда выбирать станет не из чего. Деликатно оценивая концепцию инструментальной рациональности М. Вебера, подчеркивая ее исторический характер, Бауман прогнозирует медленное угасание ее значимости. И далее он поясняет, что во времена Вебера инструментальная рациональность служила главным фактором, регулирующим человеческое поведение. В условиях, когда цели казались установленными, людям оставалось лишь выбирать наилучшие средства для их достижения. Основным источником беспокойства и неуверенности была лишь неопределенность в оценке эффективности этих средств. Сегодня, по мнению Баумана, избыток средств (возможно-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 156.

стей) спровоцировал поиск целей. Время, когда готовые решения предлагались для еще даже не озвученных проблем, прошло. С другой стороны, сами цели стали неопределенными и расплывчатыми, оказываясь наиболее глубоким источником беспокойства. Для примера Бауман приводит маленькое объявление в колонке «Ищу работу» в одной из британских газет: «Имею автомобиль, могу путешествовать, жду предложений». «Чем не точная и уместная характеристика тех обстоятельств и условий, в которых люди оказались в наши дни», – замечает Бауман¹. Оценивая перспективы западного мира в контексте эволюции предпочтений и целей личности, он отмечает наличие биографических системных противоречий, одно из которых – противоречие между возможностью выбора в ситуации огромного набора предлагаемых возможностей и проблемой выбора этих возможностей, точнее, отсутствием реальных возможностей. «Эпоха модернити, – сетует Бауман, – открыла путь в эру постоянной дисгармонии между желаниями и возможностями»². Большинство людей в условиях нехватки средств не имеют возможности достичь достойных и привлекательных целей, что препятствует рациональным действиям и вызывает торможение, бессмысленную, лишенную цели агрессию. Сфера условий, не зависящих от нашего выбора, и область действий, благоприятных для расчетов, оценок и решений, разделяются между собой, между ними образуется объективная граница. Заданность границы оказывается важным, если не решающим фактором, делающим «условия» тем, чем они являются: ограничениями, которые не выбирают. «Условия» лимитируют человеческий выбор, поскольку оказываются внешними по отношению к жизненным играм с их целями и средствами.

Трактовка возможности как условия, средства и цели в контексте рационального поведения так же, как и у Вебера, дополняется понятием шанса. Вместе с тем если у Вебера следование социальным правилам и нормам априорно определяло повышение жизненных шансов, то в современных условиях, по Бауману, люди страдают от ничтожности своих шансов в мире, который бахвалится тем, что предлагает беспрецедентные возможности всем и каждому. В мире, где будущее исполнено опасностей, любой неиспользованный шанс немедленно оказы-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 160.

² Там же. С. 160

вается упущенным. Цитируя З. Фрейда, Бауман сожалеет о том, что цивилизованный человек променял часть своих шансов на определенные элементы безопасности¹.

Потеря человеком контроля над собственными условиями экономической жизни порождает неопределенность, которая приводит к изменению системы ценностей. Люди, стремясь приспособиться к изменяющимся условиям, начинают сами отрицать стабильность и длительность как важные условия нормального существования. Возникает ощущение разъединенного времени, угрожающего способности составить из отдельных фрагментов целостное повествование. Фрагментация социальной действительности приводит к тому, что сами люди все чаще и охотнее отказываются от «долгосрочной» ментальности в пользу «краткосрочной».

Еще один аспект «возможностной» социологии Баумана – характеристика возможностей как ресурса и условия социальной мобильности. Постоянный диссонанс между «я хочу» и «я могу», а точнее, между превышением желаний над наличными возможностями их удовлетворения, становится ведущим принципом социализации на всех его «аналитических уровнях»: формирования собственного «я», социальной интеграции и системного воспроизводства. Однако на разных ступенях социальной иерархии набор возможностей, определенный в качестве ресурсов, необходимых для реализации жизненных целей, тоже разный. Такие ресурсы, как время и пространство, по-разному распределены между стоящими на разных ступенях глобальной властной пирамиды. Те, кто может себе это позволить, живут исключительно во времени. Те, кто не может, обитают в пространстве. Входным билетом в новую глобальную элиту является готовность жить среди хаоса и способность процветать в условиях неустроенности. «Клубной картой» и «визитной карточкой», т. е. индикаторами высокой социальной позиции, являются умение позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться в плену когда-то избранной специальности, а также согласие разрушить созданное собственными руками и начать новый проект².

Бауман вспоминает, что Дюркгейм указывал на социальные ограничения, как на необходимые условия «подлинной свободы» (геге-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 175.

² Там же. С. 162.

левское предписание – свобода как понятая и осознанная необходимость). Сегодня эта стратегия применяется исключительно к «андер-классу», новым бедным, получателям социальных пособий – к людям, которые, по общему мнению, не способны справиться с характерным для них конфликтом между желаниями и возможностями. В условиях общества постмодерна претерпевает изменение и сама идея прогресса. Прогресс более не является временным делом, приводящим в результате к совершенству, когда делается все, что должно быть сделано, и в дальнейших переменах нет необходимости. Прогресс становится вечным состоянием, самым содержанием жизни. «Прогресс оказывается дерегулирован и приватизирован», – считает Бауман¹. Он дерегулирован, поскольку элемент новизны всегда дискуссионен. Он приватизирован, поскольку принадлежит каждому человеку, от которого ждут, что он индивидуально воспользуется своим умом, ресурсами и трудолюбием. Однако когда господствует неопределенность и неуверенность, планы на будущее становятся временными и неустойчивыми. По убеждению Баумана, история больших и долгосрочных проектов будущего закончилась. Чем слабее контроль человека над настоящим, тем сами отрезки времени, называемым «будущим», становятся короче. В жизни, управляемой принципом гибкости, стратегии, планы, желаниями и проекты могут быть лишь краткосрочными, ориентированными на разовое решение проблемы, локализованные во времени и ограниченные наличествующими ресурсами.

Особое внимание Бауман уделяет современным образовательным проектам. Современный кризис в сфере образования, по мнению Баумана, – это кризис унаследованных институтов и философий. В мире, характеризующемся эпизодичностью и фрагментарностью социального и индивидуального времени, университеты, будучи обременены историческим опытом и чувством линейного времени, ощущают себя неуютно. Относительно тесная связь между развитием научного дискурса и ужесточением надзора и контроля над образованием сопровождается влиянием современной технологизированной науки на коммерциализацию образования. Университеты превращаются в коммерческие предприятия, выискивая обнадеживающие перспективы там, где раньше виделись лишь опасности. В отчаянном

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 162.

стремлении выдать необходимость за возможность, носители знания превращаются в ревностных сторонников привнесения рыночных критериев в университетскую жизнь: то, насколько тот или иной курс или проект хорош и основателен, ставится в зависимость от его шансов на рынке, от его продаж и продаваемости¹. В мире несогласованных потребностей, *самовоспроизводящихся возможностей* и самоумножающихся альтернатив, где никто не может предсказать, какие специальные знания могут понадобиться, необходимо показывать наличие многообразных путей достижения высшего образования. По мере угасания надежды на разумный контроль над социальной средой, адаптивная ценность проектов вторичного третичного образования становится все более очевидной. Профессиональная краткосрочная подготовка на рабочем месте под руководством работодателей, ориентированная непосредственно на конкретные виды деятельности, а также гибкие курсы для самоподготовки, предлагаются на рынке без посредничества университетов, становятся более привлекательными, нежели полноценное университетское образование².

Квинтэссенцией модализирования в социологии, сосредоточившей модальность возможного на уровне предметности, стала, безусловно, теория социального становления П. Штомпки. Прекрасно ориентирующийся в методологических проблемах французского структурализма, Штомпка суммирует отличительные черты всех деятельностно-акционистских теорий и выделяет специфику восприятия социальной реальности в этих теориях в виде некоторого коэффициента деятельности³. Социальные изменения имеют форму самотрансформации, а основным двигателем изменений выступают индивиды и социальные коллективы. Их взаимообмен действиями и структурами происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации. Так в теории «активного общества» А. Этциони, названной позднее «теорией самонаправленности», механизм непрерывного социального движения заключается в «самозапускаемой преобразовательности» и «творческой респонсивности», т. е. способности творчески отзываться на воздействия. Теория А. Турена описывает образ самовоспроизводящегося общества. Идея самоструктурирования общества высказывается

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество... С. 162.

² Там же. С. 165.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 253.

Э. Гидденсом в его теории структуризации и теореме дуальной структуры, согласно которой структурные свойства системы являются одновременно и средством, и результатом практики, в процессе которой формируются социальные системы. Теория морфогенеза М. Арчер рассматривает морфогенетическую перспективу через уникальное свойство социальных систем к радикальному переструктурированию. Историческая социология представлена у Штомпки двумя авторскими концепциями. Первая – теория фигураций Н. Элиаса. Социальной статике Элиас противопоставляет «процессуальную перспективу» – изменения в обществе не имеют автоматического и неизбежного характера, этот процесс обусловлен людьми в их сложном взаимодействии, которые Элиас назвал конструкциями социальной реальности или фигурациями. Еще один представитель исторической социологии, упомянутый Штомпкой, Ф. Абраме. На смену традиционному противопоставлению статики и динамики, структуры и действия, по мнению Ф. Абраме, должна прийти идея процесса. Процесс строится из исторических событий, событие и есть момент становления, в котором «встречаются» действие и структура. Социологи должны быть заняты событийностью, потому что именно так происходит структурирование¹.

Конституирование Штомпкой социологии социальных изменений является своеобразной методологической предпосылкой создания теории социального становления. Штомпка П. сосредоточивает свое внимание на всепроникающих динамических качествах социальной реальности, на его «процессуальном образе», «образе поля»². При характеристике динамического социального поля Штомпка выделяет четыре вида социальной ткани или сети – *сплетение идей, правил, действий и интересов*. Взаимосвязанная сеть идей образует социальное сознание и определяет идеальное измерение поля. Взаимосвязанные сети правил (норм, ценностей, предписаний, идеалов) предписывают социальные инструкции и образуют нормативное измерение. Социальная организация общества возникает вследствие взаимосвязанных сетей действий и отражает интеракционное измерение. И, наконец, сети интересов, куда включаются жизненные шансы, возможности, доступ к ресурсам, представляют социальную иерархию и отражает измерение поля по шкале возможностей. И интеракционист-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 262.

² Там же. С. 25.

ское и *возможностное измерение* относятся к социетальной ткани. Для выражения многомерности поля Штомпка употребляет понятие социокультурного поля. На каждом уровне социокультурное поле подвергается постоянным изменениям: возникновение и уничтожение идеологий, теорий, доктрин; пересмотр норм, ценностей, правил; дифференциация и реформирование каналов взаимодействия, организационных групповых связей; кристаллизация, утверждение и перегруппировка возможностей, интересов, жизненных перспектив, динамика социальных статусов, распределение и упорядочивание социальных иерархий.

Раскрывая механизм социальных изменений, Штомпка выделяет два уровня (индивидуальный и уровень социальных общностей – социальных целостностей) и два способа существования социальной реальности. Социальная реальность существует в качестве *потенциальной возможности и действительности*. Под потенциальной возможностью он понимает внутренние тенденции, «семена или зародыши будущего», способности, возможности, силы. Действительность же связана с процессами, развитием, поведением, деятельностью. Каждый способ может быть обнаружен в основных компонентах социального мира. Соединение двух уровней и двух способов образует у Штомпки категориальную модель, состоящую из структуры, деятелей, деятельности и действия¹. Для объяснения своей модели Штомпка использует понятие «интерфейс», с помощью которого в компьютерных дисциплинах описывается состояние совместимости систем или программ, когда одна система раскрывает возможности для взаимодействия с другой системой или программой. *Структуры рассматриваются как потенциальные возможности, раскрывающиеся в деятельности, а деятели (агенты, субъекты) – как потенциальные возможности, реализующиеся в действии*².

Для характеристики потенциальной возможности центральной категорией является деятельность, осуществляемая и агентами, и структурами. Принцип отождествления модальной и деятельностной реализации становится основным объяснительным принципом в теории социального становления Штомпки. Именно деятельность выступает отношением между действительностью и возможностью.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 268.

² Там же.

Действительность, с одной стороны, – это модальная категория, с другой – мир, опосредованный, пронизанный деятельностью. Реализация – это осуществление возможности в действительности: когда потенцирование завершено, тогда происходит выбор из пространства возможностей и выбранное реализуется в действительности. Базовой характеристикой действительности является практика, складывающаяся из функционирования структур и действий агентов¹. Свойства тех и других рассматриваются по принципу комплиментарности. Так, свойства систем рассматриваются и как средство, и как результат практики, которые они организуют. Свойства агентов являются и продуктами структур и ресурсами для их построения.

Потенциальную возможность и действительность связывают три последовательности: структуры, раскрывающиеся в оперировании (функционировании); агенты, мобилизующиеся в действии; синтетический процесс деятельности, эвентуализирующейся в практике. Штомпка отмечает конструирующий характер деятельности, так как деятельность преобразуется практикой. По мнению Штомпки, происходящие на сегодняшний момент социальные события соединяющие в себе деятельность структур и действия субъектов (практику) в любой данный момент времени, воздействуют как на структуры (модифицируя или создавая новые сети отношений), так и на субъектов (модифицируя или формируя их внутренние способности) в следующий момент времени. В результате возникает модифицированный или новый вид деятельности. Социальные условия для осуществления практических действий меняются. Если в результате происходят какие-то события, то они находят свое выражение в новой практике, которая, в свою очередь, соединяет деятельность новых структур и действия новых субъектов. Затем новая практика начинает аналогичный цикл, который, изменяя структуры и субъектов, модифицирует деятельность и способы ее реализации, что приводит к появлению следующего, модифицированного вида практики. Эта последовательность продолжается бесконечно долго, воспроизводя постоянно накапливающиеся изменения общества².

Одним из значимых вопросов теории социального становления является вопрос о прогрессе. Штомпка критикует те концепции про-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 273.

² Там же.

гресса, согласно которым критерием является реализация человеческих возможностей. «Критерий возможности, – пишет он –, часто сочетается с понятием равенства, при этом упор делается на равенство возможностей для самых широких слоев общества. В качестве измерителя прогресса принимается не наличие возможностей и их выбора, а лишь равные и всеобщие возможности как таковые»¹.

Вопрос о деонтическом статусе прогресс ставится Штомкой в модальной парадигме: относится ли он к области *необходимого или возможного*? Согласно традиционному подходу, прогресс неизбежен, необходим, поскольку подчиняется неумолимым законам эволюции и истории. Новый, «вероятностный» подход связан с современными морфогенетическими теориями. В соответствии с ним, *прогресс трактуется как возможный шанс на улучшение*, который не всегда наступает или остается незамеченным. В этом случае прогресс рассматривается как *потенциальная способность*, а не как конечное достижение, не как абсолютный внешний стандарт, а как *историческая возможность*, открытый выбор, как продукт человеческих – индивидуальных разнонаправленных и коллективных действий².

Вопрос о том «как возможен прогресс?» трансформируется в вопрос «каков образ действия субъекта, обеспечивающего прогресс?» Этот «образ действия» Штомпка описывает с помощью двух всеобъемлющих понятий – «свобода» и «самотрансценденция», т. е. способность выходить за пределы собственной возможности. Во-первых, жизнеспособный, ориентированный на прогресс субъект до известной степени свободен от довлеющих над ним обстоятельств. Он действует в пределах определенного поля потенциалов, выборов и шансов. Во-вторых, субъект способен выходить за пределы своих возможностей посредством обучения, тренировки, самоконтроля, продвижения вперед. Свойство самотрансцендентности проистекает из склонности к инновациям и кумулятивного эффекта человеческого опыта. Активная интерпретация будущего предполагает его планирование и формирование³.

Итак, инвентаризация способов оперирования категорией возможности в парадигмах классической и современной социологии позволяет зафиксировать ее системообразующий характер. Эпистемологический статус этой категории, заданный исследовательской про-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 63.

² Там же. С. 64.

³ Там же.

граммой основателей социологии, сформировал традиции социологического мышления, демонстрирующих открытую вариативность типов научного мышления, множественность социальных онтологий, их одновременное многообразие, взаимную корреляцию и коммуницируемость. Социология как наука формируется и развивается как эпистемология возможностей. Претендуя на «большую науку», социология оказалась не только и не столько наукой, сколько стратегией и выбором ориентации мышления¹.

Как целокупность категория возможности в истории социологии объединила в себе такие дефиниции, как вероятность и риски, необходимость и свобода, шансы и ресурсы, средства и условия, цели и технологии, что отражает ее огромный теоретико-эвристический потенциал в отраслевой социологии.

Являясь универсальной характеристикой социального бытия и социологического мышления, категория возможности может претендовать на статус фундаментальной социальной константы. Социология, как пишет американский философ Р. Рорти, привлекая внимание к множественности опытов и форм социальной жизни, показывая каждую из них как целостность, как мир со своей собственной логикой, подрывает веру в исключительность какой-либо интерпретации, стимулирует взаимное понимание и терпимость как постоянных условий общей человеческой свободы².

А. С. Ваторопин

ИСЛАМИСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Результаты «Арабской весны», гражданская война в Мали снова резко актуализировали проблему исламизма, его быстрого развития и проникновения в разные регионы мира. Это относится и к России. Насколько исламизм проник в нашу страну, угрожает ей, кто является

¹ См.: Ольховиков К. М., Орлов Г. П. Категории социологии: образ мышления и словарь исследования // Социс. 2004. № 2. С. 3–12.

² Цит. по: Качанов Ю. Л. Начало социологии. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/kachanov_yu/nachalo_sociologii/.

его носителями, каковы его перспективы – этим вопросам посвящена данная статья.

Начнем с определения исламизма. А. Игнатенко дает такую дефиницию: «исламизм – это идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества, где наличествуют мусульмане, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате. Иными словами, речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой деятельности»¹. Возникает вопрос: кто является носителем и осуществляет названную практическую деятельность, реализует шариатский «проект»? Это политики, религиозные деятели, простые верующие-мусульмане или все они вместе взятые? Думается, что именно последнее будет наиболее близко к истине. Поэтому мы можем идентифицировать носителя исламизма – исламистов – как *социально-религиозное движение* («социальное движение – это массовые коллективные действия по реализации специфических интересов и целей»²).

Судя по описанию в литературе, с одной стороны, это движение довольно аморфно, не имеет четких границ (представители разных течений ислама то относятся к нему, то исключаются из него – например, сторонники Нурси), с другой – в рамках данного движения есть определенные организационные структуры, как иерархические (вплоть до государственных – Саудовская Аравия, Катар, Иран и др.), так и сетевые (например, «Аль-Каида»). Указанные структуры выступают в качестве центров распространения исламизма, но при этом активно конкурируют и даже воюют друг с другом, что не позволяет говорить об исламистском движении, как о сплоченном, подчиненном одному плану, реализующем единый проект. Пожалуй, единственное, что их по-настоящему объединяет, – это желание построить общество, живущее по законам шариата, но и в таком случае предлагаемые социальные модели имеют заметные различия.

¹ Петухов В. Б. Джихад в контексте информационного вызова исламистских террористов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2511>.

² Социологический энциклопедический словарь / ред. Г. В. Осипов. М. : Изд-во Норма, 1998. С. 62.

Исламистское движение можно дифференцировать по разным основаниям. Например, по религиозным направлениям – это исламисты-сунниты и исламисты-шииты. Внутри направлений можно выделить различные многочисленные течения. Среди них чаще всего называют суннитские ваххабизм, нурсизм, идеологию «Хизб ут-Тахрир» (партии исламского освобождения) и «Братьев-мусульман»¹. Все они представлены в России.

Религиозная основа этих течений – так называемый салафизм. Суть его: возвращение к первоначальному исламу времен пророка Мухаммада, отрицание всех позднейших нововведений. *Социально-политическую сущность* салафитов как раз и выражает исламизм: создание общества и государства, основанного на законах шариата. Глобальная цель – всемирный халифат. Вообще, можно рассматривать оба этих понятия как синонимы: у них одно основание, но разные акценты.

Другой критерий дифференциации исламистов – степень их радикальности. Здесь имеет смысл выделить радикальные *цели* и радикальные *средства*. На наш взгляд, все исламисты разделяют вышеупомянутую радикальную цель – шариатское общество. Другое дело – радикальные средства борьбы за это общество, включающие в себя и непримиримую борьбу с противниками такового. Тех, кто против насильственных действий, можно условно обозначить «умеренными исламистами», а тех, кто готов их применить, – «собственно радикалами», или «экстремистами».

Теперь перейдем к рассмотрению процессов распространения исламистского движения – сначала в мире, затем в России. Сразу отметим: это взаимосвязанные процессы.

Сегодня достаточно сложно точно обозначить момент, с которого можно говорить о начале современного глобального исламистского ренессанса. Тем не менее, анализ литературы позволяет предположить, что исламизм начал активно проявлять себя в конце 1970-х – начале 1980-х гг. До этого в течение 20–25 лет, судя по всему, шел процесс его становления, связанный с отрицанием глобализации, рассматриваемой, как мировая экспансия западных ценностей и образа жизни,

¹ Ваххабизм – это проблема и для шиизма в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=interview&div=365&domain=3>; Посланцев халифата зовут в Москву [Электронный ресурс]. URL: http://religion.ng.ru/politic/2012-12-05/1_halifat.html.

аморальных с точки зрения традиционного общества. В 1990-е гг. выявились два главных центра исламизма: Саудовская Аравия (суннитский исламизм) и Иран (шиитский исламизм). Как известно, между суннитами и шиитами ведется борьба (теологическая, политическая и даже военная), однако на базе исламистской идеологии обе эти конфессии иногда находят общий язык. Так, в феврале 1998 г. Усама бен Ладен (суннит ваххабитского толка) подписал договор о сотрудничестве с Корпусом стражников исламской революции Ирана (шиитами).

Кроме указанных центров в Саудовской Аравии и Иране исламисты действуют и в других регионах. Вполне очевидно наличие глобальной сети исламистских движений и организаций, окутавшей весь мир (от Ближнего и Среднего Востока до Европы и США).

В настоящее время мы являемся свидетелями нового всплеска исламизма в арабском мире, связанного с так называемой «Арабской весной» – цепью антиавторитарных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке. «Арабская весна» – это сложный феномен, отражающий столкновение интересов самых разных политических сил не только этого региона, но и Запада, Ирана, Китая, России и др. Едва ли не главными игроками и бенефициариями здесь являются исламисты суннитского толка. Так, «Братья-мусульмане» в Египте получили власть и перестраивают общество и государство в соответствии со своими идеалами. В Мали исламисты из «Аль-Каиды» захватили половину страны и также провозгласили шариатское государство. Усилились позиции исламистов в Тунисе, Ливии, Сирии и других странах Сахеля и Ближнего Востока.

Разумеется, неверно представлять распространение исламизма как простое линейное развитие. Это процесс амбивалентный и асинхронный. Практически везде исламисты сталкиваются с мощным сопротивлением как внутри мусульманских стран (тот же Египет фактически на грани гражданской войны), так и со стороны мирового сообщества (например, интервенция Франции и других стран НАТО в Мали). Где-то это приводит к потере их позиций, как это было, скажем в Афганистане с талибами. *Однако так или иначе приходится констатировать один непреложный факт, совершенно однозначную тенденцию: несмотря на сопротивление, исламистское движение постепенно распространяет свое влияние на все большее число регионов мира.*

Не осталась в стороне от этого процесса и Россия. Мы также

можем видеть «ползучее» проникновение исламизма в разные регионы нашей страны. Данный процесс выглядит следующим образом. В России господствует так называемый традиционный ислам, исторически утвердившийся в разных субъектах РФ, прежде всего на Северном Кавказе и в Поволжье. Его отличительные особенности: отсутствие претензий на светскую власть, сотрудничество с государственными органами и толерантность к другим конфессиям. Как это принято у мусульман, в нашей стране нет единой исламской организации. Существует несколько структур, претендующий на общероссийский статус: Совет муфтиев России – СМР (во главе с Председателем Равилем Гайнутдином), Центральное духовное управление мусульман России – ЦДУМ (во главе с Верховным муфтием Таталгатом Таджуддином), Российская ассоциация исламского согласия – РАИС (во главе с Председателем Мухаммедом Рахимовым) и др. В свою очередь, эти организации имеют свои подразделения, например, ЦДУМ: местная религиозная организация (махалля) – мухтасибат (совокупность МРО в пределах района) – ахундство (объединение нескольких мухтасибатов) – региональное ДУМ. При этом последние обладают определенной автономией и могут выйти из центральной организации. Так, в 2012 г. из РАИС вышли Духовные управления мусульман Пермского края и Урала, что сильно подорвало влияние этой организации¹. Стоит отметить, что между этими структурами существует определенная конкуренция, а также некоторые трения с органами госвласти. Все это (и прежде всего разобщенность), естественно, не способствует усилению позиций традиционного ислама в России. Впрочем, пока большая часть российских мусульман (по данным Института социологии РАН, 4 % населения страны²) придерживается именно этого направления.

В то же время исследователи отмечают, что со второй половины 1990-х гг. в России началось активное распространение разных форм салафизма и исламизма. Речь, в первую очередь, идет о Чечне и Дагестане. Чеченские боевики в первую Чеченскую кампанию воевали под националистическими, сепаратистскими лозунгами, но уже вторую (вторжение в Дагестан в августе 1999 г.) начинали, как носители

¹ Мусульман преследуют радикальные неудачи [Электронный ресурс]. URL: http://religion.ng.ru/facts/2013-01-16/1_musulmane.html.

² 79 % россиян являются православными, 4 % – мусульманами. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49624>.

ваххабитской идеологии, а в так называемой Ичкерии (по крайней мере, в отдельных ее районах, например, в Сержень-Юрте – под руководством *иорданца* Хаттаба) уже действовали законы шариата и шариатские суды выносили смертные приговоры. Тогда же в Дагестане образовались ваххабитские анклав¹. Ликвидация российской армией Ичкерии и дагестанских анклавов не привела, однако, к исчезновению ваххабитской идеологии. Большинство вытесненные из Чечни боевики-исламисты ушли в другие республики Северного Кавказа, создали там свои оплоты (особенно в Дагестане), нашли сторонников, а также ресурсы, которые идут из мусульманских стран.

Социологические исследования, проведенные в этих республиках, дают следующую картину. Опросы населения показывают, что сегодня ваххабизм получил наибольшее распространение в Чечне, Дагестане и Ингушетии². Впрочем, следует заметить, что результаты этих опросов не однозначны. Так, сами жители Чечни и Ингушетии, включая русских, в большинстве своем открыто не говорят, что у них распространен ваххабизм (только 16 % чеченцев и 14 % ингушей, а также 37 % русских в Чечне и 17 % русских в Ингушетии уверены в обратном). Но при этом затруднились с ответом 44 % чеченцев и 37 % русских в этой республике, а в Ингушетии – почти 50 % ингушей и более 60 % русских³. Отсюда можно сделать такое предположение: либо местное население в данных субъектах РФ скрывает истинное положение вещей, и ваххабитов там много, либо, что, на наш взгляд, более вероятно, оно просто боится действующих боевиков-исламистов, которых, может быть, относительно и немного. В любом случае придется признать, что влияние исламизма в Чечне и особенно в Ингушетии очень заметно. В Дагестане ситуация более прозрачная: 55 % дагестанцев и 61 % русских открыто заявляют о том, что в республике ваххабизм распространен в наибольшей степени. В других республиках Северного Кавказа ваххабиты тоже присутствуют, но в меньшей степени⁴. Таким образом, судя по всему, самый «исламистский» субъект РФ – это Дагестан. При этом результаты исследования

¹ Кремль укрощает Дагестан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/01/29/1097877.shtml>.

² Дзуцев Х. В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа Российской Федерации: реалии и последствия // Социс. 2011. № 8. С. 107–114.

³ Дзуцев Х. В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа... С. 109.

⁴ Там же. С. 109.

говорят о том, в зоне риска – Ингушетия (почти половина респондентов – сторонники шариата, а каждый четвертый затруднился с ответом), Карачаево-Черкесия (треть населения хочет жить в «шариатском» государстве и еще 20 % затруднились ответить) и Кабардино-Балкария (около половины опрошенных говорят о наличии в их населенном пункте ваххабитов)¹.

Исследователи отмечают, что носителями исламистских и салафистских взглядов обычно являются социальные слои или этнонациональные общности, не имеющие доступа к бюджетным средствам, выделяемым северокавказским республикам федеральными властями. Здесь можно выделить два слоя: 1) люди, у которых тяжелое материальное положение, безработные². Многие из них, особенно молодежь, пополняют ряды бандформирований, исламистов-экстремистов; 2) представители образованных слоев, по сути, интеллектуальной элиты, которые не адаптировались к социально-экономической ситуации на Северном Кавказе. Они пытаются приспособиться, борются за власть, опираясь на исламистскую риторику, поддерживают экономические и образовательные связи с мусульманским зарубежьем (Саудовская Аравия, Иран, Иордания, Турция)³. Эти исламисты могут придерживаться как экстремистских, так и умеренных взглядов.

Разумеется, не следует сводить все причины роста исламистских настроений только к чисто экономическим проблемам. Опросы показывают, что, по мнению респондентов, религиозный экстремизм обусловлен также коррупционностью власти, ее олигархическим характером, неудовлетворительной работой; нравственной деградацией общества; религиозной неграмотностью; клановостью социальной системы; влиянием международных мусульманских организаций и т. д.⁴

Рассматривая ситуацию на Северном Кавказе, необходимо подчеркнуть, что против исламизма ведется активная борьба, как военная, так и идеологическая. Федеральная власть использует и финансово-экономические рычаги воздействия на северокавказские республики. По существу, создан мощный фронт противодействия распро-

¹ Дзуцев Х. В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа... С. 109, 112.

² Муслимов С. Ш. Молодежь Дагестана о религиозно-политическом экстремизме и терроризме // Социс. 2011. № 11. С. 42–47.

³ Дзуцев Х. В. Указ. соч. С. 111.

⁴ Муслимов С. Ш. Молодежь Дагестана ... // Социс. 2011. № 11. С. 45.

странению ваххабизма в регионе. Пожалуй, самый успешный пример такого противодействия – это современная Чечня, которая перестала быть главным оплотом исламизма на Кавказе.

В авангарде этой борьбы – республиканские элиты, в том числе и бизнес-элиты, неразрывно связанные с российским рынком, а также представители традиционного ислама – тарикатизма (суфизма) и догматического богословия (шафиитского и ханафитского мазхабов)¹. В связи с этим интересно отметить, что борьбу с ваххабизмом в Чечне возглавил именно религиозный деятель – муфтий республики Ахмад Кадыров. Элиты опираются на поддержку тех слоев населения, которые хотят жить в светском государстве (от половины до трех четвертей представителей титульных наций в республиках, за исключением Ингушетии, и подавляющее большинство русских)².

По сути, на Северном Кавказе идет война на уничтожение³. Боевики-исламисты убивают представителей власти, силовых структур, общественных деятелей, журналистов, в последнее время под ударом религиозные деятели традиционного направления. В свою очередь, силовики – как местные, так и «федералы» – сообщают об уничтожении сотен исламистов. Однако, окончания войны пока что не видно. Такова ситуация в этом регионе России. До недавнего времени считалось, что проблема исламизма ограничивается именно данным регионом.

В последние годы все чаще стала поступать информация о проникновении исламистов в другие российские регионы, прежде всего в Татарстан (там о салафитах говорят с 2000 г.⁴). И сегодня, вероятно, выглядит справедливым утверждение, что в этой республике постепенно возникает еще один оплот салафизма и исламизма. Действительно, именно в Татарстане в 2010 г. заметно обострилась обстановка, связанная с деятельностью исламистов. Тогда имела место террористическая вылазка в Нурлатском районе, когда были убиты три исламиста и были задействованы большие силы правоохранительных органов. Все это проходило на фоне выступления имама мечети «Эниляр» Шавкята Абубекерова, который поставил под сомнение все доре-

¹ Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М. : «Гендальф», 2001. Гл. 2.

² Дзуцев Х. В. Ваххабизм в республиках Северного Кавказа... // Социс. 2011. № 8. С. 112.

³ Муслимов С. Ш. Молодежь Дагестана... С. 42–47; Кремль укрощает Дагестан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/articles/2013/01/29/1097877.shtml>.

⁴ Ислам в Татарстане : ханафиты, салафиты, ваххабиты... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milli-firka.org/content/8917>.

волюционное татарское богословское наследие (традиционный ислам ханафитского мазхаба), отдав приоритет имеющейся у него салафитской литературе; на фоне форума религиозных и научных деятелей в Центре исламской культуры «Иман» (под руководством заммуфтия Татарстана Валиуллы Якупова), который был полностью посвящен проблеме ваххабизма в республике; научно-практического семинара «Салафизм в Татарстане: распространение, конфликтный потенциал, меры противодействия», где бывший муфтий Фарид Хайдаров обвинил ДУМ РТ в распространении салафизма¹. Судя по данным СМИ, салафитские оплоты сегодня находятся в Казани (столица республики), Альметьевске и Нижнекамске (нефтяной и нефтехимический центры Татарстана)², Набережных Челнах (автомобильный центр). В столице исламисты группируются вокруг мечетей Аль-Ихлас, Салихжан, Нурулла, Ометлеляр, частных исламских центров «Семья», «Рашида». Руководитель мечети Аль-Ихлас имам Рустем Сафин имеет отношение к запрещенной в России организации «Хизб ут-Тахрир». Он вовлекает в свою деятельность не только местных мусульман, но и приезжих из Средней Азии мигрантов. Заметной акцией исламистов стал автопробег 22 декабря 2012 года, устроенный по случаю освобождения из колонии их сторонника³. По некоторым оценкам, ныне число салафитов в Татарстане превышает 3000 человек⁴. Их поддерживают и финансируют чиновники высокого ранга, банкиры и бизнесмены⁵.

В то же время нельзя не отметить, что, как и на Северном Кавказе, в Республике Татарстан с исламистами идет непримиримая борьба. Кроме государственных органов ее возглавляют религиозные деятели-ханафиты. Так, в начале 2013 г. в Казани закрыта мечеть Аль-Ихлас⁶, ключевые учебные заведения, включая Российский ислам-

¹ Ислам в Татарстане : ханафиты, салафиты, ваххабиты....

² Там же; Салафиты Татарстана давят на чиновников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.muslims-volga.ru/?id=3188>.

³ Радикалы из казанской мечети Аль-Ихлас могут направиться в другие мечети, предупреждает эксперт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49625>.

⁴ The Economist: Теракты в июле вряд ли будут последним взрывом или последним убийством в Татарстане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/65584/>.

⁵ Ислам в Татарстане... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milli-firka.org/content/8917>.

⁶ Радикалы из казанской мечети Аль-Ихлас могут направиться в другие мечети, предупреждает эксперт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49625>.

ский университет (г. Казань), выведены из-под контроля салафитов¹. В ответ исламисты развязали террор: самое громкое преступление – покушение в июле 2012 г. на руководителей ДУМ РТ Илдуса Файзова и Валиуллу Якупова (убит). В целом ситуация в Татарстане довольно сложная, хотя и не такая, как на Северном Кавказе. Но специалисты отмечают, что через несколько лет она может значительно ухудшиться².

Распространение исламизма в России не ограничивается Северным Кавказом и Поволжьем. Есть информация, что салафиты довольно активны на Урале (в Свердловской и Челябинской областях), в Пермском крае, Ямало-Ненецком округе, ХМАО, Волгоградской области (там появились уже русские ваххабиты), Нижегородской области, Пензенской области (салафиты очень активны в Средней Елюзани – самом большом татарском селе в России) и других местах³. Носителями этой идеологии являются не только местные мусульмане, но и мигранты – северокавказские и среднеазиатские диаспоры. Среди них есть и умеренные исламисты (их, видимо, пока большинство), и экстремисты.

Таким образом, география исламизма в нашей стране постепенно расширяется. Нельзя сказать, что власть, традиционное мусульманское духовенство ничего не делают, чтобы остановить этот процесс; применяются разные меры: законодательные, административные, силовое воздействие, уступки, попытки вести диалог, разумеется, с умеренными сторонниками шариата и др.⁴ Но тренд пока очевиден. Он вполне соответствует глобальной тенденции усиления позиций исламистов в мире.

Представляется, что остановить этот процесс в России сегодня невозможно, так как продолжают существовать порождающие его внутренние факторы (экономические, политические, моральные, миграционные) и внешнее влияние (прежде всего мировых исламист-

¹ Ислам в Татарстане: ханафиты, салафиты, ваххабиты... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milli-firka.org/content/8917>.

² Салафиты в Татарстане организовали покушение на муфтия Илдуса Файзова [Электронный ресурс]. URL: <http://modus-agendi.org/news/393>.

³ Религиовед Роман Силантьев: Ваххабиты уже стали министрами и прокурорами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.66.ru/news/society/126635/>; Русскую мусульманку из Волгоградской области будут судить по делу о вербовке смертников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=49544>; Сагитова Л. В. Традиционное и новое в исламе: кейс Средняя Елюзань // Социс. 2012. № 2. С. 104–114.

⁴ Ислам в Татарстане: ханафиты, салафиты, ваххабиты... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milli-firka.org/content/8917>.

ских центров). Это, безусловно, будет обострять внутривосточную ситуацию в нашей стране, особенно если все-таки разразится «столкновение цивилизаций» – Запада и мусульманского мира. В то же время, на наш взгляд, вряд ли возможен вариант, при котором Россия окажется под полным влиянием исламистов, потому что все-таки она не является мусульманской страной.

С. Ю. Вишневецкий

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТЕОРИЯ ПРИЗВАНИЯ Л. Н. КОГАНА

Нет, наверное, ни одной области гуманитарного и социального знания, на которые бы идеи Л. Н. Когана не оказали существенного влияния. Где-то возникла теоретическая полемика, где-то раздвинулся горизонт науки, где-то сам автор отказался от ранее высказанных идей. Как бы то ни было, стоит отметить важное качество мыслей Л. Н. Когана. Они всегда были интересны и нетривиальны.

Сегодня важно не только то, что нашел Л. Н. Коган в той или иной области знания (хотя и в этом модусе можно найти золотые россыпи мысли), существеннее – способ ведения творческого поиска. И в этом модусе (как работать, как искать) любое произведение Когана является непреходящим.

В огромном многообразии мыслей хотелось бы зафиксировать внимание на одной. Начиная с середины 1960-х гг. идея *культуры* является стержневым понятием в творчестве Л. Н. Когана. Конечно же, пространство и время наложило свой отпечаток на содержание и формы мысли. Но внутри этих рамок, без которых не существует человеческое творчество, как раз и проявляется человеческая личность.

О некоторых проявлениях личности Когана хотелось бы сказать особо. Прежде всего впечатляет многоплановая стилистика размышлений. Научный труд, эссеистика, учебное пособие, газетная статья требуют различных подходов к организации мыслей. Способность переходить от одного стиля к другому связана не только с авторской интенцией. Более важным является различная адресная направленность. Научный оппонент, творческий единомышленник, студент и простой читатель по-разному воспринимают научные идеи. Желание довести свои мысли до специфического адресата в наиболее удобной для него форме соединяется в единстве размышлений о культуре в

творчестве Л. Н. Когана. В феноменологическом плане это означает, что интенциональность понимается не только как направленность на предмет (в нашем случае на культуру), но и как адресность, т. е. направленность на собеседника, оппонента, учащегося.

Стоит отметить и тот факт, что интерес Л. Н. Когана к проблемам культуры по времени совпадает с важным этапом развития отечественной культурологии 1960–1980 гг., когда начинается поиск новых подходов к пониманию сущности культуры, появляются новые концептуальные идеи ее анализа... Невозможно представить данный этап без определенного влияния работ и идей Л. Н. Когана. Тем самым, личностный интерес исследователя совпадает с определенными закономерностями развития общественных наук в нашей стране.

Творческие связи с культурологами Москвы и Ленинграда, Киева и Еревана, Перми и Новосибирска показывают, что наука – это не только теоретическая деятельность, но и организационная работа, без которой не может существовать наука как социальный институт.

И, наконец, любой крупный ученый проявляется не только в своих теоретических исследованиях, но и в своих учениках, последователях. Сегодня, можно говорить об уральской школе, в создании которой принимал непосредственное участие Л. Н. Коган. Влияние его личности ощущается не только в теоретических разработках уральских ученых, но и в конкретных социологических исследованиях различных областей культуры, которые имеют непосредственное практическое применение.

Таким образом, присутствие Л. Н. Когана в теоретическом, феноменологическом, организационном, учебном пространстве культурологии является примером воплощения настоящего творчества.

Коган Л. Н. внес существенный вклад в развитие социологической концепции призвания. Его трактовка призвания отличается оптимизмом. «Мысли о Вечности, – по Когану, – рождают оптимизм, веру в наше будущее, в возможность (и необходимость) скорейшего преодоления современных трудностей и бед. Вечность – проблема реального гуманизма. У каждого из нас есть определившие его судьбу мгновения, свои «звездные часы», свои интимные отношения с Вечностью. Но, думаю, у всех нас есть неистребимая вера в Россию, в ее будущее, в счастье ее народов». Несмотря на трудности и пробле-

мы, верить в возможность и необходимость их решения – это и гуманистично, и реально»¹.

Отсюда столь пристальное внимание мыслителя и ученого Когана к переходным – «антиномичным», по его оценке, – эпохам, периодам (осмысленным автором теории и применительно к своему времени, и к временам Шекспира и Сервантеса). В эти эпохи меняется «весь образ жизни общества – не только содержание мышления, но и его стиль», формируется «принципиально новый тип личности», совершается «грандиозный переход от культуры традиционной к новому типу культуры», происходит «сложное и мучительное становление личности как индивидуальности». Переходные эпохи – эпохи самых острых и непримиримых конфликтов, ломающих судьбы многих тысяч людей. В своем социологическом анализе Коган развил и самое главное персонифицировал (соотнес с судьбой каждой личности) идею Ортеги-и-Гассет о единстве призвания, обстоятельств и событий (случайности).

Для Когана развитие личности не только предмет научного анализа, но прежде всего – социальный процесс. Введение понятия «социальные силы личности» позволяет говорить не только о сущности развития личности, но и отметить важные моменты концепции призвания. «Сущностные силы человека, – подчеркивал Л. Н. Коган, – не всегда адекватно осознаются и оцениваются им самим. Он может иметь превратное (завышенное или заниженное) мнение о своих способностях, навыках, знаниях, неправильное представление о своих потребностях и т. д. Все это убеждает в том, что сущностные силы объективны, составляя в совокупности объективные социальные качества личности»². Соответственно призвание можно понять как сущностную силу.

Важнейший момент позиции Когана – различие субъективного представления человека о своем призвании и объективной оценки этого призвания. Пересечение субъективности и объективности в таком контексте позволяет рассматривать призвание как социальную проблему, связанную с представлениями, мнениями, оценками и знаниями.

Понятие «социальные силы» функционально. Различные функции и задают ориентиры дальнейшего анализа. Коган Л. Н. акцентирует

¹ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург : УрГУ, 1994. С. 156.

² Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. С. 13.

внимание на основных аспектах социальных сил: характеризуют направленность и масштаб социальной деятельности субъекта; раскрывают его социальные потенции; социальная деятельность – реализация, опредмечивание социальных сил.

Самым интересным для понимания призвания в концепции Когана является не общее решение проблемы социального потенциала, а выявление специфики призвания как социального потенциала. При этом само призвание берется как целостная сила, объединяющая возможность и реализацию этой возможности. Призвание как социальный потенциал можно отличить от других видов социального потенциала. Наиболее операционально это различие можно осуществить через категории «цель» и «смысл». С позиций цели и смысла призвание как социальный потенциал есть максимальная цель конкретной деятельности в данных социальных условиях. Это – «цель», понятая как единство нормы и образца.

Важнейший фактор понимания призвания в трактовке Л. Н. Когана – реализация цели. Реализацию необходимо понять как единство реалистичности (цели не должны отрываться от реальности настолько, что превратятся в утопический идеал) и осуществленности (без реализации потенциальная сфера остается теоретической и не имеет критерия истинности). Такое единство говорит о конкретизации максимальной цели: максимум выступает как мера, соединяющая в себе различные процессы. С точки зрения диалектики индивидуальности и социальности, по мнению Когана, мера отражает характер социальных, сущностных сил как продукта общественного развития. С точки зрения цели – единство способностей, потребностей, рациональности (знания, умения, навыки) и чувственности. В структуре социальных сил Л. Н. Коган выделяет: соответствующие способности к выполнению данного вида деятельности; потребности, которые всегда социальны и формируются в ходе человеческой практики как противоречие между наличным бытием и желаемым (либо должным); знания, навыки и умения, человеческие чувства.

Соединение субъектных и целевых характеристик позволяет рассматривать призвание как процесс присвоения конкретных общественных отношений, а сущностные силы человека как меру его социальной активности. Призвание выступает как процесс присвоения и осуществления социальной активности. Развивающаяся мера позволяет говорить о конкретизации в теории личности понятий нормы

и образца. Мера как норма есть статическая характеристика – необходимое основание призвания в конкретной деятельности. Без овладения предшествующими результатами нельзя нормально осуществлять профессиональную деятельность. Мера как образец, как динамическая характеристика есть не только развитие призвания как сущностной силы. Она всегда исторична и обладает специфическими характеристиками. К ним Л. Н. Коган относил целостность, универсальность и гармоничность. Их единство позволяет говорить о призвании не только как о социальном качестве, но и как отношении, пронизывающем все виды и типы человеческой деятельности. Такой анализ приводит к пониманию того, что нет никакой необходимости для противопоставления профессиональной специализации и расширения диапазона способностей и творческих возможностей личности. В одном случае (профессиональная специализация) призвание рассматривается как социальное качество, в другом (расширение творческого диапазона личности) – как социальное отношение, свойственное всем видам человеческой деятельности. Тем самым Л. Н. Коган корректирует позицию Э. Дюркгейма, противопоставлявшего дилетантизм и профессионализм (что совершенно верно), но отождествлявшего дилетантизм с любой всесторонностью, универсализмом (что достаточно механистично и ограничено). Позиция Когана противостояла и официальной установке на «всестороннее развитие личности» (всесторонность = всеохватность = разнонаправленность).

Рассмотренные в единстве социальный потенциал, его реализация, направленность и масштаб свидетельствуют о такой важной особенности процесса призвания, как самореализация и самоутверждение личности. Подчеркивая в данном случае именно результативные характеристики, акцентируем внимание на целостной системе: «цель – результат – субъект». Формой развития этой целостности является саморегуляция. Поэтому совершенно справедливо мнение Л. Н. Когана, что развитие личности надо рассматривать не только как результат внешних влияний на личность, но и как прочный сплав, единство их с активной деятельностью самого человека, его стремлением развиваться всесторонне, с процессами саморегуляции.

В этом принципиальном положении заложены богатейшие возможности для дальнейшего развития социологической теории призвания. Развитие и всестороннее развитие рассматриваются не как два процесса, а как единый процесс. Это позволяет рассматривать всесторон-

ность не только как идеал, к которому можно и нужно стремиться, но и как конкретную форму. Саморегуляция содержит в себе две взаимодополнительные характеристики: регулирование (подчеркивает момент конкретно-исторического, возрастного соотношения различных способностей и потребностей, знаний и чувств) и регулярность (требование необходимого воспроизводства этого соотношения). «Система социальных сил находится в постоянном развитии, в ходе которого непрерывно становится и разрешается противоречие между ее элементами. Эта внутренняя противоречивость развития социальных сил является источником относительной самостоятельности развития личности». Именно саморегуляция объединяет и различает сферы цели и смысла, соединяя в себе деятельность как целеполагание и субъекта с его смыслозначимой сферой. Конкретные формы соединения цели и смысла и определяют уровень развития процесса самореализации. Саморегуляция есть единство самореализации и самоутверждения. По концепции призвания получается: в процессе самореализации человек и утверждает себя; самоутвердиться невозможно без самореализации. Жизнь человека понимается как развивающаяся активная позиция. Из этого следует, что призвание – это не только результат (позиция), но и развивающийся процесс (жизненный путь и судьба). Особенный интерес вызывает различие Л. Н. Коганом близких, но отнюдь не тождественных понятий «судьба» и «жизненный путь»: первое применяется и для характеристики еще неизвестного будущего, второе употребляется, когда имеются в виду определенные итоги жизни человека (окончательные или предварительные). Слово «судьба» фигурирует обычно там и тогда, где и когда возникают альтернативы развития явления, общности, класса, страны, народа, социального института, личности, где возможен (или был возможен) выбор между реальными возможностями этого развития. Этим определяется и вывод Л. Н. Когана о том, что заменить понятие «судьба» термином «жизненный путь» во многих случаях невозможно.

Специфичность человека, процессуальность и результативность, наличие выбора – вот те характеристики, которые позволяют говорить, что проблема судьбы имеет специфическую определенность для жизни человека и его призвания. Судьба, характеризующая неизвестное будущее, есть основа жизненного плана. В таком контексте жизненный путь человека понимается как реализация жизненных планов. «Жизненные планы нужны человеку не только для того, чтобы определить стержневую линию жизни, но и как

средство самовоспитания – для борьбы с собственной ленью, бесполезным разбазариванием времени, сил, талантов, для выработки силы воли, принципиальности, смелости и т. д. – в этом состоит непреходящая ценность жизненных планов». Стержневая линия жизни – это не только метафорическое выражение. Оно определяет необходимость различения существенного и несущественного в жизни каждого человека. Можно много трудиться, заполнять время всевозможными хлопотами, не отвечая на вопрос «зачем». «В жизненных планах, – подчеркивает Л. Н. Коган, – конкретизируются жизненные программы, представляющие собой обобщенную вероятностную модель будущего жизненного пути индивида как определенной целостности». Рассматривая «жизненный путь индивида» в единстве темпоральных характеристик – прошлое, настоящее и будущее, – приходится говорить о том, что связь между прошлым и настоящим отличается от связи между настоящим и будущим. Последняя, в силу неопределенности, носит вероятностный характер. Судьба в этих условиях становится предопределенностью. Рассматривая в единстве определенность и предопределенность, можно говорить о реалистичности жизненной программы. Если «будущее» – неопределенно, т. е. невозможно дать единственное определение, то «будущее» необходимо предопределять. Это особенно важно с позиции теории призвания, так как «в жизненной программе отражается то, что обычно называют призванием человека».

Соединение различных аспектов предметных воплощений и процессуальных характеристик жизни человека позволяет Л. Н. Когану сказать: «Призвание личности – ее стратегическая жизненная цель, единство желаемого и должного – лежит в центре внутреннего мира, «стягивая» все основные устремления личности. Призвание в этом смысле и есть судьба. Если человек находит свое призвание, реальную жизненную цель, он действительно творит собственную жизнь».

Таким образом, призвание есть способ соединения следующих проблем: жизненный путь – жизненный план – жизненная программа – судьба. Одновременно это и специфическая темпоральность, которая не только различает моменты времени – прошлое, настоящее и будущее, – но и показывает их непосредственное единство. В обосновании и развитии этих идей и проявился вклад Л. Н. Когана в разработку теоретических проблем социологии в целом и социологической концепции призвания, в частности.

ПРОЕКТ «СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА» П. Г. НАТОРПА

Важный вклад в развитие социологии образования внес П. Наторп¹ своей теорией «социальной педагогики», которую он соотносил с изучением социальных условий образования и образовательных условий социальной жизни. Характерна оценка педагогической концепции Наторпа В. А. Куренного (составитель переиздания его трудов)²: «Речь идет, по сути, о программе самоусовершенствования общества, пораженного различными формами социальной аномии (преступность, распад семьи, алкоголизм и т. д. и т. п.). Только решение совместной задачи воспитания и образования, которое охватывает не только детей, но и все взрослое население («начиная с колыбели и до могилы»), способно, установить в современном обществе (Gesellschaft) *сообщество* (Gemeinschaft), основанное на доверии, солидарности и совместном деле. В отличие от простого агрегата индивидов, образующих общество, *народ* образует только «свободное общество»³. Совместное участие в этом проекте «социальной педагогики» должно охватить все социальные уровни, – начиная с семьи и заканчивая государством, ибо «целью государства является воспитание к высшей человечности, а целью воспитания – образование истинного государства, государства идеи»⁴. Этот проект определяется как *социалистический*, причем социализм понимается здесь «в смысле равного права человека на достойное человеческое существование»⁵.

¹ Как правило, о П. Наторпе в историческом плане говорят преимущественно как о философе (в связи с неокантианством, «марбургской школой» и т. д.) или как о педагоге. В других случаях – справедливо – с ним соотносят использование термина «социальная педагогика» и вклад в становление данной отрасли педагогической науки. Но, если исходить из понимания Наторпом сущности социальной педагогики – «Социальные условия образования и образовательные условия социальной жизни – вот тема этой науки»; «Понятие социальной педагогики выражает принципиальное признание того факта, что воспитание индивидуума во всех существующих отношениях обусловлено социальными причинами» (*цит. по*: История социальной педагогики : учебник-хрестоматия / под ред. М. А. Галагузовой. М. : Владос, 2000. С. 248), то его подход можно считать *социологическим*), тем более, с учетом нечеткой дифференциации социальных наук на рубеже XIX и XX вв.

² Наторп П. Социальная педагогика Песталоцци // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М. : Территория будущего, 2006. С. 18.

³ Наторп П. Указ. соч. С. 147.

⁴ Наторп П. Указ. соч. С. 377.

⁵ Там же. С. 166.

Ориентиры П. Наторпа в гуманистической педагогике – Ж.-Ж. Руссо, И. Гете, И. Гердер, И. Г. Песталоцци. Он высоко ценит их самобытное непосредственно теплое отношение к человеку. Воспринимаемая цель Песталоцци *воспитать в человеке человека*, П. Наторп считает необходимым расширить ее, поскольку она носит «индивидуалистический характер», «направлена на отдельную обособленную личность»¹. Особо подчеркивается важность учета серьезных изменений социальных условий – «принимать во внимание великий переворот, который вызвала промышленность во всех условиях жизни»².

Наторп П. считает необходимым преодолеть традиционную тенденцию недооценки теоретических проблем образования и воспитания: «всегда существовала, существует и теперь часто, склонность в деле воспитания вообще мало доверять теоретическим соображениям и во всем полагаться на практику»³. Этому и посвящены его теоретические работы «Философия и психология», «Философия как основа педагогики»⁴.

Наторпу импонирует позиция Песталоцци, «видящего и чувствующего невыразимую запущенность (особенно – «духовную запущенность юношества из народа») и невнимание к святым силам, которые спят в народе», подчиняющего свою жизнь и деятельность «могучей нравственной задаче» – «задаче создания воспитания, народного воспитания и служения ему»⁵. Определив суть предложений и рекомендаций Песталоцци как «социальную педагогику» («воспитывает только общество, а воспитание только обосновывает общество»), П. Г. Наторп критически оценивает современную ему ситуацию: «нет правильного здорового отношения между воспитанием и обществом». С этим связан и его вывод: «социальная педагогика со всей строгостью ее требований в том виде, как мы познакомились с ней по Песталоцци, не осуществлена, а должна быть еще создана»⁶.

Среди важнейших *характеристик социальной педагогики* П. Наторп выделяет:

¹ Наторп П. Указ. соч. С. 151.

² Там же. С. 162.

³ Философия как основа педагогики. Предисловие // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М. : Территория будущего, 2006. С. 303.

⁴ Философия и психология // Там же. С. 25–54; Философия как основа педагогики // Там же. С. 295–394.

⁵ Наторп П. Социальная педагогика... // Там же. С. 151–152, 154.

⁶ Там же. С. 162.

- «воспитание народа не является изолированной задачей»; оно связано со всей «народной жизнью»;
- «оно должно воспитывать для *жизни*» и «органически входит в общую жизнь народа»;
- важно «*собственное участие народа* в выполнении задач народного воспитания»¹.

Принимает П. Г. Наторп и *принципы воспитания* И. Г. Песталлоцци – «*помощь к самопомощи*» и «*образование путем дела*» («*сделать центральным пунктом воспитания юношества работу*»)². «В ней, в деятельности, заключается *непосредственная жизнь*, осуществленная действительность; слово есть только тень дела, оно оживает только тогда, когда становится в определенное отношение к нему. В деле, в творческой работе, – подчеркивает П. Наторп, – ... соединяются силы познания и воли; нет основательного познания, нет истинного, твердого и энергичного волевого акта, которые не возникли бы из работы и творчества и не черпали бы оттуда свои лучшие силы»³. На наш взгляд, трактовка *воспитания как всенародного дела* – серьезная новая идея Наторпа. И в современных условиях такой подход актуален и, к сожалению, явно далек от реализации.

¹ Наторп П. Социальная педагогика... С. 163.

² Там же. С. 154, 155. Как развитие этого принципа Наторп ссылается на Г. Кершенштейнера, писавшего в статье «Школа будущего – школа работы»: «Задача школы именно и состоит в том, чтобы дети с ее помощью могли освоиться с данным учебным материалом, чтобы она помогла ребенку увеличить, упорядочить и дополнить его знания и ими самостоятельно пользоваться; она должна быть школой обучения, или она не будет вообще школой». Верно, она должна быть школой обучения, но такой, которая идет навстречу всей душевной жизни ребенка, которая приноровлена не только к его способности воспринимать, но также к его творческой способности, не только к пассивной, но и к активной стороне его природы, которая должна отвечать не только его интеллектуальным стремлениям; но в особенности его *социальным инстинктам*. Она должна быть школой обучения, в которой учат не только при помощи слов и книг, но гораздо больше путем практического опыта... 90 процентов всех мальчиков и девочек, вопреки нашему книжному воспитанию, далеко предпочитают всякое практическое занятие рассуждениям и абстрактному мышлению... В мастерской и в кухне, в саду и в поле, в конюшне и на рыбацкой лодке они всегда готовы к работе. Здесь самое широкое поле для их обучения. Здесь тысячи предметов живо схватываются разумом: здесь бессознательно приобретаются мышцами тысячи навыков; здесь, в своих собственных поступках, прежде всего учатся дети чувствовать биение пульса социальной жизни. Здесь ощущают они отношения, которыми связаны отдельные личности в общественной жизни, зависимость малого от большого и великого от малого; здесь учатся они помогать и предупреждать желания своих и чужих, утешать печальных, кормить голодных, ободрять уставших, вдохновлять малодушных так же, как и в играх они учатся совместно стремиться, а сообща организовывать и свободно подчиняться». URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-10304.html?page=35#345260>.

³ Наторп П. Указ. соч. С. 157.

Социальность педагогики Песталоцци (и тем самым социальной педагогики) П. Наторп соотносит с тем, что «индивиды существуют вообще только в обществе, как и общество – только в познании и воле индивидов»¹. «Совершенное образование индивида» призвано сформировать «здоровое отношение к обществу», «для истинного общества нужно полное свободное образование всех индивидов». «В идеале, – по Наторпу, – отношения индивида и общества «не должны быть враждебными», они «должны необходимо принимать форму строгой согласованности»². Таким образом, назначение социальной педагогики – устранение социальных противоречий, согласование индивидуальных и общественных интересов. Наторп демонстрирует *социальный реформизм*, но у него инструментом этого реформирования выступает социальная педагогика. Ее цель не «сделать людей более государственными, а стремиться к очеловечению государства, которое только тогда и возможно, когда общественные отношения между людьми принимают здоровую форму»³.

При всей абсолютизации П. Г. Наторпом социальной роли воспитания сам акцент на эту роль весьма значим. «Свобода и равенство остаются не чем иным, как мертвыми фразами, – подчеркивает социальный педагог, – до тех

«Весь мир вновь начинает, по-видимому, проникаться старым платоновским убеждением, что в конечном итоге социальный вопрос является вместе с тем и педагогическим, выделенным лишь наиболее крупным шрифтом, а педагогический вопрос является, в свою очередь, и социальным».

П. Наторп

пор, пока для всего народа, до последнего человека, не будут найдены средства и пути его *воспитания*, которое одно только и может дать возможность по-человечески пользоваться добытыми правами»⁴. Конечная цель социальной педагогики – «всегда благо человечества», ее «пароль» – «права человечества».

Песталоцци И. Г. близок П. Наторпу особенно тем, что он *приближается к социализму*. Этот социализм по духу – «этический социализм», присущий неокантианству: «в смысле равного права человека на достойное человеческое существование». При таком социализме человек не будет «рабом вещей», а останется «господином их, чтобы в конце концов заставить вещи служить только своему внут-

¹ Наторп П. Социальная педагогика... С. 167.

² Там же.

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 169.

ренному человеческому образованию»¹. «Институт собственности будет принципиально подчинен более высшей, нравственной цели человека, а не наоборот, поскольку собственность существует ради человека, а не человек ради собственности»². *Каждый класс народа будет заботиться о себе сам, но классовых противоречий не будет, так как, с одной стороны, будет, благодаря «духу предпринимательства и пользы предпринимателя», развиваться промышленность, а с другой – претензии рабочего будут рассматриваться не «как расчет на милость работодателя», а как «справедливое требование признания своей полной самостоятельности и человеческого и гражданского равенства»*³. Наторп П. явно осовременил взгляды И. Песталоцци. С высот сегодняшнего дня видно, что если не осуществились идеи К. Маркса о пролетарской революции как пути к социализму, то столь же далекими от реализации оказались и выраженные П. Наторпом идеи о естественном утверждении «классового сотрудничества». Но мы договорились не судить тех социологов, чьи взгляды исследуем, а извлекать уроки. А урок достаточно серьезный – по мере развития капиталистического общества нарастала неудовлетворенность им (П. Наторп отмечает у И. Песталоцци такое отношение: «Стыдно говорить о свободе людей в стране, где ничего не делается для того, чтобы поднять низший народ до уровня человеческого достоинства..., где, наоборот, прилагают все усилия к тому, чтобы сохранить неразумие детей и детей детей, чтобы строить на нем промышленные предприятия и получать из него выгоду»⁴). При этом мыслители предлагали разнообразные пути перехода к более справедливому обществу. Проблемы образования и воспитания в этих поисках занимали одно из первых мест.

По мнению П. Наторпа, необходимо «подчинение профессионального образования воспитанию человека»⁵. Но – как свидетель бурных социально-экономических (в его трактовке – «хозяйственных») изменений в Германии в конце XIX в. – он считает необходимым изменение характера профессионального образования. До сих

¹ Наторп П. Социальная педагогика... С. 170.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 158. Речь у него идет даже о «строжайшем подчинении профессионального, а также светского образования общему гуманитарному образованию».

пор оно «было домашним делом». Ныне должно переноситься «непосредственно в школу»¹. И хотя содержательно школьное профессиональное образование чаще всего у П. Наторпа не выходит за рамки элементарных трудовых умений, весьма перспективна для определения характера этого образования (и добавим – для профориентационной работы) его идея: «хозяйственная работа, равно как и политический порядок, существуют для человека, а не человек для них»². Чтобы по достоинству оценить вклад немецкого социального педагога в решение проблем *профориентации*, приведем ее определение, данное в 1970 г. на XV Генеральной конференции ЮНЕСКО: «Помощь, оказываемая личности в использовании своих личных особенностей, предоставлению человеку возможности развивать их так, чтобы он был в состоянии выбрать для себя области обучения и трудовой деятельности в ходе меняющихся условий его жизни и, с одной стороны, быть полезным обществу, а с другой – достичь личных стремлений»³. Как видим, идея П. Наторпа (профессиональный выбор для человека) была воспринята. Одновременно понятно, как много еще нужно менять в нашей сегодняшней теории и практике профориентации, чтобы выйти на уровень этих требований.

В социальной организации воспитания П. Г. Наторп выделяет три основные формы⁴:

- «первой формой воспитывающего общения является *дом*, или *семья*»;
- «*школьное воспитание* весьма определено способствует развитию воли с формальной стороны ее подчинения правилам вообще. Сущность школы состоит именно в порядке и дисциплинированы сообщаемых всему поведению – как со стороны интеллекта, так и воли. Благодаря этому школа представляет собою самую точную аналогию с правовой организацией общества, для участия в которой она постепенно, шаг за шагом, и подготавливает (*heranbildet*) человека»;
- «однако совершенной полноты и законченности нравственного воспитания каждого индивидуума как гражданина не в состоянии достигнуть ни семья, ни школа; такое совершенное воспитание может

¹ Наторп П. Социальная педагогика... С. 164.

² Там же. С. 165.

³ См.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2006. С. 291–292.

⁴ Наторп П. Начала этики // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. § 34. М. : Территория будущего, 2006.

дать только такой *порядок общественной жизни*, при котором все стороны общества – как экономическое и правовое устройство, так и попечение об образовании на всех его ступенях, включая сюда и попечение об искусстве, – действуют совместно для достижения одной и той же последней цели чистого общения в познании и хотении единого вечного блага (социально-педагогическая идея государства)».

Социальная педагогика П. Г. Наторпа нацелена на *самостоятельное освоение человеком знаний и умений*. «В человеческом образовании, – подчеркивал он, – вообще ничто не должно оставаться только перенесенным, доставшимся в наследство благом, а все должно развиваться из внутренних источников ума и чувства самого человека»¹. Отсюда поддержка и развитие им *принципа наглядности* И. Песталоцци: нужно «сделать «наглядность» основой всего человеческого познания, т. е. всего человеческого образования»; «наглядность представляется всегда творческим фактором познания, самим познанием в живом деле внутреннего формирования»².

Интересен образ *садовника*, с которым сравнивает П. Г. Наторп воспитателя: «Садовник не может заставить растение расти, оно может расти только с помощью собственных сил и сил земли; садовник может только создать для этого самые благоприятные внешние условия и устранить препятствующие обстоятельства – тогда оно будет расти». Но и садовник не может просто так выращивать растение: «Чтобы охранить его рост, помогать и способствовать ему, насколько это возможно, а не портить дело, он должен изучать законы роста и с этими единственными законами сообразовать свою помощь, а не требовать, чтобы растение росло по его предвзятой идее или, еще больше того, не росло, а давало бы формировать и подстригать себя под определенный образец»³. Одно из достоинств школы Песталоцци П. Г. Наторп видел в том, что «*учащие*» «тем не менее чувствуют себя все *учащимися*»⁴. Считая необходимым, чтобы «школьный учитель был открытым, живым, хорошим, отзывчивым и бодрым человеком, который принимает близко к сердцу судьбу школьников, человеком, который способен открыть детям и сердце и уста и извлечь их естественный разум и природную сообразительность из самых отдаленных

¹ Наторп П. Социальная педагогика Песталоцци... С. 170.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 172.

уголков», П. Г. Наторп фиксировал, что «на деле мы наблюдаем большею частью обратное»¹. Он понимал, что осуществление социально-педагогического проекта потребует – для «свободного преподавания» – «учителей, у которых есть не только добрая воля быть свободными и свободно воспитывать, но которые действительно свободны, а потому и могут воспитывать свободно и к свободе»². Но видел и то, как трудно будет найти их. Эта трудность соотносилась с тем, что учителя «в общем воспитаны несвободно, да и не могут быть воспитанными иначе: современная система не позволяет этого, и если встречаются люди, которые свободны и умеют свободно воспитывать (к счастью, таких учителей много и в настоящее время), то они обязаны этим сами себе, а не системе»³. Выявлено одно из серьезных противоречий в работе учителя (обостряющееся со временем): как соединить устойчивость (традиционность) знаний и умений учителя и потребность в их постоянном обновлении.

Интерес представляет и постановка социальным педагогом других проблем, связанных с социальной ролью учителя. Одна из них – узость учителя-предметника: социальная педагогика потребует «*учителей*, которые бы сами вполне свободно владели своим предметом и обладали бы достаточными сведениями и в других областях»⁴. Другая – учитель – предметник и воспитатель. Позиция П. Г. Наторпа – «учитель должен также принимать участие в свободно устраиваемых занятиях, играх и т. д. в часы отдыха, но не как учитель, не как начальство, а просто как равный» – в духе «педагогике сотрудничества»⁵.

Наторп отмечает реальные достижения школьного дела в Германии, особо выделяя, что «введено действительно *всеобщее* обучение». Но при этом не удалось преодолеть то, что вызывало опасение Песталоцци и его «отвращение к *внешнему механизму* предписанной государством и опекаемой им школы». Наторп П. Г. солидарен с И. Г. Песталоцци, который «боялся *духа опеки*, боялся тысячи требований, которые предъявляются к школе – извне церковью, государством и обществом и делают ее яблоком раздора между различными

¹ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание как фундамент культуры народа // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М. : Территория будущего, 2006. С. 176.

² Наторп П. Воспитание детей послешкольного возраста // Там же. С. 219.

³ Там же. С. 220.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Там же. С. 219.

партиями, отнимают у нее *свободу саморазвития*, что было для него самым высшим благом, и обращают ее в принудительное учреждение»¹. И вновь обратимся к дню сегодняшнему – и поставим вопрос: «Не слишком ли мало у нашей современной школы (включая высшую) этой свободы саморазвития?» К тому же каковы критерии, позволяющие замерить степень этой свободы? Понятно – и реальные требования к знаниям и умениям людей, получивших и получающих образование в условиях НТР, внедрения новых технологий, «информационного общества», «общества знаний» и т. д., доказали это – свобода саморазвития школы «без берегов» невозможна (и даже опасна). Но какими эти «берега» должны быть – одна из актуальнейших проблем и современной социологии образования.

Отмечает П. Г. Наторп и позитивные *сдвиги в университетском образовании* Германии: «Наши университеты, – указывает он, – сделали великий поворот с того момента, как они сознательно и определенно отказались подчиниться какой-нибудь определенной догме и стали считать своей высшей и святой обязанностью безусловную свободу исследования»².

Его особенно радует развитие *социологии и истории*. Примечательны в этом смысле слова П. Г. Наторпа: «социология и история до сих пор еще не достигли таких верных научных фундаментов, как, например, математика и естественные науки, но науками они стали в том смысле, что задались серьезной целью беспристрастно исследовать истину, не спрашивая себя о том, кому она будет угодна и кому неужодна»³.

Однако в ракурсе реализации социально-педагогического проекта П. Г. Наторп считает важным не только сохранить неприкосновенность (автономию) высшего образования, но и его большее приспособление «к изменившимся условиям» – преодоление «пренебрежения к народной жизни»⁴. Отсюда и его более широкая трактовка университетского образования: «У университета нет более высокой цели, чем внушение простым смертным любви к истине, которая сделала бы их свободными.

¹ Наторп П. Социальная педагогика... С. 172.

² Наторп П. Воспитание детей... С. 170.

³ Там же.

⁴ Наторп П. Работа над образованием взрослых в интеллектуальном и техническом отношении // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М. : Территория будущего, 2006. С. 227.

Будущее высшего образования надо считать потерянным, если его носители не придут к признанию того, что нравственное обязательство тех, кому много дано, не поддается никакой отмене. Демократия только тогда помирится с ученым образованием, когда ее приведут к тому, чтобы она уважала прошлые заслуги науки, признавала ее теперешнюю ценность и приобрела бы и на будущее доверие к *честности ее намерений!*»¹ Поэтому он и ставит вопрос об активном привлечении университетских преподавателей к народному воспитанию.

Отмечая «слишком несвободное состояние нашей общественной системы образования», Наторп возлагает надежды на «дополнение ее свободной, совершенно добровольной работой над народным образованием»², которую могли бы вести общественные организации и союзы. Он считает необходимым для решения этой задачи «мобилизацию всех сил среди более образованных, в особенности тех, кто в силу своего положения или профессии имеет возможность отдаться этому делу, и *планомерное сочетание этих сил* для того, чтобы помочь тем, кто в своем интеллектуальном, хозяйственном и моральном образовании во многом отстал под давлением нужды»³. Но одновременно в рамках реализации принципа «помощь для самопомощи» отмечает важность «полного и значительного использования *собственных сил в самом народе*, его лучшего понимания и доброй воли в связи с имеющимися уже или только создающимися *организациями* и общими учреждениями разного рода, ибо «самое лучшее, что можно сделать человеку, – это научить его делать это самому»⁴.

При этом П. Г. Наторп рассматривает «домашнее воспитание и воспитательную работу общественных школ» как «основу народного воспитания вообще»⁵. «Корнем и непосредственной основной формой воспитания в человеческом обществе» П. Г. Наторп, вслед за И. Г. Песталоцци, считает *семью*, «ибо на ней, прежде всего, вырастает союз граждан как семья семей»⁶. «Семейная мудрость представляет для человека то же самое, что ствол для дерева: к нему должны быть как бы прилажены и привиты все ветви человеческого знания,

¹ Наторп П. Работа над образованием взрослых... С. 225.

² Наторп П. Социальная педагогика... С. 173.

³ Наторп П. Работа над образованием взрослых... С. 225.

⁴ Там же.

⁵ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание как фундамент культуры народа // Там же. С. 175.

⁶ Наторп П. Социальная педагогика... С. 158.

наук и жизненных определений»¹. «Семейное воспитание это первое, непереносимое условие для всего дальнейшего развития»². Именно поэтому самой серьезной трудностью воспитания в его современном развитии социальный педагог считает разрушающее влияние на семью, которое оказывает развитие промышленности. Проявление такого влияния он видит в отрыве «рабочего, его жены и часто даже их детей от дома»³. Но самое главное – *разрушается «оседлость населения»* (ее «едва ли можно совместить с дальнейшим развитием промышленности»), которая «является наиболее существенным условием живого действия на следующие поколения укоренившихся нравов, прочных, близких, непосредственно влияющих человеческих отношений вообще, т. е. в особенности условием возможности домашней жизни»⁴.

Особенно негативно последствия развития экономики (индустриализация, урбанизация, массовое переселение жителей села в крупные города, приток иностранных мигрантов и т. д.) сказываются на молодежи. Юное поколение, по оценке П. Наторпа (и в ней четко проявляется социологическая направленность его творчества), в котором «более или менее не говорят традиции предпромышленного века, которое без сопротивления захватывает и увлекает эта колоссальная волна "модной" жизни, для которого, по-видимому, ни сегодня, ни завтра не играют больше никакой роли, – оно часто отдается этой жизни, не подозревая неправильности ее, не сознавая серьезной опасности, угрожающей с той стороны, и думает, может быть, что таким именно путем оно достигает истинной свободы»⁵. Вывод напоминает результаты современных фамилистических исследований:

¹ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание... С. 176.

² Наторп П. Социальная педагогика... С. 164.

³ Чтобы смягчить этот «отрыв», П. Наторп обращается к опыту Ф. В. А. Фребеля, который в 1837 г. создал первый детсад и в книге «О воспитании человека» отметил основные принципы деятельности ребенка (для маленького ребенка жизнь заключается в игре; детям врождено чувство общности; маленькие дети любят рассказы и песни, животных и цветы; дети непорочны, в детсаду не должно быть наказаний). [Электронный ресурс] URL: http://453.tvoysadik.ru/?category=31&class=rubric_articles_groups&id=105. Считая этот опыт полезным, Наторп счел такую замену домашнего воспитания неудовлетворительной, т. к. она «совершенно отнимает из рук семьи обязанность воспитания», «способствует и облегчает отказ семьи от обязанности воспитания (Наторп П. Социальная педагогика... С. 170, 183). Его предложение – создать «союзы семей» для общего воспитания детей (нечто вроде домашних детсадов).

⁴ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание... С. 180.

⁵ Там же. С. 181.

«Сам брак уже давно потерял значение союза на всю жизнь»¹. Эту близость выводов и оценок хотелось бы подчеркнуть. Не абсолютизируем ли мы – современные социологи – некоторые негативные явления и противоречия нашего времени? Не игнорируем ли мы предшествующий ход развития тех или иных социальных процессов? В данном случае отметим плодотворность нашей с В. Т. Шапко позиции (и тут мы были не одиноки и даже не первыми), когда в дискуссии о кризисе современной семьи поставили вопрос: «Может быть, правомернее говорить не о кризисе семьи (как социального института), а о переходе от одного типа семьи к другому?»

Поскольку «неуловимые корни общества» находятся «в маленьком сообществе – семье», П. Г. Наторп первым шагом в реализации социальной педагогики считает «восстановление семьи». Как созвучна эта позиция с исследованиями современных социологов и демографов, видящих в кризисе семьи одно из важнейших проявлений кризиса российского социума. Как она близка к современным ориентирам выхода из этого кризиса: «Сильна семья – сильна держава».

«Школа внедряет в складывающегося человека вообще дух правила и порядка, превращая этот дух как бы во вторую половину».
П. Наторп

Школьное воспитание, по Песталоцци (и согласному с ним П. Наторпу), черпает всю свою ценность или, правильнее говоря, стремится найти и достичь этой ценности тем, что идет в своей работе за домашним воспитанием, как за своим образцом, стремясь *упрочить, возвысить и обобщить* силу домашней жизни для своих целей»². «Школа может и должна, – развивает эту мысль социальный педагог, – вобрать в себя некоторую долю непосредственной теплоты и живости семейного воспитания, в особенности же его *деятельный характер*».

Это же требование он относит и к педагогам: «Отцовские и материнские чувства, дух и любовь могут и должны управлять также и действиями школьных учителей и учительниц; они должны стать для школьника старшим другом и братом или сестрой»³. Но реальность (и не только во времена П. Наторпа) совсем иная – «это требование ока-

¹ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание... С. 181.

² Там же. С. 179.

³ Наторп П. Указ. соч. С. 186. Исследования Г. Е. Зборовского и наши с В. Т. Шапко показали, что учитель – друг – наиболее предпочитаемый для уральских старшеклассников тип учителя, хотя, к сожалению, и не самый распространенный.

зывается трудно выполнимым даже для людей, одушевленных самыми благими желаниями». Среди причин этого немецкий ученый как главную выделяет *излишнюю регламентацию учительского труда*: «Учитель лишен возможности и права действовать *свободно, по собственному внутреннему убеждению*: его задача указывается ему до мельчайших подробностей, а поле деятельности, где бы он мог свободно двигаться, сужено тоже до крайней степени»¹. Парадокс: меняется жизнь, меняется общество, меняется даже социальный строй, а *мелочная регламентация* работы учителя (по смыслу – работы творческой, инновационной) ... остается неизменной.

Необходимо, по Наторпу, изменить ситуацию и «пробудить во всех направлениях *самодетельность* в области школьного дела»². Образ этой самодетельной школы сохраняет свою значимость и в наши дни. Он включает³:

- «безусловную *свободу самоопределения*, собственного внутреннего законодательства и самоуправления; на смену спорам, кто должен распоряжаться ею – государство, церковь, господин ландрат, член городской управы, священник или же какие-нибудь другие господа⁴, должно прийти понимание: эта функция принадлежит *самой школе*;
- обеспечение школе определенной «независимости от всех политических инстанций»; это не может быть абсолютной свободой – «отдельная школа не может сама, из головы *одного* человека или небольшой группы лиц с одинаковыми убеждениями, создавать органи-

¹ Наторп П. Указ. соч. С. 187.

² Там же. С. 189. Наторп П. солидарен с Ф. Шлейермахером, требовавшим «строго демократического, децентрализованного, в то же время по возможности независимого от всех других инстанций школьного строя». Шлейермахер, акцентировавший роль религии в нравственности, близок к П. Наторпу в понимании взаимосвязи индивида и общества: «Самовыражение и саморазвитие требуют не только развития индивидуальных талантов человека, но и уважения других личностей. Иными словами, каждый человек имеет уникальное моральное назначение, но это назначение может быть реализовано только в обществе, т. е. человеком как членом сообщества» (См.: Коплстон Ф. От Фихте до Ницше: пер. с англ., вступ. ст. и примеч. д-ра филос. наук В. В. Васильева. М.: Республика, 2004. С. 297).

³ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание... // Указ. соч. С. 191–193.

⁴ Там же. С. 190. «В делах школы, – подчеркивает П. Наторп, – обходят людей, причастных к ней, и издают законы, определяющие все до мельчайших технических подробностей, или рассылают предписания, выработанные юристами за столом, покрытым зеленым сукном. В таком случае трудно, конечно, ожидать истинного радостного настроения в труде и творчестве» (там же). Что изменилось за сто лет? Возможно, другими стали столы, за которыми вырабатываются предписания. Все остальное (особенно если учесть практику внедрения последних нововведений: ЕГЭ, двухуровневое высшее образование и т. д.) во многом осталось неизменным.

зацию и определять характер обучения: должны быть выработаны определенные, общие основные положения и ступени для всех школ такого рода», но школе «должен принадлежать... первый голос в этом вопросе»;

- *право и обязанность родителей* «сказать в этом вопросе свое серьезное слово». П. Наторп признает наличие серьезных трудностей во взаимодействии семьи и школы (во многом сохраняющихся и в наше время) – «столкновение самых разнообразных интересов»; преобладание среди родителей «поверхностных суждений» о школе (по его мнению, лишь 3–4 % родителей свободны от них). Социальный педагог считает необходимым, что «родители должны бы были проявить несравненно более живой интерес к школе, должны бы были несравненно серьезнее заботиться о ней, приобрести возможность совершенно иначе познакомиться с работой школы и постараться добиться взаимного понимания с самими учителями»;

- предоставление школьнику «известного поля деятельности, где он мог бы развить свободную самодеятельность в любом направлении».

Говоря современным языком, П. Наторп считал необходимым условием развития самодеятельной школы самодеятельность всех участников педагогического процесса: и педагоги-управленцы, и учителя, и родители, и ученики должны были стать *актёрами*.

Среди недостатков современной ему школы Наторп выделяет то, что «дух образования путем дела... еще не вполне охватил школу», что связывает с недооценкой трудового воспитания. Перспективы школьного воспитания соотносятся им с развитием нравственного и гражданского воспитания. Особенно подчеркивается значимость школы как «посредствующего звена», «которое ведет от узкого непосредственного домашнего сообщества к более широким, а вместе с тем, конечно, и менее непосредственным союзам, прежде всего – к *союзу граждан*»¹.

Особую значимость имеет тот аспект теории социальной педагогики П. Г. Наторпа, в котором, следуя Песталоцци и значительно углубляя его, он рассматривает причины асоциального поведения детей, подростков, молодых людей («воровство и обман, пьянство, беспорядки и извращения половой жизни, разного рода пристрастия к наслаждениям»), «раздумывает о помощи не только противодействи-

¹ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание... С. 188.

ем и охранительными мерами, но и о том, чтобы с самого начала поставить человека на правильный путь и твердо удержать его на нем»¹.

Для *правового воспитания молодежи* и сегодня значимо его гуманистическое понимание «серьезной вины общества в преступлении»², стремление показать, что и «само преступление», и его причины имеют прежде всего социальное происхождение³. Поэтому-то и преодоление преступности связывается им с «упорядочением *работы и хозяйства* в народной жизни»⁴: «Надо сделать так, чтобы воровство и обман стали невыгодным делом, тогда они исчезнут сами собой»⁵. Он уверен, что *преступность исчезнет*, когда «будет достигнут разумный порядок дохода и его потребления... когда даже самый незначительный человек сможет найти себе достаточно верные средства к существованию; когда он увидит своими глазами и будет ежедневно испытывать, что порядком и работой подвинешься дальше вперед, чем противоположным путем»⁶. Как бы ни казались иллюзорными и утопичными эти идеи в наше время резкого усиления социального расслоения и вспышки преступности, *акцент на социальные корни преступности* заслуживает внимания. К тому же сам П. Наторп понимал, что здесь (в искоренении преступности) «мы стоим перед гигантской задачей, разрешение которой потребует еще работы многих поколений». Но одновременно пытался доказать, что «простыми законодательными и распорядительными мерами нельзя достичь решительного успеха даже при больших затратах денежных средств»⁷.

Столь же гуманистична была и его уверенность, что «с преступниками нельзя обращаться иначе, как с людьми. Обращение с ними должно быть направлено исключительно на то, чтобы уничтожить в *них самих* последствия преступления»⁸. Соответственно ставилась «задача *охранительного воспитания* как на предупреждение в тех случаях, где есть опасность погрязнуть в преступлениях»⁹ (сегодня

¹ Наторп П. Указ. соч. С. 198.

² Наторп П. Социальная педагогика. С. 160.

³ Там же. С. 163.

⁴ Наторп П. Воспитание детей... С. 198.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 198–199.

⁷ Там же. С. 199.

⁸ Наторп П. Социальная педагогика... С. 161.

⁹ Наторп П. Воспитание детей... С. 199.

чаще употребляется понятие «профилактика»). Причем, ссылаясь на опыт, П. Наторп говорит о том, что в воспитательных учреждениях нередко получались негативные («дурные») результаты. К сожалению, и сегодня неэффективность исправительно-воспитательных учреждений оказывается высокой и вместо исправления многие несовершеннолетние правонарушители «повышают квалификацию» в сфере девиантного поведения.

Особенно значимо «охранительное воспитание» для молодежи, в силу присущей данной возрастной группе «необузданного стремления к свободе, необдуманности и легкомыслия, стремления рисковать во всем и ставить все на карту, упрямого желания идти *своим* путем и нежелание идти на помочах у прежних поколений»¹. Наторп признает, что «отдельные личности будут держать себя так всегда и при всяком социальном строе». Но оптимистично предполагает, что полученное в юности образование сможет «уже в самой ранней стадии пробудить и до известной степени развить в каждом дух солидарности», а по мере реализации социально-педагогического проекта и создания союзов граждан, где «в отношении каждого участника господствует полная свобода совместного совета и дела», «неразумное бунтарство и желание отделиться будет, конечно, только редким исключением»². Предпосылкой этого для П. Наторпа является преимущественно позитивная оценка молодежи: «В неугомном стремлении и порывах юных сил наряду с хорошими стремлениями встречаются и плохие, но подрастающему поколению присущи все-таки, с другой стороны, сильная потребность в обществе, дружбе, хороший товарищеский дух и некоторое честолюбие, и все это разовьется, наверное, если только найдет сколько-нибудь благоприятную почву»³.

В распространении алкоголизма особенно беспокоит П. Наторпа то, что плохой пример подает университетская молодежь. По его мнению, ситуация изменилась бы к лучшему, если бы «она перестала

¹ Наторп П. Воспитание детей... С. 200. Такая характеристика молодежи была типична для складывавшейся на рубеже XIX–XX вв. юнологии. Например, американский психолог С. Холл (Hall S. Adolescence. Vol. 1–2. N. Y., 1904) рассматривал подростков как гибрид, сочетающий идущую от природы (психосексуального развития) неуправляемость и идущую от культуры управляемость (подчинение индивидов социокультурным нормативам) (см.: Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2006. С. 94–95).

² Наторп П. Воспитание детей... С. 200.

³ Там же.

бы жить на средства из кармана родителей, а (хотя бы только отчасти) сама заботилась бы о средствах к жизни»¹.

Наиболее интересны размышления Наторпа о деформациях в половом поведении молодежи: «Подрастающая молодежь наших больших городов бросается огромными толпами в половой разврат самого злостного свойства». Хотя и тут он многое относит к неумению «правильно» зарабатывать и расходовать деньги: «не потому, чтобы она не умела зарабатывать или найти заработок, а, наоборот, потому, что она сравнительно легко добывает заработок и затем считает более веселым прокутить его на дикие излишества, чем сберегать». Все-таки главное – это то, что глубоко расшатаны присущие народной жизни «добрые нравы и здоровое понимание жизни». Негативный пример состоятельных классов влияет и на низшие классы, чья «бóльшая половая сдержанность» также резко уменьшается. Социального педагога особенно волнует, что «в больших городах это зло часто проникает уже в среду школьников»². Казалось бы, определяет проблему П. Г. Наторп: принципы половой жизни просты и ясны; «неупорядоченная, противостественная и далекая от нравственной цели половая жизнь влечет за собой столь очевидное и несомненное физически и психически наказание». Почему же происходит такое потрясение в половой сфере даже самых простых моральных принципов? Его ответ таков: «Жизнь подорвала их авторитет, *лихорадочность* современной жизни – это ужасное непостоянство, это забвение завтра и вчера, это неестественное напряжение всех сил и ощущений в применении к моменту»³. В этих условиях «ищут именно *скоропроходящего* наслаждения». Выясняется, что идея ноувизма молодежи (от англ. *now* – сегодня, сейчас⁴), зафиксированная зарубежными социологами в 1970-х гг., а отечественными – в 1990-х, имеет длительную историю и обоснована еще П. Наторпом. А ведь сам Наторп приводит слова И. Гете о человеке, который «обращает момент в вечность». Вновь подтверждается важность изучения истории науки. Ноувизм молодежи оказывается не

¹ Наторп П. Указ. соч. С. 202.

² Наторп П. Указ. соч. 203. Наторп П. приводит свидетельство молодого человека, обучавшегося в учительской семинарии: «там нет почти никого, кто бы воздерживался от половой жизни, что все находят воздержание ужасно смешным; также обстоит дело и у восьмиклассников и даже у семиклассников гимназии» (с. 204).

³ Там же. С. 204.

⁴ Четко эти ориентиры выделяет известная песня: «Нет, нет, мы хотим сегодня. Нет, нет, мы хотим сейчас».

чем-то уникальным для современности, а социально-психологическим феноменом, проявляющимся каждый раз в переломные эпохи, когда рушатся традиционные системы ценностей и норм.

Однако Наторп не только критикует деформации в половом поведении молодежи, но и дает ряд ценных (и актуальных) советов по организации полового воспитания. Особую роль должны играть образцы «союзов, построенных на чести», где «молодые люди с обеих сторон... сами сделаются лучшими стражами в отношении полового стремления, все больше и больше развивая при таких условиях свойственные их возрасту чувства мужества и чести»¹. Иными словами, акцентируется самостоятельность, ответственность молодых людей за сексуальные отношения между ними. Прибегать к половому просвещению, – по справедливому мнению П. Наторпа, – надо «не изолированно под соответствующим названием, а выдвигая его в здоровой связи по существу, как побочный результат естественно-научных сведений, как нечто само собой разумеющееся». При этом «не следует действовать слишком жеманно: наши дети имеют достаточно представлений о половом вопросе, но эти представления часто очень неточны, часто невероятно ложны»². Читатель, хотя бы немного знакомый с современными рекомендациями по половому воспитанию, может подумать, что приведенные выше советы взяты нами отсюда (лишь отдельные устаревшие слова как-то не «вписываются»). Но именно это и доказывает современность советов П. Наторпа, как и его предупреждения: «Если юношество не знакомят легальным путем, то молодежь добывает себе эти познания, как уже бесчисленное количество раз указывали на это, тайными путями и в какой ужасной форме!»³

Распространение негативных явлений в молодежной среде П. Наторп связывает с *изменением общественных отношений и растущим влиянием масс*. «Общество воспитывает, – подчеркивает он, – но только такое, которое действительно привязывает к себе отдельное лицо крепкими и тесными связями, а не то обширное разрозненное сообщество, которое в действительности совершенно перестало быть им, в котором один почти не касается другого и где почти уже нет места чувству солидарности»⁴. В итоге государственное попечение о

¹ Наторп П. Воспитание детей... С. 202.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же. С. 201.

народном образовании оказывается «сетью со слишком большими петлями; близкое непосредственное влияние на отдельного человека, особенно там, где оно более всего необходимо, становится невозможным»¹. «Хваленое современное развитие действует в таком направлении, чтобы погубить *человека* в человеке»².

Являясь противником сведения социальной педагогики к «учению о социальных болезнях», П. Наторп скорее видит в ней «учение о социальном здоровье», обосновывая – как основной путь ее развития – «от патологии к гигиене». «Только здоровое и, прежде всего, укрепляющее *воспитание* народа, основанное на действительно коренных силах жизни, может отнять почву у преступления», преодолеть другие деформации в поведении³.

«Две обычно обособленные науки – учение об обществе и учение о воспитании – надо было не только привести во внешнюю связь друг с другом, но и показать, что они в глубочайших корнях своих объединены и неразрывно связаны между собой».

П. Наторп

Перспективы социальной педагогики П. Г. Наторп соотносил с созданием «целой системы тесно связанных друг с другом и основывающихся друг на друге воспитательных мер, которые бы сопровождали всю жизнь человека *от колыбели до могилы*». В качестве звеньев такого сообщества (свободной воспитательной организации для всех возрастов) он выделял детсады («детское убежище»); свободные дополнительные школы для дальнейшего образования детей послешкольного возраста (напомним, обязательным и всеобщим было начальное образование) – особенно в направлении нравственного и эстетического воспитания, физического развития, здорового отдыха и благородной общественной жизни; для взрослых – развитие сети Народных домов (просветительских учреждений клубного типа) с «лекциями, народными высшими школами, народными очагами»⁴.

Позитивно оценивая опыт Народных домов, он отмечает: «Народные академии стремятся и достигают действительной совместной *жизни* для непосредственного обмена и взаимного плодотворного воздействия друг на друга»⁵.

¹ Наторп П. Воспитание детей... С. 202.

² Там же. С. 204.

³ Наторп П. Социальная педагогика... С. 162.

⁴ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание как фундамент культуры народа // Там же. С. 183–184.

⁵ Там же. С. 186.

Привлекает внимание целостность и системность того, что сегодня получило название «дополнительное образование», распространение этих услуг и на взрослое население, а главное – представление, что вся эта система будет действовать на общественных (добровольных) началах. Оно было связано, с одной стороны, с ориентацией, что совершенствования жизни народа должно идти «через народ, иначе оно не может стать истинным и устойчивым благом для него», а с другой – с недоверием¹, что «бюрократически организованная государством и общиной школа даст при самом честнейшем и бескорыстном старании и работе вполне удовлетворительные результаты».

Важным шагом на пути реализации социально-педагогического проекта П. Наторп считал изменение характера и направленности школьного воспитания: «Школьное государство со свободным, на ответственности самих участников основанным, устройством, с ведением собственной кассы, собственным судопроизводством, короче говоря, школьное государство, основанное на самодеятельности, нашло бы на более высокой ступени только свое продолжение в указанных союзах сначала подрастающих людей, затем и взрослых, а все это вместе явилось бы *подготовительной школой к гражданской жизни* – школой, лучше которой трудно себе представить что-нибудь»².

Привлекает и уверенность Наторпа, что человечество, победившее «слепые силы природы», одержит еще бóльшую победу, «победив само себя». Ему понятны сложности на пути к свободе, но он был уверен, что человечество осознает безнравственность несвободного (рабского существования): «Я совсем не принадлежу к числу тех, кто думает, что люди без труда могли бы сделаться ангелами, если бы только дать им свободу; я знаю только, что они становятся дьяволами, когда чувствуют себя поработченными»³.

¹ Наторп П. Домашнее и школьное воспитание... С. 184–185. Недоверие связано с опытом «достаточного количества реформ и переформирований». На это обратил внимание и русский философ Г. Шпет, отметивший «пробуждающийся время от времени усиленный интерес к вопросам воспитания уже в силу чисто социальных причин. Разочарование в политических и социальных реформах, долженствующих создать благоденствие человечества, заставляет вспомнить и о воспитании как средстве приготовления лучшего будущего» (Шпет Г. Философия как основа педагогики. Предисловие // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М. : Территория будущего, 2006. С. 299).

² Там же. С. 196–197.

³ Там же. С. 193.

Конечно, концепция П. Г. Наторпа не лишена и определенного перехлеста – такой *педагогизации социальных отношений*. Выделяя основные виды социальной деятельности (хозяйственная или экономическая; деятельность по управлению и образовательная деятельность), он первые две рассматривал как подчиненные третьей. «Воспитание, – отмечается в «Началах этики», – ... должно быть выполнено при помощи методического подчинения природной техники социальной и, следовательно, хозяйственно-экономической деятельности – правящей... оба эти рода деятельности (и хозяйственно-экономическая и правящая) должны быть подчинены руководящему разуму, т. е. образовательной деятельности, постоянно прогрессирующей в направлении объединения и вместе с тем индивидуализации и установления непрерывной связи, поскольку об этом может идти речь по отношению к находящимся в тесном взаимном проникновении социальным функциям, равно как и участвующим в них лицам и общественным классам»¹.

Развитие народного воспитания рассматривается П. Г. Наторпом как безграничный процесс совершенствования. «Здесь больше, чем где бы то ни было, имеет силу выражение «путь – все, цель – ничто», здесь нельзя ставить цели в смысле окончания, достижения чего-то готового»².

В. В. Гаврилюк

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00191а «Профессиональный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов».

Понятия человеческого и профессионального потенциала вошли в категориальное поле социальных наук сравнительно недавно. Содержание понятия «человеческий потенциал» сегодня трактуется неоднозначно. «Человеческий потенциал – совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования люд-

¹ Наторп П. Начала этики // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. §31, 32. М. : ИД «Территория будущего», 2006.

² Наторп П. Работа над образованием взрослых в интеллектуальном и техническом отношении // Там же. С. 226.

ских ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения определенных задач и достижения поставленных целей... Таким образом, человеческий потенциал характеризует некоторое совокупное свойство людских ресурсов той или иной страны, зависящее от их количественных и качественных характеристик»¹.

В российской социологии категория человеческого потенциала недостаточно разработана, хотя общие подходы можно выделить. Сущность человеческого капитала большинство авторов (Т. И. Заславская, О. Г. Генисаретский, И. С. Маслова, Г. Б. Солнцева, Г. Л. Смолян, В. Ж. Келле) рассматривают как характеристику качества национального общества, как субъекта социального воспроизводства и развития. Именно уровень развития человеческого потенциала оказывает решающее влияние на жизнеспособность и динамику общества, в то время как другие факторы определяют либо условия, либо результаты его реализации.

На наш взгляд, обладает большим эвристическим потенциалом позиция Т. И. Заславской². Она рассматривает человеческий потенциал как один из факторов жизнестойкости наций, наряду с другими – экономическим, геополитическим, историко-культурным, – давая определение каждому из них. К числу признаков человеческого потенциала Т. И. Заславская относит четыре взаимосвязанных потенциала: социально-демографический, социокультурный, социально-экономический, и деятельностный потенциалы.

Социальное и экономическое развитие современных государств все больше зависит от того, как формируется и используется человеческий потенциал, именно человеческие ресурсы становятся для развитых стран главным возобновляемым ресурсом. Сегодня индекс развития человеческого потенциала (ИЧП) – признанный критерий оценки динамики социального развития. И хотя измерение его базируется лишь на нескольких известных социально-демографических показателях, объективные характеристики ИЧП учитываются при определении стратегии социального развития. Человек в современном мире рассматривается не как рабочая сила, функциональный элемент экономики, а как главный источник национального богатства.

¹ Человеческий потенциал как критический ресурс России / отв. ред. Б. Г. Юдин. М. : ИФРАН, 2007. С. 2.

² Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004.

Для современной России, обладающей наибольшими природными ресурсами, актуализация развития и использования человеческого потенциала является приоритетной, она столь же необходима, как и обновление технологий, инфраструктуры производства. Между тем, реализация этой задачи не является делом только политических решений. Человеческий потенциал – самая инерционная из социальных характеристик общества, он складывается и воплощается в таких физических и духовных качествах людей, значительная часть которых зависит от генофонда страны, условий социализации новых поколений и особенностей национальной культуры. Для того чтобы совершенствование структурных характеристик общества привело к росту человеческого потенциала, требуются не только значительные усилия, но и достаточно долгое время.

Социально-экономический компонент человеческого потенциала отражает уровень квалификации и профессионализма экономически активных граждан, востребованность обществом их труда, уровень и структуру занятости, степень реализации их трудовых, деловых и интеллектуальных ресурсов. Социокультурный аспект человеческого потенциала характеризует социально значимые особенности менталитета граждан, связанные с процессом социализации в разных национальных, конфессиональных и социальных общностях и с характером последующей деятельности. Речь идет о типах нормативно-ценностного сознания, об особенностях убеждений и верований, об уважении к закону и праву, уровне морали и нравственности, о структуре мотивационных комплексов и типов поведения.

Только в середине 2000-х гг. Россия вошла в число стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, ее индекс в 2011 г. составил 0,755. Число регионов с индексом, соответствующим показателю развитых стран, резко увеличилось – с 4 в 2004 г. до 12 в 2006 г., при этом Москва преодолела планку 0,900, опередив страны Центрально-Восточной Европы. На втором месте после Москвы сегодня – Тюменская область.

Содержание понятия «профессиональный потенциал» напрямую связано с понятием «человеческий потенциал», но не тождественно ему. Работ такого уровня обобщения, который достигнут в описании категории «человеческий потенциал», посвященных профессиональному потенциалу в отечественной социологии сегодня нет. Разработка содержания и критериев оценки профессионального потенциала –

новая исследовательская задача.

В нашем исследовании мы исходим из гипотезы, что профессиональный потенциал есть форма проявления человеческого потенциала в сфере трудовых отношений. Содержательные характеристики профессионального потенциала складываются из четырех взаимосвязанных признаков: профессиональной компетентности, инновационной готовности, социального потенциала, культурного потенциала, нравственного потенциала.

Постановка проблемы измерения профессионального потенциала преподавателей высшей школы имеет не только академический интерес, но и большое прикладное значение. В российской ментальности практика образования отличается сохранением высокой степени влияния учителя на ученика. Именно поэтому традиции российской высшей школы являются устойчивым каналом трансляции ценностей и норм, культурных образцов, а трансформации преподавательского корпуса отражаются на социализации новых поколений.

Целостность или разорванность профессионального педагогического сознания, профессионально-этические нормы сообщества требуют особого внимания исследователя. Современная ситуация в российском образовании, особенно в высшей школе, в связи с вхождением в Болонский процесс, переходом на двухуровневую систему, порождает массу мифов и противоречий в практике. По сути, в высшей школе происходит радикальный слом образовательной парадигмы, суть которого – в отказе от культуросцентричного подхода в образовании. Главным критерием успешности высшей школы становится формирование профессиональной компетентности ее выпускника, а не формирование высококвалифицированного специалиста с гражданской позицией, нравственно ориентированного, личностно развитого. Это относится и к реальной практике, а не только к установочным документам об образовании. Общественная оценка направленности перемен настолько неоднозначна, что Ж. Т. Тощенко рассматривает эти оценки как особый феномен «кентавр-фантазии» в современном образовательном пространстве России¹.

Новая «Федеральная программа развития образования» определяет в числе приоритетных задач усиление воспитательной функции образования, направленной на формирование гражданственности, тру-

¹ Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. М. : Новый хронограф, 2011.

долюбия, нравственности, уважения к правам и свободам человека, любви к Родине, семье, окружающей природе. Приказом Министерства образования¹ в перечень показателей государственной аккредитации и критериальных значений введен новый показатель – «воспитательная деятельность образовательного учреждения». В соответствии с этим документом оценке подлежат три показателя: наличие в образовательном учреждении условий для внеучебной работы; уровень организации воспитательной работы; формирование стимулов развития личности, т. е. наличие самой организации воспитательной деятельности, условий и механизмов ее функционирования.

В последние десятилетия в высшей школе процессы образования и воспитания были разделены, что сказалось крайне негативно на достижении конечной цели высшего профессионального образования – подготовке профессионально грамотных и социально-нравственно развитых специалистов. Идея о воспитании молодежи как важнейшей функции образования в системе высшей школы сегодня неочевидна для массовой педагогической практики². Преподаватель в вузе всегда являлся одним из основных субъектов воспитательного процесса, влияние преподавателя сопоставимо, а иногда и значительнее влияния общественных объединений и студенческих организаций. Кризис в России оказал разрушительное воздействие на это воспитательное звено. В современной концепции воспитания учебный процесс считается главным фактором воздействия на студентов и является профессиональной обязанностью каждого преподавателя. Профессорско-преподавательский коллектив вуза должен создать оптимальные психолого-педагогические условия для организации воспитательного процесса: включать воспитательную деятельность в учебный процесс; использовать традиции кафедр для формирования чувства корпоративности; более гибко организовать учебный процесс, предоставлять больше возможностей студентам для само-

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 2 сентября 2011 г. № 2257 «О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки РФ от 8 ноября 2010 г. № 1116 "О целевых показателях эффективности работы бюджетных образовательных учреждений, находящихся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации"». Опубликовано 5 октября 2011 г., вступил в силу 16 октября 2011 г.

² Современный воспитательный процесс: состояние и проблемы («круглый стол») // Социс. 2005. № 4; Стратегия воспитания в образовательной системе России. Изд. 2-е. М. : Издательский сервис, 2004; Барсукова Т. И. Воспитание в современном российском обществе (социокультурный анализ) : дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2006.

стоятельных занятий (как учебных, так и научно-исследовательских); формировать и развивать у студентов потребности в учебном труде; ориентировать внеаудиторную работу со студентами на самостоятельность в организации и проведении различных мероприятий; принимать меры по повышению престижа отличной учебы, использовать положительное влияние активных, целеустремленных, успешных студентов на своих сокурсников; привлекать студентов к участию в научном, техническом творчестве, культурной, спортивной и другой внеаудиторной жизни вуза. Таковы условия и требования реализации современной образовательной политики в высшей школе. Это означает, что одной из актуальнейших задач сегодня становится задача формирования у преподавателей установки на неразрывность процессов обучения и воспитания, на отказ от чрезмерной профессионализации в ущерб социальной и нравственной направленности развития личности. Эта проблема общая для всей современной российской системы образования, но особенно остро она стоит в вузах в связи с эскалацией девиантного и делинквентного поведения молодежи. Социальные болезни переходного периода есть в том числе и результат неверно понятого либерализма, в отношении воспитания. Изменение социокультурной реальности российского общества привело к ослаблению воспитательной функции традиционных агентов целенаправленной социализации. Образование сегодня не справляется со стихийным влиянием внеобразовательного пространства. Все это свидетельствует о значительных кризисных изменениях в состоянии воспитания. После двадцати лет реформ стало ясно, что, несмотря на многочисленные программы, касающиеся молодежной политики, деятельность государства в данной сфере оказалась малоэффективной.

Современный этап развития социогуманитарного знания в области изучения воспитания характеризуется достаточно высокой степенью разработанности многих вопросов, но целостных современных социологических концепций, имеющих принципиальное значение для вузовской практики, нет. Воспитание может рассматриваться:

- *как социокультурный процесс управления социализацией*, направленный на достижение согласия и солидарности в обществе посредством интернализации общезначимых культурных ценностей;
- *социокультурный институт*, обеспечивающий консолидацию общества через институализацию общезначимых ценностно-нормативных стандартов;

- организационно-упорядочивающая деятельность субъектов воспитания, ориентированная на достижения единства личности, культуры и общества.

Наибольшей значимостью в реализации консолидирующего потенциала воспитания обладают агенты воспитательного процесса, его основные субъекты, в качестве которых выступают преподаватели, их профессиональные сообщества и студенческие группы, организации, объединения. Актёры трансляции социокультурного опыта участвуют в процессе воспитания только лишь во взаимодействии. Конец XX в. принес России не только трансформацию базовых институтов государства и новую социальную дифференциацию, но и заметную эволюцию российской ментальности. В период перехода к новым общественным отношениям произошла переоценка идеалов и ценностей, которая проявилась в отказе от коммунистической идеологии и в попытках трансформировать базисные ценности школьного, семейного и вузовского воспитания. К настоящему времени это вызвало ситуацию неопределенности ценностных ориентаций воспитания в обществе.

Особенно остро стоит вопрос о трансформации понятий гражданственности и патриотизма в современном массовом сознании россиян как молодого поколения, так и старших поколений. Необходимо сказать: гражданские ценности занимают в иерархии ценностных ориентаций личности особое место. Несмотря на их фундаментальность, как правило, в нестабильных конфликтных обществах, данный вид ценностных ориентаций занимает далеко не первые позиции в структуре значимости для личности. Воспитательную работу в этом направлении необходимо вести с учетом того, что за последние годы содержание понятия «патриотизм» существенно изменилось. У молодежи, выросшей в годы социальных трансформаций, выработалось критическое отношение к своей стране, ее истории, государственной политике. В таких условиях необходимо помочь студентам понять сущность духовной жизни народа, традиции и обычаи, подлинную и объективную историю страны. Формирование социально активных студентов – граждан России – является важнейшим направлением воспитания и развития у студентов гражданственности, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье. Формирование патриотической гражданской позиции молодежи – центральная проблема современной воспитательной работы в ву-

зе, хотя в массовой педагогической практике это не всегда осознается.

Реализация социокультурного потенциала вузовского обучения и воспитания связана с рядом трудностей: нечеткостью постановки воспитательных задач в новых социальных условиях; убеждением части преподавателей в ненужности воспитательной работы в вузе; с нежеланием студентов менять свои ценности и нормы поведения, полученные в ходе довузовской социализации; влиянием негативных факторов внеобразовательного социокультурного пространства; недостаточной активностью субъектов воспитательного процесса.

Итак, практические работники, планирующие воспитательную работу вузе, прежде всего сталкиваются с отсутствием четких ориентиров и конкретных целей ее организации. Например, при анализе целого ряда программ воспитательной работы в вузах мы обратили внимание на некоторые пункты, касающиеся формирования мировоззрения студентов. Они в числе приоритетных всегда присутствовали на прежнем (советском) этапе развития высшей школы, где формирование коммунистического мировоззрения называлось прежде формирование профессиональных качеств специалиста. Вероятно, как дань традиции, и сегодня вузы вписывают задачи по формированию мировоззрения в свои воспитательные программы, не задумываясь, что в современных условиях это практически невыполнимая задача. Сегодня и общество, и государство более терпимы к различным мировоззренческим установкам специалиста и не требуют от выпускника определенного мировоззрения. Например, выпускника вуза сегодня считаются допустимыми крайние позиции – атеистическое и религиозное мировоззрение. При этом неявно современная идеология отдает предпочтение религиозно ориентированному гражданину, во всяком случае, считать себя православным гораздо престижнее, чем атеистом. Поэтому брать на себя задачу формирования мировоззрения студента вуз вряд ли должен. Это, разумеется, не относится к формированию нравственных и социальных ориентиров молодежи – гражданственности, патриотизма, честности, ответственности и т. д.

Воспитательный потенциал старшего поколения – тоже неисследованное поле. Старшее поколение прошло через принципиальную ломку своего мировоззрения и ценностных ориентаций. Для социальной практики имеют значение не сами по себе ценностные ориентиры поколений, а факты совпадения или различий ценностных ориентаций субъектов воспитания – преподавателей и студентов.

Существенные изменения произошли в мироощущении поколений конца XX – начала XXI вв. Спектр направленности современных российских молодежных объединений отражает основные политические и идеологические позиции в обществе: от революционных до умеренно сервилистских и оппозиционных¹. Анализ политически активной идеологии современной молодежи дает некий общий ориентир для исследования всего поколения. Вместе с тем данный ориентир является предельно общим, неконкретным для описания идеалов и базовых идеологических ценностей российской молодежи XXI в.

Для исследования ценностных приоритетов наиболее «продвинутой» части поколения можно опереться на изучение идентичности студенческой молодежи. С 2006 г. в мониторинговом режиме мы проводим изучение качества учебно-воспитательного процесса в Тюменских вузах, в рамках которого изучаем и изменения ценностных ориентаций студенческой молодежи. Постоянные перемены в обществе вызывают состояние тревожности, неуверенности перед будущим. Так, по результатам социологического исследования, проведенного учеными института социологии РАН, только 16 % населения России оценивает современную ситуацию в стране как благополучную, а 73 % считают ее проблемной, кризисной. При этом подавляющее большинство россиян живут в состоянии стресса, постоянном ощущении напряженной и сложной окружающей действительности².

Наше исследование ценностного мира (в том числе и во взаимных оценках) субъектов учебно-воспитательного процесса осуществлялось по четырем базовым блокам, включающим в себя и инструментальные, и терминальные ценности: витальные ценности, нравственные нормы и ценностные ориентации, отношение к профессии, гражданские, патриотические ценности. Анализ результатов опроса показывает, что принципиальных противоречий между поколениями, ценностного разрыва между современными студентами и преподавателями нет, наблюдаются лишь некоторые различия в оценках по основным блокам. Среди преподавателей вузов доминируют те же базовые ценности, что и у студентов, но с меньшей процентной долей ценности «материальное благополучие». Низший ранг абсолютное

¹ Мухин А. А. Поколение 2008: наши и не наши. М. : Алгоритм, 2006.

² Горшков М. К. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. М. : ИС РАН, 2010. 179 с. [Электронный ресурс]. URL: Официальный сайт Института социологии РАН. http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html.

большинство преподавателей присудили ценности удовольствия, развлечения, также среди менее значимых были названы гражданское самоопределение и укрепление дружеских связей. Как у преподавателей, так и у студентов наблюдается повышенное стремление к стабильности.

Ценности, связанные с активностью личности: духовное, нравственное самосовершенствование; развитие профессиональных навыков, умений; самореализация и развитием межличностных отношений – любовь, укрепление дружеских связей, – находятся в шкале средних значений.

При исследовании патриотизма и гражданственности субъектов учебно-воспитательного процесса мы установили, что у большинства студентов преобладает индивидуалистское мировоззрение, они не обладают сформированной гражданской позицией и отождествляют благо российского общества и государства с комфортностью повседневной жизни отдельного индивида. Эта позиция отражена в оценках студентами представлений о «хорошей жизни в России» через понятия: семья, любовь, стабильность, свобода, карьера, мир, достаток, дом, справедливость. Преподаватели же подчеркивают значение терминальных ценностей, необходимых для формирования единой ценностной основы современного российского общества, его благополучия как целостной структуры: семья, законность, профессионализм, духовность, стабильность, культура, безопасность, достаток, могущество, патриотизм.

Постоянные инновации и свойственные им преобразования, трансформации, реформирование и реструктурирование социальных сегментов влекут к повышению социальной нестабильности и рисков. В модернизационных процессах в высшей школе не всегда учитывается инновационный потенциал преподавательского корпуса. А между тем именно *инновационная готовность* преподавателя – главное условие и потенциал реформы. Составляющие инновационной готовности охватывают не только сферу профессиональных умений субъектов образования, но и включают в себя социальные и психологические характеристики. Именно отсутствие инновационной готовности, чаще всего и становится причиной несостоятельности реформ. В ответах преподавателей на открытые вопросы отчетливо просматривается мотив усталости от реформ. Это проявилось уже в 2006 г., а опрос 2011 г. еще более обострил данную позицию. Так, 63 % опрошен-

ных преподавателей высказались вполне определенно, заявив, что современные реформы ухудшают российское образование. В поддержку реформ выступили около 7 % опрошенных, осторожно отметив некоторые улучшения и прогресс. Интересно, что практически никто из преподавателей не уклонился от оценки реформ, высказав свое отношение к их содержанию и последствиям. Очевидно, что последние десятилетия значительно снизили мотивацию к качественному труду и профессиональному педагогическому росту преподавателей. При этом абсолютное большинство преподавателей не раскаиваются в своем профессиональном выборе, ориентированы на творческую и педагогическую деятельность, считают задачей высшей школы – подготовку высококвалифицированных специалистов, развитие творческих способностей студентов. Правда, с 2006 г. существенно снизился процент преподавателей (около 7 %), считающих своей задачей формирование гражданской, нравственной, мировоззренческой позиции молодежи. Вообще блок вопросов о воспитательной работе преподавателя вуза вызвал у респондентов однозначную негативную реакцию. В опросе 2011 г. только 21 % преподавателей признали значимость задачи развития личности студента как задачу своей профессиональной деятельности. При этом на прямые вопросы о готовности осуществлять воспитательную деятельность только 7 % опрошенных дали положительный ответ. Формирование личностных качеств студента, его гражданственности, нравственных качеств, по мнению ППС, выходит за рамки их профессиональных обязанностей. Даже формирование собственно профессионально-деловых качеств студента рассматривается преподавателями как избыточное к ним требование – только 52 % респондентов считают это своей задачей. Острые проблемы общественных отношений современной России (отсутствие толерантности, межнациональные и межконфессиональные конфликты) не рассматриваются преподавателями в связи с процессом обучения в вузе. Среди преподавателей 97 % утверждает, что их никто не учил, как нужно воспитывать у студентов толерантность, 95 % опрошенных готовы делегировать роль воспитателей каким-то специальным педагогам, а преподаватели, по их мнению, должны заниматься только профессиональным обучением; 87 % ППС вообще считают, что воспитание – проблема семьи и в вузе этот вопрос ставить поздно и не нужно. Внеучебную деятельность студентов, студенческие организации и студенческое самоуправление преподавате-

ли не рассматривают как поле для воспитательной работы, они не видят себя в роли субъектов воспитания. Таким образом, преподаватели вуза не готовы ни методически, ни психологически взять на себя ответственность за воспитание студентов. Системная организация воспитательной работы в вузе потребует существенных перемен и в подготовке преподавателей, и в организационной деятельности администрации университетов.

Эмпирические исследования динамики человеческого и профессионального потенциала только начинаются в России. В 2012 г. нами реализован на уровне региона проект по выявлению профессионального потенциала молодых преподавателей провинциальных вузов. Опрос проводился в вузах Тюмени, Шадринска, Екатеринбурга, Нижневартовска. Использованный нами тип выборки (целевая) является невероятностным, репрезентативность массового опроса при таких типах выборки обеспечивается достаточностью количества респондентов (N=208 человек). Учитывая узость социальной группы «молодые преподаватели (ученые)», указанный объем выборочной совокупности представляется достаточным для получения репрезентативных данных. Анкета состояла из нескольких блоков и включала в себя 53 вопроса, направленных на выявление оценки условий формирования и возможности использования в научной и преподавательской деятельности потенциала молодых ППС. Анализ полученных материалов позволил авторскому коллективу сделать ряд выводов и обобщений.

Система образования может стать одним из главных факторов сохранения и развития человеческого потенциала нашей страны. Для решения этой проблемы необходимо изменить качество и уровень интеллектуализации российского общества в соответствии с новыми вызовами XXI в., что, в свою очередь, требует:

- повышения качества высшего профессионального образования в соответствии с требованиями интеграции фундаментальной науки и приоритетных направлений развития науки;
- поддержки и развития инновационной ориентации системы образования;
- возвращение воспитания в высшую школу. Она должна воспитывать патриота и гражданина, осознающего свою личную ответственность за судьбу страны. Решение этой проблемы для России сегодня уже не гуманитарная задача, а основной вопрос выживания российской нации.

РАБОЧИЕ РОССИИ: СТАТУСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-03-00231-а) и РФФИ (грант № 10-6-00424-Б).

Изменения, которые произошли в России в 1990–2000 гг. и происходят в настоящее время, значительно модифицировали социальную структуру общества. Происходят радикальные трансформации в тенденциях и направлениях социальной мобильности, меняются ценностные ориентиры людей и модели поведения людей. Вектор этих изменений начался с реструктуризации экономической сферы с появлением, наряду с государственной, широкого спектра новых форм собственности. Достаточно отметить, что в конце 2011 г. численность занятых в частной форме собственности составила 59 %, в государственной и муниципальной – 29,7 %, в собственности общественных и религиозных организаций – 0,5 %, в смешанной российской – 5,8 %, в иностранной (совместной с российской) – 5,0 %¹. Именно эта множественность форм собственности сформировала новый контекст классовых, социально-экономических и социокультурных отношений, изменила роли и функции классов, социальных групп и слоев, позволила им обрести не просто созидательную, но и автономную позицию.

Если говорить об основных социально-групповых образованиях на макроуровне современного общества, то необходимо вычленил работающих не по найму и наемных работников. В указанный период первые составили 6,5 % среди занятого населения, вторые – 93,1 %². Наемные работники как элемент макроструктуры общества представляют собой социально дифференцированную часть населения. Уровни и виды дифференциации самые разнообразные. Это и их реальное положение в экономических секторах занятости (в государственном или в частном), и в структуре властных и функциональных взаимосвязей, и в социально-трудовой и профессиональной деятельности, и в политических и социокультурных отношениях. Таким образом, если принять данный концепт за базовый, то социальные статусы, которые являются

¹ Россия в цифрах. 2011 г. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): Краткий стат. сб. М. : Росстат, 2011.

² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011 : стат. сб. М. : Росстат, 2011.

предметом исследования, фактически предстают субклассовыми социальными общностями (социальными статусами, группами, слоями).

Таблица 1

Динамика удельного веса рабочих
в структуре занятого населения¹ (в % от числа опрошенных)

Уровень квалификации и виды экономической деятельности	2001	2003	2007	2010
Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйств	5,6	4,8	3,5	3,0
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, связи, геологии	24,0	16,0	14,9	13,9
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики	14,0	13,9	12,0	12,5
Неквалифицированные рабочие	14,6	12,2	11,3	10,9
ИТОГО	58,2	46,9	41,7	40,3

К ним мы относим и такую массовую группу, включенную в состав наемных работников, какими являются рабочие.

В понятия «рабочий», «рабочий класс» вкладывалось и вкладывается различное содержание. Причем это зависело и зависит, прежде всего, не от мнений, а от реального положения рабочих в социальной структуре общества. Так, рабочий класс в советское время – это значительная часть занятого населения (почти 70 %), массовое «классовое образование и *мощный фактор* экономического и социального развития общества». Необходимо отметить еще один важный аспект в развитии рабочего класса СССР – формирование внутренней слоевой дифференциации рабочего класса, которая свидетельствовала о существовании сложных экономических и социальных интересов в процессе его развития. В 1980-е гг. много писали об этой проблеме: одни исследователи – о рабочих, занятых трудом низкой, средней, высокой квалификации; другие – о рабочих, занятых «доиндустриальными», «раннеиндустриальными» и «научно-индустриальными» видами труда².

¹ Обследование населения по проблемам занятости. М. : Росстат, 2003. С. 98–99; Исследование населения по проблемам занятости. М. : Росстат, 2007. С. 100–101; Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2011. С. 124.

² Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс и научно-технический прогресс / под ред. Э. В. Клопова. М. : Наука, 1986.

Что касается доли рабочих в постсоветской России, то она составляла в 2001, 2003, 2007 гг. соответственно 58,2; 46,9; 45,2 %. Как видим, фактически идет плавное снижение всех категорий рабочих как квалифицированного, так и неквалифицированного труда, занятых в различных видах экономической деятельности.

Спад производства привел к появлению слоя *безработных*. В конце 2011 г. общий уровень безработицы в России составил 6,6 %. Средний возраст этой категории экономически активного населения 35,4 года. В 2010 г. общее число безработных среди рабочих составило 2 млн. 233 тыс. чел., из них доля квалифицированных рабочих – 60,4 %¹. Безусловно, это связано с ухудшением экономической ситуации в стране. Подчеркнем, что речь идет о профессиональных рабочих кадрах, о тех безработных, которые в нынешних условиях российской действительности могли быть связаны с модернизационными процессами общественной жизни. Их невостребованность в социально-трудовой сфере не просто кардинально изменила мотивы поведения, уровень и условия жизни данной социальной группы, но и лишила их возможности адаптироваться к рыночным условиям, а значит, социальной роли «локомотива» социальных трансформаций.

Изменения, происходящие в социально-экономической сфере, сопровождаются также появлением *дополнительной занятости*, которая в условиях современной России стала фактором, в наибольшей степени корректирующим профессиональную структуру. Как свидетельствуют данные Росстата, дополнительная занятость получила широкое распространение. Ее институционализация как реальной формы реализации трудового потенциала стала возможной в результате снятия разного рода ограничений на дополнительные приработки. Безусловно, такой вид трудовой занятости, каким является дополнительная работа, – это важнейший способ социальной адаптации, затрагивающий все группы и слои населения. Рабочие не являются исключением в этом отношении. Правда, интенсивность включения в данную сферу жизнедеятельности зависит прежде всего от вида экономической деятельности. Наиболее активны рабочие сельского, лесного хозяйства, наименее – промышленного производства. Неквалифицированные ра-

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011 : стат. сб. М. : Росстат, 2011.

бочие во всех видах экономической деятельности удерживают примерно одну и ту же планку дополнительной занятости за последние годы.

Таблица 2

Удельный вес рабочих, различного уровня квалификации, имеющих дополнительную занятость (% от числа опрошенных)¹

Уровень квалификации и виды экономической деятельности	2003	2007	2009
Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйств	60,8	53,2	49,0
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, связи, геологии	1,8	0,1	2,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики	1,2	0,2	14
Неквалифицированные рабочие	2,2	2,0	2,6

За годы реформ существенно изменилось положение рабочих в обществе. В конце 1990-х гг. некоторые исследователи отмечали, что рабочие оказались «в положении социального слоя, претерпевающего нисходящую групповую мобильность»². В эти годы рабочие как социальная группа остались в тени исследовательского поиска. Но в постсоветской России рабочие не исчезли, не «растворились» в общей массе занятого населения. Они представляют и сейчас существенную часть работников наемного труда, а значит, успешность развития социально-экономических отношений во многом зависит от их потенциала. В чем нам видится социальная «существенность» рабочих? Прежде всего в их доле в общей структуре занятого населения. Это касается общих статистических показателей. Но речь должна идти о включении изучаемого нами субъекта общественного развития в аспект социополитической и социокультурной динамики.

Предметным полем настоящей статьи является изучение, с одной стороны, становления основных, базовых социально-статусных характеристик рабочих, с другой – поиска ими жизненных стратегий,

¹ Рассчитано по: Обследование населения по проблемам занятости. М. : Росстат, 2003. С. 116, 142. Там же. М., 2007. С. 96, 114; Там же. М., 2009. С. 41.

² Солидаризация в рабочей среде / под ред. В. А. Ядова. М. : Институт социологии РАН, 1998.

ориентации в широком социальном пространстве и адаптации к ним – в труде, быту и общественной деятельности.

Нами сформулированы следующие основные направления исследования: проанализировать профессионально-трудовые ценности занятости рабочих, их значимости как важнейшего фактора динамичного развития общества; определить отношение рабочих к таким понятиям, как «социальная справедливость», «социальное равенство», «свобода»; оценить значимость властных отношений в реальной жизни и степень своей социальной защищенности; проанализировать ценностный потенциал в широком ракурсе – материальное положение, уверенность (неуверенность) в жизни «сегодня и завтра»; выявить особенности социально-трудовой мобильности рабочих, их готовности к изменению социально-статусного положения и места жительства.

Информационной базой послужили данные исследования, проведенного в апрель 2011 г. Социологическим центром РАГС при Президенте РФ¹.

Рассмотрим сначала, каким образом общие институциональные изменения в сфере труда оказывают непосредственное влияние на становление статусных позиций рабочих. То, что в конкретной социально-трудовой ситуации (мы имеем в виду прежде всего рынок труда со всеми его универсальными механизмами) формируются определенные стереотипы, несомненно. В исследовании зафиксированы представления рабочих о том, какое значение имеет в их жизни работа. Были предложены следующие альтернативы (они перечислены в порядке убывания количества ответивших): «величина заработной платы» (79,8 %), «интересное содержание работы» (49,1 %), «возможность быть в коллективе» (26,0 %), «полезность работы для об-

¹ Обследование проводилось в 21 субъекте РФ, представляющем все экономико-географические зоны страны. Объем выборочной совокупности составил 1600 человек. Формирование, реализация выборочных совокупностей осуществлялись по многоступенчатой квотной выборке. Анализируемая группа – рабочие промышленности, строительства, транспорта – составила 256 респондентов. Возраст опрошенных представлен следующими группами: доля молодых (18–39 лет) составила 46,3 %, доля представителей среднего возраста (40–59 лет) – 46,8 %, доля представителей старшего возраста (60 лет и старше) – 6,9 %. Оценивая уровень образования данной группы, следует отметить, что удельный вес рабочих, имеющих высшее или незаконченное высшее образование, составляет 16,2 %, среднее специальное (техникум), полное среднее (средняя школа, профтехучилище), неполное среднее, начальное – соответственно: 44,2; 32,5; 7,2 %. Одним словом, это группа наемных работников, фактически молодого трудоспособного возраста, обладающая достаточно высоким профессиональным и образовательным уровнем. Следовательно, ее место в обществе также значимо.

щества» (25,6 %), «возможность занимать достойное положение в обществе» (19 %). Итак, прежде всего работа оценивается с точки зрения источника получения средств существования – как материальная ценность. Причем доля отметивших эту альтернативу значительно превышает все остальные, ресурс материальный явно доминирует. Это очевидно, ибо процесс труда, как процесс затраты и профессиональных способностей, физических и нервно-психологических усилий, неизбежно требует компенсаций, по мнению респондентов, именно материальных.

Важным для опрошенных представляется и содержание труда – ресурс профессиональный. Он также существен. Немаловажное значение в сфере трудовой деятельности респондентов имеют социальные связи, корпоративное общение («возможность быть в коллективе»). Работа рассматривается ими как возможность устанавливать деловые социальные связи, совмещая выполнение служебных обязанностей с неформальным общением с людьми, объединенными родом и сферой деятельности, общим или близким образовательным статусом, схожими личными и профессиональными взглядами и интересами. Контакты и общение в социально значимом окружении представляют ценность для 26 % рабочих. Кроме того, по мнению опрошенных рабочих, работа является возможностью «занимать достойное положение в обществе» и «быть полезным для общества» (более 45 %). Поэтому можно утверждать, что отношение к работе представляет принципиальный ресурс трудовой жизнедеятельности рабочих.

Мы видим, что рабочий как субъект профессионального поведения в целом самодостаточен. Таким образом, отношение к труду как к способу самореализации и развития личности в социально значимом пространстве составляет достойную конкуренцию отношению к труду как к средству материального существования. Данное обстоятельство создает необходимое условие продуктивной занятости. Оно характеризует результат и одновременно предпосылку дальнейшего развития рыночного механизма с присущей ему конкурентной борьбой за рабочие места, нацеленного на рост квалификации кадров, эффективное использование человеческого, профессионального и интеллектуального потенциала личности.

Подтверждением сказанному служат ответы на вопрос о приоритетах жизненных ценностей. Первые места заняли умение зарабатывать деньги, профессионализм, коллективизм и взаимопомощь на ра-

боте (всего было предложено десять ценностей). В поведении опрошенных четко прослеживаются и подтверждаются жизненные ориентиры, связанные с трудом, профессионализмом, вообще с работой. Безусловно, отношение к ней с точки зрения оплаты – необходимое условие формирования социального механизма адаптации к резко изменившимся социально-экономическим реалиям. Эти реалии, как известно, определяются позициями рабочих на современном рынке труда, именно здесь «сфокусирована» сфера включения работника не только в производственную деятельность. На вопрос «Как вы оцениваете уровень своего материального положения?» только 0,8 % опрошенных ответили: «высокий, материальных затруднений нет», «сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману» (15,1 %) – условно состоятельная группа рабочих (15,9 %). Также условно мы определяем и среднеобеспеченных: «денег хватает лишь на продукты и одежду» (66,4 %). И фактически бедные: «денег не хватает на продукты и одежду» (12,5 %), «живу в крайней нужде» (2,3 %). Всего таких 14,8 %. Деление на состоятельных, среднеобеспеченных, бедных – свидетельство низкой конкурентной способности на рынке труда. Тем не менее на вопрос «Как в целом складывается ваша жизнь в настоящее время?» 65 % опрошенных ответили «хорошо», «скорее хорошо». Поистине «не хлебом одним будет жить человек...» И в этом случае факторами благополучия выступают такие универсальные ценности, как труд, профессионализм и некоторые другие.

Институциональные реформы 1990-х гг. сформировали различные виды социального неравенства. Они охватывают разные стороны жизнедеятельности людей: социальную, экономическую, политическую и др. Главный и наиболее существенный вид неравенства – дифференциация в уровне доходов, появление бедных и богатых слоев. В настоящее время в России децильное соотношение, т. е. соотношение между доходами 10 % самых богатых и доходами 10 % самых бедных слоев населения составляет 1:7,4¹. И на вопрос о том, существенны ли различия между отдельными слоями общества в уровне дохода, подавляющее большинство (63 %) опрошенных ответили утвердительно. Значимой сферой проявления социального неравенства, по мнению опрошенных, являются шансы на получение ка-

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011 : стат. сб. М. : Росстат, 2011.

чественного образования (53,5 %). В советский период приобретение той или иной профессии, средней или даже высшей квалификации для подавляющей массы молодежи – выходцев в том числе и из рабочей среды – не было связано с имущественным неравенством. В целом система бесплатного образования способствовала выравниванию шансов представителей различных социальных групп на социальную мобильность, на возможность попасть в средние и высокодоходные слои.

Существенной сферой проявления социального неравенства названа несправедливость: должностные лица и простые люди не равны перед законом. Видимо, поэтому 53 % опрошенных рабочих заявили, что отношения в обществе между органами власти и населением являются плохими. Естественно, встает вопрос о степени гражданского ощущения, о соотношении своего «я» и государства, различных его ветвей. По мнению опрошенных, Российская Федерация, которая по Конституции должна быть социальным государством, фактически не выполняет эти функции, а социальную политику положительно оценивают 26 % (отрицательно – 58,5 %, остальные затруднились ответить). В России гражданское общество не развито, оно находится в стадии формирования, многие его элементы вытеснены или заблокированы, нет гражданского общества, которое было бы адекватно современному открытому демократическому обществу. Большинство опрошенных не чувствуют себя защищенными в своей стране; при решении насущных проблем на помощь со стороны власти рассчитывают лишь 18,1 %, проблемы будут решать самостоятельно 74 %. Эти данные говорят о том, что ориентация рабочих на патернализм со стороны государства фактически не присутствует, а уравнительные представления и ценности в контексте формирующегося социального порядка «канули в Лету». На первый план вышло понимание иной парадигмы развития современного общества. Речь может идти только об ущемлении чувства гражданской свободы, о том, что в нынешней ситуации интересы граждан не учитываются. И дело здесь не только в законах рыночной экономики, а в негативных социальных проявлениях государственного развития. Конкретизируя свое видение значимости реформ, осуществляемых в последние десятилетия, и давая им оценку, большинство респондентов полагают, что это был период «неоправданных потрясений и трагедий» (почти 40 %). Безусловно, речь идет о том, что базовые принципы модернизации российского общества, переход к рыночным отношениям не были четко озвучены в систе-

ме ценностных ориентаций социально-экономических трансформаций. И самое главное, не были созданы условия для обеспечения рациональной занятости населения, обеспечения роста его денежных доходов, повышения степени защиты социально уязвимых групп. Рынок труда – сложнейшая и динамичная социально-экономическая категория, в «ткань» которой вплетены многообразные отношения их субъектов. И рабочие, как существенный ресурс и резерв современного общественного развития, видят в нем не абстрактную структуру, а такую, которая могла бы ответить на принципиальный вопрос, насколько она рациональна или иррациональна, насколько способна взаимодействовать с направлениями модернизации социальной политики, широко декларируемыми в настоящее время.

Что касается оценки респондентами-рабочими влияния на решения властей, ответ фактически однозначен. «Такой возможности нет», – ответило абсолютное большинство (92,6 %) (имея в виду федеральные, региональные, муниципальные органы власти). Можем ли мы говорить о состоянии пассивности среди опрошенных рабочих? По нашему мнению, нет. В данном случае речь может идти лишь об уровнях адаптации рабочих к жизненной ситуации, когда они начинают более адекватно вписываться в социально-экономическую структуру, декларируют свое активное отношение к общественным процессам. Подтверждением сказанному служат ответы на следующий вопрос: «Интересуют ли вас политические события, происходящие в российском обществе?» («очень интересуют» и «скорее интересуют» – 66 %). Кроме того, рабочие начинают занимать свою не только социальную, но и политическую нишу в обществе. Одним из аспектов этого является понимание того, что «участие в выборах – обязанность гражданина» (около 80 % опрошенных). Правда, они достаточно реалистичны в оценках последствий данного участия. Для большинства рабочих демократия как форма государственного устройства фактически отсутствует в политическом руководстве страны. Таково мнение 78,9 % опрошенных.

Сказанное неизбежно влияет на социально-психологическое самочувствие рабочих, на их уверенность (неуверенность) в завтрашнем дне, на реальные страхи дня сегодняшнего. Так, неопределенность в будущем тревожит («часто тревожит», «иногда тревожит») 83,8 % опрошенных. Респонденты обеспокоены возможностью экономических потрясений, кризисов, отсутствием защиты от преступности. Слагае-

мые экономических потрясений – это прежде всего рост цен, тарифов на коммунальные услуги (53,2 %), уровень личной материальной обеспеченности (46,3 %), экономическое положение в стране (40 %), безработица (30,6 %) и некоторые другие.

Говоря о социально-психологическом климате в стране и его субъективном восприятии, необходимо отметить оценку опрошенными видов отношений, существующих в обществе, где концентрируются и их интересы, и реальные взаимосвязи, и стиль жизни. Были выделены следующие типы таких отношений: между молодыми и пожилыми; между богатыми и бедными; между властными структурами и населением; между работодателями и наемными работниками; между людьми разных национальностей. Самая высокая степень напряженности обнаружилась в оценке отношений между богатыми и бедными. Ее оценили как плохую 59,6 % опрошенных. Отношения между властными структурами и населением получила 53,6 % негатива; между работодателями и наемными работниками – 33,2 %, между людьми разных национальностей – 29,1 %, между молодыми и пожилыми – 24,5 %. Таким образом, в условиях несформированности гражданских структур и отсутствия активных субъектов социальных изменений устойчиво низок уровень доверия прежде всего к органам власти, к социальной дифференциации, к расслоению общества на богатых и бедных, на наемных работников и предпринимателей.

Последний вопрос, который нам хотелось бы осветить, – это уровень потенциальной трудовой мобильности анализируемой социальной группы. Этот процесс активизируется в связи с возникновением жизненных факторов объективного и субъективного плана. Современный рынок труда России находится на этапе становления и характеризуется всеми присущими данному этапу особенностями. С одной стороны, снижением спроса на рабочую силу, с другой стороны, рыночными отношениями (даже в стадии становления), которые вызывают к жизни высокую социальную активность населения различных территориальных систем. Формируются в условиях глобализации трудомиграционные ситуации, основные потоки которых призваны («скорее беспокойно», «совсем беспокойно») «притягивать» или «выталкивать» трудовые ресурсы не только из одних стран в другие, но и внутри одной страны, где существуют региональные рынки, принципиально различающиеся между собой по социальным характеристикам трудовой занятости. Безусловно, на интенсивность тру-

допотоков, их динамику влияет комплекс факторов. Это – результат совокупного конфликта в социально-экономической и социально-политической сферах общества. Эмпирическое выражение данного конфликта можно обнаружить при ответе опрошенных на вопросы: «Как вы оцениваете современную экономическую политику в стране», «Как вы оцениваете современную социальную политику в стране», «Как вы оцениваете политическую ситуацию в стране». В первом случае отрицательных оценок («скорее беспокойно», «совсем беспокойно») 56 %, во втором – 58,5 %, в третьем – 40,5 %.

Эмигрировать из России в другую страну хочет почти четверть опрошенных рабочих. Правда, 15 % из них не имеет для этого возможностей. Рассмотрим мотивы миграции. Предложенные альтернативы мы разделили по следующим показателям: а) материальные («нет достойной заработной платы»); б) профессиональные («невозможна реализация профессиональных планов»); в) социальные (отсутствие защищенности в широком аспекте – от власти, от преступности); г) жизненно перспективные (неопределенность будущего). Их приоритеты таковы. Более всего беспокоит опрошенных отсутствие социальной защищенности в своей стране (63,4 %) и как естественное следствие – неопределенность будущего (20,4 %). Остальные мотивы связаны непосредственно с производственной деятельностью – с ее материальным аспектом (17 %) и профессионально-деятельностным (5 %).

Таким образом, в современной России сложились устойчивые тенденции, характерные для представителей части занятого населения. С одной стороны, эти тенденции являются следствием экономической и социально-политической ситуации в стране, с другой – они требуют таких способов их преодоления, которые бы соответствовали базовым потребностям общественного развития и каждого человека.

Социальный статус рабочих в транзитивном российском обществе, изменения в его развитии, которые произошли и происходят в настоящее время под воздействием радикальных социально-экономических, политических и социокультурных трансформаций – поле для научных изысканий, которое есть существенный аспект реализации внутренних механизмов структурообразования, связанный с кристаллизацией фактически новой социальной системы. Основные слагаемые этой системы – устойчивость возникновения не только новых социальных элементов, но и преобразование прежних, образующих стержень всех социально-структурных отношений. Годы реформ

существенно изменили положение рабочих в российском обществе заработали факторы естественной стратификации рыночного общества. Рабочие стали частью наемных работников, той социальной группой, на долю которой пришлись результаты и реструктуризации государственной собственности, вызвавшей изменения в сфере трудовых отношений, и многие другие функционально-ролевые характеристики.

Статусные характеристики рабочих в сегодняшней России, их фактическое место в социально-групповом пространстве (как и других групп) непосредственно зависят от их взаимодействия с социальной средой, их востребованностью / невостребованностью в общественной жизни. Отсюда следует изменение мотивов поведения в ее различных сферах.

Второе десятилетие XXI в. – это время, когда можно подводить определенные итоги тех преобразований и их социальных последствий, позитивных или негативных. Слой рабочих, который мы изучали, характеризуется достаточно высоким уровнем профессиональной и образовательной подготовки, престижностью и ответственностью труда, а также зависимостью от его оплаты, в целом невысокой, пониманием общей нестабильности на рынке труда. Рабочий корпус занятого населения, безусловно, адаптируется к новым социальным реалиям. Прежде всего в той среде, где он живет и действует, наличествует достаточно низкая степень уверенности в завтрашнем дне и в дне сегодняшнем с его реальной картиной гражданского ощущения свобод, прав и надежд.

Нарастание негативных оценок относительно социально-политического и экономического развития общества в среде рабочих требует серьезных социальных изменений, создания условий и возможностей гражданам зарабатывать средства, необходимые для жизни, повышения степени защиты всех групп населения. Только в этом случае индивидуальные ресурсы, адаптационные возможности как социально-профессиональной группы, так и отдельных ее представителей смогут в полной мере быть реализованы.

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ «РУССКОЙ МЕЧТЫ»¹

Чаще всего в обыденной трактовке под «мечтой» понимается заветное желание, исполнение которого сулит счастье. Но вряд ли стоило бы, только исходя из данной трактовки «мечты», затрачивать немалые усилия для ее научного изучения. Суть явления мечты состоит в том, что это есть не что иное, как особая форма воображения, мысленное создание образа желаемого, причем направленного в будущее. Вместе с тем, мечта – это еще и положительно окрашенная мотивационная установка, это ярко выраженная побудительная сила и необходимое условие преобразования действительности.

При таком понимании, при такой трактовке «мечты» ее целенаправленное изучение, и прежде всего социологическими методами, становится не только оправданным, но и необходимым. Вот почему Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте–апреле 2012 г. провел общероссийское социологическое исследование, определив его основную тему так: «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?»²

Методическая основа исследования – массовый социологический опрос населения Российской Федерации по репрезентативной общенациональной выборке. При этом объем выборочной совокупности исследования составил 1750 респондентов, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 16–55 лет³, в разбивке по следующим четырем возрастным когортам: 16–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет, 46–56 лет.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. Районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам РФ (*первая ступень* выборки) в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Росстатом для

¹ См.: Социс. 2012. № 12. С. 3–11.

² При разработке программы исследования, анализе и интерпретации результатов понятия «русская мечта» и «российская мечта» использовались как синонимы.

³ Эта возрастная группа населения составляет 60,8 % от общей численности населения РФ. Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2011. С. 77.

контроля социально-экономических показателей развития страны. *Вторая ступень* выборки включала выделение типичных субъектов РФ (всего 20), а также два мегаполиса в составе каждого территориально-экономического района (согласно районированию Росстата). *Структура районирования* – два мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург) и 20 субъектов РФ, итого – 22 объекта. *Третья ступень* выборки: внутри субъектов РФ дальнейшее районирование заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности по 5-ти типам поселений: мегаполисы – 10,7 %, административные центры субъектов РФ – 25,9 %, административные центры районов – 30,9 %, поселки городского типа (ПГТ) – 5,6 %, села – 26,9 %¹. На *четвертой ступени* выборки, т. е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по социально-профессиональным признакам респондентов и возрастные пропорции по четырем, приведенным ранее, возрастным когортам².

Каковы же основные выводы, вытекающие из анализа результатов проведенного исследования?

Вывод первый. Российские граждане в подавляющей своей массе – люди, склонные «помечтать»: три четверти из них считают, что мечтать обязательно нужно и жить без мечты не интересно. Поэтому вполне закономерно, что у подавляющего большинства россиян есть своя мечта (90 %). О чем же в основном мечтают россияне? В первую очередь о том, чтобы жить в достатке, «не считая копейки» – 40 %, о хорошем здоровье (своем и близких) – 33 %. Следует особо выделить тот факт, что в главную тройку мечтаний наших сограждан входит их стремление жить в справедливом и разумно устроенном обществе (33 %), где добродетель и труд вознаграждаются, а доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют одинаковые шансы реализовать свои способности и равны перед законом.

¹ Расчеты произведены по данным источника: Численность населения РФ по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2011 г. Статистический бюллетень. М. : Росстат, 2011. С. 19.

² Модель выборочной совокупности разработана канд. филос. наук Шереги Ф. Э. Разработка программы, инструментария исследования и его проведение осуществлены рабочей группой ИС РАН в составе: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Члены рабочей группы: Андреев А. Л., Аникин В. Д., Вызов Л. Г., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Мчедлова М. М., Петухов В. В., Бараш Р. Э., Тюрина И. О. Научный консультант – глава представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ доктор Р. Крумм.

Только вслед за этими главными мечтами значатся такие: хорошие дети (23 %); своя отдельная квартира (21 %); хорошая семья и интересная жизнь, самореализация (по 17–18 %). Далее следуют мечты о собственном доме (15 %); хорошем образовании (12 %); возможности «быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России» (11 %); хорошей работе (7 %). На последних местах находятся мечты «встретить настоящую любовь» (6 %); стать уважаемым и известным человеком (4 %); стать очень красивым, привлекательным (1 %). Как видно, несмотря на агрессивную рекламу атрибутов «дорогого» образа жизни, ни богатство, ни широкая слава, ни человеческая красота в предмет индивидуальных мечтаний подавляющего большинства россиян не входят. Это сильно отличает нашу страну, например, от США, где культ изящного тела, как и народной популярности («звездности») возведен буквально в ранг национальной религии.

Отсутствие мечты у конкретного человека, как правило, тревожный признак, свидетельствующий о его низком материальном благополучии, социальном и профессиональном статусе. Напротив, наличие мечты в наибольшей степени характерно для средних и благополучных слоев общества, а также россиян, занятых нефизическим трудом и характеризующихся ярко выраженным «активизмом». Обычно отсутствие мечты ведет и к отсутствию жизненной цели. Однако в тех случаях, когда при отсутствии мечты цель все же есть, россияне зачастую лишены энергии ее достижения и оптимизма в отношении возможности воплощения.

Анализ полученных данных показал: в России широко распространены умонастроения «социального анархизма» (48 %). В основном они характеризуются желанием «жить, как хочется». При этом вероятность встретить «социального анархиста» приблизительно одинакова в разных социальных группах. Как ни парадоксально, умонастроения «социального анархизма» уживаются в России с нормой, согласно которой жить стоит только ради какой-то большой, общественно значимой цели. Подобная норма, занимая доминирующее положение в нормативной системе россиян, в более скромном масштабе отражается в их мечтах и еще скромнее представлена на уровне текущих запросов и потребностей. О чем это свидетельствует? Скорее о постепенной утрате населением России не только пассионарности, но и отчасти своей цивилизационной специфики, которая пока еще сохраняется на уровне исторической памяти, архетипов, идеалов и нор-

мативно-ценностной системы в целом. Излишне драматизировать эту ситуацию не стоит. Общество, большинство членов которого на уровне повседневной жизни руководствовались бы, прежде всего, абстрактными идеалами, а не своими текущими потребностями и интересами, не только никогда не существовало, но и в принципе невозможно. Вместе с тем, недооценивать вектор отмеченной тенденции тоже неправильно. За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление экономики после Великой Отечественной войны, освоение целинных земель, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне.

Вывод второй. Поскольку коллективные архетипы наиболее отчетливо и выразительно представлены в фольклоре, в программу проведенного исследования был включен анализ отношения россиян к широко известным сказочным образам. На первом месте оказался классический архетип Золушки: в нем образ русской мечты увидели без малого 40 % опрошенных. Интересно заметить, что отношение к «Золушке» имеет ярко выраженный гендерный «перекос»: она увлекает до 60 % женщин и лишь 16 % мужчин. Для представителей сильного пола оказалась ближе следующая за «Золушкой» по уровню популярности сказка «По щучьему велению», в которой смысловой акцент сделан на мотиве случайного везения, никак не обусловленного усилиями и заслугами главного героя – «дурака» Емели. В сказочной ситуации «свалившейся с неба» удачи усматривает русскую мечту примерно четверть респондентов. Приблизительно пятая часть (чаще мужчины) связывает «русскую мечту» с представлением о грозной, но справедливой силе, защищающей слабых (образы сказочных русских богатырей). Присутствует в суждениях и мотив ничем не ограничиваемого материального изобилия в архаически крестьянской его интерпретации – сказка о «молочных реках, кисельных берегах». Данный образ ассоциируется с национальной мечтой россиян у каждого шестого из опрошенных.

Немаловажен вопрос о том, как связана «русская мечта» с образами российской истории? Проведенное исследование дает основа-

ние утверждать, что половина россиян в возрасте до 55 лет убеждены в том, что все события отечественной истории происходили *«не просто так»*, и их следует рассматривать как служение России всему человечеству. Другая половина с подобным утверждением не согласна. Причем эта пропорция 50 на 50 с минимальными отклонениями (не более 1–2 %) воспроизводится во всех основных социально-демографических группах.

Вместе с тем, россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы только в прошлом. Так дореволюционная Российская империя кажется воплощением *«русской мечты»* лишь одному опрошенному из девяти, а революционная Россия первых лет – только каждому двадцатому. Судя по полученным данным, постепенно ослабевает еще недавно сравнительно сильная эмоциональная связь россиян с эпохой Л. И. Брежнева. Сегодня признать *«развитой социализм»* воплощением *«русской мечты»* согласились только 14 % респондентов.

Обращает на себя внимание кардинальный сдвиг в балансе оценок прошлого и настоящего. Еще в 2000 г. только 6 % россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть наших сограждан присоединились к мнению о том, что *«русская мечта» наиболее полно воплотилась, в современный период истории России, а именно в «эпоху Путина»*.

Вывод третий. В силу того, что принцип социальной справедливости занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль *консолидирующей идеи*. Смысловое наполнение идеи *«справедливого общества»* несколько различается в разных по мировоззрению группах россиян, но в целом можно говорить о том, что ключевыми его элементами, являются: а) равенство возможностей; б) активная роль государства в системе социальной защиты; в) дифференциация в доходах, отражающая уровень образования, квалификации и эффективности работы индивида, но не выходящая за разумные пределы. Такие представления характерны для большинства россиян вне зависимости от их собственного положения и динамики личного благополучия. И это свидетельствует о давно сформировавшейся в обществе и устойчивой во времени нормативно-ценностной системе.

Россияне проявляют *высокую степень толерантности к большинству социальных неравенств* (кроме неравенства в доступе к качественной медицине). Однако сложившаяся на данный момент си-

туация в России отнюдь не отвечает их представлениям о справедливости: неравенства в доходах представляются излишне высокими, а их правовые основания – нелегитимными. Отсюда понятно, почему эта проблема остро переживается. Россияне не видят шагов со стороны государства для смягчения данной ситуации, что приводит к росту недовольства и социальной напряженности в обществе и еще большим расхождением между представлениями об обществе, в котором они *хотели бы жить*, и тем реальным обществом, в котором они на данный момент *жить вынуждены*.

Вывод четвертый. В отношении представлений о будущем России, о том пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся *социал-консерваторы*, составляющие самую многочисленную группу, на другом – *либералы*, как правые (сторонники минимизации роли государства), так и левые (сторонники социал-демократии). Социал-консерваторы мечтают о традиционной России – могучем государстве; державе с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, идя при этом своим путем, а не следуя «в кильватере» Запада и западной цивилизации. В то же время, они мечтают о стабильном, спокойном развитии, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на весьма ограниченную роль государства, снижение его влияния на бизнес и гражданские институты, формирование правового общества, в котором выше всего ценились бы демократические права и свободы личности.

При всех различиях, оба эти «полюса русской мечты» имеют много пересечений. В частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается населением скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени – либералами). Кроме того либералы и социал-консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм – их скорее привлекает какой-либо вариант синтеза, который бы включал в себя и элементы рынка, и элементы социалистической экономики, обеспечивая преодоление в стране избыточных социальных неравенств.

Вывод пятый. В российской мечте отчетливо выражено представление о том, что есть общественное благо и какая должна быть модель демократии, чтобы его реализовать практически. Оно базируется на «социальной справедливости, равных правах для всех, на

сильном государстве, заботящемся о своих гражданах», а также на «правах человека, демократии, свободе самовыражения личности». В свою очередь, идеальную модель демократии большинство россиян связывает с «равенством всех граждан перед законом» и с «небольшой разницей в уровне доходов людей». Такие представления дают основания утверждать, что желаемая модель общественного устройства и его демократического обеспечения базируются в массовом сознании на двух опорах: *правовой защищенности граждан и социальной справедливости*.

У широких общественных слоев и политического класса существует разное понимание перспектив развития российской демократии. Правящая элита сводит демократию исключительно к сфере политики и выборным процедурам. А вот в представлении наших сограждан демократия – это, прежде всего, эффективно работающие институты, позитивная динамика уровня и качества жизни, социальная защищенность граждан, реальная борьба с коррупцией и т. п. В фиксации значимости социально-экономической компоненты демократии россияне отнюдь не одиноки. Исследования, проводимые во многих европейских странах, показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятием» демократии обществом, прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 1960–1970-х гг. отказываться не спешит.

Исследование показало, что в обществе есть довольно большой слой людей (свыше 20 %), который понимает взаимосвязь экономических и политических прав, осознает, что именно уровень развития демократии в стране, в конечном счете, определяет возможность честно работать и зарабатывать. Из полученных данных отчетливо видно, что чем выше материальное положение и социальный статус граждан, тем сильнее запрос на политические права и свободы. И, соответственно, наоборот.

Выборные кампании 2011–2012 гг. не только пробудили протестное движение в России, но и обострили вопрос о ценностно-идейном единстве российского общества. Причем в настоящем ис-

следовании получила эмпирическое подтверждение гипотеза о наличии партии активистского меньшинства («партии Интернета») и традиционалистского большинства («партии телевидения»). Социальные сети интернета стали наиболее эффективным механизмом массовой мобилизации и реально действующим инструментом горизонтальных связей в социуме. Кроме того, получил подтверждение и тот факт, что пользователи Интернета в большей степени осведомлены о внутри- и внешнеполитической обстановке, мыслят критичнее, в большей степени склонны самостоятельно выбирать информационный продукт. При этом активные пользователи Интернета настроены либеральнее тех, кто пользуется им редко или не пользуется вовсе; они заметно чаще отдают предпочтение политическим правам и свободам и существенно реже ориентированы на материальное преуспевание.

Вывод шестой. Стремление к идеальной работе не относится к разряду главных жизненных ценностей россиян – устроиться на нее мечтают не более 7 %. Вместе с тем, в силу своей несомненной социальной значимости сфера профессионально-трудовой деятельности оказывается предметом мечтаний наших соотечественников. Применительно к работе можно говорить о существовании идеальной мечты, основанной на желании и отражающей эмоциональный образ, формируемый представлениями россиян о том, «как должно быть», и мечты земной, более приземленной, но и более конкретной.

Идеальные мечты о работе достаточно однозначны. Их отличительной чертой выступает акцент на содержании трудовой деятельности, в частности, ориентация на обретение интересной работы, способной увлечь человека, дающей шанс реализовать себя (58 %), иначе говоря, ориентация, доминирующая над установками на заработок (42 %). Как показало исследование, *несомненные лидеры профессиональных устремлений: промышленность, энергетика, транспорт и строительство (26 % опрошенных), отрасли социально-культурного комплекса (образование, наука, здравоохранение и культура – 25 %), а также финансово-кредитная, маркетинговая, консалтинговая и т. п. сферы деятельности, разделяющие третью – с государственным и муниципальным управлением – позицию (по 15 % соответственно).* Анализ профессиональных выборов и предпочтений россиян позволяет надеяться на постепенное сближение их представлений о том, где хотелось бы работать, со структурой потребностей национального рынка труда в работниках по отраслям экономики.

Реальное распределение по отраслям экономики, в которых россияне задействованы сегодня, таково: промышленность, энергетика, транспорт и строительство (29 %); отрасли социально-культурного комплекса (19 %); торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ (14 %). Сравнение рейтинга областей деятельности, занятость в которых кажется нашим соотечественникам предпочтительной, с их реальной деятельностью говорит об определенной рассогласованности «того, что есть», и «того, к чему стремятся». Осознавая – рационально или интуитивно – ситуацию на отечественном рынке труда, чувствуя основные тенденции его развития, россияне выбирают (особенно для своих детей) те области профессиональной деятельности, занятость в которых будет востребована, привлекательна и престижна (не только в материальном, но и в статусном смысле) в долгосрочной перспективе. При этом не могут не настораживать отдельные тенденции их выбора. Например, отказ родителей рассматривать в качестве достойных их детей сфер приложения труда промышленность, энергетику, строительство и т. п. (16 %) в пользу чрезмерного увлечения работой в системе государственного и муниципального управления (24 %). Делая выбор в пользу тех или иных областей профессиональной деятельности, в которых они мечтают работать сами или хотят видеть занятыми своих детей, большинство россиян склонно (а точнее, вынуждено) ориентироваться на земные представления об идеальной работе и той сфере, в которой она могла бы осуществляться. Как следствие, во главу угла ставятся материальное благополучие, стабильность, жизненные удобства, а не профессиональная реализация или социально значимые характеристики выполняемой работы.

Вывод седьмой. Последние годы демонстрируют улучшения во многих аспектах бытовой жизни россиян: растет количество товаров длительного пользования в домохозяйствах, возрастают оценки, которые сами россияне дают отдельным аспектам своей жизни. Однако при этом рост благосостояния не приводит к качественным изменениям и появлению новых жизненных шансов. Кроме того, улучшение уровня жизни происходит в российском обществе неравномерно, и прежде всего, для тех, кто и так находится в более благоприятном положении, в то время как положение неблагополучных слоев консервируется и может даже ухудшаться. При этом стремление «жить не хуже других», выступающее одним из наиболее важных стремлений для всех россиян, независимо от их дохода и уровня жизни, приводит

к формированию запроса на жизнь в достатке, без необходимости «считать копейки», который и является наиболее распространенной мечтой на данный момент – мечтой, свойственной 40 % населения, независимо от уровня жизни, возраста, типа поселения.

Можно утверждать о том, что в России существует и активен процесс формирования общества потребления, хотя значительная доля малообеспеченных слоев населения не имеет возможности включиться в этот процесс. Реальные предпосылки формирования характерных для общества потребления практик в российском обществе различны. Это и последствия долго существовавшего в стране товарного дефицита; это и особая важность внешних признаков статуса (престижное потребление); это и тот факт, что возможности, связанные с собственным развитием и перемещением на более высокие статусные позиции, для многих россиян постепенно сокращаются. В этой связи инвестиции в себя и своих детей становятся нерентабельными и заменяются потреблением.

Вывод восьмой. В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможностей существенно влиять на возникающие ситуации в ней, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания. При этом организация своего микромира не является для россиян мечтой как таковой. Это скорее своеобразная социальная программа в части создания семьи и круга общения, отражающая доминирующие в социуме нормы. Ядром микромира россиян в рамках этой «социальной программы» является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей. Веяния современности здесь ощущаются лишь в количестве детей, которых в идеале должно быть двое. Несмотря на различные модификации практического воплощения этой нормы семейной жизни, ее не подрывает даже идущая плюрализация предпочтений по отношению к противоположному полу. Ведь представления об идеальном мужчине и идеальной женщине в российском обществе крайне разнообразны и не локализованы четко в тех или иных социальных группах.

Не менее глубинным и традиционным для российской культуры остается понимание россиянами дружбы как отношений помощи и взаимовыручки, которое, хотя и несколько размывается происходящими в современном мире процессами, остается важной частью рос-

сийского менталитета.

Таким образом, мечты россиян об идеальном для них микромире коренятся в глубинных пластах норм и ценностей российской культуры, хотя процессы социальной модернизации, с характерной для нее плюрализацией предпочтений в самых различных областях, оказывают на эти нормы и ценности свое воздействие, но не затрагивает их сколько-нибудь существенно. При этом активно процесс размывания этой пока еще достаточно монолитной системы норм и ценностей наиболее активно протекает в мегаполисах, где сложность и динамичность жизни стимулирует нарастание запроса на упрощение, облегчение и повышение комфортности межличностных отношений с одновременным снижением ответственности в них. В итоге семья, дети и друзья постепенно оттесняются в мечтах россиян на второй план. У одних это происходит потому, что для них это просто норма жизни, у других – потому, что это оказывается в их жизни уже далеко не главным. Причем подобные различия во многом зависят от места жительства россиян.

Вывод девятый. Около половины россиян полагают, что их мечты скорее осуществимы, чем неосуществимы. Учитывая характер мечтаний, это не удивительно. Большинство россиян, имеющих мечту, предпринимают для ее осуществления вполне рациональные попытки, хотя значительная часть уповает скорее на чудо (мечта сбудется «по божьему промыслу» или в силу простой удачи). Оценка возможностей реализации большинства мечтаний напрямую зависит от места респондентов в социальной структуре общества. Наименее благополучная и низкоресурсная часть населения страны (а это – большинство), заведомо не имеет, по крайней мере, в собственном восприятии шансов на реализацию многих своих мечтаний, в том числе таких «жизненных» и вполне естественных, как собственная квартира, дом, хорошие дети, хорошее здоровье.

При этом практически все население, за исключением 12–15 % самых благополучных, не уверено в возможности воплощения мечты жить «не считая копейки» или встретить настоящую любовь. Лишь верхние слои населения страны отличаются уверенностью в реализации практически всех своих мечтаний, что ставит их в качественно иное социально-экономическое положение, чем остальных россиян. Однако, несмотря на это, даже наиболее благополучная часть наших сограждан недовольна той моделью общества, которая сложилась сей-

час в России, а значительная их часть (практически такая же, как и в других социальных слоях) включает в *число трех главных своих мечтаний жизнь в разумно и справедливо устроенном обществе*. Особенно сильно выражено это желание в составе благополучной части населения старше 30 лет. Это означает следующее: хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане улучшилась, их представления о нынешнем устройстве общества, в котором от усилий самого человека мало что зависит, а главную роль играет наличие нужных связей и везение, не изменились в лучшую сторону. Можно даже говорить о нарастании разрыва между собственными усилиями людей и материальными результатами этих усилий, по крайней мере, в массовом восприятии населения. Вот почему россияне настроены скептически относительно возможностей реализации жизненной мечты и в целом недовольны обществом, в котором они живут, считая его несправедливым и «неправильным».

Вывод десятый. «Русская мечта», а собственно и русский цивилизационный проект имеют личностную, эмоциональную значимость в условиях особой роли макроидентичностей в жизни наших сограждан. Одна из таких идентичностей – идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и ее народом. Такая идентичность к настоящему времени глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находится как бы в «спящем», латентном состоянии.

В то же время ощущение *личностной связи с Россией постепенно утрачивается*. Это связано с нарастанием отчуждения и атомизации в российском обществе и его несоответствием тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения. В подобных условиях «органическая солидарность», ощущение своего неразделимого единства с общностью людей, живущих на территории России и разделяющих нормы и ценности в рамках единой культуры, начинает замещаться чувством формальной связи с Российской Федерацией, ощущением себя просто гражданином определенного государства.

С одной стороны, это позитивная тенденция, отражающая процессы социально-политической и социокультурной модернизации и формирования в стране гражданской нации. Однако с другой стороны, надо иметь в виду, что развитие этих позитивных процессов неизбежно ведет к изменению «русской мечты», к «растворению в ней»

компонента, относящегося к обществу. Этот компонент из «мечты» может превратиться в набор инструментальных целей, которые в зависимости от личной ситуации будут в большей или меньшей степени волновать россиян. Развитие подобной тенденции может привести к изменению психологического механизма формирования идентичностей россиян в целом, что повлечет за собой массу следствий – от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа «отдать долг стране» службой в армии.

Отмеченная тенденция очень опасна. В условиях отсутствия альтернативных эмоционально значимых для россиян интеграторов, тенденция разрушения «органической солидарности» может начать работать «на раскол» российского общества. Хотя говорить о таком расколе преждевременно, но уже появились основания утверждать, что назревающее недовольство внутренне гетерогенно и эта гетерогенность скорее всего будет со временем увеличиваться.

Вывод одиннадцатый. Национальную мечту никоим образом не следует рассматривать как некую социально-психологическую константу, заданную на все времена. По мере изменения условий жизни одна мечта замещается другой, подобно тому как это происходит у конкретных людей с их личными стремлениями и желаниями. При этом обычно наблюдается сложная интерференция идей и идеалов, в ходе которой складываются новые смысловые доминанты и формируются образы будущего, воодушевляющие миллионы людей. В этом отношении *«русская мечта» выделяется своим динамизмом.* На протяжении последних 100–150 лет она не раз меняла свою контуры и наполнялась новым содержанием, но при всех модификациях продолжала существовать как мечта о правде-справедливости. Но к началу 1970-х гг. подобная мечтательность оттесняется на задний план новой, альтернативной прежним, коллективной мечтой, связанной с социальным запросом на формирование «общества потребления». Составной частью этой мечты о «потребительском рае» (не связанной, в отличие от веры в грядущую победу коммунизма, с идеей социальной справедливости) стала своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения некой единой идентичности. Вместе с тем, по мере массового прозрения стало приходить и понимание, что Запад – это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, кото-

рый в свете российского опыта часто кажется поверхностным и неискренним. Вообще западную идентичность можно представить как некую *коллективную мечту*, которая в настоящее время существует в двух основных конкурирующих вариантах – *европейском и американском*. Американская мечта – это мечта об индивидуальном материальном успехе; в конечном счете, она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Если американская мечта выросла на почве культа индивидуализма, то мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер и основана на специфической модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой. Европейские идеалы для многих россиян весьма привлекательны. Однако и они вряд ли полностью совпадают с устремлениями и надеждами наших сограждан. Прежде всего, речь идет о том, что в России довольно низок потенциал солидарности, которая играет важную роль в реализации европейского исторического проекта. Если идея служения государству и обществу в целом достаточно популярна, то реальный альтруизм и готовность к личным жертвам, тем более ради отдельных людей только из чувства солидарности, отнюдь не является нормой национального сознания.

Вывод двенадцатый. «Русская мечта» принципиально расходится с установками западной культуры в понимании свободы. И связано это с тем, что свобода – одна из главных российских ценностей. Свыше 2/3 опрошенных считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашались со второстепенностью свободы, ставят материальное благополучие выше нее. Мечта о свободе, несомненно, воодушевляет россиян: данный социологический факт с небольшими статистическими отклонениями повторяется от исследования к исследованию на протяжении почти двух десятилетий. Однако, как показывают результаты неоднократно проводившихся опросов, быть свободным для человека русской культуры – совсем не то же, что для американца, немца или француза. *Свобода в русском ее понимании* – это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время и с известными обязанностями), а возможность «быть самому себе хозяином». То есть это пресловутая русская «воля», которая может выражать себя в самых разных, но всегда предполагающих энергетическую разрядку,

формах. Россияне в этом постоянном поиске точки приложения энергии в чем-то сродни американцам.

В целом, результаты проведенного исследования указывают на то, что в современном сознании российского народа совершенно определены все те компоненты, из которых «синтезировалась» русская мечта в прошлом. Это идея государства как «общего дела», приоритет социальных прав над политическими, сильно выраженное чувство справедливости, приверженность социальному равенству и, наконец, понимание свободы как «воли». В совокупности все это и есть каркас, несущая конструкция современной общенациональной русской мечты. А в сущности – то поле, где формируется и функционирует общенациональная идея.

Е. В. Грунт

«ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ ГРАЖДАНИН» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Состояние неустойчивости, переходности, кризисности общественного развития в современной России меняет формы и механизмы социализации молодых людей. В этих условиях остро встает вопрос об исполнении законов, о действиях личности в рамках существующих в обществе законов. С другой стороны, построение в стране правового государства характеризуется изменением места и роли права в жизни человека, независимо от его принадлежности к социально-профессиональной группе.

Студенты – самая образованная часть молодежи, из которой будет пополняться интеллектуальная элита общества. В этом плане особый интерес вызывает анализ представлений студентов о том, кого можно рассматривать законопослушным гражданином.

Анализ состояния законопослушности и отношение к праву в среде российского студенчества имеет практическое значение для разработки механизмов и программ приведения их правовой культуры в соответствие с требованиями формирующегося правового государства.

В 2011 г. нами проведено социологическое исследование в вузах Челябинской области. В исследовании участвовало 600 студентов в соответствии с квотной выборкой. Челябинск является типичным для России городом-миллионером, где сосредоточены крупные вузы, в

том числе Национальный исследовательский университет – ЮУрГУ, поэтому с определенной долей условности данные нашего исследования могут быть экстраполированы на российское студенчество.

Исследование зафиксировало, что мнение студентов о тех или иных правовых качествах следует рассматривать как декларируемое должное, которое может выступать в качестве определенного идеала, но не как реальное проявление этих качеств, присущих современному поколению. Сопоставление идеального и существующего позволяет не только увидеть степень их расхождения в реальной социальной жизни студентов, но и может быть одним из оснований для выявления прогностических тенденций изменения личности.

Анализ данных исследования показал противоречивость представлений студентов о том, что характеризует законопослушного гражданина, какими чертами он должен обладать. Так большинство студентов в качестве отличительных признаков называют законопослушность (62 %), готовность защищать права человека (51 %); ответственное отношение к учебе, труду (40 %). На четвертом месте у студентов – обладание правовыми знаниями; на пятом месте – сформированные правовые ценности (табл. 1).

Таблица 1

Мнение студентов об отличительных чертах законопослушного гражданина (в % к общему числу опрошенных по каждой группе)*

Отличительные черты законопослушного гражданина	Техн. спец.	Соц-гум. спец.	Юридич. спец.
Законопослушность	58,0	61,0	64,0
Готовность защищать права человека	49,0	54,0	51,0
Знание прав человека	44,0	48,0	67,0
Ответственное отношение к учебе, труду	42,0	60,0	28,0
Обладание правовыми знаниями	23,0	24,0	29,0
Сформированные правовые ценности	18,0	17,0	23,0
Интернационализм	12,0	8,0	15,0
Российское гражданство	8,0	4,4	-
Честность	8,0	5,0	12,0
Порядочность	15,0	12,0	10,0
Затрудняюсь ответить	2,5	2,1	-

* Сумма превышает 100 %, поскольку респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Остальные черты, характеризующие законопослушного гражда-

нина, по мнению респондентов, представлены в незначительной степени. Если говорить о гендерном аспекте, то существенных различий в ответах юношей и девушек не наблюдается. Как видим, в сознании студентов еще не в полной мере сформирован образ законопослушного гражданина (кроме студентов – будущих юристов), представления о том, какими чертами он должен обладать, что, по нашему мнению, связано с отсутствием правового государства в стране. В настоящее время образ законопослушного гражданина далек от тех функций, которые сегодня требуются для формирования правового государства и гражданского общества. Мнение студентов разделилось по основным характеристикам законопослушного гражданина. Исследование зафиксировало, что правовые качества личности для студентов являются идеальными и присутствуют лишь в сознании респондентов.

Несмотря на то, что подавляющая часть студентов Челябинской области поставила на первое место законопослушность, готовность защищать права человека, знание прав человека, правовые знания, правовые нормы не свидетельствуют о том, что данные правовые качества в полной мере сформированы у молодежи. Исследование показало, что среди правовых черт у студентов сформированы законопослушность (45 %), честность (60 %), порядочность (39 %).

Результаты исследования говорят о том, что и в среде экспертов нет единодушного мнения о сформированности основных правовых качеств, характеризующих состояние правовой культуры студентов. В целом подавляющее большинство опрошенных экспертов положительно оценивают сформированность названных качеств у студентов. Исследование показало что, их положительная оценка выше среди экспертов – руководителей вузов, нежели преподавателей правовых дисциплин. Следует отметить, что каждый третий опрошенный среди экспертов преподавателей-правоведов неудовлетворительно оценивает состояние правовых знаний и интериоризацию правовых норм у студентов, а каждый четвертый отмечает низкий интерес к правовой сфере. Среди экспертов незначительная доля опрошенных затруднились с ответом. Согласно мнению экспертов, образ законопослушного гражданина, сложившийся в представлениях студентов, не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Исследование показало, что студенты в целом знают характеристики законопослушного гражданина и то, какими чертами он должен обладать, но присутствуют эти

правовые качества далеко не у всех. Экспертный опрос позволил выделить некую модель «идеального законопослушного гражданина»: это – человек, который разделяет правовые ценности, нормы, готов отстаивать свои права, самостоятелен в принятии решений, не нарушает законы, честен, порядочен.

Нас интересовал вопрос о конкретных действиях законопослушного гражданина. Было выявлено, что приоритетными действиями законопослушного гражданина, по мнению студенческой молодежи, являются исполнение законов (80 %), борьба за права человека (59 %), регулярная уплата налогов (40 %), постановка интересов общества и государства выше личных интересов (22 %). Что касается студентов, обучающихся на разных специальностях, то существенных различий не обнаружено. Гендерный аспект тоже не показал существенных различий во мнениях респондентов.

Важным является вопрос об отношении студентов к праву. Исследование показало, что у многих студентов не сформировалось уважительное отношение к действующим в обществе законам и к праву в целом. Принимаются только те законы и уважаются лишь те права, которые защищают самого студента или касаются его лично. На это указало более 50 % респондентов. Это еще раз подтверждает положение о том, что, изучение правовых дисциплин в вузе, не делает человека законопослушным и не способствует интериоризации правовых ценностей. Достаточно пренебрежительное отношение к праву как ценности, по нашему мнению, имеет много причин. В частности, некоторые из них кроются в недавней нашей истории. Переход к рыночной экономике характеризовался сплошным нарушением существовавших в то время нормативно-правовых актов. Да и сегодня СМИ часто говорят о нарушении законов, начиная от рядовых граждан, заканчивая верхними эшелонами власти. У многих взрослых сложилось устойчивое представление о том, что закон можно обходить, если это удастся сделать состоятельным людям. Такое мнение в процессе общения с родственниками, просмотром многих телепередач и фильмов утверждается в сознании значительной части подрастающего поколения. Можно сказать, что молодежь не сориентирована на обязательное соблюдение законов, на уважение права, на отношение к нему как к ценности, интериоризацию правовых ценностей. Все это сказывается и на отношении студентов к закону и праву в целом.

В ходе исследования было выявлено еще одно негативное явление

ние, выраженное в том, что 24 % опрошенных заявили об отсутствии у них потребности в каких-либо правовых знаниях. При этом половина из них считает, что и без этих знаний они всегда соблюдают закон. Но как можно следовать закону, если не знать его требований? Нами было выявлены причины, которые ведут к нарушению закона. Если человек достаточно хорошо разбирается в объективных и субъективных факторах совершения противоправных действий, то он лучше подготовлен к осознанному выбору поведения, соответствующего нормам закона. Он знает о тех «соблазнах, которые делают человека преступником» (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнение студентов о причинах совершения правонарушений
(в % к числу опрошенных)*

Причины	%
Желание получить личную выгоду	57,0
Неумение контролировать свое поведение	44,0
Алкогольное опьянение	27,0
Отсутствие страха перед наказанием	34,0
Природная склонность к насилию	23,0
Надежда на возможность скрыть преступление	23,0
Невоспитанность	12,0
Незнание законов	9,0

*Сумма превышает 100 %, так как у респондентов была возможность сделать несколько выборов.

Анализ этих данных показывает, что оправданием правонарушений у определенной части опрошенных является то, что человек оказался в состоянии, когда он не мог контролировать свое поведение. Такое состояние может возникнуть в сильной стрессовой ситуации, когда индивид не смог владеть своими эмоциями и чувствами или под воздействием алкогольного опьянения.

В ходе исследования мы зафиксировали, что студенты не ориентированы на признание тех положений закона, которые считаются смягчающими обстоятельствами: а) совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; б) несовершеннолетие виновного; в) беременность; г) наличие малолетних детей у виновного; д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, либо по мотиву сострадания; е) совершение преступления в результате физического или психического принуждения, либо в силу материальной, служебной или

иной зависимости; ж) совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны; задержания лица, совершившего преступление; крайней необходимости; обоснованного риска; исполнения приказа или распоряжения; з) противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившаяся поводом для преступления; и) явка с повинной; активное содействие раскрытию преступления; изобличение других соучастников преступления и розыск имущества, добытого в результате преступления; к) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления; добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления; иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Отягчающими обстоятельствами признаются, в частности, действия, совершенные в состоянии алкогольного опьянения и пр.

Полученные данные позволяют утверждать, что ведущей правовой ценностью для студентов является право гражданина. На это указали около 70 % опрошенных нами студентов. Возникает вопрос: что же студенты понимают под этим термином? Важнейшая характеристика прав гражданина, по мнению студентов, их гарантированность государством (50 %). Все должно быть обеспечено, все службы и должностные лица должны работать на реализацию основных прав человека и гражданина. При этом отмечается, что необходимо регулярно проверять государственные органы, призванные обеспечивать реализацию основных прав человека и гражданина. Треть студентов считает, что для того, чтобы добиться успеха в обществе, необходимо требовать от государства всего, что оно обязано дать гражданину (все его права; все, что положено). В этом высказывании ясно виден потребительский подход к праву и соблюдению законности. Права нужны только для того, чтобы получать блага от государства и местных органов власти. О своих обязанностях, которые сопровождают любое право гражданина, речь не ведется. На наш взгляд, такая ориентация указывает на противоречие между потребностью в правовых знаниях и ценностях, связанных с их приобретением, и их дальнейшим применением в повседневной практике. Молодые люди могут активно изучать законы, чтобы эффективнее добиваться удовлетворения только своих личных интересов, поэтому сами по себе знания студентов не обеспечивают становления необходимой для социума ориентации индивида на их использование. Правовая культура, на

наш взгляд, формируется только тогда, когда человек не только владеет определенным перечнем знаний, интериоризирует правовые ценности, но и стремится их использовать в интересах многих людей, а не только своих личных. Правовая культура существует для решения общих, а не индивидуальных задач функционирования и развития личности. Данное положение необходимо доводить до сознания студентов при организации их правового образования и воспитания. Мы полагаем, что здесь необходимо особое внимание уделять содержанию правовых ценностей, которые они усваивают, а не только объему имеющихся у них знаний.

Исследование показало, что многие студенты ставят знак равенства между правами человека и правами гражданина. Это говорит об их непонимании того, что в каждой стране могут существовать свои правовые нормы и ценности, обеспечивающие и защищающие права граждан данного государства. 35 % студентов отметили, что необходимо знать все права, принадлежащие всем людям на Земле. Они у всех равные и прописаны в законах. Исследование не выявило существенных отличий во мнении студентов по этому вопросу, которые обучаются на разных специальностях (социально-гуманитарных и технических). Правильное понимание и разделение этих понятий мы видим у студентов, обучающихся на юридических специальностях. Это вполне объяснимо, так как эти знания они получают при обучении в вузе.

Вопрос о том, в каком законе прописаны те права, о которых говорят респонденты, остается неизвестным. Потому что при анализе прав граждан не выделяется роль политической системы в их становлении и реализации. У части студентов существует мнение о каком-то особом органе мирового сообщества, который потребовал, чтобы все страны приняли единые законы, регулирующие права граждан. Также сказывается слабое знание истории развития прав и свобод в том или ином государстве.

Выявлено, что в сознании студентов складываются две противоположные позиции по поводу прав граждан в нашей стране в настоящее время. С одной стороны, утверждается, что мы живем в демократическом государстве. Это подтверждается тем, что государство заботится о своих гражданах: платит пенсию, зарплату бюджетникам, обеспечивает безопасность на территории страны, получение образования (30,0 % опрошенных). Такие гарантии есть не в каждом госу-

дарстве. С другой стороны, высказывается мнение о том, что государство в лице чиновников должно защищать и поддерживать свой народ, оберегать права гражданина. Лучше самому заработать и рассчитывать только на себя, чем ждать того, что гарантирует государство. Вторая позиция отмечает весьма актуальную, на наш взгляд, проблему, решение которой в значительной степени определяет эффективность формирования правовой культуры студентов. Многие из них уже понимают, что декларируемое право и реально соблюдаемое – не одно и то же. Изучение права в школе и вузе, данные средств массовой информации, Интернет приводят студентов к выводу, что в стране существуют острые проблемы в соблюдении исполнительной властью тех юридических норм, которые приняты на федеральном и местном уровне. Поэтому периодически возникает необходимость бороться за свои гражданские права. Таким образом, мы видим, что правовая культура начинает включать в себя особую установку, связанную с пониманием необходимости личной активности для реализации в ряде случаев нормативно-правовых актов. Наличие момента противостояния личности и государства в лице конкретных чиновников, не желающих исполнять закон, в правовом сознании не только студентов, но и других социальных групп, неизбежно создает трудности в формировании правовой культуры. Правовое сознание должно обеспечить единство государства и граждан в решении актуальных задач функционирования и развития социума. Все граждане, независимо от своего социального положения, должны соблюдать закон. В законе прописаны не только права, но и обязанности граждан. Однако, наличие примеров нарушения закона со стороны тех, от кого по должности требуется его неукоснительное выполнение, формирует у части граждан, в том числе и студентов, во-первых, особую установку на обязательную борьбу за свои права. Простой гражданин пытается взять на себя выполнение обязанностей должностных лиц. В этой связи возникает вопрос о наличии правовой культуры. Во-вторых, у некоторых граждан создается представление о том, что если люди, занимающие высокое положение, нарушают законы, то простым людям тем более можно в ряде случаев пытаться их обойти. Среди студентов, как показало наше исследование, уже сформировались группы, различающиеся по уровню сформированности установки на обязательное соблюдение закона и интериоризацию правовых ценностей. Следовательно, эффективность правового воспитания и

просвещения в высшей школе существенно снижается в результате того, что реальная жизнь демонстрирует наличие больших трудностей в реализации норм закона всеми категориями граждан.

Можно сделать вывод о том, что в процессе формирования законопослушного гражданина среди студенческой молодежи особое внимание нужно уделять формированию собственной позиции личности по поводу реализации юридических норм и правовых ценностей. Не брать пример с тех, кто их нарушает, а иметь собственное осознание ценности права, правового регулирования должно определять поведение человека. Здесь можно говорить о выработке правовой ответственности не только за собственные поступки, но и тех людей, с которыми индивид взаимодействует в повседневной жизни. В этом плане должен работать особый механизм формирования законопослушного гражданина и становления правовой культуры студентов в современной России. К сожалению, пока он отсутствует. Об этом свидетельствуют и глубинные интервью с экспертами, которые показали, что не все студенты в самом начале изучения права представляют, что такое гражданин и какими нормами он регулирует свое поведение. Поэтому, с одной стороны, мы наблюдаем наличие абстрактного представления о правах граждан, о правовых ценностях, ибо они были взяты и получены из случайных источников, в качестве которых выступают публикации в различных газетах, высказывания в телепередачах, отдельные факты из истории страны. С другой стороны, мы видим, что не существует преемственности в правовом воспитании общеобразовательной школы и вуза, что негативно сказывается как на представлениях студентов о «законопослушном гражданине», так и на реальном его формировании.

Д. В. Гуськов

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСТРЕМИЗМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ

Экстремизм на данный момент активно изучается в научной сфере, изучаются также и различные аспекты данного феномена. Для начала необходимо отметить, что экстремизм – это сложное и многогранное явление, исследуемое несколькими смежными научными дисциплинами с целью найти причинно-следственную связь, обу-

славливающую его возникновение как феномена; классифицировать формы проявления данного феномена в жизнедеятельности человека и общества. В связи с данным обстоятельством, экстремизм как научная категория имеет целый ряд трактовок. В настоящее время существуют различные методологические подходы к определению экстремизма как научной категории.

Большинство существующих трактовок и определений экстремизма характеризуют его с различных позиций, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности человека и общества. В научной литературе экстремизм в основном характеризуется как политическое, юридическое, психобиологическое и психосоциальное, но не социокультурное явление. Хотя социокультурные основания и факторы возникновения, развития и протекания экстремизма также имеют место.

Изучение феномена экстремизма и его проявлений основывается на анализе природы и сущности экстремального сознания и той среды, в окружении которой формируется личность человека. Данная динамика может быть как положительной, так и отрицательной направленности.

Одной из центральных проблем в исследовании феномена экстремизма как социокультурного явления является проблема определения соотношения в нем личностного и социокультурного оснований. В результате четкие дефиниционные границы сущностных определений экстремизма в массовом общественном сознании позволяют выявить особенности массового социально-психологического и социокультурного восприятия экстремистского поведения, а также дают возможность определить степень и направленность воздействия экстремизма на культуру. Проблема этого явления лежит в плоскости проблем развития культуры и динамики социальных норм.

В рамках данной постановки проблемы наиболее всего применим социокультурный подход. Как писал по этому поводу Н. И. Лапин, опираясь на выводы П. Сорокина: «социокультурный подход – понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека». П. Сорокин как родоначальник социокультурного подхода в социологии, обозначил сущность данного подхода к методу, применяемому при анализе социокультурных явлений: «Личность, общество и культура как неразрывная триада». Он поясняет: «Структура социокультурного взаимо-

действия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других». Указанные П. Сорокиным положения могут быть применены в рамках анализа экстремизма как явления.

Кроме того, согласно теории Н. И. Лапина, специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия. При такой специфике рассматриваемый подход не противостоит иным подходам, а дополняет их¹.

В рамках названного подхода для анализа свойств и особенностей проявления экстремизма необходимо опираться на несколько постулатов, которые его конкретизируют, помогают доказать, что экстремизм является также социокультурным явлением, возникающим в периоды трансформации социального и культурного пространства, норм и ценностей, преобладающих в нем.

В этой связи можно опереться на выводы, сделанные Н. И. Лапиным о том, что социокультурный подход можно конкретизировать в виде нескольких принципов, помогающих сформировать представление об обществе как целостной системе и четче осмыслить проблемы его трансформации². Указанные Н. И. Лапиным принципы, на наш взгляд, наиболее применимы к анализу экстремизма. Рассмотрим каждый из данных принципов применительно к анализу экстремизма.

¹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 4.

² Там же. С. 5.

Принцип человека активного (*homo activus*) является исходным в социокультурном подходе; он близок общепhilософскому принципу деятельности, но специфичен тем, что акцентирует внимание на многомерности человека как био-социо-культурного существа и на элементах структуры личности как субъекта действий, а само действие субъекта понимается как компонент взаимодействия с другими субъектами, как имеющее значение для них и выполняющее определенные функции по отношению ко всем субъектам взаимодействий.

Принцип *homo activus* одновременно является и принципом человеческого взаимодействия как простейшего, или родового социокультурного явления¹. Применив данный принцип, можно установить, что экстремизм – явление, неразрывно связанное с деятельностью человека как индивидуума, так и в группе. Указанная деятельность осуществляется непосредственно в социокультурной среде и неразрывна с ней, эта среда оказывает непосредственное влияние на деятельность человека. В итоге в точки зрения социокультурного подхода экстремизм – это деятельность индивидуума или группы, являющаяся крайней по отношению к существующим социокультурным нормам. В рамках данного принципа социокультурного подхода, субъект, осуществляющий экстремистскую деятельность, является био-социо-культурным существом, деятельность которого может быть оценена разнонаправленно, как отрицательная, так и положительная, в зависимости от тех социокультурных норм, с позиции которых указанная деятельность оценивается.

Принцип взаимопроникновения культуры и социальности утверждает наличие этих двух измерений в любой человеческой общности, постоянную их взаимосвязь и взаимовлияние, но при этом ни одно из них не сводится к другому и не выводится из него. В контексте данного принципа экстремизм находит свое отражение сразу в двух измерениях: культуре и социальности, которые образуют единую социокультурную среду, в которой осуществляется человеческая деятельность. В итоге проявления экстремизма в человеческой деятельности всегда обусловлены нормами и рамками того социокультурного пространства, в котором она осуществляется.

¹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 5.

Принцип антропосоциетального соответствия означает совместимость личностно-поведенческих характеристик этого общества (как единства культуры и социальности)¹. Экстремизм с позиций принципа антропосоциентальности соответствия в рамках социокультурного подхода может рассматриваться как *оценка антропосоциентального соответствия деятельности субъекта социокультурного пространства (индивидуума и социальной группы) нормам и правилам, сложившихся в рамках социетальных структур.*

Принцип социокультурного баланса означает динамическое равновесие между культурными и социальными компонентами как условие устойчивости общества; иными словами, функции, структуры и процессы общества обеспечивают балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей, интересов субъектов деятельности, входящих в это общество². С позиций данного принципа социокультурного подхода *экстремизм можно рассматривать как явление, возникающее в условиях, когда нарушается социокультурный баланс, когда функции, структуры и процессы общества уже не могут обеспечить балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей, интересов субъектов деятельности, входящих в это общество.*

Принцип симметрии и взаимобратимости социетальных процессов означает, что каждому процессу, воплощающему динамику общества как целостной системы и имеющему определенную направленность, соответствует противоположно направленный (симметричный, парный) процесс³. *Экстремизм в рамках данного принципа может рассматриваться как явление, сопровождающее социокультурную динамику общества. Причем, данная динамика имеет противоположно направленный характер, который переходе процесса из одной стадии в другую может превращаться в свою противоположность, т. е. может изменяться, как в сторону развития, так и в сторону деградации определенного сегмента социокультурных норм и правил. В этом случае экстремистские проявления будут также иметь противоположно направленный характер и будут оцениваться с противоположных позиций в зависимости от социокуль-*

¹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 5.

² Там же.

³ Там же. С. 5–6.

турных норм и ценностей, преобладающих на данном этапе процесса динамики.

Принцип необратимости эволюции социокультурной системы как целого означает, что по мере удаления системы от точки равновесия нарушается симметрия процессов и структур, повышается вероятность бифуркации и перехода к новому, необратимому состоянию системы как целого¹. Экстремизм с позиций принципа необратимости эволюции социокультурной системы как целого *может рассматриваться как естественное социокультурное явление, сопровождающее эволюцию социокультурной системы, являющееся неотъемлемой частью указанного процесса, а также следствием борьбы различных социокультурных норм и ценностей за преобладание в рамках социокультурной системы.*

По итогам анализа явления экстремизма при помощи социокультурного подхода, в контексте принципов, предложенных Лапиным, можно составить определение экстремизма как явления с позиций социокультурного подхода. *Экстремизм как социокультурное явление – специфический вид деятельности индивидуума или социальной группы, являющийся крайним, антагонистическим по отношению к нормам и правилам, или порожденный радикализацией указанных норм и правил, того социокультурного пространства, в рамках которого он обусловлен, зарождающийся в процессе развития социокультурной системы, разнонаправленно отражающий данный процесс развития как в сторону эволюции, так и в сторону деградации.*

В итоге можно выделить следующие особенности экстремизма как явления, отражающие его специфику:

- экстремизм является одним из естественных последствий как динамичного развития общества, так и его деградации в рамках социокультурной динамики, в процессе которой возникает рассогласованность между избираемыми средствами реализации целей и общественно организованными способами их достижения;
- социокультурный экстремизм не всегда несет личностное начало, а является естественным фактором социокультурной среды, отражающим взаимодействие не только индивида и общества, а также общественных групп между собой;

¹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7. С. 5.

- направленность социокультурного экстремизма носит анонимный, безликий характер, не смотря на то, что сам социокультурный экстремизм может иметь личностное начало;
- социокультурный экстремизм является формой самореализации экстремальных способностей индивида в условиях социальной неопределенности, культурной модернизации, аномии, когда назрела естественная потребность общества в инновационном развитии;
- социокультурный экстремизм, как крайнее проявление социокультурной девиации необходимо оценивать также разнонаправленно, как и девиацию, поэтому экстремизм как социокультурный феномен также должен иметь и *положительную трактовку*.

А. А. Дзевенис

ЧЕЛОВЕК И НАУКА

Из всех живых существ только человек с его особым, уникальным устройством разума стремится постичь мир, частью которого является сам. В чем суть бытия, как оно устроено, какие законы им управляют, какова его динамика? В связи с этим уместен вопрос: «Зачем человеку все это нужно?» Вспомним Софокла: «Лишь в знаниях защита нам на жизненном пути». Знание помогает человеку жить и выживать. «Науки свет в сердцах светлей огня / Жизнь бережет надежней, чем броня» (Рудаки).

Однако, как говорил М. Монтень, «я люблю науку, но не боготворю ее». Знание несет и угрозу жизни людей. Екклесиаст учит, что многознание умножает скорбь. После атомной бомбардировки Хиросимы возникла проблема моральной ценности научного открытия. Оно может быть использовано во вред человечеству. Академик С. И. Вавилов писал: «Наука – обоюдоострое всемогущее оружие, которое в зависимости от того, в чьих руках оно находится, может послужить либо к счастью и благу людей, либо к их гибели».

Наука (греч. *episteme*, лат. *scientia*) – система объективных знаний о бытие. Как считал Ф. Бэкон, наука есть не что иное, как отображение действительности. Одно из произведений Т. Кампанеллы называется «Философия, доказанная ощущениями». «Настоящая наука, – писал В. Соловьев, – может познать и действительно познает необходимые отношения или законы явлений».

Уже древний человек стремился осмысливать неведомый мир Вселенной, законы универсума. Как образно писал Рудаки:

С тех пор как мир возник большой,
Стремилась люди к знанию всей душой.
На разных языках из века в век
Дорогу к знанию ищет человек.

В истории общества не раз случалось, когда ради истины люди всходили на костер. Человек изначально находится в мире сущего, испытывает интерес к нему (от лат. «среди сущего» – «интер-ессе», иначе говоря – быть среди сущего, значит интересоваться им).

Зачатки науки появились в Древней Индии и Китае. В мифологии отражены многие мысли, вошедшие позднее в систему естественных наук. Идея общих закономерностей встречается в вавилонской астрологии, открывшей ряд закономерностей в движении небесных светил. Язык науки сочетался в ней с мифологическими концепциями. Благодаря науке, азам которой европейцы учились у восточных народов, цивилизация Европы оказалась существенно иной, чем на Востоке.

Собственно наука ведет свое начало от пифагорейской школы, создавшей философию числа. Считается, что методически, логически осознанными научные знания становятся в *античной* культуре. Возникновению науки способствовало разделение труда на умственный и физический. Становление собственно научных знаний, обособленных от религии, произошло благодаря Аристотелю. Он же заложил первоначальные основы классификации различных знаний.

Развитию науки способствует рост потребностей общественного производства. В *Средние века*, при ведении натурального хозяйства, господствует ручное производство. Оно базируется на эмпирических знаниях, связанных с индивидуальным искусством и опытом мастеров. Но и в средневековье идет процесс развития знаний, пусть порой и в скрытой форме. Так, в частности, происходит с химией. Химическое мышление формируется благодаря алхимии. Она возникла в III–IV вв. в Египте и особенно широкое распространение получила в Западной Европе XI–XIV вв. Главная цель алхимии – нахождение так называемого «философского камня» для превращения неблагородных металлов в золото и серебро, получение эликсира долголетия, универсального растворителя и т. д. Положительная роль алхимии – в открытии или усовершенствовании (в процессе поиска чудодейственно-

го средства) способов получения практически ценных продуктов: минеральной и растительной краски, стекол, эмали, металлических сплавов, кислот, щелочей, солей. При этом разрабатывались некоторые приемы лабораторной техники (перегонка, возгонка и др.).

«История науки неисчерпаема по своей глубине, – отмечает П. С. Гуревич. – Самым поразительным по новизне и по своим неслыханным практическим последствиям в области техники является со времен Кеплера и Галилея естественнонаучное знание с его применением математической теории. Однако оно составляет лишь звено во всеохватывающем процессе познания. Географические открытия завершились первым кругосветным путешествием и установлением того факта, что при плавании на запад теряется один день. Все это произошло только 400 лет назад»¹.

Новое время – эпоха стремительного развития науки, ибо без нее невозможно становление и развитие индустриального общества. Успехи знаний столь велики, что даже ставятся под сомнение научные достижения Эллады и Средних веков. Однако новые открытия возможны лишь при творческом подходе ко всему ценному из предыдущих времен. Благодаря этому принципу Галилей открыл первый закон механики. Этот закон нельзя установить на эксперименте. Галилей пришел к нему в результате мысленного обобщения всего доступного тогда эмпирического и теоретического материала.

Вместе с тем научное знание не отменяет обыденное знание, нужны оба. Знание становится научным, когда оно достигает высокого уровня развития, порога научности. Благодаря эпохе Нового времени в науке стали различать два уровня исследований – эмпирический и теоретический. Развитие капиталистических отношений свидетельствует, что наука все больше становится духовным содержанием производства, идет процесс его «онаучивания». Научные достижения воплощаются в технических открытиях.

С прогрессом естествознания и техники развиваются и гуманитарные дисциплины. Возрастает интерес к познанию не только материального мира, но и закономерностей духовной жизни. Наука все активнее проявляет себя как форма общественного сознания.

Все сказанное выше показывает, что наука требует разработки принципов *классификации*. Поэтому совершенствуются те первоначальные

¹ Гуревич П. С. Философский словарь. М. : ОЛИМП, 1997. С. 176.

чальные основы классификации знаний, которые были заложены Аристотелем. Шведский естествоиспытатель XVIII в. К. Линней создает систему растительного и животного мира (работы «Система природы», «Философия ботаники» и другие). Линней описал почти 1500 видов растений. Многие критики рассматривали линнеевскую систему как чисто искусственную. Но постепенно становится очевидным, что предложенная классификация позволяет характеризовать явления природы. Стало ясно: природа состоит из отдельных и разнородных феноменов, наука их упорядочивает, распределяет по классам и подчиняет общим законам.

Кроме того, классификация подтверждает, что наука есть сфера активной человеческой деятельности, а ее функция – выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Наука включает как деятельность по получению знания, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира.

Сложившись исторически как форма человеческой деятельности, наука направлена на познание и преобразование объективной действительности. Все связанное с выработкой знаний, с научной деятельностью является *духовным* производством. Его результаты – систематизированные факты, логически выверенные гипотезы, обобщающие теории, фундаментальные и частные законы, а также методы исследования. Иначе говоря, наука есть одновременно и система знаний, и духовное производство, и практическая деятельность на их основе. Любое научное знание имеет свой объект и способ исследования. То, что исследуется, раскрывает природу *предмета* науки. Ответ на вопрос о том, как осуществляется исследование, раскрывает *метод* исследования. Непосредственные *цели* науки – описание, объяснение и предсказание процессов и явлений бытия, которые составляют его изучение на основе открываемых законов.

Современная система наук многими учеными условно делится на естественные, общественные, гуманитарные и технические. Отечественный философ А. Г. Спиркин считает: «Предметом науки является не только внеположенный человеку мир, различные формы и виды сущего, но и их отражение в сознании, т. е. сам человек. По своему предмету науки делятся на естественно-технические, изучающие законы природы и способы ее освоения и преобразования, и общественные, изучающие различные общественные явления и законы их развития, а также самого человека как существа социального (гума-

нитарный цикл). Среди общественных наук особое место занимает комплекс философских дисциплин, изучающих наиболее общие законы развития и природы, и общества, и мышления»¹.

Г. Башлар говорил: «Как раз если смотреть с точки зрения наук, ни одна область не имеет превосходства над другой, ни природа над историей, ни наоборот. Ни один способ разработки предмета не имеет преимуществ перед остальными. Математическое познание не строже, чем историко-филологическое. Следовательно, наше понимание, сформированное в рамках научной культуры, отличается от понимания, сформированного в процессе наблюдения».

Современный мир, пишет П. С. Гуревич, как бы создает повсюду науки, независимые друг от друга, но общие по духу. В мастерских художников и архитекторов возникла наука о природе, мореплавание создало географию, государственные интересы – экономическую науку. Импульсом повсюду служило желание извлечь из знания непосредственную пользу. Но постепенно формировался и живой интерес к объекту познания. Наука строится на объективных и вещественных доказательствах. Аналитическое сознание вбирает в себя многоликий жизненный опыт и всегда открыто для уточнений. Мы можем говорить о научном знании только тогда, когда оно *общезначимо*. Обязательность результата – конкретный признак науки. Наука также универсальна по своему духу. Нет такой области, которая могла бы на длительное время отгородиться от нее. Все происходящее в мире подвергается наблюдению, рассмотрению, исследованию – явления природы, действия или высказывания людей, их творения и судьбы.

Предмет науки влияет на ее *методы* или способы, подходы, пути, приемы исследования объекта. Так в естественных дисциплинах основной прием исследования – эксперимент, в общественных – статистика. Но границы между науками достаточно условны. Для современного этапа развития научного познания характерно и появление смежных по предмету дисциплин (например, биофизика), и взаимное обогащение научных методологий.

К общенаучным логическим способам относятся индукция, дедукция, анализ, синтез, системный и вероятностный подходы и др. В каждой науке различаются *эмпирический* и *теоретический* уровни. Первый – это накопленные в итоге наблюдений и экспериментов

¹ Спиркин А. Г. Философия. 2-е изд. М. : Гардарики, 2006. С. 756.

факты, второй – обобщение эмпирических данных, которое выражается соответствующими теориями, законами и принципами. Изучаются основанные на фактах *гипотезы*, которые нуждаются в дальнейшей проверке опытом.

Отдельные науки (с точки зрения их теоретического уровня) смыкаются в общетеоретическом, философском объяснении открытых принципов и законов, в формировании мировоззренческих и методологических сторон научного познания в целом.

Гегель писал: «Я знаю много прекрасных наук, но науки прекраснее философии не знаю... Ибо все, что в науках основано на разуме, зависит от философии». Компонентом научного знания выступает философское истолкование данных науки, которое составляет ее мировоззренческую и методологическую основу. Уже сам отбор фактов предполагает значительную теоретическую и философскую культуру исследователя. «Современный этап развития научного знания требует не только теоретического осмысления фактов, но и анализа самого способа их получения, размышлений об общих путях поисков нового»¹.

В ходе исторического развития наука превратилась в важнейший социальный институт, оказывающий значительное влияние на все сферы жизни общества и культуру в целом. «Наука увеличивает разум» (Эмпедокл). Объем научной деятельности с XVII в. удваивается примерно каждые 10–15 лет: рост открытий, научной информации, числа научных работников. Отметим плачевное состояние российской науки. Ее финансирование из года в год уменьшается. Например, в 2010 г. сокращен бюджет РАН, хотя он и так был на уровне одного университета США. По данным акад. В. А. Черешнева, на науку – в расчете на 1 исследователя в США расходуют 300 тыс. долл., в Китае – 75, у нас – 40. Аналогичная ситуация в сфере образования: расходы на душу населения в США – 3,5 тыс. долл., в Японии – 1,5 тыс. долл., у нас – 400 долл.²

В развитии науки чередуются экстенсивные (увеличение объема знаний) и революционные периоды. К последнему относятся научные революции, приводящие к изменению структуры науки, принципов познания, категорий, методов и форм ее организации. Для науки характерно также сочетание процессов дифференциации и интеграции, развития фундаментальных и прикладных исследований.

¹ Спиркин А. Г. Философия. 2-е изд. М. : Гардарики, 2006. С. 757.

² Черешнев В. А. По вершкам – одно, по корешкам – другое // Советская Россия. 2013. 14 февраля.

Под влиянием крупнейших научных и технических открытий, возросшего взаимодействия науки с техникой и производством, с середины XX в. началась *научно-техническая революция* (НТР) – коренное, качественное преобразование производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства, непосредственную производительную силу. НТР резко ускоряет научно-технический прогресс (НТП), оказывает воздействие на все стороны жизни общества, предъявляет возрастающие требования к уровню образования, квалификации, культуры, организованности, ответственности работников. НТП – единое, взаимообусловленное, поступательное развитие науки и техники. Первый этап научно-технического прогресса относится к концу XVI–XVIII вв., когда мануфактурное производство, нужды торговли, мореплавания потребовали теоретического и экспериментального решения практических задач. Второй этап связан с развитием машинного производства с конца XVIII в. – наука и техника взаимно стимулируют ускоряющиеся темпы развития друг друга. Современный этап НТП определяется научно-технической революцией. Он охватывает, наряду с промышленностью сельское хозяйство, транспорт, связь, медицину, образование и быт.

Прогресс науки порождает множество проблем нравственного характера. Ученый не может быть выключен из этических отношений, он в существенной степени должен нести ответственность за свои творения. В этой связи обычно имеют в виду ядерное, биологическое и химическое оружие, данные по манипуляции с генами животных и людей, внесение в банки данных компьютеров абсолютно полных сведений о любом члене общества. Разве не трагично положение, когда все люди – и духовно, и физически – оказались бы на одно лицо? Или возьмем такую проблему: биологами открыт ген, который несет в себе завершение жизни природного организма. В нем заложена информация, исчерпывающая себя в распаде клетки, в смерти индивида. Стала известна тайна конечности человеческой жизни. Причем ген опознан и с помощью лазера его можно выжечь. Человек станет бессмертным? Возможно. Не исключено, что для биологии проблема ясна. Но есть еще фактор нравственный – каким окажется исход для человека и человечества в случае посягательства на тайнства жизни и смерти? Подлинный ученый не может стоять вне нравственных ценностей, научная деятельность не выключает исследования из области этики.

ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЧЕРТЫ

Свердловская область – регион с развитой системой городских поселений. По количеству городов область уступает только Московской области: в Московской области насчитывается 80 городов, в Свердловской – 47, в Ленинградской – 31.

Доля городского населения в общей численности населения области составляет 82 % (2010 г.). По показателю численности городского населения Свердловская область занимает второе место, а по общей численности населения – 3 место среди субъектов РФ (уступая Московской и Ленинградской областям). По параметру людности города Свердловской области представлены всеми типами городов: малыми и средними, большими, крупными, крупнейшими. Основная масса городов (35 из 47) – это малые города с численностью населения менее 50 тыс. жителей; 8 городов относятся к средним (от 51 до 100 тыс. жителей); 3 города – к крупным и большим (от 101 до 500 жителей) и 1 город – крупнейший – город Екатеринбург, в котором по данным 2012 г. проживает 1386, 5 тыс. чел.¹

Таблица 1

Численность населения городов Свердловской области, 2010 г.²

Параметры	Малые города (менее 50 тыс. чел.)	Средние города (от 51 до 100 тыс. чел.)	Большие и крупные (от 101 до 500 тыс. чел.)	Крупнейшие (более 500 тыс. чел.)
Количество городов, ед.	35	8	3	1
Численность жителей, тыс. чел.	901,8	558,3	686,3	1343,8

¹ Информационный портал Екатеринбурга. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekburg.ru/aboutcity/population/>.

² Тургель И. Д. Система городского расселения Свердловской области: специфика и проблемы современного этапа развития // Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург : УрГЭУ, 2012. С. 71–72.

Городское население Свердловской области сосредоточено в двух полярных типах поселений – в городе-миллионнике Екатеринбурге (1386,5 тыс. чел. в 2012 г.) и в малых и средних городах (1460,1 тыс. чел. в 2010 г.). Следовательно, проблемы городов Свердловской области – это главным образом проблемы мегаполиса (крупнейшего города) и малых городов.

Система расселения городов Свердловской области характеризуется высоким показателем распространенности моногородов. В соответствии с методикой Министерства регионального развития РФ, на территории Свердловской области насчитывается 17 моногородов (по другим данным, в Свердловской области таких городов – 15 или даже 32¹).

За последние годы отмечается тенденция перемещения городов в меньшие по численности поселения, также сокращается численность поселков городского типа. Темпы сокращения численности городского населения Свердловской области самые высокие среди других регионов Урала. Так в 2010 г. в сравнении с 2003 г. численность городского населения сократилась на 7 %, что превышает показатели Курганской области (6 %) и Челябинской области (3 %).

Усиливается агломерационный эффект. Среди крупнейших центров, концентрирующих вокруг себя другие поселения, можно выделить такие города, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Серов, Асбест. Зоны радиусом 50 км и, в ряде случаев, более 100 км являются территориями активного влияния городов-центров. Такие зоны могут быть очерчены изохроной 1,5-часовой транспортной доступностью центра города.

Ключевым событием развития уральских городов стала находка в XVII в. огромных запасов железных руд, в результате чего в 1697 г. вышли Указ Петра I о поисках руд и выборе мест для строительства заводов и именной Указ Петра I Никите Демидову с разрешением строить заводы на Урале. Екатеринбург становится организующим центром уральской горнозаводской промышленности, единственным городом в России, обладавшим официальным статусом горного горо-

¹ Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2012. С. 121; Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е. Г. Анимица (рук-ль авт.кол.). Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. С. 12.

да¹. В XVIII в. произошел наибольший всплеск в возникновении городских поселений, тогда возникло 23 новых городских поселения.

Таблица 2

Численность населения городов Свердловской области, 2010 г.

Малые города (менее 50 тыс. чел.)		Средние города (от 51 до 100 тыс. чел.)		Большие и крупные города (от 101 до 500 тыс. чел.)		Крупнейшие города (более 500 тыс. чел.)	
1	2	3	4	5	6	7	8
Верхняя Салда	47,4	Серов	98,1	Нижний Тагил	372,8	Екатеринбург	1343,8
Березовский	43,5	Новоуральск	91,8	Каменск-Уральский	179,1		
Качканар	42,6	Асбест	70,1	Первоуральск	134,4		
Алапаевск	41,8	Полевской	64,3				
Ирбит	41,3	Ревда	61,7				
Красноурфимск	40,5	Красноурьинск	61,1				
Реж	38,7	Верхняя Пышма	58,7				
Тавда	37,8	Лесной	52,5				
Сухой Лог	34,8						
Кушва	33,0						
Артемовский	32,9						
Богданович	31,8						
Североуральск	31,1						
Карпинск	28,5						
Камышлов	28,4						
Заречный	27,2						
Красноуральск	27,1						
Невьянск	25,1						
Нижняя Тура	22,3						

¹ Анимца Е. Г., Дворякина Е. Б., Некрасов В. Г. Экономическое развитие горнозаводских городов региона. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2005.

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Кировград	22,0						
Сысерть	20,6						
Средне-Уральск	20,4						
Талица	18,3						
Нижняя Салда	18,0						
Туринск	18,0						
Ивдель	17,1						
Дегтярск	16,0						
Арамиль	15,0						
Новая Ляля	13,0						
Верхний Тагил	12,1						
Нижние Серги	11,2						
Верхняя Тура	10,6						
Волчанск	9,9						
Михайловск	9,2						
Верхотурье	7,4						

Историческая особенность становления городов Урала заключается в приказном, имперском характере их возникновения. Города формировались по указу сверху, они были изначально продуктами решений государственной власти, территориями, встроенными в жесткую управленческую вертикаль. Города-заводы – это своего рода «родовая травма», которая и поныне сказывается на развитии и функционировании городских поселений области.

Исторический сценарий формирования городов Урала не способствовал развитию гражданской активности населения. Формирование политического пространства каждого уральского города имело свои исторические особенности. Так, системы управления таких уральских городов, как Чердынь, Соликамск во многом повторяли в своем развитии традиции собственно городского управления. В других городах (Шадринск, Камышлов) образованных из слобод, долгое время сохранялся тип сельского самоуправления. Город Екатеринбург имел особый управленческий статус – официальный статус горного города.

Существовавшая в XVIII–XIX вв. параллельно с общероссийской губернской управленческой системой особая система горного управления не только регламентировала развитие и размещение горнозаводской администрации, но и осуществляла административно-хозяйственные, финансовые и судебные функции. Город подчинялся двум властям: горному начальству и гражданской администрации. Горный начальник имел право утверждать избранных людей на общественные должности, контролировать наиболее важные статьи городского бюджета и в целом городскую жизнь. Уральское горное управление с небольшими перерывами размещалось в Екатеринбурге вплоть до 1919 г.¹

Екатеринбургом второй половины XVIII в. фактически управляло заводское и военное начальство, и завод создавал предпосылки для развития городской жизни. Но со временем город и завод начали развиваться относительно самостоятельно. «Город все-таки возникал как бы вопреки, а не благодаря заводу. Его свободные от регламентации промышленность и торговля были противоположны укладу, царившему на заводе. Люди притекали в город либо в результате отхода от заводского дела, либо со стороны принципиально иными путями, чем те, которыми завод пополнял свою рабочую силу. Между городской и заводской администрацией существовали глубокие споры»². Сегодня 34 из 47 (72 %) существующих городов так или иначе связаны с работой предприятий горно-металлургического комплекса, они возникали как города-заводы. «Эти города-заводы были включены в жесткую полувоенную систему вертикальных производственно-технологических и административно-управленческих связей и изначально не были ориентированы на развитие горизонтальных взаимодействий с близлежащими населенными пунктами»³.

Модель постоянной «включенности» основной массы горожан в жесткую систему вертикали власти продолжала функционировать на всем протяжении существования городов Урала (в эпоху Петра I, в годы строительства социализма). Только 5 из 47 городов Свердловской области получили официальный статус города до революции 1917 г. Остальные города, получившие официальный статус в годы

¹ Заборова Е. Н. Город на грани веков. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2007. С. 203.

² Бочко В.С. Свердловская область в период реформ (тенденции преобразований). Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2006. С. 125.

³ Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2012. С. 70.

Советской власти, изначально функционировали в режиме коммунистического правления, что означает фактическое отсутствие местных инициатив, опыта местного самоуправления, самостоятельной инвестиционной и иной городской политики.

В годы войны повышается роль Урала как тылового района, обладающего мощным производственным аппаратом, кадрами, ресурсами стратегического сырья и историческими традициями в производстве вооружения. С середины 1950-х гг. на Урале, в том числе в Свердловске развернулось создание ракетной промышленности. В этот момент еще более усугубилась зависимость Урала от центральной власти. «Региональные интересы Урала стали отождествляться с государственно-стратегическими интересами СССР. Уральский регион становится значимым для СССР в поддержании мирового баланса сил. У населения, политической, промышленной и культурной элит формируется военно-патриотический менталитет и убеждение в экономической незыблемости Урала»¹. Миссия населения состояла в укреплении обороны страны, что было закреплено в сознании городской общности.

Таким образом, население уральских городов исторически формировалось в мобилизационном порядке, оно не было консолидированным и не имело исторического опыта объединения в самостоятельные структуры. Эти обстоятельства в значительной степени определяют современную картину политической активности жителей уральских городов.

Сегодня Урал в целом и Свердловская область, в частности, именно благодаря своему срединному, «потаенному» расположению внутри континента являются основным производителем широкого спектра вооружений. Здесь создан самый мощный в стране военно-промышленный комплекс, производящий все виды вооружений – от автомата до ядерного оружия и ракет. «Поэтому с полным основанием Урал до сих пор позиционирует себя в контексте индустриальной и оборонной державности»².

Таким образом, формирование политических процессов всегда шло в мобилизационном режиме и в русле имперской зависимости; это порождало психологию державности, принадлежности к выпол-

¹ Анимица Е. Г. и др. Срединный регион: теория, методология, анализ. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2009. С. 132.

² Анимица Е. Г. Указ. соч. С. 166.

нению важной миссии, но одновременно лишало самостоятельности, опыта гражданских инициатив.

Специфика политической компоненты городов Свердловской области во многом определяется качеством человеческого капитала. Необходимость обеспечения заводов рабочей силой являлась важнейшей причиной, обусловившей концентрацию населения и появление городов. На первых порах отношение местного населения к заводскому строительству скорее всего было негативным. Местные власти нередко чинили препятствия постройке заводов, ибо это было связано с большими трудностями и серьезной ответственностью. В представлениях же крестьян и посадских людей постройка завода связывалась с увеличением повинностей, тяжесть которых и так была велика¹. В результате среди всех факторов, обуславливающих образование городов, особое место занимали факторы принудительного плана.

В уральских городах в XVIII в. существовала система «приписки» работников к заводам, которая в обязательном порядке «привязывала» крестьян к определенным городским территориям. Приписка к заводам как система «перечисления» в заводские рабочие для выполнения определенных работ вместо уплаты подушного налога, выплата которого возлагалась на заводовладельца, была основной формой обеспечения заводов рабочей силой. Приписка к заводам формально не являлась закрепощением, поскольку крестьяне за выполнение работы должны были получать известное вознаграждение. Но на Урале приписка приобрела исключительный размах: утрачивалось всякое соответствие между полученным вознаграждением и выполненной работой, в значительной степени стиралась грань между положением приписных и крепостных крестьян. Приписке подверглись селения, находившиеся на огромных расстояниях от заводов. Свыше 50 % всех приписанных к заводам селений находились от них на расстоянии 100 верст и более, в том числе 28 % – на расстоянии свыше 200 верст.

По закону обязанности приписных крестьян были нормированы следующим образом: с 25 марта по 1 мая они должны были рубить дрова, с 1 июня по 10 июня – складывать дрова в кучи, работать в рудниках, обжигать руду. Если за это время они не зарабатывали свой по-

¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII – начале XVIII века. М. : Наука, 1972. С. 261.

душный оклад, их можно было заставить работать еще с 15 сентября по 1 ноября, а всего 122 дня.

Институт приписки был ликвидирован в 1807 г., когда из числа приписных были выделены так называемые непременные работники, остальные крестьяне были освобождены от обслуживания заводов.

Кроме системы приписки пространственное закрепление населения вокруг заводов в городах поддерживала практика передачи заводам рекрутов и крепостных людей, принадлежащих заводчикам по праву дворянства. Именно эти люди составляли костяк городской территориальной общности.

Городские рабочие находились в полной зависимости от завода. Города Урала – это специфические «горные полисы» – своеобразные поселения, в которых завод на первых порах концентрировал школы, богадельни, пожарные команды, училища и прочие объекты, совершенно чуждые природе заводского дела. В. П. Безобразов писал о Тагиле: «Ныне многие потребности, составляющие принадлежности городского благоустройства (церкви, училища, пожарные инструменты и пр.) щедро удовлетворяются заводоуправлением»¹. Заводы также производили раздачу хлеба рабочим по числу душ в семье. Добавочные платы деньгами были незначительны по сравнению с этим способом вознаграждения всякого заводского труда. До 1861 г. не только хлеб, но и все без исключения предметы первой необходимости для рабочих и даже для горнозаводского высшего класса продавались в заводских магазинах. Завод распоряжался землей – основным источником продуктов питания. Вся жизнь горожанина обуславливалась его связью с одним учреждением – горным полисом – заводом. Существовала фактически крепостная зависимость от завода для основной массы работников, понятие «город» было практически тождественно понятию «завод».

Отношение к работникам на заводе было весьма суровым – брань, побои, обсчеты, что нередко приводило к увольнениям. Да и вне стен завода горожанин не был защищен от насилия. По вопросам телесного наказания существовали указы Сената от 16 мая 1812 г. и от 31 июля 1817 г., которые можно было трактовать по-разному, в ча-

¹ Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 25.

стности, можно было приравнять мещан к крестьянам и пороть их за «маловажные проступки».

Анализируя качество человеческого капитала в его политическом аспекте, следует учитывать и следующий исторический факт – оно резко изменилось в связи с перемещением на Урал большого количества специалистов из европейской части России в годы второй мировой войны. Сегодня население Уральских городов можно подразделить на две неравные группы – небольшую группу политически активных, даже радикальных граждан и основную массу консервативных, конформистски настроенных жителей.

В целом для большинства городских жителей Свердловской области характерна политическая апатия. Такой социальный актёр, как население города, остается пассивным и фактически не проявляет каких-либо инициатив, связанных с обсуждением, конструированием перспектив и решением проблем города. Протестное отношение у основной массы населения выражено слабо, у жителей малых городов присутствует надежда и упование на руководство. Хотя в политической жизни городов наблюдается организационное разнообразие, но общественные организации не играют сколько бы существенной роли в жизни населения.

В масштабном репрезентативном исследовании российского гражданского общества (ФОМ совместно с Лабораторией Исследования Гражданского Общества ВШЭ, 2008 г.) была сформирована шестичленная упорядоченная номинальная шкала, в которой регионы по степени развития гражданского общества были разделены на «очень неблагоприятные», «неблагоприятные», «скорее неблагоприятные, чем благоприятные», «скорее благоприятные, чем неблагоприятные», «благоприятные» и «очень благоприятные». В число исследуемых регионов по выборке попала и Свердловская область. С учетом того, что 82 % жителей Свердловской области – горожане, полученные данные можно в значительной мере применить и к анализу ситуации в городах области. По степени развития гражданского общества Свердловская область, согласно полученным данным, попала в категорию «скорее неблагоприятные, чем благоприятные» регионы¹.

¹ Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е. С. Петренко. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

В современных условиях политическая апатия горожан во многом порождена фактическим сворачиванием системы местного самоуправления. Реформа местного самоуправления привела к значительной путанице, несовпадению административно-территориальных и экономических границ городских поселений. В малых городах население считает главным актором влияния на ситуацию в городе, городскую власть (при этом влияние оценивается скорее как негативное), затем – влияние градообразующих предприятий (скорее как позитивное), свое влияние население оценивает на 20 %¹. У горожан малых городов сильны патерналистские настроения и желание более сильной вертикальной структуры власти. Вот характерное высказывание: «Опыт последних выборов в нашем городе убеждает в том, что властная вертикаль должна быть продолжена до муниципального уровня. Если главы территорий будут назначаться, то они будут нести ответственность перед теми, кто их назначил. Ответственность перед избирателями не работает»². Индекс доверительной стратегии, характеризующий глубинную готовность людей к объединению и кооперации, неуклонно падает по мере сокращения людности поселений (в поселениях с населением свыше 1 млн. жителей он равен 0,69; в городах до 1 млн. жителей – 0,60; в малых городах – 0,53; в селах – 0,53)³. Люди не чувствуют ответственности за то, что происходит в доме и дворе, в котором они живут (6 место из 79 областей), в городе (18 место).

В то же время в городах Свердловской области активно функционирует и другая группа. В 2008 г. Фондом общественного мнения совместно с Лабораторией Исследования Гражданского Общества ВШЭ было проведено интересное исследование на тему «Люди XXI века». Авторы попытались вычлениить и проанализировать группы, которые по своим стилевым характеристикам являются активными пользователями современных практик, то есть демонстрируют активное финансовое поведение, стремление расширить свой горизонт, рационализацию использования времени и заботу о себе, своем здоровье⁴. По количеству

¹ Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург : УрГЭУ, 2012. С. 117.

² Барзгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург : УрИ РАНХиГС, 2012. С. 128.

³ Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е. С. Петренко. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 123.

⁴ Гражданское общество современной России... С. 256–257.

людей XXI в. Свердловская область занимает 43 место среди 76 исследованных областей страны.

Пассионарная часть населения способна на выдающие и неординарные действия. Достаточно вспомнить такие факты, как печально известную активность уральских революционеров по расстрелу царской семьи; выдвижение из рядов уральцев первого Президента России Б. Н. Ельцина и других политических лидеров. Можно также вспомнить инициативу по созданию Уральской республики. 1 июля 1993 г. на Среднем Урале произошло сенсационное событие – сессия Свердловского областного Совета народных депутатов приняла решение «О статусе Свердловской области в составе Российской Федерации» и «Декларацию об изменении статуса Свердловской области», в которых Свердловская область объявлялась Уральской республикой в составе Российской Федерации. Была принята Конституция Уральской республики. Однако центральные власти решительно пресекли подобное творчество: просуществовав всего 10 дней, Уральская республика была упразднена Указом президента Б. Н. Ельцина.

Наряду с дуальностью следует отметить и еще одну тенденцию, существенно влияющую на проявление политической активности горожан: сращивание капитала и власти. Нередко депутаты городских законодательных собраний связаны с интересами собственников предприятий и фирм. В результате администрация города действует не столько в интересах города, сколько в интересах градообразующего предприятия. В целом политический консерватизм и государственный дух в сознании жителей уральских городов был ярко продемонстрирован в ходе последних выборов Президента России: Урал проголосовал за стабильность (за В. В. Путина). В этой связи следует заметить, что во многом, как в прошлом, так и сегодня, политическая судьба России зависит от поведения и настроения народов Урала.

Е. Г. Анимица и Н. Ю. Власова отмечают, что «квинтэссенцией эволюции уральской локальной цивилизации являлась собственная своеобразная индустриальная матрица»¹. Матрица (от латинского – источник, начало) – это система элементов – чисел, функций и других величин, расположенных в виде прямоугольной таблицы. Используя методологический подход к исследованию культуры, изложенный в

¹ Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Уральская городская культурная матрица: тенденции становления, основные опасности и угрозы // Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург : УрГЭУ, 2012. С. 136.

работах Л. Н. Когана, Ю. Р. Вишневого, В. Т. Шапка¹, можно сказать, что в культурной матрице жителей городских поселений можно выделить четыре основных элемента: информационный, аксиологический (ценностный), коммуникационный и деятельностный. Первый элемент (информационный) характеризует степень образованности и информированности населения, общий культурный уровень человеческого капитала; второй (аксиологический) – систему ценностей и ценностных ориентаций, менталитет народа, его духовные традиции и устои; третий (коммуникационный) – отражает степень развития социальных связей, включенность населения в системы коммуникаций различного уровня; четвертый (деятельностный) – показывает степень активности граждан в различных типах социальных практик, их инновационный, творческий потенциал.

Рассмотрим информационный элемент культурной матрицы. Города Свердловской области отличаются высоким образовательным уровнем жителей. В России Свердловская область занимает 2 место по численности студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования. Городская общность представлена по большей части работниками промышленных предприятий, которые имеют квалификацию, соответствующую индустриальному обществу. В настоящее время растет численность населения, занятого в образовании, культуре, здравоохранении.

Обратимся к аксиологическому элементу культурной матрицы. В общности сохраняются ценностные ориентации предшествующего периода², консерватизм общности проявляется в сохранении традиционной иерархии ценностных ориентаций, которые сдерживают развертывание личностной активности индивидов.

¹ Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск : Ср.-Урал. изд-во, 1972; Свердловская область: региональное образовательное пространство / Авт.-сост. Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Екатеринбург : Ср.-Урал. изд-во, 1994; Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология молодежи. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 1997; Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология: курс лекций для технических вузов. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 1997; Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. и др. Практикум по социологии молодежи. М. : Социум, 2000 и др.; Вишневский Ю. Р. Проблемы культурного взаимодействия Европы и России // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2010.

² Баразгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург : Ури РАНХиГС, 2012. С. 68.

Для российской культурной матрицы в целом характерно значительное имперское влияние на все стороны жизни человека, упование на власть и идея патернализма. Историческая встроенность экономики уральских городов в вертикаль власти неизбежно привела к формированию таких черт, как державность, ответственность перед государством, господство этатистских настроений, при этом для большинства населения характерен консерватизм данных черт¹. В то же время в целом для российских граждан это ценностное отношение к государству скорее можно охарактеризовать термином «опасение», чем «доверие». В русской духовной традиции сложилось такое отношение к власти, что даже от «святителей» – епископов, наделенных церковной властью, ждали грозной святости, ибо «власть должна внушать страх». Соблюдение жесткой субординации имеет глубокие исторические корни: еще во времена Ивана Грозного (XVI в.) к правительству обращались за указаниями по менее значительным вопросам, чем отражение набега или организация наступательного похода. Традиционное представление о власти, монархическое мировоззрение народа, патриархальный семейный быт (слово главы семьи было законом для домочадцев) создавали благоприятную психологическую почву для восприятия податными слоями горожан представителей власти и его верховного правителя как самовластных правителей, наделенных огромными правами в решении городских дел, и строгих полновластных судей над всем населением города.

Коммунитарные ценности, гражданственность не стали доминантами регионального самосознания. Горожане осознают себя как земляческую общность (уральцы). Для менталитета граждан важны такие нравственные принципы, как «согласие по всем важным вопросам, самосознание, основанное на «общественности» (как приоритет общественных интересов над личными) и коллективизм как принцип решения совместных вопросов². Тем самым в обществе сохраняется социальный мир при минимальном вмешательстве государства. Се-

¹ Барзгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург : Ури РАНХиГС, 2012. С. 25.

² Анимидца Е. Г., Власова Н. Ю. Уральская городская культурная матрица: тенденции становления, основные опасности и угрозы // Развитие городов в условиях глобализации. Екатеринбург : УрГЭУ, 2012. С. 16–18.

мья, в том числе многопоколенная семья, остается приоритетным ценностным компонентом (особенно в малых городах).

Рассмотрим коммуникационный элемент культурной матрицы. Коммуникация (по Хабермасу) есть процесс, характеризующий социальное взаимодействие, интеракции, в которых участники согласуют и координируют планы своих действий.

Традиционная для уральских городов работа в больших трудовых коллективах породила такую черту городской общности, как развитую способность к коммуникации. Однако доверие горожане испытывают в основном только к самым близким людям, круг общения небольшой. К людям, не входящим в круг ближайшего окружения, люди испытывают недоверие. Индивидуальное доверие существует только как межличностное, т. е. между знакомыми людьми, а безличное доверие между двумя незнакомыми людьми, являющимися представителями одного общества, остается одним из самых слабых элементов социального взаимодействия¹. Исторически сложилось так, что с государством и его агентами подданные российской короны встречались редко, крестьяне имели дело с выборными общины, рабочие – с низшими управленческими чинами. Община не защищала своих членов от государства подобно тому, как это делала китайская семья, она скорее избавляла государство от контактов со своими членами, вменяя себе в обязанность поставлять рекрутов и платить налоги². В силу того, что экономическая политика была государственной, жители городов не могли осуществлять внешнеэкономическую деятельность, в результате коммуникативное пространство было очень ограниченным. За последнее время в силу существенных изменений коммуникативное пространство с внешним миром, в том числе и с границей, существенно расширилось. Для поведения жителей Урала характерна толерантность, как следствие реализации общей миссии вне зависимости от национальной принадлежности и этнических ценностей.

Рассмотрим деятельностный элемент культурной матрицы. Жители уральских городов Свердловской области в своем большинстве не признают приоритеты «новых» либеральных ценностей, т. е. ценностных основ индивидуализма как принципа активизма. Для значительной массы населения это означает отторжение всякого рода ин-

¹ Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е. С. Петренко. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 53.

² Там же. С. 48–49.

новаций, акцент на стабильность. Для рыночного общества характерно преобладание таких ценностей, как бережливость, уважение к собственности, честность (Ф. Хайек). Эти ценности становятся доминантными, когда начинают лидировать по численности и богатству группы, обладающие данными ценностями. Именно доминирующая группа определяет тип культуры общества (П. Сорокин). Стратегическое потребление, рассчитанное на перспективу (покупка жилья или оплата образования) не являются типичным поведением для большинства горожан Урала, что связано с их низким материальным статусом. В 2010 г. среднемесячная заработная плата по области составила 18 860 рублей, при этом во многих малых городах она была еще ниже. Исследования показывают, что в Свердловской области при отсутствии зарплаты семьи могут поддержать стандарт привычной жизни 1–3 месяца¹. Среди жителей Свердловской области развита система внутрисемейной и родственной поддержки, люди оказывают в этом кругу помощь, поддержку, проявляют благотворительность. Согласно отмеченному выше исследованию ФОМ, по этому показателю область занимает 21 место из 79 областей России. Историческая «закрытость» территории, порожденная военным производством, не позволяли горожанам проявлять горизонтальную и территориальную мобильность. И сегодня, даже в случае отсутствия работы, жители не готовы к активной территориальной мобильности на дальние расстояния. Так, например, когда крупный холдинг РУСАЛ предложил работникам Богословского алюминиевого завода (расположен на территории г. Краснотурьинска) переезжать в Сибирь, согласились только 2 человека. Однако для населения характерна мобилизационная активность: в случае постановки важных политических и экономических задач, люди активизируются и проявляют незаурядные таланты и способности.

При построении отношений с властью характерна слабость диалога власти и народа, отсутствие опыта отстаивания собственных интересов через коллективные формы. Более популярны индивидуальные контакты (челобитные, административные жалобы). Учитывая ценностную ориентацию на коллективизм как принцип решения во-

¹ Барзгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург : Ури РАНХиГС, 2012. С. 96.

просов, следует отметить; для уральцев важно единогласие как фактор легитимности политических решений.

В малых моногородах имеется своя специфика, которая в основном выражается в большей выпуклости или, наоборот, смягчении отдельных черт социокультурной матрицы. Так, для жителей небольших моногородов характерны более близкие связи с городским руководством и установление более доверительных и открытых отношений между руководством города и руководством градообразующих предприятий; целостность и компактность городского сообщества порождает большую вовлеченность в городские процессы. Жители моногородов обладают низкой профессиональной и квалификационной конкурентоспособностью на внешнем (по отношению к моногородам) рынке.

Консерватизм и в целом индустриальный характер социокультурной матрицы сочетается с ярко выраженным новаторским социокультурным трендом передовой части городской уральской общности. Политическая и творческая элита городов Урала играет существенную роль в развертывании современных общественных процессов не только в рамках родных городов, но и в стране в целом. В результате сегодня в научной литературе появляются гипотезы о том, что в Свердловской области «общество (социетальная система) преодолела стадию неопределенности и способна задать вектор развития своим регионам»¹.

Е. В. Зайцева

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Политическую жизнь в России в начале нового тысячелетия можно охарактеризовать высокой степенью активности. В последние десятилетия происходит процесс трансформации российской политической системы. В рамках демократического развития страны продолжается процесс формирования и идентификации политических партий, регламентируются и ужесточаются правила организации и проведения выборов в органы власти.

¹ Барзгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Социально-территориальная общность: изменчивость и постоянство в развитии (на примере Свердловской области). Екатеринбург : Ури РАНХиГС, 2012. С. 27.

В 2012 г. состоялись выборы Президента России. Выборы – это демократическая процедура, с помощью которой осуществляется наделение властными полномочиями лиц, претендующих на некоторые ключевые позиции в различных государственных и общественных структурах¹. В связи с этим представляется актуальным изучение электорального населения.

Ф. Ильясов определяет электоральное поведение² с точки зрения социологии так: «Электоральное поведение – есть одна из форм коллективного поведения, в этом случае оно может определяться как совокупность групповых представлений, настроений и мнений, направленных на выбор вождя (лидера), группы (партии) и/или определенного социального порядка».

Изучение электорального поведения российских граждан имеет недавнюю историю, впервые это произошло, как считается, в 1998 г., именно тогда произошли первые альтернативные выборы. В связи с многовариантностью выбора стал возникать спрос на изучение и прогнозирование результатов выборов. Для выявления предпочтений избирателей стали проводиться первые опросы населения. На сегодня нет четко разработанных теорий в электоральной социологии в определении электорального поведения индивидов.

В результате такое сложное социальное явление как электоральное поведение граждан становится вдвойне сложным для научного анализа, так как на него оказывают значимое влияние некоторые факторы, которые в различных сочетаниях по-разному определяют и результат голосования. Так, на результаты могут влиять такие факторы, как медианный возраст, национальный состав, образовательный уровень, доля городского / сельского населения региона и т. д. В противном случае исследователи рискуют описать и объяснить, например, не устойчиво повторяющиеся образцы поведения граждан в области выборов, а те образы этого поведения, которые были сформированы политическими технологами и командами кандидатов для целей пропаганды и агитации. Эти образы, как правило, обслуживают интересы тех или иных политических сил или отдельных кандидатов, а потому не соответствуют реальности. В связи с этим представляются доста-

¹ Зырянов С. Г. Социологические хроники Южного Урала: 2009–2010 гг. Челябинск : ЧИ УрАГС, 2011. С. 37.

² Ильясов Ф. Н. Большевизм: норма или отклонение? // Вестник Российской академии наук. 1996. № 1. С. 47.

точно интересными любые новые результаты в области анализа электорального поведения граждан и прогнозирования результатов выборов, а также принципы и методики соответствующего анализа¹.

4 марта 2012 г. прошли выборы Президента России. В преддверии их было неизвестно, как распределятся голоса избирателей. Политическими партиями было выдвинуто 5 кандидатов; в ЦИК подали документы еще 10 самовыдвиженцев, в дальнейшем все они по разным причинам получили отказ. По итогам выборов ЦИК России представила данные², при сравнении которых заметны существенные отклонения в итоговых цифрах голосования.

Характер электорального поведения населения определяется ситуацией, которая складывается в отдельном регионе. Из табл. 1 видно, что в целом действующий (сегодня) Президент (Путин В. В.) набрал 63,6 %, количество проголосовавших в Свердловской области почти на 1 % больше (64,5 %), чем в целом по стране. Второе место, с заметным отставанием, занимает Зюганов Г. А., результат голосования по области обратный – количество проголосовавших на 5 % меньше, чем в целом по стране – 12,1 % и 17,2 % соответственно. Меньше всего голосов набрал Жириновский В. В. На региональном уровне особенно выделялся кандидат Прохоров М. Д., что позволяло предположить рост демократических настроений граждан на территории области – количество проголосовавших за данного кандидата в области на 3,5 % больше, чем по стране в целом.

Таблица 1

Итоги голосования в целом по России и по Свердловской области

ФИО кандидата	Количество проголосовавших (%)	
	РФ	Свердловская область
Жириновский В. В.	6,22	5,20
Зюганов Г. А.	1,18	12,14
Миронов С. М.	3,85	5,47
Прохоров М. Д.	7,98	11,46
Путин В. В.	63,60	64,50

¹ См. подробнее: Римский В. Л. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.democracy.ru/library/articles/klientelizm/page1.html>.

² См.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. [Электронный ресурс].

URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom>.

На сегодняшний день в СМИ публикуются не только результаты выборов, но и результаты предварительных опросов населения, эта информация вызывает всегда огромный интерес. Однако не стоит забывать, что электоральное поведение – это сложный социально-культурный феномен. Политические предпочтения неустойчивы, могут сильно трансформироваться в процессе предвыборной кампании кандидатов, также может несколько отличаться реальное электоральное поведение от вербального. До выборов различными исследовательскими центрами были проведены исследования электорального поведения российских граждан.

Как видим в табл. 2, прогнозы несколько отличаются по своим результатам. Можно найти некоторые несовпадения и с результатами голосования. Хотя отклонения составляют не более 3 % ответов у различных кандидатов.

Таблица 2

Прогнозы аналитических центров итогов голосования, %

Центры	Дата опроса	Путин	Зюганов	Жириновский	Миросин	Проходов
ВЦИОМ ¹	25–26.02.12	59,9	15,1	7,7	7,1	8,7
ФОМ ²	18–19.02.12	58,7	16,2	8,8	6,1	8,6
Левада-Центр ³	17–20.02.12	66	15	8	5	6
Среднее значение		61,5	15,4	8,2	6,1	7,8

В соответствии с рядом существующих причин можно утверждать, что электоральное пространство страны не гомогенно. Представлялось интересным узнать, каковы политические предпочтения студентов УрФУ накануне выборов, для чего были проведены 2 опроса⁴ с разрывом в 3 недели (конец января 2012 г. и конец февраля

¹ См.: ВЦИОМ: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112547>.

² См.: Президентские выборы 2012 г. // Доминанты. Социологический бюллетень. Фонд Общественного мнения. № 7. 23.02. 2012. С. 2–17.

³ См.: Левада-Центр: <http://www.levada.ru/24-02-2012/vybory-prezidenta-rf-elektoralnye-reitingi-prezentatsiya>.

⁴ Первый опрос проводился с 27 по 30 января 2012 г. методом группового раздаточного анкетирования в аудиториях учебных корпусов (как правило, после экзаменов или консультаций) и в общежитиях. Всего было опрошено методом стихийного отбора 645 студентов. После выбраковки анкет с пропущенными вопросами и коррекции выборки было решено оставить 550 анкет, отражающих пропорциональную структуру студентов по 18 институтам, в том числе 259 бакалавров, 261 специалист и 25 магистров. Второй опрос проводился с 20 по

2012 г.). Структура выборки сходна со структурой генеральной совокупности¹ (погрешность возникает из-за округления) (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение опрошенных студентов по институтам УрФУ
в генеральной и выборочной совокупностях

Институт	Генеральная совокупность		1 опрос		2 опрос	
	Чел.	Доля (%)	Чел.	Доля (%)	Чел.	Доля (%)
1	2	3	4	5	6	7
Высшая школа экономики и менеджмента	3597	15,14	83	15,09	76	15,20
Институт военно-технического образования и безопасности	338	1,42	8	1,45	7	1,40
Институт государственного управления и предпринимательства	523	2,20	12	2,18	10	2,00
Институт гуманитарных наук и искусств	1842	7,75	43	7,82	39	7,80
Институт естественных наук	1477	6,22	34	6,18	31	6,20
Институт математики и компьютерных наук	948	3,99	22	4,00	20	4,00
Институт материаловедения и металлургии	2132	8,98	49	8,91	45	9,00
Институт радиоэлектроники и информационных технологий – РтФ	1410	5,94	33	6,00	30	6,00
Институт социальных и политических наук	1725	7,26	39	7,09	36	7,20
Институт физической культуры, спорта и молодежной политики	770	3,24	18	3,27	16	3,20

23 февраля, то есть спустя три недели после первого опроса. Всего было опрошено методом стихийного отбора 640 студентов. После выбраковки анкет с пропущенными вопросами и коррекции выборки было решено оставить 500 анкет, отражающих пропорциональную структуру студентов по 18 институтам, в том числе 260 бакалавров, 213 специалистов и 27 магистров.

¹ Как следует из данных табл. 3, структура выборки полностью повторяет структуру генеральной совокупности (погрешность возникает из-за округления). Итак, выборочную совокупность составляют: первый опрос – 550 анкет. Расчетная величина предельной ошибки выборки составляет $\pm 4,13\%$, второй опрос – 500 анкет. Расчетная величина предельной ошибки выборки составляет $\pm 4,34\%$.

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
Институт фундаментального образования	1517	6,39	35	6,36	32	6,40
Механико-машиностроительный институт	1157	4,87	27	4,91	24	4,80
Строительный институт	1462	6,15	34	6,18	31	6,20
Уральский энергетический институт	1853	7,80	43	7,82	39	7,80
Физико-технологический институт – ФизТех	1669	7,03	39	7,09	35	7,00
Химико-технологический институт	642	2,70	15	2,73	14	2,80
Институт дополнительного образования и профессиональной переподготовки	224	0,94	5	0,91	5	1,00
Институт образовательных информационных технологий	468	1,97	11	2,00	10	2,00
Итого студентов (2011 г.)	23754	100,00	550	100,00	500	100,00

Первой задачей исследования было определение степени готовности студенчества принять участие в предстоящих выборах Президента Российской Федерации. Сравнительный анализ полученных результатов показывает: накануне выборов (с конца января по конец февраля) электоральная активность студентов практически не изменилась (различия не превышают статистическую погрешность): подавляющее большинство студентов (75–76 %) собиралось принять участие в выборах. Это говорит о высоком уровне политизированности молодежи УрФУ. Однако на момент исследования был сделан вывод, на основании результатов других исследований, что фактическая активность студентов будет существенно меньше заявленной (табл. 4).

Как видно из данных табл. 4, за три недели существенным образом сократилось число неопределившихся с выбором кандидата. Так, если на момент первого опроса не определились с выбором 31,3 % опрошенных студентов, то на момент второго опроса уже только 23,8 %. Вместе с тем, число неопределившихся еще достаточно велико и окажет существенное влияние на итоговые предпочтения студентов в день выборов.

Таблица 4

Готовность принять участие в выборах Президента РФ
4 марта 2012 г. (% от числа студентов в каждом опросе)

Готовы ли вы принять участие в выборах Президента РФ?	Этапы опроса					
	Первый		Второй		Σ	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Да	420	76,4	376	75,2	796	75,8
Нет	70	12,7	58	11,6	128	12,2
Затрудняюсь ответить	60	10,9	66	13,2	126	12,0
ИТОГО:	550	100,0	500	100,0	1050	100,0

За период между опросами позиции кандидатов принципиально не изменились: лидером предпочтений оставался В. В. Путин (табл. 5). Число его сторонников увеличилось на 4,8 % и составило 32,8 %. Второе место по-прежнему занимал М. Д. Прохоров. Число его сторонников увеличилось на 6,5 % и составило 27,8 %. Позиции Г. А. Зюганова и В. В. Жириновского практически не изменились, а вот у С. М. Миронова, сторонников среди студентов стало меньше, хотя разница в данном случае не превышала статистической погрешности. Все три кандидата уже не могли составить серьезной конкуренции лидерам.

Таблица 5

Политические предпочтения студентов на момент опроса
(% от числа всех опрошенных студентов)

Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого из кандидатов в Президенты РФ Вы бы проголосовали?	Этапы опрос					
	Первый		Второй		Σ	%
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Жириновский В. В.	38	6,9	31	6,2	69	6,6
Зюганов Г. А.	36	6,5	32	6,4	68	6,5
Миронов С. М.	33	6,0	15	3,0	48	4,6
Прохоров М. Д.	117	21,3	139	27,8	256	24,4
Путин В. В.	154	28,0	164	32,8	318	30,3
Затрудняюсь ответить	172	31,3	119	23,8	291	27,7
ИТОГО:	550	100,0	500	100,0	1050	100,0

Достаточно интригующей была ситуация с новым участником президентских выборов – М. Д. Прохоровым, его рейтинг среди студентов постоянно рос, что можно объяснить его программой, которая была ориентирована в основном на молодежь. Если принять во вни-

мание тот факт, что результаты выборов считаются не от числа всех избирателей, а только от числа тех, кто пришел на выборы, то стоит внимательнее рассмотреть политические предпочтения именно тех студентов, которые собирались принять участие в голосовании 4 марта. Как видим, число неопределившихся с выбором среди активных студентов во втором опросе сократилось и составило 18,4 % от числа желающих принять участие в голосовании. При этом число сторонников В. В. Жириновского, Г. А. Зюганова и С. М. Миронова также уменьшилось. Зато существенно увеличилась доля сторонников М. Д. Прохорова (на 7,6 %) и В. В. Путина (на 6 %).

Таким образом, среди студентов, которые собирались принять участие в выборах 4 марта, наибольшей популярностью на момент второго опроса пользовался В. В. Путин (табл. 6): за него готовы были проголосовать 37,2 % активных студентов. Серьезную конкуренцию ему составлял М. Д. Прохоров: за него готовы были проголосовать 30,9 % активных студентов. Вместе с тем реальный результат голосования студентов во многом будет зависеть от того, чью сторону займет большинство неопределившихся с выбором.

Таблица 6

Политические предпочтения студентов, собирающихся принять участие в выборах (% от числа студентов, которые собираются принять участие в выборах)

Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого из кандидатов в Президенты РФ Вы бы проголосовали?	Опрос					
	Первый		Второй		Σ	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Жириновский В. В.	31	7,4	20	5,3	51	6,4
Зюганов Г. А.	29	6,9	22	5,9	51	6,4
Миронов С. М.	27	6,4	9	2,4	36	4,5
Прохоров М. Д.	98	23,3	116	30,9	214	26,9
Путин В. В.	131	31,2	140	37,2	271	34,0
затрудняюсь ответить	104	24,8	69	18,4	173	21,7
ИТОГО:	420	100,0	376	100,0	796	100,0

Среди студентов, определившихся с тем, за кого они будут голосовать безусловными лидерами оставались В. В. Путин (45,6 %) и М. Д. Прохоров (37,8 %).

Позиции В. В. Путина вплотную приблизились к отметке 50 %, которые смогут обеспечить ему «победу» (среди электората в лице

студентов УрФУ) уже в первом туре выборов. Ему оставалось привлечь на свою сторону лишь несколько процентов неопределившихся.

Вместе с тем нами был зафиксирован определенный качественный скачок: М. Д. Прохоров за прошедшие три недели между опросами сумел привлечь несколько больше голосов неопределившихся, чем В. В. Путин, и теперь разница между ними не превышает статистической погрешности. Можно было предположить, что при сохранении имеющейся тенденции ко дню выборов (4 марта) М. Д. Прохоров может собрать даже больше голосов студентов, чем В. В. Путин.

Таким образом, на момент второго опроса политические предпочтения студентов разделились преимущественно между В. В. Путиным и М. Д. Прохоровым. Однако «победа» того или иного кандидата среди студентов УрФУ по-прежнему зависела от результатов агитационной компании, т. е. от того, что в итоге предпочтут неопределившиеся с выбором студенты.

Для оценки возможности перераспределения голосов в пользу того или иного кандидата и определения вероятного выбора затруднившихся ответить студентам был задан вопрос, за кого из кандидатов они в принципе допускают или исключают возможность проголосовать. Анализ данных показывает, что, если оценивать ситуацию по студентам в целом, то за время, прошедшее между первым и вторым опросами, несколько расширилась потенциальная возможность голосования за В. В. Путина и М. Д. Прохорова и сократилась для других кандидатов. Итак, на 24 февраля Путина в принципе могут поддержать 66,4 % студентов и Прохорова 57,8 % студентов. Среди студентов, собирающихся участвовать в выборах, позиции В. В. Путина и М. Д. Прохорова также улучшились: на 4 февраля за В. В. Путина в принципе могли бы проголосовать 68,4 % и за М. Д. Прохорова – 60,1 % активных студентов.

Однако самым интересным является то, за кого в принципе готовы были проголосовать те, кто на момент опроса еще не определился с выбором кандидата. На момент 2 опроса ситуация существенно изменилась: подавляющее большинство из них допускает возможность голосования как за В. В. Путина (66,7 %), так и за М. Д. Прохорова (63,8 %).

Таким образом, как показало исследование электорального поведения студентов, подавляющее большинство студентов планировало принять участие в выборах. В. В. Путин на момент опроса в сту-

денческой среде популярнее других кандидатов, но серьезную конкуренцию ему составлял М. Д. Прохоров, причем затруднившиеся с выбором готовы почти в равной мере отдать голоса обоим кандидатам.

Высокие рейтинги этих кандидатов определены следующим. Высокий показатель рейтинга В. В. Путина говорит о том, что среди студенчества есть ожидания того, что В. В. Путин, придя к власти, сможет навести и поддержать порядок, который бы позволил эффективно существовать различным сферам российского общества, в том числе высшего образования как социального института. Высокий рейтинг М. Д. Прохорова определен с одной стороны его молодостью, с другой – «новизной» кандидата, с третьей – тем, что он видится многими, в связи с небезызвестной историей с партией «Правое дело», представителем реальной оппозиции власти.

В. В. Запарий, Е. С. Лахтионова

ДВИЖЕНИЕ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Индустриальная культура России имеет уникальный характер и во многом отличающийся от ее западных форм. Переход к новой фазе промышленного развития происходил здесь несколько позднее и путем, отличным от таких стран, как Англия, Франция, США, Германия. В связи с этим особенно важно выявить не только региональные и национальные особенности этого процесса в России, но и определить его место в мировом сообществе. На наш взгляд, историко-культурный аспект индустриальной истории более полно осмыслен в западных странах. Отчасти это объясняется национальными и природными особенностями. Традиционно наука и техника рассматривались в России вне культурного контекста. История русской философии, культурологии, исторической науки пронизаны как идеей взаимопроникновения, так и идеей состязательности европейского и славянского историко-культурного типов. Российские философы и мыслители в своих исследованиях и оценках специфики России в истории нового времени не выделяли индустриальный аспект развития как самоценный во взаимодействии России и Европы.

Советской историографии свойственно было освещать явления через призму производственных отношений, тенденциозно понимае-

мых в свете преувеличенного социологизма. Сейчас отечественная историческая наука вступила в переходную полосу от марксистского единообразия к плюрализму, включающему и цивилизационно-технологическую теорию, ценность которой состоит в том, что наука и техника рассматривается в ней в едином культурном контексте.

Для европейского сознания эти категории являются данностью, вытекающей из самой теории развития индустриального общества, и рассматриваются в чисто эмпирическом плане. В основополагающем документе ТИССИН (Международного Комитета по Сохранению Индустриального Наследия) суть его формулируется следующим образом: это материальная среда – ландшафты, территории, постройки, заводы, документация, включающая вербальный и графический материал, воспоминания людей, вовлеченных в производство.

В России же требуется формирование адекватного подхода к интерпретации науки и техники в общекультурном контексте, определение ключевых понятий «индустриальная культура» и «индустриальное наследие», разработка системы ценностных критериев и хронологических рамок, учитывающих как общенациональные, так и региональные особенности. Необходимо объединить общественность и способствовать созданию общественного мнения, направленного на сохранение индустриального наследия как части региональной, национальной и мировой культуры. Нужно работать над созданием региональных и федеральной программ по сохранению индустриального наследия. Важно способствовать включению курса истории науки и техники в федеральный компонент государственного стандарта для высших и средних учебных заведений России.

Признанием значения нашей страны в деле сохранения индустриального наследия стало то, что в 2003 г. в России прошел XII Международный Конгресс ТИССИН. Свою работу он начал в Москве, потом в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле.

Сохранение индустриального наследия должно расширяться за рамки общей политики администрации в области культуры, быть общепринятым и оцененным людьми как часть национального культурного наследия. Культурное значение индустриального наследия ясно дает понять, что необходимо общественное сотрудничество. Один из способов осуществить это – показать значение определенных успешных проектов по сохранению индустриального наследия во всем мире.

Одним из способов сохранения памятников индустриального

наследия может и должен выступать туризм. Пример этому мы можем увидеть в Швеции. Закрывая ставшие нерентабельными металлургические заводы и выработанные рудники, шведы во многих случаях постарались сохранить их в том же виде, в каком они находились на день остановки. Спустя определенное время данные объекты были специально оборудованы для посещения и показа туристам. Сейчас они приносят значительный доход, воспитывают патриотизм и уважение к прошлому страны.

Урал – промышленный регион России. Большая часть его истории связана с развитием заводов. Урал богат памятниками индустриального наследия, но, к сожалению, многие из них по тем или иным причинам заброшены, разрушаются, сносятся, исчезают. Перед нами встает очень важная задача изучить эти памятники и сохранить. Сохранить исторический опыт, традиции горнозаводского Урала. На Урале, в Свердловской области, находятся объекты, памятники индустриального наследия, связанные с такими великими личностями, как Н. Д. Демидов, В. Н. Татищев. Для сохранения, поддержания и развития данных памятников мы предлагаем разработать и ввести новый культурно-познавательный туристический маршрут по местам, где они расположены. Например, многодневный тур по следующим городам и поселкам: Екатеринбург, Верхний Тагил, Невьянск, Быньги, Нижний Тагил, Кушва, Усть-Утка.

В начале нового тысячелетия в России, также как и во всем мире, вырос интерес к проблемам сохранения и реабилитации индустриального наследия. Это нашло свое отражение в росте количества публикаций по данной проблеме, проведении целого ряда конференций, праздновании памятных дат, связанных с индустриальным наследием, создании новых музеев и музеефикации памятных мест. В ряде вузов страны было организовано чтение курсов по истории науки и техники.

Заметным явлением в России стало проведение научных конференций, посвященных индустриальному наследию. Это и ставшая давно (с 1996 г.) традиционной конференция «Урал индустриальный», которая проводится в Екатеринбурге. Здесь, наряду с другими вопросами, серьезно рассматриваются проблемы индустриального наследия, история науки и техники, экономическая история. И это не случайно. Ведь в организации и проведении данной конференции принимает непосредственное участие Национальный представитель РФ в ТИССИИ профессор В. В. Запарий.

Российскими учеными и музейными работниками ведутся исследования по изучению и пропаганде индустриального наследия России. Продолжаются с все большим размахом работы по музеефикации объектов индустриального наследия во многих регионах Российской Федерации. В ряде мест, в том числе на Урале, были осуществлены проекты по сохранению индустриального наследия. Большая работа в этом направлении проведена в Выксе Нижегородской области, где эти работы ведутся на Верхневыксунском доменном заводе. В той же Нижегородской области ведется работа по выявлению и взятию на учет башен известного инженера В. Г. Шухова: это водонапорная башня в г. Выксе, покрытие прокатного цеха и вышка в г. Сормове, опора линии электропередач близ г. Дзержинска.

Интересной реализацией использования индустриального наследия в последнее время стали мировые выставки современного искусства в Москве. Одна из них разместилась, например, на двух тысячах квадратных метров подвальных водохранилищ «Винзавода». В середине XIX в. цеха и склады в районе Курского вокзала принадлежали пивоварне «Московская Бавария», а с начала XX в. – московскому винному комбинату. После банкротства винзавода в начале 2000-х гг. семь полуразрушенных зданий площадью более 20 тыс. кв. м были переоборудованы в крупнейший в России центр современного искусства «Винзавод». Группа дизайнеров во главе с А. Бродским решила не вносить кардинальных изменений в архитектуру и максимально подчеркнуть «индустриальный шик» старинных построек.

У нас существует соответствующая для этого материальная база не только в плане большого числа исторических объектов, но и большое число музеев и особенно – музеев-заповедников. В РФ сейчас существует более 100 музеев-заповедников, которые играют существенную роль в сохранении национального культурного наследия народов России. Важнейшей составляющей национальной политики каждого государства и России в частности является создание привлекательного имиджа страны в глазах соседей. И в этом большую роль могут играть и играют объекты культурного наследия. Важно отметить, что этот сектор «малой» экономики довольно прибылен для регионов. Именно в сфере туристского бизнеса и музейного обслуживания должна быть задействована существенная часть населения. Пример этому дает музей-заповедник «Михайловское» в Псковской

области, где в этой сфере задействованы многие сотни людей.

В связи с этим важным является проявление законодательной инициативы местными законодательными органами, научными и общественными организациями по принятию стройной системы учета, изучения, сохранения, реабилитации и последующего использования памятников индустриального наследия, которые представляют колоссальный интерес не только в национальном и международном масштабе. Промедление в этом деле смерти подобно, ибо каждый год мы теряем для потомков большое количество этих культурных и материальных ценностей.

Необходимо привлечь внимание широкой общественности к проблемам сохранения индустриального наследия; добиться принятия соответствующих законов и программ правительства по их сохранению и реабилитации; включиться в движение по развитию индустриального туризма; широко изучать материалы по индустриальному наследию в школах и вузах региона и страны; широко сотрудничать с международными организациями, делающими сохранение индустриального наследия приоритетной задачей своей деятельности (ТССИН, ICOMOS и др.); развивать национальное движение ТССИН.

Г. Е. Зборовский

ПРОБЛЕМЫ ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К. МАНХЕЙМА

1. Социология знания К. Манхейма

Одного из крупнейших немецко-английских социологов XX в. Карла Манхейма (1893–1947) справедливо считают основоположником социологии знания (наряду с М. Шелером), но явно недооценивают его роль в становлении социологии образования. Задача нашей статьи – показать вклад Манхейма в развитие обеих отраслей социологической науки, причем, что особенно важно, осуществленный с единых методологических позиций. Тем самым классик социологии прошлого столетия совершил важный шаг в развитии этой науки, способствуя не столько ее дифференциации, сколько интеграции на почве сближения двух ее отраслей. Его основные работы, в которых отражены предмет, задачи, проблемы и идеи социологии знания и социологии образования, – «Идеология и утопия. Введение в социоло-

гию знания» (1929) и «Диагноз нашего времени» (1943).

Уже в начале главного труда своей жизни – «Идеология и утопия» – он заявляет: «Основной тезис социологии знания заключается в том, что существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней»¹. В связи с этим в качестве первого пункта своей позиции социолог провозглашает тезис: «...социология знания намеренно не отправляется от индивида и его мышления ... социология знания стремится понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, в рамках которой лишь постепенно возникает индивидуально-дифференцированное мышление. Таким образом, мыслят не люди как таковые и не изолированные индивиды осуществляют процесс мышления, мыслят люди в определенных группах, которые разработали специфический стиль мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию»².

Наконец, для обоснования полноты и убедительности позиции Манхейма относительно сути социологии знания, ее исходных базовых положений и принципов процитируем социолога еще раз: «...размышлять о социальных корнях нашего знания заставила нас специфическая социальная ситуация. Одно из фундаментальных положений социологии знания гласит, что процесс, в ходе которого коллективно-бессознательные мотивы становятся осознанными, может происходить не в любую эпоху, а лишь в определенной специфической ситуации. Такая ситуация может быть социологически детерминирована»³.

Для К. Манхейма социология знания была не просто чисто академической наукой, областью абстрактного теоретизирования. Она выступала в качестве средства вмешательства в духовно-практическую жизнь общества, в сферу образования как часть этой жизни, как инструмент его укрепления. Это было тем более важно, что, с точки зрения самого Манхейма, современный ему мир находился в состоянии социального и интеллектуального кризиса, который охватил все общество. Сам кризис проявлялся в исчезновении фиксированных ценностей и норм интеллектуальной жизни, в выяв-

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 8.

² Там же. С. 8–9.

³ Манхейм К. Идеология и утопия // Там же. С. 11.

лении подсознательных основ рационального мышления, в распаде единой и цельной картины мира, в появлении «коллективного подсознательного».

Социология знания рассматривалась как средство преодоления этого интеллектуального кризиса. Главной ее задачей провозглашалось стремление способствовать перестройке социального мышления. Отсюда вытекала еще одна задача социологии знания – способствовать трансформации процессов в сфере образования.

Немецкий социолог признавал, что знание не может быть знанием вообще, оно может быть знанием лишь с определенной позиции. На него так или иначе влияет идеология. Избавиться от ее влияния вообще нельзя, но уменьшить его не только можно, но и необходимо за счет анализа различных социально обоснованных точек зрения. Этим и должна заниматься социология знания, которая оказывает помощь в поиске правильного понимания человеческих явлений. Собственно, в том и состоит ее миссия. Оценивая вклад Манхейма, П. Бергер и Т. Лукман пишут: «Общее понятие идеологии поднимает социологию знания на совершенно иной уровень, когда появляется понимание того, что ни одно человеческое мышление ... не свободно от идеологизирующего влияния социального контекста»¹.

Наряду с идеологией, выступающей как определенное состояние сознания и знания господствующих классов, существует, по Манхейму, и другая форма мышления и знания, характеризующая оппозицию власти, – утопия. Как видно, идеологию и утопию в качестве форм мышления и знания социолог прямо связывает с определенными социальными группами, а следовательно, с определенными социальными интересами. При этом не имеют значения любые характеристики социальных групп, кроме одной: у власти они или в оппозиции. Если у власти, социальное мышление и знание как форма его выражения имеют характер идеологии; если в оппозиции, то мышление группы и форма знания характеризуются как утопия.

Но как быть тогда с утверждением, что мышление оппозиционных групп «не способно правильно диагностировать действительное состояние общества»? Если бы оно было на самом деле таковым, могли бы эти группы прийти к власти? Похоже, что в самой концеп-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 22.

ции идеологии и утопии как противоположных по сути форм знания и мышления содержится противоречие, связанное с приданием им жесткой зависимости от социальных и, в особенности, политических обстоятельств.

Возникает вопрос об объективности и научности таких форм социального знания, которые находятся в зависимости от социальных интересов групп. Но тут же ставится и иной вопрос: может ли появиться знание, не имеющее прямой социальной и политической обусловленности (исключая естественнонаучные теории, особенно в области физики, химии, математики)?

Понимая противоречивость подобной «познавательной» ситуации и необходимость ее разрешения, К. Манхейм вводит ряд различных значений идеологии. Прежде всего, он разграничивает «партикулярную концепцию идеологии» и «тотальную концепцию идеологии». Последняя – это мировоззрение классов или эпох. Тотальная концепция идеологии – это продукт коллективной жизни эпохи. Системы ее идей не являются результатом интересов, желаний, обмана или самообмана. Они обусловлены объективными социальными факторами исторического масштаба. В «Идеологии и утопии» Манхейм пишет: «С появлением понятия тотальной идеологии в его всеобщем применении то, что было только учением об идеологии, превращается в социологию знания»¹. Партикулярная концепция идеологии имеет менее общий характер и используется для показа специфического способа мышления, обусловленного групповыми интересами и особыми психологическими факторами. Именно здесь и возможен явный либо замаскированный обман или самообман.

В связи с анализом социальной и политической детерминации мышления и знания К. Манхейм ставит несколько задач перед социологией знания. Одна из них – перестройка социального мышления, прежде всего в политической сфере. Социология знания вместе с политической социологией могла бы заняться решением этой проблемы, считает Манхейм. Речь идет о том, чтобы объединить различные «партикулярные» точки зрения, когда каждая из них (социализм, марксизм, консерватизм, буржуазный либерализм и т. д.) могла бы взаимно дополнять другую. Как видно, уже в конце 1920-х гг. Ман-

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 71.

хейм считал возможным своеобразный идеологический плюрализм, созданию и распространению которого должна была способствовать социология знания.

Вторая важнейшая задача этой отрасли социологии состоит, как писал исследователь, в создании всеобщей интеллектуальной истории, которая была бы тесно увязана с социальными изменениями, а не являла собой изложение филиации идей без связи с их социальной детерминацией. Здесь он вводит понятие метода «импутации», заключающегося в определении социальной принадлежности того или иного социально-исторического явления и обнаружении его связи с социальным положением определенных групп.

Что касается третьей задачи социологии знания, то она заключается в перестройке теоретико-познавательных основ современной науки. К. Манхейм выступил за пересмотр традиционного для того времени тезиса об абсолютном отсутствии связи между истинностью какого-либо знания и его социальным контекстом.

Одна из центральных проблем социологии знания Манхейма – социальная детерминация социального познания. Именно социального, но не естественнонаучного. В основе такого подхода лежит линия жесткого разграничения наук о природе и наук об обществе (культуре), идущая от неокантианства (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, М. Вебер). Все естественнонаучное знание рассматривается в качестве свободного от какой-либо социальной детерминации или, как говорит Манхейм, «экзистенциальной обусловленности». И наоборот, любое социальное знание оказывается в тесной зависимости от ряда факторов общественного или группового порядка.

Многие из этих факторов (если не все), считает Манхейм, лишь деформируют, искажают сознание и знание о социальной реальности. Создание искаженного образа социальной реальности касается не только идеологии, но и утопического мышления. В этом состоит как слабость, так и сила и идеологии, и утопии. Сила – в возможности создавать искаженные образы, слабость – в невозможности не создавать их.

В связи со сказанным специально отметим, поскольку это особенно важно для нашей работы, что знание, даваемое и получаемое в образовательных учреждениях, Манхейм относил к социальному. Следовательно, это знание имело, по мнению социолога, ярко выраженную социальную детерминацию. Об этом свидетельствует и вся его концепция образования, в соответствии с которой оно могло быть

верно осмыслено лишь как элемент системы общества, как «часть общего социального процесса».

Однако между факторами детерминации общественного или группового порядка и самим знанием нет жесткой причинно-следственной связи. В каждом конкретном случае связь между социальным знанием и его социальной детерминацией должна определяться как специфическая. Более того, в этот процесс детерминации способно вторгнуться манхеймовское «коллективное подсознательное», которое часто выступает у социолога фундаментом рационального мышления. К этому «коллективному подсознательному», как правило, относятся потребности, интересы, желания, стремления любой социальной группы (вплоть до класса).

Для нашей работы особое значение имеют трактовки К. Манхеймом ряда проблем знания в его связи с образованием и, что особенно важно, связи социологического знания с социологическим образованием. В этом отношении у нас есть достаточные основания проводить параллель между Дюркгеймом и Манхеймом. Кстати, одну из глав нашей книги по социологии образования мы так и назвали – «От Дюркгейма до Манхейма»¹.

Однако, говоря о сближении знания и образования в их творчестве, мы должны понимать, что один из них – Дюркгейм – шел от образования и воспитания к знанию, тогда как другой – Манхейм – двигался в обратном направлении, показывая роль знания, в особенности социально-гуманитарного и, в частности, социологического в развитии образования. Дальнейший анализ связи между знанием и образованием в трактовках обоих ученых позволил установить возможность сближения двух отраслей социологической науки – социологии знания и социологии образования².

Это тем более важно отметить, что оба ученых рассматривали основной комплекс проблем знания и образования с общей методологической позиции – социальной обусловленности того и другого. Впрочем, детальный анализ проблем образования в работах К. Манхейма, всей его «образовательной» концепции будет осуществлен нами несколько дальше, где будет обращено особое внимание на

¹ Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург : Изд-во УрГПШУ, 2000. С. 48–65.

² См. подробнее: Зборовский Г. Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социс. 1997. № 2.

его методологические подходы к образованию вообще, социологическому образованию в особенности.

Завершая рассмотрение взглядов К. Манхейма, следует сказать, что его социология знания и в особенности та ее часть, в которой раскрывается социальная детерминация знания и познания, оказала большое влияние на последующее развитие социологии, особенно на взгляды Т. Парсонса и Р. Мертона. П. Бергер и Т. Лукман пишут, что Манхейм был для Мертона социологом *par excellence* (в переводе с французского – преимущественно) и что именно под его влиянием возникли мертоновские понятия «явных» и «скрытых» функций, которые применительно к сфере идей позволили увидеть различие преднамеренных, сознательных и непреднамеренных, бессознательных функций¹. Эти же авторы указывают, что, хотя Парсонс критиковал Манхейма, но выйти за пределы его социологии знания не смог². Разумеется, Манхейм оказал влияние и на самих Бергера и Лукмана, равно как и на всех тех, кто после него работал в области социологии знания.

2. Социология образования К. Манхейма

Социологические идеи К. Манхейма, касающиеся развития образования, представляются в высшей степени полезными не только с точки зрения того времени, когда они были сформулированы, но и с позиций начала XXI в. Они звучат удивительно современно и свежо. Положения, разработанные немецким (а затем английским) философом и социологом, сыграли значительную роль в развитии теоретической традиции социологии образования. К сожалению, они мало известны отечественному читателю, несмотря на то, что основные работы Манхейма («Идеология и утопия», «Диагноз нашего времени») некоторое время назад были переведены на русский язык и изданы. Да и сам Манхейм больше известен в литературе как один из основателей социологии знания (о чем уже говорилось), но отнюдь не социологии образования. Кроме названных выше известных переведенных трудов К. Манхейма, его перу принадлежит еще целый ряд непереуведенных на русский язык работ в области социологии образования. Так, в 1938 г. он опубликовал статью «Образование взрослых и

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 22.

² Там же. С. 25.

социальные науки»¹. Ряд публикаций и выступлений был посвящен преподаванию социологии, ее месту в современной общественной ситуации. Именно так («Задачи социологии в современной ситуации») называлась вступительная лекция Манхейма при открытии конференции преподавателей социологии в германских университетах, проходившей во Франкфурте-на-Майне в феврале 1932 г.

Изучение работ Манхейма, его примечаний и подстрочников в них убеждает в том, что он прекрасно знал философскую, педагогическую, социологическую литературу того времени, посвященную проблематике образования. Об этом свидетельствуют его ссылки на работы Дьюи, Кларка, Ливингстона, Дента, Найта, Стеда, Ньюлона, Улиха и других широко публиковавшихся в 1930–1940-е гг. авторов. Говоря в целом об интересе Манхейма к проблематике образования, нельзя забывать, что с 1941 г. социолог работал в Институте образования при Лондонском университете, а в 1945 г. стал в нем профессором педагогики.

Обратимся к манхеймовскому анализу образования, выявлению особенностей социологического подхода к нему. Уже в «Идеологии и утопии» образование «встраивается» социологом в противоречивую ткань общественной жизни и рассматривается как элемент социального противоборства. К. Манхейм пишет: «...современное образование исконно является сферой борьбы, миниатюрной копией борющихся в социальной сфере стремлений и тенденций. В соответствии с этим образованный человек многократно детерминирован в своем духовном горизонте. Следствием полученного образования является то, что он испытывает влияние полярных тенденций социальной действительности...»².

Образование Манхейм рассматривает в тесной связи с духовной жизнью современного ему общества, с формированием слоя интеллигенции и даже класса буржуазии, который сложился, «с одной стороны ... из владельцев капитала; с другой – из индивидов, единственным капиталом которых было образование. Поэтому принято было говорить об имущем и образованном классе, хотя слой образо-

¹ Mannheim K. Adult Education and the Social Sciences / Tutors' Bulletin of Adult Education. Second Series. 1938. № 20.

² Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 133.

ванных людей совсем не совпадал по своей идеологии с теми, кто владел капиталом»¹.

Широкий социальный подход к образованию, стремление анализировать его как один из определяющих факторов жизни общества (экономической, политической, духовной), попытки выявить социальные корни этого феномена проявились еще больше спустя десятилетие после опубликования «Идеологии и утопии». Это был уже английский период жизни и творчества (в Лондон Манхейм эмигрировал из фашистской Германии в 1933 г.), в рамках которого социолог стал заниматься проблематикой образования профессионально, работая в структуре Института образования при Лондонском университете.

В работе «Идеология и утопия» заметен интерес социолога к проблематике образования, изучению образованного человека, интеллигенции в связи с развитием социологии знания. В этом труде впервые формулируется методология анализа образования с позиций выявления его социальной обусловленности, т. е. точно с таких же позиций, с каких анализируется им знание.

Однако наиболее полно эта методология разрабатывается им в последующие годы в работе «Массовое образование и групповой анализ», которая была опубликована впервые в виде отдельной главы в книге «Образование для демократии», изданной в Лондоне в 1939 г. Затем она была помещена самим Манхеймом в его книгу «Диагноз нашего времени» (1943). Первый параграф этой главы (в книге она идет как пятая) «Социологический подход к образованию» имеет принципиальное значение с точки зрения отношения социолога знания к проблематике образования. Но не менее важна для нас и четвертая глава «Диагноза нашего времени», названная автором «Образование, социология и проблемы общественного сознания».

Социальную обусловленность образования, его связь с обществом Манхейм рассматривает в рамках двух концепций – фрагментарного и интегрального – образования, противопоставляемых им друг другу. В первой концепции образование характеризуется как более или менее самостоятельная область жизни. «Образование считалось независимой областью, поскольку школа и общество превратились в две категории, не дополняющие, а противостоящие друг другу. Обра-

¹ Манхейм К. Идеология и утопия // Там же. С. 134.

зование ограничивалось тем возрастным барьером, до достижения которого человек считался способным к обучению»¹.

Затем, по мнению Манхейма, фрагментарность образования была нарушена появлением концепции образования взрослых, обучения вне стен университета, курсов повышения квалификации, познакомивших нас с идеей постобразования и переквалификации. Возникла концепция интегрального образования (вместо фрагментарного). Она «заставила нас признать непрерывность образования и посредническую роль общества в его приобретении, подчеркнула значимость обучения практическим жизненным навыкам в рамках школьного образования. С этого момента цель школьного обучения состояла не в том, чтобы передать учащимся определенный набор готовых знаний, а в том, чтобы научить их эффективнее учиться у самой жизни»².

Нетрудно обнаружить, что Манхейма уже в то время интересовали проблемы, к которым наука об образовании и его практика в «массовом порядке» пришли лишь через несколько десятилетий. Речь идет в первую очередь о непрерывности образования, о том, что оно должно проходить через всю жизнь человека, прежде всего через его трудовую деятельность, становясь дополнительным, послевузовским и постпрофессиональным. Далее ученым ставится вопрос о посреднической роли общества в получении образования, что дает определенные основания говорить о понимании Манхеймом преимущественно личностного его характера, несмотря на весь «социальный пафос» рассмотрения этого института. Наконец, ученый подчеркивает значение практических жизненных навыков, которым должна научить человека школа. В системе «знания – умения – навыки», сказали бы мы современным языком, Манхейм переносит акценты на последнюю часть триады.

Созвучность рассуждений социолога современным проблемам образования заметна и при постановке им вопроса о ликвидации разрыва между семьей и школой, другими учреждениями общества, так или иначе занимающимися детьми. Он пишет: «...если семья, школа, клиники, занимающиеся воспитанием детей, суды для несовершеннолетних будут действовать изолированно и не учитывать влияние друг друга, они не достигнут эффекта»³. Все это есть не что иное, как

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 462.

² Там же.

³ Там же. С. 462.

осознание потребности интеграции школы с жизнью, с социальными структурами, «работающими» с подрастающим поколением. По мнению Манхейма, такая интеграция как нельзя более соответствует достижению целостности личности.

Интегральное образование трактуется Манхеймом, таким образом, в двух аспектах: как интеграция школы с деятельностью различных социальных институтов, имеющих отношение к формированию человека; и как интеграция современного преподавания с предшествующим ему опытом работы школы. «Успех преподавания, – пишет ученый¹, – зависит сегодня от того, как мы соединяем новый опыт с уже существующими знаниями индивида. В конечном итоге идеальная модель обучения человека будет принимать во внимание всю историю его жизни и множество социальных факторов, воздействующих на него наряду со школой. Такое обучение является интегральным в двойном отношении: а) в силу интеграции деятельности школы с деятельностью других общественных институтов; б) в силу соответствия целостности личности». Развитие интегрализма К. Манхейм считает ведущей тенденцией в области образования, поскольку именно с ним связано осуществление этического и религиозного воспитания. Эти виды воспитания, полагает социолог, должны быть объединены с другими частями школьной программы, что оптимально будет способствовать формированию целостной личности. Как подчеркивает далее Манхейм, «тенденция к интеграции достигает высшей точки, когда мы не только на практике, но и в теории откровенно признаем, что образование – это всего лишь один из многих социальных факторов, воздействующих на поведение человека, и как таковой, хотим мы этого или нет, всегда служит социальным целям и сознательно направлен на формирование определенных типов личности»².

Еще одна сторона концепции интегрального образования у Манхейма находит отражение в ее противопоставлении теории либерального образования. Социолог утверждает, что в предшествующую эпоху, эпоху либерализма, образование было слишком обособленным, а его главный недостаток состоял в игнорировании общественных потребностей. «Теория либерального образования основывалась на принципе, – писал Манхейм, – гласящем, что важнейшие цели и

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени... С. 463.

² Там же.

ценности образования неизменны; что конечная и исключительная цель образования – воспитание свободной личности путем беспрепятственного развертывания внутренних качеств. Интегральная теория образования в своем социологическом аспекте не отвергает этой теории как таковой... Она лишь утверждает, что данная теория слишком далека от конкретных исторических условий, чтобы быть действенной. Тот, кто пытается сформулировать неизменные вечные ценности, скоро понимает, что они слишком абстрактны, чтобы придать определенную конкретную форму образованию в данный момент»¹.

К. Манхейм полемизирует с концепцией либерального образования, неспособной увидеть социальную основу последнего, а потому считающей его единственно достойной целью воспитание независимой личности. На самом деле это означает слепоту к общественным проблемам, пренебрежение анализом социальных условий. Пока общество процветает, либеральное образование чувствует себя хорошо, утверждает Манхейм. Но «когда прекращается процветание и различные группы общества зависят исключительно от своих собственных ресурсов», «либеральное образование терпит крах»².

В этой связи обращает на себя внимание стремление Манхейма рассматривать образование как социальный феномен, а не «как взаимный обмен между двумя индивидами, учителем и учеником, на уровне личных отношений». По его мнению, образование «представляет собой часть общего социального процесса», а социологический подход должен базироваться на признании этого обстоятельства³. Таким образом, Манхейм относится к предмету социологии знания и социологии образования с общих методологических позиций.

Еще один важный аспект социологического подхода к образованию, по Манхейму, состоит в том, что «образование может быть правильно понято лишь тогда, когда мы будем рассматривать его как один из способов воздействия на человеческое поведение и как одно из средств социального контроля»⁴. Ученый считает, что самые эффективные методы образования обречены на провал, если они не согласованы с различными формами социального контроля.

¹ Манхейм К. Указ. соч. С. 464.

² Там же. С. 481.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 480.

Весь вопрос в том, что Манхейм понимает под социальным контролем. Наученный горьким опытом жесткого, тотального контроля над всеми общественными и индивидуально-личностными процессами в фашистской Германии, социолог под социальным контролем над образованием понимает его взаимосвязь и взаимодействие с другими социальными подсистемами, структурами, службами, которые в единстве могут оказывать позитивное по содержанию и направленности влияние на новое поколение.

Понимание взаимосвязи образования с обществом, его социальными структурами приобретает у Манхейма следующую формулировку: «Ни одна система образования не в состоянии поддерживать у нового поколения эмоциональную стабильность и духовную целостность, пока она не имеет своего рода общей стратегии с социальными службами, действующими за рамками школы. В наше время лишь во взаимодействии с ними можно контролировать социальные влияния, которые в противном случае дезорганизуют жизнь общества»¹.

Еще один важный пункт манхеймовского анализа образования заключается в выявлении тесной связи между образованием и политической активностью. «Как только массы становятся политически активными, возникает необходимость в новых формах образования, а отбор и поддержание высокого индивидуального уровня элиты становится делом всеобщей важности. На этой стадии уже невозможно ограничить проблему образования рамками школы»².

В общем и целом суть социологического подхода К. Манхейма к образованию выражается в трех основных пунктах.

1. Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для данного общества.
2. Наилучшей образовательной единицей является не индивид, а группа. Группы отличаются по размерам, целям и функциям. В ходе обучения вырабатываются различные модели поведения, которым должны следовать индивиды в группах.
3. Цели образования в обществе не могут быть адекватно поняты, пока они отделены от конкретных ситуаций, в которые попадает каждая возрастная группа, и от социального строя, в котором они формируются³.

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 480.

² Там же. С. 481.

³ Там же. С. 479.

Здесь мы так же, как и ранее, должны признать актуальность и современное звучание принципов, сформулированных Манхеймом в отношении социологического подхода к образованию. Социолог призывает учитывать особенности социального строя и более широко – социального контекста образования, выступающего частью общего социального процесса. Это позволяет ему уходить от абстрактных характеристик образования, признавая лишь его конкретное воздействие на «человека в данном обществе и для данного общества».

Обращает на себя внимание постановка вопроса о необходимости исследования в качестве объекта группы (а не индивида). Хорошо известно, что в наиболее распространенных образовательных структурах (где нет «штучного» обучения) она является основной единицей учебного процесса, будь то школьный класс или академическая группа в профессиональном образовательном учреждении. Уже поэтому именно группа должна стать объектом исследования. Но есть еще и другая, не менее важная причина. Ею является специфика социологии как науки, которая изучает не индивида, а социальную общность. Именно она составляет «ядро» предметной зоны социологии.

С учетом рассмотренных выше позиций К. Манхейма становится понятно, что он выступает за образование, во-первых, целостное, во-вторых, конкретное. Обращает на себя внимание и еще один тезис Манхейма, позволяющий относиться к образованию как средству не только формирования целостной личности, но и сопротивления антисоциальным и античеловеческим силам. Социолог отмечает в этой связи: «Образование и обучение, которое пытается помешать нам мысленно объять данный предмет в целом и занять определенную позицию, неизбежно воспитывает человека, не способного к реальному сопротивлению различным доктринам и пропаганде»¹.

Несмотря на то что в работе не указываются конкретные доктрины и конкретная пропаганда, которым следует «сопротивляться» с помощью образования и обучения, из общего контекста манхеймовских рассуждений вытекает, что это – тоталитаризм. Образование, стало быть, не может быть нейтральным по отношению к политическим и идеологическим процессам, затрагивающим мировоззренческие аспекты формирования и развития личности. Как бы то ни было, мы сталкиваемся с постановкой вопроса: знание против знания.

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 473.

Завершая характеристику взглядов К. Манхейма на проблемы обучения и воспитания, необходимо сказать о том большом значении социологии, которое подчеркивал ученый в деле развития образования. Этой проблеме посвящен небольшой (всего 4 страницы), но очень емкий по идеям параграф с названием «Некоторые причины, вызывающие необходимость социологической интеграции в образовании». Речь идет о важности изучения социологической информации и социологических работ учителем школы, преподавателем вообще для того, чтобы обучение и воспитание учеников было не абстрактным, а конкретным, и готовило их для жизни в существующем обществе. «Если современный учитель, – пишет Манхейм, – осознает себя не просто школьным наставником, а учителем жизни, то он будет стремиться овладеть всеми доступными и необходимыми ему знаниями, чтобы справиться с возникшей перед ним задачей. Он попытается воспитать такое молодое поколение, которое будет сочетать эмоциональную стабильность с гибкостью ума, и он добьется успеха, если сможет связать проблемы, волнующие молодежь, с изменениями, происходящими в мире»¹.

Для достижения этой цели необходимым условием, по мнению ученого, является изучение педагогом социологии. Он говорит, по меньшей мере, о четырех наиболее значимых социологических курсах, которые требуют усвоения учителем: социологии образования, науки о человеческом поведении, социологии культуры, изучении социальной структуры. «Нам открылось, – пишет Манхейм, – что истинный смысл образования может быть определен, только если оно основано на тщательном изучении всех социологических аспектов человеческого поведения»².

Поскольку, считает автор, социология позволяет понять глубинные корни упадка морали и культуры, вызванного дезинтеграцией господствующей социальной структуры, а также способствует объяснению множества психологических конфликтов, являющихся отражением неадекватного приспособления индивидов к непосредственному социальному окружению, постольку эта наука служит средством для гуманизации образования. «Мы убедились в том, – подчеркивает Манхейм, – что в современном сложном и быстро меняющемся-

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 466.

² Там же. С. 467.

ся обществе образование может быть адекватным лишь тогда, когда учитель знает социальный мир, из которого приходят его ученики и для жизни в котором их надо подготовить, а также если он может оценить большую часть своих действий с точки зрения их социальных результатов. Во всех этих аспектах социология является необходимым дополнением к образованию в наш век, в какой бы стране и при какой бы социальной системе мы ни жили»¹.

Подведем итог рассуждениям исследователя социальных проблем образования о роли социологии в профессиональной деятельности педагога и сделаем это вслед за Манхеймом его же словами: «Роль социологии состоит в первую очередь в том, что она помогает учителю преодолеть обособленность и ограниченность схоластической концепции образования, ориентируя обучение на нужды общества. Во-вторых, социология открывает возможность скоординировать процесс обучения с влияниями внешкольных учреждений, т. е. семьи, церкви, а также общественного мнения, социальных служб»².

Более полувека назад К. Манхейм сформулировал, как нам представляется, четкую программу взаимодействия социологии с педагогикой и психологией, а также с системой образования и людьми, в ней работающими. Он достаточно убедительно доказал полезность и необходимость социологии как науки, использования ее материалов и достижений для оптимизации процесса воспитания молодого поколения. Сейчас, в начале второго десятилетия XXI в., мы вынуждены вновь и вновь подчеркивать важность задач, провозглашенных Манхеймом, и убеждать российских педагогов (как теоретиков, так и практиков) в целесообразности изучения социологии вообще, социологии образования в особенности. Известен афоризм: «История учит тому, что она ... ничему не учит». Похоже, что этот афоризм может быть применен и к истории взаимодействия социологической и педагогической мысли в сфере образования.

Делая общий вывод относительно анализа идей и работ К. Манхейма, мы хотели бы отметить, что за проблемами развития знания и образования он видел прежде всего проблемы овладения социологическим знанием педагогами и передачи его учащимся. Образование волновало исследователя не столько с точки зрения организации и

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 467.

² Там же. С. 466–467.

технологии самого процесса обучения и воспитания, сколько в плане показа социальной детерминации деятельности его основных институтов (в первую очередь школы), а также их взаимодействия с обществом и его различными структурами.

Главные же вопросы, которые были поставлены Манхеймом, по-прежнему остаются в повестке дня: каким будет то знание, которым овладеют педагоги и которое они сумеют транслировать учащимся? Насколько оно будет отвечать потребностям различных социальных групп? Как будет выражать их интересы? Все эти вопросы, рассматриваемые в рамках образовательного знания и волновавшие К. Манхейма в первой половине XX в., требуют ответов и сейчас.

С. Г. Зырянов, В. М. Зырянова, Д. В. Богданова

МОЛОДЕЖЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА

Исследование проблем молодежи уже не одно десятилетие представляет интерес для различных отраслей знания и даже выделилось в отдельное научное направление – социологию молодежи. Особенно активно это направление начало развиваться в тот момент, когда в российском обществе произошли коренные изменения вследствие кардинальных перемен ситуации в стране, когда была разрушена предыдущая система ценностей.

В настоящей статье на основе данных социологического исследования «Социокультурный портрет Челябинской области»¹ мы рассмотрим как состояние, так и отличие ценностных ориентаций молодежи от когорты взрослого населения и предложим набросок социального портрета молодого человека – жителя Челябинской области начала XXI в. Но перед тем как перейти к анализу и представлению о ценностных ориентациях современной молодежи Челябинской области, необходимо определиться с понятием «молодежь».

¹ Опрос проведен специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в рамках реализации гранта Российского гуманитарного научного фонда «Социокультурный портрет Челябинской области» в июле–августе 2011 г. на территории Челябинской области. Работа выполнена в соответствии с типовой программой и методикой ЦИСИ ИФРАН. Опрошено 1000 респондентов. Статистическая погрешность в выборке $\pm 3\%$. Основной метод исследования – анкетный опрос.

В силу того что данное понятие является междисциплинарным, существует множество подходов к его определению. Одно из интегративных определений молодежи можно встретить у В. Т. Шапко, определившего молодежь как социально-демографическую группу, выделяемую на основе совокупности признаков: возрастные границы и социально-психологические особенности; специфика социального статуса, ролевых функций, социокультурного поведения; специфика социально-демографической группы; системное качество – процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации; самоопределение, самоидентификации молодежи как специфической группы¹.

По данным Федерального агентства по делам молодежи Российской Федерации в Челябинской области, численность молодежи составляет 826 тыс. человек. Доля молодежи в населении (с учетом возраста молодежи 15–29 лет) равна 23,6 %². Процент молодежи в выборке проведенного исследования составил 27,1 %.

Ценностную ориентацию специалисты определяют как разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения, являющиеся важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию личности и ее поведение³.

Несмотря на достаточно обширные научные изыскания в данной области, проблема выявления ценностных ориентаций, жизненных приоритетов и профессиональных предпочтений современной молодежи весьма актуальна в настоящее время. В данной статье мы рассмотрим систему ценностных оснований жизненного самоопределения молодежи, состоящую из трех блоков: 1) ценностные ориентации современной молодежи, отражающие степень удовлетворенности условиями жизни в регионе; 2) показатели, характеризующие ценностные ориентации в трудовой сфере; 3) некоторые аспекты гражданской и политической активности молодежи, проживающей на территории Челябинской области.

¹ Шапко В. Т. Актуальная культура российской молодежи: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 1997. С. 10.

² Численность молодежи по субъектам РФ. Интерактивная карта регионов России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fadm.gov.ru/regionmain/>.

³ Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М. : Норма-Инфра-М, 1998. С. 268.

Итак, обратимся к общему жизнеощущению молодежи от проживания в Челябинской области, проведя анализ распределения ответов на вопросы о жизни в регионе. Ответы в какой-то степени можно рассматривать в качестве индикатора патриотических установок.

Рассмотрим, как молодые люди оценивают жизнь в Челябинской области, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашей области живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?» Ответы даны в процентах от числа опрошенных (рис. 1).

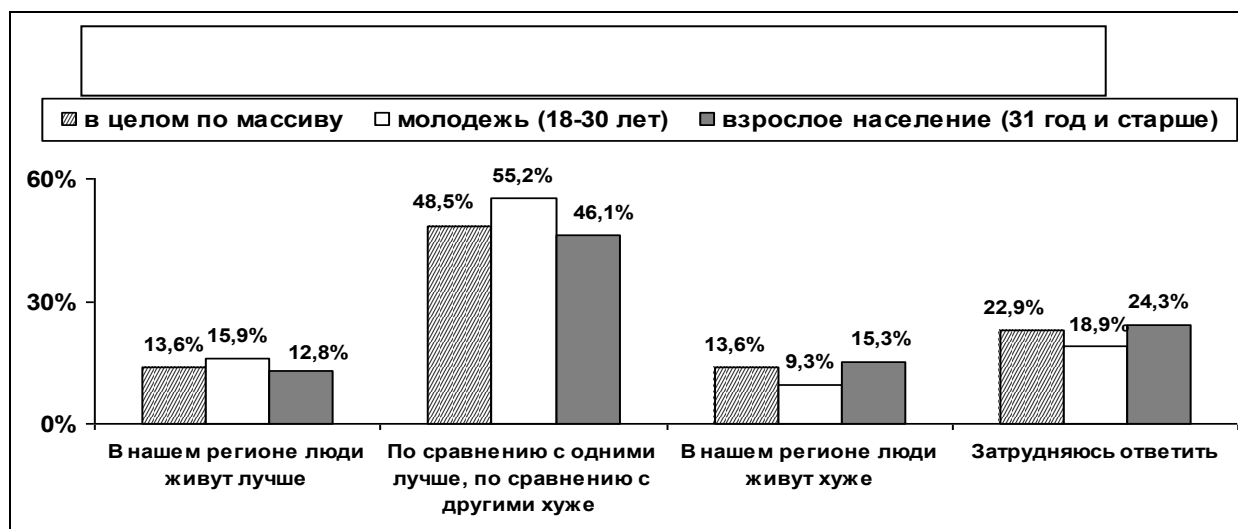

Рис. 1. Оценка жизни Челябинской обл. в сравнении с другими регионами, %

Как видим, молодежь в сравнении с взрослой когортой населения более оптимистична в своих суждениях. Молодые люди чаще выбирают позицию «В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах» (15,9 % против 12,8 %, что больше на 3,1 %) и на 6 % меньше отмечают вариант «В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах».

Представляет особый интерес распределение ответов молодых респондентов на вопрос: «В чем, по Вашему опыту, состоят особенности нашей области, ее привлекательные и непривлекательные черты?» (рис. 2). Рассмотрим, что было отнесено к наиболее привлекательным и непривлекательным чертам региона и в чем отличие суждений молодежи от представителей старших возрастных групп.

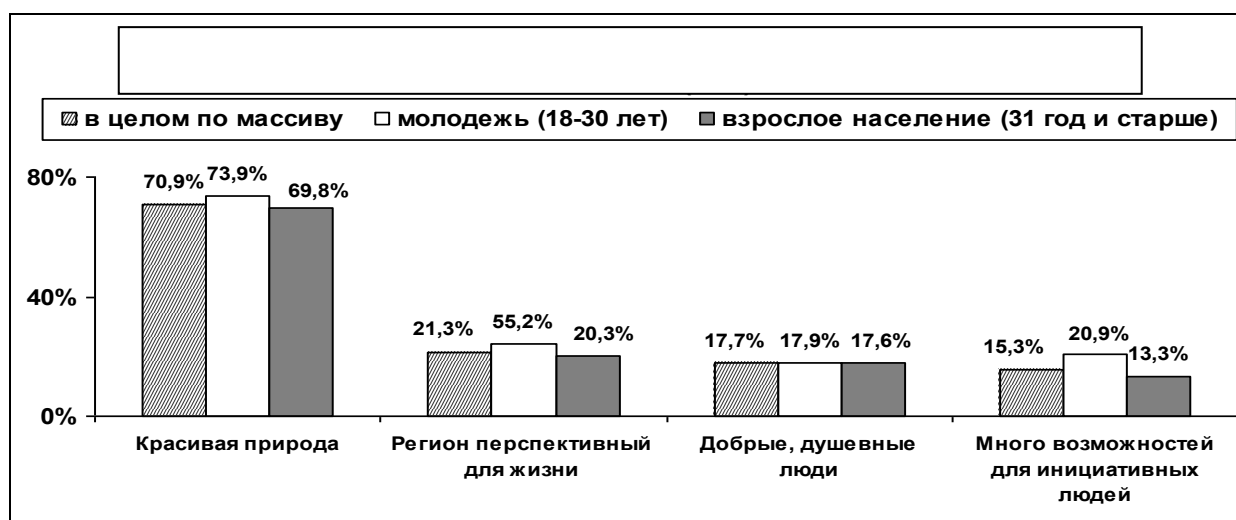

Рис. 2. Оценка привлекательных сторон жизни в Челябинской обл., %

В качестве наиболее привлекательной черты нашего региона была отмечена красивая природа. Этот ответ выбрали 70,9 % респондентов в целом, 73,9 % опрошенных среди молодежи и 69,8 % в когорте взрослого населения. Ответ о том, что это регион, перспективный для жизни, выбрали 20,3 % опрошенных в возрасте старше 30 лет и 23,9 % среди молодых людей. В принципе, рейтинг привлекательных черт региона молодежи практически не отличается от суждений остальных респондентов, с той лишь разницей, что молодые люди, в отличие от тех, кому старше 30 лет, больше уверены в том, что здесь много возможностей для инициативных людей (на 7,6 % больше).

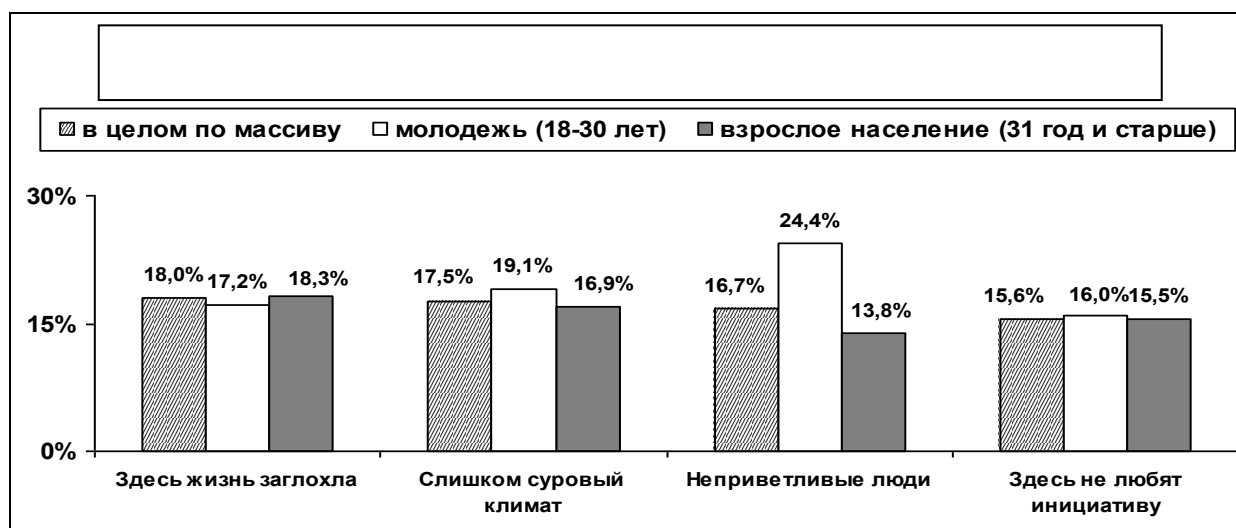

Рис. 3. Оценка привлекательности сторон жизни в Челябинской обл., %

Среди 4 непривлекательных черт (рис. 3) главной молодые люди считают то, что в регионе живет много неприветливых людей (24,4 %). Если же рассматривать распределение данных в целом по массиву, можно отметить, что главными непривлекательными чертами Челя-

бинской области респонденты считают то, что «здесь жизнь заглохла» (31,3 %) и то, что на Южном Урале слишком суровый климат (30,4 %). Молодежь несколько реже выбирает варианты ответа «здесь жизнь заглохла» (на 1,1 % в сравнении с взрослым населением), но чаще говорят о суровом климате Челябинской области (на 2,2 %).

Ключевым для выявления отношения респондентов в целом и молодежи в частности к региону проживания стал вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своей области?» (табл. 1).

Большинство респондентов (в том числе и в возрасте от 18 до 30 лет) в целом довольны жизнью в регионе, но, тем не менее, многое их не устраивает. Вместе с тем стоит отметить, что представители молодого поколения склонны к более яркому выражению своих чувств по отношению к региону проживания, что проявляется в более частом, по сравнению с респондентами взрослой когорты населения, выборе «крайних» позиций. Так, например, вариант ответа «Я рад, что живу здесь» выбрали 30,7 % молодежи из опрошенных, что на 3,4 % больше, чем в целом по массиву и на 4,7 % больше, чем в возрастной группе старше 30 лет; «Хотел бы уехать в другой регион России» отметили 7 % молодых людей (на 2,5 % больше, чем в целом и на 3,4 % больше, чем в старшей возрастной группе); «Хотел бы вообще уехать из России» – 5,9 % против 4,3 % среди всех опрошенных и 3,7 % среди возрастной когорты старше 30 лет.

Таблица 1

Чувства, испытываемые респондентами по отношению к региону проживания

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Я рад, что живу здесь	27,3	30,7	26,0
В целом я доволен, но многое не устраивает	42,8	38,1	44,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	13,4	12,6	13,7
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5,6	3,7	6,3
Хотел бы уехать в другой регион России	4,5	7,0	3,6
Хотел бы вообще уехать из России	4,3	5,9	3,7
Затрудняюсь ответить	1,5	1,5	1,5
Отказ от ответа	0,6	0,4	0,7

В целом структуре жизнеощущения молодежи свойственен дос-

таточно высокий уровень оптимизма, хотя, конечно, оптимизм является относительным и переживает серьезные испытания. Принято считать, что именно молодежь и по своему положению в социальной структуре общества, и по результатам сравнительной оценки уровня оптимизма должна рассматриваться как эмоциональный резерв развития общества. Действительно, вопрос «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» (табл. 2) показал, что взрослое население гораздо чаще говорит о своих тревогах и страхе перед будущим и во столько же раз реже – о надеждах и оптимизме, чем молодежь. Рассмотрим, как распределились ответы респондентов на вопрос о будущем.

Таблица 2

Степень уверенности респондентов в своем будущем

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Вполне уверен	13,1	17,8	11,4
Скорее уверен, чем нет	24,9	28,9	23,4
Не могу сказать точно	32,6	34,1	32,0
Скорее не уверен, чем уверен	19,5	14,4	21,3
Совершенно не уверен	8,5	3,0	10,6
Отказ от ответа	1,4	1,9	1,2

Как видно, треть молодых людей не могут сказать точно, уверены или не уверены они в своем будущем. Тем не менее, уверенность и в среде молодежи, и среди остального населения значительно преобладает над неуверенностью. В когорте взрослого населения уверенность также преобладает над неуверенностью, но цифры уже значительно ближе друг к другу. Суммарно уверены в своем будущем 38 % респондентов, из них 34,8 % из группы «старше 30 лет» и практически половина среди опрошенной молодежи – 46,7 %. Среди молодежи гораздо меньше тех, кто не уверен в своем будущем – 17,4 % против 31,9 %. Совсем скептически настроены по отношению к будущему лишь 3 % опрошенных молодых людей («Совершенно не уверен») и 10,6 % взрослого населения Челябинской области. Мерой жизненного оптимизма молодежи является также удовлетворенность жизнью в целом, отношение к ситуации, переживаемой ими в настоящий момент. Рассмотрим распределение ответов респондентов на вопрос: «На-

сколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (рис. 4).

Подавляющее большинство молодежи сегодня удовлетворено своей жизнью в целом. Более половины опрошенных молодых людей (61,5 %) удовлетворены своей жизнью. В целом по массиву опрошенных эта цифра равна 53,2 %, а в когорте взрослого населения 50,9 %. Таким образом, разница между двумя возрастными группами составляет 10,6 %. Практически каждый пятый среди молодых опрошенных (21,5 %) дает самую высокую оценку своей нынешней жизненной ситуации, выбирая оценочную позицию «полностью удовлетворен». Только 18,9 % среди молодежи говорят о том, что в какой-то степени не удовлетворены своей жизнью («не очень удовлетворен» или «совсем не удовлетворен»).

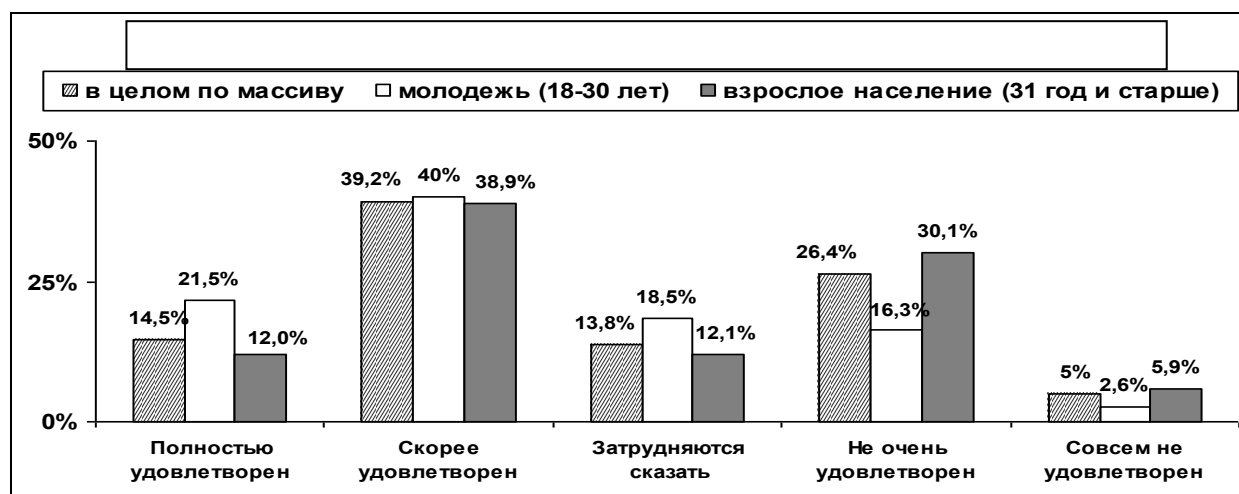

Рис. 4. Степень удовлетворенности жизнью в целом, %

Трудовая деятельность является основополагающей в жизни каждого человека, именно поэтому ее анализ является не менее важным в социологическом исследовании молодежи и выявлении ее ценностных ориентаций.

Известно, что в Российской Федерации граждане принимаются на работу на основании заключенного в письменной форме в двух экземплярах трудового договора, который является основной гарантией получения заработной платы и установленных законом льгот и основанием для защиты нарушенных трудовых прав. Но бывают случаи, когда данная норма нарушается. Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Если Вы работаете сегодня, то имеете ли Вы письменный трудовой договор на основной работе?» Ответы даны в процентах от числа опрошенных (табл. 3).

Таблица 3

Наличие у респондентов письменного трудового договора

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Да, имею письменный договор	74,3	71,4	75,1
Нет, не имею письменного договора	14,3	28,6	14,2
Не знаю	2,8	0,0	2,1
Отказ от ответа	8,7	0,0	8,5

Большинство опрошенных (71,4 % среди молодых респондентов, 75,1 % населения старше 30 лет и 74,3 % среди опрошенных в целом по массиву) имеют письменный трудовой договор. Вместе с тем распределение ответов на данный вопрос свидетельствует о том, что в отношении молодежи данная норма нарушается гораздо чаще: более чем каждый четвертый опрошенный молодой человек не имеет письменного трудового договора (на 14,4 % больше, чем в когорте взрослого населения). Таким образом, работодатель не соблюдает свои обязательства перед работником и лишает человека социальных гарантий – это и право на отпуск, оплата больничного листа, возмещение вреда с потерей трудоспособности – и делает это чаще по отношению к молодежи.

Интересны распределения ответов респондентов на вопрос: «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» (табл. 4)

Таблица 4

Иерархия трудовых мотивов населения Челябинской области

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	40,6	37,2	41,9
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	5,1	5,6	4,9
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени	3,7	1,9	4,4
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	21,2	22,6	20,7
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	13,8	23,3	10,3
Не знаю	5,7	4,1	6,2
Отказ от ответа	9,9	5,3	11,7

Молодежь, как и «взрослое большинство», все еще предпочитает гарантированную работу (даже в ущерб размерам заработка). Вместе с тем молодые чаще готовы много работать, даже без гарантий на будущее, правда только при условии высоких зарплаток.

Также среди молодежи высока доля тех, кто «хотел бы иметь собственное дело» и работать на «собственный страх и риск». Таких – практически четверть (23,3 %) среди молодых и лишь 10 % среди респондентов старше 30 лет, что говорит не только и не столько о значимости в молодежной среде предпринимательства как способа экономического поведения, сколько все о той же мечте иметь большие деньги. Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодежь в реальности предпочитает работу, приносящую достаточно высокий доход, но не связанную с большой ответственностью и рисками. Но все же преобладающей установкой остается желание иметь гарантированное рабочее место и уверенность в завтрашнем дне.

Логичным представляется вопрос о том, как молодежь оценивает свое материальное положение. Обратимся к данным табл. 5, в которой представлены ответы на вопрос: «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?»

Таблица 5

Самооценка материального положения респондентов

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Денег не хватает на повседневные затраты	16,4	13,1	17,6
На повседневные затраты уходит вся зарплата	19,8	14,2	21,9
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	21,8	20,9	22,1
В основном хватает, но не для покупки дорогостоящих предметов	27,4	29,5	26,7
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры	12,6	19,8	9,9
Практически ни в чем себе не отказываем	2,0	2,6	1,8

Итак, оценки собственного материального положения – одной из главных забот большинства населения – выглядят довольно оптимизи-

стично, причем именно молодыми респондентами чаще выбираются позиции, указывающие на уровень доходов выше среднего: «В основном хватает, но не для покупки дорогостоящих предметов» – на 2,8 % больше, чем среди опрошенных в когорте взрослого населения и на 2,1 % больше, чем среди опрошенных в среднем по массиву, «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры». Как и респондентам в возрасте старше 30 лет (26,7 %), большинству молодых людей (29,5 %) имеющих доходов в основном хватает, но затруднительно приобретение дорогостоящих предметов.

Довольно позитивными представляются распределения ответов респондентов на вопрос: «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» (табл. 6). Оптимистично выглядят и оценки изменения материального положения: у 36,1 % опрошенных молодых за последние три года оно улучшилось, ухудшение отмечает 14,1 % (сумма позиций «Стали жить несколько хуже» и «Стали жить намного хуже»), большинство же (37,2 %) считают, что оно осталось прежним. В сравнении с ответами респондентов старше 30 лет, суждения которых выглядят гораздо пессимистичнее, имеется следующая картина: улучшение материального положения молодежь отмечает больше на 9,6 % (разность), а ухудшение – меньше на 11 %.

Таблица 6

Субъективная оценка жителями Челябинской области
изменений жизненного уровня

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Стали жить намного лучше	5,0	8,6	3,7
Стали жить несколько лучше	27,2	36,1	23,9
Ничего не изменилось	42,3	37,2	44,2
Стали жить несколько хуже	17,1	11,9	19,1
Стали жить намного хуже	5,0	2,2	6,0
Не знаю	3,4	4,1	3,2

В исследованиях ценностных ориентаций молодежи важны те косвенные обстоятельства, которые отмечаются в прожективных вопросах. Значимый результат дают ответы на вопрос об ожиданиях от будущего. Обратимся к вопросу: «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?» (табл. 7).

Практически половина опрошенных молодых людей (45,8 %) ожидают улучшений в жизни ближайший год, причем этот показатель на 22,4 % (в сумме) больше, чем у взрослой когорты населения. Практически каждый четвертый опрошенный (23 %) в молодежной среде, большинство из опрошенных в возрасте старше 30 лет (33,8 %) считают, что в жизни ничего не изменится. Перспективу ухудшения жизни в ближайший год видят 4,8 % опрошенных молодых людей (сумма позиций «Будем жить несколько хуже» и «Будем жить значительно хуже»), что на 6,5 % меньше, чем респондентов с негативным жизненным настроением в когорте старшего населения.

Таблица 7

Оптимистичность прогноза жизненного уровня населения
Челябинской области в будущем

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Будем жить значительно лучше	10,5	17,5	8,0
Будем жить несколько лучше	18,2	28,3	14,4
Ничего не изменится	30,9	23,0	33,8
Будем жить несколько хуже	6,0	2,2	7,4
Будем жить значительно хуже	3,5	2,6	3,9
Не знаю	29,1	23,8	31,1
Отказ от ответа	1,7	2,6	1,4

Далее обратимся к третьему блоку и рассмотрим некоторые аспекты гражданской и политической активности молодежи, проживающей на территории Челябинской области (табл. 8). Изучение уровня гражданской и политической активности молодых граждан помогает выявить вопрос о количестве молодых людей, занимающихся общественной деятельностью, участвующих в общественных организациях. Рассмотрим, какая часть населения (и молодежи в частности) является членом какой-либо общественной организации.

Абсолютное большинство респондентов (80,6 %) в когорте молодежи не являются членами каких-либо общественных организаций. Это на 2,8 % больше, чем в группе респондентов старше 30 лет. Большинство тех, кто все же состоит в общественной организации, говорят о профсоюзах (10,4 %). Членами политических партий являются 2,7 % молодежи, принявшей участие в опросе, 0,7 % состоят в религиозных организациях, еще 5,6 % – других организаций.

Ответы респондентов на вопрос: «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?»

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Политической партии	4,3	2,7	5,2
Профсоюза	12,6	10,4	13,7
Религиозной организации	1,3	0,7	1,5
Других организаций	2,8	5,6	1,8
Не являюсь	79,0	80,6	77,8

Причины неучастия значительной части молодежи в деятельности общественных организаций зачастую связаны не только и не столько с возрастными особенностями, сколько с теми макроусловиями, которые государство и общество создает для молодежи. В частности, не раз упоминалось об особенностях взаимодействия поколений, незаинтересованности или несостоятельности властных структур вовлекать молодое поколение в активную социально-политическую жизнь. Стоит упомянуть и о складывающейся в новых социально-экономических условиях системе общественных ценностей, ориентирующей детей и подростков на прагматизм и индивидуализм.

Весьма предсказуемо респонденты ответили на вопрос возможных причинах, по которым люди не состоят в общественных организациях (табл. 9). Рассмотрим, как распределились ответы на вопрос: «Как Вы думаете, почему многие не участвуют в общественных организациях и формах местного самоуправления (собрание, сход граждан, самоорганизация по месту жительства, публичные слушания и др.)?»

В обеих рассматриваемых группах акценты расставлены примерно одинаково. Наиболее популярен вариант «Не видят пользы для себя от такого участия», который выбрали 53,2 % опрошенных и 56,3 % респондентов в группе молодежи.

На втором месте факторов, сдерживающих рост численности членов общественных формирований, стоит опасность быть вовлеченными в неприглядные дела. Так ответили 11,4 % опрошенных. Среди молодежи эта цифра выше, чем в группе взрослого населения и составляет 15,8 % против 9,8 %.

Таблица 9

Ответы респондентов на вопрос о причинах, по которым люди не состоят в общественных организациях

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Не видят пользы для себя от такого участия	54,0	56,3	53,2
Опасаются быть вовлеченными в неприглядные дела	11,4	15,8	9,8
Не знают, как это сделать	9,5	12,6	8,5
Встречают противодействие тех, кто там участвует	7,4	10,9	6,2

Сегодня молодежи чрезвычайно важно знать, каков социальный эффект деятельности той или иной общественной организации. У значительной части населения сложилось предубеждение против того, что общественные организации не могут ни на что повлиять. Увеличению числа участников общественных организаций в частности может способствовать регулярное информирование населения региона и молодежи о целях, задачах, формах деятельности организаций, о проводимых мероприятиях и акциях.

Еще один чрезвычайно важный момент – протестный потенциал молодежи. Попытаемся выявить его, для чего обратимся к ответам респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, нарушений прав и свобод человека)?» (табл. 10)

Таблица 10

Протестный потенциал населения Челябинской области

	Σ	Молодежь 18–30 лет	Взрослые от 31 г. и старше
Готов	22,0	17,8	23,5
Пожалуй, готов	21,0	20,4	21,2
Пожалуй, не готов	11,9	15,2	10,7
Не готов	23,0	21,2	23,7
Затрудняюсь ответить	15,9	19,3	14,7
Отказ от ответа	6,3	5,9	6,4

Исходя из данных таблицы, можно отметить, что доля молодежи в обеих группах – тех, кто готов принять участие в акциях протеста (сумма позиций «готов» и «пожалуй, готов») и не готов к такому шагу (сумма позиций «не готов» и «пожалуй, не готов») практически равна. Но все же, готовых протестовать среди молодежи чуть больше – 38,2 % против 36,4 % тех, кто не готов к протестным акциям. И это достаточно серьезный сигнал. Конечно, далеко не факт, что все декларирующие свою готовность к протесту молодые бы на самом деле выйдут на улицы или на баррикады. К тому же, в сравнении с распределением ответов в целом по массиву, протестный потенциал среди молодых респондентов пусть на несколько пунктов, но ниже. Тем не менее, факт остается фактом – протестный потенциал в среде Челябинской молодежи высок. Вместе с тем в группе респондентов старше 30 лет ситуация более напряженная: 44,7 % тех, кто готов принять участие в акциях протеста против 34,4 % тех, кто не готов. Таким образом, по данным опроса, протестный потенциал молодежи ниже протестного потенциала взрослого населения.

Итак, на основе социологического исследования, нами были рассмотрены ценностные ориентации молодежи Челябинской области на современном этапе и предпринята попытка нарисовать социокультурный портрет молодежи. Было отмечено, что молодежь в сравнении с взрослой когортой населения более оптимистична в своих суждениях. Логично было предположить, что молодые люди проявят больше оптимизма, который с возрастом естественным образом будет снижаться. Молодежь, как и «взрослое большинство», все еще предпочитает гарантированную работу (даже в ущерб размерам заработка). Вместе с тем молодые чаще готовы много работать, даже без гарантий на будущее, правда, только при условии высоких зарплаток. Ценностные ориентации в трудовой сфере отражаются на жизненных целях, планах, средствах достижения, мотивах трудовой деятельности, по ним представилось возможным оценить характер стратегии, выбранной молодыми людьми. Жизненные цели молодежи Челябинской области складываются как следствие актуализации той или иной системы ценностных ориентаций, их можно и нужно рассматривать как своеобразные индикаторы, имеющие определенную динамику.

Н. Б. Качайнова, Г. В. Талалаева, В. В. Трухачев

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Сложная демографическая ситуация, невнятность ценностных ориентиров как семьи, так и государства, сложившиеся в начале 1990-х гг., общая тенденция старения населения и вместе с тем возрастающая ответственность местных властей за перспективы развития мегаполиса определили одним из основных направлений Стратегического плана развития Екатеринбурга сохранение и развитие человеческого потенциала, одной из основных задач направления – укрепление института семьи как формы наиболее рациональной жизнедеятельности личности, стабилизация демографической ситуации и ее развитие.

Составными частями Стратегического плана развития Екатеринбурга стали проекты демографической направленности. Мероприятия стратегических проектов «Семья», «Включайся в жизнь», «Достойная старость» способствовали формированию позитивной мотивации, созданию условий для успешной реализации семьей своих основных функций: воспроизводства, воспитания, социальной адаптации, сохранения культурных традиций; активному включению в жизнь инвалидов и пожилых людей, профилактике социальных девиаций.

В ходе реализации проектов значительно расширен перечень социальных услуг, предоставляемых семьям, за счет внедрения в практику новых форм и видов социальных услуг.

В целях повышения психологической культуры населения в сфере семейного, супружеского, родительского общения в учреждениях города различной ведомственной принадлежности созданы и работают тренингово-правовая школа для подростков и родителей, «Школа планирования и создания семьи», проводится психолого-педагогическое консультирование родителей, в детских дошкольных учреждениях города открыто 48 групп кратковременного пребывания. Услуги экстренной психологической помощи в форме «телефон доверия» предоставляют семьям и детям более 10 организаций, в том числе из ряда социально-ориентированных некоммерческих организаций.

С целью формирования позитивных установок на создание гармоничных семейных отношений, основанных на чувствах взаимопомощи и ответственности, проводились общегородские мероприятия, конкурсы, фестивали «Молодая семья», «Городская свадьба», меро-

приятия, посвященные празднованию международного Дня семьи, Дня защиты детей, Дня матери, городская специализированная выставка «Мать и дитя».

Обеспечение жильем семей осуществлялось в рамках реализации федеральных и областных программ, а также Программы муниципального жилищного найма, Программы по отселению из ветхого жилищного фонда. Семьи, состоящие из лиц пожилого возраста, получили жилье в муниципальном специализированном жилом фонде – Домах ветеранов.

Малообеспеченные семьи получали поддержку в денежной форме через выплату бюджетных субсидий на оплату жилья, компенсации стоимости питания учащимся муниципальных образовательных учреждений, компенсации родительской платы за посещение детских дошкольных образовательных учреждений.

Меры социальной поддержки, предоставляемые в денежном выражении, сочетались с мерами социальной поддержки, предоставляемыми в натуральной форме: семьям с детьми предоставлялись льготы по оплате дошкольных образовательных учреждений, более чем 46 льготным категориям граждан дано право льготного проезда городским общественным транспортом, предприятия бытового обслуживания города предоставляли социально незащищенным категориям граждан услуги (ремонт обуви, ремонт и пошив одежды, парикмахерские услуги) по льготным тарифам.

Улучшение «социального самочувствия» лиц пожилого возраста, включение их в активную общественную жизнь имеет большую значимость в решении проблем качества жизни в зрелом и пожилом возрасте. Здесь реализованы дополнительные мероприятия компенсационной социальной политики, выражающиеся в предоставлении пожилым людям возможностей для активного самовыражения и саморазвития:

- внедрялись новые социальные услуги, в том числе организована работа мобильных бригад оказания срочной социальной помощи в учреждениях социального обслуживания населения, значительно расширен ассортимент проката медицинских и технических средств, предоставляемых ветеранам;
- в муниципальных учреждениях культуры, здравоохранения, клубах по месту жительства организованы лекции на различные темы для пожилых горожан, организован постоянный лекторий для ветера-

нов на базе Окружного дома офицеров;

- в образовательных учреждениях города проводятся акции «Ветеран в твоём доме», «Забота», «Милосердие», «Земной поклон», «От сердца к сердцу», регулярно проводятся встречи, концерты для ветеранов, работают «тимуровские отряды», организовано шефство над одинокими пожилыми гражданами;
- в каждом районе города действуют ветеранские клубы, объединяющие горожан по месту жительства, по интересам. Благодаря активистам-общественникам в городе действуют общественные приемные для ветеранов, консультативные центры, проводятся ветеранские конкурсы и фестивали.

Получили развитие частные пансионаты, предоставляющие квалифицированные услуги по уходу за пожилыми гражданами, частично или полностью потерявшими способность к самообслуживанию. Так, на территории города и области работают частные мини-пансионаты «Азбука успеха», «Добродея», «Коуровка».

Не менее важна с точки зрения демографической ситуации поддержка инвалидов. Начиная с 1998 г. реализован ряд целевых комплексных программ, позволивших организовать мероприятия по расширению перечня и доступа к получению реабилитационных услуг, созданы и действуют отделения адаптивной физической культуры, работают службы психолого-педагогического сопровождения детей-инвалидов и семей, в которых они воспитываются, действует служба «Социальное такси» для инвалидов; реализуются мероприятия по созданию безбарьерной среды. Задача формирования безбарьерной среды решается в системе жизнедеятельности человека «жилье – среда – транспорт – объекты обслуживания».

Планировочные решения проектов вновь строящихся жилых домов предусматривают технические элементы, обеспечивающие свободное перемещение инвалидов-колясочников внутри жилого помещения (расширены двери в санузлах, кладовках, на балкон), а также свободный доступ на коляске с улицы до лифта.

Пешеходные зоны Екатеринбурга обеспечиваются элементами доступности в плановом порядке. Для комфортного продвижения маломобильных групп населения и инвалидов в местах пересечения пешеходных путей и проездов осуществляется понижение бортового камня. На 12 перекрестках города установлены светофоры со звуковыми сигналами для слабовидящих.

Мероприятия по профилактике семейного неблагополучия, развитию семейных форм воспитания детей, социальной поддержки пожилых людей и инвалидов осуществлялись в тесном взаимодействии государственных и муниципальных структур, с учетом все возрастающей роли общественных организаций в оказании социальных услуг и содействия социальной адаптации горожан.

С учетом мероприятий, реализуемых в рамках проводимой государственной и региональной политики, принимаемые меры позволили стабилизировать ситуацию, способствовали достижению положительных демографических тенденций: росту рождаемости, снижению смертности и росту ожидаемой продолжительности жизни.

Динамика основных демографических тенденций за последние годы в Екатеринбурге отмечена положительными изменениями. Продолжился рост рождаемости, по итогам 2010 г. количество родившихся возросло до 13,0 промилле (в 1998 г. этот показатель составлял 8,2). Динамика значений средней продолжительности жизни также имеет некоторую положительную тенденцию: 2003 г. – 64,36 лет, 2006 г. – 64,55 лет, 2010 г. – 68,5 лет. Достаточно выразительной динамикой характеризуется состояние брачности. Число заключаемых браков растет, а число разводов имеет некоторую тенденцию к снижению. В 2010 г. на один развод приходилось 2,1 зарегистрированных брака, что является за последние десять лет лучшим результатом и приближается к уровню 1990 г. (2,4). Признаки социально-психологической дезадаптации семей имеют тенденцию к снижению своих значений. Так, уменьшается количество детей, остающихся без попечения родителей. И если в 2002 г. без родительского попечения остались 1085 детей, то в 2010 г. – 813 детей (уменьшение на 25 %).

Вместе с тем, следуя за мировыми тенденциями, уральская семья как социальный институт обнаруживает признаки развития, обогащается новыми формами организации семейно-брачных отношений. Эти инновации семейно-брачных отношений объективно обусловлены. Они сопровождают глубокие социально-экономические изменения в жизни Екатеринбурга, ключевым среди которых является демографический переход от города закрытого типа, обеспечивающего нужды военно-промышленного комплекса, к третьей логистической столице России, открытой для новых технологий, потока мигрантов, международных выставок, спортивных мероприятий мирового масштаба. Данному процессу свойственны такие характери-

стики, как секуляризация брака, открытость для повторных браков, межнациональные и межэтнические брачные союзы без официальной регистрации брачных отношений, увеличение внебрачных рождений, признание прав молодежи и лиц пожилого возраста на создание пробных и гражданских брачных союзов.

Перечисленные инновации в семейно-брачных отношениях не подпадают под официальный мониторинг брачного поведения граждан, осуществляемый органами ЗАГС на местах, остаются в «тени» при анализе статистических демографических данных, ускользают из поля зрения социологов при разработке последних стратегических программ социально-экономического и демографического развития региона.

В рамках взаимодействия науки и практики сотрудниками кафедры социологии и социальных технологий управления УрФУ и администрацией города Екатеринбурга проведен анализ семьи как современного института социального менеджмента территории. Нами предложено изучить феномен современной уральской семьи через призму малых групп, используя для ее описания, классификации и управления соответствующий социологический инструментарий. На наш взгляд, применение концепции малых групп для описания современной семьи весьма продуктивно. Оно открывает новые перспективы для мониторинга социальной активности семьи, составления объективных прогнозов роли семьи как цементирующего и системообразующего фактора уральского социума. С указанных методологических позиций, семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. Данное определение семьи является одновременно емким и кратким. Оно согласуется с расширенными определениями семьи, признанными социологами.

А. Харчевым дано определение семьи как «исторически конкретной системы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения».

А. И. Антонов и В. М. Медков дают следующее определение: «Семья – это основанная на единой общесемейной деятельности

общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства, осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи». Супружеский тип моногамной семьи зарождается в последние десятилетия. В такого рода семье стратегическое отношение определяется не родством (как в патриархальной) и не родительством (как в детоцентристской), а свойством. Норма семейной жизни меняется: родители в такой семье отказываются полностью подчинять собственные интересы интересам детей. Акцент на супружество означает возможность более полной реализации личностного взаимодействия мужа и жены, регулируемого моральными принципами и имманентными ценностями. В постсовременной семье вырабатывается антирутинный механизм – автономия супругов. Интересы каждого из супругов шире семейных, и круг значимого общения для каждого из них выходит за рамки супружества. При этом следует отметить взаимосвязь и взаимодополняемость механизмов устойчивости (адаптация, интимность) и развития (автономия).

Ориентация на семью как на малую группу с неизбежностью приводит нас к признанию за ней как за социальным феноменом определенного разнообразия как по структуре, так и по иерархии реализуемых функций, которые варьируют не столько от юридических норм, регламентирующих институт брака, сколько от субъектных факторов личностей, создавших данную малую группу. Расширенная трактовка института семьи бросает новые вызовы специалистам социального управления в области их профессионализма, динамичности, методологической обеспеченности. Мы полагаем, что для эффективного применения концепции малых групп к решению стратегических задач социально-экономического развития региона необходимо современное информационное и правовое обеспечение.

В сфере совершенствования информационных основ демографической политики считаем целесообразным создание и развитие на местах компьютерных баз данных современного типа, отражающих распространенность традиционных и новых форм семейно-брачных отношений, включающих в себя результаты выборочных социологических исследований, а также научно обоснованные модели демографического поведения населения территорий (брачного, миграционного, трудового). Унифицированный сбор информации для аналитических баз данных возможен в формате многоцентровых исследований при

формировании системы государственного заказа на осуществление социологического мониторинга института семьи по регионам. Позитивное отношение общественности к проводимым мероприятиям, а также формирование конструктивного общественного мнения относительно полезности от ответственности семьи как малой группы перед обществом может стать предметом социальной рекламы в СМИ, а также соответствующих конкурсов и грантов, осуществляемых при поддержке спонсоров и благотворителей. Особо бережного внимания социологов мегаполиса, по нашему мнению, заслуживает студенческая семья, так как именно она в первую очередь испытывает на себе пресс любых социально-экономических инноваций и одновременно является компасом перспективных трансформаций общества.

На данном этапе исторического развития российской государственности разработка концепции государственной семейной политики невозможна без учета региональной оптимизации семейно-брачных отношений и укрепления преемственности поколений, в том числе с включением в федеральные законы понятия семьи как малой социальной группы. На наш взгляд, в правоустанавливающих документах, утверждающих статус семьи как основополагающего института российского общества и определяющих льготы отдельных семей, целесообразно учитывать региональную специфику семейно-брачных отношений, которая складывается под влиянием комплекса внешних факторов, в том числе разнонаправленно действующих факторов глобализации и глокализации. Правовое признание мозаичности и неоднородности развития института семьи на постсоветском пространстве (как в географическом, так и в хронологическом выражении) позволит модифицировать традиционные формы демографической и семейной политики, привести их в соответствие с региональной спецификой социально-экономического развития территорий, позволит ускоренными темпами и с большей эффективностью ввести в практику социальных служб лозунг «Деньги в обмен на реформы».

К ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ

Профессиональное образование страны нуждается в значительных переменах, и прежде всего потому, что оно все меньше отвечает запросам и требованиям работодателей. Ситуация сильно осложняется высокой динамикой самих этих запросов и требований. Попытки государства, стратегически мыслящих работодателей, учреждений профобразования найти ответы на вызовы эпохи вселяют надежды на то, что у России есть будущее не только в качестве сырьевого придатка развитых экономик. Ответы на вызовы эпохи не могут не учитывать и региональные особенности нашей огромной страны, а политика в области профессионального образования не может быть эффективной без выраженной региональной составляющей.

В экономическом устройстве Урала, прежде всего Свердловской, Пермской, а также и Челябинской областей к концу XX столетия доминируют крупные, во многих случаях гигантские предприятия. Под их обслуживание сформировалась вся инфраструктура, в том числе профессиональное образование. Потому и сегодня учреждения профессионального образования видят средний, особенно малый бизнес как некий обобщенный социально-экономический фактор, а прямого сотрудничества с конкретными его представителями у них очень мало.

Роль и место профессионального образования в кадровом обеспечении именно среднего и малого бизнеса до сих пор случайны, стихийны, не соответствуют требованиям развития ни региона, ни страны. Даже в государственной политике, в том числе в сфере профессионального образования, невооруженным взглядом виден крен в сторону интересов крупного бизнеса. Например, создание федеральных университетов, т. е. крупных и очень крупных вузов путем механического слияния нескольких учебных заведений – их масштаб делает обращение внимания на малый, да и на средний бизнес «ниже их достоинства». Гигантомания – неизбежная пока болезнь нашей гигантской страны. Но не лечить ее становится все более опасным для нее же самой. А пока и представительство в органах власти людей, преследующих прежде всего интересы крупного бизнеса, даже численно несоизмеримо с представителями интересов малого и среднего

бизнеса. И учебным заведениям (не только крупным) удобнее сотрудничать с крупными же предприятиями: одним договором можно «закрыть» проблемы организации практик, трудоустройства, участия в общих мероприятиях и т. д.

Средний, а тем более малый бизнес – не конкурент крупному. Он его дополняет, заполняя не только те ниши, которые крупному занимать не выгодно, но и те, которые работают на эксклюзив, с чем многие эксперты связывают и долгосрочные перспективы мировой экономики. В интересах крупного бизнеса – чтобы государство учло интересы среднего и малого бизнеса. В том числе в сфере кадрового обеспечения, а значит в государственной образовательной политике, в политике в сфере профессионального образования.

Государство может и должно поучаствовать в более активном поиске форм, оснований, направлений «сцепки» предприятий, прежде всего среднего и малого бизнеса, с учреждениями профессионального образования. Ныне они часто говорят на разных языках! Потому нужен посредник, так сказать, «переводчик».

Посредником же могут стать постоянно действующие региональные общественно-государственные структуры, основными функциями которых стали бы:

- организация (с привлечением соответствующих специалистов) исследований тенденций развития (в том числе мониторинг) рынков труда и занятости страны и ее регионов, особенно с точки зрения перспектив среднего и малого бизнеса;
- информирование заинтересованных лиц (в соответствии с их полномочиями) о результатах исследований тенденций развития (в том числе мониторинга) рынков труда и занятости страны и ее регионов;
- участие (по инициативе заинтересованных лиц или по собственной инициативе) в формировании проектов соглашений о сотрудничестве между предприятиями, государственными органами управления, вузами и/или другими учебными заведениями по организации и результатах подготовки и/или переподготовки кадров;
- организация (с привлечением соответствующих специалистов) независимой оценки результативности соглашений о сотрудничестве между предприятиями, государственными органами управления, вузами и/или другими учебными заведениями по организации и результатах подготовки и/или переподготовки кадров.

Этот медиативный путь преодоления проблемы согласования, «сцепки» интересов в организации и результатах подготовки и переподготовки кадров между бизнесом, государством, вузами и другими учебными заведениями представляется оптимальным как объединяющим в себе основательность и динамизм, учет традиций и конъюнктуры. Он лучше планово-директивного на основе всеохватывающего (т. е. невозможного) прогноза развития, лучше и сегодняшнего все еще во многом стихийного пути, т. е. когда решение каждой отдельной проблемы по инициативе любой из сторон при встречной готовности сотрудничества других сторон связано с критически опасным риском откладывания необходимых решений на неопределенное время.

Движение по медиативному пути предполагает соответствующую институциональную, в том числе нормативно-правовую базу:

- закон о медиативной деятельности в сфере подготовки и переподготовки кадров;
- типовое положение о медиативных общественно-государственных организациях в сфере подготовки и переподготовки кадров;
- положение о порядке регистрации временных федеральных государственных образовательных стандартов в сфере профессионального образования, открывающее путь к незамедлительному реагированию учебных заведений на новейшие кадровые запросы.

Местом дислокации медиативных общественно-государственных организаций в сфере подготовки и переподготовки кадров могут стать вузы и другие учебные заведения.

Нужно добиться такой ситуации, когда учебные заведения профессионального образования и предприятия на постоянной основе «присутствуют» друг в друге. Это касается:

- организации учебных практик;
- организации пред- и профессиональных конкурсов для обучающихся;
- присутствия представителей бизнеса на занятиях, экзаменах;
- регулярных предложений по формированию тематики курсовых работ и тем более тематики выпускных квалификационных работ и руководства этими работами и т. д.

Для того чтобы преодолеть стихию в кадровом обеспечении предприятий, особенно среднего и малого бизнеса, нужны организационные и некоторые политические шаги, благодаря которым система профессионального образования поднялась бы на новый уровень.

И здесь не обойтись без некоторых специальных усилий со стороны государства и бизнеса. Хотя стереотипы и предубеждения относительно профессионально-педагогического образования и всего педагогического образования в целом распространены и среди бизнесменов, и среди чиновников и законодателей, и даже в педагогической среде.

Так, давно известно: лучше понимаешь и умеешь тогда, когда этому приходится учить других! Почему же тогда в системе профессионального образования будущих профессионалов, за редким исключением, не учат учить?!

Будущих профессионалов нужно учить не только профессии, но и тому, что эту профессию, высоковероятно, придется поменять, как придется поменять и следующую. Мы живем в очень динамичном мире. Также нужно учить искусству, умению передавать свои профессиональные знания и умения другим, в том числе на рабочем месте. То есть современный профессионал – это еще и (хотя бы в некоторой степени) – педагог профессионального обучения. А в стране часто всю педагогику воспринимают исключительно как сферу труда школьного учителя.

Меж тем «старые» кадры сегодня с трудом переучиваются – и не хотят, и не могут часто переучиваться. Наставничество «дышит на ладан» по всей стране. Но без него предприятия не могут быть устойчивыми. Значит, профессионалы должны уметь не только свою работу делать, но и учить этой работе других – должны быть наставниками, педагогами профессионального обучения.

Так что педагогическое образование надо не ликвидировать, как предлагают некоторые очень «горячие головы». Наоборот, надо педагогическую составляющую закладывать в образовательные стандарты всякого профессионального образования. Россия входит в «экономику знаний». Значит, нужна соответствующая инфраструктура трансфера не только предметов и энергии, но и знаний, умений, компетенций. Тут мало компьютеров, Интернета.

Нужны люди, работники, умеющие воспроизводить, преобразовывать и передавать знания, умения, компетенции. А это и есть то, чем занимается педагогика, в первую очередь педагогика профессионального обучения. Она учит быть наставниками, педагогами на рабочих местах. Делать это можно и нужно сегодня уже со студенчества, значит, нужны те, кто научит наставничеству – этой особой социальной роли. Выпускники, освоившие программы профессионального

обучения, могут пойти в учебные заведения профессионального образования для того, чтобы научить будущих профессионалов квалифицированно, а не примитивно выполнять в будущем роль наставников! Предприятиям Урала это несомненно пойдет на пользу.

А. Г. Кислов, О. В. Шмурыгина

О КОНЦЕПТЕ ПОТЕСТАРНОСТИ

Феномен власти традиционно изучается со стороны ее субъектов. Но не меньшее значение имеет и объектная ее сторона, причем подвластные – не только объекты властных воздействий, они субъекты взаимодействий с субъектами власти. Потому нередко более корректным будет использование иного понятия, усложняющего, но и уточняющего традиционную дихотомию «властных – подвластных», в связи с чем и предлагается обратить внимание на содержательный потенциал концепта *потестарности*.

В латинском языке *«potestas»* означает «способность, возможность, обладание достаточной силой для осуществления какой-либо деятельности». Акцент в латинском термине ставится не столько на источнике, начале действия, сколько на его субстанциональной основе – силе. В этом значении термин вошел в романо-германские языки («power») и на русский язык очень часто переводится как «власть», приобретая иной смысловой оттенок, так как «власть» является однокоренным с «владеть, владычествовать», основание которого имеет значение «собственник», «хозяин».

В научной литературе потестарность обычно рассматривается как форма организации власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших развитых политических институтов и атрибутов (например, военная демократия, тайный союз «больших людей» и т. п.). Некоторыми авторами даже отмечается социальная опасность потестарности в современном обществе, которая заключается в отрицании и небрежении не только государственными институциями, но и общечеловеческими ценностями, правами и свободами, а также в свойственном архаике делении общества на «своих» и репресслируемых «чужих». Власть принято раскрывать через субъект-объектные

отношения¹, основным моментом которых является субъект – источник, носитель (человек, группа людей или институт), обладающий превосходством над другими, становящимися объектами властного воздействия. Но феномен власти не исчерпывается субъектом, объектом и воздействием/системой взаимодействий субъекта и объектов. М. Фуко, например, убедительно показывает пронизанность отношениями власти всего общества и вводит термин «поле власти», который означает, что все в обществе находится в контексте различных властных отношений, образующих своеобразную паутину.

А. И. Сосланд, опираясь на идеи М. Фуко, представляет власть как нечто тотальное, встроенное во все мыслимые не только социальные, но и экзистенциальные локусы. Властными отношениями, по его мнению, «нашпигованы» любой знак, жест, любая интеракция. Власть – феномен многомерный, разномасштабный, неоднородный, состоящий из множества звеньев. Власть может быть рассмотрена и как некая инстанция, и как некое влечение². На каждое из ее звеньев, в свою очередь, может быть оказано то или иное воздействие извне. Потестарность представлена им как сумма возможностей влияния (прежде всего, обратного) на субъект власти в рамках определенной практики, парадигмы, науки и т. д. Потестарность самым непосредственным образом присуща всем явлениям и измерениям общественной жизни. Любая подвластная составляющая общества обязательно в той или иной степени влияет на властные отношения, меняет их и меняется сама в контексте динамики этих взаимоотношений.

Прообраз концепта потестарности дан еще в диалектике раба и господина, изложенной Г. Гегелем в «Феноменологии духа»: господство, основанное на рабстве (иными словами, на подчинении), несамостоятельно и несамодостаточно. Более того, находящийся в подчиненном состоянии индивид оказывает обратное влияние на действия господина, определяя, например, форму тех вещей, которые потребляются властителем, тем самым вынуждая его принимать вещь именно в том виде, в котором ее увидел раб. Потестарность подвластных вторична по отношению к властным воздействиям и потому отлича-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990; Кожев А. Власть: Метафизический анализ. М. : Праксис, 2007.

² Сосланд А. О психологократии // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 1 (49). С. 182.

ется от них, состоит из элементов, непосредственно связанных с формами проявления власти (господством, обладанием ресурсами, более высокой организацией общественного порядка). Эти отдельные элементы, в свою очередь, проявляются некоторыми ответными реакциями на различные способы осуществления власти.

Господство как первая форма проявления власти характеризуется использованием принуждения, силовым преодолением сопротивления подвластных. Принято полагать, что господство реализуется главным образом через санкции. Одни исследователи (например, П. Блау) считают, что санкции могут быть только негативного характера, это позволяет определять власть как «способность индивидов или групп навязывать свою волю другим вопреки их сопротивлению через угрозу наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, так как и первое, и второе обладают эффектом негативной санкции»¹.

Принуждение как основная составляющая господства видоизменяется с течением времени. Общество развивается, и подвластные адаптируются к определенным способам и методам принуждения, поэтому власть вынуждена их заменять другими, порождая ответную динамику со стороны подвластных. Так, простое проявление силы, которое использовалось в средневековье, уже не может служить формой проявления принуждения в информационном обществе. Поэтому здесь на первый план выходит манипулирование информацией и осуществление влияния с ее помощью, а не благодаря давлению, оказываемому на тело. Отпадает необходимость и в том, чтобы бороться с физическим сопротивлением подвластного, если его можно избежать, предотвратить. В современных условиях властное воздействие нередко осуществляется без (или почти без) прямого принуждения и соответственно без порождения и преодоления сопротивления, которое в промежуточных вариантах переходит в скрытую форму.

В связи с этим значение сопротивления, которое всегда сопутствует принуждению и выступает проявлением потестарности, теряется. Сопротивление власти все больше преобразуется в форму добровольного согласия с ее требованиями. Это оказалось возможным благодаря изменению методов принуждения. Сопротивление проистекает из желаний человека, поэтому ранее власть при помощи принуж-

¹ Blaw P. Differentiation of power // Political power: A reader in theory and research / Ed. by R. Bell, D. V. Edwards, R. Harrison. New York : Free Press, 1969. P. 294.

дения заставляла человека действовать против своих желаний. Современные же властные структуры научились не только и даже не столько удовлетворять многие имеющиеся желания, а еще и формировать у (in-form, встраивать в) подвластных необходимые властям желания. Подвластные часто даже не осознают, что являются объектами воздействия. И потому здесь уже нет сопротивления принуждению.

Все идет к тому, чтобы сформировать у людей ощущение, что они осуществляют свои действия не только не в противовес своей воле, а согласно своим внутренним потребностям, и что поэтому иного лучшего порядка быть не может («общество благоденствия»). С. Льюкс говорил: «Высшая и наиболее коварная форма осуществления власти – это предотвращение, в той или иной степени, возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечили бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей – или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому что считают его божественно предопределенным или выгодным»¹.

Управление желаниями предоставляет властвующему возможность соприкоснуться со сферой, которая ранее представлялась областью индивидуальной автономии. Сформированное желание становится сильнее идущих от индивида желаний, хотя является не столько желанием, сколько его знаком, симулякр, в первую очередь для самого потребителя: знак зовет без нужды в нем. Но и удовлетворение его тоже приобретает симулятивный характер: у потребителя нет необходимости потреблять непременно сами продукты и услуги, теперь можно потреблять, а значит, как следствие, и производить лишь их знаки.

Но потребляя знаки, а не сами продукты и услуги, объекты власти так проявляют свою потестарность, оказывая обратное воздействие на власть, потому что знаковым, симуляцией становится само подчинение. Желание к человеку теперь приходит извне, словно вещь, занимающая пустовавшее до нее место. Усвоение вовне произведенного желания возможно при изначальной опустошенности человека. Иными словами, производство нового желания одновременно предполагает производство пустоты там, где прежде сменяли друг друга страсти². Власть провоцирует опустошение подвластного, ко-

¹ Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. С. 24.

² Скоробогачкий В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 17.

торый либо опустошается в ответ, принимая желания извне, либо симулирует и опустошенность, и желания, и их потребление, ограничивая последнее лишь знаками. И чем больше знаков вместо реальных вещей и услуг производится обладающими властью, тем больше потребитель своей имитацией потребления вещей и услуг стимулирует имитационное производство знаков властями (экономическими, политическими, культурными и др.).

В вышеприведенной цитате С. Льюкс отмечает два варианта положительного принуждения, т. е. осуществления власти без оказания явного воздействия: опора на авторитет и обладание ресурсами. Обладание и манипулирование какими-либо ресурсами относится им ко второй форме проявления власти. Неравное распределение материальных, социальных, духовных и политических ресурсов впоследствии ведет к неравным результатам (выгодам и издержкам) в отношениях обмена, возникающих между субъектом и объектом. У объекта власти либо совсем нет ресурсов, которые требуются для достижения целей, либо их недостаточно. В связи с отсутствием других источников для получения ресурсов ему приходится подчиняться воле субъекта, так как именно у него есть необходимые ресурсы. Возникает зависимость результатов деятельности одного человека от результатов деятельности других людей. Но возникает не просто зависимость, а взаимозависимость. Обладатель ресурсов должен поддерживать потребность именно в его ресурсах, а не в альтернативных источниках, которые могут возникнуть.

Поддерживать потребности в ресурсах субъектам власти помогает опора на здравый смысл подвластных. Например, сегодня здравый смысл заключается в том, что не нужно изобретать что-то новое. Ресурсы можно и нужно брать там, где они есть, у того, кто ими обладает. Нет необходимости в поиске или создании новых источников силы и влияния, проще обратиться к уже известным и существующим.

Здравый смысл в итоге ограничивается тем, чтобы не мыслить самому, потому что уже есть те, кто обладает всем необходимым в полном объеме. Они (те, кто обладает) в случае надобности сами оформят консенсус, основанный на здравом смысле, идеологически. Но тогда смысловая расслабленность (всеядность) подвластных освобождает власть от поиска какого-то убедительного смысла, поскольку «все сгодится!» И здесь мы тоже наблюдаем современное проявление потестарности: происходит идеологическая демобилизация власти

как результат согласия подвластных с любой идеологией, с идеологией, ставшей всего лишь знаком самой себя, не более, т. е. с симулякром идеологии.

Использование уже имеющихся доступных ресурсов и отказ от поиска новых со стороны объектов власти также является проявлением современной потестарности, которая соотносится с такой формой проявления власти как обладание ресурсами. Несмотря на то, что на первый взгляд в этом можно увидеть только защиту интересов властителей, все оборачивается иначе. Потребляя все большее количество одинаковых ресурсов, подвластные с большим трудом подвергаются переменам, которые порой весьма необходимы субъектам власти. Пассивность в данном случае является ответом на воздействия, т. е. опять выражением потестарности.

Господство и обладание ресурсами как формы осуществления властных отношений обязательно должны дополняться такой формой проявления власти как создание порядка. Сегодня на смену власти, демонстрирующей силу, дисциплинарной власти и власти-контролю приходит власть, основанная на ориентации граждан относительно предпочтений в сфере производства, потребления, политических пристрастий и досуга. Это – наиболее эффективный на сегодняшний день принцип реализации власти. Власть, ориентирующая граждан и добивающаяся тем самым своих целей, является с привычной точки зрения незаметной; это власть-порядок (или даже поле порядков), а не некое насилие. Но условием осуществления этого типа власти является одинаковость (реакций) человеческих индивидов.

Порядок, устанавливаемый властью, – это совокупность таких правил, которые регулируют человеческое поведение, создавая из индивидов массу, но массу не однородную, не общность, а, напротив, атомизированную массу отдельных разобщенных индивидов, каждый из которых подлежит отдельному тотальному контролю. Контроль максимально индивидуализируется, осуществляется не над массой, внутри которой у индивида еще есть шанс «спрятаться» и оставаться субъектом («внутренняя эмиграция» и т. п.). Современные же подвластные индивиды подвергаются десубъективации, объективируются, превращаются только и только в объекты. Потому просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения (умножения) и внушения, направленного на ра-

зобщенных индивидов-объектов. Власть вновь приобретает религиозные функции, так как ее легитимация производится не убеждением, предполагающим сомнение, но оформлением самого здравого смысла, самоочевидного «естественного» порядка вещей, которое снимает сам рациональный дискурс сомнения в пользу манипулятивного дискурса «доверия» и «предрассудка»¹.

Проявлением современной потестарности, которое вытекает из данной формы проявления власти (создание порядка), является размытый характер субъекта власти, его деперсонификация. Когда блокируется сопротивление, вытесняемое и замещаемое контролируемым властью желанием-соблазном, человеку отводится роль квазицентра, вокруг которого прежний мир встает с ног на голову. Массовая культура занимает место экономики, коллективная психология – место онтологии. Новый мир антропоцентричен, и это перемещение человека в центр желания выглядит как реализация гуманистического проекта: человек становится центром мира модных вещей, но центром неподвижным и пассивным, ничего не определяющим. Аналогично этому на другом полюсе отношения власти появляется квазисубъект, своего рода аппарат власти, представляющий собой иерархизированную совокупность социальных ролей и образцов поведения, сведенных в политическую программу или должностную инструкцию².

Согласно этому человек и все, что с ним связано (социальные отношения, процессы, институты и т. д.), превращаются в объект властных воздействий, а роль властвующего начала никак нельзя привязать к конкретному индивиду. Властные воздействия исходят не от какого-то конкретного человека или государственной структуры, а от самой эпохи. В аграрном и индустриальном обществе монарх обладал властью, он принимал решения, опираясь на свои собственные убеждения. Сегодня власть как бы в руках какого-то механизма и ни у кого в частности. Остаются отдельные управленческие функции, но нет всей мощи власти, всего того потенциала, которым пользовались средневековые короли, власть рассредоточивается по различным социальным отношениям. Есть определенные правила поведения, кото-

¹ Мартьянов В. С. Восстание обреченных: заметки о политической логике постмодерна // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 5. Екатеринбург : УрО РАН, 2005. С. 393.

² Скоробогачкий В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 22.

рым подчиняется и отдельный человек, и различные социальные группы (некоторые называют это явление кодом Системы)¹. Получается, что из-за размытости субъекта власти размывается и принуждение, а также обратное воздействие, оказываемое объектами власти. Это обратное влияние оказывается не на субъект власти, потому что его сложно уловить, а на систему властных отношений.

Господство, обладание ресурсами, регулирование отношений – все это только формы осуществления власти, функции некоей Системы. Но даже системное представление власти не ухватывает ее сущности, а только показывает характерный для данного общества способ ее устройства и действия. В кадре нам дано «Как?» власти, за кадром же остается субъект, скрывающийся за ее действием, «Кто?» власти. Невозможность увидеть или хотя бы «на кончике пера» уловить это «Кто?» воспринимается либо как недостаток избранного угла зрения, который можно исправить с течением времени, либо как эффект «обратной стороны Луны», которая в принципе недоступна земному наблюдателю.

Поэтому другим элементом потестарности можно считать наличие некоей «ответной» пустоты. Потестарность (как пустота, «вместимость») характерна, например, индивиду, на которого оказывает воздействие окружающая его обстановка (общество, отдельные социальные группы, социальные нормы, социальные институты и т. д.). Она может быть также у какой-то группы людей, находящейся под влиянием других групп, различных общностей. Вместимость у каждого социального объекта разная. Властные отношения, в которых они существуют, заполняют их, как емкости, волевыми воздействиями. Но воздействия эти как электрический заряд накапливаются, набирают свою силу, а потом выходят за их пределы уже как ответ объекта власти на ее воздействие.

Так возникает вопрос об измерении потестарной емкости, о его процедуре и инструментарии. Ответ на него получить сложнее, нежели определиться с понятиями власти и потестарности, в том числе с их современными метаморфозами. Но эта определенность является необходимым условием ответа на многие актуальные проблемы современной общественной теории.

¹ Скоробогачкий В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи... С. 15.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

При том, что слова «технология», «технологичность», «технологический алгоритм» сегодня все чаще звучат в выступлениях государственных деятелей, политиков, СМИ, глубокой методологической базы использования того феномена, который называют социальными технологиями, пока еще не наблюдается, а это означает, что и практика их применения страдает серьезными погрешностями.

Одна из проблем, решение которой требует технологизации государственного и муниципального управления в современных условиях, вытекает из целей и задач данной сферы управленческой деятельности – повышения социальной ответственности органов управления перед населением в обеспечении высокого качества его жизни, что связано с решением социальных и экономических задач страны, территории, региона, муниципального образования.

Понятие социальной технологии в современной науке и практике используется в широком и узком смысле. В широком смысле под социальной технологией понимают совокупность средств организации целесообразной практической деятельности людей, направленной на преобразование или изменение различных объектов в соответствии с целью данной деятельности и спецификой этих объектов. Для управленческой же деятельности применимо более узкое определение, когда под социальной технологией понимают особый метод управления, обеспечивающий систему последовательных действий менеджера или исполнителей в целях получения ожидаемого результата деятельности и возможности его воспроизводства в определенных заданных параметрах.

Применение социальных технологий в управлении возможно при наличии определенных условий, которые детерминированы необходимыми признаками технологического метода:

- наличие реальной практической задачи или проблемы, которая требует применения данного метода; при высокой эффективности социальных технологий их возможно и необходимо применять там и тогда, когда управленческие задачи связаны с повторяемостью действий по их решению в постоянной практике (технологии планирования, контроля, аттестации персонала и т. п.);

- четкая формулировка цели, выступающей не целью-идеалом, а целью-результатом, к которой должно привести решение проблемы, например, технология работы с обращениями и жалобами населения;
- разработка заданного алгоритма операций как системы последовательных действий по решению задачи;
- существование стандарта деятельности как предписанных процедур, осуществляемых на основе утвержденных норм и правил и опыта работы конкретной организации.

Органы государственной и муниципальной власти по своей природе, месту в системе управления государством и решаемым задачам относятся к организациям бюрократического типа, где все перечисленные условия должны присутствовать априори. Поэтому применение социальных технологий в практике их деятельности позволяет решить широкий круг управленческих задач.

Решение одной из них направлено на *повышение эффективности регулирования социальных процессов* на основе фиксации перечня оптимально необходимых операций. Они обеспечивают возможность измерить и определить тот алгоритм социальных действий, который максимально способствует устойчивости социальных процессов. Другая задача связана с *сокращением времени на выполнение отдельных задач* за счет стандартизации процесса управления и уменьшения числа операций, снижения издержек на подготовку персонала, нахождения оптимальных форм взаимодействия между исполнителями. Третья группа решаемых задач *оптимизирует нормирование труда* работников, должностные инструкции сотрудников, фиксируя их функциональные обязанности на основе заданного алгоритма. Социальные технологии позволяют четко определить границы действия каждого исполнителя, используя механизмы стимулирования и ответственности, максимально сокращая число спонтанных и ошибочных действий.

Кроме того, социальные технологии *совершенствуют информационную среду*, способствуют формированию постоянных информационных потоков, оптимизируя применение современных компьютерных технологий и программ для создания баз данных и регулирования процесса движения информации и оперативного обмена ею между сотрудниками.

Использование социальных технологий в органах государствен-

ной и муниципальной власти не стоит ограничивать только организацией текущей деятельности работников. Они столь же эффективно работают и на будущее, в частности, в области социального планирования при разработке долгосрочных планов и программ, поскольку чем объемнее масштабы работы, чем больше людей привлекается к ее выполнению, тем технологичнее должен быть процесс организации их совместной работы.

Такие планы могут иметь комплексный характер, как, например, «Концепция социального и экономического развития города» или «Стратегический план развития г. Екатеринбурга», но могут иметь отношение к отдельной сфере жизни региона, территории, города (программа развития учреждений культуры муниципального образования).

Применение социальных технологий в социальном планировании возможно и необходимо, потому что оно представляет собой не что иное, как особый способ формирования системы научно обоснованных целей, показателей, заданий и средств их реализации. В таком понимании социальное планирование выступает и способом проектирования социальной реальности, и средством реализации социальной политики государства на разных уровнях – от общегосударственного до муниципального. Его значение определяется решением следующих проблем: выравнивания уровня социального развития территорий, регулирования миграционных потоков, предупреждения и разрешения национальных конфликтов, распределения и потребления культурных ценностей и т. д. В результате главной целью становится повышение качества жизни населения.

В настоящее время существуют две основные формы социального планирования: *конкретное, или адресное, планирование* и *планирование при помощи косвенных показателей*. Адресное социальное планирование связано с разработкой системы обоснованных заданий, которые доводятся до сведения различных государственных и муниципальных учреждений и организаций. Цель-результат при выполнении таких заданий – достижение заданного в них уровня социального развития. При разработке подобных заданий важно сохранять рациональное и пропорциональное соотношение в развитии социальных процессов; учитывать реальное социальное состояние территории, города, муниципального образования; анализировать и учитывать реальные потребности людей; обеспечивать единство количественных и качественных показателей при определении сроков реализации пла-

нов, поскольку качественные изменения требуют большего времени. Еще одна форма – это *социальное планирование при помощи косвенных рычагов*. Именно эта форма наиболее перспективна в условиях рыночной экономики. Такое планирование требует подробного изучения конкретных условий, возможностей региона и территории, потребностей его населения; выявления тех процессов, которые не поддаются регулированию при помощи косвенных рычагов и требуют прямого административного вмешательства и адресного планирования; определения круга переменных, на которые можно воздействовать (для сокращения безработицы, например, способствовать развитию малого и среднего бизнеса). Разделение социального планирования на *адресное* и *косвенное* достаточно условно, поскольку в планах и программах они, как правило, используются вместе.

Поскольку для внедрения социальных технологий обязательным условием является наличие конкретных и четко сформулированных целей, то при разработке планов социального развития и социальных программ постановке целей стоит уделить особое внимание. Для этого в первую очередь нужно правильно сформулировать проблему, которая решается при помощи социального планирования.

При формировании программных целей сегодня активно используются методы, основанные на анализе тенденций развития. Среди них стоит обратить внимание на *генетический*, когда анализ осуществляется в движении от наблюдаемого настоящего к достаточно понимаемому и обозримому будущему, и *нормативный*, который предполагает опору на выполнение тех или иных социальных нормативов; а также *аналоговый*, связанный с переносом на свою территорию опыта других стран или регионов.

С какими *трудностями* приходится сталкиваться при анализе тенденций развития? Во-первых, чем менее стабильна политическая и социально-экономическая ситуация в стране, регионе, тем сложнее прогнозировать тенденции развития социальных процессов. А во-вторых, остро встает проблема *ресурсно-нормативного обеспечения* социального планирования. Ее решение связано с необходимостью разработки и апробации социальных нормативов.

Социальный норматив – это характеристика требуемого уровня развития социальных процессов. Социальные нормативы меняются с развитием общества, поскольку они отражают реальные возможности региона, территории и органов власти по решению экономических и

социальных проблем. Устанавливаются они первоначально путем эксперимента и апробации, но крайне важно, чтобы эти нормативы были согласованы между собой.

Социальные нормативы выстраиваются на основе *социальных показателей* – это качественная и количественная характеристика нынешнего уровня, состояния и тенденций развития социальных изменений, которая применяется в социальном планировании для оценки сложившегося положения и его соответствия научно обоснованным требованиям. При выявлении уровня развития, как правило, используют две важные группы показателей: *общие* – позволяют оценить состояние системы в сравнении с другими с позиций отставания / опережения; и *нормативные*, которые отражают соответствие научно обоснованным требованиям. На региональном и муниципальном уровне такие показатели утверждаются государственными комитетами и рассчитываются на количество населения или количество населенных пунктов с учетом различных индикаторов (половозрастных, занятости и т. д.). Это позволяет обеспечить *адресность* социального планирования. Например, если в 2009 г. доля малоимущего населения по РФ составила в среднем 13,9 %, то в республике Дагестан она представлена 9,2 % жителей, а в Воронежской области – 23,1 %¹. Следовательно, при формировании планов дотационной поддержки государства нужно учитывать реальное состояние уровня жизни населения.

Однако когда речь идет о социальных изменениях в жизни людей, то далеко не все процессы могут быть выражены в количественных показателях и параметрах, поэтому в социальном планировании используют также понятие «социальный ориентир». Оно отражает наиболее возможные рациональные величины или степень развития общественных процессов. За такой ориентир часто принимают показатели наиболее развитых стран, регионов, территорий.

При разработке социальных планов социальные нормативы и ориентиры применяют, используя их *классификацию по разным основаниям*. Традиционной является классификация *по сферам жизнедеятельности* (население, труд, занятость, культура и т. д.) Здесь легче выявить уровень возможностей и обеспеченность материаль-

¹Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по субъектам Российской Федерации / Росстат [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_110/IssWWW.exe/Stg/01-13.htm.

ными ресурсами. Появляется возможность сравнения с другими территориями и субъектами. Следующая классификация – *по уровням планирования* (федеральный, региональный или муниципальный) – позволяет выстраивать структуру плана социального развития, его социальные ориентиры с учетом специфики и масштабов объекта планирования.

Интересный подход для разработки ориентиров и нормативов социального планирования начали использовать еще в 1980-е гг. – составление *социальных карт*, или *социальных паспортов*. Под социальным паспортом понимают комплекс нормативов, характеризующих многообразие социальных процессов и изменений. Например, разработку «Стратегического плана г. Екатеринбурга на 2005–2015 гг.» предвзяло составление такого паспорта.

Что дает такой социальный паспорт? Это документ, который позволяет осуществить анализ и сравнить состояние объекта планирования с позиций настоящего и будущего, выявить причинно-следственные связи между различными социальными, политическими и экономическими процессами и проследить их изменение. Фактически социальный паспорт – это комплексный документ, отображающий количественные и качественные параметры системы, влияющие на формирование и развитие ее основных элементов.

Разработка паспорта включает следующие технологические этапы.

1. Определение характеристик и параметров, влияющих на нормальное функционирование и развитие территории, муниципального образования, их классификация и дифференциация.
2. Разработка формы паспорта, его разделов и отдельных структурных элементов.
3. Заполнение подготовленных форм, предполагающее четкое определение исполнителей, сроков предоставления материалов, контроля полноты, достоверности и качества предоставляемой информации.
4. Обобщение и анализ полученной информации и оформление ее в целостный документ.

В технологии социального планирования для получения информации, работы с ней и подготовки прогнозных проектов используют разные методы.

1. *Аналитический метод* социального планирования соединяет в себе анализ и обобщение информации. Сущность его состоит в

том, что социальные процессы расчленяются на части (по их уровням или сферам) и на этой основе определяются основные направления планирования.

2. Другой метод получил название *метода вариантов*, когда выявляется несколько возможных путей решения социальных задач. В последние годы его стали применять все чаще. Но не следует забывать, что сравнение и выбор вариантов социального планирования возможны только при наличии полной и достоверной информации. Его разновидностью выступает метод *вариантного приближения*, когда на базе исходных данных определяется возможный путь или первое приближение, а уже потом при получении дополнительной информации производятся последующие уточнения, то есть идет поиск оптимального решения задач с правильным выбором приоритетов.
3. *Комплексный метод* социального планирования основан на разработке программ с учетом всех главных факторов: материальных, финансовых, человеческих ресурсов, исполнителей и сроков выполнения. Применение такого метода требует соблюдения определенных правил: определения пропорций и темпов развития объекта планирования; формирования статической и динамической моделей развития; разработки основных показателей.
4. *Программно-целевой метод* ориентирован на решение прежде всего ключевых задач социального развития независимо от ведомственной принадлежности учреждений и организаций, действующих в реализации плана.
5. Еще одна группа методов хотя и выделяется в особый вид, но применяется во всех предыдущих случаях, когда нужен количественный анализ показателей. Это *экономико-статистические методы* (линейное программирование, факторный анализ и др.).

Итак, роль и значение социальных технологий в государственном и муниципальном управлении определяется их способностью воспроизводить заданный, запланированный результат за счет строгого соблюдения последовательных алгоритмизированных действий. Вместе с тем не стоит абсолютизировать способность социальных технологий решить все проблемы, связанные с оптимальным управлением и социальным планированием.

Дело в том, что социальные технологии построены на стандартизации и формализации управленческих процессов и чрезмерное увле-

чение ими может привести к росту консерватизма мышления сотрудников, что и так характерно для организаций бюрократического типа. Излишняя формализация способствует также закреплению устойчивых поведенческих стереотипов и тормозит инновационные процессы, которые обеспечиваются за счет творческих идей и решений.

Кроме того, далеко не все социальные процессы могут управляться посредством социальных технологий. Для этого *объект технологизации* должен обладать определенными свойствами:

- иметь определенную степень сложности, но при этом все его составные элементы, структуры, особенности их строения и закономерности функционирования должны быть известны;
- процессы, определяющие взаимодействие структур разного уровня и управление ими должны быть формализованы;
- каждая управленческая операция должна подразумевать систему конкретных действий и показателей, позволяющих зафиксировать ее протекание и завершение.

Следует учитывать, что и сами сотрудники, работающие в сфере социальных технологий должны четко представлять цели и задачи того этапа технологического процесса, в рамках которого выполняют свои функции; не просто знать, но владеть навыками работы по правилам и стандартам и четко соблюдать технологическую дисциплину, а это требует, во-первых, постоянного контроля со стороны вышестоящих менеджеров, а во-вторых – формирования системы дисциплинарной ответственности за соблюдение такой дисциплины.

Чаще всего проблема внедрения и эффективного использования социальных технологий обусловлена именно этими барьерами, нежелание и неумение преодолевать которые порождает миф о неэффективности технологического управления социальными процессами в российской практике из-за нестабильности и непредсказуемости их развития.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В современных условиях важнейшей смыслообразующей характеристикой университетского образования является усиление ответственности студентов за построение и развертывание своих жизненных и профессиональных стратегий. Нелинейность, многовариантность общественного развития актуализирует потребность в инициативных личностях, субъектах, способных самостоятельно, творчески мыслить и действовать в меняющейся нестабильной обстановке. Формирование субъектности представляет собой динамический процесс, важнейшим этапом которого является профессионально-личностное становление и развитие студентов, реализующееся во времени и пространстве университетского образования.

Общая тенденция процесса формирования и развития субъектности может быть рассмотрена как путь широкого развертывания самодеятельности обучаемых. Качественный показатель в анализе особенностей каждой из страт обучаемых (дошкольников, школьников, учащихся колледжей, студентов, аспирантов и др.) – это изменение предметного состава ценностей. Кроме того, роль обучаемых во взаимодействии с обучающими в образовательном процессе связана не только с выполнением заданий, программ, но и с освоением социального вида деятельности – учения, с превращением обучаемых в субъектов образования.

На каждом из этапов обучения происходит освоение определенных, жизненно важных для обучаемых сфер деятельности. Постепенно в обучение включаются все более универсальные ценности, происходит формирование и дальнейшее развитие качеств, необходимых для субъектов образовательной деятельности. Эти качества формируются в определенной последовательности. Одни являются первичными, то есть закладываются в дошкольном детстве (любопытность, стремление к установлению контактов), другие, являясь вторичными, формируются в последующие периоды (стремление к свободе и творчеству, психологический такт, а также целый комплекс качеств, обеспечивающих профессиональную успешность, лидерские умения и навыки).

Если в школе развитие данных качеств могло быть частично заблокировано (территориальная удаленность, заданность отношения к обучаемым, акцентирование внимания на когнитивных функциях и репродуктивных методах образовательного процесса), то обучение в вузе может послужить толчком к становлению субъектных черт личности, поскольку в этот период изменяется социальная ситуация жизнедеятельности, социальный статус, изменяются требования, предъявляемые к личности.

Специфическим этапом в процессе становления субъектности обучаемых является период студенчества, во время которого происходит овладение основами будущей профессии, выстраивается представление о себе образ как о будущем профессионале, а также осуществляется накопление и дальнейшее развитие профессионально значимых и субъективно-личностных качеств.

В студенческой среде формируются признаки, которые постепенно приобретают все более общие черты, характерные для той или иной социально-профессиональной группы. Однако функции высшего профессионального образования не ограничиваются подготовкой к профессиональной и социальной роли интеллигенции, а имеют куда более широкий общественно значимый характер, что предполагает такие требования к обучению в высшей школе, как необходимость формирования социальной активности и стремления к непрерывному образованию, самообразованию, получению разносторонних знаний, к активной деятельности, а также соответствующих мировоззренческих позиций будущего специалиста.

На этом этапе жизненного пути происходит формирование и становление личности, формирование нормативных, базовых и идеальных моделей профессии, профессионального сознания, формирование и развитие лидерских качеств и моделей поведения, которые актуальны в определенной профессиональной сфере. Система образования не выпускает полностью готовых профессионалов, но основа профессионализма как подготовки личности к самореализации через дальнейшую профессиональную деятельность закладывается именно в процессе обучения и воспитания. Студенчество – это определенный этап в процессе становления и развития личности, в ходе которого осуществляется деятельность по подготовке к высококвалифицированному умственному труду, происходит формирование гражданских и профессионально значимых качеств, активной жизненной позиции.

Субъектность обучаемых в университете проявляется в ориентации на получение «работающих» фундаментальных знаний, которые могут быть востребованы со стороны общества и способствуют продуктивной самореализации индивида в профессиональной деятельности и в различных видах межличностных отношений.

Целенаправленная, осознанная и адекватно мотивированная практическая деятельность формирует комплекс качеств, присущих социально активной личности. Проявление социальной активности личности может быть реализовано в различных сферах жизнедеятельности в форме творчества, познавательной, интеллектуальной активности, в стремлении субъекта подняться над уровнем требований ситуации, выйти за пределы заданности, шаблонности. Оценка же социальных возможностей реализации различных форм активности личности во многом связана со способом разрешения противоречий между ее индивидуальной активностью и социальной возможностью ее использования.

Степень активности определяется не только природно-биологическими задатками субъекта деятельности (высоким энергетическим потенциалом, типом темперамента), но и окружающей средой (состоянием общественного сознания, материально-вещественных факторов среды, в том числе и таких элементов среды, как организационная культура, творческая атмосфера, информационные условия, уровень конфликтности). При этом детерминированность личности внешними условиями осуществляется посредством ее субъектности, а не помимо нее. В функциональном плане субъектность как сущностное проявление личности можно определить через внутренне организованную активность, которая проявляется, во-первых, в специфике селективного восприятия информации, во-вторых – в специфике использования данной информации в процессе субъектной деятельности.

Проявление субъектности студентов следует рассматривать прежде всего в учебно-познавательной деятельности, в креативном прогнозировании сценариев своих профессиональных и жизненных перспектив. Характеристика учебно-познавательной активности в объективном плане может быть представлена следующими индикаторами: участие в научно-исследовательской работе; степень овладения учебными навыками (планирование студентами своей учебной деятельности и др.); степень самостоятельности в процессе учебной дея-

тельности. К субъективным характеристикам мы относим оценку студентами «интересности» учебных занятий, оценку содержательности учебных занятий, мотивацию учебной деятельности.

Субъектность студентов проявляется не только в продуктивной, активно-преобразовательной деятельности, но и в процессе общения со сверстниками, с обучающими, в выстраивании ими определенных стилей и стратегий взаимодействия.

Формирование и развитие субъектности студентов определяется комплексом взаимодействующих объективных и субъективных факторов образовательного пространства университета. Социальная среда ставит личность в некие условия, предоставляет ей возможности или, напротив, ограничивает их, вводит субъекта в ценностные отношения; в ней разворачиваются социокультурные механизмы его деятельности. Субъект преобразует окружающую его среду, он организует предметные и социальные факторы так, чтобы они служили предпосылками его действий, занятий или хотя бы им не препятствовали. Одновременно он упорядочивает свое собственное поведение в соответствии с факторами среды, адаптирует к ним свои действия. В ходе общения, ценностной коммуникации складываются механизмы регуляции взаимоотношений. В процессе взаимодействия с предметной и социальной средой субъект упорядочивает свою продуктивную деятельность посредством новых технологий и методов.

Для выявления возможностей эмпирического изучения социальной среды нам представляется ценным прежде дать социологическую интерпретацию данной категории. Под социальной средой мы будем понимать окружающее личность субъекта социальное пространство как пространство его непосредственной активности, его ближайшего развития и действия. Социальное пространство интегрирует как социум, макросреду, так и микросреду, непосредственное социальное окружение личности. Поэтому социальную среду следует рассматривать как объективную социальную реальность, представляющую собой совокупность социально-экономических, социокультурных, социально-психологических факторов, непосредственно взаимодействующих с личностью в процессе ее жизнедеятельности по принципу обратной связи. Социально-экономические факторы среды предполагают отношения между людьми и социумом, создаваемыми материальными и культурными ценностями (явление престижности, уверенность в будущем); социально-психологические факторы среды вклю-

чают степень комфортности мироощущений людей, уровень и характер конфликтности в рассматриваемой социальной общности; социокультурные факторы среды представляют собой совокупность различных макро- и микроусловий жизнедеятельности студентов и их социального поведения, включая природное и предметное окружение, социальные взаимодействия.

Социальное и образовательное пространство современного университета играет определяющую роль в процессе формирования контекста жизнедеятельности студентов, в котором задаются условия обретения обучающимися личностных смыслов, ценностей и целей личностного и профессионального развития.

Б. В. Личман

ТОЛЕРАНТНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ

Сегодняшняя Россия – многонациональная страна, возникшая в результате тысячелетних «переплавок» древних государств и народов на территории от Балтики до Тихого океана. Однако ход истории страны и оценка ее фактов в сознании людей во все времена были и являются неоднозначными. Изучение истории с разных мировоззренческих подходов направлено на воспитание толерантного восприятия прошлого.

Слово «толерантность» произошло от латинского слова *tolerantia* – терпение. Энциклопедический словарь дает такое толкование: толерантность – «терпение к чужим мнениям, верованиям, поведению». Таким образом, толерантность не является синонимом слова «консенсус» (согласие) или синонимом слова «плюрализм» (сумма множественности позиций, в итоге дискуссии позволяющая прийти к согласию – консенсусу). Толерантность – это терпение разных взглядов, между которыми не может быть согласия – консенсуса.

Толерантность является государственной политикой в области идеологии. Так ст. 13 Конституции РФ гласит: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие; 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Согласно Конституции РФ одно мировоззрение – идеология со своими ценностными ориентирами – должно терпеть другое (другие) мировоззрения – идеологии с другими ценностными ориен-

тирами. В настоящее время ст. 13 Конституции РФ не выполняется. Прошлое по-прежнему оценивается с позиции господствующей идеологии. Сегодня на смену одной воинственной системы взглядов марксизма-ленинизма пришла другая, не менее воинственная система взглядов – вульгарно-либеральная. Несмотря на все призывы руководства страны воспитывать у людей чувство толерантности, СМИ, а порой и учебники по гуманитарным дисциплинам в своих оценках исторических фактов, исходя из собственных пристрастий, воспитывают чувство нетерпимости к иным мировоззренческим позициям.

Преподавание исторических дисциплин, согласно Конституции РФ, основывается на равенстве всех жизненных ценностей, без навязывания одной из них. Студент должен знать все мировоззренческие точки зрения на ход и факты российской истории, но имеет конституционное право выбора – отдать предпочтение одной из них. Этим воспитывается терпимость к людям, придерживающимся различных жизненных ценностей.

Основой составления учебных программ по истории является признание, что человек в оценках объективной реальности субъективен. Объективно, что вне человека – *историческое время, историческое пространство, исторический факт.*

Историческое время движется только вперед. Каждый отрезок движения в историческом времени соткан из тысяч связей, материальных и духовных, он уникален и не имеет себе равных. Вне понятия исторического времени история не существует. События, следующие одно за другим, образуют временной ряд. Существуют внутренние связи между событиями во временном ряду.

Под *историческим пространством* понимают совокупность природно-географических, экономических, политических, общественно-культурных процессов, протекающих на определенной территории. Под воздействием природно-географических факторов складываются особенности социально-политической и культурной жизни, формируются быт народов, занятия, психология. С глубокой древности возникло деление народов на западные и восточные. При этом имеется в виду не принадлежность к Западу (Европа) или Востоку (Азия) в географическом смысле, а общность исторической судьбы, общественной жизни этих народов. Понятие «*историческое пространство*» нередко употребляется вне связи с конкретной территорией. Например, христианский мир является синонимом Запада, а му-

сульманский – синонимом Востока.

Исторический факт – это реальное событие прошлого, то, что считается общепризнанной истиной (Египетские пирамиды, войны Александра Македонского, Крещение Руси и др.). Конкретно-исторические данные мы получаем из исторических источников. Прошлое человечества наполнено фактами, но для построения исторического рассказа требуется факты выстроить в логическую цепочку причинно-следственной связи и объяснить их.

Прошлое объективно, а познание и объяснение его субъективно. Субъективная научная категория истории – это методология, или мировоззренческий подход. Носителем субъективной категории является человек. А история является мировоззренческой наукой. Методологические подходы, субъективно объясняющие объективные исторические факты, в объективном историческом времени и объективном историческом пространстве не имеют преимущества друг перед другом. Все они отражают различие мировоззренческих взглядов человека на истории и современное общество.

Систематизация всех исторических трудов со времен первых летописцев до сегодняшнего дня с мировоззренческой позиции высшего ценностного ориентира человека – смысла жизни – позволяет выделить три основных методологии, или мировоззренческих подхода.

Религиозный подход считает высшей ценностью человека – смыслом его жизни, а следовательно, и истории – движение человека к Богу, спасение Души¹.

Локальный (регионально-биосферный)² подход считает высшей ценностью человека – смыслом его жизни, а следовательно, и истории – долголетие человека. Укрепить здоровье свое и своих близких, продлить долголетие возможно лишь на пути единства Природы (человек – часть Природы)³.

¹ Авторами трудов и учебников по истории России, написанных с религиозных позиций являются А. В. Карташов, В. Д. Поспеловский, Д. Дмитриевский и др. (См.: Карташов А. В. История Русской церкви: в 2 ч. М., 1992–1993; Поспеловский В. Д. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; Дмитриевский Д. История Православной Христианской церкви. М., 2003 и др.).

² Биосфера – область активной жизни, охватывающая нижнюю часть атмосферы, гидросферу и верхнюю часть атмосферы. В биосфере живые организмы (живые вещества) и среда их обитания органически связаны и взаимодействуют друг с другом, образуя целую динамичную систему.

³ Локальный (региональный) подход представлен трудами и учебниками Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева, С. Кара-Мурзы и др. (См.: Вернадский Г. В. Русская история: учебник. М., 1997;

Всемирный (всемирно-прогрессивный) подход считает высшей ценностью человека – смыслом его жизни, а следовательно, и истории – получение благ, и прежде всего материальных.

В рамках всемирно-прогрессивной методологической интерпретации (предмет-цель изучения – общемировое развитие) можно выделить три направления: историко-материалистическое, либерально-историческое, историко-технологическое.

Историко-материалистическое направление всемирной интерпретации¹ уделяет приоритетное внимание в изучении истории развитию общества, общественных отношений, связанных с формами собственности, выявлению закономерности исторического процесса. История представляется как закономерность смены общественно-экономических формаций². Вершиной развития общества является коммунистическая формация. В основе смены формаций лежит противоречие между уровнем развития производительных сил и уровнем развития производственных отношений³. Движущей силой развития общества является классовая борьба между имущими (эксплуататорами) и неимущими (эксплуатируемыми), приводящая в конечном итоге к уничтожению частной собственности и построению бесклассового общества. Мировой прогресс проявляется в межклассовых отношениях. Первая глава «Манифеста коммунистической партии», написанная К. Марксом в 1848 г., начинается так: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Одни страны проходят стадии общественно-экономических формаций ранее, а другие чуть позднее. Пролетариат более прогрессивных стран

Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки по русской истории 8–11 классы: пособие для общеобразовательных учебных заведений / под ред. А. М. Панченко. М., 1996 и др.).

¹ Марксистское направление в истории России представлено трудами и учебниками М. Н. Покровского, Б. А. Рыбакова, М. П. Кима, Ш. М. Мунчаева, В. М. Устинова и др. (См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. Б. А. Рыбакова, 1975; Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года: учебное пособие. М., 1989; История СССР. Эпоха социализма / под ред. М. П. Кима, М., 1957; Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России: учебник для вузов. М., 1998 и др.).

² Общественно-экономическая формация – понятие, используемое для характеристики исторически определенного типа общества (первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая формация), в соответствии с которым определенный способ производства рассматривается как основа социально-исторического развития.

³ Производительные силы – система субъективного (человек) и вещественных элементов производства. Производственные отношения – совокупность материальных экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления.

(Европейский континент) помогает пролетариату менее прогрессивных стран (Азиатский континент). Однако в целом все страны в результате закономерности исторического развития неминуемо придут к коммунизму.

Либерально-историческое направление всемирной интерпретации¹ видит главным, целью в изучении истории развитие человека (личности), обеспечение его индивидуальных свобод. Личность служит отправной точкой для либерального изучения истории. В истории всегда есть альтернатива (выбор) пути дальнейшего развития. А сам выбор, вектор развития, зависит от сильной личности – харизматического лидера. Если вектор развития соответствует западноевропейскому образу жизни – это путь демократии, путь обеспечения прав и свобод человека, а если азиатскому – то это путь деспотии, произвола властей в отношении личности. История – это путь становления и развития человеческой личности, приобретения ею своих прав, освоения ею окружающего мира.

Историко-технологическое направление всемирной интерпретации² считает целью, основным в изучении истории техническое развитие и сопутствующие ему изменения в обществе. Человеческое общество «обречено» на техническое развитие, проходя путь от выделения «из животного мира» до освоения пространств космоса. Вехами в этом развитии являются фундаментальные открытия: появление земледелия и скотоводства, освоение металлургии железа, создание конской упряжи, изобретение механического ткацкого станка, паровой машины и т. д. «Революционные взрывы» – фундаментальные открытия – являются движущей силой прогресса: они приводят к увеличению численности населения, становлению новых политических, экономических, общественных систем. Фундаментальные открытия определяют прогресс и судьбу человечества и не зависят от идеологической окраски того или иного политического режима. Од-

¹ Либеральное направление в истории России представлено трудами и учебниками И. Н. Ионова, Р. Пайпса и др. (См.: Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX – начало XX века: учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1995; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; Верт Н. История Советского государства 1900–1991 года. М., 2008; Семеновникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995; История России: учебно-метод. пособие к семинарским занятиям для студентов высших учебных заведений / под ред. Г. Н. Сердюкова М, 2004 и др.).

² Технологическое направление в истории представлено трудами и учебниками Л. Уайта, Г. Ленски, Э. Тоффлера, В. А. Красильщикова, С. А. Нефедова и др. (См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком. М., 1998; Дьяконов И. М. Пути истории. М., 1994; Нефедов С. А. История средних веков. М, 1966; Он же. История нового времени. Эпоха Возрождения. М., 1966 и др.).

нако передовые страны более рационально используют открытия, нежели остальные.

Подходы к изучению истории взаимно непримиримы, так как они основаны на разных мировоззрениях. Во взаимоотношениях между мировоззренческими подходами действует правило: «Или согласишься со мной, или ты не прав». Всемирный подход считает религиозный подход необъективным, ненаучным, ложным, ссылаясь на то, что естественные науки не подтверждают существование Бога и наличие у человека Души. Локальный подход считает всемирный подход необъективным, ненаучным, ложным, полагая прогресс не главным в жизни человека, а лишь продуктом его деятельности, причем прогресс почти не сказывается на природной сущности человека. Всемирный подход считает локальный подход необъективным, ненаучным, ложным, указывая на то, что региональный подход абсолютизирует природные инстинкты и не уделяет должного внимания деятельности человека. Во всемирно-прогрессивном подходе направления марксистское (классовая борьба, ведущая к уничтожению частной собственности) и либеральное (классовое сотрудничество на основе частной собственности) придерживаются противоположных взглядов.

Объединение всех мировоззренческих подходов в один не позволяет получить «объективную историю»¹. В случае объединения разных методологий теряется единая логика причинно-следственной связи, возникают разные выводы («с одной стороны, с другой стороны»). История в случае объединения методологических подходов прекращает существование как наука.

Методологические подходы являются стержнем всех исторических трудов независимо от времени их написания и представляют собой единую логическую цепочку причинно-следственных связей, в которую вплетены конкретные факты истории.

Мировоззрение первых историков-летописцев было религиоз-

¹ См.: Многоконцептуальная история России. Кн. I. С древнейших времен до конца XIX в.: учеб. пособие / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург : Изд-во «СВ-96», 2000; История России. Мировоззренческие взгляды, точки зрения на смысл, ход и факты истории. Книга первая. С древнейших времен до конца XIX в.: учеб. пособие / под ред. Б. В. Личмана. Издание второе, исправ. и допол. Екатеринбург : «СВ-96», 2004; История России с позиций разных идеологий: учеб. пособие / под ред. проф. Б. В. Личмана. Ростов-на-Дону : Феникс, 2007; История России. Разные конструкции истории – разный смысл жизни: учеб. пособие / под ред. профессора Б. В. Личмана. Екатеринбург : «СВ-96», 2005.; Личман Б. В. Аналитическая история России: учеб. пособие. Екатеринбург : Уральский институт экономики, управления и права, 2009.; Личман Б. В. Толерантная история России. (Многоконцептуальность). Екатеринбург : Изд-во Уральского института экономики, управления и права, 2008.; История России. Теория изучения. Книга вторая. XX век: учеб. пособие / под ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург : «СВ-96», 2001.

ным. Приоритетом в изучении истории являлось движение человека к Богу. История государства и общества субъективно истолковывалась как осуществление божественного замысла, воздаяние людям за добродетели и наказание за грехи. В летописях история Российского государства тесно переплетена с религией – христианством. Возникновение государства связывалось с принятием христианства в Киеве в 988 г., а затем – с перенесением религиозных и государственных центров во Владимир (местонахождение митрополита), в Москву (местонахождение митрополита и патриарха). С этих позиций история общества субъективно рассматривалась как история государства, основой которого являлась ветвь христианства – православие. Расширение государства и распространение христианства были неразрывно связаны друг с другом. Со времен летописцев историческая традиция стала делить население Восточной Европы и Сибири на «наших», православных, и «не наших» – иноверцев.

Мысль об особом пути России, отличном от западных и восточных стран, была сформулирована на рубеже XV–XVI вв. старцем Елеазарова монастыря Филофеем, это было учение «Москва – Третий Рим». Согласно этому учению, Первый Рим – Римская империя – пал в результате того, что его жители впали в ересь, отказались от истинного благочестия. Второй Рим – Византия – пал под ударами турок. «Два Рима пали, а третий стоит, четвертому не бывать», – писал старец Филофей. Отсюда в истории появилась мессианская роль России, призванной сохранить истинное христианство, утраченное в других странах, указать путь развития всему остальному миру.

В XVIII в. российские историки под влиянием западных идей перешли на позиции всемирно-прогрессивного подхода исторического процесса, рассматривая российскую историю как часть мировой. Однако мысль об особом, отличном от западноевропейского, развитии России продолжала существовать в русском обществе. Она нашла свое воплощение в теории «официальной народности», основы которой были сформулированы в 1830-е гг. министром народного просвещения России графом С. С. Уваровым. Суть ее в том, что, в отличие от Европы, общественная жизнь России базируется на трех основополагающих принципах: «Самодержавие, православие, народность».

«Разорвавшейся бомбой» явилось опубликованное в 1836 г. в журнале «Телескоп» «философическое» письмо П. Я. Чаадаева. Он усматривал главное отличие в развитии Европы и России в их религи-

озной основе – католичестве и православии. В Западной Европе он видел хранителя христианского мира, Россию же воспринимал как страну, стоящую вне мировой истории. Спасение России П. Я. Чаадаев видел в скорейшем приобщении к религиозно-католическим началам западного мира. Письмо оказало огромное влияние на умы интеллигенции, положило начало спорам о судьбе России, появлению в 1830–40-х гг. течений «западников», сторонников всемирно-прогрессивного подхода, и «славянофилов», сторонников локального подхода.

Западники исходили из концепции единства человеческого мира и считали, что Западная Европа идет во главе мира, наиболее полно и успешно осуществляя принципы гуманности, свободы и прогресса, и указывает путь всему остальному человечеству. Задача России, отсталой, невежественной страны, которая лишь со времени Петра Великого вступила на путь культурного¹ общечеловеческого развития, – как можно скорее изжить косность и азиатчину и, примкнув к Европейскому Западу, слиться с ним в одну культурную общечеловеческую семью.

Локальный подход исторического процесса получил распространение в середине и второй половине XIX в. Представители этого подхода, *славянофилы* и *народники*, субъективно считали, что не существует единой человеческой общности, а следовательно, единого пути развития для всех народов. Каждый народ живет своей «самобытной» жизнью, в основе которой лежит идейное начало, «народный дух». Для России такими началами являются православная вера и связанные с ней принципы внутренней правды и духовной свободы; воплощением этих начал в жизни является крестьянский мир, община как добровольный союз для взаимной помощи и поддержки. По мнению славянофилов, западные принципы формально-юридической справедливости и западные организационные формы чужды России. Реформы Петра I, считали славянофилы и народники, повернули Россию с естественного пути развития на чуждый ей западный путь.

С распространением на рубеже XIX–XX вв. в России марксизма всемирно-прогрессивный подход к историческому процессу вытеснил локальный. После 1917 г. одна из ветвей всемирно-прогрессивного подхода – марксистская – стала официальной. Была разработана периодизация развития общества, исходящая из стадии общественно-

¹ Культура – в широком смысле – результат общественной деятельности людей в материальной, политической, идеологической и др. сферах; в узком смысле – результат духовной деятельности людей.

экономических формаций. Марксистское направление всемирно-прогрессивного подхода дало новую трактовку места России во всемирной истории. Она определила Октябрьскую революцию 1917 г. как социалистическую, а строй, установившийся в России, – как социализм. Согласно К. Марксу, социализм – это общественный строй, который должен прийти на смену капитализму. Следовательно, Россия автоматически превращалась из отсталой европейской страны в «первую в мире страну победившего социализма», в страну, «указывающую путь развития всему человечеству».

Часть российского общества, которая оказалась в эмиграции после событий 1917–1920 гг., по-прежнему придерживалась религиозных воззрений. Ряд исторических трудов, осмысливавших события в русле религиозного подхода, принадлежит генералу П. Н. Краснову. Его взгляд на события 1917 г. и последовавшие за ними был взглядом православного верующего, корнем проблем для которого была «потеря Россией Бога», то есть забвение христианских ценностей и греховные искушения. Другой генерал, А. И. Деникин, свой труд о гражданской войне прямо назвал «Очерки русской смуты».

В среде эмиграции получил значительное развитие и локальный мировоззренческий подход, в русле которого сложилось «евразийское направление». Вышел ряд сборников, а также манифест «Евразийство» (1926). Публиковались ежегодники «Евразийский временник», «Евразийская хроника». К евразийскому направлению относили себя экономист П. Н. Савицкий, этнограф¹ Н. С. Трубецкой, историк Г. В. Вернадский и др. Евразийцы считали, что корни русского народа не могут быть связаны только со славянскими. В образовании русского народа большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое с восточными славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействующие с ними. В результате сформировалась русская нация, объединившая разноязычные народы в единое государство – Россию.

В 1990-х гг. ведущим в объяснении истории страны стало *либеральное* направление всемирно-прогрессивного подхода. В России произошла смена общественно-политических систем. В стране наряду с государственной была разрешена частная собственность. В Кон-

¹ Этнография – народописание.

ституции РФ, принятой в 1993 г., приоритетными были объявлены либеральные ценности.

На рубеже XX–XXI вв. в России начинает распространяться родственное либеральному технологическое направление всемирно-прогрессивного подхода. Предметом изучения направления является техника, технология, их диффузионное распространение. Это направление получило полное отражение в учебниках С. А. Нефедова. Согласно технологическому направлению, прошлое представляет динамичную картину распространения фундаментальных открытий в виде культурно-технологических кругов, расходящихся по всему миру. Культурно-технологические круги сравнимы с кругами, расходящимися по воде от брошенного камня. Это могут быть фундаментальные открытия в области производства пищи, позволяющие увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это могут быть открытия в области вооружения, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Эффект этих открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими. Завоевания норманнов в IX–X вв. объясняются созданием новых боевых кораблей – «дракаров», а завоевания монголов в XIII в. – созданием ими мощного лука, стрела из которого за 300 шагов пробивала любой доспех. В середине XVIII в. в России состоялось фундаментальное открытие: была изобретена легкая пушка – гаубица-«единорог», – стреляющая всеми видами снарядов (ядрами, картечью, разрывными бомбами). В результате этого открытия в течение второй половины XVIII в. границы России достигли Вислы и Дуная, а население увеличилось более чем в два раза.

Историческое время не зависит от человека. Однако историки субъективно неоднозначны в определении хода истории во все времена.

В России 1560–1563 гг. была издана *«Степенная книга»*, в которой с монархических позиций история страны делится на серию сменяющих друг друга княжений и царствований. Появление такой периодизации истории объясняется образованием Российского государства с центром в Москве, потребностью обоснования преемственности царского самодержавия.

В. Н. Татищев (1686–1750) – сторонник религиозно-монархического подхода. В труде *«История Российская с самых древнейших времен»* (в 4 книгах), исходя из идеала сильной монархической власти, он выделил в российской истории временные этапы:

от «совершенного единовластительства» (от Рюрика до Мстислава, 862–1132 гг.), через «аристократию удельного периода» (1132–1462 гг.) к «восстановлению монархии при Иоанне Великом III» (1462–1505 гг.) и укреплению ее при Петре I в начале XVIII столетия.

Н. М. Карамзин (1766–1826) – сторонник религиозно-монархического подхода. Свой главный труд посвятил истории («История государства Российского» в 12 томах). Идею, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», Карамзин, как и Татищев, положил в основу временного членения отечественной истории. Карамзин выделил шесть периодов: 1) «введение монархической власти» – от «призвания князей варяжских» до Святополка Владимировича (862–1015 гг.); 2) «угасание самодержавия» – от Святополка Владимировича до Ярослава II Всеволодовича (1015–1238 гг.); 3) «гибель» Русского государства и постепенное «государственное возрождение» России – от Ярослава II Всеволодовича до Ивана III (1238–1462 гг.); 4) «утверждение самодержавия» – от Ивана III до Ивана IV (1462–1533 гг.); 5) восстановление «единовластия царского» и превращение самодержавия в тиранию – от Ивана IV (Грозного) до Бориса Годунова (1533–1598 гг.); 6) «смутное время» – от Бориса Годунова до Михаила Романова (1598–1613 гг.).

С. М. Соловьев (1820–1879) – первый российский сторонник всемирного подхода. Он создал «Историю России с древнейших времен» в 29 томах и считал государственность основной силой общественного развития, необходимой формой существования народа. Однако успехи в развитии государства он, в отличие от Карамзина, уже не приписывал царю и самодержавию. Соловьев был сыном XIX в. и под влиянием открытий в естествознании и географии придавал большое значение прогрессу и природно-географическим факторам в освещении истории. Он считал, что «три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают». В соответствии с теорией процесса в истории России он выделял четыре крупных раздела: 1) господство родового строя – от Рюрика до Андрея Боголюбского; 2) борьба родовых и государственных начал – от Андрея Боголюбского до начала XVII в.; 3) вступление России в систему европейских государств – от первых Романовых до середины XVIII в.;

4) «новый период» истории России – от середины XVIII в. до великих реформ 1860-х гг.

В. О. Ключевский (1841–1911) – либеральный историк. В «Курсе русской истории» в 5-ти томах под влиянием экономистов сер. XIX в. впервые нарушил традицию и отошел от периодизации по царствованиям монархов. В основу периодизации был положен либерально-проблемный принцип всемирно-исторического подхода. Теоретические построения Ключевского опирались на триаду: «человеческая личность, людское общество и природа страны». Основное место в «Курсе русской истории» занимают вопросы социально-экономической истории России. В отечественной истории он выделил четыре прогрессивных временных периода: 1) «Русь Днепровская, городова, торговая» (с VIII по XIII вв.); 2) «Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая» (XIII – сер. XV вв.); 3) «Русь Великая, московская, царско-боярская, военно-земледельческая» (XV – начало XVII вв.); 4) «всероссийский, императорский» период (XVII – середина XVIII вв.).

М. Н. Покровский (1868–1932) – марксистский историк. В труде «Русская история с древнейших времен» в 5-ти томах впервые отразил марксистское направление всемирно-исторического подхода к изучению отечественной истории. Рубеж XIX–XX вв. в России – период бурного развития капитализма, резкой имущественной дифференциации народа, массового социального протеста, распространения мировоззрения марксизма. Ход истории в марксизме рассматривается как прогрессивное развитие по спирали. В основу историко-марксистской периодизации был положен формационно-классовый подход, в соответствии с которым в отечественной истории выделяли: 1) «первобытнообщинный строй» (до IX в.); 2) «феодализм» (IX – середина XIX вв.); 3) «капитализм» (вторая половина XIX в. – 1917 г.); 4) «социализм» (с 1917 г.).

Рубеж XX–XXI вв. – время НТР, господства компьютерной техники и угрозы мирового экологического кризиса. С позиций XXI в. возникает новое видение устройства мира, и историки предлагают другой ход истории и ее периодизацию. В России возрождается и находит новое наполнение локальный подход в объяснении исторических фактов.

Л. Н. Гумилев (1912–1992) – историк локального подхода, последователь учения академика В. И. Вернадского о биосфере (челове-

чество – часть биосферы). Интерес к наследию Л. Н. Гумилева у нас в стране и за рубежом огромен. Он опубликовал на стыке естественных и гуманитарных наук более десятка монографий: «Из истории Евразии», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России» и др., создав глобальную концепцию этнической истории нашей планеты. Человек рождается, мужает, стареет, умирает. Такова и участь всякого этноса в мире. Космические лучи, взаимодействуя с биосферой определенной части Земли, дают толчок-вспышку для рождения этноса. Этот толчок-вспышку Л. Н. Гумилев назвал пассионарным¹. Возникает единая гармония: космос – определенная территория Земли – этнос, проживающий на этой территории. Пройдя все фазы развития (похожие на жизненные циклы человека), этнос умирает. История движется по кругу. Продолжительность жизни этноса Гумилев определяет 1200–1500 лет: 1) пассионарная вспышка (образование нового этноса) – около 300 лет; 2) акматическая фаза (наибольший подъем пассионарности) – 300 лет; 3) надлом (резкое снижение пассионарности) – 200 лет; 4) инерционная фаза (плавное снижение пассионарности) – 300 лет; 5) обскурация (разрушение этнических связей) – 200 лет; 6) мемориальная фаза (умирание этноса) – 200 лет. Л. Н. Гумилев в соответствии со своей теорией этногенеза выделяет этапы хода истории России по фазам жизни этноса. Пассионарная вспышка, приведшая к образованию русского этноса, произошла на Руси около 1200 г. В течение 1200–1380 гг. на основе слияния славян, татар, литовцев, финно-угорских народов возник русский этнос. Фаза пассионарной вспышки завершилась созданием в 1380–1500 гг. Великого княжества Московского. В 1500–1800 гг. (акматическая фаза, расселение этноса) этнос распространился в пределах Евразии, произошло объединение под властью Москвы народов, живших на территории от Прибалтики до Тихого океана. В то же время жизненный цикл «старейшего» этноса может силой (путем завоевания) прервать другой, развивающийся рядом «более молодой» этнос.

С. А. Нефедов (наш современник) – сторонник всемирного подхода – технологического направления. В учебниках «История средних веков», «История нового времени. Эпоха Возрождения» показывает развитие России в контексте влияний со стороны народов, обладавших превосходством в технологической, военной и культурной

¹ Пассионарность – эффект избытка биохимической энергии живого вещества.

сфере. Так, в VIII–XI вв. на прогрессивное развитие Восточной Европы влияли норманны (шведы, норвежцы, датчане и др.) и Византия (вестернизация), в XIII–XVI вв. – монголы и османы (остернизация), в XVIII–XX вв. – шведы и немцы (снова вестернизация). Технологическое направление всемирно-прогрессивного подхода делит историю человеческого общества на периоды: традиционный (аграрный), индустриальный, постиндустриальный (информационный).

И. Н. Ионов (наш современник) – сторонник всемирного подхода, – либерального направления. В учебнике «Российская цивилизация, IX – начало XX в.» впервые дал полное изложение истории России с точки зрения либерального направления всемирно-прогрессивного подхода. Ионов с позиций либерального подхода считает, что «именно личность, а не нация, не религия, не государство служит точкой отсчета для либеральной версии истории»¹. Ввиду близости двух направлений всемирно-прогрессивного подхода (либерального и технологического) принимается одинаковая периодизация исторического процесса, делящая общество на периоды: традиционный (аграрный), индустриальный, постиндустриальный (информационный).

Для понимания процессов, протекающих на территории России, необходимо всем подходам учитывать исторически меняющееся объективное пространство и человека: взаимосвязь природных, географических, хозяйственных, политических, психологических и других факторов. Труды по истории России в досоветский период традиционно начинались с раздела об историческом пространстве: о географическом положении страны, ее природе, климате, ландшафте и т. д. В XX в. это наиболее характерно для книг евразийцев, сторонников локального (регионального) подхода.

С. М. Соловьев, В. О. Ключевский в своих трудах отмечали, что географические условия Восточной Европы заметно отличаются от условий Западной Европы. Берега Западной Европы сильно изрезаны внутренними морями и глубокими заливами, усеяны множеством островов. Близость к морям является характерной чертой западноевропейских государств. Рельеф Западной Европы резко отличается от рельефа Восточной Европы. Поверхность Западной Европы крайне

¹ Ионов И. Н. считает: «Ключевым понятием, в котором воплощается либеральный идеал... является понятие «модернизация», т. е. обновление, означающее в широком смысле переход от корпоративно-общинного общества средневековья к буржуазному обществу нового времени, а в более узком и точном смысле – двуединый процесс создания машинной промышленности и либеральных преобразований в обществе».

неровна. Кроме массивного хребта Альп, почти в каждой европейской стране имеется горная цепь, которая служит своеобразным остовом, или «хребтом», страны. Так, в Англии проходит цепь Пеннинских гор, в Испании – Пиренеи, в Италии – Апеннины, в Швеции и Норвегии – Скандинавские горы. В европейской же части России нет точки выше 500 метров над уровнем моря. Гряда Уральских гор оказывает слабое влияние на характер поверхности.

Евразийцы Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и др. обращали внимание, что границы западноевропейских государств очерчены природными границами – морями, горными хребтами, многоводными реками. Россия также имеет природные границы: по периметру России расположены моря, реки, горные вершины. На территории России расположена обширная полоса степей – Великая Степь, протянувшаяся от Карпатских гор до Алтая. Великие реки Восточно-Европейской равнины – Днепр, Дон, Волга – были не препятствиями, а скорее дорогами, соединявшими различные районы страны. Их густая сеть пронизывает огромное пространство, позволяя достигать самых отдаленных его уголков. Вся история страны связана с реками: именно по этим «живым дорогам» осуществлялась колонизация новых территорий. Россия представляет собой обширную равнину, открытую северным ветрам, которым не препятствуют горные цепи. Климат России относится к континентальному типу. Зимняя температура понижается по мере продвижения в восточном направлении. Сибирь с ее неистощимым запасом пахотной земли по большей части не пригодна для земледелия. В восточных ее районах земли, расположенные на широте Шотландии, возделывать вообще нельзя. Так же как Внутренняя Азия, Африка и Австралия, Россия находится в зоне резко континентального климата. Разница температур между временами года достигает 70 и более градусов; распределение осадков крайне неравномерно. Осадки обильнее всего на северо-западе, вдоль балтийского побережья, куда их приносят теплые ветры; по мере продвижения к юго-востоку они уменьшаются. Иными словами, осадки обильнее всего там, где почва всего беднее, поэтому Россия вообще страдает от засухи: в Казани, например, выпадает вдвое меньше осадков, чем в Париже. Важнейшим следствием географического положения России является чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая. Вокруг Новгорода и Петербурга земледельческий период длится всего четыре месяца в

году, в центральных областях, около Москвы, он увеличивается до пяти с половиной месяцев; в степи он продолжается полгода. В Западной Европе этот период длится 8–9 месяцев. Иными словами, у западноевропейского крестьянина почти вдвое больше времени на полевые работы, чем у русского.

Насколько неприбыльным занятием было в России земледелие, можно понять из подсчетов А. Гакстгаузена – прусского агронома, побывавшего в России в 1840-х гг. Он сравнивал доход, приносимый двумя хозяйствами (размером в 1000 га каждое), одно из которых находится на Рейне, а другое – в Верхнем Поволжье. Свои подсчеты он заключил советом: если вам подарят поместье в России, лучше всего отказаться от подарка, так как из года в год оно будет приносить убытки. Согласно Гакстгаузену, поместье в России могло стать доходным лишь при двух условиях: при использовании труда крепостных (что освободит помещика от расходов по содержанию крестьян и скота) или сочетании земледелия с мануфактурой (что поможет занять крестьян, сидящих без дела в зимние месяцы).

Тем не менее, известно, что царская Россия в достаточно больших объемах вывозила зерно за границу. На рубеже XIX–XX вв. зерно составляло 47 % всего экспорта страны. Менее известно другое: после вывоза на каждого жителя империи оставалось по 15 пудов (240 кг) хлеба в год. В странах же, закупавших русское зерно (Дания, Бельгия, США и др.), на каждого жителя приходилось от 40 до 140 пудов хлеба. Русский крестьянин вез зерно на рынок от нужды и сэкономил на своем питании. Не случайно государственные службы торопились собрать налоги немедленно после уборки урожая, не без оснований полагая, что иначе крестьяне сами все съедят.

На территории Восточной Европы и Северной Азии хозяйственная деятельность требует усилий большого количества людей, подчиняя их единой воле. Она исторически сформировала деспотическую форму государственной власти и коллективистскую психологию народа. Семейная община славян – это объединение многих родственников как совместных владельцев земли. В Восточной Европе возникла политическая система, основанная на общинной собственности на землю, а в Западной Европе – на частной собственности. В Германии община-марка являлась добровольным объединением самостоятельных общинников, индивидуально владеющих земельными участками. В Западной Европе, где природно-климатические

условия давали возможность ведения индивидуального хозяйства, возникли демократические традиции власти и сложился индивидуалистический характер людей.

Современный американский либеральный историк Р. Пайпс отмечает, что скудость земли и суровые природно-климатические условия (только 1 % сельскохозяйственных угодий в России имеет оптимальное соотношение качества почвы, тепла и влаги, а в США – 66 %), систематически повторяющиеся неурожаи давно приучили крестьян к работе и жизни сообща, к совместному преодолению безжалостных сюрпризов погоды. Решение всех вопросов на сельском сходе, общинное владение землей, совместное выполнение всех повинностей и уплаты налогов сформировали в течение столетий коллективистскую психологию россиянина. Общинная жизнь большей части населения страны породила уникальную в своем роде советскую власть. Советы оставались все теми же сельскими сходами, только переименованными.

Большинство крестьян примирилось с коллективизацией, так как ее идея чем-то напоминала хорошо знакомую общинную коллективность. Невозможно себе представить, что власть была в состоянии превратить крестьян в колхозников без опоры на общественные идеалы, без использования неприязни крестьян к богачам. В стране, где крестьянство составляло большинство (в 1926 г. в деревне проживало 82 % населения), единодушное сопротивление коллективизации могло бы вмиг смести государство с лица земли. Да и вряд ли нашлось бы такое правительство, которое попыталось бы совершить такой шаг, не будучи уверенным в значительной поддержке. Общинное владение землей не способствовало формированию чувства хозяина, уважительного отношения к частной собственности. Наоборот, веками оно формировало уравнилельные тенденции, направленные прежде всего на защиту бедных, на помощь им за счет зажиточных крестьян.

Природно-климатические условия столетиями формировали повышенную работоспособность, выносливость и терпение народа. Народ отличался способностью к концентрации физических и духовных сил в нужный момент, умением «собраться в кулак» и совершить сверхусилие тогда, когда, кажется, уже все ресурсы человека исчерпаны. По своему характеру человек, живущий на территории Евразии, – это человек крайностей и систематических бурных переходов, метаний из одной стороны в другую. Потому-то «русские медленно

запрягают, но быстро едут» и «либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Важным фактором, сказавшимся на духовности, была территория. Необъятность, бескрайность земли, безграничность равнинных просторов определили широту натуры человека, распахнутость души, постоянную устремленность в безоглядную даль, в бесконечность. Движимый самыми разными причинами, он всегда стремился на край и даже за край света. Это формировало ведущую черту духовности, национального характера – максимализм, доведение всего до границ возможного, незнание меры. Евразия, расположенная на стыке континентов Азии и Европы, в течение тысячелетий была ареной масштабного «слияния» разных народов. В сегодняшней России трудно найти человека, у которого нет генов, «не смешана кровь» нескольких древних народов. Только в отношении многополярного характера сегодняшнего россиянина воспринимаются слова поэта Ф. И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Овладение новыми территориями, необъятность земель создавали возможность непрерывного переселения людей. Этот процесс позволял самовыразиться всем неумным, непоседливым натурам, гонимым и угнетенным, помогал реализовать свое стремление к воле. Воля в представлении российского человека – это, прежде всего, возможность жить (или пожить) согласно своим желаниям, не тяготясь никакими социальными узами. Российская воля и западноевропейская свобода отличаются. Воля – всегда только для себя. Волю стесняют равные, стесняет и общество. Воля торжествует или в уходе из общества, или во власти над ним. Личная свобода в Западной Европе связана с уважением к чужой свободе.

Огромная территория и суровые природные условия определили образ жизни и соответствующую ему духовность, венцом которой явилась общая вера в Бога, вождя, коллектив. Потеря этой веры вела к крушению общества, к гибели государства, потере личностных ориентиров. Примеры тому: Смута начала XVII в. – отсутствие «природного» царя; февраль 1917 г. – разрушение веры в справедливого, заботливого монарха.

Во все времена Российского государства патриотическая идея

(общенациональная) является составной частью всех исторических интерпретаций: религиозной, всемирно-исторической, локально-исторической. В учебниках всех стран (США, ФРГ, Польши, Китая и т. д.) проводится государственно-патриотическая линия, мягко или жестко «противопоставляющая народы» разных государств и консолидирующая свой народ на патриотизме, специфике развития своей страны¹. Патриотическая идеология запрещает унижение, умаление истории своего народа и требует понимания мотивов его поведения в тот или иной исторический период.

На протяжении тысячелетий идет в мире процесс постоянного субъективного, мировоззренческого осмысления и переосмысления человеком объективных фактов истории, но всегда они группировались мыслителями в русле трех субъективных, мировоззренческих подходов: религиозного, всемирно-прогрессивного и локального. История как постоянный процесс осмысления и переосмысления прошлого никогда не может быть завершенной, так как каждое поколение субъективно осмысливает ее заново для себя, руководствуясь своей поколенческой иерархией ценностей.

В. А. Мансуров, О. В. Юрченко

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В РОССИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Социология профессий и профессиональных групп в нашей стране долгое время не выделялась в отдельную отрасль научного знания. Профессиональные группы в основном исследовались в рамках социологии труда и производства, социологии организаций и социологии интеллигенции. При этом изучение профессиональных групп не являлось целью социологических и экономических научных проектов, а служило средством для решения различных производственных проблем и объяснения социальных процессов того времени. Проблематика социологии профессий на протяжении советского периода в основном была растворена в сюжетах, связанных с изучением

¹ См.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. М. : Высш. шк., 1992.

социальной структуры общества, с проблемами трансформации труда в процессе НТР и прикладными заводскими исследованиями¹.

В этой статье мы обращаемся к исторической перспективе для того, чтобы обозначить роль и значение отечественных исследований профессиональных групп. История изучения профессиональных групп в европейских странах остается относительно «неизведанным континентом»². Традиция теоретического рассмотрения отдельно взятых профессиональных групп в качестве цели исследования, а не как индикатора для измерения социального статуса класса или слоя возникла в англо-саксонском контексте. Социологам в Англии и США удалось разработать для изучения профессиональных групп плюралистические теоретические модели, которые послужили отправной точкой для становления данной отрасли социологии и в континентальной Европе³. История развития западной социологии профессий нами будет кратко рассмотрена с целью сравнения с процессом институционализации этой дисциплины в России⁴.

Исследования профессиональных групп в нашей стране проводились на протяжении всего советского периода, хотя они и были представлены отдельными работами, сделанными ad hoc, или сводились к частным задачам в рамках отраслевых социологий⁵. Ключевой отличительной особенностью советских исследований профессио-

¹ См.: Мансуров В. А. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология, методика // Профессиональные группы интеллигенции. М. : Издательство института социологии РАН, 2003; Московская А. Профессионализм, доверие и проблемы России // Свободная мысль. 2009. № 11 (1606). С. 113–127; Абрамов Р. Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13–14 октября 2011 г. / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 95–109.

² Гадеа Ш. Социология профессий и социология профессиональных групп. За изменение перспективы // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 30.

³ Тематика профессий разрабатывалась в трудах многих великих европейских основателей социологии (например, Э. Дюркгейм, А. Сен-Симон, А. Токвиль). Однако сама отрасль научного знания – социология профессий – выкристаллизовалась в англо-американском контексте.

⁴ Burrage M. Revolution and the making of the contemporary legal profession. Oxford: Oxford socio-legal studies, 2006; Svensson L.G., Evetts J. (eds.) Sociology of professions. Continental and Anglo-Saxon traditions. Goteborg : Bokforlaget Daidalos AB, 2010.

⁵ Абрамов Р. Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13–14 октября 2011 г. / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 95–109.

нальных групп можно считать их социально-психологический характер. Становление профессиональных групп в России разворачивалось по далекому от англо-саксонской модели пути. В России никогда не существовало лингвистического разграничения профессиональных групп на высокостатусные «профессии» (professions) и обычные «рода занятий» (occupations)¹. Под профессией чаще всего понимался устойчивый и широкий род трудовой деятельности, который имеет рыночную стоимость и которым индивид занимается с целью получения устойчивого дохода². Профессия предусматривала определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков в системе разделения труда.

Изучение профессиональных групп в 1920–1930-е гг.

В начале XX в. рабочий вопрос послужил исторически исходной точкой возникновения социологии труда³. В это время стали появляться фундаментальные труды о социальном положении рабочего класса в России и развернулись эмпирические исследования промышленного труда. Ставились вопросы организации и условий труда, производственного травматизма и заболеваний, заработной платы и стимулирования труда, условий найма и трудовых конфликтов⁴. В это же время появились теоретические работы С. Булгакова «Философия хозяйства» и «Христианская социология», направленные на поиск глубинной сути феномена труда и хозяйства. В отличие от М. Вебера, С. Булгаков пытался утвердить этические и нравственные категории в социальном понимании труда. Он критиковал термин «экономический человек», ставил под вопрос трудовую теорию К. Маркса, утверждая, что труд – это не только производство материальных благ, но и наработка духовных ценностей, то есть волевое и творческое усилие⁵.

Начало нового периода в развитии социологии труда можно датировать 1922 г., когда за пределами страны оказались С. Н. Булгаков,

¹ В Англии и США в категорию «профессий» включали врачей, юристов, священников и преподавателей вузов.

² Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. М. : Книжный Дом, 2003.

³ Несмотря на то, что статистические и эмпирические данные о различных сторонах труда и быта заводских рабочих собирались на протяжении всего XIX в., серьезных обобщающих работ сделано еще не было (исключением можно считать труды В. Берви-Флеровского).

⁴ Святловский В. В. Фабричный рабочий. Варшава, 1889; Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб. : Русское богатство, 1906.

⁵ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Наука, 1990. С. 42.

П. А. Сорокин и Н. А. Бердяев. Изучение профессиональных групп вытеснилось из сферы философского анализа и прочно укоренилось в области реальных проблем производства¹. Освободившееся место философов постепенно заняла генерация последовательных марксистов. Для этих социальных исследователей было свойственно делать акцент на технологических и экономических детерминантах становления и развития общества. В центре внимания оказались конкретные вопросы организации и культуры профессиональной деятельности, необходимые для осуществления научной организации труда².

В Советском Союзе формирование социологии труда и профессий осуществлялось под влиянием идеологических ограничений³. В контексте марксистско-ленинской трактовки социальной структуры советское общество определялось как общество горизонтальной иерархии. Утвержденная политической партией схема «2 + 1» выделяла два советских класса «рабочих» и «крестьян» и прослойку «интеллигенции». Такая властная номинация государства во многом определила и специфику советских исследований профессиональных групп. В центре идеологического дискурса находился рабочий класс как ключевой элемент социальной структуры. Сам процесс разделения труда изучался с целью проследить феномен исчезновения «межклассовых» и «внутриклассовых» различий между профессиональными группами и описать движение в сторону социальной однородности.

Профессиональные группы рабочих и специалистов различались в соответствии с типом промышленности, в которой они были заняты. Профессия рассматривалась как характеристика самого работника, его рабочего места и рабочего процесса⁴: «профессия» определялась как набор определенных навыков и умений работника; она сводилась к набору функций, заключенных в том или ином рабочем месте; профессия описывала структуру и определенный набор рабочих процедур, а также их последовательность. С. Струмилин не только работал над определением поиска феномена «профессии», но разработал один из первых классификаторов профессиональных групп в

¹ Кравченко А., Щербина В. Социология труда и производства // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 215.

² Гастев А. К. Как надо работать. М. : Экономика, 1972.

³ Важно отметить, что вопрос о социологии как о самостоятельной дисциплине начинает открыто обсуждаться только в начале 1960-х гг., до этого статьи по социологии труда публиковались в философских и экономических журналах.

⁴ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М. : Наука, 1982.

стране. Термины «работа» и «профессия» использовались им как взаимозаменяемые.

Теоретический марксизм оказал меньшее влияние на социально-психологические и психотехнические исследования. В данном направлении марксистские догмы не играли решающей роли¹. Теоретическая и эмпирическая работа в этой области знания базировалась на психологических и социально-психологических основах. На многих предприятиях появились специалисты, которые занимались разработкой психологических методов решения практических задач: профессиональным отбором и консультациями, вопросами профессионального обучения и рационализации труда, борьбой с профессиональным утомлением и травматизмом. В 1920–1930-е гг. в стране действовала широкая сеть психотехнических и психофизиологических лабораторий на фабриках и заводах. Для этого периода характерно хорошо налаженное сотрудничество психологов, физиологов, гигиенистов труда, инженерно-технического персонала предприятий, специалистов по организации и охране труда². С 1928 г. по 1932 г. в стране издавались специальные журналы «Психофизиология труда и психотехника». Важно подчеркнуть, что не все исследования профессиональных групп в то время носили исключительно психологический характер, так как речь шла не только об индивидуальных возможностях работника и способностях выполнить ту или иную работу, но также и о том, насколько работники способны соответствовать требованиям, предъявляемым профессиональной позицией³. В середине 1930-х гг. в стране прошла волна политических репрессий, которая коснулась и психотехников. На смену нэпу пришла сталинская индустриализация и форсированное развитие промышленности. Научная организация труда и психотехника оказались ненужными на предприятиях, где вопросы стали решаться жесткой дисциплиной и идеологическими методами управления.

¹ История советской психологии труда. Тексты (20–30-е гг. XX в.). М. : МГУ, 1983.

² Кравченко А., Щербина В. Социология труда и производства // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 218.

³ Подмарков В., Сиземская И. О профессиональной структуре советского общества. М. : Знание, 1969.

Изучение профессиональных групп в 1960–1980-е гг.

В конце 1950-х и начале 1960-х гг., в годы хрущевской оттепели, происходит возрождение исследований профессиональных групп. Социологи стали отмечать необходимость дальнейшего развития представлений о сущности категории «профессия». Речь шла о том, что социальные характеристики профессионалов должны быть рассмотрены наряду с описаниями рабочих мест и трудового процесса. В частности, отмечалось, что сложившиеся определения, подобные определению С. Струмилина, не поддаются операционализации и что необходим социологический взгляд на мир профессий¹. Стали появляться статьи, в которых указывалось на то, что социологи переоценили технические и технологические факторы, которые оказывают влияние на формирование профессиональной и классовой структуры. Критике также стали подвергаться идеи самой возможности достичь социальной однородности в результате научно-технической революции и технического прогресса.

Если в 1920–1930-е гг. универсальной моделью профессии был объявлен квалифицированный рабочий как носитель гармоничного сочетания умственного и физического труда, то изучение занятий, связанных с интеллектуальным трудом, получило развитие на фоне оттепели, в первую очередь в кинематографе, публицистике и литературе². Если на Западе изучение профессиональных групп интеллектуального труда начиналось с элитных групп врачей, юристов и преподавателей вузов, то в нашей стране речь чаще всего шла о массовых профессиях инженеров, учителей и др. Понятие профессионализма использовалось для характеристики уровня квалификации и опыта отдельного работника, нежели для описания принадлежности индивида к той или иной группе занятий³. Под интеллигенцией понимался общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением

¹ Подмарков В. Г. Человек в мире профессий // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 60.

² Московская А. Профессионализм, доверие и проблемы России // Свободная мысль. 2009. № 11 (1606). С. 113–127.

³ Абрамов Р. Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13–14 октября 2011 г. / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 95–109.

культуры¹. В данную категорию попадали все, кто занимался интеллектуальным трудом высокой квалификации на основе среднего специального и высшего образования. Во многих исследованиях за основу анализа бралась не статусная позиция группы, а ее наполнение. В связи с этим исследования часто сводились к написанию социального портрета профессиональных групп интеллигенции, а также к раскрытию перспектив развития и усовершенствования их труда.

Важным этапом в становлении исследований профессий стала книга «Социально-психологический портрет инженера», подготовленная по итогам коллективного проекта под руководством В. А. Ядова, в которой учитывались подходы к пониманию занятий, развиваемые Т. Парсонсом и Р. Холлом². Занятие инженера вообще довольно часто оказывалось в центре внимания советской социологии³: труд инженера был тесно связан с реальным производством, а следовательно, был близким к труду рабочего и важным для экономики, ориентированной на крупную промышленность; в 1960–1970-е гг. в результате расширения системы высшего политехнического образования инженерия стала по-настоящему массовым занятием; наряду с занятием учителя и врача инженерная профессия рассматривалась в качестве ключевой составляющей социальной группы трудовой советской интеллигенции⁴.

В конце 1980-х гг. стало очевидным падение престижа инженерного дела и тенденции депрофессионализации инженеров как профессиональной группы. Эти процессы были проанализированы О. Крыштановской в книге «Инженеры». Данная работа во многом опиралась на западные традиции социологии профессий, где институциональный анализ истории занятия сочетается с фокусом на его современном состоянии в терминологии профессионализации и де-

¹ Мансуров В. А. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология, методика // Профессиональные группы интеллигенции. М. : Издательство института социологии РАН, 2003.

² Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / под ред. В. Ядова. М. : Мысль, 1977.

³ Абрамов Р. Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: сб. науч. докл. симпозиума, 13–14 октября 2011 г. / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 95–109.

⁴ Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция: монография. М. : Политиздат, 1973.

профессионализации. В частности, Крыштановская показала механизм статусной инфляции инженерной профессии в СССР в результате массового высшего инженерного образования, относительного снижения заработной платы инженерных кадров и неконтролируемого расширения инженерных должностей в организационных структурах советских предприятий¹.

В советской социологии включение профессии в категорию интеллигенции указывало на внутренние характеристики группы: сложность труда, его творческий характер, призвание индивидов, их особую социокультурную миссию². По объективным причинам два значимых измерения социального статуса практически полностью выпадали из социологического анализа: речь идет о властных и экономических ресурсах профессиональных групп интеллигенции³. В соответствии с господствующей идеологией советское общество определялось как общество горизонтальной иерархии, то есть как общество, в котором все профессиональные группы социально равны.

Если в западных стратификационных исследованиях речь в первую очередь шла о неравных ресурсах различных профессиональных групп, которые конвертируются в неравные возможности, то советские социологи могли говорить только о неравных ресурсах, таких как сложность труда и мера ответственности работников. Различия в спектре возможностей, наборе социально-экономических вознаграждений не подлежали обсуждению⁴. Если данный вопрос и обсуждался в публикациях, то только в структурно-функциональном ключе «лучшие условия работы и жизни – лучшим» по принципу концепции советского общества как неиерархической структуры. В результате вплоть до конца 1980-х гг. советские социологи выделяли основные социальные слои советского общества только на основе характеристик профессиональных групп⁵. В качестве критериев ранжирования

¹ Крыштановская О. В. Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы / отв. ред. Ф. Р. Филиппов. М. : Наука, 1989.

² Кораблева Г. Б. Профессия и образование: социологический аспект взаимосвязи. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999.

³ Mansurov V., Yurchenko O., Allsop J., Saks M. The Anglo-American and Russian Sociology of Professions: Comparisons and Perspectives // Knowledge, Work and society. Sweden. Vol. 2. № 2. 2004.

⁴ Заславская Т. И. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М. : Советский Фонд мира, 1970.

⁵ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М. : Наука, 1995.

чаще всего использовались следующие: содержание и функции труда (умственный, физический); специфика протекания трудовой деятельности; структура и последовательность трудовых операций; уровень творческих возможностей; самоорганизация труда (управление, исполнение). Все подобные группировки профессий не были адекватны цели классификации профессий для последующего выделения социальных слоев. В то же время они представляют интерес как классификации по характеристикам содержания труда и по уровню творческих возможностей работы¹. Они разрабатывались по двум направлениям: с точки зрения формирования личности работника и с точки зрения воздействия научно-технического прогресса на квалификационные характеристики рабочих. Впервые классификация профессий по социальным обстоятельствам труда, включая размер заработной платы и оценку качества жилья, была сделана в работах О. Шкаратана².

Постсоветские экономические и социальные реформы сделали закономерным сопоставление опыта исследований «интеллектуальности» в СССР и России с изучением «профессионалов» в англо-американской социологии. Объектом научного интереса в этих направлениях служат работники высококвалифицированного умственного труда, имеющие дипломы о высшем образовании. В то же время теоретико-методологические подходы российских и западных социологов различны.

*Современный этап изучения профессиональных групп:
Россия vs. западные страны*

Социология профессий в Великобритании и США начала оформляться в самостоятельную отрасль научного знания в начале XX века³, а период расцвета данного направления пришелся на 1950–1960-е гг., время господства структурного функционализма. Начало социологии профессий положили работы, посвященные профессиональным группам, которым удалось добиться привилегированного положения в обществе и сохранить относительно высокую автономию и административную независимость от государственной бюро-

¹ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация...

² Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование): монография. М. : Мысль, 1970.

³ Годом зарождения данного направления принято считать 1915, когда было опубликовано эссе американского социолога А. Флекснера «Является ли социальная работа профессией?».

кратии и организованного капитала¹. Социологи «теории черт» составляли перечни отличительных характеристик, чтобы понять является ли тот или иной вид деятельности «профессией», «полупрофессией» или «родом занятий»². В 1970-е гг. свежий подход в исследовании профессий был предложен интеракционистами и сторонниками критического подхода, марксистами и неовеберианцами. Появились работы, посвященные вопросам профессионального доминирования, способам рыночного закрытия профессиональных групп с целью сохранения профессиональной монополии и привилегий³.

В 1980–1990-е гг. изучением сущностной специфики и особенностей статуса профессиональных групп начинают активно интересоваться «континентальные» европейские социологи. Первый вопрос, который возник у европейских социологов, заключался в том, насколько правомерна позиция англо-американских исследователей, выделяющих характерные черты «профессии» на основе реально существующих групп до формулировки научного определения профессии. Отмечалось, что феномен разграничений «профессий» и «непрофессий» укоренен в национальном контексте страны, что находит отражение в английском языке, тогда как непосредственных эквивалентов данного понятия в континентальной Европе не существует⁴. В разных европейских странах стали появляться исследования, в которых акцент был сделан на исторических процессах становления фигуры профессионала и профессионализма⁵. Р. Коллинз предложил выделить два идеальных типа профессий. Первый – «англо-американский тип», который представляет собой самозанятых практикующих специалистов, способных самостоятельно контролировать

¹ Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The professions. Oxford: Clarendon press, 1933; Parsons T. The professions and social structure // Parsons T. Essays in sociological theory. Glencoe: Free Press, 1949; Parsons T. Profession // Shills D. (ed.) International encyclopaedia of the social science Vol. 12. L. : Macmillan and Free Press, 1968. P. 536–547.

² Goode W. Community within a community: the professions // Sociological Perspectives on Occupations. Illinois : F. E. Peacock Publishers, 1972; Pavalko R. Sociology of Occupations and professions. Illinois : F.E. Peacock publishers, 1971.

³ Abbott A. The System of professions: an essay on the division of expert labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988; Freidson E. Professionalism reborn. Cambridge: Polity Press, 1994; Larson M. The Rise of professionalism: a sociological analysis. Berkeley, L. : University of California Press, 1977.

⁴ Torstendahl R. Three approaches to theories of professionalism // Burrage M., Torstendahl R. (eds) Professions in theory and history. L. : Sage 1990. P. 47.

⁵ Обзор национальных контекстов см.: Burrage M. Revolution and the making of the contemporary legal profession. Oxford : Oxford socio-legal studies, 2006.

условия труда. Второй – «континентальный тип», состоящий из элиты администраторов¹. Для каждой группы существует свой способ завоевания социального престижа. Типичный «континентальный» путь – достижение социального статуса посредством занятости в бюрократической иерархии на основе академических мандатов. Ведущей силой развития континентальных профессий стало государство. Сплав бюрократии, академических мандатов и квазиаристократического стиля жизни стал отличительной характеристикой континентальных профессиональных групп.

В целом можно говорить о том, что исследования профессиональных групп в России и на Западе велись в рамках различных теоретических парадигм. В нашей стране преобладал социально-психологический подход, в западных странах – социологический и управленческий (теории организации и менеджмента). Фокус отечественных и западных исследований также был разным. Для советско-российских социологов интерес представляли индивидуальные профессионалы. Напротив, англо-американские исследователи в основном изучали профессионалов как корпоративных актёров, сосредоточившись на исследованиях профессиональных сообществ.

Различия также существовали и в интерпретации роли и функций профессионалов. В российских, особенно в советских, исследованиях профессионалы рассматривались как группа, которая служит интересам советского общества и государства². В западных исследованиях профессионалы оценивались как группа, которая закрывает доступ посторонним, обычным низкостатусным профессиональным группам к определенным рыночным преимуществам и социальным благам, а также на равных с государством включается в процесс управления той или иной отраслью.

В 1980–1990-е гг. происходит расширение эмпирического поля западной социологии профессий за счет выделения в качестве объекта исследования «обычных» родов занятий (occupations). Новое течение было отмечено, в частности, в рамках Международной социологической ассоциации на Всемирном конгрессе социологии в Мадриде, когда была создана рабочая группа под названием «социология

¹ Collins R. Market closure and the conflict theory of the professions // Burrage M., Torstendahl R. (eds) Professions in theory and history. L. : Sage, 1990. P. 24.

² Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессий: история, методология и практика исследований // Социс. 2009. № 8. С. 36–46.

профессиональных групп» (sociology of professional groups). В качестве важного объекта исследования были заявлены не только элитные, но и обычные рода занятий, исследования которых рекомендовалось проводить с учетом многообразия условий становления и развития профессиональных групп в разных странах¹.

Институционализация социологии профессий как самостоятельной дисциплинарной отрасли в России происходит с конца 1990-х гг. В это время в стране возникают несколько направлений и научных школ антропологических и социологических исследований профессий и занятий².

Отечественные исследования и публикации по теме социологии и антропологии занятий и профессий, сделанные в последнее десятилетие, дают основание для оптимистических оценок дальнейших перспектив этой дисциплинарной области в России. Имеются в виду не только перспективы формирования сообщества исследователей занятий и профессий, но и возможность появления оригинальных объяснительных теоретических моделей. Залог жизнеспособности таких объяснительных моделей – применение западных концептуальных ресурсов, имеющихся в мировой теоретической традиции, для понимания той социальной реальности, которая формируется в России на протяжении последних лет.

¹ Гадея Ш. Социология профессий и социология профессиональных групп. За изменение перспективы // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 17.

² Сначала в Институте социологии РАН под руководством В. Мансурова сектор социальных проблем интеллигенции был преобразован в сектор социологии профессий и профессиональных групп, затем через несколько лет в Саратовском техническом университете под руководством П. Романова и Е. Ярской-Смирновой возникла «Саратовская школа антропологии профессий», которая в настоящее время активно функционирует и на базе Центра социальной политики и гендерных исследований в НИУ ВШЭ. В Российском обществе социологов в 2002 г. был создан исследовательский комитет, целью которого стало изучение проблем социальной динамики и адаптации профессиональных групп в современной России и в мире. Отечественные исследования и публикации по теме социологии и антропологии занятий и профессий, сделанные в последнее десятилетие, дают основание для оптимистических оценок дальнейших перспектив этой дисциплинарной области в России.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Название статьи может сразу вызвать некоторое недоумение. То, что стереотипы живут в каждом из нас, вполне понятно, но могут ли они умирать? Годится ли этот термин при анализе процессов преодоления устаревших стереотипов сознания и поведения социальных субъектов? В обществе периодически возникают острые проблемы, вызванные тем, что какие-то устойчивые представления, имеющиеся у больших масс людей, рассматриваются как мешающие социальному развитию. Так было, например, в годы перестройки, когда руководство страны заявляло о необходимости борьбы с устаревшими стереотипами по поводу социализма, господства общественной собственности, роли партии и т. п.

В 1990-е гг., когда стали утверждаться рыночные отношения, огромные массы людей оказались в ситуации выбора: либо сохранять прежние, выработанные при социализме стереотипы поведения в труде, общественной жизни, либо отказаться от них, усваивая новые ценности работы только ради заработка, материального благополучия любой ценой, личного успеха. Требовалось разрушить не соответствующие новой реальности представления о роли государства в защите граждан, обеспечении их работой, жильем, стабильной зарплатой, существовавшие многие десятилетия в сознании населения. Эти стереотипы должны были умереть, так как отсутствовали условия их воспроизводства. Но этот процесс нередко вел к физической смерти их носителей. Не все люди могли адаптироваться к происходящим в обществе глубоким преобразованиям всех сфер общественной жизни. В этом – одна из главных причин снижения численности населения России в то время.

В первое десятилетие нового тысячелетия возникла некоторая стабильность, вызванная тем, что значительная часть людей сумела приспособиться к новой жизни. Возникли новые стереотипы сознания и поведения, позволяющие обеспечить удовлетворение базовых потребностей человека. К тому же государство вновь стало проявлять определенную заботу о пенсионерах, улучшать систему здравоохранения, стимулировать рождаемость. Однако особая стабильность в политической жизни страны вызвала в конце 2011 г. протесты части

граждан. Они хотели перемен, отказа от сложившихся стереотипов принятия и реализации политических решений на федеральном и региональном уровне. Чем же вызвана борьба с некоторыми, кажущимися устаревшими стереотипами? Почему значительная масса населения не поддержала тех, кто хотел их уничтожить?

Эти частные вопросы связаны с более широкими, касающимися понимания и сущности стереотипов, и условий их становления и разрушения в современной жизни. Она качественно отличается от той, которая формировала стереотипы повседневного бытия еще 20 лет назад, а не только многие тысячелетия.

Прежде всего, уточним понимание самого стереотипа. Впервые термин «социальный стереотип» использовал американский журналист и политолог У. Липпман в 1922 г. в книге «Общественное мнение». Согласно Липпману, стереотипы – это упорядоченные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые, во-первых, экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права¹. Стереотипам свойственно быть клише, схемой, которая детерминирует конкретные виды деятельности человека. Эти схемы определяют не только сознание, но и поведение индивидов.

В итоге достигается высокая устойчивость в восприятии, осмыслении реальности и осуществлении практических действий, позволяющая человеку быстро включиться в разнообразную работу, даже не всегда достигая желаемого результата. Это происходит оттого, что в стереотипе всегда несколько искажается действительность, поскольку фиксируются только устойчивые ее элементы. Такое свойство стереотипа ведет к тому, что его трактуют, как «стандартизированный, упрощенный образ какого-либо явления»². Высокая устойчивость стереотипов означает, что они могут лишь «несколько меняться... но этот процесс происходит очень медленно»³.

Следовательно, стереотип рассматривается как особое, психическое в первую очередь образование, обеспечивающее деятельность по воспроизводству тех или иных культурных требований, предъявляе-

¹ См.: Липпман У. *Общественное мнение*. М. : Институт фонда общественное мнение, 2004. С. 23.

² Кон И. С. *Социология личности*. М. : Политиздат, 1967. С. 11.

³ Шихирев П. Н. *Исследование стереотипов в американской социальной науке // Вопросы философии*. 1971. № 5 . С. 175.

мых к человеку. При этом не фиксируется внимание на том, что само возникновение и сохранение стереотипа, понимаемого как некая схема, шаблон сознания и поведения, может быть только при *высокой стабильности условий* воспроизводства господствующей культуры труда, быта, социальной активности. Как только они меняются, стереотип перестает соответствовать действительности. Его сохранение ведет к тому, что человек отказывается выполнять новые правила. Он их отрицает из-за того, что стереотип побуждает вести себя так, как было до появления новаций.

Поэтому нередко стереотип рассматривают как негативное образование, мешающее социальному субъекту усвоить то, что требует меняющаяся жизнь. Начинается борьба за искоренение стереотипов, например, этнических при утверждении ценности толерантности; политических при внедрении так называемых либеральных идей; полоролевых при защите прав сексуальных меньшинств и т. д. Общество делится на консерваторов и новаторов. Чаще победу одерживают носители стереотипов, которые возникли давно, нередко тысячелетия назад.

Причины этого явления до сих пор глубоко не исследуются, а они заключаются в следующем. Во-первых, все стереотипы находятся в подсознании человека, автоматически включая те схемы восприятия действительности, способов адаптации к ней, которые были отработаны в прошлом. Человеческая психика устроена так, что она должна обеспечить успешную деятельность личности при взаимодействии с окружающим миром. Это возможно только тогда, когда быстро выполняется какая-либо работа. Рационально мыслить необходимо только тогда, когда отсутствует готовое решение, имеется возможность поиска наилучшего из нескольких вариантов. Но в этом случае существенно замедляется реакция человека, он не может выполнить легко и свободно необходимые действия. Поэтому всегда работает важнейший закон обучения новому: повторение – мать учения.

Только в результате неоднократных действий возникает быстрота реакции при выполнении даже очень сложных операций. Сознание уже не включается, так как сформирована *четкая схема работы мозга*, находящаяся в подсознании человека. Когда возникает динамический стереотип, тогда эта схема диктует последовательность работы мышц рук, ног, всего тела. Борьба с этими невидимыми образованиями очень сложно. Поэтому уничтожить когда-то возникший стереотип сознания и поведения можно только в течение длительного

времени при постоянных волевых усилиях. Действует следующая зависимость: чем дольше существовал конкретный социокультурный стереотип, тем больше времени нужно для его разрушения. Нередко этот период составляет половину срока его утверждения.

Во-вторых, социокультурные стереотипы должны иметь какую-то основу для своего возникновения. Обычно она не исследуется социологами. Однако на пустом месте, как известно, ничего не появляется. Процесс их утверждения связан с образованием прежде отсутствующих схем работы человеческого мозга. В нем природой заложены программы адаптации человеческого организма к тем условиям жизни, которые существуют уже в течение сотен тысяч лет. Они включают как совокупность безусловных рефлексов, так и некие «заготовки» для освоения требований культуры. Их обозначают терминами «предрасположенность», «склонность» к принятию и реализации тех или иных норм, правил, необходимых для обеспечения совместной жизни людей.

Роль природной основы для появления культурных стереотипов признается тогда, когда наблюдается быстрое освоение личностью сложных видов занятий. Человек достигает очень высоких результатов в работе. Тогда говорят о том, что есть талант, «природный дар» к конкретной деятельности. Однако если анализировать различия между людьми в освоении самых обычных правил поведения в быту, общения с разными людьми, то выявляется *предрасположенность буквально ко всем требованиям культуры*. Все стереотипы выполнения тех или иных социальных норм, правил возникают в процессе определенного изменения тех природных программ, которые имеются у индивида от рождения. Одним они позволяют, например, быстро научиться быть вежливым, заботливым, добрым человеком, а другим мешают освоить некоторые нормы и правила общения. Субъектам социализации приходится тратить огромные силы, время, чтобы приучить отдельных индивидов к элементарной культуре поведения в общественных местах, в семье, на производстве. В результате возникает огромное многообразие в уровне принятия и реализации культурных требований различными людьми. У некоторых не удастся выработать стереотипы должного поведения. Они реализуют природные стереотипы удовлетворения своих потребностей, воруя, насилая, убивая. Общество изолирует себя от носителей природных программ, направленных на реализацию узкоэгоистических потребностей. Од-

нако в тюрьме отсутствует особая система выработки социокультурных стереотипов у тех, кто менее всего предрасположен к их принятию. По этой причине после отбытия наказания многие совершают повторные преступления.

Изменение природной основы социокультурных стереотипов происходит только в процессе многократного повторения норм выполнения определенных действий, до тех пор, пока они не начинают выполняться автоматически, без участия сознания, так же, как и условные инстинкты. Внешнее принуждение, направленное на выработку стереотипов культуры, всегда менее эффективно, чем внутреннее. Поэтому самовоспитание, самообразование, самодисциплина являются наилучшими способами преодоления природных склонностей к каким-то асоциальным поступкам. Но выработать навык самостоятельного приобщения к культуре необходимо с раннего детства на основе особых механизмов развития и саморазвития личности¹. У взрослого они также позволяют постепенно разрушить склонность в аморальному, противоправному поведению.

Культурные стереотипы, возникая на базе определенных природных программ действий, становятся не мертвыми схемами, а живыми, меняющимися не только под влиянием социальных изменений, но и самочувствия человека, состояния его здоровья. Эти факторы все чаще приходится учитывать, когда нужно обеспечить высокое качество выполнения сложных трудовых действий. Поэтому, в частности, у летчиков и даже водителей общественного транспорта проверяется состояние организма перед тем, как их допускают к работе.

Представленная трактовка особенностей возникновения и проявления стереотипов ведет к необходимости изменения самого их понимания. Стереотипы являются не жесткими шаблонами, механически определяющими действия людей. Они представляют собой *устойчивые, схематически оформленные программы воспроизводства социального субъекта, фиксирующие неизменность условий его существования и обеспечивающие приспособление к ним.*

До начала XX в. устойчивость во всех сферах жизни подавляющей массы людей обеспечивала возможность сохранения почти в неизменном виде моральных, трудовых, эстетических, общественно-

¹ См.: Меренков А. В. Педагогика саморазвития личности. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001.

политических норм и правил. Они передавались из поколения в поколение путем подражания, принуждения тех, кто сопротивлялся, поощрения усердно их воспроизводящих. В последние два десятилетия темпы изменений труда, быта, общения людей, благодаря постоянным инновациям в науке, технике, настолько возросли, что создалась качественно новая, впервые возникающая в истории человечества ситуация с созданием и разрушением стереотипов социокультурной деятельности человека.

Стала исчезать основа их возникновения, которая заключается в наличии устойчивости жизнедеятельности личности, малых и больших социальных групп, стран, культур. Так, например, компьютерные программы обработки информации меняются примерно раз в год. Создающие их фирмы предлагают различные улучшения, даже не выясняя у пользователей наличие потребности в них. Не успевая в полной мере освоить особенности одной программы работы, человек уже должен учиться использовать другую. Создатели сотовых телефонов борются за то, чтобы уже раз в полгода предложить какую-то новую модель, с иными, будто бы важными новациями. Каждый год появляются новые модели ноутбуков, планшетников. Телевизионная техника также меняется примерно раз в два года. Возникла мода на приобретение новых гаджетов, как когда-то появилась мода на смену одежды каждый сезон.

Возникает проблема утверждения самого стереотипа пользования современной бытовой техникой. Уже никто не разбирается в ее устройстве, кроме узких специалистов. Никто не пытается самостоятельно ее отремонтировать, хотя этим занимались «народные умельцы» в 1970-х гг. Сейчас требуется только одно: быстро разобраться в простейших приемах работы с бытовым прибором. Нововведения в нем не побуждают к развитию мышления, приобретению сложных по содержанию знаний. Не нужно надолго запоминать приемы использования технического устройства, так как через полгода, год, при покупке нового придется переучиваться.

Исчезает смысл и сама возможность создания культурного стереотипа взаимодействия с меняющейся бытовой техникой, предназначенной для выполнения весьма большого разнообразия действий. Люди в лучшем случае осваивают три-четыре самые необходимые операции, не утруждая себя изучением всего спектра ее возможностей. Поэтому даже ребенок в 3–4 года оказывается способным поль-

зоваться сотовым телефоном, пультом управления телевизором, некоторыми кнопками на клавиатуре компьютера. Вырабатываются только те простейшие культурные навыки, которые максимально приближены к природным программам действий с предметами. Активно развивать мозг, тело не требуется.

Происходящие в наше время преобразования касаются не только способов использования техники в быту, межличностном общении. Трудовая деятельность современного специалиста отличается тем, что каждый месяц, а то и чаще появляются новые задания со стороны руководства, внедряются меняющиеся регламенты выполнения определенных действий с машинами, механизмами, работы с документами, их оформления и представления. Исчезает возможность стабильной работы, ведущей к появлению профессионализма. Он предполагает выработку стереотипа выполнения всех трудовых операций, обеспечивая высокую скорость и качество труда. Не сознание, а подсознание обеспечивает автоматическую реализацию всех требований к качеству работы высококлассного специалиста.

Постоянные, часто ничем не обоснованные нововведения в работе неизбежно снижают как темпы ее выполнения, так и качество. Природа человека не готова к тому, чтобы быстро переключаться от одних действий к другим. В этом заключается одна из причин возрастания роли человеческого фактора в возникновении различных происшествий на производстве, нарушений правил техники безопасности, катастроф. Люди не успевают быстро принять решение в нестандартной ситуации. Этим же объясняется феномен увеличения стрессов, характерных для многих работников, особенно занятых умственным трудом. Людям приходится тратить огромные психические и физические силы для того, чтобы переключаться с привычной операции на ту, которая еще не стала выполняться в автоматическом режиме.

Спасением от стрессов становится уход от самих попыток на высоком уровне освоить нововведения в труде. Люди не видят в этом смысла, так как через два-три месяца появятся какие-то правила, методики, отвергающие то, что требуют освоить в данный момент. Происходит внешне незаметное всеобщее снижение качества работы. Стереотип трудовой деятельности теряет основу для своей жизни, заключающейся в устойчивости в течение нескольких лет определенной по содержанию и методам работы. Он не успевает родиться, как ему уже надо умереть. В этом заключается качественное отличие со-

временной ситуации с утверждением стереотипов труда от прежней, которая существовала до конца XX в. Конечно, сохраняются виды работ, где изменения происходят медленно, но их количество неуклонно сокращается.

Преобразования происходят не только в тех сферах, где человек вынужден осваивать новейшую технику. Они уже затрагивают систему моральных, эстетических, политических норм и правил. Это вызвано в первую очередь разрушением прежней устойчивости семейных отношений. Мужчины и женщины получили в так называемых цивилизованных странах в ходе сексуальной революции свободу совместной жизни без регистрации брака. Это автоматически снизило моральную ответственность за человека, с которым живешь, за последствия сексуальных связей. Исчезли жесткие моральные требования к целомудрию, к добрым и даже внебрачным отношениям. Возникла свобода отказа от ребенка, оставление его на попечение государства. Развод перестал рассматриваться как некая аномалия. Потребность в создании устойчивого, принятого социумом стереотипа отношений между супругами, родителями и детьми перестала быть значимой для многих людей. Каждый пытается создавать подходящий только для него способ родственных связей. В результате наблюдается возрастание семейных конфликтов, исчезает возможность нормального развития ребенка среди близких людей, приобретение им навыков проявления заботы, любви к человеку.

Люди все чаще демонстрируют так называемый природный эгоизм, руководствуясь инстинктами, а не нормами культуры. Широко обсуждаемые в последнее время в СМИ факты необъяснимого, жесткого насилия в семье подтверждают одну очень важную закономерность взаимодействия природных и социокультурных стереотипов. Она заключается в следующем: *снижение устойчивости того, что требует культура, неизбежно ведет к усилению природных склонностей к агрессии, бессмысленной жестокости*, удивляющей даже тех, кто ее демонстрирует. Веками существовавшая система нравственного воспитания была направлена на подавление так называемых «дурных» склонностей. Современная либеральная система, понимаемая частью родителей как предоставление полной свободы ребенку дома, в общественных местах, ведет к произволу стереотипов, имеющих природное происхождение.

Свобода самовыражения привела к отказу и от многих прежних

представлений о прекрасном и безобразном как в реальной жизни, так и в искусстве. Прежние стереотипы восприятия эстетического уходят в прошлое, а новые не утверждаются, так как отсутствует временная устойчивость в представлениях людей о красивом, возвышенном.

Смерть стереотипов, определяющих в течение многих веков отношения между людьми в семье, дружеской группе, общности коллег по работе, ведет к разрушению устойчивых программ взаимодействия личности с государством. Неопределенность общественной жизни, рождающая неуверенность в завтрашнем дне, невозможность с помощью властных структур решить насущные проблемы жизни больших масс людей ведет к слому стереотипа подчинения тем, кто правит страной. Усиливается опасность неожиданных протестов, бунтов. Люди хотят устойчивого благополучия, надеясь на то, что государство будет активно помогать им в решении этой задачи. Стихийные протесты, даже если они заканчиваются сменой режима, не обеспечивают быстрого изменения положения масс. Более того, оно нередко ухудшается, так как новые правители оказываются не лучше прежних.

Всеобщая неопределенность поведения людей, вызванная отсутствием устойчивых стереотипов нравственного, трудового, политического поведения, ведет к попытке власти установить тотальный контроль за всеми и всюду. Поэтому в последние годы началась установка различных видеокамер в аэропортах, на вокзалах, в помещениях предприятий, на улицах, в подъездах жилых домов. Каждый гражданин подозревается в том, что он руководствуется в своем поведении не социокультурными стереотипами, а теми природными, которые побуждают его совершать разные проступки. На всех навешено клеймо потенциального преступника. Понятие «доверие» стало пустым звуком.

Ситуация напоминает ту, которая, видимо, была на начальных этапах истории человечества. Тогда от каждого случайно встреченного в лесу человека ожидали агрессивных действий. К незнакомцам относились как к диким зверям. Опасность столкновения с ними требовала от первых людей иных стереотипов поведения. Они представляли собой устойчивые программы ожидания и действия в ситуации опасности, моментального реагирования на нее.

Современная жизнь также характеризуется высокой неопределенностью того, что будет завтра, через неделю, месяц. Прежняя устойчивость жизни была сформирована переходом человечества от охоты к земледелию. Появилась возможность жить, трудиться, зани-

маться хозяйством в одном месте на протяжении столетий. Природные катаклизмы, уничтожающие урожай, происходили не очень часто. Была высока вероятность того, что будущее будет таким, как прошлое. Устойчивые условия труда, быта породили стереотипы нравственной, эстетической, политической деятельности человека во всех странах мира. Современная неопределенность условий, содержания, продуктов труда, быта ведет к уничтожению стереотипов отношений между людьми, порожденных прежним патриархальным образом жизни. Он разрушался постепенно в течение всего XX в. Человеку фактически вновь требуется освоить стереотипы, схожие с существующими тогда, когда господствовала охота как основной источник добычи пищи. В те времена нужно было использовать устойчивые программы быстрого реагирования на появление хищника, желаемой добычи, неожиданных явлений природы.

В наше время каждый день человек на улице, в транспорте, во время трудовой деятельности постоянно сталкивается с неожиданными явлениями, событиями. Они, а не древние хищники создают опасности, на которые современный человек должен реагировать по сути своей тем же образом, что и древние люди при взаимодействии с природой.

В условиях динамично меняющегося мира социокультурные стереотипы не умирают, так как без них человек жить не может. Происходит качественное изменение их содержания. Ведущими становятся, во-первых, устойчивые программы восприятия новой информации, требующей оперативного принятия решения о ее использовании или игнорировании. Во-вторых – стереотипы готовности к возможным неожиданностям, побуждающие к быстрому реагированию на них с целью защиты себя, близких людей. В-третьих – отказа от понимания содержания многих нововведений, так как вскоре они будут отменены новыми технологиями, техническими устройствами, инструкциями. Стереотип использования новаций должен быть временным, неустойчивым, готовым к разрушению. В-четвертых, сохраняются только те стереотипы общения, поведения, которые обеспечивают возможность получить поддержку, помощь от близких людей по родству, взглядам, убеждениям. Иначе индивид может оказаться в полной изоляции, перестать быть в полном смысле социальным существом. Поэтому актуальными оказываются преимущественно те моральные, трудовые, эстетические нормы, правила, которые позво-

ляют быть членом хотя бы какой-то малой общности: семьи, дружеской группы. Ценность социокультурных регуляторов, определяющих взаимодействие с большими общностями, неуклонно снижается.

Новые стереотипы формируются не под влиянием внешнего воздействия, хотя его значимость в определенной мере сохраняется, а в результате приобретения личностью навыков самоорганизации, саморазвития, самовоспитания. Научить жить в условиях перемен с помощью страха, принуждения извне невозможно. Требуется постоянная работа индивида над собой. Создание соответствующих реальности стереотипов становится делом каждого человека, а не только общества.

Г. В. Мокронос

ПОНЯТИЕ «МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»: ДВА СМЫСЛА

Проблема критерия материальности общественных отношений широко и разнопланово обсуждается в философско-социологической и экономической литературе. Поиск правильного решения связан с пониманием природы материальных отношений. Только исходя из правильно понятой природы изучаемого предмета можно выделить и критерий его материальности. Это методологическое положение бесспорно. Нельзя выделить социологические признаки (критерии), не изучив предварительно предмет. Большинство авторов дает следующую характеристику материальных общественных отношений: это – отношения, которые складываются, не проходя предварительно через волю и сознание людей. Они – основа идеологических отношений. Это материальная форма производительных сил¹. Это – вещественные отношения, отношения по поводу и посредством вещей. Вещи выражают отношения уже потому, что являются компонентами общественного труда. Они сами – общественные отношения². Это – совокупность производственных отношений людей как общественной формы обмена веществ человека и природы.

Число подобных определений можно было бы умножить, но следует заметить, что они отличаются друг от друга частностями,

¹ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М. : МГУ, 1971.

² См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л. : Изд-во ЛГУ, 1966.

совпадая в основном, в главном. Каждое из этих определений отражает тот или иной признак материальных общественных отношений. Сопоставление категории «материальные отношения» с категориями «общественное бытие», «производственные отношения», хотя и обогащает палитру дефиниций, тем не менее не может полностью прояснить сути вопроса, так как названные категории также требуют дополнительных характеристик. При объяснении материального характера определенного рода общественных отношений проявляются особенности подхода к решению данной проблемы, особенности того или иного аспекта их анализа. Специфика каждого аспекта обнаруживается уже при определении таких фундаментальных категорий, как «общественное бытие» и «общественное сознание». Например, В. П. Тугаринов, определяя основные признаки общественного бытия, выделяет следующие его моменты: «1. Общественное бытие есть сама непосредственная жизнь общества, в отличие от мыслей об этой непосредственной жизни (общественное сознание); 2. Общественное бытие независимо от общественного сознания. Общественное бытие первично, общественное сознание – вторично, производно; 3. Общественное бытие определяет общественное сознание; 4. Общественное бытие отражается в общественном сознании»¹.

В этом определении автору удается сочетать социологический и гносеологический аспекты. Общественное бытие есть непосредственная жизнь общества – таков исходный пункт социологического анализа. Общественное сознание есть отражение общественного бытия, оно вторично, производно – таков гносеологический аспект, и именно он прежде всего отражен в определении общественного бытия, данном В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном. «Эта категория, – пишут они, – фиксирующая, так сказать, материю в социальном смысле, отражает не просто то, что существует в обществе вне человеческого сознания и может оказывать на него влияние, а то, что определяет сознание общества, является материальной основой развития всего общества, первичным по отношению ко всем другим сторонам общественной жизни»². В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон определяют общественное бытие как материальную жизнь общества, «т. е. материальные отно-

¹ Тугаринов В. П. К вопросу о категории общественного бытия // Вестник ЛГУ. 1959. Вып. I. С. 45.

² Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. К вопросу о соотношении общественного бытия и общественного сознания // Вестник МГУ. 1959. № 4. С. 105.

шения людей к природе и друг к другу, складывающиеся в процессе производства и воспроизводства их жизни»¹. Как видно, здесь акцент сделан на характеристике общественного бытия как социологической категории. Основной упор в этих определениях сделан на том, что материальные отношения есть форма развития производительных сил. Это положение бесспорно, но слишком абстрактно, поскольку выделяется понимание материальности в двух смыслах:

1. Материальные отношения такие, которые складываются, не проходя через сознание людей.
2. Материальность в смысле первичности.

Возникает вопрос об их соотношении. Предполагает ли один признак обязательно и другой? Носят ли они всеобщий характер? Что лежит в основе этих двух критериев материальности? Решение вопроса о всеобщности критерия материальных отношений было дано В. И. Лениным (имеется в виду первый критерий материальности, т. е. тех отношений, которые не проходят через сознание людей). В работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?». В. И. Ленин подчеркивал, что материальные отношения – это такие отношения, «которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение...»². М. Я. Кронрод, стремясь подчеркнуть всеобщность данного критерия материальности производственных отношений, пытается доказать, что «отношения производства – это объективная материальная реальность, что они существуют – возникают, функционируют и развиваются – независимо от акта сознания и воли людей, как объективная форма их отношений, материальная форма производительных сил»³.

Все общественные отношения вполне реальны, объективны, т. е. существуют не только в сознании, но и во взаимодействии людей. Например, политические отношения, проявляясь в революциях, войнах, не менее реальны (и в этом смысле объективны), чем экономические отношения. То же самое можно сказать и о правовых, нравственных, религиозных отношениях: они объективны и необходимы,

¹ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм. М. : Высшая школа, 1969. С. 49.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.

³ Кронрод М. Я. К вопросу об объективном механизме экономических законов социализма // Вопросы философии. 1965. № 3. С. 120.

поскольку люди не могут жить без нравственных, правовых и других норм, регулирующих их взаимоотношения. Идеологические отношения объективны по своему содержанию, но складываются, проходя через сознание людей, поэтому признак объективности необходимый, но недостаточный для выделения материальных отношений. Акцент, сделанный на объективности материальных отношений, никак не доказывает, что этот критерий носит всеобщий характер, поскольку речь идет о том, является ли признак «складываться, не проходя через сознание» всеобщим. И хотя авторы утверждают это, но их аргументация не убедительна. Соглашаясь с группой авторов, что критерий материальности отношений, выдвинутый В. И. Лениным, не носит всеобщего характера, мы вместе с тем попытаемся обосновать то, что общественные отношения не есть самостоятельные сущности, независимые от деятельности индивидов.

Теоретический прием сведения общественных отношений к самостоятельным сущностям, независимым от деятельности людей, существующим рядом с ними, К. Маркс критиковал как грубый материализм экономистов, переходящий в идеализм. Поэтому можно согласиться со следующим мнением: «Рассматривать общественные производственные отношения людей и определения (свойства), присущие вещам, существующим в этих отношениях, как естественные, следовательно, не как социальные, свойства этих вещей, есть ... механический материализм»¹. Утверждение, что материальные отношения есть некие сущности, существующие наряду с людьми, находятся в явном противоречии с положением К. Маркса о том, что невозможно изучать общественные отношения, не изучая жизнедеятельность людей, что эти отношения не являются внешними для индивидов, составляющих данное общество. Сущность человека есть «совокупность всех общественных отношений»². А сущность не может находиться вне того, сущностью чего она является. Поэтому не случайно ряд авторов предлагает иное понимание критерия материальности отношений. Например, в некоторых работах критерий материальности определенного вида общественных отношений выводится из такой их особенности: люди не могут познать общественные отношения во всей сложности их проявления. В качестве аргумента ссыла-

¹Хаан Э. Исторический материализм и марксистская социология. М. : Прогресс, 1971. С. 74.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 3.

ются на положение В. И. Ленина о том, что люди, вступая в общение в условиях капиталистической формации, не сознают, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются.

Действительно, осознать всю совокупность производственных отношений во всем многообразии – дело сложное, но правомерно ли выводить их материальность из ограниченных возможностей нашего познания? Статус материальности не определяется принципом познаваемости или непознаваемости. Законы природного мира не теряют материального объективного характера в результате их познания. Нельзя выдвигать такую альтернативу: если не познано – значит материально, а если познано – значит не материально.

Условием решения возникших проблем является различие двух смыслов понятия социальной материальности: первое связано с пониманием материального как объективного, которое складывается, не проходя через сознание людей; второе – с пониманием материального как первичного. Чтобы решить вопрос о соотношении этих аспектов и вывести на их основе подлинно всеобщий критерий, необходимо выявить, с какими сторонами материальных отношений связаны эти критерии.

На наш взгляд, первый критерий фиксирует материальные отношения со стороны формы, в то время как второй – со стороны содержания. Различие этих двух моментов мы прослеживаем и в работах основателей марксизма. Маркс показывает, что материальные отношения носят общественный характер, поскольку выражают социальные свойства индивидов, фиксированные в их потребностях, сознании, деятельности. Здесь речь идет о материальной связи людей между собой; связи, которая обусловлена их потребностями, и конкретное содержание которой порождается, определяется условиями, созданными людьми, т. е. социально. Материальное производство не противопоставляется духовному, а выступает как его основа. Прежде чем заняться политикой, искусством, люди должны есть, пить, иметь жилище и обувь, а для этого они должны осуществлять совместное производство материальной жизни, вступать между собой в производственные отношения. Таким образом, «уже с самого начала обнаруживается материальная связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а сле-

довательно, представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей»¹.

Материальная природа производственных отношений обнаруживается в соответствии с политическими, религиозными и другими формами социальной организации, через которые люди стремятся осмыслить свой реальный жизненный процесс. Производственные отношения – это те, в которые люди вступают в процессе общественного производства своей жизни, материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей. До тех пор, пока философы и экономисты исключали из сферы социологического анализа материально-чувственную жизнь людей, они не могли обнаружить существования этих отношений. Точнее будет сказать: социальные мыслители сводили производственные отношения к юридической форме их проявления, понимали отношения собственности только как правовые, рассматривали их исходя из абстрактно понятой природы человека как справедливые и несправедливые.

Пока материально-телесная жизнь людей исключается из социологического анализа, невозможно выявить субстанциональную основу производственных отношений как отношений людей, неотделимых от них самих. Поэтому, чтобы раскрыть сущность отношений между людьми, необходимо исследовать природу этих явлений, свойств, имманентно им присущих. Из этого следует, что и категория «материальные отношения» включает в себя не только определенный вид взаимной зависимости индивидов (в данном случае – совместную деятельность по производству материальных благ), но и характеристику самих индивидов как носителей общественных отношений.

Социологический аспект анализа материального характера производственных отношений специфичен тем, что раскрывает их сущность и выясняет природу их носителей. Как уже отмечалось, К. Маркс показал, что носителем социального выступает не только сознание, но и тело человека и тот предметный мир, который создан человеческим трудом. Тот факт, что человек есть часть природы, живет природой, подтверждает, что тело человека является материальной основой отношений, складывающихся между людьми в процессе общественного производства. Другой материальной основой этих отноше-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 28–29.

ний являются средства производства, весь мир «очеловеченных предметов», созданный людьми и для людей. Теоретическое осмысление реального жизненного процесса позволило Марксу не только раздвинуть границы социального, но и сформулировать принципиально новое, материалистическое понимание природы общественных отношений и законов их развития.

При социологическом анализе человек и его деятельность не только не противоплагаются объективности общественного развития, а наоборот, материально-чувственная, предметно-практическая жизнь людей рассматривается как определяющая сторона, как содержание экономических и идеологических форм общественного развития. Мы познаем материальное не просто как стоящее вне человека, а как содержащееся в самой деятельности общественно организованного человека. Материально-предметная жизнь индивидов (другими словами, жизнь человека, в которой он выступает как материальная основа личностного «Я») включается в логический анализ, противопоставляется как форма тем идеологическим представлениям и складывающимся на их основе отношениям, социальным институтам, в которых люди осуществляют свою материальную жизнь.

Обоснование К. Марксом положения о социальном характере материально-телесной жизнедеятельности людей впервые в истории социологии позволило доказать, что потребности, составляющие имманентную сущность личности и способ существования общественных отношений, формируются, не проходя через сознание индивида. Их состав и характер определяется предметной и личностной средой жизнедеятельности человека. Этот признак материальности производственных отношений как процесса производства материальной жизни людей действует на протяжении всей человеческой истории. Иначе говоря, общественное бытие людей всегда будет выступать детерминантом общественного сознания. Всеобщность критерия материальности относится не к форме, а к содержанию общественных отношений.

Иначе обстоит дело с экономическими формами материальных общественных отношений. Положение В. И. Ленина о том, что, обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже не сознавая, что тут имеются производственные отношения, характеризует социальную форму специфического вида материальности, проявляющуюся в вещной форме функционирования общественных отношений. Об этом свидетельствует другое ленинское положение,

где прямо говорится, что, «вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях – и особенно в капиталистической... – не осознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются...»¹.

Понятие «экономические формы» служит для характеристики не всего многообразия материальных общественных отношений и даже не всех сторон способа производства материальной жизни (о необходимости различия содержания двух последних категорий было сказано выше). «Экономические формы» – это социальная сторона производственных отношений, которая выражается в определенной системе зависимости людей, осуществляющих общественное производство, это определенный способ разделения труда и обмена деятельностью. «Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это – определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни»². Характеристика социально-экономических форм, следовательно, есть не описание поверхностной стороны движения общественных отношений, а исследование конкретно-исторического способа организации производственно-социальной деятельности людей.

Общественное производство людьми своей жизни, их практическая трудовая и семейно-бытовая деятельность, составляя содержание материально-общественных отношений, воплощается в каждой эпохе в определенную форму социально-экономической организации. Здесь важно подчеркнуть, что материальный процесс жизни, людей всегда был и будет определяющим фактором исторического развития, тогда как экономические формы преходящи и изменяются вместе с эпохой. Если рассматривать содержание и форму как две стороны одного процесса, то категории «производственные отношения» и «экономические отношения» можно применять для характеристики соответственно содержания и формы материальных общественных отношений.

Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в том, что здесь отношения между людьми принимают форму отношений между вещами. Материальные производст-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 343.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

венные отношения, содержание которых составляет удовлетворение потребностей людей, принимают формы экономических связей не только по поводу вещей, но и посредством вещей. Вещная форма существования социально-экономических отношений зарождается вместе с появлением товарно-денежных отношений еще в период разложения первобытнообщинного строя, а в рабовладельческом обществе она функционирует наряду с отношениями, основанными на личной зависимости производителя.

Овеществление производственных отношений выступает формой социально-экономической организации капиталистического способа производства. Общественные отношения людей принимают форму свойств вещей (товаров) или самих вещей (денег), и соответственно этому сами материальные, чувственные вещи принимают мистический сверхчувственный характер. В условиях капиталистической частной собственности результат труда, предназначенный для обмена, выступает как товар, ибо с этим продуктом связываются отношения между двумя лицами (или их объединениями), между производителем и потребителем, которые выступают как частные лица. Товар выступает в качестве носителя общественных отношений. В условиях формирования товарного производства, складывания рыночных отношений происходит превращение всех продуктов в меновые стоимости. Это приводит к тому, что в сфере производства отношения индивидов постепенно, но неуклонно выступают как отношения обособленных товаропроизводителей. «Взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов образует их общественную связь. Эта общественная связь выражена в меновой стоимости, ибо только в *меновой стоимости* для каждого индивида его собственная деятельность или его продукт становится деятельностью или продуктом для него самого...»¹.

Поскольку общественный характер деятельности и общественная форма продукта выступают как нечто вещное, а само участие обособленных индивидов в производстве – как нечто чуждое им, постольку сама эта связь выступает как подчинение индивидов отношениям, существующим независимо от них. Поэтому «всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием для каждого индивида, их взаимная связь представляются им самим как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 99–100.

нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное... отношение вещей, личная мощь – в некую вещную мощь»¹. В противовес утверждению Прудона о том, что это различие чисто объективное и существует лишь для индивидов, К. Маркс показал, что, как бы ни была ограничена связь индивидов друг с другом, природа и способ удовлетворения их потребностей объединили их, вынудили вступить во взаимоотношения.

К. Маркс выступает не против социальных функций вещей, а против того, чтобы считать эти свойства присущими самим вещам от природы. «Различие между продуктом и капиталом состоит именно в том, что продукт в качестве капитала выражает определенное отношение, принадлежащее некоторой исторической форме общества»². Маркс писал, что нелепо понимать вещную форму функционирования общественных отношений как обусловленную неизменной природой человека и свойственную ей. Она сама есть продукт исторического развития человека. «Она принадлежит определенной фазе развития индивидов. Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывают лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий. Это – связь, стихийная связь индивидов внутри определенных, ограниченных производственных отношений»³. Превращение деятельности индивидов в форму меновой стоимости характеризуется таким состоянием функционирования производственных отношений, когда «индивиды подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием»⁴.

К. Маркс предполагал, что когда средства производства будут обобществлены и люди, владеющие ими, станут планомерно расходовать свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу, тогда весь продукт труда будет представлять общественный продукт и потеряет вещную форму своего существования.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 100.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 214.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 101.

Соответственно изменится и форма распределения этого общественного продукта. «Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»¹. Маркс утверждал, что изменение экономических форм производственных отношений, переход от форм связи, основанных на личной зависимости, к товарным отношениям изолированных товаропроизводителей, а затем к общественно планомерным способам распределения труда и его результатов вызывается изменением содержания способа производства материальной жизни вследствие развития производительных сил.

Нархов Д. Ю.

О РЕСУРСНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ОБЩНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема изучения модернизационных процессов в образовании и роли в них общности преподавателей высшей школы непосредственно связана с вопросами выявления места этой общности в структуре общества. Для изучения стратификационных процессов в современных обществах одним из наиболее перспективных является ресурсный подход, согласно которому основным критерием, обуславливающим место социальных общностей в социальной структуре, выступает обладание ресурсами (активами, капиталами).

Методологической основой ресурсного подхода выступает теория П. Бурдьё, который для общества конца XX в. выделил три основные формы капитала: экономический, культурный и социальный. Он показал, что «внутри каждого класса, определяемого по общему объему его капитала, выделяются подклассы, различия между которыми основаны на структуре активов, т. е. различных формах распределения совокупного капитала между отдельными его видами»². Представляется важным выделенное П. Бурдьё свойство различных форм капиталов трансформироваться друг в друга. Он показывает па-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 23. С. 90.

² Бурдьё П. Формы капитала // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. [Электронный ресурс] URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital>.

радоксальность таких трансформаций исходя из принципа, аналогичного физическому закону сохранения энергии, когда прибыль в одной форме капитала влечет обязательные затраты других форм капитала. Отдавая приоритетность экономического капитала над всеми прочими, ученый устанавливает разницу между экономическим, социальным и культурным обменом, выражающейся в специфичности трудовых затрат на приобретение той или иной формы капитала. Эта специфичность выражается в изменении *смыслов отношений*, возникающих при конвертации капиталов: «очевидно неоплачиваемые затраты времени, внимания, заботы, участия»¹ в процессе приобретения социального капитала рассматриваются как бесполезная и бессмысленная трата. Но для социального обмена такая трата выступает как серьезная инвестиция, в конечном итоге проявляющаяся как прибыль в денежной или какой-то другой форме. При анализе трансформаций форм капитала П. Бурдье обратился к понятию «ресурс», который расходуется и приобретает в процессе изменений форм капиталов, а ценность на определенные типы ресурсов заключается в ситуации социального дефицита.

Идеи П. Бурдье получили развитие в российской социологии. Становление ресурсного подхода и перспективы ее развития в отечественной социологии исследованы Н. Е. Тихоновой².

Т. И. Заславская при изучении трансформации российского общества центральным критерием социальной дифференциации обозначила объем совокупного капитала индивидов и социальных групп³.

О. И. Шкаратан для изучения устоявшихся и формирующихся в обществе социальных слоев и изучения институциональных факторов их воспроизводства обратил внимание на обладание определенными объемами «реальных экономических, политических (властных) и иных ресурсов, прежде всего человеческого, социального и культурного капиталов»⁴. Анализируя исследования и концепции об основа-

¹ Бурдье П. Формы капитала // Там же.

² См.: Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-09/tixonova.pdf>.

³ Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. С. 150.

⁴ Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономиче-

ниях социального расслоения, он обратил внимание на правомерность «признания социальных классов как материальной реальности, имея в виду распределение дохода и собственности и связанные с этим жизненные шансы»¹ в современном обществе. Основанием для изучения реальных социальных неравенств в современных обществах является обладание определенными ресурсами: экономическими (владение землей, предприятиями, рабочей силой и т. д.); политическими (власть в обществе, на рабочем месте и т. д.); социальными (доступ к высокостатусным социальным сетям, социальным связям, ассоциациям и клубам); престижными («хорошая репутация»; слава; уважение и унижение); человеческими, человеческим капиталом (мастерство, компетенция, обучение на работе, опыт, формальное образование, знание); культурными, культурным капиталом (практика потребления, присущая людям с высоким общественным положением, «хорошие манеры», привилегированный образ жизни)².

Как видно, *ресурс* и *капитал* в данном случае выступают как синонимы. Представляется важным зафиксировать различия между этими понятиями. Следуя подходу К. Маркса, под *капиталом* того или иного типа следует понимать *общественные отношения*, возникающие в процессе использования определенного типа ресурсов, и результаты его использования. Для экономического капитала это будут отношения по поводу использования экономических ресурсов и прибавочная стоимость, получаемая в результате актуализации этих отношений. Для политического капитала таковыми будут отношения по поводу власти, возникающие на разных уровнях – от территории собственного проживания до управления государством. Для социального капитала – соответствующие отношения, вытекающие из использования возможностей социальных сетей (статусных ассоциаций и пр.), и результат в виде возможности влиять на ход административно-управленческих и им подобных процессов. Аналогичным образом необходимо определять и остальные типы капиталов. Под *ресурсом* необходимо понимать *количественную меру* возможности выполне-

ски активного населения России 2006 г.: препринт WP7/2007/02. М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 3. [Электронный ресурс] URL: http://www.hse.ru/data/891/906/1224/Publ9_Shkaratan.pdf.

¹ Там же.

² Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г.: препринт WP7/2007/02. М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 5. [Электронный ресурс] URL: http://www.hse.ru/data/891/906/1224/Publ9_Shkaratan.pdf.

ния социальной деятельности, общественные условия, позволяющие с помощью определенных преобразований получить желаемый *социально значимый результат*. При этом необходимо отметить, что в результате актуализации капиталов находящиеся в распоряжении социальной группы ресурсы могут расходоваться (уменьшаться), как это происходит с материальными ресурсами в экономике или с социальными – в случае выхода за рамки установленных норм и правил (для индивида это может выражаться как неформальное исключение из сообщества, когда в результате нарушения принятых норм с ним перестают считаться другие члены группы, или формальное – увольнение «по статье»). Для общности социальный ресурс может формализоваться через категорию «репутация» – например вуза, кафедры и др.), оставаться на прежнем уровне или возрастать, образуя новые ресурсы и наращивая базу для соответствующего типа капитала.

Совокупность всех имеющихся ресурсов, которые используются в настоящее время или могут быть привлечены для социальной деятельности в процессе актуализации всех форм капиталов, образуют *ресурсный потенциал* – интегральный показатель, фиксирующий место группы (общности) в социальной стратификации. Такой подход позволяет определить условия ее существования и самовоспроизводства, зафиксировать изменения, происходящие внутри самой общности, выявить механизмы развития и влияния на другие общности и группы, то есть изучать ее степень включенности в различные социальные процессы, характер влияния на результаты этих процессов.

Изучаемая нами модернизация общества представляется как двойной социальный процесс: а) перехода к обществу знаний при одновременном завершении индустриальной модернизации и б) повышения человеческого капитала включенных в него общностей. В этом плане модернизация образования становится необходимым условием успешности данных процессов.

Под *модернизацией образования* мы будем понимать *сложный, многовекторный процесс социальных изменений*, направленный на повышение качества и эффективности его подсистем (общего, среднего и высшего профессионального и других), соответствующей этому процессу трансформации норм, ценностей и правил, регулирующих взаимодействия как внутри, так и с окружающими системами, и *осуществляемый путем повышения совокупного человеческого потенциала включенных в образовательную среду общностей* на основе синерге-

тического взаимодействия образовательных традиций и инноваций.

Мы полагаем, что основной целью модернизации образования будет обеспечение конкурентоспособности системы, неотъемлемым элементом которой выступает высшее профессиональное образование, как минимум, на уровне европейско-российского мегарегиона. На уровне высшего профессионального образования достижение данной цели связано с решением задачи повышения эффективности использования ресурсного потенциала преподавательской общности.

Для корректного определения характеристик данного ресурсного потенциала нужно констатировать, что преподаватели высших учебных заведений высшего профессионального образования – это особая, многочисленная социальная группа, основанная на основе определенной профессиональной деятельности, или *профессиональная общность*. Методология исследования профессиональных общностей рассматривается в работах российских социологов Г. Б. Кораблевой, В. А. Мансурова, О. В. Юрченко, П. В. Романова и др.¹.

Статистическая преподавательская общность представляется достаточно крупной: на начало 2010/2011 учебного года, по данным Росгосстата², в РФ насчитывалось 356,8 тыс. преподавателей системы ВПО (данные приведены без учета численности ректоров, проректоров и директоров филиалов, которые часто выполняют функции преподавателей).

Для изучения реальных профессиональных общностей социологами выделяются качественные характеристики, являющиеся общими для их выделения – а) наличие единого содержания профессиональной деятельности; б) общих представлений об условиях существования профессии, целях и средствах профессиональной деятельности; и в) специфических профессиональных интересов. Для выявления специфики этих интересов возможно обратиться к следующим общностнообразующим признакам: а) особенности профессиональных ресурсов, включенных в социальный потенциал общности; б) профессио-

¹См.: Кораблева Г. Б. Социология профессий. Екатеринбург : УрФУ, 2012; Кораблева Г. Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. Екатеринбург: Изд-во УрГППУ, 1999; Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. 2005. № 1; Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8.

² Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / пред. ред. коллегии А. Е. Суринов. М. : Росстат, 2011. С. 242.

нальные ценности; в) нормы и стандарты профессионального поведения; г) профессиональная идентичность; д) профессиональная солидарность¹.

В качестве общностнообразующего признака ресурсы выделены Г. Е. Зборовским. Им было показано, что понятие «ресурс», будучи связанным, как и в экономических дисциплинах, с капиталом, в социологии приобретает особое звучание².

Г. Б. Кораблевой при разработке теории профессиональных общностей относительно ресурсов как общностнообразующего признака сделано существенное дополнение. Она полагает, что понятие социального ресурса необходимо включать «в более широкое понятие социального потенциала общности и характеризовать степень ее [общности] жизнеспособности в тот или иной период развития или в тех или иных социальных условиях...». Ей подчеркнуто, что «признак социального ресурса относиться не к любому виду общностей, а только к их части, наиболее значимой для существования и развития общественной системы. К числу таких общностей относятся профессиональные»³.

Любая профессиональная общность состоит из многообразных профессиональных групп. Основным понятием для определения ресурсных характеристик профессиональной группы является социальный статус, под которым исследователи понимают «определенный набор ресурсов, который открывает для индивида ряд возможностей в системе власти, распределения материальных благ и престижа»⁴. Обратим внимание на то, что в профессиональной группе может наблюдаться явление статусной рассогласованности, когда большинство позиций имеет высокое положение по одной части критериев и низкое – по другой (например, высокий культурный ресурс не подкреплен столь же высоким экономическим или властным ресурсом),

¹ Кораблева Г. Б. Социология профессий. Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 109–120.

² Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. С. 102–107.

³ Кораблева Г. Б. Социология профессий. Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 110.

⁴ Сало Е. П. Социально-профессиональный статус профессиональной группы: ресурсный подход // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2009. С. 386.

либо фиксироваться относительно равное распределение ресурсов, что у Г. Ленски получило название статусной кристаллизации¹.

Политический ресурс преподавательской общности можно определить как способность влиять на процесс и результат принятия политических значимых решений на уровне региона, страны или мегарегиона. В сравнении с другими социальными группами он представляется относительно небольшим и проявляется очень опосредованно – через участие в различных общественных и экспертных советах, комиссиях и тому подобных органах, создаваемых при государственных властных структурах для подготовки политических, законодательных и других властных решений.

Экономический ресурс выступает в двух аспектах: 1. Актуальный (наличный), который выражается в уровне оплаты труда и материальной обеспеченности. 2. Стратегический, создаваемый в обществе в процессе профессиональной деятельности общности, под которым следует понимать формируемый в процессе образования экономический ресурс выпускников.

Культурный ресурс можно определить, исходя из подхода Л. Н. Когана к культуре, характеризовавшего последнюю как «меру и способ реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности и в результатах этой деятельности»², как некоторую совокупность освоенных общностью культурных образцов, позволяющих общности занимать и сохранять определенное место в социальной стратификации через обеспечение социально значимого результата. Для преподавателей принципиально важными выступают следующие характеристики культурного ресурса: во-первых, это все, что связано с процессами освоения культуры: формальное и неформальное образование, уровень мастерства, профессиональные знания, качество воспитания, культурный кругозор, эрудиция, компетентность и т. д. Во-вторых, к культурному ресурсу относится все, что связано с процессом использования уже освоенной культуры: ценностно-нравственные установки, практика потребления, стиль профессионального поведения, способность к осуществлению профессиональной деятельности, инновационности и креативности, определенные

¹ Lenski G. Power and Privilege: A Theory of Social Stratification. N.Y., 1966.; Ленски Г. Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса // Социологический журнал. 2003. № 4.

² Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург : УрГУ, 1993. С. 15.

жизненный опыт, практика потребления, манеры и образ жизни, свойственный членам общности.

Символический ресурс, выступающий частью культурного, выражается как объем и возможность реализации экспертного знания. Он проявляется как степень востребованности в обществе различных видов деятельности преподавателей у руководства кафедры (например, при определении структуры учебной нагрузки), администрации вуза (института, факультета – в случае привлечения к управленческой деятельности), научного сообщества (в виде возможности участия в престижных грантах и т. п.) и т. д. Еще более узкую часть символического ресурса представляют *престижные ресурсы*, выражающиеся через понятия «репутация», «уважение», «общественное признание».

Что касается *социального ресурса* профессиональной общности в целом, то под ним следует понимать, с одной стороны, весь комплекс социальных связей с другими группами, используемой ею для закрепления и улучшения своего места в обществе (социальном пространстве), когда речь идет о социальной стратификации, и, с другой – комплекс связей внутри самой группы, позволяющей ей самоорганизовываться и саморазвиваться, когда речь идет о ее функционировании.

Здесь уместно привести позицию Ф. Фукуямы, который рассматривал социальный капитал через способность людей образовывать общности для достижения целей, реализуемую на основе подчинения своих интересов нормам и ценностям этой общности. Базовым элементом для существования такой формы капитала является доверие¹. Оно проявляется через возрастающую общественную значимость профессии вузовского преподавателя (обратим внимание, что преподаватели вузов составляют 0,25 % всего или 0,32 % городского населения России), выражающуюся в возрастающем год от года количестве желающих получать высшее образование. Другой аспект проявления доверия – устойчивость самой преподавательской общности, формирующаяся на отношении к институту высшей школы как ценности. В этой связи важными показателями развитости социальных ресурсов, обеспечивающих устойчивость общности, являются степень доверия преподавателей к коллегам, руководству, вузу, сис-

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : Ермак, 2004. С. 53–54. [Электронный ресурс] // Финансовый университет при Правительстве РФ. Интернет-депозитарий. URL:

http://website.vzfei.ru/sites/default/files/users/1999/_fukuyama_frensis_doverie.pdf.

теме высшего профессионального образования в целом и прогностические оценки их карьерных стратегий.

Властный капитал профессиональной общности можно представить как определенным образом выстроенные отношения подчинения одних социальных субъектов другими или оказания влияния на них, возникающие в процессе и в результате профессиональной деятельности членов общности. *Властный ресурс* профессиональной группы определяет ее способность формировать собственную социальную позицию в различных измерениях. Объем власти определяет степень доступа индивида или профессиональной группы к необходимым ресурсам (материальное обеспечение, плодотворная работа, свободное время) и возможность распоряжаться ими¹.

Для властного ресурса в качестве существенного признака исследователи выделяют «концепт социального закрытия группы»², характеризующий возможности вхождения/выхода в профессиональное сообщество и контроля соблюдения институциональных правил членами сообщества. Степень социальной закрытости общности преподавателей проявляется через механизмы рынка труда (в частности, возможность не только устроиться на преподавательскую работу, но и удержаться в профессии, не попав под сокращение штатов, снижение нагрузки и т. п.) и образовательной системы, которая обеспечивает необходимый количественный и качественный уровень подготовки педагогов.

Существенным показателем закрытости является свод этических правил профессиональной деятельности, позволяющий осуществлять неформальный контроль нахождения в сообществе. Контроль «границ общности» осуществляется через институт профессиональных ассоциаций, формирующихся на основе научного интереса, таких как, например, «Российское общество социологов», или на основе профессиональных организаций, осуществляющих контроль в образовательной деятельности, в частности, учебно-методических советов и объединений.

¹ Мансуров В. А., Юрченко О. В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 66–77.

² Сало Е. П. Социально-профессиональный статус профессиональной группы: ресурсный подход // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2009. С. 388.

Не менее важным показателем властного ресурса представляется показатель автономии в принятии решений по выполнению главной функции, т. е. процесса преподавания. Основные признаки такой автономии – возможность планировать рабочий процесс, содержание занятий, темп работы, условия осуществления трудовых функций.

Еще один показатель властного ресурса – возможность профессиональной группы оказывать влияние на вознаграждение за проделанную работу: насколько оказываются связанными ее объем и качество с уровнем материального и других видов вознаграждений, способных трансформироваться в материальные блага (к примеру, грамота министерства образования дает основания оформить при выходе на пенсию звание «Ветеран труда» и получать льготы по оплате жилья); в какой мере члены общности могут влиять на регламент работы и систему оплаты труда и т. п.

Наконец, властный ресурс определяется через наличие собственной профессиональной организации (профсоюза или ассоциации), способной защищать конституционные и профессиональные права членов общности и реализовывать ее самоидентификацию посредством выдвижения лидеров, способных соответствующим образом представлять интересы рядовых членов.

Таким образом, изучение различных типов капиталов, ресурсного потенциала общности вузовских преподавателей позволяет определить ее место в социальной стратификации и, следовательно, степень возможного участия в социальных процессах, в том числе модернизации общества и образования. Исследование видов ресурсов, которыми обладает общность, позволяет выстроить новую типологию преподавателей, которая предоставит возможность получить качественные и количественные характеристики групп преподавателей, способствующих или тормозящих модернизационные процессы высшего профессионального образования и общества в целом.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Культурная идентичность представляет собой символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, к которой принадлежит индивид. При всем разнообразии подходов и определений, существующих в науке, представители всех направлений, так или иначе, считают, что ядром культурной идентичности является образ самого себя, слитый с культурой, в целостном восприятии действительности индивидом. При этом идентичность выступает интегральным параметром и не сводится к социальным ролям. Основным средством сохранения идентичности выступает диалог и преемственность культур. Личность вырастает на почве родной культуры, бессознательно и сознательно впитывая все то, что обозначается терминами «коллективная ментальность», «историческая память» и «дух народа». На протяжении человеческой жизни индивидуальная идентичность причудливо переплетается с коллективной. Однако сегодня в России диалог и преемственность культур затруднены, но особенно важны и жизненно необходимы.

Актуальный рост информационной эпохи представляет собой «исторический период, характеризующий широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. При этом люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются»¹. Изменение роли нации-государства в условиях мультикультурализма на Западе привело к плюрализму идентичности, последующим кризисным переоценкам идентичностей как таковых. Для России плюрализм идентичности был характерен изначально, поскольку она всегда рассматривалась как мост между Востоком и Западом, как страна, соединяющая в себе европейские и азиатские начала, сочетающая славянское единство с формированием суперэтнуса славянских, тюрк-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха // Экономика, общество и культура. М. : ВШЭ, 2000. С. 27.

ских, финно-угорских и других народов. Склонность отечественных мыслителей к плюралистическому определению российской идентичности часто была предметом критики, считающей подобный плюрализм следствием отсутствия идентичности. Поэтому «смысл кризиса идентичности в России не в том, что утрачено монистическое восприятие своей самоидентичности и возобладал плюрализм, а в том, что отсутствует плюрализм как совместимость позиций и преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой»¹.

По мнению Э. Гидденса, идентичность в постсовременных обществах предстает как ряд дилемм самоопределения: унификация – фрагментация; беспомощность (отсутствие возможностей) – многообразие возможностей; наличие устойчивых авторитетов – самоопределение в условиях их отсутствия; опора на индивидуальный опыт – стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение.

Глобализация усиливает процессы фрагментации, создает многообразие возможностей, самоопределение в отсутствии авторитетов и через стандартизированное квазирыночное поведение. Именно таковы рамки глобальной идентичности, тогда как на уровне локальной идентичности мы видим унификацию, сокращение возможностей, веру в авторитеты и преобладание индивидуального опыта. Идентичность в этой ситуации расслоения уровней идентификации Э. Эрикссон определяет как субъективное ощущение своей самоидентичности, которое является источником энергии и преемственности². Исходя из этих рассуждений можно предположить, что один из уровней идентичности – это сфера сакрального, где человек соотносит себя с фундаментальными ценностями, со смыслообразующими слагаемыми бытия. Под сакральным в данном случае понимаются священные для индивида ценности его повседневной жизни. В этом значении термин «сакральное» широко употреблял Э. Дюркгейм, который указывал на возможность нерелигиозной трактовки сакрального, как составляющего подлинную основу человеческого бытия, его коллективистскую (традиционную) сущность. Думается, что речь идет и о коллективных представлениях, существующих на бессознательном и сознательном уровнях личности. Глубоко переживаемые архетипические образы наполняют смыслом жизнь личности. *Поэтому утрата*

¹ Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 53.

² Эрикссон Э. Идентичность и неукорененность в наше время // Философские науки. 1995. № 5–6. С. 217.

идентичности переживается как утрата и потребность в мифе. Миф в данной ситуации выступает как источник примордиальных солидарностей, включая солидарность на основе локальной культуры, а также на основе религии. Подобные солидарности – источник не только индивидуальной самоидентичности, но и идентификации с окружающим миром, сообществом. Таким образом, процессы демифологизации привели к разрушению сакрального уровня идентичности. Поэтому в конструировании новых мифов есть источник обретения новых жизненных смыслов.

Пласт сакрального в идентичности личности в условиях глобализации определен именно локально. Идентичность – многоуровневый концепт, на формирование которого «работает» и историческая память, структурным элементом которой является социальная мифология. Историческая память, в свою очередь, является частью коллективных представлений. Результатом ценностного кризиса явились «разбитость», фрагментарность коллективных представлений и коллективной памяти. Иллюстрацией данной ситуации может быть отношение россиян к праздникам: нас объединяет только один праздник – День Победы. Результатом этих процессов является «фрагментарная» идентичность. Ее «собрание», обретение целостности лежит на пути поиска новых смыслов, новых мифов, которые будут объединять население в народ.

И здесь открывается актуальное поле интеллектуальной критики через понимание нормативных уровней идентичности, ее мифологического воспроизводства. Человеческое присутствие обнаруживает себя через различные способы установления нормативных предпосылок идентичности.

Поскольку всякая картина мира представляет собой человеческий проект, ей свойственно вбирать в себя и выражать ключевые метафоры и установки человеческого присутствия. Основные смысловые уровни картины мира включают в себя в качестве важнейшего философско-практический, в котором преобладают нормативные типы структурирования отношения человека к миру. Эта доминанта открывает широкие возможности задействования методологических ресурсов мышления для понимания и объяснения фактических установок сознания и поведения людей в различных социальных ситуациях. Такой взгляд на природу картины мира, ее социальной миссии, происхождения, содержания исключает узкие трактовки социальной регуля-

ции, позволяет видеть в практическом разуме не только этические доминанты и максимы, но и широкий спектр поведенческих типизаций.

В частности, так открывается возможность широкого понимания нравственности как типа социального установления, в котором нет смысловых и ритмических разрывов между внутренними ценностями и внешними стереотипами поведения людей. Картина мира несет в себе различные уровни обобщений, имеющих функцию предписания. Понимание в значительной степени воспринимается в публичной полемике как попытки объяснения существующих установок человеческих взаимоотношений. Наивные смыслы повседневного жизненного мира и теоретические термины всегда взаимосвязаны через иерархические уровни социально-регулятивных представлений, несущих определенность смыслового содержания и ценностного выбора.

Рассмотрим основные смысловые уровни этой структурной взаимосвязи социальных регуляторов, образующих философско-практический аспект картины мира, определяющей ее нравственную релевантность актуальным коллизиям жизни людей в обществе.

Манеры составляют исходную точку типизации человеческих соприсутствий, составляют наружный слой прагматических значений индивидуального выбора. Именно в манерах даны пространства стилевых войн, коммуникаций, форм солидарности и взаимного отчуждения. Непрерывная ткань локальных и диалектных различий в формах повседневного общения питала и приводила в историческое движение культурные традиции, составляла содержательную среду возможных культурных заимствований, открытий, изобретений. Актуальная гибель традиционных культурных вариаций сегодня замещается рыхлыми стилевыми конфигурациями, порождающими более короткие жизненные циклы социально-поведенческих различий на фоне потенциально понятной в результате избыточных огрублений и обобщений стилистики глобальной массовой культуры. Реальным полигоном актуальных манер являются молодежные субкультуры, фрагментарные стилевые проявления которых мы можем наблюдать, общаясь со студентами в ходе учебных занятий, тем более они представлены в формах их свободного времяпровождения, от клубной жизни до гражданской активности. Общая мешанина и легкость стилевых заимствований сегодня еще более заставляют видеть в переходящих молодежных веяниях среду роста прототипов культурного лидерства образов внешнего представления человека.

Нравы были излюбленным сюжетом не только архаичных и традиционных культур, но аккумулировали в себе основные сентиментальные типы в обществах, переживающих модернизацию. Интенции в качестве типичных состояний сознания еще остаются внешними по отношению к философским принципам, но уже несут в себе внутреннюю обобщенность манер, цензурную стилистическую доминанту. Мировые войны, кровавые революции, тоталитарные режимы заставили потускнеть интеллектуальную апелляцию к нравам, но лишь видимым, публицистическим образом, в той мере, в какой разговор о нравах не покидает территории самих нравов. Вместе с тем, именно недоступность глубинных, фоновых представлений, реконструирующих нравы, для нарицательной традиционной критики сделала нравы фактическим ресурсом переоценок философской традиции в новейшей философии и социальной теории. Именно нравы, утратившие очевидность этнографических характеристик, стали смысловым пространством конструирования ключевых представлений о жизненных мирах людей. Здесь также открылся весьма широкий спектр направлений, связанных с пониманием социально-групповых форм бытования культурных вариаций, включая профессиональную и корпоративную культуру.

Нормы возвышаются над нравами и представляют собой первую ступень внутренней смысловой территории картины мира. Динамизм типов, интенций сменяется здесь формулами символической правильности. Не счесть философских версий реконструкции норм, их сущностных характеристик и вариативных взаимосвязей. Однако имеет смысл говорить о норме в диапазоне от социальной вменяемости до социальной компетенции. Разумеется, задача не сводится к постановке медицинских диагнозов и уточнению юридических фикций. Установление социальных норм невозможно вне питающего их содержания манер и нравов и бессмысленно вне установки их искусственного возвышения, усовершенствования и стремления к ценностям в качестве удаленных значимых целей. Актуальная нормативность, по справедливому замечанию Э. Дюркгейма, не только испытывает вызов размытости коллективных представлений, но и выражает шок от постоянного реформирования социальных кодексов и фактической инфляции ссылок на ценности в лексиконе публичной коммуникации. Современный контекст реформирования ключевых социальных норм пытаются оправдывать различными социальными технологиями, прежде

всего критериями эффективности, взятыми из менеджмента. Но эффективность социальной регуляции лишена смысла вне связи с чувственным и рациональным содержанием, вне связи с повседневными типами, идущими от манер и нравов и вне ориентирования на плюрализм нормативных кодексов и признание абсолютных ценностей, включая общечеловеческую доминанту. Фактически оперирование замкнутыми критериями вертикальной управляемости социальных организаций не имеет признаков конечной выполнимой задачи и ведет к разрушению социальных норм в качестве ключевого связующего уровня социальной регуляции и картины общественной жизни.

Кодексы неизбежны в качестве рационализации комплекса нормативных представлений, фактически гарантирующих социальное выживание людей. Кодексы представляют собой отчетливую альтернативу идеологическому манипулированию и религиозному откровению. Ресурс культурной традиции доносит до нас образцы профессиональных кодексов. Актуальные процессы культурных трансформаций выталкивают на авансцену публичной жизни безличные компиляции правил и стереотипов относительно более высоких, чем прежде, в плане толерантности, или, используя выражения И. Канта, «необщительности людей». Ахиллесова пята текущих кодификаций связана с их необозримым разнообразием, составляющим новое качество среды социальной регуляции, но не вносящим новых инструментов в социальную регуляцию как таковую. Очевидным ресурсом оптимизации складывающейся на этом уровне социальной регуляции картины мира является качественная демаркация, разводящая посреднические формы массовых отношений людей и первичные нормативные приоритеты, разъясняющие смыслы первичных социальных установлений и культурных оснований (включая культурные универсалии). Философское знание, социально-теоретические дисциплины не подменяют собой в данном случае конкретные социально-технологические и управленческие алгоритмы, но позволяют предостеречь от заведомо губительных сценариев их конструирования и применения подобно тому, как математические и физические знания способны уберечь инженеров от принципиальных ошибок в разработке технологий и в ситуациях их социально-организационного применения. Вероятно, нормативные кодексы не могут быть внесены «сверху» в практику гражданских отношений, но они и не могут быть исключительным продуктом импровизаций «снизу». Социальная кар-

тина мира не может быть внятной без острых этических столкновений. Но эти столкновения выводят из тупика лишь при условии содержательных аргументов в конкретно-исторической философско-практической стилистике.

Ценности как таковые выходят по своему содержанию за смысловые рамки социальной регуляции. Однако без них никакая социальная регуляция невозможна. С точки зрения кибернетической модели управления, ценности можно характеризовать в качестве латентной подсистемы, в качестве сферы глубоких контекстов внутренней среды, рождающей разнообразие смыслов. Следует заметить, что с точки зрения личности, ценности ускользают из сферы смысловой восприимчивости и прагматического ориентирования в социальные периоды стабильности, относительного застоя повседневности или в периоды ненаправленных изменений, относительной необратимости утраты человеческих связей. Таким образом, наиболее отчетливые образцы экспликации ценностных доминант социальной регуляции мы обнаруживаем в исторических фазах поступательного развертывания культуры, в обществах, нашедших собственные смысловые ритмы и баланс внутренних и внешних средств социальной регуляции. Именно в таких культурных сценариях внешние слои в наименьшей степени скрывают внутренние смысловые основания картины мира, делают относительно предсказуемой социальную регуляцию на фоне динамичных развертываний и трансформаций иных ресурсов цивилизации. Культурные ценности не противоречат цивилизационным инструментам как таковым, но не гарантируют отсутствия коллизий между различными уровнями социальной регуляции.

Структура философско-практического аспекта картины мира – это поле сравнения различных групп феноменов и тенденций, где критерием сопоставления содержательно объясняют формальные особенности социальной регуляции. Философия – это нравственное понимание. Но само это понимание нагружено присутствием мифологических корней человеческой идентичности.

ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ВОЛОНТЕРСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Широкий общественный резонанс в отношении популяризации волонтерства в разных странах активизирует научный интерес к данной проблематике со стороны специалистов разных направлений. Волонтерство становится объектом пристального внимания исследователей-практиков и теоретиков. Изучением различных его аспектов сегодня занимаются экономисты, социологи, педагоги, психологи, историки, юристы, специалисты в области менеджмента.

На рубеже XX–XXI вв. в мировом научном сообществе отмечается всплеск публикационной активности по данной теме. В последние годы ученые делают попытки провести теоретическое обобщение отдельных теорий, классифицировать исследовательские подходы с целью объяснения сущности данного феномена, они стремятся «...построить теоретические модели, имеющие прогностическое значение, для понимания развития общества»¹.

Актуальность нашей проблематики в современной России стимулирует особый интерес к волонтерству как научной проблеме. Во многом это объясняется политическим и экономическим контекстом происходящих в стране событий, социальными трансформациями макро- и микроуровней, которые привели к новому качеству развития российского человека, к новым формам выражения его потребностей, к реализации способностей и возможностей в условиях нормативно-правовых ограничений для проявления своей экономической и политической активности.

Исследуемый феномен раскрывает проблемы взаимодействия личности, общества и российского государства, раскрывая различные аспекты волонтерства как сферы личной самореализации человека, как формы просоциального поведения, как разновидности самоорганизации людей, которая при любых условиях сохраняет свой независимый характер (от государства, политики, экономики) и не ограничивает проявления свободы людей. В этой связи, общественно-

¹ Chambré S., Einolf C. Is volunteering work, prosocial behavior, or leisure? An empirical study // Center for nonprofit strategy and management. Working papers series. 2008. USA. P. 25.

значимый характер волонтерства актуализирует необходимость в системном изучении данного феномена, потребность в интеграции результатов различных исследований отдельных его аспектов в рамках социологического подхода.

Теоретическое богатство социологии, накопленное ею в рамках классического и современного этапов развития, позволяет рассматривать волонтерство как прямо, так и опосредованно. В границах классического этапа в социологических теориях волонтерство не выступало как непосредственный предмет изучения в силу своей неактуальности. Другое дело – современные социологические теории, парадигмы и метапарадигмы, в ряде из которых волонтерству уделяется прямое внимание, либо его можно обнаружить в непосредственном их контексте.

В рамках современного этапа теоретическая наука, наряду с разработкой исследовательской методологии, все теснее сближается с практикой, обслуживая и удовлетворяя потребности различных структур¹. Социологическая специфика изучения волонтерства как социального феномена адресует нас к деятельностно-активистским теориям, теории общественных движений, социального капитала и теории доверия.

В. А. Ядов², оценивая потенциал современной российской социологии, особо подчеркивает, что деятельность социальных субъектов (в нашем случае волонтеры таковыми и являются) регулируется формальными и неформальными правилами в разных полях взаимодействия: экономическом, поле социальных повседневных взаимодействий, правовом, в поле политики и социально-культурном. В этом ключе представляется сегодня наиболее адекватной для изучения волонтерства деятельностно-активистская парадигма, интегрирующая идеи П. Бурдьё, П. Штомпки, А. Турена, Ф. Фукуямы.

Определяющими здесь являются следующие теоретические установки: институциональные изменения есть постоянное становление, результат человеческих практик; ключевыми элементами социальных институтов являются не только индивиды, но и коммуникации, практики и взаимодействия; наибольшую активность проявляет

¹ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург : ГУ, 2007. С. 24.

² Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная основа исследования российских трансформаций. Изд-е 2-е. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 39.

«агент» или «актёр»¹. При таком подходе практические действия волонтеров как многообразных социальных субъектов определяют направленность социальных изменений, формируют поле межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. П. Штомпка подчеркивает, что любая общность может рассматриваться не как жесткая система, а как «мягкое поле» взаимоотношений между индивидами со своими привязанностями, образом жизни, «сетями» взаимодействия, она «является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом»². Межличностное поле волонтеров находится в постоянном движении. Определяющей характеристикой здесь является постоянство процессов группировки и перегруппировки, организации и реорганизации, выстраивающих и структурирующих поле волонтерства и его взаимодействие с другими структурными полями, в первую очередь, с полем мировой и региональной политики.

В процессе изучения значения поля волонтерства в отношении с другими полями выявлено, что существует доказанная связь между высоким уровнем трат на социальное обеспечение и высоким уровнем добровольчества и благотворительности³. Наряду с полем политики существенное влияние на развитие волонтерства оказывают поля религии и экономики⁴. Кросс-культурные социологические исследования доказывают существующие тренды вовлеченности населения в волонтерство, отличные для стран с разным уровнем экономического развития и характером политического режима⁵.

При составлении плана исследования объективной структуры отношений между позициями актёров в рамках поля волонтерства выделяются два специфических его сегмента. Д. Вильсон и М. Мусик

¹ Ситнова И. В. Активистско-деятельностная методология в моделировании процесса «институциональных изменений» // Социс. 2012. № 7. С. 37.

² Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. проф. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 27.

³ Salamon, L. M., Sokolowski, W. Volunteering in crossnational perspective: Evidence from 24 countries. Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, No. 40. Baltimore: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001.

⁴ Ram C., Kasternakis A., Wineberg R. Religious people, religious congregations, and volunteerism in human services: Is there a link? // Nonprofit and Voluntary Sector. Quarterly 22:33–51. 1993.

⁵ Anheier H. K., Salamon L. M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons // Civil Society Working Paper. 2001. 10.

обозначают их как формальный и неформальный волонтерский труд¹. Безусловно, что участие в одном виде деятельности, санкционированном культурой и обществом, поощряет участие и в других видах такой деятельности². Но, согласно данной теории, участие человека в организованных волонтерских проектах стимулирует его желание оказывать неформальную помощь кому-либо. При этом сети неформальной помощи, образованные вокруг личных отношений, не преобразуются в формальные волонтерские практики. В свою очередь, общественные факторы, которые поддерживают формальное волонтерство, имеют положительное влияние на вероятность оказания помощи и на менее формальной основе.

Оказываясь включенными в структуру поля волонтерства, добровольцы как субъекты, проявляющие активность, накапливают свой личный капитал (культурный, социальный), наращивают капитал волонтерской общности во всех его проявлениях. Они формируют своей деятельностью капитал общества в целом, где волонтерство само выступает в качестве ресурса, а волонтеры рассматриваются как человеческий капитал. По мнению П. Бурдье, капитал в зависимости от области, в которой он функционирует, может выступать в трех основных обликах: экономического, культурного, социального капитала³. Относительно социального капитала волонтерства следует особо отметить, что социальные взаимоотношения открывают волонтерам доступ к ресурсам волонтерской общности, где качество социального капитала отдельно взятого добровольца напрямую зависит от качества ресурсов, которые он использует.

В. Вильсон в своей концепции рассматривает волонтерство как почетный труд, наделяющий волонтеров неким статусом, который обеспечивает престиж, наряду с благотворительностью и другими добродетелями⁴. И в этом смысле волонтерство для конкретного человека выступает в качестве социального капитала. Габитус волонтеров как агентов, занимающих различные позиции в структуре поля,

¹ Wilson J., Musick M. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // *American Sociological Review*. 1997. October. Vol. 62. Pp. 694–713; Wilson D. Volunteering // *Annual. Reviews. Sociol.* 2000. 26:215–40. P. 215.

² Smith D. Determinants of voluntary association participation and volunteering. *Nonprofit Volunt. Sect. Q.* 23:243–63. 1994.

³ Бурдье П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 60.

⁴ Wilson J., Musick M. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // *American Sociological Review*. 1997. October. Vol. 62. P. 694–713.

получает свое объяснение в «теории социального влияния». Социальные роли волонтера оказывают существенное влияние на принятие решений и его действия. Во многом габитус добровольцев зависит от господствующей социальной идеологии в отношении волонтерства, которая определяет нормы поведения в данном обществе¹. Л. Пеннер доказывает, что «социальное давление» играет важную роль в принятии решения человеком работать или не работать волонтером².

Конец XX – начало XXI вв. характеризуется большим количеством исследований волонтерства, теоретико-методологическим основанием которых является теория социального капитала. Определяя ценность социального капитала волонтерства на макроуровне, исследователи пытаются найти закономерности, объясняющие различия в развитии волонтерства в разных социокультурных условиях, делают попытки выделить характеристики среды, социальные, экономические и политические факторы, оказывающие существенное влияние на волонтерство³.

Структура поля волонтерства детерминирует статус добровольца и его поведение, предлагает ему как актóру определенные правила, предоставляет возможности, создает условия для реализации своей собственной активности. Социальный капитал волонтерства связан с рядом ценностей и установок людей, определяющих то, как они относятся друг к другу и насколько эффективно взаимодействие между ними в определенных условиях. Особенно важны установки и ценности, которые имеют решающее значение для социальной стабильности и сотрудничества. Доверие – одна из таких наиболее важных интегрирующих констант. Оно бывает личным – к конкретному человеку, и абстрактным, когда строится не на основе личных (семейных, дружеских и т. п.) отношений, а порождается социальными институтами⁴.

¹ Bennett P., Bozionelos G. The theory of planned behavior as predictor of condom use: A narrative review. *Psychology, Health & Medicine*. 2000. 5. P. 307–326.

² Penner L. A. Volunteerism and social problems: Making things better or worse? *Journal of Social Issues*, 60, 2004. P. 645–666.

³ Cnaan R., Goldberg-Glen R. Measuring motivation to volunteer in human services. *J. Appl. Behav.* 1991. Sci. 27:269–285; Hand, F., Hustinx I., Kang C. H., Cnaan R. A., Brudney J., Haski-Leventhal D., Zrinscak S. A cross-cultural examination of student volunteering: Is it all about resume´ building? // *Nonprofit and Voluntary Sector*. 2010. Quarterly, 39, P. 498–523; Glaeser E. L., Laibson D., & Sacerdote B. An economic approach to social capital. *Economic Journal*. 2002. 112. P. 437–458.

⁴ Патрушев С. В. Социальный капитал // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». [Электронный ресурс]. URL:

http://www.civisbook.ru/files/File/Patrushev_soz_kapital.pdf.

«Теория доверия» – одна из базовых теорий, используемых сегодня для понимания волонтерства. В ее разработке активное участие принял Ф. Фукуяма, по мнению которого принцип добровольности лежит в основе социального развития, а образование различных социальных общностей объяснимо в терминах добровольного договора между индивидами. С его точки зрения, объединение людей с целью взаимопомощи зависит от доверия между ними. Само же доверие может быть обусловлено существующей культурой, а может базироваться на «разумном эгоизме» индивидов в сочетании с необходимыми правовыми механизмами общества вроде контрактной системы, что компенсирует дефицит доверия между его членами и позволяет незнакомым людям создавать организации, работающие на достижение общей цели. «Доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»¹. С этих теоретических позиций волонтерство, с одной стороны, базируется на сфере «фундаментальных ценностей», с другой – на эгоистических интересах людей, не связанных с культурными основаниями общества. В условиях социальных изменений, их нарастающей динамики, которая ассоциируется в гуманистическом направлении с прогрессом, возрастает роль индивидуальных субъектов, каждый из которых в состоянии преобразовать своими повседневными действиями собственное общество². Волонтерство здесь выступает социальным институтом, порождающим общественный капитал, создающим условия для успешного действия в рамках того или иного устоявшегося сообщества или коллектива.

Отношения в социуме определяются актуальной нормой доверия. Это нормативное доверие задает условия, ограничения, масштаб для доверия межличностного, персонального, институционального, социального. По мнению российских исследователей волонтерства, именно социальное доверие «порождает» социальный капитал, который определяет практики взаимодействия на любой из социальных дистанций: от ближнего окружения индивида до общественных орга-

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 22.

² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005.

низаций¹. Л. Гудков в теоретическом и эмпирическом измерениях доказывает, что различные виды социального доверия, образующие институционализированный «социальный капитал», соотносятся с разными сетями общения и взаимодействия². Именно тесная связь теории социального капитала и теории доверия может выступать основанием для анализа феномена волонтерства. Например, при прогнозировании комплекса проблем, связанного с развитием волонтерства в современной России под опекой «государства» при относительно низком уровне доверия со стороны населения к его основным институтам. С другой стороны, нельзя не выделить в волонтерстве ресурс повышения уровня социального доверия в обществе. В межсекторном взаимодействии (государства и третьего сектора, бизнеса и НКО) волонтеры видят, что реально делают региональные и местные власти, сотрудники социальных служб, служб МЧС и т. д., сотрудники коммерческих организаций в проектах корпоративного волонтерства имеют возможность оценить реальную дееспособность третьего сектора, важность и значимость института благотворительности.

История развития волонтерства демонстрирует популяризацию и массовое распространение данного явления в мире во второй половине XX – начале XXI вв. С этого периода проявляется конкретный интерес социологов к изучению различных форм массовых коллективных действий. Интенсивное общественное развитие происходит через социальные изменения, которые, как правило, сопряжены с массовыми социальными движениями. В этом смысле при рассмотрении волонтерства как социального движения можно исследовать сущность волонтерской деятельности в качестве процесса самопроизводства и самотрансформации, осуществляемого посредством инвестирования знаний, умений, способностей и усилий волонтеров. Здесь добровольцы выступают действующими лицами, противопоставляемыми друг другу отношением господства и конфликта, имеющими одинаковую культурную ориентацию³. Они способны регулировать и организовывать формы своей деятельности, благодаря своей

¹ Отчет ФОМ «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». 2012. С. 17. [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/dobrovolchestvo.html>

² Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // НЛО. 2012. № 117.

³ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. С. 190–193.

активности освобождаться от форм и норм воспроизводства поведения и потребления.

Рассмотрение волонтерства в русле теорий социального движения позволяет охарактеризовать его как общность, в которой коллективное поведение ее членов, дистанцирующихся от своих инвестиций, но при этом идентифицирующих себя как активных субъектов деятельности, обеспечивает им статус не потребителя, а создателя общественной ситуации. Данная общность представляет из себя сообщество действующих людей, способных в локальных условиях решать конкретные социальные проблемы, достигать поставленных целей. В рамках «теории коллективного действия», сформировавшейся в исследованиях социальных движений, волонтерство представляется как легитимная часть политической и управленческой систем, институционализирующаяся в виде новых организационных структур, популяризируемых добровольческих практик, формирующих новые ценностные основания существования и жизнедеятельности общества как на национальном, так и на мировом уровнях¹. Как социальное движение, имеющее институциональные характеристики, волонтерство представляет собой горизонтальное образование сетевого характера, где элементы сопряжены интенсивными связями солидарности, которые проявляются вне границ конкретных организаций². Линия раздела между социальными движениями и формальными организациями представляется весьма зыбкой, так как хорошо организованные движения постепенно усваивают бюрократические черты и превращаются в формальные организации.

Теории социальных движений рассматривают волонтерство лишь как один из многочисленных видов коллективных действий людей наряду с протестной и революционной активностью. При этом предлагается использовать наработанный в этом направлении теоретический потенциал для объяснения сущности волонтерства как вида коллективных действий в контексте мобилизации. Мобилизация волонтеров, волонтерского движения и общности, как правило, инициирована природной, геополитической, техногенной катастрофами или социальными противоречиями и проблемами, вызванными кон-

¹ Халий И. А. Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М.: МГИМО, 2008. С. 6.

² Яницкий О. Н. Элементы теории социальных движений // Официальный сайт ИС РАН. 2012. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2429>.

фликтными ситуациями, противоречиями правового или нормативного характера. Мобилизация волонтеров как социальный процесс имеет позитивную направленность, как правило, он не ориентирует действия членов данной общности на существенные экономические и политические системные преобразования. В теоретическом плане проводятся различия между общественными активистами, ориентированными на социальные изменения, и волонтерами, стремящимися решать конкретные проблемы¹.

Нам импонирует методологическая позиция И. А. Халий, предлагающая рассматривать любое социальное движение одновременно в трех контекстах: историческом (цивилизационном), макросоциальном и ситуационном. В цивилизационном контексте волонтерство вписывается в совокупность базовых норм, господствующих в локальном обществе, соответствует доминирующим взглядам на мир в рамках распространенности норм религиозной и светской этики. В макросоциальном контексте на развитие волонтерства оказывают существенное влияние нормы экономической, социальной и культурной жизни. Именно эти условия определяют взаимоотношения государства и гражданского общества, структуру возможностей для действий волонтеров как социальных актёров. Ситуационный контекст как непосредственная экономическая, политическая, социальная и природная среда создает условия для зарождения волонтерской активности и определяет стратегию ее дальнейшего существования. В этой связи процессы глобализации, связанные с коммуникативной свободой и интенсивной урбанизацией, с одной стороны, предоставляют возможности, с другой – вынуждают индивидов самореализовываться через организованные группы, присоединяться для достижения своих целей к другим людям, преследующим аналогичные интересы. Это ведет к образованию необычайного множества добровольных организаций, ориентированных на цели столь многочисленные, сколь много у людей потребностей и интересов. Нередко то, в какие добровольные группы индивид вступает, почти никак не связано ни с его экономическим положением, ни с другими базовыми факторами, которые определяют его существование в современном мире².

¹ Markham W., Bonjean C. Community orientations of higher-status women volunteers // *Social forces*. 73:1553–72, 1995.

² Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / пер. В. Г. Николаева // *Избранные работы по социологии*. М. : ИНИОН РАН, 2005. С. 93–118.

Несмотря на сложную сетевую структуру современного волонтерства и зависимость складывающихся взаимодействий от ситуационного контекста, от воли, желаний и ответственности отдельных индивидов, выстраиваемая форма взаимных связей имеет сложную, изменчивую иерархию отношений макро- и микроуровня. Это во многом объяснимо общепринятой в современной социологии позиции, согласно которой индивидуальные (личностные) сети суть результат взаимодействия макроструктурных сил (истории, институтов, социальной структуры и экономических процессов) и микро-индивидуальных процессов, то есть личностной специфики индивида¹.

В первом десятилетии XXI в. зарубежные исследователи сделали несколько попыток обобщить частные теории волонтерства с целью построения единой интегративной теории. В 2008 г. в докладе Американской социологической ассоциации по исследованиям некоммерческих организаций и волонтерской активности С. М. Чамбрэ и К. Энольф выделили три парадигмы, проявляющихся в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях волонтерства².

В рамках первой парадигмы, объединяющей наибольшее число частных теорий, волонтерство рассматривается в экономическом дискурсе как труд или работа. Одна из наиболее известных теорий С. Тилли и С. Тилли позволяет классифицировать волонтерство как один из четырех видов труда. Волонтерский труд анализируется по одинаковым основаниям, наряду с оплачиваемым в формальном секторе экономики трудом, трудом в неформальном секторе и домашним трудом³. Ключевыми характеристиками здесь является экономическая ценность труда, а волонтеры рассматриваются как рабочая сила. В рамках этой парадигмы определяются характеристики социального капитала волонтерства, классифицируются ключевые мотивы деятельности волонтеров из разных социально-демографических групп.

Вторая парадигма объединяет теории, конституирующие трактовку волонтерства как разновидность просоциального поведения через категорию альтруизма, через понимание социального взаимодей-

¹ Яницкий О.Н. Сети социальных движений в России // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 52–62.

² Chambré S., Einolf C. Is volunteering work, prosocial behavior, or leisure? An empirical study // *Center for nonprofit strategy and management. Working papers series*. 2008. USA. P. 30.

³ Tilly C., Tilly C. *Work under capitalism*. Boulder, CO: Westview Press, 1998.

ствия, оценку вовлеченности населения в гражданское общество¹. В контексте данной парадигмы рассматриваются теории, объясняющие взаимосвязь религии и волонтерства, сочетание альтруистических настроений и личной выгоды волонтеров. Ряд теорий доказывают связь волонтерства с жизненным циклом, с разными периодами жизни человека, такими как детство, юношество, период родительства и т. д.² Еще одна группа теорий рассматривает волонтерство в контексте гражданской активности и политического участия. В этом случае опять же рассматривается социальный капитал волонтеров несколько в ином контексте – не только как результат волонтерской активности, но и предпосылка к такого рода деятельности. В частности, М. Окун и Д. Митчел доказывают, что существует тесная взаимосвязь между высоким уровнем социального капитала, их социальным статусом и волонтерской активностью людей³.

В третьей парадигме подчеркивается, что добровольчество является одним из аспектов образа жизни, видом досуговой практики, наиболее характерной для людей пожилого возраста. Ряд теорий рассматривают преемственность волонтерского участия в течение всей жизни человека, выделяя следующую закономерность: люди, проявляющие мультиролевое поведение, активно включенные в жизнь своей общности и занимающиеся волонтерством, поддерживают этот поведенческий паттерн и в другие периоды своей жизни⁴. В целой группе теорий волонтерство рассматривается как социальная активность; в отличие от понимания феномена как просоциального поведения это означает, что люди участвуют в волонтерстве для удовольствия, в дополнение к любым мотивам альтруистического и эгоистического характера⁵. Второе теоретическое объяснение преемственности в волонтерстве является социоэмоциональным. Согласно этой

¹ Penner L. A., Dovidio J. F., Piliavin J. A., Schroeder D. A. Prosocial behavior // *Annual Review of Psychology*. 2005. № 56. P. 365–92.

² Rotolo T., Wilson J. Work histories and voluntary association memberships // *Sociological Forum*. 2003. 18 (4). P. 603–619; Rotolo T., Wilson J. The effects of children and employment status on the volunteer work of American women // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2007. № 36. P. 487–503.

³ Okun M. A., Michel J. Sense of community and being a volunteer among the young-old // *Journal of Applied Gerontology*. 2006. 25 (2). P. 173–188.

⁴ Butrica B. A., Johnson R. W., Zedlewski S. R. *Volunteer Transitions Among Older Americans*. Washington DC: Urban Institute, 2007.

⁵ Bekkers R. Participation in voluntary associations: Relations with resources, personality, and political values // *Political Psychology*. 2005. 26 (3). P. 439–454.

точке зрения, есть «пожизненный процесс отбора, в соответствии с которым люди стратегически и адаптивно развивают свои социальные сети, чтобы максимизировать социальные и эмоциональные выгоды и минимизировать социальные и эмоциональные риски»¹. С начала текущего столетия по результатам национальных исследований социологи делают многочисленные попытки построить теории среднего уровня развития волонтерства: Р. Патнем в Италии², Д. Хэвенс в Англии³ и др. Т. Ротоло и Д. Вилсон, занимаясь исследованием данной проблематики более 20 лет и несколько с иной позиции, чем представлено выше, выделяют «три большие группы социологических теорий волонтерства макроуровня: демографические, культурные и институциональные»⁴. Как нам кажется, речь идет все же о теориях среднего уровня.

Демографические теории позволяют объяснить различия показателей волонтерской активности населения различных территорий, исходя из ряда социально-демографических отличий общностей, проживающих на этих территориях (этническая однородность, уровень образования населения, уровень занятости, количество детей в семье и т. д.).

Институциональные теории построены на результатах межстрановых исследований и базируются на идее, что поведение волонтеров как граждан регулируется социальными институтами (правительства, административные органы, организации), а также правилами, которые позволяют им функционировать. Институциональные теории утверждают, что без «правильного институционального контекста» (законов, налоговых льгот, государственных учреждений, государственной политики, развитого третьего сектора и т. д.) уровень мобилизации волонтеров будет низким⁵.

Культурные теории утверждают, что мотивация к волонтерству зависит не только от культурного уровня развития личности, но и от

¹ Carstensen L. L. Social and emotional patterns in adulthood: Support for socioemotional selectivity theory // *Psychology and Aging*. 1992. № 7. P. 331–338.

² Putnam R. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

³ Havens J., Schervish P. *Geography and giving: The culture of philanthropy in New England and the nation*. Boston, MA: The Boston Foundation, 2007.

⁴ Rotolo T., Wilson J. State-level differences in volunteerism in the united states: research based on demographic, institutional, and cultural macrolevel theories // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2011. 41 (3). Pp. 452–473.

⁵ Anheier H., Salamon L. Volunteering in cross-national perspective: Some initial comparisons // *Law and Contemporary Problems*. 1999. № 65. Pp. 43–78.

характеристик культуры общности, в которой человек проживает. Например, религиозность среды может направлять (путем социального давления) поведение, соответствующее тем нормам, которые разделяются всеми членами общности¹.

При этом хотелось бы отметить, что анализ волонтерства, как в международной, так и в российской социологии традиционно ограничен исследованиями волонтерства как труда или деятельности в рамках отраслевых социологий. Волонтерство рассматривается как «особая система трудовых отношений, использующая механизм нематериального стимулирования и преследующая социальные, благотворительные и иные общественно-полезные цели»². Феномен анализируется социологами как «полезная деятельность, осуществляемая людьми добровольно на безвозмездной основе и в интересах организаций, групп и лиц, не являющихся членами их семей или их близкими родственниками»³.

В отечественной экономической социологии характерно рассмотрение добровольчества в контексте изучения благотворительности, развития меценатства, практик социального партнерства. Исследовательский фокус сосредоточен на проблематике функционирования и развития деятельности третьего сектора в контексте становления гражданского общества. В социологии труда рассматривается добровольческий труд, его содержание, характер, виды, на индивидуально-личностном уровне – мотивация и стимулирование развития личных качеств волонтеров. Целостные же исследования волонтерства как социального феномена пока отсутствуют. Российская социология при исследовании волонтерства сегодня, в большей мере ориентирована на накопление результатов эмпирических исследований, нежели построение своих теорий.

Итак, в оценке волонтерства как предмета социологического изучения можно отметить, что зарубежные теории постклассического периода, выстроенные на обширном объеме разрозненных эмпирических материалов, открывают перспективы исследования волонтерства

¹ Ruiter S., De Graf N. National context, religiosity, and volunteering: Results from 53 countries // *American Sociological Review*. 2006. № 71. Pp. 191–210.

² Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: автореф. канд. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008.

³ Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // *Эмпирические исследования гражданского общества*. 2001. № 2. С. 40.

как деятельности и общности (как труда и капитала), но демонстрируют отсутствие внимания исследователей в теоретическом и эмпирическом измерениях к изучению волонтерства как системы и института. Частные теории волонтерства актуализируют необходимость в теоретическом обобщении более высокого порядка, выходящего за пределы социологии труда и социологии гражданского общества. Динамика социальных изменений, фрагментарность волонтерских практик и при этом единство волонтерского движения в различных социальных, политических, экономических и культурных условиях диктуют необходимость построения теории, которая будет адаптивна к разным культурам, откроет перспективы для объяснения специфики российского волонтерства в контексте мировых трендов.

А. Ю. Петров

ПОТРЕБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В НЕПРЕРЫВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЯ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ОБЗОР)

Посвящается Ю. Р. Вишневному, великому оптимисту и харизматику, убедившему меня в конце трудных 1980-х годов не падать духом, а заглянув в светлое будущее, заняться изучением потребности человека в непрерывном образовании.

На длительном историческом отрезке времени, в условиях отсутствия реального объективного запроса на непрерывную образовательную деятельность широких слоев социума внутренняя потребность в непрерывном образовании могла быть уделом лишь весьма узкого элитного круга, а целостная научная концепция непрерывного образования и вовсе не могла существовать. Не случайно поэтому у философов, выдающихся педагогов, писателей прошлого мы можем наблюдать лишь отдельные аспекты и подходы к проблематике потребности человека учиться всю жизнь. В условиях, когда состояние производства и социальных отношений не создавали широкого запроса на непрерывное образование, мыслители прошлого могли исходить в понимании познавательной потребности человека лишь из

внутренних, идеально-духовных, желаемых стимулов, из самоцельного стремления человека к самосовершенствованию наперекор объективным обстоятельствам. Распространение такого подхода на широкие массы людей было бы полной утопией. И далеко не случайно, что впервые с такой попыткой представить непрерывное образование массовым мы встречаемся как раз у утопистов¹ *Т. Мора* («учатся все дети, и большая часть народа, мужчины и женщины, всю жизнь...»²) и *Р. Оуэна* («в рациональном общественном строе все учреждения для удовлетворения жизненных потребностей будут так организованы, чтобы содействовать усилению стремления к непрерывному увеличению знаний...»³).

Более того, в понимании данной проблемы мы находим самые неожиданные толкования о стимулах, побуждающих человека учиться всю жизнь. Так, к примеру, чешский педагог *Я. А. Коменский*, еще в XVII в. выдвинувший идею образования в течение всей своей жизни, связывал необходимость непрерывно учиться с *духовным самосовершенствованием* как подготовкой человека к вступлению в иной мир после земной смерти. И не случайно, именно зрелость и старость он считал наиболее интенсивными периодами для такой духовно-познавательной подготовки⁴.

Мы находим у мыслителей прошлого лишь отдельные элементы целостной концепции потребности человека в непрерывном образовании: рассуждения о *естественном* характере познавательной потребности, о *непрерывности* как о *принципе* познавательной деятельности человека, о *стимулах* (и прежде всего внутренних) к знаниям, об *условиях реализации* потребности к познанию. Рассмотрим их по порядку.

Важнейшим аспектом проблематики потребности человека в познавательной деятельности стало утверждение о естественном характере такой потребности (*человек стремится к познанию прежде всего потому, что он человек!*). Так, *Аристотель* считал ее данной челове-

¹ В анализе подходов к проблематике потребности в непрерывном образовании мы исходим не из хронологической последовательности их имен, а из логики исторической детерминированности постановки данной проблемы.

² Мор Т. Утопия. М. : Наука, 1978. С. 208–209.

³ Педагогические идеи Роберта Оуэна. Избранные отрывки из сочинений Р. Оуэна М. : Учпедгиз, 1940. С. 245.

⁴ Коменский Я. А. Всеобщий совет по исправлению дел человеческих // Коменский Я. А. Избранные педагогические произведения: в 2 т. Т. 2. М. : Педагогика, 1982. С. 451–452.

ку от природы¹, *Б. Спиноза* видел в процессе познания проявление сущности человеческой души², *Ф. Бэкон* выводил познавательную потребность как неизбежную необходимость реального бытия человека³, *Л. Фейербах* усматривал в потребности знать и мыслить высшую сущность человека⁴, *В. Г. Белинский* считал страсть любопытства той природной естественной силой человека, которая и сделала его существом разумным⁵, *Н. Г. Чернышевский* полагал влечение к приобретению знаний врожденным человеческим свойством⁶.

Некоторые мыслители прошлого видели в качестве условия познавательной деятельности человека его природную естественную способность к ней. Данный аспект проблемы мы встречаем у античных философов *Гераклита* и *Демокрита*, а развитие этой идеи находим затем в трудах *Ж.-Ж. Руссо* и *И. Канта*. «Неразумный человек способен увлечься любым учением»⁷, к тому же «*всем людям свойственно познавать самих себя*»⁸, ибо они «обладают разумом и сметливостью души»⁹... Действительно, «мы рождаемся способными к учению»¹⁰ и к «схватыванию чувственного представления»¹¹, однако для того, «чтобы что-то открыть, нужен особый талант – *нужно знать как искать*, однако школьная логика этому совершенно не учит»¹². Насколько же современно звучат эти мысли!

¹ Аристотель. *Метафизика* // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975–1976. С. 65.

² Спиноза Б. *Этика* // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 613.

³ Бэкон Ф. *Новый Органон* // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1977–1978. С. 70.

⁴ Фейербах Л. *Сущность христианства* // Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 67.

⁵ Белинский В. Г. *Рассуждение. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей* // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. С. 15.

⁶ Чернышевский Н. Г. *Статьи, приложенные к переводу «Всеобщей истории» г. Вебера* // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1939–1953. С. 883.

⁷ *Фрагменты Гераклита* // *Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура*. М.: Политиздат, 1955. С. 49.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ *Фрагменты Демокрита и свидетельства о его учении* // *Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура*. М.: Политиздат, 1955. С. 150.

¹⁰ Руссо Ж.-Ж. *Эмиль, или О воспитании* // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 56.

¹¹ Кант И. *Антропология с прагматической точки зрения* // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1964–1966. С. 358.

¹² Там же. Т. 6. С. 465.

Первые ассоциации по поводу принципа непрерывности относительно индивидуальной познавательной потребности человека мы связываем с именами *Платона*, *Аристотеля* и *Эпикура*. Так, философия представлялась *Платоном* как «постоянная жажда знания бытия»¹. По *Аристотелю*, «всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания»². *Идея преемственности и взаимосвязи звеньев образования* зарождалась еще в эпоху античности: «Непрерывность имеется там, где естественно образуется что-то одно благодаря соприкосновению»³. Действительно, дарованная человеку самой природой эвристическая потребность должна непрерывно подпитываться адекватной социальной востребованностью для того, чтобы стать актуальной на всех возрастных этапах человеческой жизни. Ситуация социальной востребованности в широкой образованности во всех ее проявлениях (как в материально-производственных, так и в духовных) обеспечивала бы человеку преемственность и «соприкосновение» ступеней его непрерывного образования. Увы, мы и сегодня вынуждены признавать, что это был бы, наверное, идеальный (желаемый) случай. И не случайно, еще *Эпикур* в свойственной ему манере связывал пожизненность познавательной деятельности с гедонистическим аспектом счастья⁴.

Последующий за античностью исторический процесс и развитие философской мысли позволили посмотреть на проблему непрерывности познания более глубоко и аргументированно. Так, *И. Кант*, рассуждая об ограниченности теоретического познания лишь сферой явлений (вещи «для нас»), вместе с тем утверждает безграничность и непрерывность самого процесса познания. «Опыт никогда полностью не удовлетворяет наш разум и в ответ на наши вопросы он отсылает нас все дальше и дальше»⁵. Более того, человеческий разум «признает, что вне его находится нечто, до чего он никогда не сможет дойти, но не признает, что он сам в своем внутреннем развитии где-то достигнет

¹ Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. С. 432.

² Аристотель. Вторая Аналитика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1975–1976. С. 257.

³ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975–1976. С. 298.

⁴ Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М. : Политиздат, 1955. С. 208.

⁵ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. : Мысль, 1964–1966. С. 174.

своего завершения»¹. Л. Фейербах в понимании непрерывности образования исходит из врожденной потребности человека в реализации своих истинных профессиональных способностей на пути к их высшему совершенству². Д.И. Писарев же весьма категорично считал обстановку человека в своем образовании началом необразованности³.

Аспект стимулирования познавательной деятельности мы находим еще у Демокрита: «Сама нужда служила людям учительницей во всем»⁴. А у Гегеля мы видим уже рассуждение о двух стимулах к знанию (стимуле личной выгоды и абсолютно бескорыстном)⁵. Н. Г. Чернышевский выходит на вывод о прямой зависимости познавательной активности человека от внешних обстоятельств⁶. Д. И. Писарев же считает, что стимулом к познанию выступает *внешний социально-экономический запрос* на интеллектуальную деятельность⁷. Л. Н. Толстой главную стимулирующую роль к потребности человека в познании философски обосновывал естественным стремлением его к интеллектуальному равенству с другими людьми⁸. И лишь создание обстановки состязательности способно, по мнению Л. Н. Толстого, стимулировать образовательный процесс.

Проблематика *внутренних* стимулирующих познавательную деятельность факторов рассматривалась К. Гельвецием (*индивидуализация* процесса обучения человека как фактор, стимулирующий развитие познавательно-эвристического интереса у личности⁹), Ж.-Ж. Руссо (развитие способности человека *самому приобретать*

¹ Кант И. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 176.

² Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 68.

³ Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1955–1956. С. 127.

⁴ Фрагменты Демокрита и свидетельства о его учении // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Политиздат, 1955. С. 150.

⁵ Гегель Г. Философская пропедевтика // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970–1973. С. 63.

⁶ Чернышевский Н. Г. Статьи, приложенные к переводу «Всеобщей истории» г. Вебера // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1939–1953. С. 882.

⁷ Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1955–1956. С. 123.

⁸ Толстой Л. Н. Прогресс и определение образования // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 350–351.

⁹ Гельвеций К. А. О человеке // Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973–1974. С. 24.

знания¹), В. Г. Белинским (здоровый скептицизм как неудовлетворяемое стремление к истине²), Н. А. Добролюбовым (умение учиться как стимул к самообразованию³).

«Человеческая память полна представлений». Между тем, эти представления индивидуальны, поэтому люди и обнаруживают «большой или меньший интерес» к учебе, идущей по единому стандарту⁴. Пусть же человек «не выучивает науку, а выдумывает ее»⁵. Ведь потребность в познании – это родовая характеристика человека, и, собственно говоря, именно она выделяет человека из окружающего его органического мира. И «чтобы сделаться существом разумным, он (человек) должен вполне удовлетворять сильной страстью любопытства, этой неумолимой жажде знаний, которые вложены в него самую природою»⁶.

Подчеркивая естественный характер познавательной потребности человека, задачу базового образования В. Г. Белинский видит в том, чтобы развивать уже имеющиеся индивидуальные начала, а не глушить их навязыванием официально принятых норм⁷. Данные рассуждения по поводу ситуации, сложившейся в сфере российского образования в середине XIX в., звучат особенно свежо и современно в свете известной дискуссий вокруг ЕГЭ как промежуточного образовательного стандарта, декларативно знаменующего собой преемственный переход от одного этапа непрерывного образования к другому, более высокому и глубокому. «Страсти по ЕГЭ» являются, по сути своей, отголоском противоборства двух профессионально-образовательных стандартов – элитного, повышенного (вытекающего из потребности в широком и непрерывном профессиональном обра-

¹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 20 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 242.

² Белинский В. Г. Речь о критике... // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. С. 333–334.

³ Добролюбов Н. А. Критическое обозрение педагогической литературы XIX столетия // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1934–1941. С. 568.

⁴ См. Гельвеций К. А. О человеке // Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973–1974. С. 24.

⁵ См. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 20 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 190.

⁶ Белинский В. Г. Рассуждение. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. С. 15.

⁷ См. Белинский В. Г. Рецензии. 1838 г. Библиотека детских повестей и рассказов... // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. С. 368.

зовании), с одной стороны, и массового, усредненного, «викторинного» (ограничивающегося единым разумным и достаточным профессиональным минимумом) – с другой.

Идеи непрерывности образования логически выводят нас на проблематику преемственного взаимодействия школы, вуза и высокотехнологичной социальной практики как фактора формирования *профессиональной элиты* общества. Насколько рационально было бы рассматривать складывающуюся систему непрерывного образования (школа – вуз – профессиональная переподготовка – корпоративная учеба), рассчитанной на *широкого* потребителя? Может, было бы правомерно адресовать идеи непрерывности образования *не столько широкому потребителю, сколько «глубокому»*? Речь идет о ценностной, мотивационной, духовной, профессиональной, интеллектуальной неоднородности отечественной социальной элиты, по крайней мере, в ее нынешнем состоянии. Не случайно, применительно к самому понятию элиты остро актуализируется проблематика соотнесения друг с другом аспектов *социального* (связанного со статусом и положением в обществе) и *профессионального* (связанного с потребностью в непрерывном самообразовании и самосовершенствовании). Насколько нынешняя российская социальная элита профессиональна и насколько нынешняя профессиональная элита могла бы позиционироваться в качестве элиты социальной? Проблематика «очерчивания» социального слоя профессиональной элиты сталкивается с вполне очевидной дилеммой: *профессиональная (иными словами, интеллектуальная)* элита – это наличие особых личностных (и не только интеллектуальных) качеств или же это особый социальный статус? Безусловно, существуют некие объективные, стратификационные внешние критерии принадлежности к элитным (избранным) социальным слоям, однако существует, вне всякого сомнения, еще и *субъективный, внутрличностный компонент*, который мы связываем с внутренней потребностью в непрерывном образовании и саморазвитии. Тот же В. Г. Белинский выделяет *эмоциональную, чувственную* сторону познавательной потребности, когда неудовлетворенность человека самим собой превращается в фактор, внутренне стимулирующий процесс непрерывного познания¹. Непрерывность как принцип про-

¹ Белинский В. Г. Речь о критике... // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. С. 333–334.

текания процесса образования рассматривается и *Н. Г. Чернышевский* как качество, *жизненно необходимое* человеку для утверждения своего *духовно-интеллектуального статуса*. «От слишком продолжительного голода человек умирает, от замирания любознательности или эстетического чувства он не умирает, а только становится оупевшим в этих отношениях»¹. Иными словами, «необразованный человек не идет дальше непосредственного созерцания»², – а это уже пишет *Г. Гегель*. Действительно, процесс образования может протекать под влиянием лишь внешней необходимости, имея *вынужденный* для человека характер. Введенное же *Г. Гегелем* в научный оборот понятие *бескорыстного* интереса к познанию дает ключ к исследованию проблематики непрерывного *самообразования*, делающего акцент на *внутренние* стимулы, относительно свободные от внешних обстоятельств и даже опережающие их в выборе предмета познания.

Непроизвольно мы вновь возвращаемся к идеям утопистов относительно будущего справедливого устройства социума в контексте непрерывности процесса образования и саморазвития. Так, *Т. Мор* увидел в непрерывном образовании наиболее плодотворную возможность реализации свободного времени, пожалуй, впервые предложив проект институциональной системы непрерывного образования *взрослых*. Наиболее приемлемой, с его точки зрения, формой такого образования должны были стать *ежедневные* публичные лекции *по интересам и «по своей воле»*. «Великое множество разных людей – мужчины, равно как и женщины, – стекаются послушать эти чтения – *каждый по своей природной склонности*»³. Одним из первых уже *Р. Оуэн* утверждает необходимость создания во всех сферах образа жизни общественной ситуации удовлетворения индивидуальной потребности в непрерывном образовании. «При рациональном общественном строе все учреждения для удовлетворения жизненных потребностей будут так организованы, чтобы содействовать усилению стремления к непрерывному увеличению знаний и чтобы обеспечивать средства их получения»⁴. Удивительно, но идеи утопистов оказыва-

¹ Чернышевский Н. Г. Статьи, приложенные к переводу «Всеобщей истории» г. Вебера // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1939–1953. С. 882.

² Гегель Г. Философская пропедевтика // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970–1973. С. 63.

³ Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. С. 185.

⁴ Педагогические идеи Р. Оуэна. Избранные отрывки из сочинений Р. Оуэна. М.: Учпедгиз, 1940. С. 245.

ются не столь уж и утопичны в нынешних условиях, когда освоение новых технологий (как в промышленной, так и гуманитарной сферах) столкнулось с так называемым кадровым голодом, и банальный дефицит в креативных специалистах превратился в основной сдерживающий фактор. Насколько актуальным видится нам вывод Р. Оуэна, усматривающего прямую зависимость степени проявления познавательной потребности человека от его уровня фактической образованности: «Всякое вновь добытое нами знание, вместо того, чтобы удовлетворять наш аппетит, создает голод и стремление получить еще и еще...»¹. Социальная миссия школы и вуза – двух структурных элементов, призванных гармонично перетекать один в другой, – как раз и должна заключаться не столько в качественной, многоступенчатой профессиональной подготовке, сколько в формировании у учащихся преобладающей *мотивации* на непрерывное получение знаний и смысло-жизненного интереса в их реализации в широкой социальной практике. Между тем, локальные, по сути, замкнутые на себя интересы вынуждают школу ограничивать свою цель успешным выпуском, а вуз – успешным набором абитуриентов. Безусловно, что эти два процесса соприкасаются между собой, однако они пока что весьма слабо *взаимодействуют* друг с другом: школа самостоятельно обеспечивает надлежащий образовательный стандарт, а вуз пытается отобрать для себя тех абитуриентов, у которых формальное подтверждение результатов ЕГЭ выше, нежели у остальных. Подобное «джентльменское» невмешательство в профессиональные дела друг друга превращают поиск эффективных образовательных технологий в некую локальную самоцель, принижая значение *социальной миссии школы* (как средней, так и высшей) – формирование слоя профессиональной элиты, *ярко мотивированной* на непрерывное повышение и творческую реализацию своего образовательного потенциала.

¹ Педагогические идеи Р. Оуэна. Избранные отрывки из сочинений Р. Оуэна. М. : Учпедгиз, 1940. С. 245.

А. А. Попов

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ – АКТУАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Переход современной российской экономики к инновационной связан с формированием нового типа экономической культуры, а также предполагает значительные перемены в социальной сфере: система ценностей, авторитеты и модели поведения подвергаются серьезным изменениям и переосмыслению. Отечественные предприниматели, наряду с учеными, выступают источником новых социально-экономических отношений, которые непосредственно влияют на эффективность преобразований в стране. Поэтому укрепление социального статуса российского предпринимательства является важной социальной задачей. Но в отечественной социологической науке теоретические исследования новаторской деятельности предпринимателей, немногочисленны, а эмпирический материал разрознен и не структурирован.

Задача предпринимателя – развивать и внедрять созданные учеными новые технологии и инновационные продукты, которые будут востребованы производством и рынком. Вместе с тем, чтобы предприниматели могли реализовать инновационный потенциал науки, создавая конкурентоспособные продукты, они сами должны быть носителями инновационной культуры.

В настоящее время ситуация такова, что Россия находится на стадии перехода от эффективно-ориентированной экономики к инновационной, но в мировом рейтинге стран по Индексу экономических достижений она занимает 66 место. Рейтинг страны продолжает снижаться в связи с ухудшением положения в таких сферах, как качество работы административных структур, эффективность рынка труда, инновации и открытость бизнеса¹. В Индексе конкурентоспособности национальных инновационных систем из 50 стран, чьи экономические системы в большей или меньшей степени соответствуют критериям, Россия, по данным исследователей ВЦИОМ (Индекс «ОПОРЫ»), заняла 38 место (из 50 стран-участниц рейтинга), уступая

¹ The Global Competitiveness Report 2011–2012. World Economic Forum. Geneva, 2011. P. 27, 57.

не только «соседям» по БРИК – Китаю, Индии и Бразилии, но даже Турции и Таиланду¹.

Кроме сложностей, сконцентрированных в инновационном секторе экономики, существует целый спектр «классических» проблем, которые усложняют инновационную активность российских предпринимателей.

Во-первых, это проблема привлечения капиталов. Традиционно сложный инвестиционный климат в России, а также неуправляемый «административный ресурс» (рейдерство, взятки, коррупция, уголовное и административное преследование бизнесменов, злоупотребление служебным положением и пр.) приводят к оттоку капитала из российской экономики. Чистый вывоз капитала из страны в период мирового финансового кризиса в 2008–2010 гг. равнялся 450,3 млрд. долл, что составило 85,4 % от всего вывезенного в 1994–2010 гг. капитала, который составил 527,3 млрд. долл². «Бегство капиталов» из нашей страны, как отмечает Д. Александров³, имеет ряд особенностей. В первую очередь из страны уходит финансовый и торговый капитал, что приводит к замедлению в реальном секторе экономики. Наконец, анализ группы факторов «институты и эффективность государственного управления» (10% значимости), продемонстрировал низкую оценку малого инновационного бизнеса, эффективности госполитики в области науки, технологий и инноваций. Как показали результаты исследования, улучшений в этой сфере бизнес ожидает, в первую очередь, в техническом регулировании, инфраструктуре, усилении защиты интеллектуальной собственности, повышении эффективности системы государственных закупок, а также в увеличении финансирования НИОКР⁴. Отметим, что эксперты ВЭФ оценивают значимость инфраструктуры и государственных институтов гораздо выше, чем респонденты «ОПОРЫ», а по этим параметрам в рамках World Competitiveness Index Россия находится в самом конце рейтинга вместе с африканскими диктатурами⁵.

¹ Рейтинг конкурентоспособности национальных инновационных систем. Форум ОПОРЫ. 23 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://opora.ru/news/10726/>.

² Режим доступа: http://cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=capital.htm.

³ Александров Д. Г. «Бегство капитала» как индикатор эффективности экономической политики государства и его последствия для российской экономики // Государственное управление в 21 веке – традиции и инновации: материалы 9 междунар. конф. Ч. 1. М., 2011. С. 217.

⁴ Там же.

⁵ The Global Competitiveness Report 2011–2012. World Economic Forum, Geneva, 2011. P. 306–307.

Во-вторых, для инновационных предприятий актуальна проблема налогообложения. Кроме того, изменения в налоговой системе никоим образом не оказали значительного влияния на временные и трудовые затраты бизнеса на бюрократию.

В-третьих, инновации всегда предполагают преодоление, изменение и слом традиционных социальных структур. Но в структурном отношении российские технологические инновации принципиально отличаются от тех, что реализуются в западных странах. В России инновационные затраты сводятся в основном к приобретению новых машин и оборудования, а не к созданию новых форм кооперации или приобретения новых технологий. На Западе в основном средства вкладываются в исследования и разработки.

В-четвертых, существуют еще и объективные сложности развития инновационного бизнеса, связанные с дефицитом российских новых технологий: затраты на исследования и разработки в секторе высшего образования для России составляют всего 5,8 %. Этот же показатель для Италии составил 32,8 %, для Великобритании – 25,6 %. Как результат, – доля промышленной продукции, принципиально новой для мирового рынка, составляет 0,5 %¹.

Что касается научного потенциала, то в рамках исследования «ОПОРЫ» группы факторов «образование и таланты», влияющих на инновационность экономики (значимость фактора – 25 %), выяснилось, что по уровню затрат на образование в системе госрасходов Россия находится на уровне Чили, Турции, Южной Кореи, Индии, значительно уступая лидерам – Израилю, Финляндии, США. Отсюда – соответствующий уровень знаний россиян. Впрочем, оценка ВЭФ данного фактора гораздо более оптимистична – эксперты считают, что инновационный потенциал России – это ее сильная сторона, но только по сравнению с другими².

Наконец, в пятых, существенным барьером для развития инновационного бизнеса в среде российских предпринимателей является дефицит квалифицированных трудовых ресурсов. Если говорить о потенциальных авторах инновационных идей, то из России эмигрируют высококлассные молодые специалисты, происходит отток интеллектуального капитала и приток неквалифицированной рабочей

¹ Россия в цифрах – 2010: Крат. стат. сб. М., 2010. С. 10.

² The Global Competitiveness Report 2011–2012. World Economic Forum, Geneva, 2011. P. 306–307.

силы в лице трудовых мигрантов из Средней Азии. Развитие технологий и создание перспективных продуктов возможно при успешном диалоге нескольких социальных общностей: ученых, предпринимателей, чиновников и потребителей; эта «беседа» должна проходить на одном «языке», и все его участники должны быть ориентированы на коллективно сконструированный результат. Это предполагает формирование определенной культуры, которая станет благоприятной средой для реализации инноваций: представлений, ценностей, норм, мотивов, образцов поведения и жизненных стратегий, понятных и близких большинству его участников.

Осмысление этих процессов требует, безусловно, разносторонних подходов к их трактовке. Мы считаем одним из продуктивных исследовательских направлений применение как социокультурного, так и общностного подхода к анализу инновационной культуры предпринимательства.

Интерес к исследованию культуры российских предпринимателей пришелся на 1990-е гг. и начало 2000-х гг. В начале 1990-х гг., когда само явление частного предпринимательства только формировалось, а малое предпринимательство как феномен переживало бум, основное внимание было сосредоточено на личности предпринимателя: социально-психологической типологии новых актёров рыночной экономики и социального портрета российских бизнесменов¹. Данные исследовательские проекты были реализованы в рамках и количественной, и качественной методологии и представляли собой детальный анализ предпринимательства как социальной группы.

Со второй половины 1990-х гг. интерес исследователей переключился на неформальные стороны развития предпринимательства – «теневые» практики, роль криминальных структур и административных барьеров в развитии бизнеса в России. Социологи больше внимания уделяют проблемам развития предпринимательства, и в фокусе их интереса появляются особенности предпринимательской

¹ Фетисов Э. Н., Яковлев И. Г. О социальных аспектах предпринимательства (концептуальное введение в проблему) // Социс. 1993. № 1. С. 24–30; Радаев В. В. Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. 1993. № 9. С. 3–14; Бунин И. М. и др. Бизнесмены России: 40 историй успеха. М., 1994; Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социс. 1995. № 3; Чирикова А. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997. С. 10–38; и др.

культуры, связанные с неформальной экономикой¹. Акценты научного поиска смещаются от социокультурных аспектов предпринимательской деятельности к взаимодействию с институциональными структурами, а культурные особенности данной социальной общности рассматриваются в плоскости деловой этики. Полноценным исследовательским проектом, посвященным социокультурным особенностям общности предпринимателей: мотивации, ценностям, нормам, образу жизни и др., и на сегодняшний день остается исследование З. Голенковой и Е. Игитханян 2006 г.² Вместе с тем, некоторые исследователи предпринимают попытки уточнения социокультурного портрета предпринимателя, описывая такие новые категории, как, например фрилансеров или представителей малого предпринимательства в сфере информационных технологий³. Данные проекты были выполнены в рамках количественной и качественной стратегий и представляют собой исследования, цель которых – всестороннее описание характеристик социальной группы.

С начала 2000-х гг. исследования предпринимательства проводятся научными коллективами в рамках проектов, финансируемых международными организациями (Всемирный Банк, USAID и др.), государственными органами (например, Минэкономразвития России) и общественными организациями (например, «ОПОРА России»). Основным источником информации о российском предпринимательстве являются данные мониторинга GEM (проводится под руководством исследовательского коллектива ГУ-ВШЭ) и исследовательские проекты ВЦИОМ (для «ОПОРЫ»). Методология исследований в рамках данных проектов схожа: это опрос взрослого трудоспособного населения по российской стратифицированной выборке, а также опрос экспертов⁴. Индекс предпринимательского климата регионов (иссле-

¹ Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998; Тамбовцев В. Теоретические вопросы изучения неформального сектора // Предпринимательство в России. 1998. № 4. С. 5–16; Барсукова С. Неформальная практика российского бизнеса в свете трансакционных издержек // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. М., 2000; Олейник О. «Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4–25.; Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002; и др.

² Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Некоторые аспекты современной жизни российского предпринимателя // Социс. 2006. № 11.

³ Стребков Д. О. Инновационный потенциал агентов новой экономики // Форсайт. 2010 (4). № 2. С. 26–33.

⁴ Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM): национальный отчет. М., 2011.

дование «ОПОРЫ») рассчитывался на материалах опроса руководителей предприятий¹.

Основной документ, регламентирующий инновационную деятельность в России: проект стратегии инновационного развития страны до 2020 г. «Инновационная Россия 2020». Под инновацией в данном документе понимается *вывод на рынок нового товара или услуги, внедрение нового процесса производства, освоение новой бизнес модели, создание новых рынков. Уровень новизны товара, технологии, бизнес модели и рынка должен быть не ниже национального российского рынка*. В данном определении закладываются критерии, по которым будут оцениваться проекты и предприятия².

Институционализация процесса внедрения инноваций будет происходить в границах национальной инновационной системы (НИС), представляющей собой совокупность субъектов, институтов (отношений между субъектами, правил взаимодействия) и инфраструктуры (финансовой, организационной), обеспечивающих производство (генерацию) и распространение инноваций в экономике и обществе. Основная цель – это формирование экономики лидерства и инноваций. Количественные показатели такой экономики к 2020 г. – занятие существенной доли (в 5–10 %) на рынках высокотехнологичных и интеллектуальных услуг по 5–7 позициям, повышение в два раза доли высокотехнологичного сектора в ВВП (с 10,9 до 17–20 %), увеличение в 5–6 раз доли инновационной продукции в выпуске промышленности, в 4–5 раз – доли инновационно активных предприятий³ (с 9,4 до 40–50 %).

По данным ВЭФ (The Global Competitiveness Report 2011–2012), инновационный потенциал – это сильная сторона России, но он не имеет возможности для реализации из-за ригидных административ-

¹ Предпринимательский климат в России: индекс ОПОРЫ 2010-2011 г. (результаты исследовательского проекта). [Электронный ресурс]. URL: http://opora.ru/upload/Reserch/Index_2011_corr_040711_sec.pdf.

² Инновационная Россия 2020: проект стратегии инновационного развития страны до 2020 г. М., 2010. С. 99.

³ Инновационно-активное предприятие (организация) – предприятие (организация), вне зависимости от организационно-правовой формы, вида деятельности осуществляющее на постоянной (не разовой) основе разработку и внедрение новой или усовершенствованной продукции, технологических, управленческих процессов или иные виды инновационной деятельности. Следовательно, приоритетными направлениями поддержки нововведений в России являются технологические и управленческие процессы, им будет отдаваться предпочтение при выборе проекта для поддержки (Там же. С. 99).

ных структур и отсутствии господдержки¹. Восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера остается низкой, в 2009 г. разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли 9,4 % от общего числа предприятий отечественной промышленности², что значительно ниже значений, характерных для Германии (69,7 %), Ирландии (56,7 %), Бельгии (59,6 %), Эстонии (55,1 %), Чехии (36,6 %). Мала доля предприятий, инвестирующих в приобретение новых технологий (11,8 %). Доминирование наименее передовых типов инновационного поведения (заимствование готовых технологий и т. д.) характеризует российскую инновационную систему как ориентированную на имитационный характер, а не на создание радикальных нововведений и новых технологий³. Следовательно, под инновационностью бизнеса понимается, прежде всего, его технологичность, разработка технических нововведений предпринимателем. Таким образом, несмотря на явный исследовательский интерес к проблемам предпринимательства, мы можем констатировать тот факт, что за последние годы этот интерес сместился от социокультурных и личностных аспектов – к институциональным. Это вполне объяснимо, мы можем сделать вывод о том, что имеет место существенный пробел в изучении социокультурных аспектов инновационного предпринимательства, который мы бы хотели компенсировать в рамках нашего исследования.

Сегодня налицо ряд противоречий между:

- накопленной в социальных науках научной базой, представленной теоретическими разработками и эмпирическими исследованиями инновационной деятельности, с одной стороны, и явно недостаточным анализом ее социокультурных аспектов – с другой;

¹ The Global Competitiveness Report 2011–2012. World Economic Forum. Geneva, 2011. P. 307.

² По данным общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» не более 2 % всего малого бизнеса в России можно отнести к инновационному бизнесу. Динамика роста количества малых предприятий в России имеет отрицательный характер. По данным института, приведенным в докладе «Динамика развития малого предпринимательства в регионах России», к концу третьего квартала текущего года было зарегистрировано на 3,5 % меньше МП, чем за аналогичный период предыдущего года. См: Малый бизнес – малые инновации // Инвестиции. Инновации. Бизнес. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spb-venchur.ru/news/5550.htm>.

³ Инновационная Россия 2020: проект стратегии инновационного развития страны до 2020 г. М., 2010. С. 12.

- рассмотрением предпринимательской культуры с позиций ценностей, норм, представлений и мнений предпринимателей и явно недостаточным вниманием, уделяемым культурным механизмам создания, внедрения, институционализации и реализации ими инноваций;
- актуальностью изучения и описания внешних, институциональных барьеров для развития инновационной деятельности бизнеса и недостаточным вниманием исследователей по отношению к внутренним барьерам: представлениям, предубеждениям, консерватизму, недостатку знаний потенциальных потребителей, представителей предпринимательского сообщества, сотрудников организации и пр., преодоление которых вызывает у инноваторов гораздо больше трудностей. С учетом отмеченных моментов правомерен анализ инновационной культуры как ядра культуры предпринимательства; не как один из ее атрибутов, а как ее сущностная характеристика, ядро.

При этом инновационную культуру можно определить как исторически сложившуюся, устойчивую систему норм, правил и способов осуществления нововведений в различных сферах жизни общества, характерную для той или иной социальной общности.

Необходим *уровневый подход* в понимании культуры предпринимательства: на личностном уровне она проявляется в рамках диспозиционного механизма, определяющего деятельность человека, она отражается в специфичности потребностей, мотивов, стимулов, ценностных ориентаций и социальных установок индивида; на уровне организации культура предпринимательства находит свое отражение в организационной культуре предприятия; на уровне сообщества представители бизнеса могут выступать носителями предпринимательской культуры; на социетальном уровне – существуют общества, культура которых строится на основе ценностей культуры предпринимательства, а не тяготеет к ценностям патернализма и государственного регулирования.

Уровневый подход определяет методологию исследования:

- первый уровень – факторы среды, влияющие на инновационную культуру предпринимательства;
- второй уровень – факторы деятельности, влияние инновационной культуры на культуру сообщества и организации;
- третий уровень – личностные факторы, когда в исследовательском фокусе находится личность предпринимателя-инноватора.

На этой основе может быть выявлена (и эмпирически зафиксирована) типология предпринимателей в зависимости от их отношения к инновациям. По отношению к нововведениям предприниматель может быть инициатором, реализатором, скептиком, исполнителем, консерватором. По данным наших исследований, чистых инициаторов среди предпринимателей – 7 %, больше всего реализаторов (40 %) и организаторов (31 %), исполнителей – 14 %, остальные типы представлены незначительно.

Особенно значимо выявление роли предпринимателя на каждом из этапов реализации инновации: она является ключевой на первых двух стадиях ее жизненного цикла (зарождение потребности и разработка проекта), а затем медленно сходит на нет либо трансформируется. Предприниматель выполняет трансляционную и селективную функцию в инновационной культуре – он отбирает и реализует те нововведения, которые могут стать общественно полезными.

Наконец, в ряду исследовательских задач надо отметить выявление иерархии барьеров для внедрения инноваций. В качестве внешних барьеров или факторов среды может рассматриваться совокупность экономических, социальных и культурных барьеров (привлечение капиталов, налогообложение, коррупция, дефицит трудовых ресурсов, неготовность потребителей к принятию новации, недобросовестная конкуренция и т. д.), а в качестве внутренних – барьеры на уровне взаимодействия с партнерами, потребителями, инвесторами и др. Причины возникновения внутренних барьеров (по результатам исследований) – недостаток информации, скептицизм, конфликт ценностей, неготовность к риску, проблемы коммуникации и пр. Для самих предпринимателей опыт внедрения идеи, ее реализации остается нерелевантным и непроговариваемым, а внутренние барьеры на пути к внедрению инновации – самыми сложными для преодоления.

Чтобы стимулировать инновационную направленность бизнеса и уменьшить количество и сложность барьеров его развития, инновационная культура должна быть институционализована сверху, «встроена» в структуру государственных и экономических институтов общества. Для российской «институциональной инновационной культуры» характерен технократизм и ориентация на экономические изменения. Предприниматели-новаторы не считают,

что их деятельность можно охарактеризовать как инновационную, так как данный термин ассоциируется ими с «институциональной инновационной культурой», которая традиционно вызывает недоверие и подозрение, как травмирующая инициатива, идущая от государства.

В. В. Проказин

ТИПОЛОГИЯ ТЕОРИЙ ПРОГРЕССА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Интерес к проблематике прогресса в социологии XIX – начала XX вв. был связан с той основополагающей ролью, которую идея прогресса сыграла в становлении социологии как самостоятельной отрасли обществоведческого знания. С одной стороны, тема прогресса стала составной частью предмета новой науки, а с другой, теория прогресса выполняла роль одного из общетеоретических оснований социологии.

Социология возникла в ответ на требования теории и практики. Как пишет П. Штомпка, «она старалась осмыслить те колоссальные социальные сдвиги, которые происходили в Европе на волне революций: процессы индустриализации, урбанизации, становления капиталистического общества и разрушения традиционного, аграрного, общинного уклада жизни»¹. Перед социологией стояла задача научного объяснения модернизации как необходимого проявления универсального процесса поступательного общественного развития.

Решающую роль в этом был призван сыграть научно обоснованный вариант идеи прогресса. Историки отмечают, что для социологии XIX в. идея прогресса и в целом проблемы социальной динамики, социальной эволюции были ключевыми, основополагающими. А. Босков отмечает, что вплоть «до Первой мировой войны в своем мышлении и работах социологи склонны были выдвигать на первый план вопросы изменения, «динамики» и «прогресса». В известном смысле они приняли контовское отделение социальной статики от социальной динамики, но их интерес к человеческой истории и со-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 135.

временным социальным проблемам часто приводил к построениям «динамических социологий», в которых структура в известной степени подчинялась изменению»¹.

Нам представляется, что главное в социологической проблеме прогресса – это стремление научными методами обосновать возможность и реальность прогресса как тенденции или закона истории, представляющих собой «улучшение», «совершенствование» общественных отношений и человеческой природы в прошлом, настоящем и будущем. Современный исследователь пишет, что «проблематизировалось общественное развитие еще в философии Просвещения, и разработанные в трудах Тюрго, Кондорсе, Канта, Гегеля категории прогресса и исторического развития в социологию вошли уже как беспроблемные, самоочевидные объекты познания». И далее: «Если Тюрго, Кондорсе, Кант, Гегель решили задачу доказательства – философского обоснования того, что совокупность отдельных исторических событий представляет собой в действительности необходимый, целенаправленный, обладающий постоянной внутренней логикой и последовательностью процесс, то Конт, Маркс, Спенсер и их последователи решали задачу научного объяснения – построения каузальной теории этого процесса, сам факт которого не являлся предметом анализа»². Решение этой задачи вело к утверждению социологии как особой отрасли общественнознания.

Постановка и обсуждение проблематики прогресса в российской социологии XIX – начала XX вв., с одной стороны отражали общие черты этого процесса в мировой социологической науке, а с другой – имели ряд особенностей, обусловленных национальной спецификой развития социологии в нашей стране этого периода.

Безусловно, российская социология в этот период развивалась аналогично развитию других национальных социологий, поскольку теоретические принципы и понятия, методы и логика научного исследования универсальны. Но поскольку научная деятельность протекает в определенном социокультурном контексте, в социологической науке разных стран возникают национальные отличия. Особен-

¹ Босков А. Социальные изменения: основные проблемы возникновения теоретических и исследовательских центров // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М. : Изд-во иностр. литературы, 1961. С. 300.

² Иванов Д. В. Императив виртуализации // Современные теории общественных изменений / предисл. А. О. Бороноева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. С. 11.

ностям русской социологии рассматриваемого периода посвящена обширная литература. Авторы отмечают ряд специфических черт: своеобразное понимание русскими социологами целей и задач социологии как науки, особенности теоретико-методологических подходов и тематики социологических исследований, влияние на теоретические построения авторов политико-идеологических размежеваний в социологическом сообществе.

В российском обществоведении проблема разложения существующего общественного уклада и становления капиталистического общества была главной теоретической проблемой рассматриваемого периода. Предстояло определить перспективы социально-экономического и политического развития страны, что включало в себя формулирование общественного идеала и определение путей его достижения. В связи с этим центральной в русской социологии была тема соотношения реальности и общественного идеала. Необходимо было научно обосновать сам этот идеал, а также пути его достижения. В качестве наиболее убедительного такого обоснования выступала социологическая теория прогресса, который рассматривался как закон (или основная тенденция) общественной эволюции. П. А. Сорокин отмечал, что русская действительность того времени на первый план выдвигала вопросы *должного*. Политика была основной и верховной задачей. От нее трудно было отмахнуться. «Наука – чисто теоретическое познание – в таких условиях неизбежно должна была стать чем-то подчиненным, перейти на роль средства, назначением которого было «оправдание», «обоснование» определенных социально-политических идеалов и стремлений. Отсюда – «норматизирование» науки, ее «морализирование», смешение «сущего» с «должным»¹.

Выявление и описание особенностей постановки и решения проблемы прогресса русскими социологами, своеобразия конструируемых ими теорий прогресса предполагает обнаружение более или менее общих подходов к этой проблеме в рамках российской социологии в целом разными теоретическими направлениями, а также внутри этих направлений различными «школами» и отдельными социологами. Решение этой задачи возможно путем построения типологии теорий прогресса. Такая типология позволит упорядочить все

¹ Сорокин П. Основные проблемы социологии П. Л. Лаврова // Сорокин П. А. О русской общественной мысли. СПб. : Алетейя, 2000. С. 71.

многообразии попыток решения проблемы прогресса и «формул» прогресса.

В дореволюционной российской социологии имелись попытки такой типологизации. В их основе лежали различные критерии, конструировали их представители разных теоретико-методологических подходов и политико-идеологических ориентаций.

Одна из первых таких попыток принадлежит П. Л. Лаврову. Он делит все теории прогресса на две группы – «*метафизические*» и «*реалистические*». «*Метафизические*» пытаются объяснить общественный прогресс ссылками на действие «сверхнатуральных» сил, определяющих сущность прогресса. К ним автор относит теории *провиденциалистов* («Их учения принадлежат строю мысли, чуждому современной науке»), *фаталистов* пессимистического или оптимистического толка («прогресс есть фатальное стремление к увеличению бедствий человечества» или «фатален прогресс, фатально улучшение, возвышение человеческого существования»); обе теории вредны, так как не побуждают человека к действию); *натуралистов* («Нет в природе ни ухудшения, ни улучшения, ни понижения, ни возвышения; есть лишь смена явлений, которые все имеют одинаковое значение и к которым вполне неприложима какая-либо нравственная оценка»). «*Метафизическим*» теориям прогресса Лавров противопоставляет «*реалистические*» теории («теории реалистов»), которые дают «реалистические объяснения современного общественного положения и возможного исхода из его затруднений». Они также разнообразны, и Лавров выделяет лишь «немногие главные учения»¹.

Важным в типологии теорий прогресса стал подход, разрабатываемый многими русскими социологами и связанный с выяснением соотношения понятий «эволюция» и «прогресс», различением или отождествлением их. Одним из первых в русской социологии его применил Н. И. Кареев в своей работе «Основные вопросы философии истории». Н. Я. Грот, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», четко сформулировал его основные положения. Он выделяет три типа «формул» (определений) прогресса: «*объективистический*», «*субъективистический*» и «*синтетический*». Социологи-«объективисты» (Спенсер, Де-Роберти, Оболенский) «искали такое определение прогресса, которое не примешивало бы к этому понятию

¹ См.: Лавров П. Л. Исторические письма. СПб., 1905. С. 308–321.

никаких элементов, взятых их субъективного мира человека и характеризующих субъективные стремления человека к известным целям, хотя бы идеальным». Но господствующее течение между западными и русскими социологами было всегда «субъективистическое», пишет Грот, искавшее основные признаки для определения понятия прогресса в идеалах и целях человеческого духа, то есть в субъекте, а не в соотношении между собою объективных процессов развития (Миртов, Лесевич, Кареев). Наконец, третий тип включает такие, которые «стремятся дать в определении этого понятия синтез обеих точек зрения». Это «синтетические» определения прогресса (Гердер, Виноградов, Конт, Грот, Де-Роберти и др.).

П. Г. Виноградов осуществляет типологию теорий прогресса, начиная с XVIII в., и выделяет их виды в зависимости от принадлежности к доминирующим философским и научным школам. Он пишет, что XVIII в. были свойственны три основных направления: *просветительское*, *морально-сентиментальное* и *критическое*. Из этих направлений «каждое избрало одну сторону дела и провело... наблюдения с резкой односторонностью»; они «рассматривают исторический процесс с точки зрения ума» (*просветительское*, Кондорсе), «сердца» (*морально-сентиментальное*, Гердер) и «воли» (*критическое*, Кант). Один «сосредоточил все внимание на роли познавательной способности людей, другой – на значении нравственного начала, человечности в отношениях между людьми, третий – на вероятном ходе политического совершенствования». Виноградов критически оценивает все эти теории. Их авторы были философами и не придавали должного значения точному изучению исторического процесса, отталкивались от общих положений, добытых на стороне, и применяли эти положения к материалу без должного внимания к его характерным чертам. Они подходили к вопросам о прогрессе и об условиях исторического развития с запасом готовых общих принципов, касались дела лишь в одном его элементе (теории XVIII в. – знание, чувство, воля) или выдвигали лишь одно движущее начало (теории XIX в. – абсолютный дух и всеобщий механический закон)¹.

Одна из попыток подобного подхода принадлежит П. А. Сорокину. В одном из своих обзоров социологических теорий прогресса, определяя логику рассмотрения проблемы, он формулирует следую-

¹ См.: Виноградов П. Г. О прогрессе. М., 1898. С. 4–42.

щую последовательность анализа ее основных аспектов. Каждый из теоретиков прогресса, прежде чем решать задачу о сущности и природе прогресса, явно или тайно должен был решить проблему эволюции и проблему бытия и становления. Следовательно, «изложению типичных теорий прогресса должно предшествовать изложение типичных пониманий эволюции, а этой последней – изложение типичных решений проблемы бытия и становления». Что касается философской проблемы бытия и становления, то все социологи безусловно признавали существование бытия и становления. Как понималась социологами, писавшими по проблеме прогресса, социальная эволюция? Как конструировалось исследователями ее понятие? Важность понимания сущности эволюции и ее механизма связана также с тем, что часть социологов не проводила различий между этим понятием и понятием прогресса, отождествляла их, и понятие прогресса, следовательно, совпадало с понятием эволюции. В этом случае механизм эволюции становился также механизмом прогресса.

Сорокин выделяет следующие основные подходы: 1) отождествление эволюции с понятием движения, изменения, процесса и вообще становления это наиболее широкое понимание эволюции (Лебон); 2) понимание эволюции как не повторяющегося во времени процесса, не повторяющуюся смену различных состояний и форм в противоположность процессам, повторяющимся во времени, – периодическим с более или менее тождественными периодами; 3) эволюция как не повторяющийся процесс дифференциации и интеграции (Спенсер, Бэр); 4) эволюция как процесс, сопровождающийся реализацией телеологического принципа, будет ли это принцип «ценности», «добро» и т. д. (Риккерт, Гегель, значительное число натуралистов); 5) эволюция как не повторяющийся процесс, в котором одно звено (предыдущее) не противоречит, не уничтожает и не сталкивается с другими (последующими) (Г. Тард); 6) эволюция как непрерывный и не повторяющийся процесс, противостоящий прерывной, хотя и не повторяющейся смене форм. Отсюда вывод, что отсутствие общезначимого понятия эволюции отрицательно сказывается на росте естественных и социальных наук.

Неоднозначность толкования понятия эволюции дает возможность Сорокину объединить все ее теории в две группы в зависимости от ответа на вопрос «Бесконечна или же конечна цепь тех эмпирических форм, в которые облекается «то, что изменяется»?» В первую

группу включаются теории, которые признают ограниченность и конечность принимаемых изменяющимся началом эмпирических форм. Это циклические теории изменения или эволюции. Такой подход, пишет Сорокин, должен быть, безусловно, отвергнут в силу оснований фактических и методологических. Теория тождественных и периодических циклов – теория не доказанная и в высшей степени сомнительная. «Напротив, новейшие успехи физики... решили и, кажется, бесповоротно, дело в пользу неповторимости мирового процесса».

К другой группе относятся подходы, исходящие из признания бесконечности форм, которые может принимать изменяющееся начало. Ряд последовательных форм представляет собой процесс, направленный в определенную сторону, или процесс необратимый, не повторяющийся. Критерием, в зависимости от которого различаются предыдущая и последующая формы, является время¹. Такое понимание эволюции, пишет Сорокин, является самым распространенным и самым популярным. Он придерживается такой же точки зрения. Единственно возможным видовым признаком эволюции, выделяющим ее из родового понятия процесса, является понятие необратимости, неповторяемости по отношению к времени. Следовательно, эволюция равнозначна понятию не повторяющегося с большей или меньшей точностью процесса².

Выяснив значение термина эволюции, Сорокин переходит к понятию прогресса. Это понятие по-разному трактовалось в различных теориях. Все теории прогресса он делит на два основных класса в зависимости от факта отождествления или различения ими понятий «эволюции» (развития) и «прогресса». Он выделяет два основных подхода, обозначаемых «*безоценочный*» и «*оценочный*» – в зависимости от того, «какое значение мы придаем термину «прогресс»³. Он пишет, что проблему прогресса можно рассматривать в качестве оценочной проблемы, или проблемы социального идеала, к которому должно стремиться человечество. В этом случае проблема прогресса не сливается с проблемой эволюции. Не всякая эволюция будет про-

¹ Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3: Что такое прогресс? СПб., 1914. С. 131.

² Сорокин П. А. К вопросу об эволюции и прогрессе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. Т. 7. Вып. 3. 1911. С. 89.

³ Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3: Что такое прогресс? СПб., 1914. С. 144–145.

грессом, а только та, которая является приближением к соответственному идеалу, каков бы ни был этот идеал. Прогресс – это эволюция, направленная от худшего к лучшему, все равно, что бы ни понималось под худшим и лучшим. При «безоценочном» подходе проблема прогресса должна слиться с проблемой эволюции. И в этом случае в каждом последующем звене изменений видят возрастающее улучшение, но критерием последнего будет положение «что позже, то лучше». Наконец, возможен третий тип теорий прогресса, как пишет Сорокин, – *«примирающий или пытающийся примирить оба указанных течения»*. В качестве примера он называет теорию Е. Де-Роберти, который отделяет субъективный элемент от понятия эволюции в зависимости от среды, в которой протекает процесс изменений. «Процесс изменений, происходящий в физико-химической среде... есть простое движение; процесс изменений, происходящий в органической среде, есть эволюция; процесс изменений, протекающий в социальной среде, есть прогресс; ...эволюция, происходящая в общественной среде, приобретает целевой характер; отсюда и определение: «прогресс есть эволюция, становящаяся для нас целью»¹. «Все теории прогресса от Адама и до наших дней, – пишет Сорокин, – относятся или к первому или же второму разряду, или, наконец, к той или иной комбинации этих двух типов»².

Приведенными примерами не исчерпываются все подходы к классификации теории прогресса. Названные и подобные им типологии имеют в своей основе, в конечном счете, определенное представление о сущности, содержании, механизме социальной эволюции. Трактовка понятия эволюции, в свою очередь, определяется общими теоретико-методологическими позициями социологов-авторов теорий прогресса.

¹ Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3: Что такое прогресс? СПб., 1914. С. 153.

² Там же. С. 146.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПАТЕРНАЛИЗМ

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 12-03-00063, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Социальная мобильность, характерная для общества, находящегося в стадии формационных преобразований, при которых, в частности, происходит критериальная смена социальной структуры общества, неизбежно сопровождается размыванием сложившейся решетки социальных отношений, что связано с исчезновением (преобразованием) тех или иных групп и слоев, с изменением роли тех из них, которые сохраняются и в новой социальной структуре, с изменением (деформацией) норм, стандартов, ценностей, типов поведения.

Таким образом, процессы социальной мобильности выступают системообразующим атрибутом формирования новой социальной реальности, приводя к социальным изменениям во всей структуре общества, как в его статике (положению тех или иных социальных страт в социальной структуре общества), так и в его динамике (степени самоидентификации этих страт с ново возникающими элементами социальной структуры, проявляющиеся в изменении их социальных установок, ценностей, в их социальном поведении и в конечном счете уровне, качестве и образе их жизни). Следовательно, социальная мобильность и особенно ее направленность определяет все стороны жизнедеятельности социальных субъектов в новоформирующейся социальной реальности.

Любой тип (вариант) социальной мобильности так или иначе связан со сменой (полной или частичной) экономического, культурного, социального статуса личности (группы). Весь вопрос лишь в том, каково содержание этой мобильности и этих социальных изменений, и какова ее направленность. Идет ли речь о восходящей социальной мобильности и о формировании страт общества, интегрировавшихся в новую социальную реальность, или мы имеем дело с понижающим ее вектором и имманентно присущими ему процессами маргинализации, которая приобретает самостоятельное, самостоятельное значение и которая в значительной степени влияет на процессы социальной мобильности, причем не только нисходящей, но и восходящей, отражая специфику социального развития российского общества.

Вместе с тем, именно группы нисходящей социальной мобильности, ранее жестко интегрированные в структуры эгалитаристско-патерналистского социума советского типа, а ныне находящиеся на периферии социального развития в наибольшей степени подвержены маргинализационным процессам¹ и составляют социальную базу консервации патерналистских настроений в современном российском обществе. Впрочем, это не означает, что исследуемый нами патерналистский синдром не оказывает своего воздействия на процессы восходящей социальной мобильности. Различия лишь в степени влияния данного синдрома на этот тип мобильности: в группах нисходящей социальной мобильности.

Поэтому, изучая процессы социальной мобильности, можно определить содержание и проявления *патерналистского синдрома* в группах различных векторов ее направленности. Если группы восходящей социальной мобильности представляют собой страты меньшей подверженности патерналистским интенциям, то группы нисходящей мобильности, наоборот, в максимальной степени соответствуют тем параметрам, которые отличают патерналистское восприятие и соответствующее социальное поведение тех или иных групп общества. Поэтому продуктивным представляется подход «*ordine inverso*» (от обратного)², при котором базовые характеристики патерналистского синдрома, описанные нами в предыдущих публикациях «накладываются» на особенности, отличающие социальные установки и поведение групп нисходящей социальной мобильности.

Исследования, проведенные в последние годы лабораторией социологии Пермского национального исследовательского университета под руководством и при инициативном участии авторов, позволяют это сделать. Рассмотрим эти особенности.

¹ См.: Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. 1998. № 2. С. 172; Стоунквист Э. В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 13.

² Разинский Г. В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: матер. XI Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З. И. Файнбурга (Пермь, ПНИПУ, 21–22 ноября 2012). Пермь, 2012. С. 82–84; Разинский Г. В. Патернализм как синдром // Социология в системе научного управления. [Электронный ресурс]. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, ИПИ РАН, РГСУ. М.: ИС РАН, 2012. 1 CD ROM. С. 539–540.

Так, факторами, формирующими отрицательную (нисходящую) социальную мобильность являются: низкий материальный статус, подверженность тех или иных социальных групп нисходящего вектора мобильности традиционным нормам и ценностям и неприятие (или принятие в ограниченных масштабах) ценностных ориентаций рыночного типа, затрудненный процесс интеграции в новую социальную структуру рыночного общества, низкий уровень социальной мобильности в различных сферах жизни, распространенность патерналистских отношений и настроений социального иждивенчества, неприятие социальной дифференциации и приверженность эгалитаристским отношениям, низкая социальная, профессиональная, культурная мобильность. Это проявилось:

- в социальных характеристиках групп нисходящей социальной мобильности (большой процент женщин и лиц старших возрастов, несколько меньший удельный вес лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, доминирование выходцев из крестьян и рабочих, несколько более высоким стажем трудовой деятельности);
- в их социально-профессиональном статусе; крайне незначительный процент в этой среде процент предпринимателей при высокой доле рабочих, пенсионеров, «бюджетников» и других специалистов различного отраслевого профиля – правда, последние две группы достаточно широко представлены и в векторе восходящей мобильности, что, впрочем, скорее подтверждает незавершенность процесса социально-стратификационной консолидации и дифференциации, с одной стороны, тогда как с другой – является социальной базой распространности маргинальных процессов и настроений патернализма в российском обществе;
- в меньшей свободе в самоопределении своих ценностных и поведенческих позиций и в более высокой степени социальной автономии от стандартов и ценностей социального поведения, характерных для новой структуры социальных отношений: чем более автономны в этом смысле те или иные группы, тем в меньшей степени они ощущают общую удовлетворенность той или иной стороной своей жизни;
- в определяющем, доминирующем значении материального фактора, формирующего отрицательную, нисходящую направленность социальной мобильности (почти 80 % респондентов, оказавшихся в данном типе мобильности, отнесли себя к малооплачиваемым, что в

4 раза меньше, чем в типе восходящей мобильности);

- в слабо выраженной ориентации на содержательную сторону труда при доминанте инструментальных и воспроизводственных предпочтений, низкая готовность к повышению своего социально профессионального статуса, неуверенность в своей устойчивости на рынке труда и занятости, что является более четко выраженным проявлением социальной маргинальности, в целом характерной для всего российского социума;
- в распространенности настроений безразличия, а то и неприятия того города, в котором они живут и это при более высокой тяге к оседлости и практическая неосведомленность и неучастие в городской жизни (что в целом отличает городской социум, независимо от вектора социальной мобильности);
- в доминировании в культурно-досуговой деятельности групп нисходящего вектора мобильности воспроизводственно-потребительских тенденций, а в сфере семейных отношений – консервативных и традиционных ценностей и стандартов поведения при высокой распространенности настроений социального иждивенчества;
- в большей приверженности групп отрицательного вектора мобильности к консервативным моделям социального устройства, причем не только ретро советского образца, но и откровенно национал-автаркичного типа и отрицании моделей рыночного типа, что в сочетании с приверженностью с патерналистским отношением к управленческим структурам при одновременно невысоким уровнем доверия к основным социальным институтам, исключая армию и тем более к местным управленческим структурам и фактическим отчуждением от них, формирует негативный фон, который чреват ростом протестных настроений;
- в большей подверженности групп нисходящей социальной мобильности в оценках своего социального самочувствия настроениям беспокойства, тревоги, безысходности.

Таким образом, сложившаяся система базовых социальных установок и ценностных ориентаций (доминирование патерналистских настроений, преобладание вынужденной адаптации к рыночным отношениям, размежевание позиций относительно возможности социальной дифференциации, слабая включенность и малая заинтересованность горожан в активном освоении городского пространства и

связанная с этим отчужденность как от города, так и от структур власти), наиболее четко проявившаяся в группах нисходящего вектора социальной мобильности, выступает, с одной стороны, стабилизирующим фактором, удерживающим от активных, тем более протестных действий (и именно поэтому большинство опрошенных настроены выжидательно), тогда как с другой – консервирует сложившуюся ситуацию, способствует стагнации социального развития городской общности.

Таким образом, можно констатировать фактическое совпадение отличительных особенностей, характеризующих группы отрицательной социальной мобильности и проявления патерналистских тенденций, что является еще одним подтверждением всеобщности феномена патернализма.

З. Х.-М. Саралиева

ДВОЕ НА КАЧЕЛЯХ: СЕМЬЯ VS. СОЦИУМ

Больше десяти лет назад (в 2001 г.) в интервью нашей университетской многотиражке мы попытались рассказать о том, что происходит с семьей в начале XXI в. Сегодня есть, что добавить, но, к сожалению, не в мажорном ключе. И дело не в том, что семья стала жить хуже или катастрофически обострилась внутрисемейная ситуация. Наши требования повысились. Приходит осознание непропорциональности, несинхронности общесоциальных трансформаций и изменений в семье.

Что происходит в «Семейном королевстве»?

Будем исходить из двух точек зрения в современной социологии семьи.

Первая позиция строится на том, что семья – это, прежде всего, социальный институт, предназначенный для решения проблем народонаселения, деторождения, а попутно – проблем экономических, геополитических (кто будет заселять Сибирь, Дальний Восток и проч.). Меры для их решения предлагаются довольно жесткие, государственные. В вольном переводе их суть можно свести к императиву: россиянам пора перестать ограничиваться 1,3 ребенка на семью и вспомнить, для чего они вступили в брак. Позиция вполне опреде-

ленная, жесткая, с очевидными последствиями: что-то запретить, а что-то велеть непременно делать.

Сторонники другой точки зрения считают, что ничего катастрофического с семьей не происходит. Они рассматривают семью как форму частной жизни, как малую социальную общность, которая, конечно же, должна решать в том числе и задачи деторождения, воспитания, социализации детей, но все-таки главная ее функция – самореализация членов семьи – и старшего, и среднего, и младшего поколений. Эта вторая парадигма взглядов позволяет, на наш взгляд, более глубоко – без панических настроений – понять, что же происходит в «Семейном королевстве».

А в этом королевстве, похоже, не все благополучно... Нельзя сказать, что нет поводов для озабоченности. Снижается рождаемость, растет число поздних браков, распространяются по нарастающей добрачные или внебрачные формы сожительства, которые сейчас вбирают в себя не только 18–23-летних, но и представителей самых разных возрастных когорт и превращаются в альтернативу браку, форму бегства от него.

Социологические исследования, в том числе неоднократно проводимые нашей кафедрой совместно с Нижегородским отделом Института социологии РАН, позволяют предположить, что 12–15 % семей существуют вне брака. Но нас интересовала не только формальная сторона, а отношение общественного мнения к сожительству. Полученные данные позволили сделать вывод: это отношение становится все более либеральным. Сожительство не стало нормой, но уже перестало быть социально осуждаемым. Оно не воспринимается как девиация, как оскорбление общественной морали.

Почему люди отказываются от официальной регистрации брака?

Причин много. Одних страшат обязательства семейного человека, другие не хотят осложнений в имущественных отношениях (а в случае развода придется делить квартиру, бизнес), третьи просто испытывают усталость от брака. Они в нем разуверились, поскольку он не дает ни защищенности, ни стабильности, ни уверенности в будущем.

Является ли современный брак барьером для адюльтера, появления внебрачных детей? Увы, нет. Ушла святая вера в брак. Да и была ли она когда-нибудь? Недавно мы читали интересную дипломную работу о псковских берестяных грамотах XI–XIV вв. Проблемы

во все времена одни и те же: есть свод официально поддерживаемых правил, и есть люди, которые эти правила ломают, независимо от того, как этот свод правил называется – «Домострой» или «Семейный кодекс». Среди сторонников сожителства есть и еще одна категория – те, кто настолько уверен в своих чувствах и чувствах партнера, что не нуждаются в «штамповом подтверждении» своих отношений через ЗАГС. Если же сравнивать время существования официальных и неофициальных семей, то продолжительность жизни у них примерно одинаковая: люди могут расстаться через неделю после пышного бракосочетания, а могут до золотой свадьбы состоять в незарегистрированном браке.

Какие процессы приводят к изменению отношений в семье и к семье?

Изменилось положение женщины в обществе и ее самоощущение. Если раньше она была, прежде всего, женой и матерью, то сейчас, по-прежнему отвечая за свои «старые роли», она становится еще и «социальным актёром», активно действующим лицом во всех сферах жизни общества. Социум вовлек ее в производство, в политику, причем политизация женщин происходит весьма непоследовательно: ее используют в политических играх в роли электората, но не пускают на этажи, где действуют «избранные», то есть мужчины. На нее же возложены заботы о материальном благополучии семьи, здоровье и воспитании детей. Женщина с трудом «переваривает» расширение своего социального «театра», а социум не помогает ей в необходимом объеме ни материально, ни психологически.

В советские годы под процесс социализации женщины подводилась некая идеологическая база. Сейчас даже этого нет: она везет на себе увеличившийся груз проблем под аккомпанемент сентиментальных восклицаний: «Ах, какие бы мы все были счастливые, богатые, умытые и высморканные, если бы женщина... сидела дома».

Есть пьеса Уильяма Гибсона «Двое на качелях». А у нас женщина в одиночку раскачивается между двумя крайностями: ее толкают то к новому «Домострою», то в сторону оголтелого феминизма и даже лесбиянства, которое становится формой защиты от мужского шовинизма. И мы пока не видим попыток остановить эти качели в точке равновесия не только на уровне действия, но даже на уровне взвешенного, умного слова. С удовольствием можно читать обдуманное

сентенции по этой теме кого-нибудь из наших деятелей культуры, писателей, общественных деятелей. Но, увы... Нет точки равновесия и в возрастных параметрах брака: сейчас все чаще семьи создаются либо очень рано, либо очень поздно. Акселерация вроде бы закончилась, а «школьные роды чудесные» продолжают как следствие повальной «сексуализации» молодежи, неграмотного, неаккуратного сожительства малолетних. При этом страдают не только родители-школьники, но и «дети детей», не говоря уже о тех, кто этот «детский сад» должен содержать.

Первые браки 30–40-летних людей.

Весь мир идет по этому пути, хотя это не отнесешь к тенденциям безоговорочно позитивным. Не знаю исследований, которые бы аргументировали бóльшую прочность поздних браков, в которые вступают люди зрелые и ответственные, меньшую разводимость, бóльшую удовлетворенность семейными отношениями. Сейчас средний возраст вступления в брак повышается. Например, у датчанок и шведок он приближается к 30, у француженки – 27 лет. Вообще нет ни одной развитой страны, где бы эта планка была ниже 25-летнего рубежа. И в России наиболее образованная часть общества сначала решает свои профессиональные, карьерные задачи, а потом уже создает семью. Эта категория у нас традиционно служила примером для подражания. И сейчас стиль жизни тех, кто вступает в брак уже на фоне профессионального и житейского благополучия, транслируется на слои, которые формально находятся вне системы высшего образования. Происходит «социальное заражение» этими настроениями.

Поздний брак – поздние дети.

Живется лучше детям поздних браков? Да, материально они обеспечены. А психологически? Поздний ребенок автоматически, как правило, перекрывает возможность рождения следующему. Он растет один, испытывает психологическое одиночество, эгоцентричен. Отношение с отцом и матерью тоже деформируется. Со стороны родителей это либо абсолютное попустительство (дитя позднее, балованное!), либо непомерный страх потери, а отсюда – жесточайший неусыпный контроль. К тому же сравните психологические особенности 20- и 40-летних родителей. Ведь это же люди с совершенно разным отношением к жизни и разной степенью... психологической усталости.

Я думаю, что при разумном отношении к семье, к судьбе детей тенденция позднего рождения детей со временем должна сойти на нет.

Выросшие в полных семьях реже разводятся?

Я бы сформулировала этот тезис по-другому: люди, выросшие в полных семьях, разводятся чаще. Чисто психологически это можно объяснить так: сын или дочь разведенных родителей уже пережили этот стресс в детстве или юности, и поэтому к собственному разводу они уже относятся спокойнее. То есть уже получена «вакцина трагедии», и трагедия переходит в другой жанр – бытовой драмы. И собственных детей уже не так страшно и жалко подвергать этой процедуре, если человек думает: «Я-то смог пережить развод родителей».

Готовы ли россияне доверить церкви роль хранителя семьи?

На житейском уровне многим кажется, что, например, обряд венчания укрепляет брак. Но я не могу подтвердить это статистически. Такими данными и социологи не располагают. Раз число разводов в России не сокращается, мы можем распространить эти данные и на венчанных супругов. Вообще, я думаю, что массовое движение в сторону религии у нас пока идет на уровне суеверия, моды. Это еще не верование, поэтому преждевременно говорить, что религия в России – столп нравственности, оплот семьи. Во всяком случае мы сомневаемся в фундированности этого тезиса.

Многопоколенная, расширенная семья еще, по сравнению с Западом, в России сохраняет свои позиции. Является ли это нашим преимуществом? Скорее, это особенность, вызванная экономической необходимостью и психологическими традициями. Но и тут мы начинаем сдвигаться в сторону западных образцов. И старшее, и младшее поколения уже стремятся жить отдельно. Казалось бы, так спокойнее. К тому же молодая семья быстрее становится самостоятельной. Но тут есть опасность: независимость друг от друга может перерасти в отдаление, черствость, пренебрежение, социальное сиротство стариков. Изменение взглядов на семейные роли, семейные права и обязанности, эпидемиологически распространяющееся в общественном мнении, не сопряжено с адекватными изменениями в государственной семейной политике и с социальным контролем социума.

Пока семьи в большинстве своем осуществляют «частное право» на выбор функций (нередко неправомерно сужая их до материально-

бытовых, освобождая себя от социализационной, когнитивной функции), распределение внутрисемейных ролей, внутрисемейного взаимодействия, очень часто с большой долей незаботы, агрессии, насилия.

Социальная незрелость значительного большинства семей, не сумевших в новой российской действительности взять выпавшие из рук государства свои родовые, предписанные человеческой эволюцией, обязанности, делает их социальными инвалидами. С нашей точки зрения, в этой связи следует вести разговор не только о поддержке, помощи, защите, но и о реабилитации – возрождении и даже рекультивации семейного образа жизни для этой части населения российского.

Сегодня мы имеем, если можно так определить, обогащенную константу семьи – разные «семьи», «семейные организации», «альтернативные», «немоногамные», «немодальные» формы, «ремиссионные семьи», «проекционный брак» и др. Как институты они могут ближе или дальше находиться от моногамии – функционально и по форме, то есть, полные, брачные и др. С другой стороны, институционально моногамные семьи значительно различаются и по функциям, и по формам, многие теряют «качество»: могут быть формально полными, формально моногамными – конкубинат; адюльтер; раздельное проживание; фактическое нарушение позитивного взаимодействия; безответственное родительство; допущение насилия, которое разрушает семью и как социальный институт, и как малую группу, выхолащивая значимость семьи для социума.

Статистически эти проявления не ухватишь. Социологически можно, если отойти от догматического, примитивного фамилизма. А пока у социальной работы с семьей в широком смысле руки связаны.

Одно из главных противоречий современной семьи – между ее институциональным предназначением и как малой группы – проявляется все резче. К этому добавляется и то обстоятельство, что одни семьи могут быть преимущественно институциональны, другие – только малой группой. Периоды вызревания обеих ипостасей не совпадают, многие семьи «застревают» в своей половинчатости. Устранить, сгладить, минимизировать это противоречие должна государственная семейная политика, опирающаяся, на наш взгляд, на такие основания:

- реализуется неинструментальный подход, семья – не средство решения демографических проблем, она самодостаточна как способ организации жизни людей;
- государственная политика не может ориентироваться лишь на уст-

ранение неблагополучия, девиаций, ущербности;

- она должна быть концентрированной на социальном диалоге с семьей успешной как точке роста в реальном преобразовании общества;
- необходимо понимание многопроблемности существования многих современных российских семей (пример: финансовые трудности, сводная семья, алкоголизм, насилие, инцест – и это не искусственная конструкция, а, к сожалению, реальность);
- многое в переменах семейной жизни справедливо объясняют изменением положения, взглядов, поведения современной женщины; только не следует все сводить к ее экономической эмансипации, женщина (жена, мать) психологически, эмоционально, когнитивно не может и не захочет вернуться в семью, только домой, только в семью; с нею нельзя заигрывать с помощью посулов материнского капитала;
- утрата лидирующей роли отцовства тоже не может ограничиваться или устраняться лишь мерами экономической и психологической поддержки; во многих случаях его надо воспитывать, заново выращивать;
- совершенствование семейного законодательства; надо переходить от lamentаций по поводу несправедливости применения законов к анализу справедливости самих законов;
- социологическое сопровождение, включающее как зондирование общественного мнения по вопросам готовящихся мер государственной поддержки семьи, так и оценки их реализации. Многие исследования страдают недостаточной структурированностью объекта-семьи и излишней обобщенностью вопросов, переходящих из анкеты в анкету, хотя почти сто лет назад (1917 г.) Мэри Ричмонд¹ показала, как подробно и въедливо надо опрашивать респондентов для получения достоверных данных (примеры из анкетного опроса семьи: «Имеют ли родители и другие родственники мужа и жены умственные, нравственные или физические недостатки? Неординарные данные или способности? Какие данные о физических или умственных способностях мужа, жены и их родственников могут вызвать тревогу (для того, чтобы предотвратить их развитие в детях) или особые способности, которые надо развивать в детях?; В какой школе и в каком классе учатся дети? Имя учителя? Каково качество образования, посещаемо-

¹ Силами аспирантов кафедры в учебных целях сделан реферативный перевод книги «Социальные диагнозы». Суть идеи М. Ричмонд в поиске причин проблемной ситуации клиента в его социальной среде. См.: Социальные науки. Реферативный сборник. Вып.7. Нижний Новгород : ННГУ, 2012. 497 с.

сти, поведения, условия для физического и умственного развития и как об этом заботятся?; Имеет ли семья отношения с каким-либо социальным агентством или институтом? Если да, каков характер и результат этих отношений? Если первый контакт имела жена, знал ли об этом муж или был против? Получила ли семья какую-либо помощь, если получила вообще?»). Следуя стилю анкетной дотошности, сегодня неплохо при исследовании разведенных семей поинтересоваться, было ли желание развестись обоюдным, кто все-таки был инициатором развода, обсуждалось ли намерение с детьми, старшим поколением и др. Рассмотрение смешанных семей по признаку расовой, этнической, конфессиональной, социально статусной принадлежности, возрастной разницы, месту рождения (большой или малый город, село, деревня, рабочий поселок и др.), образовательному уровню и профилю, из какой семьи (полной, неполной, , одиноким, сирота, материнской и др.). Никакая детализация не может быть избыточной для профессионально подготовленного социолога или социального работника;

- постоянное наращивание *профессионально подготовленных кадров* для учреждений социальной сферы, социальной работы с семьей.

Часто нашим студентам мы даем задание выделить факторы/рецепты семейного счастья. По частоте упоминаний лидируют любовь, взаимопонимание, материальное благополучие, взаимоуважение. На последних позициях, к величайшему разочарованию, умение прощать, терпение – терпимость, равенство. И в 9 случаях вердикт – «Не знаю счастливых семей, нет таких». А рецепт прост, проверен веками – «Совет да Любовь!»

В. Н. Стегний

ОТНОШЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Ученых много, умных мало»

А. С. Пушкин

В содержании труда преподавателя и студента одной из самых основных функций является научно-исследовательская деятельность. Преподаватель высшей школы от преподавателя общеобразовательной школы отличается тем, что в основе его педагогической деятель-

ности лежит наука. Принцип научности образовательной деятельности в высшей школе является основополагающим. Преподаватель дает студенту не просто знания, а научные знания. Эти знания являются основными не только в содержании образования, но и в формах обучения. Поэтому педагог высшей школы занимается не просто методической, но и научно-методической работой. Научность и образованность в деятельности педагога высшей школы это «не просто удовлетворение любопытства за государственный счет», а потребность его профессиональной деятельности.

Причем роль этой потребности в последние 3–5 лет резко возросла. Да и преобразование в высшей школе ряда вузов в федеральные, национальные исследовательские университеты направлено на то, чтобы в этих учебных заведениях поднять роль науки, включить преподавателя и студента в более активную научно-исследовательскую и инновационную деятельность. Тем более, что формирование инновационного общества, инновационной экономики, инновационного образования без науки практически невозможно.

Реализация этих предпосылок осуществляется в конкретном социальном пространстве и социальном времени. В этой связи фиксируем с помощью эмпирического социологического исследования¹, как в настоящее время преподаватель высшей школы и студент относятся к научно-исследовательской работе. При проведении таких исследований важнейшая роль принадлежит интерпретации полученных эмпирических данных. Теоретическое определение научно-исследовательской работы преподавателя и студента необходимо свести к операциональной характеристике ее содержания и структуры². Взяв за основу исследования эмпирическими методами, научно-исследовательскую работу преподавателя и студента – то, как они трактуют ее содержание и направленность, фиксируем в анализе: 1) осведомленность преподавателя и студента о научно-исследовательской работе, характеризуемую объемом информации о ней; 2) избирательность преподавателя и студента в отношении к информации о научно-исследовательской работе, характеризуемую

¹ Социологическое исследование проводилось в 2010–2011 гг. в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, в ходе которого было опрошено 340 преподавателей и 820 студентов.

² Стегний В. Н. Осознание личностью своего социального будущего : монография. Изд. 2-е перераб. и доп. Пермь : ПГТУ, 2007. С. 15–16.

конкретным содержанием и направленностью к ней; 3) степень активного отношения к научно-исследовательской работе, характеризующую участием в ней; 4) степень влияния научно-исследовательской работы преподавателя и студента на их производственную деятельность, поведение, ценности, мировоззрение. Исходя из этого определения, ведется эмпирическая трактовка отношения преподавателя и студента к научно-исследовательской работе (НИР) в современном вузе.

Рассмотрим место НИР в структуре трудовых ценностей преподавателей и студентов (табл. 1). Из приведенных данных видно, что преподаватель и студент ориентируются не на одну какую-либо трудовую ценность, а на целую систему. Среди них у преподавателей научно-исследовательская деятельность (возможность творчески работать: постоянно обновлять свои знания, использовать новое, передовое в своей работе) оказалась в числе доминирующих ценностей. При этом такие трудовые ценности, как уважение и признание окружающих; работа интересная сама по себе, усиливают роль данной ценности в деятельности преподавателя.

Таблица 1

Структура трудовых ценностей преподавателей и студентов
(% от числа опрошенных преподавателей и студентов)

Трудовые ценности	Пре-под., %	Студ., %
1	2	3
Уважение, признание окружающих	59,3	67,4
Возможность творческой работы (постоянно обновлять свои знания, использовать новое, передовое в своей работе)	59,3	49,8
Работа интересная сама по себе (интересна специальность, содержательная сторона работы)	55,1	81,4
Связанные с работой блага (возможность хорошо заработать, получить квартиру, дет.сад для ребенка и т.д.)	46,6	58,3
Самостоятельность в работе (самостоятельность в принятии решений, самоконтроль, самодисциплинированность)	46,6	51,2
Польза приносимая людям	40,7	33,6
Возможность служебного, профессионального роста	35,6	68,4
Возможность проявлять и развивать свои способности	33,1	55,4

Окончание таблицы 1

1	2	3
Возможность работать под руководством профессионально грамотного руководителя, способность организовать работу коллектива	27,1	31,9
Возможность общаться с людьми, быть на людях	23,7	39,5
Работа, позволяющая иметь интересный для себя круг друзей	19,5	50,2
Долг, чувство ответственности перед людьми	19,5	21,8
Спокойная, тихая жизнь	9,3	7,6
Возможность хорошо проводить свободное время	8,5	45,3
Главное семья, а работа на втором месте	8,5	25,0
Группировка трудовых ценностей по функциональным признакам		
Общественно-значимые	23,8	17,6
Индивидуально-личностные	18,4	15,1
Профессионально-трудовые	36,5	33,4
Социокультурные	10,3	21,9
Социально-экономические	9,3	8,4
Семейно-бытовые	1,7	3,6

Примечание. Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, то сумма по каждой группе преподавателей и студентов больше 100 %.

Среди опрошенных преподавателей (60 %) и студентов (50 %), указавших на значимость данной трудовой ценности, свидетельствует о том, что ее отметили только те из них, кто занимается научно-исследовательской работой. Эти данные показывают и то, что у вузовских коллективов есть большие возможности для расширения этой деятельности как среди преподавателей, так и студентов. У преподавателей в идеальном варианте все 100 % должны заниматься этой деятельностью, реально же ей занимаются немного более половины. Следовательно, свой творческий потенциал не использует каждый второй преподаватель. Значит, есть потенциал для творческого научного, инновационного роста.

Группировка трудовых ценностей по функциональным признакам дала интересную структуру этих ценностей, доминирующее, стратегическое положение среди них заняли профессионально-трудовые, куда в первую очередь вписана творческая деятельность как у преподавателей, так и у студентов. Главное, что характеризует отношение преподавателя к НИР – это мотивы выбора своей профессиональной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Мотивация выбора преподавателями своей профессиональной деятельности (% от числа опрошенных преподавателей)

Структура мотивов	%
Возможность заниматься творческим трудом	61
Отсутствие жесткой регламентации рабочего и свободного времени	50
Возможность заниматься решением интересных научных проблем	42
Желание повышать уровень образования, научную квалификацию	32
Возможность передавать свои знания молодому поколению	31
Стремление к глубокому изучению интересного для Вас предмета, раздела науки	30
Вам предложили остаться на кафедре после окончания вуза, что соответствовало Вашим интересам	30
Стремление к самостоятельности в своей работе	29
Желание принести пользу обществу	25
Стремление внести личный вклад в формирование личности молодого человека	25
Престиж профессии преподавателя	23
Отсутствие жесткого внешнего контроля	22
Стремление внести личный вклад в науку	20
Возможность приобретения независимости в профессиональной деятельности	20
Престиж научного работника	16
Самоутверждение среди окружающих	11
Материальная обеспеченность преподавателя	10
Самоутверждение в семье	5
Вам предложили остаться на кафедре после окончания вуза, Вы согласились так как не было других вариантов трудоустройства	5
Материальная обеспеченность научного работника	5

Примечание: Поскольку каждый респондент указал несколько ответов, то сумма больше 100 %.

В основе мотивации преподавателей, их профессиональной деятельности лежит не один мотив, а целая их система. По содержанию деятельности мотивы делятся на несколько групп.

Первая группа: *мотивы, характеризующие творческую деятельность преподавателя.* Их указало от 30 до 60 % преподавателей. К ним относятся: возможность заниматься творческим трудом; возможность

заниматься решением интересных научных проблем; желание повышать уровень образования, научную квалификацию; возможность передавать знания молодому поколению; стремление к глубокому изучению интересного для него предмета, раздела науки; возможность работать на кафедре после окончания вуза; стремление к самостоятельности в своей работе; стремление внести личный вклад в науку.

Вторая группа: мотивы социально значимые, которые зафиксированы у 1/5 среди опрошенных респондентов. К ним следует отнести: желание принести пользу обществу; стремление внести личный вклад в формирование личности человека; отсутствие жесткого внешнего контроля; регламентации рабочего и свободного времени; возможность приобретения независимости в профессиональной деятельности; самоутверждение среди окружающих.

Третья группа: мотивы, связанные с престижностью профессии преподавателя. Их отметили от 16 до 23 % среди опрошенных респондентов – это престиж научного работника и престиж профессии преподавателя. Конечно, престиж этой профессии за последние 20 лет упал и занимает одно из последних мест в рейтинге профессий, которые выбирают выпускники общеобразовательных школ. Да и среди родителей только около 5 % желают видеть своих детей школьными учителями¹.

Четвертая группа: мотивы связанные с материальным положением. Они оказались среди всех, указанных ими мотивов, на самом последнем месте, что отражает реальное сегодняшнее материальное положение среди профессий в нашей стране. Такого низкого уровня материального достатка этой группы работников в истории нашей страны еще никогда не было. При данном материальном положении этой группы работников, стране из сегодняшнего состояния долго не выбраться. Среди опрошенных респондентов на какую-то удовлетворенность материальным положением у преподавателей указал 1 из 10, а среди научных работников 1 из 20.

Конечно, материальный достаток у преподавателя высшей школы никогда не стоял на первом месте, поскольку он был достаточный, но и никогда не стоял на последнем месте в мотивации его деятельности. Он находился в числе других мотивов, таких как содержание и характер труда и т. д.

¹ Скляр И. Цветы жизни, цветочки и ягодки // Экономическая жизнь. 2006. № 27. С. 3–4.

Научно-исследовательская деятельность преподавателя в коллективе взаимосвязана с другими видами его образовательной деятельности. В этой связи очень важно проанализировать степень удовлетворенности преподавателя и студента научно-исследовательской деятельностью на фоне удовлетворенности других направлений образовательного процесса.

Таблица 3

Оценка качества образовательного процесса
(коэффициент удовлетворенности)

Сферы образовательного процесса	Преподаватели	Студенты	Σ
Организация учебного процесса	2,13	2,24	2,18
Учебно-методическое обеспечение	2,15	2,23	2,19
Научно-исследовательская работа	2,07	2,21	2,14
Материально-техническое обеспечение	1,98	2,10	2,04
Социально-психологические аспекты	2,40	2,14	2,27
Общая оценка качества образовательного процесса	2,15	2,19	2,17
Средний балл	2,14	2,18	2,16

Примечание: оценка проводилась по трехбалльной системе.

Как видим из табл. 3, преподаватели дали оценку научно-исследовательской работы ниже, чем другим сферам образовательного процесса, кроме материально-технического обеспечения. Эта оценка оказалась ниже общей оценки качества образовательного процесса и среднего балла. Такая же ситуация наблюдается и в оценках студентов. Такие оценки характеризует реальное положение дел с научно-исследовательской работой в современной системе высшего образования, а не только в каком-то отдельном вузе.

Сравнивая удовлетворенность научно-исследовательской работой преподавателей гуманитарных, социально-экономических кафедр с аналогичной деятельностью у преподавателей физико-математических, технических кафедр, фиксируем, что у первых коэффициент удовлетворенности (1,83) ниже, чем у вторых (2,12). Причин здесь несколько, но основная – это практически отсутствие государственного финансирования развития социальной науки в высшей школе. Такая же ситуация наблюдается у них и с удовлетворенностью материально-техническим обеспечением, организацией учебного процесса, учебно-методическим обеспечением, социально-

психологическими аспектами. У первых она ниже, чем у вторых.

Выход из этой ситуации не только в самих преподавателях, а прежде всего в стратегии развития образования, в государственной политике в области образования, теории и концепции развития образования, той атмосферы, которая создана вокруг всей системы образования. Пока не будет дан ответ на вопрос: «Почему наиболее квалифицированный педагог уходит из школы и почему выпускники педагогических вузов и университетов не идут работать в систему образования?» и решен этот вопрос, качество образования мало изменится.

В нашем исследовании была рассмотрена взаимосвязь между участием в НИРС и успеваемостью студентов. Получили интересную зависимость: студенты, участвующие в НИРС имеют успеваемость и средний балл выше, чем те студенты, которые не участвуют в НИРС.

Затронули мы и проблему взаимосвязи у преподавателей, участвующих в НИР, и успеваемостью их студентов и получили по этому критерию несколько групп:

1 группа: преподаватели участвующие в НИР, научно-методической, организационно-методической, воспитательной работе. Их студенты имеют наиболее качественные показатели в учебе.

2 группа: преподаватели, занимающиеся НИР, но не участвующие в научно-методической, организационно-методической работе. Их студенты по показателям качества образования уступают первой группе.

3 группа: преподаватели, не участвующие в НИР, но занимающиеся научно-методической и организационно-методической работой. Их студенты по показателям качества образования, уступают студентам первой группы, но не уступают студентам второй группы и кое в чем их даже превосходят.

4 группа: преподаватели, не участвующие в НИР, научно-методической работе, но занимающиеся организационно-методической работой и много работающих над собой. Среди них есть единицы ППС, которые имеют высокие показатели качества у студентов, но у основной группы обучаемых ими студентов показатели низкие.

5 группа: преподаватели, не занимающиеся научно-исследовательской и научно-методической работе, показатели качества образования у их студентов самые низкие. Это, как правило, начинающие преподаватели или завершающие свою карьеру педагога

высшей школы.

Между участием преподавателя в научно-исследовательской и научно-методической работе и результатами обучения им студентов фиксируется конкретная взаимосвязь, хотя она разная и не прямолинейная.

Ж. Т. Тощенко

ИМИТАЦИЯ – НОВЫЕ ЛИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья написана в рамках проекта РФФИ №12-06-00155а «Трансформация общественного сознания в России (1980–2000-е гг.)». См.: Социс. 2012. № 12. С. 23–36.

Если рассмотреть по существу теоретические концепции современной социологии, когда они претендуют на анализ и обобщение результатов эмпирических исследований, то в большинстве случаев они опираются на изучение трех компонентов – общественное сознание, деятельность (поведение) и условия (экономические, социальные, политические, духовно-культурные), в которых протекают эти сознание и деятельность¹. Даже в случае, если предметом социологии называются социальные отношения, социальная структура, социальные общности и т. д., все равно ключевым понятием выступают действия, деятельность человека в личностном, групповом, общественном измерении². На наш взгляд, традиционное представление об общественном сознании и деятельности нуждается в существенном, даже коренном пересмотре, исходя не из классической трактовки их со-

¹ Подробнее см.: Бауман З. Мыслить социологически М. : Аспект-Пресс, 1996; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995; Волков Ю. Г. и др. Социология. М. : Гардарики, 2007; Левада Ю. А. Статьи по социологии. М. : Изд-во Фонда Макартуров, 1993; Молевич Е. Ф. Общая социология. М. : Эдиториал УРСС, 2005; Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. М. : Новый хронограф, 2011; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М. : Научный мир, 1998.

² См.: Гидденс Э. Социология. М. : , 2004; Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М. : Логос, 2010; Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М. : Экзамен, 2007; Лапин Н. И. Общая социология. М. : Высшая школа, 2006; Миллс Ч. Социологическое воображение М. : NOTA BENE, 2001; Немировский В. Г. Современная теоретическая социология. Красноярск : КрасГУ, 2003; Осипов Г. В. Введение в социологическую науку. М. : Наука, 2010; Руткевич М. Н. Макросоциология. Методологические очерки. М. : ИФ РАН, 1995; Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996; Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет, 2012.

держания, а исходя из современной реальности, которая олицетворяет происходящее вокруг нас.

Дело в том, что одной из характерных и специфических особенностей современной общественной жизни в мире, в том числе в России, стали *процессы, которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях имитацией* как на всех уровнях организации общественной жизни – на федеральном, региональном и местном, так и во многих организациях и даже в личностном исполнении. Беспристрастный анализ показывает: *имитация все в большей мере пронизывает буквально все сферы жизни общества: и политику, и экономику, и культуру, и социальную жизнь*. Происходит чудовищный, гигантский по масштабам процесс, который некоторые исследователи стали называть *симулякром* (Ж. Батай, затем Ж. Делез и Ж. Бодрийяр), *текучей повседневностью* (З. Бауман), *кентавризмом* (Ж. Тощенко), *перформансом* (заимствовано из сферы искусства).

Этот процесс выражается и в социологических терминах. Здесь данные Института социологии и ИСПИ РАН¹, на наш взгляд, дают *обобщающую картину имитации всего и вся*, что происходит в современном российском обществе. Во-первых, 37 % часто и 48 % иногда испытывают стыд за нынешнее состояние страны; во-вторых, 46 % часто и 46 % иногда чувствуют несправедливость происходящего вокруг². В-третьих, 45 % убеждены, что государство защищает интересы богатых, 43 % – интересы государственной бюрократии и только 1 % и 9 % – интересы бедных и средних слоев³.

Чтобы разобраться в сущности и специфических особенностях процесса имитации, напомним смысловую трактовку этого слова. Термин «*имитация*» многозначен. Одно из значений – это видоизменение, копирование чего-то. Другое – точное воспроизведение чего-то, особенно в многоголосой музыке. *Мы остановимся на той ее интерпретации как подделка, правдоподобие*, причем нередко (но не только) умышленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности.

¹ В статье даются ссылки на данные репрезентативных исследований, проводимых Левада-Центром, ВЦИОМ, ИСПИ РАН, РАНХ и ГС. Так как общеизвестны принципы их выборки, автор считает возможным в данном случае не приводить их.

² Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 60.

³ Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 21.

Анализ существовавших и существующих имитаций в жизни многих обществ показывает, что этот феномен нередко наглядно и выпукло отражает пороки, болезни и помехи в функционировании всех без исключения общественных процессов, прежде всего, в политике и экономике, а как следствие – в социальной и духовной жизни. В современной жизни имитация часто становится плодом деятельности (сознательной или неосознанной), когда создаются искусственные условия процессов и явлений, предназначенных для достижения специфических (корыстных), мнимо общественно значимых, групповых или корпоративных целей. В таких условиях происходит *неконтролируемое, стихийное развитие* общества и государства на всех уровнях, что несет угрозу их существованию, их деградации, а предпринимаемые попытки справиться с потоком проблем не дают ожидаемого эффекта.

Имитация становится возможной потому, что нет четко очерченной стратегической цели, нет научной базы. История знает успехи стран, когда те руководствовались в своем развитии четко сформулированными, научно-обеспеченными долгосрочными целями, будь то становление и возрождение немецкого государства – ФРГ, бурное развитие Сингапура, Малайзии, Южной Кореи, феномен японского чуда, сегодняшней подъем Китая. В этих странах реальность политики соответствует потребностям времени. Там не было нужды вводить в действие механизмы, обеспечивающие доказательства верности избранного политического курса – вопреки объективной логике развития общества. В этом смысле введение новой экономической политики в молодой Советской России было проявлением не просто мудрости или догадки, а научности избранного курса, который сломал предшествующую политику военного коммунизма (само по себе самоотверженный поступок), но обеспечило выход страны на довоенные (1913 г.) показатели к 1925–1926 гг., когда рубль стал конвертируемым («золотой червонец»), т. е. через 4–5 лет после окончания гражданской войны. Отсутствие стратегического видения развития страны характеризует период правления Брежнева, перестройку Горбачева и всю политику в постсоветской России, которая за 20 лет существования так и не восстановила рубежей, которыми обладала в 1990 г.

Имитация становится возможной тогда, когда нет лидеров, нет руководителей и политических сил, которые бы взяли на себя ис-

торическую (не только личную) ответственность за проводимый политический курс и будущее страны. Если вернуться к успехам выше названных стран, то лидерами, обеспечившими их успешное развитие, стали Л. Эрхард и К. Аденауэр в ФРГ, Ли Куанг Ю в Сингапуре, Дэн Сяопин в Китае. Они и возглавляемые ими политические силы осуществили масштабные преобразования, внесли серьезные коррективы и принципиальные изменения в проводимую до них политику. Все это обеспечило доверие либерально-демократической партии в Японии, Коммунистической партии в Китае, политическим партиям в других успешных странах. Авторитет лиц и политических партий, осуществлявших преобразования, был столь высок, что принадлежность к этим творческим силам вызывала поддержку народа этих стран, что позволило быть реальной силой, обеспечивающей развитие страны.

Имитация процветает в условиях, когда нет устойчивой обратной связи с народом, когда не считаются с его мнением, не советуются с ним, а предлагают ему руководствоваться решениями функционеров, которые стоят у власти. Обратную связь недостаточно понимать только как участие в избирательной компании. Ей во многом способствуют другие формы проявления мнения народа: референдумы, местное самоуправление, поддержка общественных организаций и объединений.

Среди причин, порождающих имитацию, можно назвать *желание политических и экономических сил сохранить власть, удержат ее во что бы то ни стало, обеспечить свое влияние на общественную жизнь.* С этим связано стремление не допустить существования сильной оппозиции, способной при определенных условиях взять власть. Реализация такого сценария приводит к так называемой зачистке политического поля, к авторитаризму, когда целенаправленно создаются условия для удержания власти одной политической группировкой. *Отсутствие морального авторитета сил, принимающих решения, создает дополнительные предпосылки для распространения имитационной деятельности по многим направлениям.*

Все эти причины порождают механизмы появления и использования имитации. Рассмотрим ее формы и методы.

Демагогия проявляет себя, прежде всего, ничем не аргументированными и нередко безответственными утверждениями. Российская власть неоднократно громогласно заявляла о приверженности демократии, о том, что, наконец-то, будет построено свободное общество,

где каждый может в полной мере реализовать свои возможности, проявить творческие способности при полной поддержке как можно большего количества добровольных организаций, в том числе политических. Но что происходило на самом деле? В 1990-е гг. возникли десятки партий, представлявших зачастую интересы только их создателей. Так в парламентских выборах в 1996 г. официально участвовали 43 партии и общественно-политические движения из 195 зарегистрированных и из 96 подавших заявки на участие. Примечательно: около 20 приглашений, посланных созданным партиям, вернулись обратно из-за отсутствия адресата. Еще большая имитация новых политических партий разгорелась в преддверии дефолта. Особенно отличились «борцы» за демократию – радикальные либералы. Воспитанники гнезда Ельцина–Гайдара: Юшенков, Кириенко, Немцов, Хакамада, Боровой и др., – создали каждый для себя по партии с привлекательными, на их взгляд, названиями. Квазидеятельность этих партий привела не только к постепенному их исчезновению, но и к полной дискредитации феномена многопартийности.

Нечто подобное происходит в 2010-е гг. После акций протеста в связи с нарушениями закона в ходе очередных выборов в Государственную Думу, с ростом недовольства значительной части населения происходящими преобразованиями в обществе, беспрецедентной по безответственности политикой правящей партии «Единая Россия» было заявлено о проведении очередной политической реформы. Среди ее мер – облегченная регистрация политических партий; достаточно 500 членов во всей стране. В мае 2012 г. в Минюсте РФ появилось около 170 заявок, в том числе – с экзотическими названиями: партии дружбы, эзотерики, любви и т. д. и т. п. Очевидно размывание политического поля, его дальнейшая фрагментация, отвлечение людей на видимость волеизлияния при отсутствии шансов реального участия в законодательных и представительных органах власти. На деле это ведет к снижению влияния оппозиционных сил и к усилению партии власти. Иначе говоря, манипуляции с политическими партиями не что иное, как попытки обещать желаемое, но на деле лишь имитирующие заботу о демократии. Результат таков: в 1990–2000-е гг. политическим партиям не доверяли от 50 до 68 % россиян¹.

¹ Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 15.

Демагогия характеризуется лицемерным подлаживанием под вкусы обывателей для достижения политических целей. Особенно это видно при попытке реализовать конституционное право не только избирать, но и быть избранным. Этому праву был нанесен мощный удар немислимым количеством самовыдвиженцев в президенты республик, губернаторы, мэры, в депутаты всех уровней. Среди последних нередки были люди с сомнительным психическим здоровьем и даже с криминальным прошлым. Эти деятели, поддержанные «денежными мешками», обещали народу немислимые блага и помощь в случае своего избрания (или их клеветов). Они нередко легко выигрывали выборы по одномандатным округам и даже губернаторские посты. Лесть, порой превышавшая разумные пределы, достигала цели, например, при избрании мэром Нижнего Новгорода криминального авторитета Климентьева или проведении в депутаты Госдумы шутов из партии Жириновского. Как отмечал А. Солженицын в программном заявлении «Как нам обустроить Россию», «на губернаторских выборах все решали деньги, подкуп, обман, а в некоторых местах – просто мафия, просто криминальные были выборы». Поэтому объяснимо отношение населения к этим процессам: руководителям регионов в 1990–2000-е гг. не доверяли от 39 до 62 %¹. В этой ситуации можно согласиться с выводами психоаналитика О. Прокопа, утверждающего, что в условиях деструктивных общественных изменений политики начинают действовать как уголовники, уголовники – как политики.

Демагогия сильна извращением сути дела. Так, местное самоуправление было провозглашено – даже в Конституции – как место и организация, где люди могли бы проявить свои возможности в наиболее полном виде как хозяева своей судьбы. Но в реальности оно влачило жалкое существование, по сути, являясь не самостоятельным образованием, а низшей ветвью государственной власти, к тому же бесправной и финансово нищей, неспособной решить элементарные проблемы повседневной жизни населения. «Разгул» демагогии дополняла несогласованность принципов политического строительства между Конституцией РФ и конституциями почти всех республик уставами краев и областей. В результате только от 2 до 4,6 % людей

¹ Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 15.

убеждены, что могут влиять на государственную жизнь, участвовать в управлении обществом¹.

Демагогия проявила себя и в умышленном искажении сути процессов или подменой их сущности суррогатами-симулякрами. Попытки в 2000-е гг. изменить и улучшить образ демократии сначала породили определенные надежды, связанные с властной вертикалью, ибо безбрежность либеральной демократии создала угрозу распада России в условиях, когда слова о демократии становились все более и более декларативными. Но в годы правления Д. Медведева под его слова о приверженности демократии разгонялись митинги недовольных, пусть и выступающих со специфическими и даже неприемлемыми для политического истеблишмента целями. Причем подавление приводило к противоположному эффекту: действия кучки людей становились достоянием общественности, тиражировались СМИ, завоевывали поддержку общественного мнения, как в случае с «Pussy Riot»².

Демагогия проявляется в пренебрежительном отношении к политическим оппонентам. Особенно наглядно это проявилось в деятельности правящей партии «Единая Россия», которая высокомерно отказывалась участвовать в дебатах с другими партиями, утверждая: «А о чем с ними спорить?». Ее руководители отвергали законодательные инициативы политических оппонентов, хотя ряд их предложений через некоторое время присваивались, выдавались за свои. Эта партия стала диктовать или быть рупором идей и рекомендаций, спущенных «сверху». Не удивительно, что такое поведение породило в народе недовольство ее деятельностью, а затем и отвержение. Социологические службы регистрировали постепенное снижение авторитета «Единой России». Появились и первые оскорбительные мнения о ней как о партии жуликов и коррупционеров (А. Навальный). Результат такого курса – члены «Единой России» на выборах в Москве в декабре 2011 г. дистанцировались от партии и надели на себя личину самовыдвиженцев, так как имидж партии вредил их избирательной кампании. Вопрос: кто олицетворяет преобразования и с каким моральным авторитетом он действует – является одним из показателей, способствующих распространению имитации или ограничивающих ее. В этих условиях становится понятным, почему ни одну поли-

¹ Бойков В. Э. Социально-политические ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социс. 2010. № 6. С. 34.

² Россияне о деле Pussy Riot // Опрос Левада-Центра, 2012, 31 июля.

тическую партию не хочет поддерживать почти каждый третий гражданин России (29 %) ¹. В то же время 71 % людей считают, что оппозиция необходима для нормального развития страны, причем 39 %, т. е. почти в два раза; меньше, отмечают, что она реально существует ². Огромный «вклад» в имитацию демократии внес правящий класс и его партия «Единая Россия» *дискредитацией института выборов* путем фальсификаций, нарушения процедур, подтасовок, подбрасывания бюллетеней, подмены протоколов и т. д. В результате, по итогам выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. «Единая Россия» утратила конституционное большинство, а, по мнению экспертов, полученное простое большинство сфальсифицировано. Фальсификация выборов при упорной имитации их демократичности породила массовые протестные акции в декабре 2011 г., в феврале и мае 2012 г. в Москве и во многих городах России «у людей возникло ощущение беспомощности, неэффективности и коррумпированности власти как таковой» ³. И как откровенное издевательство можно расценить декларируемую готовность этой партии «делиться опытом» развития демократии и гражданского общества с американцами.

Именно демагогия привела к тому, что слово «демократия» стало в народе еще более ругательным, чем слово «коммунизм». В 1990–2000-е гг., в глазах от 38 до 48 % опрошиваемых советская политическая система была лучше нынешней (ее поддерживали от 8 до 25 %). Пороки сложившейся псевдодемократии привели к тому, что 59 % россиян стали выступать за порядок, даже «если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения свобод». В то же время за «демократию, даже если ее последовательное соблюдение предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам», выступило только 18 % ⁴. Отражением такого отношения к демократии стал сатирический рисунок в одном издании: в переполненном автобусе два ряда кресел не заняты – над ними надпись: «для инвалидов и демократов».

Одним из продуктивных и наглядных проявлений имитации является использование *провокационных* акций в реальной политике и в пропаганде, злонамеренное распространение определенной информа-

¹ Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 9.

² Общественное мнение–2009. М. : Левада-Центр, 2010. С. 101.

³ Кучерена А. Почему власть не слышит народ? // Российская газета. 2011. 19 декабря.

⁴ Общественное мнение–2009. М. : Левада-Центр, 2010. С. 31–32.

ции для дискредитации противостоящих сил. *Провокация используется для привлечения внимания к политическим лицам и силам, которые теряют авторитет, но хотят возвыситься, привлечь возможных сторонников, получить козыри в политической борьбе.* В этих целях используются специфические приемы – скандалы, реже заговоры, иногда имитация покушений. В борьбе за голоса избирателей памятна история с лидером некогда существовавшей партии «Экономическая свобода» К. Боровым: он устроил «покушение» на самого себя при возвращении со встречи с избирателями. Это делалось в преддверии выборов в Государственную думу, хотя прием не принес ожидаемых результатов Боровому и его партии. Подобные трюки не дали эффекта – крошечные партии, созданные под собственные амбиции, имели нулевую или мизерную поддержку – не более 1 % ¹. К подобного вида провокации прибегают и действующие религиозные силы. С крайне радикальными заявлениями выступают ультра-националисты Татарстана, что спровоцировало убийство руководителей мусульманского руководства республики, выступающих за традиционный ислам. Сигнал очень тревожный: нынешняя беспокойная обстановка в Дагестане тоже начиналась с убийства религиозных деятелей, противостоявших воинствующему ваххабизму. Под конфессиональным флагом такие силы идут на провокации, чтобы вернуть себе рычаги влияния и власть.

Другим ликом провокации является подстрекательство, побуждение лиц и/или к действиям, которые могут повлечь тяжелые последствия. Особенно отличаются националистические и религиозные силы, вернее, их крайние радикальные представители. Результатом становится не защита национальных или конфессиональных интересов, а ее имитация, что в реальности ведет не к согласованию позиций и устремлений, а к их радикализации. Так, становление новых независимых государств на территории бывшего СССР, лозунги их создания сопровождалась вспышкой националистических страстей, породив огромных масштабов миграцию. Только из ближнего зарубежья в Россию эмигрировало более 10 млн. человек; люди продолжают эмигрировать, хотя и не в прежних масштабах ². Кроме личных

¹ Бойков В. Э. Социально-политические ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социс. 2010. № 6. С. 32.

² Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социс. 2011. № 4.

человеческих потерь (жили в одной стране, проснулись в другой), произошел крах целых отраслей экономики бывших союзных республик, оставшихся без квалифицированных специалистов, обеспечивающих функционирование производств.

Националистическая политика, демонстрируя имитацию заботы о национальных корнях, о праве на самоопределение, породила гигантские издержки как экономического, так и морального, нравственного характера. В Латвии и Эстонии появилось невиданное в истории определение значительной доли русскоязычного населения как неграждан с выдачей соответствующих документов и лишением права участия в политической жизни¹.

В ходе реализации провокационных действий достигаются результаты и наступают последствия, которые не соизмеримы с первоначальным поводом. Но эти провокации, сопровождающиеся пропагандистским шумом, изощренной идеологической обработкой, создают отнюдь не безобидную имитацию борьбы за демократию, за права человека вопреки провозглашенным международным обязательствам.

В возрастании роли и значения имитации огромная роль отводится *фальсификации*, которая проявляет себя в нескольких формах. Прежде всего, *это преднамеренное искажение информации для оправдания своекорыстных целей и интересов*. Олигарх А. Смоленский цинично вспоминает о выборах президента в 1996 г.: «В стране – полная задница. Рейтинг у БэНа [Ельцина – Ж. Т.] ниже плинтуса. Буржуи уговаривают делать ставку на коммунистов. Понятно, что-то надо делать, к кому-то прислоняться. Собрались в Давосе. Терли три дня. Договорились. Скинулись по 50 лимонов зеленых. БАБа [Березовский – Ж. Т.] поставили старшим над коммерсантами, Гуся [Гусинский – Ж. Т.] – за ТВ отвечать, Сашу (Смоленский) – за казну, ну а Чубчику [Чубайс – Ж. Т.] поручили связь с чиновниками. И что вы думаете? Вытянули»².

Наиболее ярким примером фальсификации в период избирательной кампании, когда имитируется свободное волеизлияние народа, стал скандал на избирательном участке в г. Москве, где голосовал руководитель партии «Яблоко» Митрохин. На участке, как было

¹ Симонян Р. Х. Россия и страны Балтии: две модели социального развития. М. : Academia, 2009.

² Цит. по: Кива А. В. Реформы команды В. Путина в историческом контексте. Сравнительный анализ. М. : Корона-Медиа, 2011. С. 58.

официально объявлено, не было подано ни одного голоса за эту партию. Это и подобные ухищрения по воспрепятствованию получению действительных результатов выборов, в конечном счете, привели к массовым акциям протеста зимой и весной 2011–2012 гг., когда пределы фальсификации превзошли все границы.

Другая форма фальсификации имитирует реально происходящие процессы и события с корыстной целью изменения их сущности и содержания, вида или свойства. Гигантской имитацией была приватизация, когда провозглашались одни цепи, а реализовались групповые, обеспечивая благополучие тех, кто был при или около власти, или кто сумел путем махинаций под прикрытием дыр в законодательстве несказанно обогатиться. И вот обобщенный результат. В России 1 % самых состоятельных богатых людей получают 40 % всех доходов, тогда как в США тот же 1 % располагает лишь 8 % национальных богатств¹. Не менее наглядна ситуация *с инфляцией*. Имитация здесь проявляет себя в колоссальном различии между официальной позицией и тем, как это воспринимает народ. В свое время известный экономист и публицист А. Лившиц предложил ввести такие понятия как инфляция народная (ИН) и инфляция официальная². Это тем более важно, что инфляция – одна из острейших социальных проблем, которые волнуют подавляющее количество населения. С гигантскими масштабами инфляции ныне живущие люди, общество столкнулись в начале 1990-х гг. при переходе к рыночной экономике: только в 1992 г. цены на многие потребительские товары выросли от 2 000 до 5 000 %. В последующие годы инфляция снизила свои темпы. Тем не менее она превышала рост доходов и особенно тех, кто жил на фиксированную заработную плату. А это касалось значительной части населения – в основном бюджетников, которые повседневно ощущали несоответствие между тем, что говорилось, и тем, что было на самом деле. Народная инфляция стала мерилom реальной оценки социально-экономической ситуации в стране и соответственно отношения к власти. Схема, по которой Росстат рассчитывает инфляцию, ущербна. Хотя статистики обследуют около 470 товаров (что внешне выглядит солидно и убедительно), методика расчета индекса потребительских цен страдает от манипуляции с ценами, ибо наряду с това-

¹ Шкаратан О. И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контексте // Мир России. 2011. № 4. С. 80

² Лившиц А. Народная инфляция // Известия. 2010. 16 июня.

рами повседневного спроса в расчет включаются дорогостоящие предметы потребления – автомобили, предметы роскоши, стоимость жилья и т. п. Но если последние – и соответственно цены на них – мало волнуют большинство населения, то совсем иная ситуация складывается с товарами и продуктами, которыми пользуется люди в повседневной жизни. В результате, согласно данным социологов, 80 % опрошенных отвергают, ставят под сомнение предложенные официальной властью данные об инфляции¹. Люди постоянно замечают, как растут цены (по ориентировочным данным на 20–30 % ежегодно) на продукты и товары, необходимые для повседневной жизни. Попытки убедить людей в том, что статистики правы, вызывают у населения рост раздражения. Как следствие, происходит снижение авторитета власти, перерастающее в глубокое недовольство и желание противостоять дезинформации, что не исключает возможность последующего социального взрыва. Имитация заботы превращается в примитивное очковтирательство, в дешевый по замыслу обман. А это опасно для власти, ибо потеря доверия к информации, которую люди могут проверять ежедневно и ежечасно, приводит к тому, что недоверие распространяется на другие виды официальной информации.

Еще одна форма фальсификации – искажение сути и сущности происходящих в обществе процессов. Вот пример. «Российская газета» изображает крестьянско-фермерское хозяйство некоего Н. Чалова: 33 тыс. гектаров сельхозугодий, свыше 5 тыс. коров и бычков, свинокомплекс, три племенных репродуктора и два племенных конезавода, молочный, комбикормовый заводы, мясокомбинат, хлебозавод, магазины по продаже собственной продукции. Сообщается, что у него вскоре вступит в строй суперсовременный мясообрабатывающий комплекс, каких в мире не более трех². Спрашивается – это, в самом деле фермер, как подается в газете? Может ему стоит дать другое название не фальсифицирующее суть дела, так как это никак не соответствует и не согласуется с положением более двухсот тысяч фермеров которые, согласно данным Росстата, еще числятся таковыми и из которых только около 100 тыс., пытаются хозяйствовать на земле? Не произойдет никакой фальсификации, если этому хозяйству будет да-

¹ Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 3.

² Новиков В. Халял из предгорья // Российская газета. 2010. 8 мая.

но название, которое в мире применяют к латифундии или, по крайней мере, к земельным капиталистам.

Имитация нередко имеет в основе методы *профанации*, которая выступает, во-первых, как непочтительное отношение к достойному, *выражается в опошлении идеи, события или процесса*. В этом плане в борьбе мировоззрений в 1990–2000-е гг. особенно не повезло советскому человеку, на которого были списаны грехи, ошибки и просчеты, которые свойственны человеческой природе вообще. Между тем, именно такой человек был во многом сформирован в период существования советской власти, хотя эта форма власти была не единственной социалистической, которая существовала в мире. В некоторых писаниях радикальных либерал-демократов было модно сравнивать советского человека с булгаковскими шариковыми и швондерами, в других – с платоновскими и замятинскими персонажами, третьи – всячески высмеивали идеалы социалистической идеологии: Павел Корчагин, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, комиссар в пьесе Вишневского и другие герои. В расчет не принимались действующие лица в «Поднятой целине» Шолохова, где советские люди выведены во всем многообразии, поэтике и ошибках, в жизненных поисках и верой в светлое будущее. Безобразной и мелочной, а временами и пошлой критикой «совка» опорочивались не только те, кто воевал в годы Великой Отечественной войны, но миллионы людей, освоивших целину, возводивших города и заводы в Сибири и на Дальнем Востоке. Все эти люди вдохновлялись великой идеей – идеей строительства социализма как самого справедливого общества на земле, через свое участие в решении конкретных задач – строительстве мощных производственных комплексов, железных дорог, гидро- и теплостанций (кстати, такой обобщающей идеи лишена современная российская молодежь.) Конечно, в этот период были и подлецы, и преступники, и карьеристы. Но почему они, по мнению клеветников, представляют образ советского человека или по их выражению, совка? Если считать всех живущих в СССР «совками», почему не причислить самих себя к ним? И не противоречит ли этому тот факт, что до сих пор 73 % сожалеют о распаде Советского Союза (коррелирует с цифрой голосовавших за его сохранение в марте 1991 г.)¹.

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 40.

Во-вторых, *профанация* проявляет себя как *извращение*, сознательное *искажение идеи*. Это касается скандального подражательства без учета не только российской специфики, но и российского менталитета. При так называемой монетаризации льгот – при весьма спорной установке – человек и только он отвечает за собственное благополучие – было решено основные социальные льготы приравнять к некоему денежному эквиваленту, который даже при приблизительном подсчете не отвечал реальным затратам населения и которые ни при каком подходе не соответствовали действительности. Именно эти факторы привели к массовому возмущению и даже к активным акциям протеста: 42 % категорически выступили против этой реформы и 22 % нечего о ней сказать не могли¹. Такая реакция привела в изумление инициаторов этой акции, приобретшей законодательное закрепление: они хотели в очередной раз «облагородить» народ, приблизить его к достижениям европейской цивилизации, а тот почему-то в очередной раз не ощутил себя осчастливленным. Подражательство, слепое перенесение опыта социальной работы западноевропейских стран лишь усугубило недоверие к властным структурам и ознаменовало еще один шаг к отчуждению от власти.

Профанация часто проявляет себя в умышленной подделке. Попытки переложить на плечи народа социальные тяготы особенно проявляются в реформе ЖКХ. Она нацелена на то, чтобы все затраты на жилье и его содержание переложить на плечи самих людей. В результате возникли очаги протеста против этого произвола, которые усилили недоверие к власти. В целом же проблемы с ЖКХ в разные годы тревожили от 31 до 57 %². Как этот закон работает, видно из его воздействия на отдельные группы населения. Например, сельские учителя. С одной стороны, они слышат о своем благородном предназначении, высокой гуманистической роли. С другой стороны, их стремятся лишить десятилетиями сложившихся традиций, когда местные власти заботились о них, предоставляя натуральные льготы по оплате жилья, отопления и электричества. В Воронежской области эти льготы пытались заменить денежными (277 руб. на человека в месяц), в то время как при покупке только угля для отопления зимой требовалось 20–40 тыс. рублей. Такое положение не устраивало учителей, и они по-

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 46.

² Там же. С. 78; Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 3.

требовали вернуться к прежней практике. Областной суд поддержал их, а депутаты областной думы совместно с руководителями коммунальных служб обвинили учителей в «махровом эгоизме», так как из-за их акций область могут исключить из программы реформирования ЖКХ. Для возмущенных чиновников важнее формальные требования вышестоящих органов, чем реальное положение сельских учителей¹.

Мощным средством осуществления имитации является *манипулирование* общественным сознанием и поведением людей. *Главное назначение манипулирования – установка на изменение мировоззрения*, что связано с функционированием различных идеологий. Воздействие на мировоззрение осуществляется при помощи разных видов пропаганды, особенно СМИ, которые играли и играют значительную роль в реализации изменений в обществе, в осуществлении переориентации общественного сознания. Но события в России за последние 20 лет показали, что, несмотря на появление новых методов пропаганды, мировоззренческие установки населения демонстрируют устойчивость: при всех попытках опорочить социализм как идеологию его поддерживают и разделяют его ценности от 30 до 40 % населения².

Манипулирование связано с попытками отвлечь население от насущных проблем мнимо важными и мнимо неотложными делами. Этот феномен проявляет себя в замене реальных дел показательными мероприятиями, что стало реальной чертой российской действительности. Так, мнимой деловой активностью, показухой, т. е. имитацией стало изменение часовых поясов или отмена перехода на зимнее время под ложным предлогом заботы о нуждах людей. Эта инициатива Д. Медведева на посту Президента России оказалась бесспорной только для исполнительной власти, так называемой властной вертикали, для правящей «Единой России», которые с административным энтузиазмом бросились выполнять указание. Как всегда народ не спросили. А ведь на специально созданном сайте, например, в Петропавловске-Камчатский только за неделю из посетивших более 12 тыс. человек 4 200 высказались против, и лишь 78 – за. Показательно, что народ проявил себя демонстрациями, акциями протеста во многих регионах страны – на Камчатке, в Южно-Сахалинске, Самарской облас-

¹ Ягодкин А. Депутаты дают угля // Новая газета. 2010. 1 декабря.

² Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 146; Левашов В. К. Как живешь, Россия? М., 2009. С. 7.

ти, Удмуртии и ряде других местностей¹. Имитация-показуха лишь отвлекала от реальных общественных проблем, направляла общественное внимание на вопросы, которые не решают проблем общества. Примечательно, что на той же Камчатке чиновники из администрации не отменили привычные часы работы, но заставили менять время для предприятий, учебных заведений, подняв ненужную дискуссию о графике начала рабочего дня. Что касается летнего и зимнего времени, то надуманность этих мер опровергается даже тем, что почти все страны мира к ним прибегают, не говоря о том, что в советское время были строго подсчитаны выгоды экономического плана – например, экономия электроэнергии, И вот в 2012 г. после резкого снижения авторитета партии «Единая Россия» заговорили о «неточности», ошибочности этих решений. Опять пошли ссылки на «научные» рекомендации, на «народное» мнение. Точь-в-точь как это делалось, когда эти решения принимались.

Особенно этот феномен проявил себя в *переименовании милиции в полицию*. Вместо реальных мер по реорганизации органов охраны общественного порядка дело свели к смене вывесок. Были проигнорированы элементарные научно-методологические требования: если реорганизовывать охрану общественного порядка, то нужны меры по реорганизации всех компонентов правовых органов – и суда, и прокуратуры, и следствия. Но вместо комплексного рассмотрения было избрано изменение одного компонента структуры, что позволяет сделать вывод: переименование и даже некоторая реконструкция одного из элементов ни к чему позитивному не приведут. Реальная жизнь это и продемонстрировала. Среди полицейских не уменьшилось число правонарушений, случаев участия в бандитских группировках, нарушения элементарных правил общения не только с подозреваемыми, но и с населением. Вопиющие случаи, повлекшие смерть задержанных, стали с пугающей регулярностью проявлять себя не только в Казани, но и в других городах России.

Предметом манипулирования стал образ жизни. Под предлогом и прикрытием лозунгов о глобализации происходит не столько создание чего-то принципиально нового, впитывающего в себя культуру разных стран и народов, сколько американизация этого процесса. Не

¹ Хитров В., Васильева О. Москва затыкает регионы за часовой пояс // Новая газета. 2010. 1 декабря.

лучше складывается ситуация с формированием представлений о том, как должен строить свою жизнь россиянин, на кого ориентироваться, с кого брать пример. Если анализировать содержание телеканалов, газет, журналов, т. е. инструментов, которые присутствуют в повседневной жизни населения, можно видеть, что 80–90 % времени и пространства занимают передачи об артистах (чаще созданные ради рекламы), «успешных» людях (успех которых сомнителен по методам достижения, но привлекателен безграничностью «приятного» использования достигнутых возможностей), спортсменов (подчеркивается в основном кто сколько зарабатывает). А где образ жизни учителя, инженера, токаря, врача, шахтера, крестьянина? Где образ жизни представителей миллионов людей, которые создают богатство страны, являются ее стержнем, несут и сохраняют национальную культуру, берегут традиции, служат в армии и выполняют все те функции, создающие то, что называется нацией?

Наиболее *наглядно манипулирование проявило себя по отношению к ценностям*, являются стержнем любой национальной культуры. В первые годы реформ государство фактически сняло с себя задачу воспитания и поддержания в обществе морально-нравственных устоев. Утратили значение прежде незыблемые (по крайней мере, на декларативном уровне) рамки поведения, в которых раньше люди существовали на протяжении всей жизни, начиная с детсадовских «Что такое хорошо и что такое – плохо» и заканчивая назиданиями взрослым «строителям коммунизма». Население оказалось предоставленным само себе, каждый вправе решить для себя, что же такое «хорошо»; прописанные в законе нормы уступили место «правилам игры» и «понятиям», стихийно складывавшимся в разных сообществах, на разных уровнях и в слоях, в разных плоскостях социальных взаимодействий. В условиях, когда либералы пытались убедить, что, согласно западным традициям, высшей ценностью является индивидуализм, индивидуальная свобода, большинство населения с трудом адаптировалось к новой ситуации, едва сводя концы с концами. Во всю пропагандировался незаконный бизнес и доходы; многие добившиеся успеха люди с азартом делились своими «секретами» – как обходить закон, быть жестким, идти напролом и т. д. Поколеблены такие вековые устои как честь, достоинство, добропорядочность. Но все же традиционные ценности возвращаются. Согласно данным Института социологии РАН, ценности оказали упорное сопротивление, и

они практически вернулись на традиционные места, включая ориентацию на коллективизм, кооперацию, на патернализм, которые сопровождали весь исторический путь нашего народа¹.

Говоря об *иллюзиях*, мы не будем рассматривать естественнонаучное и психологическое восприятие действительности, связанное с несовершенством органов чувств или обусловленное особым состоянием психики (страх, галлюцинации, снижение тонуса и т. д.), порождающие *иллюзии*. Обратим внимание на то, что *связано с формированием ложных представлений, которые отражают социальные установки творцов (субъектов) иллюзий*. Творцы иллюзий применяют разные способы и методы *имитировать, например, заботу о развитии образования и науки*. Этот феномен можно наблюдать во многих вариантах, но особенно ярко он проявляет себя при решении насущных, остро значимых и судьбоносных вопросов основы нашей цивилизации – ее научной базы. Анализируя *состояние российской науки*, можно наблюдать, что в речах государственных деятелей страны постоянно звучит признание ее великой роли, значение для развития России, надежды на ее участие в реализации программ по модернизации страны. О науке всегда говорится в президентских посланиях, в программных заявлениях, в многочисленных обещаниях при встречах с учеными. Но в реальности все происходит наоборот, начиная с заявления Е. Гайдара, что науки у нас много и «наука подождет»². Реализуя эту установку, до сих пор российское правительство следует ей на практике. Если в свое время президент Франции Саркози, распределяя огромные дополнительные средства на финансирование пяти стратегических направлений, на первые два места поставил образование и научные исследования, то в постсоветской России реализуются принципиально иные сценарии. Если в 2010 г. США вложили в научные исследования более 3 % ВВП, Китай – более 2 %, то в России бюджет Академии наук составляет 0,3 % российского ВВП несравненно значительно меньшего, чем в США³. Если Барак Обама говорит: «сегодня наука нужна как никогда раньше», политический истеблишмент России видит в науке только подспорье при

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 114–136.

² Цит. по: Захаров В. Наука в России и в современном мире // Континент. 2010. № 1 (143). С. 185.

³ Там же. С. 190.

создании и внедрении новых технологий, ибо с младореформаторами к власти пришли люди, образованные поверхностно, нахватавшиеся обрывков западной экономической науки – по выражению академика В. Захарова, «брошюркины дети». Под разговоры о роли и значении науки вообще происходит унижение и уничтожение российской науки. По указанию бывшего президента Д. Медведева, правительство взяло курс на закупку новых технологий за рубежом и на приглашение оттуда на работу специалистов, что, по мнению Захарова, убьет российскую науку окончательно, ибо на закупку этих технологий выделяется 600 млрд. рублей – сумма в 30 раз выше финансирования всех институтов Академии наук. К сожалению, констатирует академик В. Захаров, в этом повинно руководство РАН, так оно «вяло и безынициативно, не смеет занять активную позицию в отстаивании интересов науки пред правительством»¹. Таким образом, имитация заботы о науке вообще и конкретные дела в отношении российской науки, иллюзорная забота о ней будут иметь колоссальные экономические, политические и иные последствия, ведущие к тому, что Россия перестанет быть независимой державой.

Иллюзии характеризуются и тем, что они построены на избыточных надеждах, что в политической жизни олицетворяют бесконечные обещания или прогнозы, мало или ничем не подкрепленные, но отвлекающие людей от повседневных забот. Национальные проекты, провозглашенные как основные направления политики середины 2000-х гг., сыграв роль поднятия авторитета и внимания к будущему президенту, ограничились некоторыми показательными акциями, а потом тихо исчезли из политического и экономического пространства, перестали быть предметом общественного внимания. А людей по-прежнему волнуют проблемы здравоохранения (не удовлетворены им 60 %), образования (не удовлетворены 39 % при 15 % затруднившихся ответить), окружающей среды (23 % не удовлетворены ее состоянием)². Волнуют людей проблемы морали, нравственного состояния общества – об этом говорили 76 % в 1990-е гг., 52 % – в 2000-е гг.³

¹ Захаров В. Наука в России и в современном мире // Континент. 2010. № 1 (143). С. 187.

² Общественное мнение–2009. М. : Левада-Центр, 2010. С. 66, 69.

³ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 20.

Иллюзии особенно распространены в том случае, когда даются на возможно длительный срок, Будучи министром, Кудрин обещал рост экономики России к 2050 г. в 10 раз. Этот трюк не раз использовался и в прошлом, используется и в настоящем. И чем дальше срок, тем безответственной можно обещать, предлагать, убеждать в своей провидческой деятельности. В самом деле, как в притчах Ходжи Насреддина. «Можешь предсказывать все на 100 лет вперед. Это безопасно. К этому времени, и ишак сдохнет, и султан (хан) помрет, и ты вряд ли будешь жить».

*Перформанс*¹ проявляет себя в большинстве случаев как личный вариант имитации, когда человек одно думает, другое говорит, а третье – делает; выражаясь словами К. Пруtkова, есть люди, которые хотят и стремятся «казаться больше, чем есть» или «быть больше, чем кажешься». Это обычно сознательно поддерживаемое представление о том, как человек хочет выглядеть с пользой для себя, но не знает и даже не догадывается о последствиях своих действий. Или это сознательно сконструированное «представление» с целью отвлечь или поразить аудиторию. И иногда удается. А потом жизнь выводит на чистую воду тех, кто импровизировал. Недаром и Горбачеву, и Ельцину народ не может простить *перформанс* их поступков (их деятельность, по данным всех социологических центров, отрицательно оценивается от 45 % до двух третей населения), которые во многом способствовали развалу СССР. Как воспринимаются российские олигархи, особенно их деятельность? Обычно о них пишут в связи с процессом приватизации, с залоговыми аукционами, когда за бесценок отдавались огромные богатства, накопленные трудом миллионов людей за десятилетия Советской власти. Начало этому процессу положил Чубайс, неоднократно заявлявший: «Пусть берут хотя бы за один рубль, но это будут эффективные собственники». «Новые собственники» не скупилась на обещания, особенно на рекламу. Но каким образом приобреталась собственность, на какие цели ушли полученные миллиарды, какими мотивами руководствовались олигархи, показал судебный процесс «Березовский против Абрамовича» в Лондоне в конце 2011 – начале 2012 г. Британских судей – сразил размах махинаций, закулис-

¹ Термин «перформанс» из сферы искусств, означая импровизацию, действие, которое не повторяется, когда автор сам не знает исхода. Термин стал использоваться в науке для обозначения действия, ход развития и последствия которого не могли предвидеть самые действующие лица.

ных договоренностей, приобретение защитников в структуре власти. От откровений, высказанных этими персонажами, судья Э. Глостер была в шоке. Лексикон обоих – как из криминальных телесериалов: «политическая крыша», «физическая крыша», «кинуть», «откат», «гангстер», «крестный отец». «Наша дружба, – откровенничал Абрамович, – основывалась на том, что я платил Березовскому, она не была тем, что можно было охарактеризовать как «крепкая дружба», «мужская дружба». А вот перл Березовского: «Абрамович – гангстер, который угрожал мне, требуя отдать за бесценок активы в компаниях «Сибнефть» и «РУСАЛ». «Крыша, утверждал Березовский, была нужна. Было бы невозможно удержать контроль над компанией без крыши. И политической, и физической крыши»¹. Выявились неприглядные методы: как договаривались о дележе, как Абрамович платил Березовскому наличными миллионы долларов за поддержку и продвижение своих интересов в Кремле. В «лихие 90-е» тот был вхож в высшие эшелоны власти и мог пробить любые решения, вплоть до указов Ельцина. Не удивительно, что в сознании народа они выглядят ворами, бандитами, как бы ни хотелось им этого избежать. Как оценить подобный перформанс людей с двойным и даже тройным (если не больше) дном, что они реально представляют собой?

Не менее ярко перформанс проявляется в поведении отца В. Чаплина, одного из публичных лиц Русской православной церкви. С одной стороны, он ярый поборник православия, его защитник и охранитель. С другой – его защита православия базируется на инициативах и действиях, которыми церковь не может говорить с людьми в XXI в. Любые его предложения, касающиеся одежды женщин, внедрения религиозного учения в умы молодежи, одержимость в оценке скандальной группы девушек, поющих на алтаре, а также попытки вернуть церковь к тому, что давно минуло, нельзя назвать, по мнению не только демократической общественности, но и протодиакона Кураева, иначе как мракобесием². Так может поступать человек, не отдающий отчета в последствиях своих действий, обеспечивая себя иллюзиями, но не видя того, что авторитет церкви в результате его импровизации снижается.

¹ Цит. по: Озеров М. Абрамович и Березовский тратят на свой суд по полтора миллиона в день // Комсомольская правда. 2012. 11 января.

² Кураев А. «Заказ на акцию Pussy Riot исходил из путинского штаба» // Новая газета. 2012. 1 августа.

Социальные последствия *имитации*. Прежде всего, можно утверждать, что в условиях преобладания показной деятельности, имитации всего и вся вряд ли можно говорить о возможности вызревания гражданского общества. Недостаточно говорить о среднем классе (слое), его доходах, о его объективном положении и субъективном отношении, если на пути его функционирования (и не только его) лежат такие социальные пороки, как демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием. Распространенность имитации способствует коррупции: под ее флагом легче осуществлять двойную бухгалтерию, изображать хищения как прибыль, обманывать не только государство, но и окружающих людей. Следует отметить, что политическая власть неоднократно объявляла о борьбе с коррупцией. Ельцин в 1993 г. издал указ о коррупции в высших эшелонах власти¹. Такие указы и распоряжения неоднократно появлялись, оглашались высокопоставленными руководителями, но зло продолжало расти. В социологических опросах зафиксировано мнение: 34 % хотели бы перестрелять всех взяточников и спекулянтов, а еще 38 % эта идея приходит в голову иногда². Иначе говоря, социальное напряжение достигает критической точки. А меры борьбы с коррупцией, по мнению населения, неэффективны. Вывод, к которому приходят все больше экспертов, – отсутствие должной политической воли в борьбе с этим социальным злом.

Имитация породила такую форму лжепредпринимательства как рейдерство, захват чуждой собственности под флагом борьбы за соблюдение требований закона. В результате уже от 39 до 46 % убеждены, что сфера предпринимательства – удел узкого круга лиц, приобщенных к политической власти или олигархическим и криминальным структурам³.

Неминуемым следствием имитации становится коррозия всех звеньев исполнительной, законодательной и судебной власти. Не признак ли коррозии тот факт, что Государственная дума принимает законы, которые предложены ей сверху или только партией «Единая Россия». Серьезные претензии выражаются и к судебной системе, ко-

¹ Общественное мнение–2009. М. : Левада-Центр. 2010. С. 13.

² Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 60.

³ Двадцать лет реформ глазами россиян... С. 32.

торая, по мнению многих, превратилась в аппарат, полностью подконтрольный исполнительной власти.

Соответственно ситуации растет социальная апатия, выражающаяся в анонии. Неверие и недоверие к власти проявляется в том, что очень много людей не стали участвовать в выборах, полагая, что их голос ничего не решает. Чтобы узаконить это явление, в законодательстве закрепили норму, что действительными выборы могут быть признаны при явке в 25 %, а кое-где отменили и эту норму. В результате получается, что, например, победитель в выборах мэра Красноярска получил большинство от пришедших голосовать, но это 8 % от всех избирателей. Имитация приводит к архаизации общества, к возрождению устаревших общественных отношений (некоторые эксперты называют их феодальными) в вопросах собственности, в проявлениях вассального подчинения в структуре власти. Имитация проявляет себя и в мировоззренческой позиции многих людей, которые прибегают к такой форме как казуистика или демонстрация преданности при том, что человек говорит то, что от него хотят услышать, а не то, что он думает.

Наконец, господство имитации в российском обществе требует внести и коррективы в социологическую трактовку сущности и содержания общественного сознания и поведения. Прежние индикаторы не раскрывают полноту и истинность деятельности, не могут зафиксировать реальность и объективность происходящих процессов. Соответственно наше понимание и стремление понять глубинные, латентные причины происходящего в мире и обществе, раскрыть механизмы изменений, логику действия основных политических и социальных сил серьезно ограничено устаревшим аппаратом нашего познания. Все это требует внесения существенных корректив в представления об индикаторах и показателях, при помощи которых мы измеряем общественное сознание и деятельность.

СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО КАК ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Укрепление федеративного устройства России, гармонизация межнациональных отношений, разрешение имеющихся конфликтов между центром и регионами страны остаются актуальными проблемами. Существующие противоречия в этих сферах являются серьезной угрозой социального прогресса. Причины социальных напряженностей, конфликтов и несправедливости в сфере национальных отношений в нашей стране, как и в других, заключаются в социальном кризисе, который охватывает все сферы жизнедеятельности общества. В то же время формирование межнациональных напряженностей, по нашему мнению, имеют и свои специфические причины, больше всего обусловленных нарушением принципа социальной справедливости. Они имеют как глубокие исторические корни, так и факторы в современной жизни, способствующие их сохранению и углублению. Анализ предпосылок и сущности разных типов межнациональных противоречий и конфликтов и результаты конкретных социологических исследований показывают, что они возникают в основном из-за нарушения принципов социальной справедливости в социально-экономической, политической, духовно-культурных сферах. Удовлетворение насущных интересов и потребностей людей наталкиваются на определенные социальные позиции, что приводит к их активизации в борьбе против несправедливости, хотя принципы для начала конфликтов могут быть разными, но основные мотивы – это требование восстановления социальной справедливости и ее принципов в социальных и национальных отношениях. В межнациональном обществе, естественно, всегда будут определенные национальные различия, противоречия, которые могут привести к серьезным национальным конфликтам. Важно, чтобы они, количественно накапливаясь, не приводили к коренным качественным изменениям в межнациональных отношениях, не перерастали в национальный антагонизм, были бы подвергнуты социальному регулированию. В общественной практике – это одни из самых трудных и сложных вопросов, который требует решения.

Вместе с тем, в настоящее время больше бросается в глаза несо-

ответствие между официально заявляемыми целями политических преобразований в области национальных отношений и реальной политической практикой, а точнее между декларируемыми намерениями создать систему развития демократии в решении национальных проблем и наоборот – усилением авторитаризма. Можно утверждать, что реформы региональных отношений в последние годы оказались шагом не в сторону федерального, а в сторону формирования унитарного государства. Об этом свидетельствует, в частности, ликвидация Совета Федерации в том виде, в каком он существовал в период правления президента Б. Ельцина, замена представителей президента в каждом из 89 субъектов федерации представителями президента в каждом из федеральных округов, процесс приведения законодательства национальных республик в соответствие с Конституцией РФ и т. д. Это достаточно опасный симптом.

В стране, которая является многонациональной и считается федеративной, ликвидировано министерство национальных отношений, нет центра, занимающегося изучением и регулированием национальных вопросов. В этой ситуации среди фактов, наиболее беспокоящих людей, на первое место достаточно большое количество опрошенных ставят проблемы межнациональных отношений, противоречивость и, нередко, их конфликтность. По данным социологических исследований в Республике Башкортостан, этот вопрос волнует 23 % башкир, 11 % – татар, 13 % – русских и 23 % – представителей других национальностей. Очевидно, национальный фактор является одним из все более определяющих индивидуальное и общественное сознание, политику и духовную жизнь, направленность поведения людей.

В условиях сложнейшей многонациональности республик и регионов созидательная линия возможна только при учете интересов и запросов каждой нации, на пути консолидации и национального согласия. Это путь гуманизации общественных отношений, защиты прав каждого человека, независимо от места его проживания, убеждения и вероисповедания.

Специфика интересов этнических общностей чаще всего определяется их статусом, т. е. местом, которое занимает этнос в обществе, в системе взаимоотношений¹. Различают разные виды статуса: де-

¹ Файзуллин Ф. С., Абдрахммов Э. Ф. Этнический интерес как социально-философская категория // Ядкяр. Научно-гуманитарный и общественно-политический журнал. 2003. № 3. С. 3–15.

мографический, культурный, правовой, социально-психологический и т. п. В зависимости от степени влияния на жизнь общества статус этноса имеет количественные измерения. Он может быть высоким или низким. Так, русские в РФ, несмотря на ряд неблагоприятных тенденций, обладают, безусловно, высоким демографическим статусом, поскольку их доля в общей численности населения РФ составляет более 82 %. Достаточно высокими показателями в сравнении с другими российскими народами характеризуется у них и социально-экономический статус (объем материальных благ, приходящихся на каждого члена этноса; обеспеченность жильем, профессиональная структура, уровень заработной платы и т. п.). Исследование социальной справедливости, равенства и неравенства должно предполагать изучение положения каждого этноса в структуре конкретной социально-территориальной общности. Различия в общественном положении этносов, отношение неравенства между ними возникают из-за того, что общие условия в силу каких-то обстоятельств не могут обеспечить равные возможности для поддержания жизнеспособности и развития находящихся здесь этносов. Это происходит потому, что благоприятные условия существования не в равной мере достаются этносам, этносы имеют разный доступ к использованию их в своих интересах.

Низкий статус ведет к психологической ущемленности этноса. На этой почве возникают массовые движения, которые серьезно дестабилизируют жизнь государства (республик), ведут к этническим конфликтам. Конфликтогенный потенциал различных видов низкого статуса далеко не одинаков. Так, низкий морально-психологический статус наций, безусловно, приносит глубокие нравственные страдания, может служить поводом для массовой миграции, причиной конфликтных ситуаций на межличностном уровне, но вряд ли вызовет массовое этническое противостояние. Совсем иное дело – политический или территориальный (его иногда называют экологическим) статус.

Политический статус этноса – это, прежде всего, наличие или отсутствие у него своей государственности в той или иной форме. Разница в политическом статусе бывших советских народов (одним было позволено иметь союзную республику, другим – автономную, третьим – автономную область или округ) привела на рубеже 1980–1990-х гг. к массовому движению за его повышение. В результате все автономные области, за исключением Еврейской, объявили себя су-

веренными республиками. Другая, не менее важная, сторона политического статуса этноса – представительство в различных структурах власти. Низкое представительство воспринимается обычно как дискриминация и в определенных обстоятельствах становится источником политических требований. Низкий политический статус, точнее, полное отсутствие такового, привели, например, к активному участию в революции 1917 г. российских евреев, поляков, латышей, некоторых других российских «инородцев» – башкир, татар, казахов и т. д.

Не менее взрывоопасно снижение территориального статуса. Именно территория, которую занимает этнос, определяет его социальную, а нередко и экономическую значимость. На постсоветском пространстве, где этнические границы, как правило, не совпадают с государственными границами, именно проблемы территориального статуса являются источником многочисленных конфликтных ситуаций. При этом конфликты, в основе которых лежит символ и престиж этноса, тушить гораздо труднее, чем те, которые основаны на материальном интересе. Территория коренного этноса является основной, то есть местом, где народ сформировался как этнос. В этом случае она имеет высокую притягательность для членов этноса. Этим фактором можно объяснить эмиграцию части советских евреев в Израиль, российских немцев в Германию.

В большинстве полиэтнических государств редко бывает так, чтобы та или иная этническая община обладала одинаково высоким статусом во всех его измерениях. Чаще всего встречается ситуация, когда тот или иной этнос оказывается доминирующим в одной или нескольких сферах государственной жизни.

Совершенно очевидно: чем ниже статус того или иного этноса по сравнению с другими, тем больше проблем в его жизни и тем больше межэтническое напряжение в обществе. Поэтому статус этноса – важнейший объект социологических исследований. Проблема статуса особенно важна для меньшинств, которые в силу малой численности оказываются низкостатусными. В нестабильной ситуации они же испытывают и наибольший дискомфорт. Между тем именно от их положения (статуса) зависит прочность социально-политического бытия всего общества.

Важнейшая особенность межэтнических отношений в Республике Башкортостан состоит в том, что эти отношения разворачиваются в рамках единой социально-территориальной общности – многонацио-

нального народа Башкортостана. Становление единого многонационального народа происходит путем накопления и утверждения в нем качеств социума. Естественную основу этого процесса составляют территория и природно-климатические условия края. Определяющим фактором интеграции людей в социально-территориальную многонациональную общность в Башкортостане выступают сложившиеся здесь экономические отношения, возникающие между предприятиями, отраслями, городами, районами. На основе экономических отношений происходит структуризация населения, налаживаются и укрепляются связи между различными, в том числе, этническими группами, которые к тому же имеют общие экономические, бытовые, экологические условия бытия. Интегрирующие силы действуют в духовной сфере, обеспечиваются политическими институтами. Общность природно-климатических, производственно-экономических, духовно-идеологических, социальных, политических институтов обуславливают формирование общих черт у населения в жизненно важных видах трудовой деятельности, быта, досуга и определяют в целом примерно одинаковые потребности и возможности их удовлетворения.

Цельность населения республики, состоящего из представителей разных национальностей, естественно обеспечивается общей средой обитания, общими условиями жизни. Но специфика межнациональных отношений в республике вызывается не только одинаковостью среды обитания, но и многочисленностью участвующих в них национальностей. При внимательном рассмотрении последних оказывается, что они различаются друг от друга по самым различным основаниям и все это весьма ощутимо сказывается в их отношениях друг с другом, в этническом самочувствии, в общественном положении и т. д.

При анализе взаимоотношений совместно проживающих на единой территории этносов важно выяснять и еще одну сторону возникновения и реализации между ними отношений равенства и неравенства. Такая необходимость обусловлена хотя бы следующими обстоятельствами: проживающие здесь народы могут не обладать одинаковым этносоциальным потенциалом; на уровне даже однотипных субъектов (например, индивидов) могут складываться отношения неравенства в силу неодинакового представительства и отстаивания национальных интересов в своих действиях.

По нашим подсчетам, сделанным по итогам последней переписи населения в Башкортостане удельный вес башкирского народа самый

высокий по сравнению с другими нациями, населяющими Российскую Федерацию. В республике проживают представители 130 национальностей. Здесь сосредоточены 73 % всех башкир, 17,8 % – татар, 16,5 % – марийцев, 6,7 % – чувашей, 3,3 % – удмуртов, 2,9 % – мордвы, 1,7 % – украинцев, 1,3 % – белорусов, 1,3 % – русских, 1,3 % – немцев от их общего количества по РФ.

Как видно из этих данных, в Республике Башкортостан концентрировано абсолютное большинство башкирского этноса. По этому показателю с ним не может сравниться ни одна из проживающих здесь национальностей. Особенность межнациональных отношений в республике состоит в том, что участники этих отношений не обладают одинаковым этносубъектным статусом, отсюда и правовым. Башкиры представлены в статусе такой общности как нация, ибо основная масса этого этноса сосредоточена здесь. Русские, татары, чувашаи, марийцы, мордва, украинцы и т. д. – в статусе национальной группы, они малочисленны в Башкортостане от их общего количества по России. В то же время эти этнические группы имеют свою государственность (республику), кроме русского народа, для которого РФ общая и единственная родина. Поэтому в республике общенациональные проблемы этих групп наций рассматриваться не могут. Ибо проживающие здесь татары, чувашаи и другие группы национальностей представляют собой только часть своих этносов. В Башкортостане могут рассматриваться лишь национальные интересы проживающих здесь этих представителей народов. Общность правового пространства для всех национальностей в масштабе РФ исключает необходимость в каждом регионе «с нуля» рассматривать и решать все национальные проблемы каждого народа.

При исследовании общественного положения и выяснения отношений равенства или неравенства между этническими группами, показатели должны соотноситься, очевидно, через данные о распределении этих групп в составе населения. Так, если в настоящее время в составе населения Республики Башкортостан башкиры составляют 29,7 %, а русские 36,3 % и татары 24,1 %, оптимальным уровнем состояния равенства будет сохранение такого соотношения в составе работников, занятых определенными видами труда, социально-классовой структуре, среди имеющих высшее образование и т. п. Разница фактического показателя от его оптимального уровня будет свидетельствовать об отклонениях в общественном положении

этносов, а сравнение показателя этноса с показателями других этносов – состояние отношений равенства или неравенства.

Социологические исследования, проводимые нами регулярно в Республике Башкортостан, последние 10 лет фиксируют, что в республике коренное население – башкиры по своему социальному статусу занимают последнее место среди трех выше названных многочисленных здесь наций. Среди инженерно-технических работников удельный вес почти в 3 раза ниже по сравнению с русской частью специалистов высшей квалификации. Лишь среди гуманитарной и сельскохозяйственной интеллигенции этот показатель находится на среднем уровне. Эмпирические материалы также свидетельствуют – уровень и качество жизни башкир отстают от средних республиканских показателей.

Наши социологические исследования выявили тенденции и противоречия современной трансформации, основанные на этносоциальной стратификации, иерархии, неравенствах социального статуса различных наций в Республике Башкортостан. Во-первых, они показали: существенную роль в формировании особенностей этнических традиций различных народов играет степень урбанизированности того или иного этноса. Русские Башкортостана в этом смысле являются, в основной своей части, городскими жителями и, составляя большую часть городского населения, формируют соответствующую этногородскую среду. Башкиры, чувашаи, марийцы, мордва, удмурты меньше адаптированы к городскому образу жизни и специфической городской среде. Во-вторых, происходящее неизбежно в условиях рыночной экономики имущественное расслоение общества также приобретает этническую окраску. Русские и частично татары работают, главным образом, в городских индустриальных отраслях. В то же время именно русские и татары, являясь традиционно городскими жителями, более продвинуты в сфере бизнеса, формируют более обеспеченный в имущественном смысле класс предпринимателей. Такое социальное неравенство башкирским национальным движением, а также национальными центрами малых национальных групп воспринимается негативно. Практически отсутствуют башкиры в сфере большого негосударственного бизнеса: руководство банков, крупных промышленных предприятий, коммерческих фирм и т. д. Среди хозяйственных руководителей башкиры представлены в основном на госпредприятиях. Значительная часть собственно башкир, по данным исследования, за-

нятая главным образом в обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, в условиях рыночных преобразований формирует более низкую имущественную группу населения.

Не случайно, большинство опрошенных (54 %), прежде всего башкиры, представители малочисленных национальных групп считают, что их интересы нуждаются в защите. Осознание такого положения коренной нацией может привести к обострению межнациональных отношений в регионе. Следует отметить: существующее социальное неравенство более остро воспринимается в городах, поэтому, в современных условиях, именно города являются центром формирования национальных движений.

Социальное неравенство формирует этническую стратификацию. Вся система этнической стратификации реально может способствовать возникновению конфликтов. Кроме того, обнаруживается определенная связь между конфликтами на межэтнической основе и системой стратификации. К примеру, они имеют общие компоненты: языковые, культурные, религиозные, социально-экономические. Если напряжение существует в одном или двух элементах, оно может разрешиться более или менее мирно. Но если, задействованы несколько параметров, то рассчитывать на простое решение не приходится.

Этническая стратификация как явление имеет объективный специфический вид, уходя своими корнями в историю возникновения того или иного государства. Одни общности, имея малую численность, входят в состав государства и вынуждены подчиняться более могущественному, численно их превосходящему этносу, который доминирует во всех сферах жизнедеятельности. Таким образом, создаются потенциальные предпосылки для возникновения напряженности во взаимоотношениях между общностями. Чтобы этого избежать, существует два пути решения проблемы: либо наложить «табу» на обсуждение этнических (национальных) аспектов бытия государства (тоталитарный, волюнтаристский подход), что в дальнейшем с неизбежностью приведет к их обострению, либо создать определенные благоприятные условия для развития малочисленных этнических общностей (демократический, цивилизованный подход). Создавая, пусть видимую, форму социальной справедливости, равенства в правах, титульный этнос снимает возможные в перспективе осложнения.

Н. Г. Чевтаева, С. А. Яковлева

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСНЫХ ПРОЦЕДУР В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эффективность любого управленческого воздействия зависит от того, насколько принимаемые решения затрагивают интересы, ожидания участников управляемой системы. Разработка и внедрение технологии управления, поиск оптимального алгоритма реализации целей организации – один из важнейших показателей профессионализма менеджера. Управленческие технологии позволяют не только оптимизировать управленческий процесс, но и минимизировать естественное сопротивление управляемой системы.

В социологии управления в качестве критериев эффективности использования управленческих технологий принято называть¹:

- простоту (они не должны быть излишне усложненными, содержать промежуточные этапы или операции);
- гибкость (адаптивность к изменяющейся обстановке);
- надежность (наличие запаса прочности, дублирующего механизма);
- экономичность (технологии могут быть эффективны, но не экономичны);
- удобство эксплуатации (прекрасно разработанная технология бесполезна, если она неудобна для людей, которым придется с ней работать).

Законодательство РФ² детально прописывает процедурные моменты организации конкурса на замещение вакантной должности, в кадровый резерв; однако выбор конкретной технологии, методики

¹ Бурганова Л. А. Социология управления. Казань : КГТУ, 2007; Пригожин А. И. Современная социология организаций. М. : Интерпракс, 1995; Рубцова М. В. Социологическая теория управляемости. СПб. : ООО «Книжный дом», 2010.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 02.02.2006 № 19-ФЗ, от 21.11.2011 № 329-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами от 17.12.2009 № 313-ФЗ, от 13.12.2010 № 358-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 22.11.2011 № 25П, Федеральным законом от 06.12.2011 № 395-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3316; О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.02.2005 г. № 112 (в ред. Указа Президента РФ от 22.01.2011 № 82) // Российская газета (Федеральный выпуск). 2005. № 3689; О порядке формирования кадрового резерва государственных органов Свердловской области и кадрового резерва Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 29.08.2005 №683-УГ // СПС КонсультантПлюс.

оценки кандидатов остается прерогативой кадровых служб. В современной практике кадровых служб органов исполнительной власти доведение управленческих решений до уровня управленческих технологий становится актуальной задачей. Это касается такого важного аспекта работы, как организация конкурсных процедур: на вакантную должность, в кадровый резерв. Специалисты органов государственной власти Свердловской области, занимающиеся вопросами организации конкурса, часто говорят о необходимости создания единых методических рекомендаций по организации конкурсов. В условиях отсутствия единой методики оценки профессиональных и личностных качеств кандидатов, участвующих в конкурсе, каждый орган исполнительной власти вынужден ограничиваться лишь известными руководством кадровых служб управленческими технологиями.

Потребность руководителей и специалистов кадровых служб органов исполнительной власти в совершенствовании управленческих технологий проведения конкурсных процедур побудила нас к социологическому анализу этой проблемы. Важно было выяснить наиболее распространенные сегодня технологии проведения конкурсных процедур, оценку их продуктивности, пути их совершенствования. С целью мониторинга реализации Областной государственной программы «Реформирование и развитие государственной гражданской службы Свердловской области (2010–2013 гг.)» Департаментом кадровой политики совместно с Уральским институтом – филиалом РАНХиГС в мае 2012 г. было проведено исследование, в рамках которого мы попытались найти ответы на обозначенные вопросы.

В опросе приняли участие 116 государственных гражданских служащих 31 органа исполнительной власти Свердловской области. Категории респондентов:

1) руководители и специалисты подразделений органов государственной власти Свердловской области по вопросам государственной гражданской службы и кадров, ответственных за организацию и проведение конкурсных процедур (23 %);

2) государственные служащие органов государственной власти Свердловской области, прошедшие конкурсные процедуры при поступлении на вакантную должность государственной гражданской службы (47 %);

3) государственные служащие органов государственной власти Свердловской области, прошедшие конкурсные процедуры при

включении в кадровый резерв (30 %).

Среди респондентов доля мужчин составила 24 % , а женщин – 76 % (рис. 1).

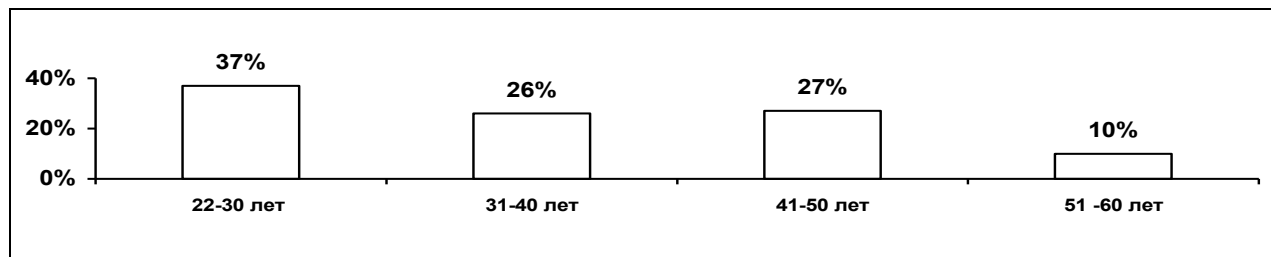

Рис. 1. Структура выборки по возрасту, %

В опросе участвовали преимущественно молодые сотрудники в возрасте от 22 до 30 лет и 31–40 лет (две трети выборки), также люди среднего возраста. Стаж государственных служащих также различен (рис. 2).

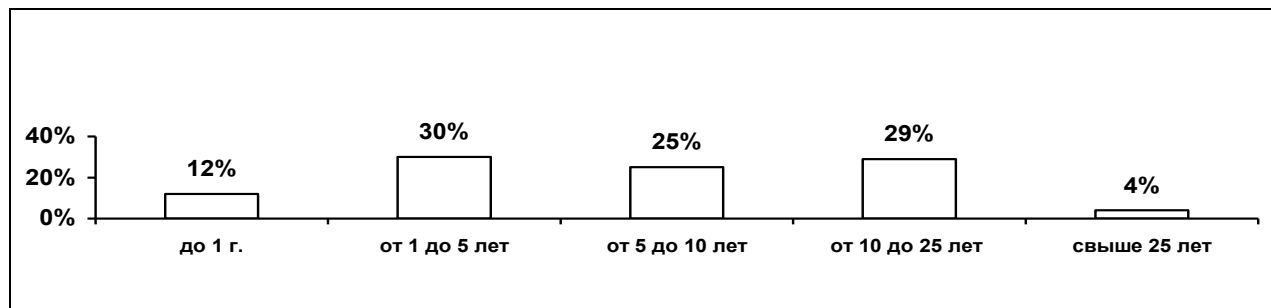

Рис. 2. Структура выборки по стажу работы в органах государственной власти, %

По данным опроса, преобладающий возраст сотрудников кадровых служб составляет 30–40 лет (8 %), соответственно стаж государственной гражданской службы 10–25 лет (10 %). Большинство специалистов, прошедшие по конкурсу, – молодые сотрудники в возрасте 22–30 лет (16 %) и люди среднего возраста – 40–50 лет (16 %), имеют при этом небольшой стаж работы – от 1 до 5 лет (26 %). Отдельно следует отметить, что среди сотрудников, назначенных из кадрового резерва, преобладают молодые специалисты в возрасте 22–30 лет (16 %).

Первый блок вопросов касался выявления используемых методик, применяемых при осуществлении конкурсного отбора органами власти Свердловской области. Ответы государственных служащих органов исполнительной власти Свердловской области о том, какие методы проведения конкурсного отбора используются наиболее часто в их органах власти, распределились следующим образом (рис. 3).

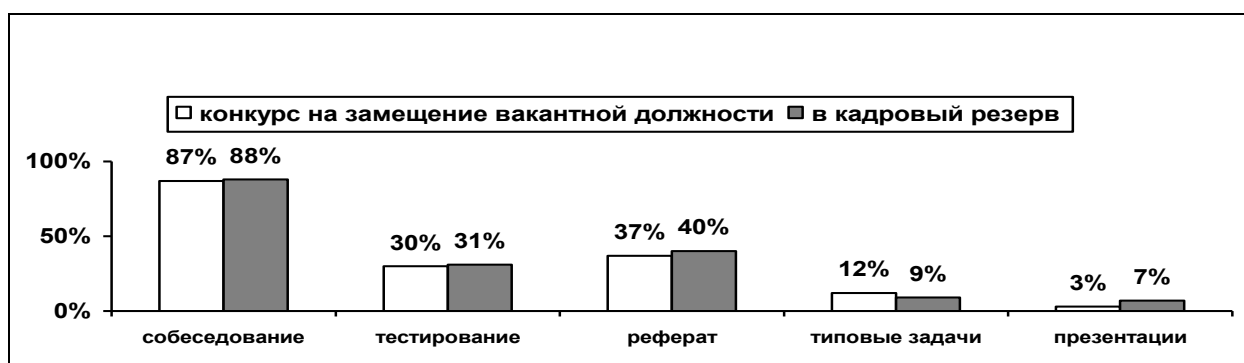

Рис. 3. Используемые технологии проведения конкурсного отбора в органах исполнительной власти Свердловской области (в %)

Наиболее распространенным методом как при проведении конкурса на замещение вакантных должностей, так и при конкурсе в кадровый резерв является *собеседование*. По мнению государственных служащих, это наиболее универсальный метод, при котором можно оценить как профессиональные, так и личностные качества кандидата. Иные методы кадровые службы органов государственной власти Свердловской области вправе определять самостоятельно в локальных нормативных актах и использовать в зависимости от требований, установленных к вакантной должности. Треть респондентов отметили, что при проведении конкурса на замещение вакантной должности и при конкурсе в кадровый резерв используется *подготовка реферата или творческой работы*. Далее в рейтинге распространенности идет *тестирование*. Решать типовые задачи на принятие управленческих решений в процессе конкурса пришлось только каждому десятому кандидату при конкурсах на вакантную должность и в кадровый резерв). Еще реже кадровые службы используют технологию подготовки кандидатами презентационных материалов. Поскольку собеседование является в настоящий момент основным методом конкурсного отбора, мы попросили респондентов оценить (по 5-балльной шкале) качества, на которые в первую очередь обращает внимание конкурсная комиссия. Эксперты – руководители и специалисты кадровых служб определили важность качеств и характеристик кандидата, которые применяются при собеседовании.

Таблица 1

Качества, необходимые кандидатам для успешного
прохождения собеседования

Диагностируемые качества кандидатов	Конкурс на замещение вакантной должности	Конкурс в кадровый резерв
1. Умение аргументировано и убедительно выражать мысли	66,4 % 5 баллов	57,8 % 5 баллов
2. Стиль общения	47,4 % 4 балла	41,4 % 4 балла
3. Внешний вид	46,6 % 4 балла	40,5 % 4 балла
4. Умение располагать к себе собеседника	44 % 4 балла	37,1 % 4 балла
5. Знание законодательства	42,2 % 4 балла	36,2 % 4 балла
6. Опыт работы	41,4 % 4 балла	36,2 % 4 балла
7. Профессиональное образование	41,4 % 4 балла	36,2 % 4 балла

По мнению экспертов, во время проведения конкурса наибольшее внимание уделяется знанию законодательства, профилю образования, умению аргументированно и убедительно выражать свои мысли, стилю общения. Специалисты Департамента кадровой политики считают, что собеседование является неотъемлемой частью конкурсной процедуры, поскольку позволяет получить больше сведений о кандидате, оценить уровень общей культуры, выяснить стремления и цели, карьерные притязания участника конкурса.

По оценкам самих государственных служащих, прошедших собеседование, на решение комиссии в большей степени повлияла степень уверенности кандидатов: «умение аргументированно и убедительно выразить свои мысли» – этот показатель получил максимальную оценку.

Высокой четырехбалльной оценки удостоились такие качества кандидата, как знание законодательства, опыт работы, знание специфики профессиональной деятельности. Проявление субъективизма при проведении собеседования кандидаты увидели в том, что значимость социально-психологических, поведенческих аспектов («выбранный стиль общения», «внешний вид», «умение располагать к се-

бе собеседника») оказалась даже чуть выше профессиональных качеств кандидатов. Появлению субъективизма при проведении собеседования могут способствовать установки членов комиссии; эффект первого впечатления, эффект подобия (если черты или интересы кандидата в чем-то схожи); эффект сравнения (на фоне которого кандидат проходил комиссию).

Проанализировав степень *распространенности* различных технологий проведения конкурса, важно было выяснить *желаемую* по оценкам респондентов модель конкурсных процедур. Респондентам предложили оценить эффективность используемых технологий оценки кандидатов с точки зрения таких критериев, как простота, гибкость, надежность, экономичность, удобство эксплуатации, адекватность оценки профессиональных и личностных качеств кандидата.

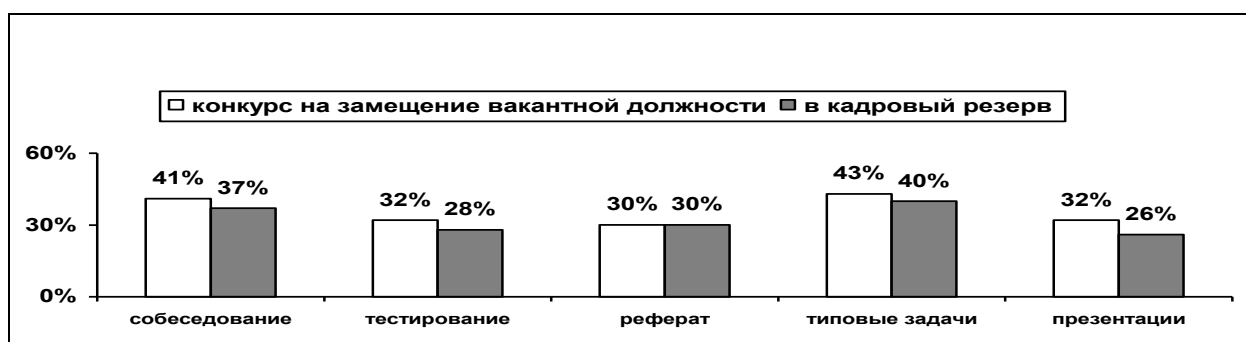

Рис. 4. Желаемая модель проведения конкурсного отбора в органах исполнительной власти Свердловской области, %

По оценкам респондентов *наиболее эффективным методом* является *решение типовых задач на принятие управленческих решений*. Наиболее распространенная сегодня технология – собеседование в рейтинге эффективности занимает почетное второе место. Тестирование и подготовка презентационных материалов наиболее применимы в конкурсах на замещение вакантной должности, в то время как более показательные результаты при проведении конкурса в кадровый резерв дает написание реферата или творческой работы. Сравнительный анализ распространенных и желаемых (эффективных) методов проведения конкурсных процедур позволяет обозначить направления кадровой работы по совершенствованию управленческих технологий оценки кандидатов.

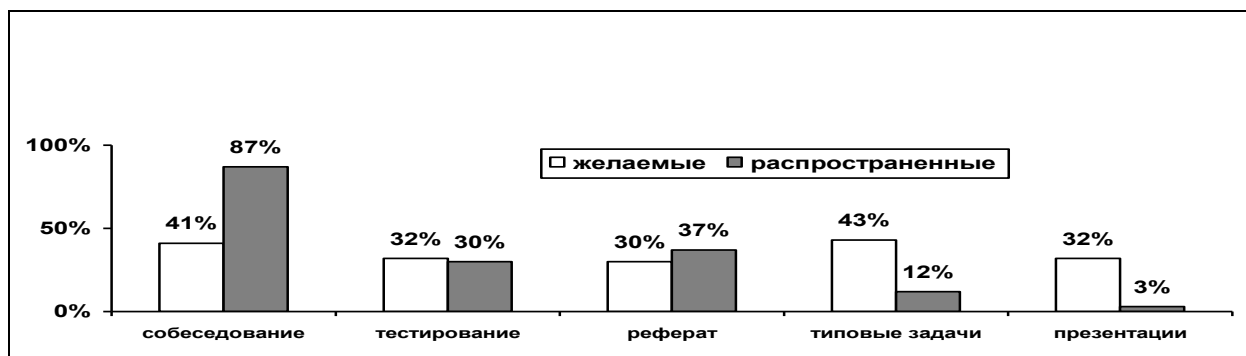

Рис. 5. Распространенные и желаемые технологии проведения конкурсного отбора на вакантные должности в органах исполнительной власти Свердловской области, %

При проведении конкурса на вакантную должность и в кадровый резерв обозначились управленческие технологии, совершенствование которых позволит повысить эффективность конкурсных процедур. Особое внимание следует обратить на такие редко используемые сегодня методы оценки кандидатов, как «решение типовых задач» и «подготовку кандидатами презентаций». О необходимости использования широкого арсенала технологий говорит тот факт, что респонденты высоко оценили потенциал достаточно распространенных в современной практике кадровой работы методов. Тестирование, рефераты – на необходимость их использования указывает каждый третий респондент. При этом решение типовых управленческих задач наряду с собеседованием должны стать основными способами оценки кандидатов на вакантную должность и в кадровый резерв.

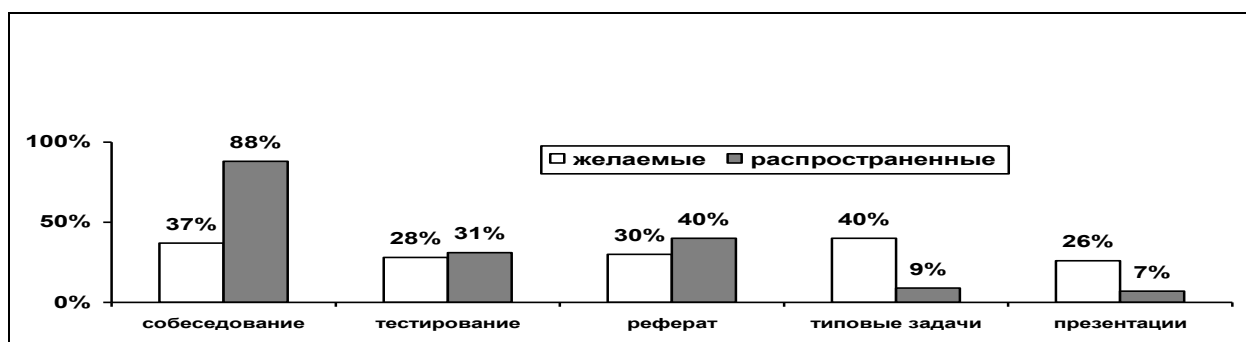

Рис. 6. Распространенные и желаемые технологии проведения конкурсного отбора в кадровый резерв в органах исполнительной власти Свердловской области, %

Позицию государственных служащих поддерживает и экспертное сообщество – руководители и специалисты кадровых служб. Верхнюю строчку в их рейтинге занимают «решение типовых задач»

и «собеседование».

В отличие от участников конкурсных процедур, работники кадровых служб потенциал такой методики, как «подготовка рефератов и творческих работ (эссе)», оценивают чуть выше, чем тестирование. При этом эксперты справедливо отмечают, что тематика творческих работ должна носить проблемный характер, выполнение которой требует аналитических способностей, а не просто умения пользоваться интернетом.

Расширение арсенала управленческих технологий оценки кандидатов позволит сделать процедуры конкурсного отбора более прозрачными и объективными.

Е. С. Шайдарова

О Ю. Р. ВИШНЕВСКОМ

Пишу эти строки о Ю. Р. Вишневском в связи с его Юбилеем, и потому, что я рада иметь повод о нем написать. Причисляю его к своим друзьям. Знаю его давно, по научным встречам в Перми и Екатеринбурге, в основном – на наших Файнбургских чтениях. У него «говорящая» фамилия. Он не первый и не единственный в России Вишневский, эта фамилия формирует определенный образ, а именно образ давней, глубокой, упрямой интеллигентности. Ничего не знаю о его роде, клане, но отсвет фамилии лежит на нем как некая марка качества.

О Юрии Рудольфовиче можно сказать, что благородство – одна из черт его души. Сужу об этом по некоторым признакам, которые считаю весьма значимыми. Прежде всего это его эмоциональное, страстное отношение к жизни, к науке, к ситуации в стране. Его выступления всегда эмоциональны, в них – боль, гнев, равнодушие, всегда личное отношение к обсуждаемой проблеме. Кроме того, он ведь дружил с В. Т. Шапко, с ним вместе работал в науке, а ведь Валерий Трофимович был человек эталонный. Еще признак: сын Юрия Рудольфовича написал книгу «Призвание» – такая романтика в наши дни! Наконец, сужу по манере поведения Юрия Рудольфовича, по его общению с людьми – в этой манере есть и моменты «рубаша-парня» (всегда шутливые), и та самая, уважительная к людям, высокая красота, за которой – культура... Юрий Рудольфович умеет быть в коллективе: и в научном, и в научно-дружеском. В последнем случае

он как-то само-собой становится душой компании. Наблюдать его в этом качестве – одно удовольствие.

Конечно, нельзя не сказать, что Юрий Рудольфович дружил с людьми, которых люблю и уважаю: с З. И. Файнбургом, с Л. Н. Коганом, с Н. А. Антовым. Юрий Рудольфович всегда приезжает на наши Файнбургские чтения, он и его коллеги всегда в числе авторов сборников материалов к чтениям.

Он дружит с Марком Слюсарянским и сумел приехать на наши XI чтения, когда Марк тяжело болел (сейчас он, слава богу, выздоравливает), и мы вместе выпили за здоровье Слюсарянского на непрерывном товарищеском ужине, и во всем этом была теплота и сердечность Юрия Рудольфовича.

В науке он успешен и многосторонен. Тут и теория культуры (книжка вместе с Коганом), и социология в условиях перестройки, и смысл социальной инерции, и социальная политика, и всесторонние исследования социальной группы студентов, и т. д. Но мне кажется, в науке он более всего болеет за молодежь. Его работы и выступления часто строятся на материале длительных, серьезных эмпирических исследований, на данных, которым можно доверять. Вот, собственно, такое мнение сложилось у меня о Ю. Р. Вишневском из моих встреч с ним в обстановке научного общения, эпизодического, но длящегося более 20 лет.

Юрий Рудольфович Вишневский интересный, хороший человек и успешный, интересный ученый. Он совсем не похож на 75-летнего. Это – не дежурное заявление, а это на самом деле так: в его душе и в его облике присутствует неуходящий отблеск молодости: в его жизнелюбии, в азарте, в его энергии, в интересе к людям. Я желаю ему и дальше быть непохожим на возраст по паспорту, желаю много-много здоровья, счастья и благополучия в семье, долгих лет творчества, успехов, верных друзей...

С Юбилеем, дорогой Юрий Рудольфович!

В. Т. Шапко, Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский

ЛЕВ НАУМОВИЧ КОГАН – «ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ» В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА

Да, именно таким – «несвоевременным человеком» – был Лев Наумович Коган. Таким он остался в памяти его многочисленных учеников и друзей. С одной стороны, Коган – энциклопедист. Сколько наук – социология, философия, культурология, политология, этика, эстетика, журналистика и театроведение – по праву считали и считают его своим! И насколько широк диапазон его научных интересов и публикаций! Опираясь на разнообразные исследования политической, художественной, экономической культуры, культуры производства, Л. Н. Коган писал о красоте труда и подъеме культурно-технического уровня советского рабочего класса. В последние годы жизни из-под его пера вышли философско-обобщающие книги о судьбе, цели и смысле бытия, преходящем и непреходящем в жизни человека, о зле, серьезной и веселой философии, философии Шекспира.

Но главное, почему он воспринимается как «человек эпохи Возрождения», – это даже не многообразие его талантов и научных интересов, а гуманизм, человечность. Первая и самая важная его ипостась – быть Человеком, Личностью. И хотя сам себя он никогда не считал «гармоничной личностью, самокритично осознавая свои «недостатки», он был Личностью, сложной, противоречивой, но, несомненно, харизматической. Он, как магнит, притягивал к себе людей, всегда был душой любой компании – научной, творческой, дружеской. Без преувеличения можно сказать: он слыл фигурой легендарной. Его знали или хотя бы слышали о нем многие в Свердловске и за его пределами.

Если бы Лев Наумович не стал ученым, то он, говоря его собственными словами, «самореализовался» бы в художественном творчестве. Причем и здесь поражает широта и яркость поэтического дара, сочетание легкости (сколько его стихов, дружеских эпиграмм, шаржей писалось быстро, на первых попавшихся под руку бумажках, салфетках и т. д.) и необычайной глубины, строгой аналитичности.

Артистизм пронизывал и его научное творчество. Поражала и поражает его способность импровизировать, «фонтанировать» разнообразными (чаще всего нетривиальными) идеями и та щедрость, с которой он делился (а порой разбрасывал) этими идеями. Он был под-

линно артистической натурой, даже в науке. Его привлекал процесс творчества, создания и придумывания научных идей. А ремесленная часть – доведение той или иной идеи до требуемых кондиций, ее детальная разработка, что составляет значительную долю научной деятельности, – ему нередко была скучна и неинтересна. При этом в нем парадоксальным образом сочетались блестящая легкость, полет научной фантазии и фундаментальность, даже педантичность, в работе с книгами, текстами, материалами. Его многочисленные тетради с конспектами и комментариями по поводу прочитанного, написанные мелким, четким, специфическим, узнаваемым «когановским» почерком, и сегодня могут быть образцом для молодых ученых.

Память о крупном ученом не может и не должна ограничиваться признанием его заслуг перед отечественной и мировой наукой. Не менее важно и то, как живут, развиваются, обогащаются, углубляются его идеи в творчестве многочисленных учеников, друзей, коллег. Причем происходит кумулятивный эффект: сколько новых кандидатов и докторов наук сегодня подготовлено под руководством тех 180 кандидатов и 20 докторов наук, чьим руководителем официально был Лев Наумович Коган! А тех, кому он так или иначе помогал в научном росте, вообще невозможно подсчитать. И в этом – еще одна грань таланта Когана – Ученого и Педагога. Многие годы он был поистине кумиром студенческой и научной молодежи. Его отзывчивость сочеталась с требовательностью. Отличаясь удивительной работоспособностью, он и от других ждал полной самоотдачи и не желал входить ни в какие обстоятельства. Важная грань деятельности Когана – его роль как организатора науки.

Нельзя сказать, что Льву Наумовичу удалось избежать влияния и воздействия стереотипов своего времени. Но сегодня на это можно посмотреть и иначе. Разве идея единства труда и красоты (и это в условиях господства рутинного, неквалифицированного труда) не обосновывала необходимость качественных изменений в сфере труда? Разве уже в те годы она не была созвучна размышлениям зарубежных философов и социологов о «гуманизации технологии»? Не так ли идеи о культуре как о мере реализации сущностных сил человека противоречили официальным представлениям о ней как о сумме ценностей, богатств, которые человек должен усвоить? Вспомним о статье «Не хочу быть объектом!», раскрывавшей основной порок тогдашней системы коммунистического воспитания. А разве можно

обойти его «широкий» подход к культуре, во многом содействовавший выходу отечественной культурологии и социологии культуры за узкие рамки духовной культуры, переходу к исследованиям материальной культуры, культуры производства, политической культуры?

Своеобразным ключом к пониманию сложности и противоречивости гуманистической ориентации социолога, философа и культуролога Л. Н. Когана в условиях тоталитарного и авторитарного общества могут, на наш взгляд, служить размышления известного польского социального мыслителя А. Шаффа: «Когда сегодня я критикую некоторые аспекты коммунизма, то делаю это не как его враг. Я вовсе не отрекаюсь ни от своих коммунистических корней, ни от своего понимания глубинного содержания коммунизма. Я иду на это как человек, который сожалеет о допущенных извращениях и о понесенном в результате этого поражении. Моя критика – это критика сторонника идеалов демократического социализма. Подвергая критике движение, ставшее колыбелью моих идей, не собираюсь зачеркивать того, что было в нем справедливого, героического и даже прекрасного»¹.

Прошедшие после ухода Льва Наумовича Когана годы показали, что многие его идеи и научные работы по-прежнему актуальны и продуктивны: они порождают желание продолжить научный поиск, пойти дальше по очерченному Коганом пути.

Е. А. Шуклина

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

Активизация миграционных процессов в России актуализирует целый спектр серьезных социальных проблем, одной из которых является социокультурная адаптация детей мигрантов в стране приема. В данной работе мы представляем результаты исследования этого феномена в рамках одного из мигрантоемких регионов – Ханты-Мансийского автономного округа – Югра (ХМАО – Югра).

Процессы, о которых пойдет речь, достаточно сложны, противоречивы, конфликтогенны, их обсуждение находится на острие дискуссий, будоражит общественное мнение и научную мысль. Рассмат-

¹ Шафф А. Мой XX век // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 7.

ривая вопросы социокультурной адаптации детей мигрантов в условиях межнациональной интолерантности в школьном коллективе, следует отметить, что резкий всплеск интереса к этим проблемам приходится на первое десятилетие XXI в., причем как за рубежом, так и в нашей стране.

Говоря об исследованиях обучения и социокультурной адаптации детей мигрантов в России, следует отметить, что они еще находятся на стадии зарождения и не имеют значительных традиций, а уровень обобщения их результатов не высок¹. Постепенно формируются центры изучения проблем образования детей мигрантов и тех обучающих практик, которые не без труда находят свое применение в школах отдельных российских городов. Среди них Москва, Санкт-Петербург, Ульяновск, Ставрополь, Екатеринбург и др. Реализованы некоторые конкретные проекты, связанные с изучением названной проблемы в отдельных регионах страны.

Исследование проблем обучения и адаптации детей мигрантов проводилось в сентябре 2011 – мае 2012 гг. лабораторией региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета по заказу окружной Думы ХМАО – Югры. В ходе исследования была применена методическая стратегия множественного кейс-стади, предполагающая использование комплекса методов сбора социологической информации, как количественных, так и качественных². В качестве кейсов выступали школы разных типов, дифференцированные по критериям:

- статус (гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением отдельных предметов и «обычные» общеобразовательные школы);
- количество обучающихся в школах детей мигрантов.

¹ Опубликован ряд работ, в основном это статьи и изредка брошюры. Попытки таких исследований представлены в работах: Адаптация детей мигрантов в школе / Е. Л. Омельченко [и др.]. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2010; Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные / Д. А. Александров, В. В. Баранова, В. А. Иванюшина. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011; Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге / Д. А. Александров [и др.]. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012 и др. Целостных, фундаментальных исследований в этой области в стране пока нет, за исключением, пожалуй, монографии: Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах / В. П. Засыпкин, Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012.

² В исследовании была использована стратифицированная выборка с пропорциональным размещением. Для расчета объема выборочной совокупности в целом и выборки по стратам была использована статистическая информация о муниципальных образовательных учреждениях ХМАО – Югры. Далее была реализована двухступенчатая выборка. На первой ступени случайным образом были отобраны школы из их общего списка в выбранных населенных пунктах. На второй ступени отбирались классы (гнездовой отбор). Общий объем выборки – 1631 чел. Объем страт: Сургут – 714 чел., Нижневартовск – 472 чел., Нефтеюганск – 245 чел., населенные пункты Сургутского района – 200 чел.

Для школ-кейсов применялись такие методы сбора информации, как глубинные интервью с ключевыми информантами – представителями администрации (директорами, завучами по учебной и воспитательной работе), учителями (44 чел.); анкетный опрос учащихся 8–11 классов (n=1631 чел.); анкетный опрос учителей (n=1100 чел.); фокус-группы с учащимися среднего и старшего звена, представляющими коренное население округа (9 фокус-групп); полуформализованные интервью с детьми мигрантов (25 чел.) и их родителями (150 чел.); социометрический опрос в классах с различным процентным соотношением детей мигрантов и немигрантов (9 опросов). Проводился также экспертный опрос представителей Департамента образования и науки ХМАО – Югры (5 чел.).

В исследовании важным методологическим посылом было определение понятия «дети мигрантов». Под социальной общностью детей мигрантов мы будем понимать реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую совокупность (взаимосвязь) детей (в возрасте до 18 лет), объединенных по социокультурным (в том числе языковым), демографическим, этническим, пространственным (территориальная миграция) и религиозным основаниям.

В эмпирическом исследовании для идентификации детей мигрантов нами были заложены три критерия:

- прибытие семьи ребенка в страну приема из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также региона Северного Кавказа;
- время проживания ребенка в ХМАО – Югре не более 10 лет;
- иноэтничность (для учащегося-мигранта русский язык не является родным).

В рамках первого критерия мы учитываем как трансграничных, так и внутренних иноэтничных мигрантов. Трансграничные мигранты – люди (социальные общности), пересекающие государственные границы РФ и переселяющиеся на другую территорию со сменой места жительства на постоянной или долговременной основе. Внутренние мигранты – люди (социальные общности), переехавшие в ХМАО – Югру на постоянное или временное место жительства из иных регионов России, преимущественно Северного Кавказа. В этой связи для нас было особенно важно учесть регион Северного Кавказа, в последнее десятилетие активно поставляющий из зон социальных конфликтов и военных действий вынужденных мигрантов, языковая и социокультурная адаптация которых представляет собой серьезную проблему.

Второй критерий («время проживания ребенка в ХМАО – Югре не более 10 лет») не менее важен. Многонациональность, характерная для региона ХМАО–Югры, была сформирована еще в СССР во время начала освоения нефтяных и газовых месторождений более полувека назад за счет внутренней миграции из Азербайджана, Белоруссии, Украины, Башкирии, Татарии и др. Вместе с тем мигранты последней волны (последнего десятилетия) качественно отличаются от мигрантов предыдущих волн. Дети иноэтничных мигрантов, как правило, уже не владеют русским языком и воспитаны в иной этнокультурной среде, не отличающейся единством ценностно-нормативных образцов с РФ, как это было свойственно Советскому Союзу.

При рассмотрении третьего критерия, определяющего языковую принадлежность детей мигрантов, целесообразно учитывать фактор билингвизма, несколько затрудняющий процедуру отбора иноэтничных детей мигрантов (таких детей в нашем исследовании оказалось 0,2 %).

Общение с одноклассниками, социально-психологический контекст адаптации, толерантность/интолерантность по отношению к представителям иной национальности – важные для детей мигрантов условия привыкания к новому коллективу. По данным исследования, оценки детьми мигрантов социально-психологических условий адаптации в школьном коллективе дифференцируются от позитивных до негативных. Большая часть респондентов отмечает, что обстановка в классе и отношение к ним в целом позитивные. Причем цивилизованность этих отношений явно определяется воспитательным воздействием школы, когда межнациональные отношения осознанно выстраиваются в классе на принципах уважительности.

Вместе с тем в ответах детей мигрантов представлены и отношения иного типа – с широким спектром этнонациональной интолерантности. В начале адаптационного периода дети отмечают различные проявления неприятия школьным коллективом мигрантов других национальностей, простирающиеся от игнорирования до агрессии.

«Плохо относились. Мне было плохо в первом, втором, третьем классе. Дрался из-за этого. Говорили «хачик», «чурка».

«Бывали ссоры с ребятами: с мальчиками, с девочками, которые считали, что мы нерусские».

По оценкам некоторых детей мигрантов, адаптационный период окончился для них успешно. Однако он протекает и заканчивается для ребенка успешно далеко не всегда. Могут развиваться подспудно

существующие тенденции неприятия, отторжения, непонимания ребенка коллективом класса. Порой этнонациональная интолерантность может иметь религиозный оттенок.

В условиях, когда ослаблено воспитательное воздействие школы в целом, педагога, дети начинают выстраивать собственные адаптационные тактики, которые имеют подчас выражено агрессивный, силовой характер, базируются на объединениях, сформированных на принципах силы и взаимозащиты.

«Ну, бывало, унижали, я даже учиться просто не хотел, а сейчас меня все боятся».

«Ну, русские, что они могут сделать. Нас больше. У нас в классе все почти дагестанцы».

«У нас компания нерусских. Не только азербайджанцы, там дагестанцы, кумыки... В классе у нас русские тоже есть, но мы гуляем нашей компанией».

Отдельная проблема с детьми мигрантов – это выстраивание отношений с учителями. 14,5 % наших респондентов указывали на сложности в их контактах с педагогами. По всей вероятности, аспект этнонациональной интолерантности здесь тоже имеет место. Как правило, проблемными эти отношения бывают с дезадаптированными, «трудными» детьми, но сам факт их наличия вызывает беспокойство. В интервью некоторые дети мигрантов отмечали присутствие фактора этнонационального негативизма по отношению к ним со стороны учителей. Ситуации подобного рода отмечаются как в обычных, так и в «мигрантских» школах.

«С учителями нормально, помогали мне, не обижали. Но одна учительница есть у нас, просто назвала меня чуркой, говорит – приехали сюда. Ну, я тоже тихо не сидел, накричал. Мне тоже обидно было. Все в классе начали – чурка, чурка. Ну, а сейчас нормально».

«Ну, она (учительница) специально давит на нас. На русских может там ничего не сказать, двойку ни двойку там, а нам могут поставить специально. Потому что мы нерусские, типа тупые».

«Я нацистов не люблю. У нас училка одна есть, по русскому. Она нацистка. На меня обзывалась: «Откуда такие только повылезали, сидели бы там в своих норах».

Ситуации интолерантности по отношению к детям мигрантов в школе являются серьезным фактором образовательной дезадаптации.

Отношение местного населения к мигрантам в оценках их детей выглядит столь же неоднозначно. Позитивное отношение населения дети мигрантов во многом связывают, с одной стороны, с существующими традициями гостеприимства, с другой – с фактом многонациональности населения региона, для которого мигранты не рассматриваются как чужие.

Негативные проявления местного населения в отношении мигрантов, по мнению детей, имеют разнообразный спектр – от неприятия представителей определенной национальности, которые мигрируют в данный регион, до агрессивности криминального характера.

«Некоторые относятся нормально, а некоторые думают, что мы "черные". Меньшинство негативно относится».

«Каждый по-разному относится, смотря кто он по нации».

«Обзывают местные. Они, конечно, ко мне не лезут. Но мне это не нравится, потому что они могут избить в подъезде, ударить, там...».

«Сейчас все более или менее, раньше плоховато было. Ну, сначала к нерусским очень плохо относились... скинхеды там всякие, не скинхеды. Узнают, что нерусский, тебя возненавидят.... Сейчас уже все на место встало, русские поутихли. А раньше не так было... ходили бандами. Просто на улице гулять невозможно было, в то время защиты не было у нерусских. А сейчас наши тоже начали ...».

В целом наличие некоего фона негативизма в отношении мигрантов не может не сказываться на адаптационных стратегиях детей в школьном коллективе, классе.

Следуя общей логике нашей работы, заключающейся в возможности одно и то же явление стереоскопически увидеть с разных точек зрения, с позиций разных социальных групп, далее мы охарактеризуем представления детей коренных жителей, учащихся 8–11 классов, об облике ребенка-мигранта. Поскольку адаптация – это двунаправленный, двухсторонний процесс, то это даст возможность оценить отношение к детям мигрантов их одноклассников, которые также являются активной стороной адаптационного процесса. Для получения данной информации нами был использован метод фокус-групп. Фокус-группы с учащимися немигрантами позволили выявить обобщенные портретные характеристики детей мигрантов, полученные с позиций их своеобразных оппонентов, т. е. принимающей стороны, что позволило охарактеризовать особенности их (мигрантов) адаптации и взаимодействия в школьном коллективе.

Социальный портрет детей мигрантов,
«нарисованный» учащимися – представителями коренного населения

Привлекательные черты	Раздражающие черты	Угрожающие черты
Доброжелательность, дружелюбие Доброта Общительность Чувство юмора Веселые, улыбчивые Оптимистичные Спокойные Красивые Преданность, верность Честность Харизма Сплоченность Взаимопомощь, взаимовыручка Стремление помочь Трудолюбие Целеустремленность Конкурентоспособность Занятие спортом Здоровый образ жизни Культура Религиозность Соблюдение традиций Стремление получить достойное образование Уважение к родителям, старшим Внешность Речь Всегда готовы прийти на помощь своим друзьям Внешность парней более мужественная Девушки более воспитанные и скромные Хорошая рабочая сила	Агрессивность Дерзость Навязывание другим своей точки зрения Неуважение к русским, особенно женщинам Жестокость, злость Конфликтность Частые перепады настроения, импульсивность Упрямство, гордость Чрезмерная уверенность в себе Самолюбие, обидчивость Наглость, невоспитанность Самовлюбленность Уважают только свои традиции, а с традициями других народов не считаются Демонстративное поведение Вредные привычки Символика своих стран На футболках Чужой язык, говорят при других на своем языке Считают себя выше других Хотят, чтобы все признавали их авторитет Не считаются с нашей культурой Неуважительное отношение к учителям Неграмотная речь, жаргон Угрозы Сильно уделяют внимание своей религиозности	Их слишком много Иногда одеваются как террористы – страшно Представляют угрозу населению нашей страны Склонность к преступлениям, криминалу Агрессивность Вандализм Вспыльчивость Склонность к применению силы Желание быть всегда впереди, даже если другие этого не хотят Иногда носят электрошокеры с собой Носят оружие (ножи)

Рисуя портретные черты детей мигрантов, учащиеся отвечали на вопрос, какие их качества являются привлекательными, а какие – раздражающими и угрожающими. Обобщенные данные представлены в табл. 1.

Выделенные нами портретные характеристики позволяют поставить проблему исследования феномена мигрантофобии. В данных суждениях представлен целый спектр различных видов мигрантофобии:

- «их» – мигрантов – слишком много, «они» покушаются на нашу территорию, постепенно вытесняют «нас»;
- «они» ведут себя нагло, как хозяева, устанавливают «у нас» свои порядки;
- «они» чужды нам, угрожают нашей культуре;
- «они» претендуют на созданное нами, принадлежащее нам;
- «они» криминальны, угрожают нашей безопасности.

Кроме того, здесь отчетливо проявляется стремление учащихся – коренных жителей – противостоять склонности отдельных мигрантских сообществ ХМАО – Югры к этнонациональному доминированию.

Сопоставим выявленные нами тенденции с результатами анкетного опроса учителей относительно страхов, этнических предрассудков, стереотипов мигрантофобии, характерных для местного населения и преподавательского сообщества (табл. 2).

Очень высокие проценты, характеризующие страхи и этнические предрассудки местного населения относительно мигрантов, особенно по таким показателям, как стремление устанавливать свои порядки (65,8 %), криминальность, угроза безопасности (45,4 %), территориальные притязания (40,8 %), свидетельствуют о скрытом или явном недружелюбии местного населения и латентно некомфортной среде для мигрантов.

Оценки собственных страхов и предрассудков у учителей в процентном отношении в 2–3 и более раз ниже, чем оценки отношения местного населения, что свидетельствует о том, что школа остается территорией толерантности по отношению к мигрантам и их детям.

В ходе нашего исследования для понимания уровня готовности к интеграции в социокультурную среду, выявления степени влияния на этот процесс этнонациональных барьеров, ограничений, стереотипов и предрассудков нами было осуществлено рассмотрение социальной дистанции, которую готовы допустить дети мигрантов во взаимодействии с представителями различных национально-этнических групп.

Таблица 2

Учителя о страхах, этнических предрассудках, стереотипах мигрантофобии, характерных для местного населения и преподавательского сообщества (в % к числу ответивших)

Страхи, предрассудки, стереотипы мигрантофобии	Характерны для	
	местного населения	преподавательского сообщества
«Они» – мигранты, расселяясь, покушаются на нашу территорию	40,8	6,2
Реально «их» больше, чем показывает статистика	47,2	28,2
«Они» претендуют на созданное нами, принадлежащее нам (школы, больницы, пенсии, пособия и т. д.)	24,3	12,0
«Они» криминальны, угрожают нашей безопасности	45,4	13,7
«Они» угрожают политической стабильности в регионе	20,1	9,1
«Они» более активны, предприимчивы, вытесняют нас из экономической жизни, захватывают рабочие места	37,3	12,0
«Они» чужды нам, угрожают нашей культуре	20,8	8,3
«Они» ведут себя нагло, как хозяева, устанавливают «у нас» свои порядки	65,8	23,2
«Они» живут лучше, чем мы	19,7	10,4
«Их» религия чужда и враждебна нам, нашему образу жизни	15,1	3,7
Ничто из перечисленного	12,3	38,2
ИТОГО	348,9	165,1

Примечание. Итоговая сумма превышает 100 %, поскольку данный вопрос является поливариантным.

При измерении этого признака использовалась шкала Богардуса (Emory S. Bogardus). Данная шкала традиционно применяется для измерения национальных установок. Смысл этой методики заключается в том, чтобы определить, на каком социальном расстоянии держит одна исследуемая группа другую, какой тип социальных отношений по тесноте и близости взаимодействия приемлем для различных, прежде всего, национальных сообществ. В нашем случае мы хотели замерить ве-

личину социального расстояния между детьми мигрантов ХМАО – Югры как социальной общности и представителями различных этнических групп, тем самым выявив уровень доверия между ними и влияние на него традиционных национально-этнических стереотипов.

Разработанная нами шкала суждений, характеризующих глубину (тесноту) социальных связей, в анкете была представлена в виде таблицы и предполагала ответ на вопрос: «Насколько близкие отношения допустимы для Вас с представителями различных национальных общностей?» (табл. 3).

Таблица 3

Шкала Богардуса, адаптированная для исследования детей мигрантов

	Брак, семья	Дружба	Быть соседями	Вместе учиться, работать	Жить в одном городе	Жить в одной стране	Не возражаю против их выезда из страны
Русские	1	2	3	4	5	6	7
Татары	1	2	3	4	5	6	7
Башкиры	1	2	3	4	5	6	7
Народы Северного Кавказа	1	2	3	4	5	6	7
Казахи	1	2	3	4	5	6	7
Узбеки	1	2	3	4	5	6	7
Таджики	1	2	3	4	5	6	7
Киргизы	1	2	3	4	5	6	7
Армяне	1	2	3	4	5	6	7
Азербайджанцы	1	2	3	4	5	6	7
Украинцы	1	2	3	4	5	6	7
Белорусы	1	2	3	4	5	6	7
Молдаване	1	2	3	4	5	6	7

Особенностью измерения по данной шкале является то, что каждое суждение включает в себя все последующие, но исключает предыдущее. Факт допустимости брака и семьи в отношениях между людьми допускает возможность и всех остальных типов отношений. Брак, семья – это минимально возможная дистанция (измеряется 1 баллом). Максимально допустимая дистанция, при которой для представителей данной этнической группы возможно ограничение доступа в страну, фиксируется 7 баллами.

В ходе исследования мы ставили перед собой задачу определить

социальную дистанцию с представителями разных этнических групп у детей мигрантов, а также у детей коренных жителей. Затем была осуществлена процедура сравнения полученных данных, которая представлена в табл. 4. В данной таблице приведены средние баллы по каждой группе, причем чем ближе среднее значение к 1, тем короче социальная дистанция, допустимая между указанными социальными группами.

Таблица 4

Социальная дистанция между респондентами (детьми мигрантов и коренных жителей) и представителями разных национальных общностей

Национальные общности	Дети мигрантов	Дети коренных жителей	В целом по выборке
Русские	2,59	1,66	1,75
Татары	3,26	3,10	3,11
Башкиры	3,53	3,37	3,38
Народы Северного Кавказа	2,63	3,66	3,56
Казахи	3,65	3,97	3,93
Узбеки	3,85	4,30	4,26
Таджики	3,78	4,50	4,43
Киргизы	3,74	4,38	4,32
Армяне	3,69	3,96	3,93
Азербайджанцы	3,20	3,80	3,75
Украинцы	3,47	3,11	3,15
Белорусы	3,75	3,29	3,34
Молдаване	3,73	3,65	3,66

Полученные результаты показали различия в предпочтениях детей мигрантов и коренных жителей. Для первых предпочитаемыми национальными общностями являются: народы Северного Кавказа – 2,63; русские – 2,59; азербайджанцы – 3,20; татары – 3,26; украинцы – 3,47. Для детей коренных жителей допустима иная иерархия: русские – 1,66; татары – 3,10; украинцы – 3,11; башкиры – 3,37; молдаване – 3,65. Для мигрантов в тройке предпочтений представители народов Северного Кавказа, русские и азербайджанцы. Для коренных жителей наиболее близки отношения с русскими, татарами и украинцами.

Необходимо отметить, что лояльность к русским характерна для обеих групп, хотя у детей мигрантов она выражена не так явно. Дру-

гой особенностью является то, что коренные жители демонстрируют значительно меньший уровень социального доверия отдельным национальным общностям (таджикам, киргизам, узбекам), тогда как группа мигрантов в целом толерантна по отношению ко всем этническим группам практически в равной степени. Именно этот факт дает возможность утверждать, что серьезных межнациональных барьеров, обусловленных особенностями национальной культуры и сформированными этнонациональными стереотипами сознания, у детей мигрантов нет и при правильно выстроенной воспитательной политике образовательного учреждения гарантирована успешность работы по формированию межнациональной толерантности.

Вместе с тем дальнейшее измерение социальной дистанции взаимодействия детей мигрантов и немигрантов показали, что у учащихся-мигрантов наиболее сильны внутринациональные связи, затем – межнациональные («межмигрантские») и, наконец, связи с учащимися – представителями коренного русскоязычного населения. Характеризуя особенности межнациональных отношений, проявляющихся в школе, педагоги отмечают, что дети мигрантов определенной национальности или групп национальностей более комфортно чувствуют себя объединившись.

Далее рассмотрим особенности сетевых взаимодействий детей мигрантов в школьном коллективе. Для понимания того, как включаются дети мигрантов в структуру межличностных взаимодействий в классе, нами были проведены социометрические опросы классов младшего, среднего и старшего звена школ округа, которые являются «мигрантскими» (с высоким процентом или даже доминированием детей мигрантов в классе). Критерием для социометрического опроса был вопрос: «Если ваш класс будут расформировывать, а потом создавать вновь, с кем бы ты хотел продолжить учиться, а с кем нет?» Результаты социометрического опроса показали, что в структуре межличностных отношений в классе доминируют взаимосвязи детей мигрантов разных национальностей. На ранних этапах адаптации они в меньшей степени склонны контактировать с учащимися – представителями коренного населения – и взаимодействуют друг с другом по принципу общности «мигрантской судьбы».

«Когда я только приехала, то в классе у нас было много нерусских девочек, мы все быстро передружились между собой, и все стало хорошо».

Нами была выявлена тенденция роста индексов социометрического статуса и эмоциональной экспансивности у детей мигрантов с увеличением их числа в классе. С нашей точки зрения, такая структура межличностных отношений приводит не столько к проблемам адаптации детей мигрантов в стране приема, сколько к явным или латентным конфликтным ситуациям в школьном коллективе.

В нашем исследовании мы выявили наличие в школьных коллективах межнациональных конфликтов между детьми мигрантов и коренных жителей. Школа – важнейшее звено в формировании этих отношений. Ее деятельность во многом определяет уровень культуры самих детей, закладывает перспективы их будущего развития. Школа при работе с детьми мигрантов сталкивается с проблемами высокой степени сложности, поскольку призвана создавать модель толерантных отношений в локальных рамках образовательного учреждения, используя для этого стратегии и методы, которые являются итогом кропотливого ежедневного труда и педагогического творчества. Реализация этой модели – залог успешной социальной адаптации детей мигрантов. Вместе с тем школа – живой организм, педагоги ежедневно сталкиваются с новыми ситуациями, оперативное решение которых далеко не всегда дает позитивные результаты.

По оценкам респондентов, уровень остроты проблем отношений между мигрантами и немигрантами в школе, степень их сложности, многоплановости педагоги часто недооценивают и замалчивают. Они далеко не всегда склонны рефлексировать по этому поводу, выстраивая межличностные отношения с учащимися-мигрантами. Сталкиваясь с ситуацией межнациональных противоречий, они не в полной мере понимают глубину и характер конфликта, ищут способы оптимизации взаимоотношений между учащимися, порой не имея для этого достаточных ресурсов (культурных, интеллектуальных, организационных, методических и др.). Часто педагоги не осознают, что проблемы взаимодействия между детьми мигрантов и немигрантов, ушедшие «внутрь», маскируемые, становятся латентными причинами многих непрогнозируемых поступков и проявлений в отношениях между детьми в учебном коллективе, а также между учащимися и учителями.

Рассогласования между ними отчетливо видны в материалах нашего исследования. Прежде всего, это проявление негативного этноцентризма с демонстрацией взаимного неприятия и собственного превосходства, а также комплекс противоречий конкурентного харак-

тера, связанного с противопоставлением друг другу различных этносов, и интолерантное восприятие ими друг друга.

В округе накоплен большой опыт разработки концепции и создания системы образовательной и воспитательной деятельности по формированию толерантности в рамках отдельных образовательных учреждений. Создание модели «Школа – территория толерантности» реализуется параллельно усилиям муниципалитетов и общественных организаций, активно работающих в этом же направлении в конкретных населенных пунктах (национальные фестивали, праздники и мероприятия разного уровня, работа с диаспорами и др.). Анализ результатов исследования показывает ограниченность возможностей школы для решения проблем социальной адаптации детей мигрантов потому, что эти проблемы транслируются той социальной средой, в которой живут учащиеся (наличие социального неравенства, правовая незащищенность, ограниченный доступ к социальным услугам и т. д.). Так, проблемы мигрантофобии привносятся в школу извне и проявляются в ней в специфических формах. Примеры проявления этих проблем видны сквозь черты социального портрета детей мигрантов, «нарисованного» учащимися – представителями коренного населения – на фокус-группах, проведенных в «мигрантских» (с большим числом детей мигрантов) и обычных школах.

Педагоги и администрация образовательных учреждений все более осознают, что в условиях роста миграции целесообразно создание комплексной системы воспитательной и образовательной работы по социальной адаптации и формированию культуры толерантности. Речь идет не просто о проведении отдельных мероприятий, но и переосмыслении содержания образования, методов педагогической деятельности сквозь призму проблематики отношений между детьми мигрантов и немигрантов. Базовой составляющей данной системы должна стать работа с учителями, имеющая социокультурную и социально-психологическую направленность. Эффективность этой деятельности будет напрямую зависеть от работы педагогов над собой, получения ими новых знаний, формирования новых профессиональных и личностных качеств, профессионального роста.

Педагоги отмечают, что не обладают широким спектром возможностей воздействия на детей мигрантов, но понимание особенностей их национальной культуры и национального характера создает социально-психологические и социально-педагогические предпосыл-

ки для выстраивания отношений и с ребенком, и с родителями. Нет сомнений в том, что специальная психолого-педагогическая и социокультурная подготовка была бы чрезвычайно полезной педагогам, укрепила, расширила и обосновала бы те педагогические прозрения и интуитивные находки, которые составляют основу социально-педагогического взаимодействия с детьми мигрантов. Учителям необходимы также знания и определенные навыки социально-психологической реабилитации детей мигрантов, прибывших из зон военных конфликтов. Понимание уровня сложности проблемы позволит педагогу вовремя организовать работу специалистов-психологов с такими детьми.

Педагоги высоко оценивают реализацию воспитательной работы через организацию внеучебных мероприятий: конкурсов, праздников, фестивалей – посвященных национальным культурам. Эти мероприятия не только знакомят учащихся с культурой других народов, но и дают возможность увидеть ее проявления в своих одноклассниках – людях, которые их окружают ежедневно. Вместе с тем эти мероприятия не затрагивают сути социальных проблем мигрантов, а поэтому и не снимают уровня социальной напряженности как в обществе, так и в школьном сообществе.

Опыт исследования показал, что практически каждая школа в округе имеет серьезные проекты по формированию культуры толерантности. Эти проекты позволяют решать проблемы в каждом отдельном образовательном учреждении и разрабатываются в зависимости от уровня потребности в них и степени остроты проблем социальной адаптации детей мигрантов. Педагоги считают, что проблема формирования культуры толерантности непреходящая. Она относится к тому типу проблем, решить которые раз и навсегда невозможно в силу того, что меняется ситуация, увеличивается миграционный поток, в школу приходят все новые и новые дети мигрантов

Необходимо отметить, что система образования округа ХМАО – Югры эффективно решает проблему обучения детей мигрантов. Новые вызовы времени требуют оперативного решения новых проблем, которые либо уже актуализированы, либо назревают, превращаются в угрозы и риски развития не только сферы образования, но и целого ряда социальных подсистем, общества в целом.

Постановка вопроса о системном подходе к социальной адаптации детей мигрантов является важным результатом нашего исследо-

вания. Причем мы не склонны считать, что на уровне управления образованием этой системы нет. Она, безусловно, есть, и до определенного времени давала возможность эффективно работать, но те принципы и формы организации, на которых она была построена, уже не позволяют реагировать на новые вызовы и вновь назревшие проблемы. И прежде всего, потому, что те задачи, которые были делегированы образовательным учреждениям, уже невозможно решать только на их уровне. Школа исчерпала собственные резервы (финансовые, временные, трудовые, организационные), которые позволили бы ей комплексно решать вопросы обучения и адаптации детей мигрантов. Требуется совершенствование правовой, нормативной базы, касающейся финансирования, поиск новых путей и способов взаимодействия школы с системой дополнительного образования и культуры, семьей, органами опеки и попечительства, внутренних дел, УФМС, общественными этническими объединениями и т. д. Другими словами, необходима управленческая воля относительно выстраивания системы отношений образовательного учреждения, которое само уже не может решать комплекс сложных проблем, выходящих за рамки его компетенции, с другими структурами.

Н. О. Южакова

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В особом внимании со стороны государства нуждаются проблемы развития, защиты и поддержки культурных интересов и потребностей молодежи по ряду причин. Во-первых, молодежь – это один из главных ресурсов социального развития. А это значит, что от того, насколько культурным, образованным, духовно и нравственно развитым является сегодня молодое поколение, завтра во многом будет зависеть уровень развития нашего общества и качество жизни. Во-вторых, юношеский период – очень важный этап в жизни личности, время ее становления и самоопределения. В-третьих, молодежь – один из наименее социально защищенных слоев, особенно в условиях полярного расслоения современного российского общества по уровням дохода. Молодежь является наиболее перспективной и влиятельной социальной силой общества, его стратегическим ресурсом. Сту-

денты – одна из наиболее динамичных групп, в которой заложен существенный потенциал социального обновления и развития.

Культура выполняет многообразные и ответственные социальные функции. В ней воплощены способности общества в каждый конкретный исторический период обеспечивать функционирование общественной жизни. Эти способности характеризуются уровнем достигнутых знаний, умением практически их применять и использовать в созидательных целях совершенствования социальной жизни. Культура есть мера человеческого в человеке. Именно поэтому она пронизывает все общество, проявляясь во всех сферах человеческой деятельности. Достаточно серьезной проблемой является выявление представлений самой молодежи о культуре и критериях культурного человека.

Это и определило основную цель исследования: изучить средствами социологического анализа культурные потребности и запросы современной молодежи и выработать основные направления совершенствования культурного обслуживания с учетом удовлетворения культурных потребностей молодежи.

В качестве объекта исследования выступала современная молодежь как потребитель культурных благ. Метод исследования – социологический опрос молодежи по проблемам культурных потребностей и запросов. В качестве основного инструментария использовалась анкета. В качестве интервьюеров выступали студенты младших курсов технических, гуманитарных и социально-экономических специальностей УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Общий объем выборки – 287 человек.

Значительная часть студенческой молодежи ориентирована на физически активные формы досуга. В общей сложности эти виды досуга предпочитают 2/3 опрошенных. В число наиболее характерных для студентов и популярных у них видов досуга входят посещения (в порядке убывания регулярности): 1) кинотеатров; 2) спортивных учреждений и соревнований; 3) дискотек и ночных клубов. Поход в кино привлекает респондентов как возможность пообщаться, выйти «в свет», увидеть что-то новое, необычное. Ориентация значительной части студентов на оздоровительный досуг сегодня весьма актуальна ввиду активной пропаганды здорового образа жизни.

Как негативную тенденцию в досуговых ориентациях студентов следует отметить незначительный интерес к изобразительному искус-

ству и музыкальной классике. Музеи и выставки регулярно посещают лишь 9 % опрошенных, что почти в 7 раз меньше числа респондентов, предпочитающих проводить время в кинотеатрах, спортивных учреждениях, на дискотеках. Отсутствие интереса к посещению библиотек связано с повсеместным распространением сети Интернет, ее доступностью, возможностью найти любую интересующую информацию, не выходя из дома, наличием электронных библиотек.

Л. Н. Коган, приступая в 1972 г. к работе над разделом о духовной культуре в «Комплексном плане развития Свердловской области до 1990–2000 годов», сформулировал ряд соображений о направлениях развития учреждений культуры на ближайшие 20–30 лет¹. Для Когана как человека «театрального» важное место в прогнозе занимал театр. Основным его вывод: при всех обстоятельствах театр, безусловно, останется одним из главных учреждений культуры на весь перспективный период. Прогноз Когана в отношении перспектив театра подтвердился лишь отчасти. В рамках инерционных, эволюционных изменений в обществе и культуре (на что был рассчитан и на что единственно мог быть сориентирован прогноз Когана) этот прогноз оказался предвестником того «театрального бума», который возник в конце 1980-х гг. Подобно тому, как «оттепель» ассоциируется с популярностью поэзии, начало перестройки может соотноситься с бумом интереса к театру в условиях падения цензуры. Однако переход к рынку и коммерциализация культуры оказали на развитие театра сложное и противоречивое действие.

Вырисовывается достаточно грустная, но реальная картина. Для довольно значительной части молодежи театр практически выпадает из активной культурной жизни. Половина студентов (53 %) практически не посещает театр. К ним можно добавить и тех, кто иногда бывает в театре (42 %). Регулярно посещают театры лишь 5 %. Негативно сказывается на интересе к театру и изменение репертуарной политики телевидения: из телепрограмм, к сожалению, в последние годы практически исчезли передачи о театральном искусстве и телеспектакли. И тем не менее практически каждые три из четырех опрошенных высказали пожелание посещать театр чаще.

¹ Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск: Ср.-Урал. изд-во, 1972.

Преимущественную ориентацию значительной части молодежи на развлекательно-релаксационный досуг подтверждают и ответы на вопрос о мотивах посещения культурно-досуговых учреждений. Практически три из четырех опрошенных посещают учреждения досуга с целью получить новые впечатления и эмоции; более двух третей студентов видят в досуге возможность отдохнуть от дел, снять напряжение; чуть более половины студентов предпочитают весело провести время; каждый третий стремится узнать что-то новое или расширить круг знакомств, пообщаться.

Среди побудительных мотивов посещения учреждений культуры и досуга на первом месте у студентов из разных форм поселений стоит желание получить новые впечатления, эмоции, на втором – отдохнуть от дел, снять напряжение. Студенты из сел, поселков городского типа в отличие от респондентов из других форм поселений, посещают учреждения культуры и досуга из интереса к искусству, чтобы узнать что-то новое, полезное.

Важнейший аспект анализа состояния культурного обслуживания – удовлетворенность (неудовлетворенность) этим обслуживанием. Конечно, показатели удовлетворенности (неудовлетворенности) во многом субъективны. Степень удовлетворенности не может быть единственным критерием оценки эффективности работы учреждений культуры. С другой стороны, сами потребители в значительной мере именно соображениями удовлетворенности (неудовлетворенности) руководствуются в своем выборе форм и видом культурно-досуговой деятельности.

Наши респонденты – реальные клиенты различных учреждений культуры и досуга, т. е. они уже свой выбор сделали. Важно отметить, что лишь 2 % опрошенных не удовлетворены уровнем культурного обслуживания.

Студенческий досуг характеризуется комбинированностью, сочетанием различных занятий и увлечений. Интересы и пристрастия молодого поколения отнюдь не ограничиваются одними лишь развлечениями. Такие формы повышения культурного уровня, как чтение (каждый второй), изучение иностранного языка (более половины опрошенных), самообразование (каждый третий) свидетельствуют о наличии значимой развивающей компоненты в досуговой деятельности современной молодежи. Развивающая компонента молодежного досуга проявляет себя в стремлении реализовать свои культурные,

гражданские потребности. Эта тенденция подтверждается наличием таких форм повышения культурного уровня, как посещение концертов, спектаклей (41 % опрошенных), музеев, выставок (27 % опрошенных), проявление интереса к политике (20 % опрошенных), желание научиться играть на музыкальных инструментах (23 % опрошенных). То есть определенная часть студентов нацелена на активное социальное и общественное участие.

Условно перспективные намерения респондентов можно поделить на две группы:

1. Первая – предполагает более интенсивное посещение учреждений культуры и более активное участие в их работе. Прежде всего это касается театрально-концертной деятельности – 2 из каждых 5 респондентов хотели бы чаще посещать концерты и спектакли. А это значит, что у театров, клубных и концертных учреждений весьма значительный круг потенциальных посетителей. Вторым в этом потенциальном круге идут просмотры кино- и видеофильмов. Об этом желании высказался каждый третий. Несколько меньше потенциальных посетителей музеев, выставок (каждый четвертый). Чаще бывать во Дворце культуры, клубе желает каждый восемнадцатый. Впрочем, их число реально даже больше – к нему можно было бы добавить (при условии активизации этой работы) тех, кто хотел бы активнее заниматься техническим творчеством (каждый пятый) и художественной самодеятельностью (каждый седьмой). Гораздо меньше перспектив у таких занятий в учреждениях культуры и досуга, как посещение лекций и бесед.

2. Вторая группа включает в себя стремление к более разнообразным формам самореализации личности. Здесь на первом месте стремление изучить иностранный язык (59 % опрошенных). Далее в ряду приоритетов желание больше читать (46 % опрошенных), заниматься самообразованием (32 % опрошенных), научиться играть на музыкальном инструменте, овладеть нотной грамотой (23 % опрошенных). Несколько меньше желающих больше интересоваться политикой (20 % опрошенных), овладеть основами правовых знаний (19 % опрошенных), рыночной экономики (18% опрошенных; среди студентов гуманитарного профиля обучения этот показателя в 1,4 раза выше, чем среди студентов технических специальностей), научиться рисовать (14 % опрошенных). Очень ограничен круг студентов, желающих лучше познакомиться с историей культуры своего народа и с па-

мятниками истории и культуры «малой Родины» (10 % опрошенных), заниматься коллекционированием (7 % опрошенных), религией (5 % опрошенных). Конечно, речь идет, прежде всего, об индивидуальных, личностных ориентациях. Но у учреждений культуры (возможно, в сотрудничестве с образовательными учреждениями) есть возможность предложить молодежи организованные, институциональные формы реализации своих культурных желаний и стремлений.

Одним из признаков устойчивости культурных интересов и потребностей личности является интенсивность ее приобщения к культурно-досуговой деятельности. Анализ результатов опроса молодежи позволил выявить следующие тенденции:

- 1) в число наиболее посещаемых студентами учреждений и форм досуга попали кинотеатры. На втором месте оказались спортивные учреждения и соревнования, на третьем – дискотеки и ночные клубы;
- 2) весьма актуальна ориентация современной молодежи на оздоровительный досуг;
- 3) к числу мало посещаемых студентами культурно-досуговых мероприятий и учреждений относятся театры, филармония, цирк, гастроли театров и популярных исполнителей (15 % из всего массива опрошенных).

Социологическое исследование не должно сводиться только к описанию и анализу сегодняшнего состояния изучаемых социокультурных процессов. На основе такой социальной диагностики должен быть осуществлен и прогноз. Оценки и предложения современной молодежи по поводу сегодняшней ситуации и перспектив развития, выявленные в ходе исследования, нужно соотносить с четким представлением об имеющихся ресурсах и возможностях. Перспективы развития учреждений культуры и досуга связаны с учетом двух взаимопереплетающихся, но не сводимых друг к другу групп факторов:

- что препятствует, мешает чаще посещать учреждения культуры и досуга;
- что может привлечь в учреждения культуры и досуга новых посетителей.

Культурное пространство страны можно определить как развивающуюся систему культурных потребностей. Оно характеризуется динамичностью, способностью к саморазвитию. Кризис в культуре, интерпретируемый как негативный этап либо как неизбежный момент в ее развитии, по сути представляет изменение процентного содержания презентаций различных слоев актуальной культуры.

Конкретизацией общекультурных интересов студенчества выступают его досуговые ориентации. Досуговые ориентации современного студенчества не поддаются однозначной характеристике. В условиях углубляющейся стратификации общества, растущей социальной дифференциации молодежи, коммерциализации сферы культуры усиливаются различия между богатым, содержательным досугом у одной части молодежи и бедным досугом – у другой. У одних досуговые ориентации многообразны, у других отличаются бездуховностью, у третьих никак не проявляются.

Все препятствия, мешающие чаще посещать учреждения культуры и досуга, можно разделить на *личностные* (связаны с самим человеком) и *институциональные* (связаны с работой учреждения культуры). Соотношение этих препятствий, судя по ответам респондентов, 8:1 в «пользу» личностных. Среди них традиционные ссылки на нехватку свободного времени, материальные затруднения, усталость после учебы, отсутствие подходящей компании, территориальную отдаленность от дома. Тут что-то изменить работники учреждений культуры вряд ли могут. Расширение и обогащение культурного уровня студентов напрямую связано с нехваткой свободного времени, чтобы чаще посещать учреждения культуры. Возможно, студенты занимаются на курсах, подрабатывают, некоторые сами зарабатывают на платное обучение.

Обращает внимание ряд характерных особенностей:

- материальные затруднения возрастают от более крупных по численности населения городов к более мелким, поселкам и селам. В Екатеринбурге, других крупных городах уровень доходов выше, чем в поселках, селам. Поэтому материальная составляющая для жителей крупных городов находится на 3 месте;
- усталость после работы, учебы, наоборот, возрастает от более мелких по численности населения городов, поселков и сел к наиболее крупным. Бешеный ритм жизни крупных городов захватывает молодежь в поисках дополнительного заработка. Студенты, начиная с III-го курса, подрабатывают, некоторые сами зарабатывают на платное обучение. Нередко студенты учатся в одном районе города, живут в другом, работают в третьем.

Негативным и немаловажным фактором, влияющим на тип и качество досуга, на доступность тех или иных его форм, являются и материальные возможности. Рыночные отношения двояко воздействуют

на культурную активность молодежи: многие занятия становятся малодоступными из-за материальных затруднений (это отметил каждый третий студент). Культурные запросы отодвигаются на периферию жизненных интересов. Проблемы организации и содержательного наполнения досуговой деятельности занимают сегодня одно из последних мест в числе наиболее волнующих молодежь острых, социальных проблем. Однако вряд ли стоит недооценивать значимость досуговых проблем для молодежи. Безусловно, на фоне трудного материального положения, обеспокоенности по поводу возможной безработицы, личной и социальной безопасности, здоровья и других не менее острых личных и социальных проблем досуг и его условия отходят на задний план. Вместе с тем досуговая деятельность является одной из важнейших сфер самореализации, самоутверждения молодого человека, каналом вхождения в мир культурных ценностей, своеобразной компенсационной нишей, в которой личность черпает силы, восстанавливает душевное равновесие, реализует психологический комфорт. Кроме того, невнимание к досуговым проблемам молодежи открывает возможности для реализации различных асоциальных, девиантных форм проведения досуга – алкоголизму, наркомании, насилию, проституции и т. п. И в этом плане, студенчество в силу своей социальной и возрастной специфики в определенной мере принадлежит к группе риска.

Но нельзя не обратить внимание на то, что каждый шестой сослался на «другие увлечения». Тем самым у учреждений культуры появляется определенный неиспользованный ресурс – дать возможность реализовать свое увлечение в клубе, клубном формировании. Проблема возможности более широкого привлечения в учреждения культуры и досуга требует выделения разных групп факторов, способных повлиять на стремление молодежи в той или иной форме включиться в организованную (учреждениями культуры) культурно-досуговую деятельность, а именно:

- устранение препятствий, мешающих людям посещать (чаще посещать) учреждения культуры;
- улучшение уже имеющихся форм и видов культурно-досуговой деятельности;
- расширение спектра культурных услуг и развитие новых форм и видов культурно-досуговой деятельности.

Четко выделяются разные группы аудитории учреждений куль-

туры и досуга:

- первая – это *активные* посетители. Они считают, что часто посещают учреждения культуры и досуга. Их удельный вес в рамках нашего исследования – каждый десятый. Причем и юноши, и девушки здесь сошлись во мнениях (по 9 % опрошенных);
- вторую группу составляют те, кто посещают учреждения культуры и досуга *редко или вообще не посещают*. Их удельный вес в рамках нашего исследования – 10 % опрошенных. Их позиция: «Вряд ли учреждения культуры и досуга могут меня чем-нибудь привлечь». Здесь мнения юношей и девушек разделились. 3 % опрошенных девушек и 17 % юношей посещают учреждения культуры и досуга редко или вообще не посещают;
- наиболее многочисленную группу (5/6) составляют *ситуативные* посетители. Их более частый и регулярный приход в учреждения культуры возможен, но при определенных условиях.

Результаты исследования позволяют выявить эти условия:

- из традиционных форм чаще всего отмечаются *массовые праздники и представления*. Если учесть, что эти клубные мероприятия наиболее посещаемые, то можно сказать: это направление работы учреждений культуры и досуга в перспективе должно оставаться приоритетным. Видимо, именно яркая зрелищность может привлечь потенциальных посетителей в учреждения культуры и досуга. Причем среди девушек потребность в массовых мероприятиях в 2 раза выше, чем у юношей;
- как весьма перспективная рассматривается респондентами (каждый пятый) возможность *войти в клубное сообщество*, расширить круг знакомств; развитие и совершенствование семейного досуга. Сегодня ориентация на семейный досуг преобладает у девушек (они в 1,5 раза чаще юношей отмечали эту форму досуга как способную привлечь в клуб). Но, возможно, развитие семейного досуга сможет положительно повлиять и на ориентации юношей;
- совершенствоваться должен и *дифференцированный подход*. Он подразумевает ориентацию на группы по интересам – расширение выбора любительских клубов (на это особенно сориентированы юноши, они в 2 раза чаще отмечали эту форму досуга), кружков технического творчества (на это сориентированы только студенты технического профиля обучения), вечера национальной культуры, фольклорные

праздники. Важно при этом иметь в виду: без квалифицированных руководителей такие формы работы не могут быть долговременными и успешными;

- определенная часть молодежи (это отметил каждый восьмой) готова *принять и платные услуги, если спектр этих услуг будет расширяться*;
- о необходимости *активного включения в новые рыночные отношения* говорят респонденты (каждый восемнадцатый), желающие прийти на ярмарку, выставку, продажу, аукцион. Эта потребность больше преобладает у девушек, они в 1,5 раза чаще юношей отмечали этот вариант ответа.

Одним из факторов, не удовлетворяющих студентов в работе учреждений культуры, является *дороговизна их посещения*. Уровень обеспеченности является важнейшим фактором выбора того или иного типа проведения свободного времени.

Почти каждый четвертый не только говорит об отсутствии претензий к учреждениям культуры, но и позитивно оценивает нелегкий добросовестный труд их работников.

Поучителен и «рейтинг претензий» посетителей к учреждениям культуры. На первом месте – посещение учреждений культуры стало довольно дорогим. Эта претензия (высказанная практически каждым вторым), дополняется ограниченностью выбора занятий и мероприятий (отметил каждый шестой). Коммерциализация культуры, несоответствие растущей платы за культурные услуги возможностям значительной части молодежи – эти претензии отражают серьезнейшую проблему (особенно для монопрофильных, узкофункциональных учреждений культуры) – как сочетать реально растущее разнообразие запросов и интересов аудитории и ограниченность материально-финансовых ресурсов? В итоге разрыв между культурными запросами молодых и возможностями их удовлетворить увеличивается. В следующем ряду претензий – скучное проведение мероприятий, не учитывается специфика культурных запросов, неравномерность распределения учреждений культуры по территории – их отметил каждый третий из всех опрошенных. Однако ссылки на объективные причины неудовлетворенности не должны прикрывать важное позитивное изменение последних лет: формализм, ограниченность учреждений культуры, отсутствие квалифицированных работников явно отошли на второй план. Еще один важный момент – студенты придают все боль-

шее значение хорошо выполненной и своевременной рекламе.

Социокультурное развитие личности определяется и объективными возможностями, и субъективными желаниями, стремлениями, ориентациями. Поэтому столь важно выяснить, как соотносятся и взаимодействуют обе эти группы факторов. Своеобразным инструментом такого анализа может служить вопрос о том, что препятствует дальнейшему культурному росту респондентов.

Результаты опроса отражают довольно устойчивые стереотипы, фиксируемые с незначительными вариациями во многих исследованиях 1990–2000-х гг.¹ Особенно устойчивы такие приоритеты, как нехватка свободного времени, материальные трудности, социально-физиологические причины. Стремясь подзаработать, студенты вынуждены тратить на это дополнительное время и силы. Примечательно, что в общем ряду препятствий культурному росту студентов на задний план отодвинулись недостатки в работе учреждений культуры (их отметили только 3 % опрошенных). Практически не остается свободного времени по ряду причин: занятость учебой (сказывается напряженный график занятий), семейные заботы (для определенной части студентов). Конечно, дефицит времени у этой группы респондентов оказывает стрессогенное влияние на личность студента, создает особую напряженность жизни. Вместе с тем можно понять желание этих студентов успеть всюду.

Наибольшую потребность молодежь испытывает в спортивных залах (почти 40 % опрошенных): спорт является базовой ценностью в жизни молодежи. В последние годы в крупных городах появилось немало таких спортзалов. Только в г. Екатеринбурге их насчитывается более 40. В настоящее время бесплатных спортивных секций практически не существует, возникли многочисленные платные секции, обеспечивающие эту потребность молодежи. Отсюда можно высказать предположение, что молодежь не устраивает не столько количественный дефицит физкультурно-спортивных учреждений, сколько высокая плата за предоставляемые этими учреждениями услуги. Правильность этого предположения подтверждает ответ респондентов на вопрос о том, какие платные услуги учреждений культуры и досуга

¹ Культурные запросы населения и оптимизация управления деятельностью учреждений культуры. Информационно-аналитические материалы социологического исследования. М. : ИМХО, 2005.

они готовы оплачивать. Более 1/3 опрошенных дали ответ – спортивно-оздоровительные занятия. Значительная часть респондентов (1/5) ощущает нехватку современно оборудованных кинозалов. Почти каждый пятый опрошенный предпочел бы более комфортные условия для своих досуговых занятий. Явно не хватает молодежи и специализированных клубов, нормальных условий для общения по интересам. Неорганизованные досуговые занятия отражают стремление молодежи к общению, особенно к общению по интересам, со сверстниками, друзьями.

Позиции, как видим, достаточно противоречивы. С одной стороны, сохраняется идущая от советских времен надежда на помощь учреждениям культуры со стороны предприятий и организаций («шефство»). Но в условиях развития рыночных отношений лишь немногие предприятия сохранили свои ведомственные учреждения культуры, большинство же передало их на баланс муниципальных образований. С другой стороны, появились и новые надежды – на спонсоров и меценатов (у каждого третьего). Но все-таки – и это отражает реализм наших респондентов – большинство понимает, что главный источник финансирования государственный бюджет. Незначительная часть респондентов в качестве перспективного источника финансирования отметили собственную коммерческую деятельность учреждений культуры.

На ориентации респондентов влияют реальные изменения в социально-экономической жизни, в деловой и профессиональной активности. С этим связано стремление к освоению иностранных языков, основам предпринимательства и маркетинга, права. В ценностных ориентациях современной молодежи на первое место вышло здоровье, что и определило высокую степень значимости спортивно-оздоровительных занятий, обучение танцам и ритмике, нетрадиционным видам спорта. Впрочем, на все эти ориентации влияет *мода*. Последними в ряду студенческих предпочтений стоят различные любительские занятия, преимущественно художественного характера: обучение игре на музыкальных инструментах, кино- и фотоделу, шитью, вязанию и вышиванию, изобразительному и прикладному искусству. Как мы видим, респонденты готовы оплатить довольно большой набор культурных услуг, которые способны предоставить культурно-досуговые учреждения (в сотрудничестве с учреждениями другой ведомственной принадлежности – образовательными и физкультурно-

спортивными учреждениями).

Молодежный досуг подразумевает свободный выбор личностью досуговых занятий. Он является необходимым и неотъемлемым элементом образа жизни человека. Поэтому досуг всегда рассматривается как реализация интересов личности, связанных с саморазвитием, самореализацией, общением.

Система организации досуга определяется интересами и потребностями молодых людей в свободное время. Потребности в сфере досуга имеют определенную последовательность проявления. Удовлетворение одной потребности порождает обычно новую. Это позволяет менять вид деятельности и обогащать досуг. В сфере досуга должен осуществляться переход от простых форм деятельности ко все более сложным, от пассивного отдыха к активному, от удовлетворения социальных и культурных стремлений к духовным наслаждениям, от пассивного усвоения культурных потребностей к творчеству.

В целом проведенный нами анализ подтверждает известный факт, что культурные вкусы и интересы молодежи необходимо формировать. И в этой связи низкий интерес у значительной части студентов к развивающему досугу и общению с классикой объясняется явной недостаточностью внимания к проблемам общекультурного воспитания и развития молодежи. В свое время Н. А. Бердяев писал: «Культура поднимает человека из варварского состояния». Для этого надо приложить усилия, но это жизненно важно для государства. Как известно, «пропуски» в культурном образовании и воспитании личности отрицательно сказываются на здоровье и стабильности всего общества¹.

¹ Цит. по: Арнольдов А. И. Культура и горизонты XXI века // Вестник МГУКИ. 2003. № 1. С. 16.

НАШИ АВТОРЫ

Вишневский Ю. Р. – д-р филос. наук, проф., завкафедрой социологии и социальных технологий управления (СиСТУ) УрФУ, председатель Уральского отделения Российского общества социологов (РОС).

Акулич М. М. – д-р социол. наук, проф., завкафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (ТюмГУ).

Амбарова П. А. – канд. социол. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Антипов А. Г. – д-р социол. наук, проф. кафедры социологии и политологии Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

Багирова А. П. – д-р экон. наук, канд. социол. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Банникова Л. Н. – д-р социол. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Барзгова Е. С. – д-р филос. наук, проф. Уральского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС).

Батырева М. В. – канд. социол. наук, доц. кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ.

Берзин Б. Ю. – д-р филос. наук, проф. кафедры теории и социологии управления Уральского института РАНХиГС.

Богданова Д. В. – мл. науч. сотр. лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС.

Боронина Л. Н. – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Ваторопин А. С. – д-р социол. наук, проф. кафедры теории и социологии управления Уральского института РАНХиГС.

Вишневский С. Ю. – д-р филос. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Гаврилюк В. В. – д-р социол. наук, проф., директор Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета.

Голенкова З. Т. – д-р филос. наук, проф., руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Российской академии наук (РАН).

Горшков М. К. – д-р социол. наук, проф., акад. РАН, директор Института социологии РАН.

Грунт Е. В. – д-р филос. наук, проф. кафедры прикладной социологии УрФУ.

Гуськов Д. В. – ст. преподаватель кафедры прикладной информатики, соискатель кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Дзевенис А. А. – канд. филос. наук, проф. Дальневосточного государственного аграрного университета.

Заборова Е. Н. – д-р социол. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Зайцева Е. В. – канд. социол. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Запарий В. В. – д-р ист. наук, проф., завкафедрой истории науки и техники УрФУ.

Зборовский Г. Е. – д-р филос. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ, вице-президент РОС.

Зырянова В. М. – канд. филос. наук, доц. кафедры истории и философии Челябинского филиала РАНХиГС.

Зырянов С. Г. – д-р полит. наук, проф., директор Челябинского филиала РАНХиГС.

Игитханян Е. Д. – канд. филос. наук, ведущий науч. сотр. Института социологии РАН.

Качайнова Н. Б. – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Кислов А. Г. – д-р филос. наук, проф., заместитель директора Института социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ).

Кораблева Г. Б. – д-р социол. наук, проф., завкафедрой теории и истории социологии УрФУ.

Лахтионова Е. С. – канд. ист. наук, доц. кафедры истории науки и техники УрФУ.

Лесина Л. А. – канд. социол. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Личман Б. В. – д-р ист. наук, проф. Уральского института экономики, управления и права.

Мансуров В. А. – д-р филос. наук, проф., президент РОС, заместитель директора Института социологии РАН.

Меренков А. В. – д-р филос. наук, проф., директор департамента политологии и социологии УрФУ.

Мокроносов Г. В. – д-р филос. наук, проф. кафедры философии УрФУ.

Нархов Д. Ю. – ст. преподаватель кафедры организации работы с молодежью УрФУ.

Ольховиков К. М. – д-р филос. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Ольховикова С. В. – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Певная М. В. – канд. социол. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Петров А. Ю. – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Попов А. А. – соискатель кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Проказин В. В. – канд. социол. наук, доц., проректор Амурского государственного университета.

Разинский Г. В. – ст. науч. сотр., заведующий социологической лабораторией Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ).

Саралиева З. Х.-М. – д-р ист. наук, проф., завкафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Слюсарянский М. А. – д-р филос. наук, проф., завкафедрой социологии и политологии (ПНИПУ).

Стегний В. Н. – д-р социол. наук, проф., декан гуманитарного факультета ПНИПУ.

Талалаева Г. В. – д-р мед. наук, проф. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Тощенко Ж. Т. – д-р филос. наук, проф., завкафедрой теории и истории социологии, декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), почетный д-р Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования».

Трухачев В. В. – канд. пед. наук, доц. кафедры социологии и СТУ УрФУ.

Файзуллин Ф. С. – д-р филос. наук, проф., завкафедрой философии Уфимского государственного авиационного технического университета.

Хузина А. Х. – аспирант Уральского института РАНХиГС.

Чевтаева Н. Г. – д-р социол. наук, проф., завкафедрой управления персоналом Уральского института РАНХиГС.

Шайдарова Е. С. – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Шапко В. Т. – (1940–2009) д-р социол. наук, проф.

Шмурыгина О. В. – ст. преподаватель кафедры права РГППУ.

Шуклина Е. А. – д-р социол. наук, проф. кафедры социологии Гуманитарного университета, директор Центра социологических и маркетинговых исследований.

Юрченко О. В. – канд. соц. наук, ст. науч. сотр. Института социологии РАН.

Яковлева С. А. – руководитель аппарата Счетной палаты Свердловской области.

Библиография научных работ профессора Ю. Р. Вишневого

1958 год

Вишневский Ю. Р. Из истории торгово-промышленного развития Благовещенска (доклад на студенческой конференции НСО БГПИ): рукопись.

1959 год

Вишневский Ю. Р. Из истории названий улиц Благовещенска (докл. на II межвуз. конф. Благовещенска, посвящ. 100-летию города) / Ю. Р. Вишневский // Благовещенску 100 лет (1858–1958): сб. док. и матер. Благовещенск, 1959. С. 457.

1966 год

Вишневский Ю. Р. Эстетические вкусы рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Молодой рабочий. Н. Тагил, 1966. С. 85–93.

1967 год

Вишневский Ю. Р. Образовательные интересы рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Общественный интерес и личность. Свердловск, 1967. С. 116–132.

Вишневский Ю. Р. Стимулы рабочей молодежи к знаниям // Молодежь и социализм: тез. докл. Всесоюз. науч.-теорет. конф. (секция № 6). М., 1967. С. 136–140.

Вишневский Ю. Р. Моральный облик советского рабочего (рец. на кн. : Моральный облик советского рабочего) / Ю. Р. Вишневский // Политическое самообразование. 1967. № 2. С. 136–138. М., 1967

Вишневский Ю. Р. О показателях культурного уровня рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Духовное развитие личности. Свердловск, 1967. С. 115–126.

Вишневский Ю. Р. Некоторые вопросы методики, техники и организации исследования культурного уровня рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Молодежь: труд, учеба, досуг : сб.ст., Свердловск, 1967. С. 198–212.

Вишневский Ю. Р. Интересное исследование проблем коммунистической культуры (рец. на кн. : Коммунизм и культура) / Ю. Р. Вишневский // Философские науки. 1967. № 2. С. 178–180. М., 1966.

1968 год

Вишневский Ю. Р. Модель культурного уровня рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Молодежь: труд, учеба, досуг : сб.ст. Свердловск, 1968. Вып. 2. С. 114–123.

Вишневский Ю. Р. Изучение культурного уровня рабочей молодежи как социологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю. Р. Вишневский. Свердловск: УрГУ, 1968. 23 с.

1969 год

Вишневский Ю. Р. Категория «счастье» в общественном и индивидуальном сознании / Ю. Р. Вишневский // Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969. С. 150–154.

Вишневский Ю. Р. О методах изучения уровня образования рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Социологические проблемы труда и образования : матер. науч. конф. Рига, 1969. Вып. III. С. 91–98.

Вишневский Ю. Р. Рабочая молодежь как социальная категория / Ю.Р. Вишневский, Л. Н. Коган // Молодежь: труд, учеба, досуг. Свердловск, 1969. Вып. 3. С. 3–17.

Вишневский Ю. Р. О некоторых вопросах изучения общеобразовательного уровня рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Проблемы общего образования трудящихся промышленных

предприятий Урала. Свердловск, 1969. С. 99–108.

Вишневский Ю. Р. Духовные интересы молодежи / Ю. Р. Вишневский // Молодежь: ее интересы, стремления, идеалы. М., 1969. С. 89–139.

Вишневский Ю. Р. Ленинизм и проблемы духовной жизни рабочего класса СССР / Ю. Р. Вишневский // Философские науки. 1969. № 3. С. 163–166.

1970 год

Вишневский Ю. Р. Модель культурного уровня группы как метод управления развитием духовной культуры / Ю. Р. Вишневский // В. И. Ленин и проблемы научного управления социалистическим обществом : матер. теорет. конф. (секция V). Красноярск, 1970. С. 20–28.

Вишневский Ю. Р. О типологическом анализе культурного уровня социальной группы / Ю. Р. Вишневский // Проблемы духовной жизни рабочего класса СССР. Свердловск, 1970. С. 36–41.

Вишневский Ю. Р. Научно-технический прогресс и образование молодых рабочих / Ю. Р. Вишневский // Экономические и социальные проблемы развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1970. С. 31–37.

1971 год

Вишневский Ю. Р. Критика буржуазной теории субкультуры / Ю. Р. Вишневский // Ленин и развитие социалистической культуры : матер. Всесоюз. симп. Ташкент, 1971. С. 454–462.

Вишневский Ю. Р. В. И. Ленин о культуре и культурной революции / Ю. Р. Вишневский // Вопросы развития социалистического общества. Свердловск, 1971. С. 64–73.

1972 год

Коган Л. Н. Очерки теории социалистической культуры / Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский. Свердловск, 1972. 168 с.

Коган Л. Н. Понятия «духовная культура», «духовная жизнь» общества и их содержание / Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский // Духовный мир советского рабочего. М., 1972. С. 26–47.

Коган Л. Н. Методологические проблемы исследования духовной жизни советского рабочего / Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский // Духовный мир советского рабочего. М., 1972. С. 48–72.

Вишневский Ю. Р. Становление нравственной нормы коммунистического отношения к труду / Ю. Р. Вишневский // Научно-практическая конференция по вопросу воспитания у молодежи коммунистического отношения к труду. Свердловск, 1972. С. 114–121.

Вишневский Ю. Р. Ориентация молодежи на политические ценности социализма / Ю. Р. Вишневский // Вопросы социальной и профессиональной ориентации молодежи. Свердловск, 1972. С. 42–55.

Вишневский Ю. Р. Культурная среда / Ю. Р. Вишневский // Социологические исследования. Свердловск, 1972. Вып. 4.

1973 год

Архангельский Л. М. Объект исследования – нравственное сознание / Л. М. Архангельский, Ю. Р. Вишневский // Структура морали. Свердловск, 1973. Вып. 2. С. 23–47.

Вишневский Ю. Р. Проблемы распространения культуры в современной польской социологии / Ю. Р. Вишневский // Научно-методические проблемы развития и размещения производительных сил крупного экономического района (секция 60). Свердловск, 1973. С. 36–39.

1974 год

Вишневский Ю. Р. Подлинное и мнимое единство культуры (Единая социалистическая культура и буржуазные концепции единой культуры) / Ю. Р. Вишневский. М., Знание, 1974. 64 с.

Вишневский Ю. Р. В. И. Ленин о роли молодежи в революционном движении и современная

идеологическая борьба / Ю. Р. Вишневский // Ленин и молодежь: Всесоюз. науч. конф. (секция 16). М., 1974. С. 36–45.

Вишневский Ю. Р. Из истории советской социологии культуры (по материалам исследований духовной жизни молодежи 20–30-х годов) / Ю. Р. Вишневский // Социологические исследования проблем духовной жизни трудящихся Урала. Свердловск, 1974. С. 160–168.

Вишневский Ю. Р. Тенденции развития культурного уровня рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский // Молодежь крупного индустриального центра. Н. Тагил. 1974. С. 38–47.

Вишневский Ю. Р. Критика буржуазных концепций культуры / Ю. Р. Вишневский // Проблемы духовной культуры. Свердловск, 1974. С. 73–101.

Вишневский Ю. Р. Реферат кн.: Сарапат А. Проблема профессионального продвижения / Ю. Р. Вишневский // Проблемы социальной мобильности за рубежом. М., 1974. Ч. 2. С. 73–78.

Vishnevsky U. R. Metodologicke problemy vyskumy duchovneho zivota robotnickey triedy / U. R. Vishnevsky // Sociologia. 1974. № 4.

1975 год

Вишневский Ю. Р. О некоторых вопросах изучения культурной среды личности / Ю. Р. Вишневский // Человек и среда. Свердловск, 1975. С. 157–160.

Вишневский Ю. Р. Критика буржуазных концепций «кризиса культуры» (о культурологической теории Э. Фромма и А. Монтегю) / Ю. Р. Вишневский // Социологические проблемы образования и духовной культуры. Свердловск, 1975. Вып. 1. С. 5–105.

Вишневский Ю. Р. Физическая культура в системе культуры социализма и некоторые вопросы социологии спорта / Ю. Р. Вишневский // Социологические проблемы образования и духовной культуры. Свердловск, 1975. Вып. 1. С. 39–51.

Wishnevsky U. R. The Subject of our Study / U. R. Wishnevsky, L. N. Kogan // The Cultural Life of the Soviet Working Class. М., 1975.

1976 год

Вишневский Ю. Р. Культурная интеграция стран социализма / Ю. Р. Вишневский, И. И. Кроневальд // Социологические проблемы образования и духовной культуры. Свердловск, 1975. Вып. II. С. 51–70.

Вишневский Ю. Р. Рекомендации городской научно-практической конференции «Пути повышения эффективности нравственного воспитания молодежи в свете требований XXV съезда КПСС» / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Н. Тагил, 1977. 20 с.

1977 год

Вишневский Ю. Р. Диалектика социально-экономических и культурных различий / Ю. Р. Вишневский // Усиление социальной однородности советского общества. М., 1977. С. 142–151.

Вишневский Ю. Р. Единство культуры социализма как объект социологического исследования / Ю. Р. Вишневский // Вторые Уральские социологические чтения : тез. докл. Свердловск, 1977. С. 145–149.

Вишневский Ю. Р. XXV съезд КПСС и актуальные задачи критики буржуазных концепций единой культуры / Ю. Р. Вишневский // XXV съезд КПСС и актуальные проблемы социального развития советского общества : матер. I Уральских социол. чтений. Ижевск, 1977. С. 301–304.

Вишневский Ю. Р. Политклуб в системе коммунистического воспитания студентов / Ю. Р. Вишневский // Проблемы повышения общественной активности будущего учителя в процессе обучения в педвузе. Пермь, 1977. Ч. 3. С. 38–43.

Вишневский Ю. Р. Мифы буржуазных концепций «молодежной культуры» / Ю. Р. Вишнев-

ский // Социологические проблемы формирования личности, Свердловск. 1977. С. 92–108.
Вишневский Ю. Р. План развития культуры микрорайона как форма социального планирования / Ю. Р. Вишневский // Социальная политика КПСС и развитие социалистического образа жизни в условиях крупного промышленного города. Н. Тагил, 1977. С. 82–84.

1978 год

Вишневский Ю. Р. Единство социалистического образа жизни / Ю. Р. Вишневский // Проблемы изучения социалистического образа жизни. Свердловск, 1978. С. 17–23.
Вишневский Ю. Р. Единство культуры как отражение растущей социальной однородности в условиях крупного промышленного города / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социальная структура городского населения СССР : тез. докл. Уфа, 1978. С. 160–164.

1979 год

Вишневский Ю. Р. О понятии «единство» / Ю. Р. Вишневский // Философские науки. 1979. № 2. С. 109–112.
Вишневский Ю. Р. Ценностные ориентации в системе единой социалистической культуры / Ю. Р. Вишневский // Ценностные ориентации социалистического общества. Л, 1979. С. 29.
Вишневский Ю. Р. Единство социалистической культуры и всестороннее развитие личности / Ю. Р. Вишневский // Философско-социологические проблемы формирования личности. Свердловск, 1979. С. 44–55.
Вишневский Ю. Р. Культурная среда рабочего района как фактор развития социалистического образа жизни / Ю. Р. Вишневский // Социалистический образ жизни и проблемы образования. Свердловск, 1979. С. 86–100.

1980 год

Вишневский Ю. Р. Опыт исследования политической культуры населения индустриального города / Ю. Р. Вишневский. Свердловск, 1980. 72 с.
Вишневский Ю. Р. Интегрирующая роль рабочего класса и развитие политической культуры / Ю. Р. Вишневский // Политическая культура развитого социализма : пути и средства формирования (секция 1). Свердловск, 1980. С. 3–5.
Вишневский Ю. Р. Общественно-политическая деятельность молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Комплексная программа Свердловской областной комсомольской организации по дальнейшему совершенствованию идейно-политического, трудового и нравственного воспитания молодежи. Свердловск, 1980. С. 45–56.
Вишневский Ю. Р. Тип культуры / Ю. Р. Вишневский // Социологические проблемы развитого социализма : тез. докл. III Урал. социол. чтений. Оренбург, 1980. С. 5–9.
Вишневский Ю. Р. Становление и развитие единства социалистической культуры и критика буржуазных теорий «единой культуры» : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск, 1980. 36 с.
Wishnevsky U. R. Politische Kultur des entwickelten Sozialismus / U. R. Wishnevsky // Neues Leben. 1980.

1981 год

Вишневский Ю. Р. Ответственность перед коллективом и культурная активность личности / Ю. Р. Вишневский // Возрастание роли трудового коллектива в воспитании ответственности и активной жизненной позиции личности в условиях развитого социализма. Н. Тагил, 1981. С. 52–54.
Вишневский Ю. Р. Единство политической культуры социалистического общества как отражение его растущей социальной однородности / Ю. Р. Вишневский // Методологические вопросы исследования социальной структуры советского общества. М., 1981. Вып. 2. С. 19–22.

Вишневский Ю. Р. Культурные запросы города / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Советская Россия. 1981. 16 января.

Вишневский Ю. Р. Рекомендации научно-практической конференции «Возрастание роли трудового коллектива в воспитании ответственности и активной жизненной позиции личности в условиях развитого социализма» / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Н. Тагил, 1981. 10 с.

Вишневский Ю. Р. Целостность культуры и культурный комплекс / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого (на предприятии, в городе, регионе). Пермь, 1981. Ч. 1. С. 78–81.

Вишневский Ю. Р. Философия – «живая душа» культуры (к вопросу о предмете философии) / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Предмет философии и система философского знания : тез. межвуз. конф. Челябинск, 1981. С. 52–55.

1982 год

Вишневский Ю. Р. Культура и творческая деятельность / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Культура и творчество : тез. конф. Горький, 1982.

Вишневский Ю. Р. Чувство хозяина как черта социалистической политической культуры / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Тезисы IV Уральских социологических чтений. Пермь, 1982. С. 32–42.

Коган Л. Н. Политическая культура развитого социализма : проблемы и опыт / Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Свердловск, 1982. 176 с.

Вишневский Ю. Р. Особенности политической культуры рабочей молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Коммунистическое воспитание рабочей и студенческой молодежи в свете решений XXVI съезда КПСС. Магнитогорск, 1982. С. 13–15.

Вишневский Ю. Р. Трудовой коллектив и воспитание социальной активности / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 209–211.

Вишневский Ю. Р. К вопросу об едином определении понятия «культура» / Ю. Р. Вишневский // Совершенствование общественных отношений и социалистического образа жизни в условиях развитого социализма в свете решений XXVI съезда КПСС : тез. докл. и выступлений к респуб. конф. Свердловск, 1982. Ч. II. С. 3–6.

1983 год

Вишневский Ю. Р. Пути совершенствования социалистического соревнования на предприятиях Кировского района Свердловска (рекомендации по итогам конкретно-социологического исследования) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Свердловск, 1983. 28 с.

Вишневский Ю. Р. О некоторых аспектах развития атеистической культуры молодежи // Актуальные проблемы совершенствования общественных отношений и хозяйственного механизма : тез. докл. Свердловск, 1983. С. 114–116.

Вишневский Ю. Р. Развитой социализм : метод. указания к семин. занятиям по науч. коммунизму / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Свердловск, 1983. Ч. 1. 52 с.

Вишневский Ю. Р. XXVI съезд КПСС о путях формирования высокой политической культуры трудящихся / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы культуры. Свердловск, 1983. С. 3–14.

Вишневский Ю. Р. Развитие производственной демократии – важное условие управления социальными процессами / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социальное управление : тез. докл. Уфа, 1983. С. 31–33.

Вишневский Ю. Р. Система образования и углубление единства социалистического образа жизни / Ю. Р. Вишневский // Социалистический образ жизни и проблемы образования. Свердловск, 1983. С. 13–24.

Вишневский Ю. Р. Система образования и формирование социалистической «концепции жизни» / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социалистический образ жизни и проблемы об-

разования. Свердловск, 1983. С. 102–107.

Вклад социологов в экономическое и социальное развитие индустриального региона. Круглый стол журнала «Социологические исследования». 1983. № 2. С. 170.

1984 год

Вишневский Ю. Р. Буржуазные концепции политической культуры: проблемы, тенденции, ограниченность / Ю. Р. Вишневский // Политическая культура социализма. Фрунзе, 1984. С. 400–434.

Вишневский Ю. Р. Некоторые методологические проблемы взаимосвязи коллективности и экономической культуры работника / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Коллективность, экономическое поведение работника и закон о трудовых коллективах : тез. науч.-практ. конф. Пермь, 1984. С. 106–108.

Вишневский Ю. Р. Самореализация личности в общественно-политической деятельности / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социально-культурные предпосылки самореализации личности в социалистическом обществе. Свердловск, 1984. С. 88–109.

Вишневский Ю. Р. Самодеятельный социальный эксперимент – молодежный жилой комплекс (диалектика социального контроля и активности личности в сфере быта) / Ю. Р. Вишневский, В. И. Попов, Т. Б. Суворова. Свердловск, 1984. 33 с. (в ИНИОН АН СССР 26.11.84. № 18823)

1985 год

Вишневский Ю. Р. Самодеятельный коллективный эксперимент? / Ю. Р. Вишневский, В. И. Попов // Социологические исследования. 1985. № 1. С. 55–57.

Вишневский Ю. Р. Единство социалистической культуры – системный подход / Ю. Р. Вишневский, Т. Б. Суворова // Системный подход в изучении социалистической культуры. Новосибирск, 1985. С. 44–53.

Вишневский Ю. Р. Развитой социализм : метод. указания к семин. занятиям по науч. коммунизму. Ч. II / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Свердловск, 1985. 44 с.

Вишневский Ю. Р. Методические указания по изучению первоисточников в курсе научного коммунизма / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Свердловск, 1985. 44 с.

Вишневский Ю. Р. Политическая культура как система / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Сущность и особенности формирования политической культуры в условиях развитого социалистического общества. Челябинск, 1985. С. 3–17.

Вишневский Ю. Р. Система народного образования и развитие коллективности как черты социалистического образа жизни / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социалистический образ жизни и проблемы образования. Свердловск, 1985. С. 33–41.

Вишневский Ю. Р. Социальный потенциал бригадного подряда / Ю. Р. Вишневский, Г. Б. Кораблева // Научно-технический прогресс и социальные проблемы трудового коллектива. Свердловск, 1985. С. 30–32.

Вишневский Ю. Р. Комплексная программа «Подряд» как инструмент социального управления / Ю. Р. Вишневский, Г. Б. Кораблева // Социальные и социально-психологические процессы в производственном коллективе : вопросы изучения, планирования и управления. Красноярск, 1985. С. 95–101.

Вишневский Ю. Р. Учебный план и планы семинарских занятий I курса отделения хозяйственных руководителей (филиал Кировского района) / Ю. Р. Вишневский, Н. М. Батин, Г. Д. Харлампович. Свердловск, 1985. 30 с.

1986 год

Вишневский Ю. Р. Свободное время в двух измерениях / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Советская Россия. 1986. 4 сентября.

Вишневский Ю. Р. Противоречие «быть – иметь» и социалистические общественные отношения / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Человек в системе социалистических обществен-

ных отношений, Свердловск, 1986. С. 51–66.

Вишневский Ю. Р. Проблема идеального и современная культурология / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы идеологического обеспечения научно-технического прогресса. Свердловск, 1986. С. 147–149.

Вишневский Ю. Р. Перспектива – культурный комплекс / Ю. Р. Вишневский // XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы развития социалистической культуры. Тюмень, 1986. С. 30–32.

Вишневский Ю. Р. Эффективность идейно-воспитательной работы в производственном коллективе / Ю. Р. Вишневский // Кардинальный рост эффективности – главный фактор ускорения социально-экономического развития. Свердловск, 1986. Ч. II. С. 152–153.

Вишневский Ю. Р. Непрерывное образование – закономерность развития социалистического образа жизни / Ю. Р. Вишневский // Социалистический образ жизни и образование. Свердловск, 1986. С. 114–122.

Вишневский Ю. Р. Совершенствование организации социалистического соревнования: комплексный подход / Ю. Р. Вишневский // XXVII съезд КПСС и проблемы развития советской социологии (VI Уральские социологические чтения). Челябинск, 1986. Ч. 1. С. 167–169.

Вишневский Ю. Р. Рабочая программа по курсу «Промышленная социология» / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Свердловск, 1986. 17 с.

Вишневский Ю. Р. Некоторые проблемы подготовки молодежи к браку и семейной жизни / Ю. Р. Вишневский, Е. И. Павлова // Развитие и стабилизация молодой семьи (конкретно-социологическое исследование). Свердловск, 1986. С. 82–90.

Вишневский Ю. Р. Планы семинарских занятий : метод. указания к семин. занятиям по науч. коммунизму / Ю. Р. Вишневский [и др.] Свердловск, 1986. 32 с.

Вишневский Ю. Р. Преемственность изучения первоисточников в курсах общественных наук : метод. указания по изучению материалов XXVII съезда КПСС в курсе науч. коммунизма / Ю. Р. Вишневский [и др.] Свердловск, 1986. 34 с.

1987 год

Вишневский Ю. Р. Социальные аспекты ускорения НТП / Ю. Р. Вишневский // Социально-экономические факторы ускорения научно-технического прогресса : тез. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1987. Ч. 1. С. 11–15.

Вишневский Ю. Р. Введение / Ю. Р. Вишневский // Научно-технический прогресс и проблемы трудового коллектива в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. Свердловск, 1987. С. 3–4.

Вишневский Ю. Р. Потребительство как антипод духовно богатой личности / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Духовное богатство социалистического общества : матер. науч.-практ. конф. Балаково, 1987. С. 70–73.

Вишневский Ю. Р. Роль молодежи в современном обществе / Ю. Р. Вишневский // Пропуск в XXI век. Свердловск, 1987. С. 139–142.

1988 год

Вишневский Ю. Р. Ради чего мы работаем : социологический очерк / Ю. Р. Вишневский. Свердловск, 1988. 176 с.

Вишневский Ю. Р. Критика антикоммунизма по проблемам становления и развития теории научного коммунизма : метод. указания для самостоятельной работы студентов / Ю. Р. Вишневский Свердловск, 1988. 16 с.

Вишневский Ю. Р. Учебный план и планы семинарских занятий II курса хозяйственных руководителей / Ю. Р. Вишневский, О. Н. Дунаев, С. А. Тимофеев. Свердловск, 1988. 18 с.

1989 год

- Вишневский Ю. Р.* Кто у кого в долгу? / Ю. Р. Вишневский // Комсомолец. 1989. № 22. С. 4–5.
- Вишневский Ю. Р.* Качество социально-экономической информации и формирование современного типа работника / Ю. Р. Вишневский // Научно-технический прогресс и социальные проблемы трудового коллектива на современном этапе : тез. докл. Свердловск, 1989. С. 110–112.
- Вишневский Ю. Р.* Легко ли быть молодым? / Ю. Р. Вишневский // Социологические исследования. 1989. № 3. С. 129–131.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы выбора рабочей профессии / Ю. Р. Вишневский, Л. Г. Пихоя // Воспитание рабочей молодежи: опыт, проблемы, пути. Пермь, 1989. С. 12–19.
- Вишневский Ю. Р.* Закон о предприятии в зеркале мнений / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии : матер. VII Уральских социол. чтений. Ижевск, 1989.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальная культура – инновации и стереотипы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Перестройка в духовной сфере: сущностные черты, проблемы и пути их решения : матер. конф. Красноярск, 1989. С. 58–62.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы марксизма-ленинизма. Программа спецкурса / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Свердловск, 1989. 20 с.
- Вишневский Ю. Р.* Сущность социальной справедливости и некоторые проблемы ее укрепления в процессе перестройки : метод. указания / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Свердловск, 1989. 26 с.
- Вишневский Ю. Р.* Трудовой коллектив – центральное звено перестройки / Ю. Р. Вишневский, Г. Б. Кораблева // Человеческий фактор в системе социалистических общественных отношений. Свердловск, 1989. С. 13–25.
- Вишневский Ю. Р.* Социалистический плюрализм: сущность и перспективы : докл на первой междунар. политол. шк. : Обзор. см.: Первая международная политологическая школа // Социально-политический журнал. 1990. № 6.

1990 год

- Вишневский Ю. Р.* Социологи предприятий в условиях перестройки : метод. рекомендации и результаты организационно-деятельностной игры / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Челябинск, 1990. С. 16–20, 24–25, 50–55, 68–69, 78–82.
- Вишневский Ю. Р.* Социальные проблемы монгольских студентов в советском вузе : мотивация выбора, подготовка к учебе и жизни в СССР, адаптация (по материалам социологического исследования) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Свердловск, 1990. 24 с.
- Вишневский Ю. Р.* Социализм – культура – отчуждение / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Демократия как важнейшее условие развития культуры : тез. докл. и выступлений. Барнаул, 1990. Ч. 1. С. 11–15.

1991 год

- Вишневский Ю. Р.* Переоценка ценностей: драма идей и людей / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социология – народному хозяйству и культуре страны (секция V). Курган, 1991. С. 3–5.
- Вишневский Ю. Р.* Плюрализм в условиях перехода от тоталитаризма к демократии / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Политические отношения в советском обществе : тез. докл. и выступлений науч.-теорет. конф. «Советское общество : прошлое, настоящее, будущее». Челябинск, 1991. Ч. V. С. 3–13.
- Вишневский Ю. Р.* Политическая культура учащихся ПТУ : проблемы и пути формирования / Ю. Р. Вишневский, Л. С. Якурнова // Социальная активность рабочей молодежи: состояние, проблемы и пути их решения. Пермь, 1991. С. 22–38.

Вишневский Ю. Р. Молодежь и культурные стереотипы / Ю. Р. Вишневский // Советская культура и развитие человека : тез. докл. науч.-практ. конф. Пермь, 1991. С. 171–173.
Молодежь России: историко-социологический аспект : материалы конф. / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Челябинск, 1991.
Молодежь России и рынок : информ.-аналит. отчет по итогам социол. исслед. / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, Челябинск, 1991.
Вишневский Ю. Р. Молодое поколение выбирает... / Ю. Р. Вишневский // На смену. 1991. 31 мая.

1992 год

Вишневский Ю. Р. Что в образе твоём? Молодежь в зеркале социологии / Ю. Р. Вишневский // На смену. 1992. 20 ноября.
Вишневский Ю. Р. Тоталитаризм – культура – человек / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Политическая власть в России: ее судьба и перспективы реформ. Ч. III. Челябинск, 1992. С. 111–118.
Вишневский Ю. Р. Образование: время перемен. Екатеринбург / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Н. Тагил, 1992. 133 с.
Вишневский Ю. Р. Молодежь – образование – рынок / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 1992. 145 с.
Вишневский Ю. Р. Система образования Свердловской области: проблемы, тенденции и перспективы : информ.-аналит. отчет по материалам социол. исследований / Ю. Р. Вишневский. Ч. I–II. Екатеринбург, 1992. 250 с.

1993 год

Вишневский Ю. Р. Молодое поколение: оплатите векселя ваших обещаний / Ю. Р. Вишневский // Вечерний Екатеринбург. 1993. 11 декабря.
Вишневский Ю. Р. Предисловие / Ю. Р. Вишневский // Человек – общество – культура : докл. и выступл. участников юбилейной конф., посвящ. 70-летию акад. РАЕН, проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург, 1993. С. 3–6.
Вишневский Ю. Р. Социология : рабочая прогр. и метод. рекомендации к контр. работам для студентов вечер. и заоч. форм обучения всех специальностей / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Ч. 1. Екатеринбург, 1993. 38 с.
Вишневский Ю. Р. Социология : программа спецкурсов / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1993. 34 с.
Вишневский Ю. Р. Государственная молодежная политика в Свердловской области / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1993. С. 3–5, 45–46.
Вишневский Ю. Р. Социальный портрет молодежи крупного индустриального центра информ.-аналит. отчет по матер. социол. исслед. / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, Н. Тагил, 1993. 129 с.
Вишневский Ю. Р. Социальный портрет молодежи крупного индустриального центра / Ю. Р. Вишневский [и др.]. // ИЗМ. 1993. № 3. С. 89–95.
Вишневский Ю. Р. Городской учитель – социально-профессиональный портрет. Информ.-аналит. отчет по материалам социол. исслед. в Нижнем Тагиле / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, Н. Тагил, 1993. 192 с.
Вишневский Ю. Р. От какого наследства мы не отказываемся? / Ю. Р. Вишневский, Л. Д. Митрофанов // Обновление России: общество – образование – молодежь – культура: матер. науч.-практ. конф. // Екатеринбург, 1993. С. 3–5.
Вишневский Ю. Р. Горожане о приватизации : крат. отчет по итогам экспресс-опроса жителей Екатеринбурга / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Обновление России: общество – образование – молодежь – культура : мат. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию каф. социологии и

политологии УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 1993. С. 46–50.

Вишневский Ю. Р. Горожане о местных средствах массовой информации : крат. отчет по итогам экспресс-опроса жителей Екатеринбурга / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Обновление России: общество – образование – молодежь – культура : мат. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию кафедры социологии и политологии. Екатеринбург, 1993. С. 122–126.

Вишневский Ю. Р. Эмпирическая интерпретация понятия «культура» : опыт исторической реконструкции / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Обновление России: общество – образование – молодежь – культура : матер. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию каф. социологии и политологии. Екатеринбург, 1993. С. 46–50.

Вишневский Ю. Р. Политические ориентации будущих учителей / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социальные и эмпирические детерминанты российской цивилизации. Челябинск, 1993. С. 159–162.

Вишневский Ю. Р. Молодое поколение: «Оплатите векселя ваших обещаний» (об отчете «Социальный портрет молодежи Верх-Исетского района») / Ю. Р. Вишневский // Вечерний Екатеринбург. 1993. 11 декабря.

Вишневский Ю. Р. Концепция формирования национально-регионального содержания образования / Ю. Р. Вишневский, Л. М. Андрюхина, В. Т. Шапко // Региональное образование. 1993. № 4. С. 46–49.

1994 год

Вишневский Ю. Р. Подростковые клубы: проблемы, тенденции, перспективы : информ.-аналит. отчет по итогам социол. исслед. / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1994. 88 с.

Вишневский Ю. Р. Свердловская область: региональное образовательное пространство информ.-аналит. отчет по материалам социол. исслед. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 1994. 256 с.

Вишневский Ю. Р. Уральская социология: время перемен / Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский // Наука Урала. 1994. № 5.

Вишневский Ю. Р. Социология : курс лекций для техн. вузов. Екатеринбург, 1994.

Вишневский Ю. Р. Региональный компонент образования в общественном мнении учительства / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 1994. 8 с.

Вишневский Ю. Р. Основа реформ – реформы в образовании / Ю. Р. Вишневский // Власть, общество и политика в России : докл. и выступления на конф. «Реформы в России: уральский вариант». Екатеринбург, 1994. Ч. 1. С. 46–68.

Вишневский Ю. Р. Оптимизация кадрового потенциала производственного коллектива метод. матер. по результатам комплекс. социол. исслед. / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Репринт. В. Салда, 1994. 57 с.

1995 год

Вишневский Ю. Р. Социология : метод. указания, контр. задания к практ. занятиям для студентов всех форм обучения всех специальностей / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1995. 24 с.

Андрюхина Л. М. Региональный компонент образования : от унификации к разнообразию / Л. М. Андрюхина, Ю. Р. Вишневский // Народное образование. 1995. № 10. С. 14–16.

Вишневский Ю. Р. Социокультурные ориентации учителей области / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Н. Тагил, 1995. 19 с.

Вишневский Ю. Р. Образ культуры в представлениях учащейся молодежи / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Круглый стол «Образование и культура» в рамках всемирной конференции под эгидой ЮНЕСКО «Культурное достояние Урала и Сибири» : тез. докл. и выступл. Красноуфимск, 1995. С. 24–25.

Vishnevsky Y. R. Student's Concept of a Cultural Person // World conference of UNESCO «Cultural heritage of the Urals and Siberia» / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Круглый стол «Образование и культура» в рамках всемирной конференции под эгидой ЮНЕСКО «Культурное достояние Урала и Сибири». Екатеринбург, 1995.

Вишневский Ю. Р. Социальная защита работников системы образования и учащихся Свердловской области : проект региональной концепции / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1995. 51 с.

Вишневский Ю. Р. Студент–95 : социальный портрет : информ.-аналит. отчет по матер. социол. исслед. (Екатеринбург, весна 1995 г.) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1995. 52 с.

Вишневский Ю. Р. Совершенствование системы профессиональной ориентации школьников Екатеринбурга в условиях становления рынка труда : информ.-аналит. отчет по итогам социол. исслед. (весна 1995 г.) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1995. 84 с.

Вишневский Ю. Р. Социология молодежи : учеб. пособие / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, Н. Тагил, 1995. 311 с.

Вишневский Ю. Р. Социология : учеб.-метод. пособие / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Вып. 1. Екатеринбург, 1995. С. 4–17, 35–112.

Вишневский Ю. Р. Рабочие программы по курсу социологии менеджмента / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1995. 43 с.

1996 год

Вишневский Ю. Р. Кадровый потенциал образовательного комплекса района: состояние и пути оптимизации : информ.-аналит. отчет / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1996. 94 с.

Вишневский Ю. Р. Образование: социологический подход / Ю. Р. Вишневский, А. Ю. Белькова // Философия и социология образования на пороге XXI века : тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1996. С. 51–53.

Вишневский Ю. Р. Профессиональное самоопределение студентов и профессиональный статус педагога / Ю. Р. Вишневский, А. Ю. Белькова // Молодой россиянин на пороге XXI века : социокультурное измерение. Н. Тагил, 1996. С. 61–69.

Вишневский Ю. Р. Кадровый потенциал образовательного комплекса района: состояние и пути оптимизации / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 1996. 94 с.

Вишневский Ю. Р. Экономическая культура молодежи : проблемы, тенденции / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, В. Т. Шапко // Молодежь – будущее России : тез. докл. X Уральских социол. чтений. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 26–32.

Вишневский Ю. Р. Молодежь – будущее России : тез. докл. X Уральских социол. чтений. Ч. I / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1996. 112 с.

Вишневский Ю. Р. Молодежь – будущее России : тез. докл. X Уральских социологических чтений. Ч. II / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1996. 96 с.

Вишневский Ю. Р. Молодые социологи о социальных проблемах молодежи / науч. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1996. 68 с.

Вишневский Ю. Р. Учащиеся ПТУ : ценностные ориентации / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, В. Т. Шапко // Ценности и идеология в современной России : тез. докл. Екатеринбург, 1996. С. 49–55.

Вишневский Ю. Р. Молодежь Среднего Урала / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1996. 96 с.

Вишневский Ю. Р. Система образования города Красноуфимска : социокультурное пространство : информ.-аналит. отчет по матер. социол. исслед. / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Красноуфимск, Екатеринбург, 1996. 99 с.

Вишневский Ю. Р. Межпоколенческий диалог : социологический подход / Ю. Р. Вишнев-

ский, В. Т. Шапко. СПб., 1996.

Вишневский Ю. Р. Политические ориентации учащейся молодежи / Ю. Р. Вишневский [и др.]. СПб., 1996.

Вишневский Ю. Р. Политические позиции молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Проблемы социально-политического развития в современной России. Челябинск, 1996. С. 3.

Вишневский Ю. Р. Малый город : социокультурные и ценностные ориентации учащихся / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала : матер. междунар. науч. конф. Соликамск, 1996. С. 118–120.

Вишневский Ю. Р. Школа + информация + культура = Школа информационной культуры / Ю. Р. Вишневский, А. Ю. Балтина, Н. Г. Чевтаева. Екатеринбург, 1996. 47 с.

Вишневский Ю. Р. Социология – это взаимопонимание / Ю. Р. Вишневский, И. Н. Домрачева // На смену. 1996. 10 сентября.

1997 год

Вишневский Ю. Р. Учителя – дети – родители – на пути к взаимопониманию / Ю. Р. Вишневский, А. Ю. Балтина, Н. Г. Чевтаева // Школа + информация + культура = Школа информационной культуры. Екатеринбург, 1997. Вып. 2. С. 41–51.

Вишневский Ю. Р. Подростковые клубы: перспективы развития : информ.-аналит. отчет по результатам социол. исслед. / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1997. 97 с.

Вишневский Ю. Р. Современный студент: выбор профессии и рыночные установки // Проблемы воспитания студентов в современном вузе : тез. докл. второй межвузовской науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14 марта 1997 г.). Екатеринбург, 1997. Ч. II. С. 4–11.

Вишневский Ю. Р. Внеучебная работа со студентами : сотрудничество администрации вуза и профсоюзной организации / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Проблемы воспитания студентов в современном вузе : тез. докл. второй межвузовской науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14 марта 1997 г.). Екатеринбург, 1997. Ч. II. С. 117–125.

Вишневский Ю. Р. Высшее техническое образование : личностный аспект / Ю. Р. Вишневский, А. Ю. Белькова, В. Т. Шапко // Интеграция академической науки и высшего гуманитарного образования : матер. рос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 220–221.

Вишневский Ю. Р. УГТУ–УПИ : Люди, годы, проблемы – профсоюзная жизнь / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1997. 576 с.

Вишневский Ю. Р. Социальное развитие молодежи на Среднем Урале : состояние и перспективы : докл. Комитета по делам молодежи Правительству Свердловской области / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1997. 92 с.

Вишневский Ю. Р. Горнозаводской учебный округ : состояние, проблемы и тенденции развития : информ.-аналит. отчет по матер. социол. исслед. (весна–лето 1995 г., Н. Тагил, В. Салда) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, Н. Тагил, 1997. 48 с.

Вишневский Ю. Р. Ценностные и социокультурные ориентации молодежи / Ю. Р. Вишневский // Социологическое обозрение. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 35–39.

Вишневский Ю. Р. Социология : курс лекций для техн. вузов. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 1997. 278 с.

Вишневский Ю. Р. Социология молодежи. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, 2-е изд. Екатеринбург, 1997. 211 с.

Вишневский Ю. Р. Выпускники: проблемы профориентации и трудоустройства // Региональная социальная политика: молодежный аспект. Н. Новгород, 1997. 2 с.

Вишневский Ю. Р. Школа + информация + культура = Школа информационной культуры / Ю. Р. Вишневский, А. Ю. Балтина. Екатеринбург, 1997. Вып. 2. 66 с.

Вишневский Ю. Р. Выбор профессии и установки современного студенчества в условиях формирования рыночных отношений / Ю. Р. Вишневский // Открытое образование. Бизнес и образование. Екатеринбург, 1997.

- Вишневский Ю. Р.* Социальный облик студенчества 90-х годов / Ю. Р. Вишневский, Л. Я. Рубина // Социологические исследования. 1997. № 10. 14 с.
- Вишневский Ю. Р.* О проблемах молодежи Урала / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 1997. № 10.

1998 год

- Вишневский Ю. Р.* Возрождение России : общество – образование – культура – молодежь : матер. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1998. 132 с.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы социологии / Ю. Р. Вишневский // Возрождение России : общество – образование – культура – молодежь : матер. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 3–6.
- Вишневский Ю. Р.* Возрождение России : общество – образование – культура – молодежь : материалы молодежной секции науч.-практ. конф. и шк. молодых ученых памяти Л. Н. Когана / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1998. 76 с.
- Вишневский Ю. Р.* Введение. Заключение / Ю. Р. Вишневский // Общество – образование – культура – молодежь : материалы молодеж. секции науч.-практ. конф. и шк. молодых учен. памяти Л. Н. Когана / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1998. С. 3, 73–76.
- Вишневский Ю. Р.* Проект концепции внеучебной работы со студентами / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Внеучебная работа со студентами в УГТУ : опыт, проблемы, перспективы: тез. выступлений науч.-практ. конф. (31 марта 1998 г.). Екатеринбург, 1998. С. 3–9.
- Вишневский Ю. Р.* Штрихи к социальному портрету современного студента : по материалам исследований социол. лаб. УГТУ) / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, Е. А. Рудакова // Внеучебная работа со студентами в УГТУ : опыт, проблемы, перспективы : тез. выступлений науч.-практ. конф. (31 марта 1998 г.). Екатеринбург, 1998. С. 61–66.
- Вишневский Ю. Р.* Основные подходы к разработке концепции внеучебной работы со студентами / Ю. Р. Вишневский // Проблемы воспитания студентов в современном вузе : тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 апреля 1998 г.). Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 51–54.
- Вишневский Ю. Р.* Валеологическая культура студентов : информ.-аналит. отчет по материалам социол. опроса студентов УГТУ (декабрь 1997 г. – январь 1998 г.) / Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1998. 36 с.
- Вишневский Ю. Р.* Валеологическая культура студентов / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, Е. А. Рудакова // Уральский региона как социум : матер. XI Уральских социол. чтений. Челябинск, 1998. С. 197–202.
- Вишневский Ю. Р.* Школа «Полифорум» : концепция, реализация и перспективы эксперимента / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1998. 112 с.
- Вишневский Ю. Р.* Современная социология – смена научных парадигм / Ю. Р. Вишневский // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь, 1998.
- Вишневский Ю. Р.* Семья: противоречия, тенденции, проблемы / Ю. Р. Вишневский // Семья на пороге 3 тысячелетия. Н. Новгород, 1998.
- Вишневский Ю. Р.* Студенческая семья: проблемы, тенденции и перспективы / Ю. Р. Вишневский // Семья в новых социально-экономических условиях. Т. 1. Н. Новгород, 1998.
- Вишневский Ю. Р.* Как организовать и провести маркетинговые исследования : на примере исследования «Сотовая телефонная связь : потенциальные потребители услуг, спрос на услуги» (Екатеринбург, 24.07.95–14.08.95) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1998. 32 с.
- Вишневский Ю. Р.* Введение / Ю. Р. Вишневский // Возрождение России: общество – образование – культура – молодежь : материалы молодежной секции науч.-практ. конф. и шк. молодых учен. памяти профессора Л. Н. Когана / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1998.

1999 год

- Вишневский Ю. Р.* Социологи России и СНГ XIX–XX веков / Ю. Р. Вишневский. М., 1999. С. 52.
- Вишневский Ю. Р.* Учет политических и правовых установок студентов во внеучебной работе / Ю. Р. Вишневский // Внеучебная работа со студентами в УГТУ : опыт, проблемы, перспективы : тез. Второй науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1999. Вып. 2. С. 11–14.
- Вишневский Ю. Р.* Исследование девиантных форм поведения студенческой молодежи / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, А. Я. Пучков // Университетское управление : практика и анализ : информ.-аналит. бюллетень Совета ректоров и Фонда высшей школы Свердловской области. 1999. № 3–4. С. 38–49.
- Вишневский Ю. Р.* Л. Н. Коган о судьбе человека и судьба Л. Н. Когана / Ю. Р. Вишневский // Уральская социология на рубеже веков : преемственность поколений. Екатеринбург, 1999. Ч. 1. С. 41–48.
- Вишневский Ю. Р.* Л. Н. Коган о творчестве : творческое обновление теории культуры / Ю. Р. Вишневский // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Екатеринбург, 1999.
- Вишневский Ю. Р.* Смена парадигмы социального познания / Ю. Р. Вишневский // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Екатеринбург, 1999.
- Вишневский Ю. Р.* Современная российская молодежь: методология изучения / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999. С. 237–260.
- Вишневский Ю. Р.* Политология : метод. пособие / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 1999. 168 с.
- Вишневский Ю. Р.* Гражданское общество в России – диалектика становления : размышления о книге : Модель И. М., Модель Б. С. Власть и гражданское сообщество России : от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург, 1998 / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 1999. Вып. 1.
- Вишневский Ю. Р.* Студент–99 / Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 1999. 118 с.
- Вишневский Ю. Р.* Установка на перспективу – смысложизненная ценность / Ю. Р. Вишневский // Современная Россия: смыслообразующие факторы развития. Тюмень, 1999.
- Вишневский Ю. Р.* Современная брачная ситуация / Ю. Р. Вишневский // Семья в России: теория и реальность. Тверь, 1999.
- Вишневский Ю. Р.* Школа + информация + культура = Школа информационной культуры / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 1999. 70 с.

2000 год

- Вишневский Ю. Р.* Молодежь Российской Федерации : положение, выбор пути. Гос. доклад / Ю. Р. Вишневский. М., 2000. 192 с.
- Вишневский Ю. Р.* Практикум по социологии молодежи / Ю. Р. Вишневский [и др.]. М., 2000. 296 с.
- Вишневский Ю. Р.* Вместо введения. Инновации : в чем их сущность, что способствует и что мешает их реализации? / Ю. Р. Вишневский // Социальный менеджмент: инновационные подходы : сб. работ студентов и аспирантов. Екатеринбург, 2000. С. 3–5.
- Вишневский Ю. Р.* Концепция внеучебной работы в УПИ / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Из опыта организации внеучебной работы в Уральском государственном техническом университете. Екатеринбург, 2000. С. 69–74.
- Вишневский Ю. Р.* Социальный портрет студента УГТУ / Ю. Р. Вишневский // Из опыта организации внеучебной работы в Уральском государственном техническом университете. Екатеринбург, 2000. С. 74–109.
- Вишневский Ю. Р.* Репродуктивное здоровье семьи – основа здоровья общества / Ю. Р. Виш-

- невский, Д. В. Баранова // *Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики : аналит. вестн. Совета Федерации ФС РФ.* 2000. № 17 (129). С. 30–34.
- Вишневский Ю. Р.* Социология: курс лекций для технических вузов / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2000. 3-е изд. 278 с.
- Вишневский Ю. Р.* Социология : курс лекций для системы дист. образования / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2000. 278 с.
- Вишневский Ю. Р.* Ценностные установки и межпоколенческий диалог в российских реформах / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // *Россия на пути реформ: XXI век – камо грядеши?* Челябинск, 2000.
- Вишневский Ю. Р.* Вызовы времени и социокультурные ориентиры образования / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // *Судьбы России : образование, наука, культура : тез. четвертой Всерос. конф., посвящ. 80-летию УрГУ.* Екатеринбург, 2000. С. 26–28.
- Вишневский Ю. Р.* Идеи Л. Н. Когана об актуальной культуре сегодня / Ю. Р. Вишневский // *Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики : тез. докл. III межрегион. науч. конф.* Екатеринбург, 2000. Вып. 2. С. 99–102.
- Вишневский Ю. Р.* Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя) / Ю. Р. Вишневский. Н. Тагил, 2000.
- Вишневский Ю. Р.* Студент 90-х – социокультурная динамика / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // *Социологические исследования.* 2000. № 12. С. 56–63.
- Вишневский Ю. Р.* Социологическая диагностика наркотической ситуации / Ю. Р. Вишневский, А. Я. Пучков, Л. Н. Боронина // *Студенчество и наркомания : пути решения проблемы : матер. Всерос. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 2000. С. 105–108.
- Вишневский Ю. Р.* Исследование проблем профессионального самоопределения студенчества Свердловской области / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Банникова, Я. В. Дидковская // *Университетское управление : практика и анализ.* 2000. № 2 (13). С. 75–80.
- Вишневский Ю. Р.* УГТУ–УПИ : люди, годы, проблемы / Ю. Р. Вишневский, Л. Д. Митрофанов, В. Н. Никифоров. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. I. Ч. 1–2. Екатеринбург, 2000. 438 с.
- Вишневский Ю. Р.* Кафедра социологии и политологии – юбилею УГТУ–УПИ / Ю. Р. Вишневский // *Возрождение России : общество – образование – культура – молодежь : матер. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию УГТУ–УПИ.* Екатеринбург, 2000. Вып. 2. С. 3–5.
- Вишневский Ю. Р.* За гуманную гуманитаризацию. Или физик лирику – друг, товарищ и брат / Ю. Р. Вишневский // *Наука Урала.* 2000. № 21–22. С. 10.
- Вишневский Ю. Р.* Смысложизненные ориентации двух поколений / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : матер. XII Уральских социол. чтений, посвящ. памяти проф. З. И. Файнбурга (Пятое Файнбургские чтения).* Пермь, 2000. Т. 1. С. 173–176.
- Вишневский Ю. Р.* О качестве социологических исследований в образовательных учреждениях / Ю. Р. Вишневский // *Зборовский Г. Е., Коврова Н. В. Социология образования перед новыми вызовами («круглый стол») // Социологические исследования.* 2000. № 6. С. 59–60, 63–64.

2001 год

- Вишневский Ю. Р.* Возрождение России : общество – образование – культура – молодежь. Екатеринбург, 2001. Вып. 3. 86 с.
- Вишневский Ю. Р.* От «физики Бога» к «физике человека» / Ю. Р. Вишневский // *Возрождение России : общество – образование – культура – молодежь: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию УГТУ–УПИ.* Екатеринбург, 2001. С. 22–26.
- Вишневский Ю. Р.* Молодежь и толерантность – совместимы ли они? / Ю. Р. Вишневский // *Возрождение России: общество – образование – культура – молодежь: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию УГТУ–УПИ.* Екатеринбург, 2001. Вып. 3 С. 60–63.
- Вишневский Ю. Р.* Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ.

- 25-летию Уральских социол. чтений и 25-летию ФГО УГТУ–УПИ. Ч. 4. Общество – образование – культура – молодежь / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 2001. 152 с.
- Вишневский Ю. Р.* Уральским социологическим чтениям – 25 лет Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию Уральских социол. чтений и 25-летию ФГО УГТУ–УПИ. Общество – образование – культура – молодежь / Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 2001. Ч. 4. С. 5–8.
- Vishnevsky Y. R.* Choice motivation of profession and university by Ekaterinburg students (field researches in 1995–1999 years) / Y. R. Vishnevsky, L. S. Yakurnova // Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Уральских социол. чтений и 25-летию ФГО УГТУ–УПИ. Общество – образование – культура – молодежь. Екатеринбург, 2001. Ч. 4. С. 19–23.
- Вишневский Ю. Р.* Адаптация первокурсников : общие проблемы и тенденции / Ю. Р. Вишневский // Большой Урал – XXI век: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Уральских социол. чтений и 25-летию ФГО УГТУ–УПИ. Общество – образование – культура – молодежь. Екатеринбург, 2001. Ч. 4. С. 120–126.
- Вишневский Ю. Р.* Социальное самочувствие – критерий и фактор адаптации первокурсников к студенческой жизни Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Уральских социол. чтений и 25-летию ФГО УГТУ–УПИ. Общество – образование – культура – молодежь / Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 126–130.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональное самоопределение – основной ориентир и критерий успешности адаптации первокурсников в вузе / Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская // Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Уральских социол. чтений и 25-летию ФГО УГТУ–УПИ. Общество – образование – культура – молодежь. Екатеринбург, 2001. Ч. 4. С. 130–136.
- Вишневский Ю. Р.* Ценностные ориентации учителей / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской Академии образования. 2001. № 2 (8). С. 86–100.
- Вишневский Ю. Р.* Социальные проблемы российского студенчества / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Российский социум : проблемы и перспективы развития : материалы секции Всерос. науч.-практ. конф. «Россия на пути реформ: подводя итоги XX столетия». Челябинск, 2001.
- Вишневский Ю. Р.* Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. Из истории социологии на Урале : наука – люди науки – научные коллективы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2001. Ч. 2. 220 с.
- Вишневский Ю. Р.* Большой Урал – XXI век : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. История Уральских социологических чтений: люди – идеи – проблемы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2001. Ч. 3. 152 с.
- Вишневский Ю. Р.* Противоречия культуры / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Культура. Творчество. Личность : тр. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2001. С. 18–20.
- Вишневский Ю. Р.* Социология молодежи: междисциплинарные подходы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Ученые записки НТГПИ. Вып. 1. Философия. Культурология. Социология. Политология. Экономика. Н. Тагил, 2001. С. 68–76.
- Вишневский Ю. Р.* Молодежь и толерантность – совместимы ли они? / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Молодежь XXI века. Толерантность как способ восприятия. Н. Новгород, 2001. С. 5–7.
- Вишневский Ю. Р.* Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Университетское управление : практика и анализ. 2001. № 4 (19).
- Вишневский Ю. Р.* Молодежь: ресурсосберегающий подход / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Сбережение населения Свердловской области – проблемы и перспективы : докл. науч.-практ.

конф. (6 июля 2001 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2001. С. 92–103.

Вишневский Ю. Р. Вместо введения. Эксперимент продолжается / Ю. Р. Вишневский // Школа + Информация + Культура = Школа информационной культуры. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 3–4.

Вишневский Ю. Р. Как лучше воспринимать и понимать информацию / Ю. Р. Вишневский // Школа + Информация + Культура = Школа информационной культуры. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 15–17.

Вишневский Ю. Р. Социология молодежи: перспективы развития / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Большой Урал – XXI век : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. XIII Уральские социол. чтения. Екатеринбург, 2001. С. 119–123.

2002 год

Вишневский Ю. Р. Обществоведение на завтра / Ю. Р. Вишневский // Большой Урал. Мир событий, 2001. Екатеринбург, 2002. С. 287.

Вишневский Ю. Р. Студенческое самоуправление: тенденции и проблемы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, Т. Ю. Баландина // Студенческое самоуправление : опыт, проблемы, перспективы : тез. докл. и выступлений участников науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 5–14.

Вишневский Ю. Р. Студент в провинции: ориентиры воспитательной работы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Внеучебная работа в филиалах УГТУ–УПИ : тез. докл. науч.-практ. конф. (11–12 ноября 2002 г.). Екатеринбург, 2002. С. 9–19.

Вишневский Ю. Р. Социальное самочувствие – критерий и фактор адаптации первокурсников к студенческой жизни Большой Урал – XXI век / Ю. Р. Вишневский // Внеучебная работа со студентами в УГТУ–УПИ : опыт, проблемы, перспективы : тез. докл. Пятой науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 149–155.

Вишневский Ю. Р. Социальная политика – социальное взаимодействие – социальное самочувствие / В. Е. Михедб, С. Ю. Вишневский, Ю. Р. Вишневский // Ученые записки НТГПИ. Т. 2. Ч. 1. Общественные науки. Н. Тагил, 2002. С. 35–46.

Вишневский Ю. Р. Социальный кредит для будущего / Ю. Р. Вишневский, А. В. Пономарев // Поиск. 2002. № 15–16. С. 6.

Вишневский Ю. Р. Школьная реформа: для чего и какая? / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Молодежь в XXI веке : трансформация российского общества и молодежная политика : матер. город. науч.-практ. конф. (21 мая 2002 г.) Пермь, 2002. С. 4–14.

Вишневский Ю. Р. Как преодолеть провинциализм : идеи Л. Н. Когана и современность / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социология в российской провинции : тенденции, перспективы развития. Екатеринбург, 2002. Ч. 1. С. 71–78.

Вишневский Ю. Р. Адаптация первокурсников в вузе их глазами / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Активизация творческого и научного потенциала первокурсника как одна из форм гражданско-патриотического воспитания молодежи : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 2002. С. 23–35.

Вишневский Ю. Р. Социально-психологические аспекты адаптации первокурсников / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Первый курс – воспитательная работа. Екатеринбург, 2002. С. 22–48.

Вишневский Ю. Р. Поступил. Ура! Что дальше? / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Студенчество : диалоги о воспитании. 2002. № 1.

Вишневский Ю. Р. Социальная инерция. К постановке проблемы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : матер. VI Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. З. И. Файнбурга (сентябрь 2002 г., Пермь). Пермь, 2002. С. 17–19.

Вишневский Ю. Р. О концепции внеучебной работы со студентами первого курса / Ю. Р. Вишневский, А. В. Пономарев, А. В. Титов // Внеучебная работа со студентами в УГТУ–

УПИ : опыт, проблемы, перспективы : матер. VII науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 178–182.

Вишневский Ю. Р. Социологическая диагностика наркотической ситуации в вузах Екатеринбурга / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, А. Я. Пучков // Образование и молодежная политика в современной России : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (СПбГУ, 26–28.09.02). СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 469–472.

2003 год

Вишневский Ю. Р. Управление персоналом : учеб. пособие для студентов социально-экономических специальностей. Вып. 1. Введение. Становление и развитие теории и практики управления персоналом / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский. Екатеринбург, 2003.

Вишневский Ю. Р. Управление персоналом : учеб. пособие для студентов социально-экономических специальностей. Вып. 2. Кадровая политика фирмы / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский. Екатеринбург, 2003.

Вишневский Ю. Р. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Вестник УГТУ–УПИ. 2003. № 4 (24). Актуальные проблемы социологии и менеджмента. С. 21–32.

Вишневский Ю. Р. Студент 90-х : социокультурная динамика / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социология образования перед новыми проблемами. М., Омск, 2003. С. 286–300.

Вишневский Ю. Р. Социальное самочувствие уральских учителей / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Вестник УГТУ–УПИ. 2003. № 4 (24). С. 154–158.

Вишневский Ю. Р. Наркомания и девиации в студенческой среде / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, А. Я. Пучков // Вестник УГТУ–УПИ. 2003. № 4 (24). С. 192–204.

Вишневский Ю. Р. Студент–2003. Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (весна 2003 г.) / Ю. Р. Вишневский [и др.] (Введение, гл. I, V, VIII, Заключение). Екатеринбург, 2003.

Вишневский Ю. Р. Социальная трансформация и социальные настроения учителей / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социология социальных трансформаций. Н. Новгород, 2003. С. 475–479.

Вишневский Ю. Р. Социальное самочувствие молодежи: динамика и инерционность / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы : тез. докл. и выступлений на II Всерос. социол. конгрессе. Т. 3. М., 2003. С. 111–114.

Вишневский Ю. Р. Социальный менеджмент : сущность и история становления / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, Л. В. Орлова // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург, 2003. С. 60–63.

Вишневский Ю. Р. Социальные настроения жителей малого уральского города / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург, 2003. С. 125–128.

Вишневский Ю. Р. Социальное самочувствие учителей как отражение социальных настроений в обществе / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Россия и регионы: социальные ориентиры политического и экономического развития : матер. XX Междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. Челябинск, 2003. С. 127–131.

Вишневский Ю. Р. Молодежная политика: проблемы и перспективы / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // XIV Уральские социологические чтения : сб. матер. Всерос. науч. конф. Тюмень, 2003. С. 159–163.

Вишневский Ю. Р. Инерционность социокультурных процессов / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Н. Тагил, 2003. С. 31–42.

Вишневский Ю. Р. Исследование отношения студентов к наркомании как предпосылка опти-

- мизации профилактической работы / Ю. Р. Вишневский // Студенчество и наркомания: пути решения проблемы. Екатеринбург, 2003. С. 51–61.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы социологии культуры / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Серия 3 : Культурологические науки. 2003. № 3 (3). С. 9–19.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональная компетентность педагога. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 2003. 42 с.
- Вишневский Ю. Р.* Взаимосвязь социологического и культурологического анализа в творчестве Л. Н. Когана / Ю. Р. Вишневский // Социология в российской провинции: тенденции и перспективы развития. Ч. I. Екатеринбург, 2003. С. 13–18.
- Вишневский Ю. Р.* Социальные настроения жителей малого уральского города / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии и менеджмента : общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург, 2003. Вып. 2. С. 125–128.
- Вишневский Ю. Р.* Всегда новый первокурсник / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Студенчество. Диалоги о воспитании. 2003. № 2 (8). С. 6–7.
- Вишневский Ю. Р.* Художественная культура жителей Свердловской области (интересы и запросы в сфере искусства) / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодежь – культура. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 113–128.
- Вишневский Ю. Р.* Социальные изменения и социальная инерция / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Антропологический принцип в философии и проблема развития личности в начале XXI века : матер. науч. конф. (г. Екатеринбург, 11–13 ноября 2002 г.). Ч. 2. Екатеринбург, 2003. С. 11–13.
- Вишневский Ю. Р.* Социология на Урале / Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский // Российское общество социологов: структура и основные направления деятельности. Тюмень, 2003. С. 31–37.
- Вишневский Ю. Р.* Социальное самочувствие жителей среднего индустриального уральского города. Материалы социологического исследования (Красноурьинск, весна лето 2003 г.). / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, Красноурьинск. 2003. 192 с. (Введение, Гл. I, II, III, IV, V, VII, X, XI, XV, XVI)

2004 год

- Вишневский Ю. Р.* Школа + информация + культура = Школа информационной культуры / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 2004. Вып. 470 с.
- Вишневский Ю. Р.* Политическая культура в обществе неустойчивого равновесия: синергетический подход / Ю. Р. Вишневский // Политическая культура и политические процессы в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования. Ч. I. Екатеринбург, 2004. С. 12–19.
- Вишневский Ю. Р.* Культурные запросы населения и оптимизация управления деятельностью учреждений культуры / Ю. Р. Вишневский, А. П. Коробейникова, В. Т. Шапко. М., 2004. 110 с.
- Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т.* Современная российская культура: социокультурный анализ // Россия и регионы : взаимодействие гражданского общества, бизнеса и общества : матер. XXI Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. Ч. 1. С. 21–25.
- Вишневский Ю. Р.* Культура движется по рыночным ухабам / Ю. Р. Вишневский, Н. Н. Тарабукина // Уральский рабочий. 2004. 10 августа.
- Вишневский Ю. Р.* Формирование системы воспитательной работы в вузе / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Актуальные проблемы социологии и менеджмента : общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург, 2004. Вып. 6. С. 78–85.

Вишневский Ю. Р. Проблемы и перспективы развития учреждений культуры Свердловской области / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Актуальные проблемы социологии и менеджмента : общество – управление – образование – молодежь – культура. Вып. 6. Екатеринбург, 2004. С. 122–137.

Вишневский Ю. Р. Социология культуры / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социология : учеб. пособие для студентов пед. вузов. Екатеринбург, 2004. С. 158–167.

Вишневский Ю. Р. Ориентиры молодежной политики / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Проблемы реализации личностного потенциала молодежи в современных условиях : тр. Всерос. науч.-практ. конф. Юрга, 2004. С. 23–26.

2005 год

Вишневский Ю. Р. Политическая культура России: противоречия и проблемы / Ю. Р. Вишневский // Политическая культура и политические процессы в современном мире : методология, опыт эмпирического анализа : матер. 8-й Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. Ч. II. Екатеринбург, 2005. С. 131–133.

Вишневский Ю. Р. «Война была... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Актуальные проблемы социологии и менеджмента : общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург, 2005. Вып. 7. С. 3–10.

Вишневский Ю. Р. Социальные настроения работающей молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 38–40.

Вишневский Ю. Р. Отношение работающей молодежи к труду : сравнительный межпоколенческий анализ / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 40–42.

Вишневский Ю. Р. «Война была... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Новый ковчег. 2005. № 2. С. 2, 8–13.

Вишневский Ю. Р. «Человек эпохи Возрождения» в советские времена / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии: матер. Всерос. науч.-практ. конф. // Вестник ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. 2005. № 3 (55). В 2 ч. Ч. 1. С. 10–11.

Вишневский Ю. Р. Методологические проблемы социологии культуры / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии : матер. Всерос. науч.-практ. конф. // Вестник ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. № 3 (55). В 2 ч. Ч. 1. С. 293–296.

Вишневский Ю. Р. Для пользы дела / Ю. Р. Вишневский, Н. Н. Тарабукина // Встреча (Культурно-просветительская работа). 2005. № 3. С. 15–17.

Вишневский Ю. Р. Выступление на круглом столе «Гуманитаризация образования: потребность рынка, дань моде или естественный процесс?» / Ю. Р. Вишневский // Российское право. 2005. № 11. С. 20–21.

Вишневский Ю. Р. XV Уральские чтения / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 140–141.

2006 год

Вишневский Ю. Р. Социология молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2006. (Гриф УМО)

Вишневский Ю. Р. Ценностное сознание молодежи: парадоксальность и инерционность / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : матер. VIII Всерос. научн. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. З. И. Файнбурга и 40-летию создания лаборатории социологии ПГТУ. Пермь, 2006. С. 27–31.

Вишневский Ю. Р. Влияние социального управления на улучшение социального самочувствия

- вия / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Бочканова // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 47–50.
- Вишневский Ю. Р.* Оценка перспектив профессиональной деятельности школьной молодежи / Ю. Р. Вишневский, О. Н. Глебова // Научные труды IX отчетной конф. молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 65–68.
- Вишневский Ю. Р.* Социология молодежи: сегодня и завтра / Ю. Р. Вишневский, Д. В. Давлетова // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 71–73.
- Вишневский Ю. Р.* Сексуальная культура и сексуальные отношения в молодежной среде / Ю. Р. Вишневский, Е. В. Зайцева // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 112–114.
- Вишневский Ю. Р.* Перспективы российского бренда: взгляд поколения «next» / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Костылева // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 142–145.
- Вишневский Ю. Р.* Экономическая культура: подходы к определению / Ю. Р. Вишневский, В. В. Майн // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 160–162.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальность формирования нового типа культуры потребления / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Нархова // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 170–175.
- Вишневский Ю. Р.* Проблема идентификации в трудах Эрика Эриксона / Ю. Р. Вишневский, М. В. Полухина // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 186–189.
- Вишневский Ю. Р.* К вопросу о планировании процессов межкультурной коммуникации / Ю. Р. Вишневский, Е. В. Сивец // Научные труды IX отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. Екатеринбург, 2006. С. 193–195.
- Вишневский Ю. Р.* Аксиологическое видение культуры П. А. Сорокиным и современные концепции культуры / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Будущее России: стратегии развития: тез. докл. уральских социологов на II Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (Москва, декабрь 2005 г.). Екатеринбург, 2006. С. 23–26.
- Вишневский Ю. Р.* Социальное самочувствие – субъективная сторона образа жизни молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада : методология, опыт эмпирического исследования. Ч. II. С. 48–52.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальная культура как характеристика образа жизни современных россиян: региональный аспект / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социум и власть. 2006. № 1. С. 107–111.
- Вишневский Ю. Р.* Воспитание на пьедестале почета / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Студенчество. Диалоги о воспитании. 2006. № 1. С. 2–11.
- Вишневский Ю. Р.* Отношение работающей молодежи к труду : сравнительный межпоколенческий анализ / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Молодежная галактика. Ежегодный альманах. 2006. С. 77–81.
- Вишневский Ю. Р.* Проблемы и перспективы студенческого самоуправления в многонациональном вузе / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: сб. науч. работ студентов, аспирантов и преподавателей кафедры социологии и СТУ. Вып. 8. Екатеринбург, 2006. С. 3–7.
- Вишневский Ю. Р.* Социальная эффективность управленческих решений / Ю. Р. Вишневский, И. В. Дьяченко // Там же. С. 16–17.
- Вишневский Ю. Р.* Образование в трансформирующемся обществе: вызовы XXI века / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Ученые записки НТГСПА. 2006. Общественные науки. Н. Тагил, 2006. С. 6–8.

- Вишневский Ю. Р.* Социальное конструирование сексуальности / Ю. Р. Вишневский, Е. В. Зайцева // Научные труды X отчетной конференции молодых ученых ГОУ ВПО УГТУ–УПИ : сб. ст. Ч. 3. Екатеринбург, 2006. С. 217–219.
- Вишневский Ю. Р.* Специфика потребительского поведения российской молодежи / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Нархова // Там же. С. 257–262.
- Вишневский Ю. Р.* Парадоксальный молодой человек / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.
- Вишневский Ю. Р.* Социальные девиации в молодежной среде / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Девиация и делинквентность: социальный контроль: сб. матер. междунар. конф. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. проф. З.-Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2006. С. 8–22.
- Вишневский Ю. Р.* Социально значимые болезни и организация их первичной профилактики / Ю. Р. Вишневский, Г. В. Талалаева // Социальное здоровье нации и будущее российской медицины : матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. К. В. Харченко, Т. И. Куниной. Белгород, 2006. С. 45–52.

2007 год

- Вишневский Ю. Р.* Наркомания : аномальная форма адаптации молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, Г. В. Талалаева. Екатеринбург, 2007. 250 с.
- Вишневский Ю. Р.* Развитие учреждений культуры Урала : прогнозы и современность // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : матер. VIII Всерос. науч. конф. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 10–20.
- Вишневский Ю. Р.* Современный читатель : социологический анализ / Ю. Р. Вишневский, Е. В. Дорофеева, В. Т. Шапко // Homo Legens в прошлом и настоящем. Н. Тагил, 2007. С. 152–160.
- Вишневский Ю. Р.* Молодежь и рынок : надежды, опасения и реальность / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Молодежная Галактика. 2007. № 3. С. 30–35.
- Вишневский Ю. Р.* Прогноз Л. Н. Когана о развитии учреждений культуры до 2000 года и современность / Ю. Р. Вишневский, Н. О. Миронова, В. Т. Шапко // Известия УрГУ. Сер. 3. Общественные науки. 2007. № 51. Вып. 3. С. 60–73.
- Вишневский Ю. Р.* Адаптация студентов 1 курса: социологический анализ / Ю. Р. Вишневский, Е. В. Осипчукова // Внеучебная работа со студентами : опыт, проблемы, перспективы: сб. тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2007. С. 50–58.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы гражданской культуры студенчества // Российская молодежь в условиях общественных преобразований : матер. III Уральских молодежных социол. чтений : Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 20–21 сентября 2007 г.) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 2007. Вып. 1. С. 52–57.
- Vishnevskiy Yu. R.* Topical Issues of the Formation Process of the Civic Culture of Young People in Modern Russian Society / Yu. R. Vishnevskiy, S. Yu. Vishnevskiy, V. T. Shapko // Conflict, Citizenship and Civil Society. Moscow, 2007. P. 165–177.
- Вишневский Ю. Р.* Социализация и адаптация – системное качество молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Н. Тагил, 2007. С. 53–65.
- Вишневский Ю. Р.* Гражданская культура современного российского студенчества / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2007.
- Вишневский Ю. Р.* Гражданская культура российского студенчества : итоги Федерального исследования / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Гражданская культура современного студенчества : матер. Междунар. конф., посв. 50-летию ССА-РОС. Екатеринбург, 2007. С. 66–75.
- Вишневский Ю. Р.* Наркомания в представлениях студентов вузов Свердловской области (по материалам мониторинговых исследований) / Ю. Р. Вишневский, Н. А. Лопаева, А. В. Поно-

марев // Организация работы по профилактике зависимостей от психоактивных веществ в вузах: опыт, проблемы, перспективы : сб. тез. участников межвуз. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2007. С. 55–60.

Вишневский Ю. Р. Студенчество и политика / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социум и власть. 2007. № 4. С. 66–74.

Вишневский Ю. Р. Молодежные общественные организации : нужны ли, для чего и какие? / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности. Белгород, 2007. С. 62–66.

Вишневский Ю. Р. Культура и общество / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Культурное наследие и перспективы социокультурного развития : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию кафедры культурологии и дизайна УГТУ–УПИ. Ч. I. Екатеринбург, 2007. С. 12–16.

Вишневский Ю. Р. Семья как объект социокультурной реальности / Ю. Р. Вишневский, М. В. Пинженина // Там же. С. 78–81.

Вишневский Ю. Р. Студент – 2007. Материалы четвертого этапа социологического мониторинга (апрель–июнь 2007 г.) / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 2007. С. 4–41, 112–167.

Вишневский Ю. Р. Социология : учеб. пособие. Курс лекций для технических вузов. 3-е изд. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2007.

Вишневский Ю. Р. Социологические исследования молодежи на рубеже веков : методология, методика, результаты / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования молодежи на рубеже XX–XXI веков : методология, методика, проблемы и результаты : матер. Вторых Уральских молодежных социол. чтений. Екатеринбург, 2007.

2008 год

Вишневский Ю. Р. Особенности, достижения и проблемы развития социологии на Урале // Социальные проблемы современного российского общества – региональный аспект: матер. Всерос. конф. «XVII Уральские социологические чтения» / Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский. Екатеринбург, 2008. Вып. 1. С. 4–10.

Вишневский Ю. Р. История Уральских социологических чтений / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 10–15.

Вишневский Ю. Р. Свердловское студенчество на рубеже веков : итоги 12-летнего мониторинга / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же.

Вишневский Ю. Р. Оптимизация социального самочувствия горожан как фактор и результат устойчивого развития среднего города. Социальные проблемы современного российского общества – региональный аспект : матер. Всерос. конф. «XVII Уральские социологические чтения» / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Бочканова. Екатеринбург, 2008. Вып. II. С. 36–40.

Вишневский Ю. Р. Студенческое самоуправление в представлениях студентов конца 1980-х годов // Там же. С. 171–175.

Вишневский Ю. Р. Идеи Л. Н. Когана о развитии личности и современная социология / Ю. Р. Вишневский, А. П. Коробейникова, Т. Ю. Баландина, В. Т. Шапко // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : матер. XI междунар. конф. Ч. 2. Екатеринбург, 2008. С. 4–7.

Вишневский Ю. Р. Культура как самореализация сущностных сил человека / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Философская антропология в XXI веке : перспективы и тенденции развития : матер. рос. межвуз. науч.-теор. конф. Екатеринбург, 2008. С. 43–45.

Вишневский Ю. Р. Установки на перспективу российского студенчества / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Современная Россия : путь к миру – путь к себе : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Гуманитарного университета (10–11 апреля 2008 г.). Екатеринбург, 2008. Т. 2. С. 211–220.

Вишневский Ю. Р. Культура как основа становления и развития молодежи // Изменяющаяся

- Россия. Социально-экономические инновации : матер. XXV Междунар. науч.-практ. конф. / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Ч. 1. Челябинск, 2008. С. 169–180.
- Вишневский Ю. Р.* Молодой россиянин – становление семьянина / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Семья и семейные отношения : современное состояние и тенденции развития. Н. Новгород, 2008. С. 35–43.
- Вишневский Ю. Р.* Социально-профессиональный портрет социального работника // Качество социальной жизни в изменяющейся России / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, А. П. Коробейникова. М., 2008. С. 44–47.
- Вишневский Ю. Р.* Свобода как ценность гражданской культуры студентов / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Ценности современной науки и образования : матер. междунар. науч.-теор. конф. Киров, 2008. С. 10–14.
- Вишневский Ю. Р.* Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы // Социологические исследования / Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский. 2008. № 6. С. 69–74.
- Вишневский Ю. Р.* Тенденции и проблемы формирования гражданской культуры студентов / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Гражданская культура студенчества : матер. «круглого стола» III Всерос. социол. конгр. (Москва, 21–24 октября 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 6–17.
- Вишневский Ю. Р.* Судьба человека: жизнь и творчество Л. Н. Когана / Ю. Р. Вишневский // Л. Н. Коган. Феномен многогранной творческой личности: матер. юбилейной конф. (Екатеринбург, 18 марта 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 14–15.
- Вишневский Ю. Р.* Провинциализм – со знаком «минус» или «плюс»? – идеи Л. Н. Когана и современность / Ю. Р. Вишневский // Там же. С. 15–17.
- Вишневский Ю. Р.* Творческое обновление теории культуры: идеи Л. Н. Когана о творчестве / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 17–18.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные идеи Л. Н. Когана об актуальной культуре / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 18–20.
- Вишневский Ю. Р.* Развитие в современной социологии идей Л. Н. Когана о развитии личности / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 20–23.
- Вишневский Ю. Р.* Что сбылось и что не сбылось в прогнозе Л. Н. Когана (1972 г.) о перспективах развития учреждений культуры до 2000 г.? / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, Н. О. Миронова // Там же. С. 23–32.
- Вишневский Ю. Р.* Парадоксальный человек – Лев Наумович Коган / Ю. Р. Вишневский // Там же. С. 62–63.
- Вишневский Ю. Р.* Надежда на успех / Ю. Р. Вишневский, В. В. Запарий // Команда молодости нашей (История комсомольской организации УПИ). Екатеринбург, 2008. С. 302–304.
- Вишневский Ю. Р.* «Потерянного поколения» концепция / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М., 2008. С. 359–362.
- Вишневский Ю. Р.* Самореализация социальная молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 418–419.
- Вишневский Ю. Р.* Студенческий бунт / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 493–495.
- Вишневский Ю. Р.* Ювенофобия / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Там же. С. 593–595.
- Вишневский Ю. Р.* Диалектика образа жизни и социального самочувствия горожан // Проблемы устойчивого развития городов: сб науч. ст. и матер. участников V междунар. науч.-практ. конф. / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Бочканова. Миасс, 2008. Т. 1. С. 15–19.
- Вишневский Ю. Р.* Глобализация и информационная культура / Ю. Р. Вишневский, Л. Л. Кетов // Глобализация: мифы и реальность: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2008. С. 38–42.
- Вишневский Ю. Р.* Призвание социологии и социолога в творчестве П. А. Сорокина // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое : матер. IV Всерос. науч. конф. Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко. Тюмень, 2008. С. 30–33.

Вишневский Ю. Р. Инерционность массового сознания / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : матер. IX Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. З. И. Файнбурга (Пермь, ноябрь, 2008 г.). Пермь, 2008. Т. 1. С. 21–24.

Вишневский Ю. Р. Актуальная культура современного российского студенчества: методология исследования / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки : матер. межрегион. науч.-практ. конф. «Актуальная культура современного российского студенчества / отв. ред. В. И. Смирнов. Н. Тагил, 2008. С. 8–14.

Вишневский Ю. Р. Профессиональный имидж специалистов по социальной работе как фактор, влияющий на эффективность социальной политики в регионах / Ю. Р. Вишневский, М. В. Полухина // Россия : путь к социальному государству : матер. Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2008 г.). Секция III. Государственная политика, государственное управление и право в сфере социальных процессов. [Электронный ресурс, CD]

Вишневский Ю. Р. Правовой нигилизм – предпосылка экстремизма / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Молодежный экстремизм как социально-политический феномен : матер. науч.-практ. конф. / под ред. Е. В. Лобовой, И. В. Шапко. Екатеринбург, 2008. С. 22–37.

Вишневский Ю. Р. Студенческое самоуправление: тенденции и перспективы развития // Россия: общество, власть, государство (Вторые Казанские социологические чтения) : матер. Всерос. науч. конф. / Ю. Р. Вишневский, Т. Ю. Баландина, С. Ю. Вишневский. Казань, 2008. Т. IV. С. 30–40.

2009 г.

Вишневский Ю. Р. От составителей / Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко // Коган Л. Н. Личность – культура – общество. Избранные труды 1961–1987 гг. Екатеринбург, 2009. С. 11.

Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Коган // Там же. С. 111–147.

Вишневский Ю. Р. Введение. 1. Самооценка социальными работниками престижа своей профессии / Ю. Р. Вишневский // Профессиональный имидж социальной работы и роль СМИ в повышении ее престижа : информационно-аналитический отчет / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2009. С. 4–15.

Вишневский Ю. Р. Проблема традиций и инноваций в культуре в работах Л. Н. Когана и идеи социокультурной инерции / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Культура, личность, общество в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования : матер. XII Междунар. конф. (19–20 марта 2009 г., Екатеринбург). Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 4–7.

Вишневский Ю. Р. Динамика ценностных ориентаций и установок студентов / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, В. Т. Шапко // Зачем культура современному инженеру? : матер. Межвуз. науч.-практ. семинара (Екатеринбург, 25 февраля 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 16–31.

Вишневский Ю. Р. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, Д. В. Трынов // Социологические исследования. 2009. С. 108–117.

Вишневский Ю. Р. Высшее образование России : время перемен / Ю. Р. Вишневский // Высшая школа в условиях реформ: проблемы организации и методического обеспечения учебного процесса : матер. Всерос. науч.-метод. конф. (Екатеринбург, 12–13 февраля 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 28–32.

Вишневский Ю. Р. Качество образования в оценках студентов (по данным мониторинга 1995–2007 гг.) / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Высшая школа в условиях реформ: проблемы организации и методического обеспечения учебного процесса : матер. Всерос. науч.-метод. конф. (Екатеринбург, 12–13 февраля 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 125–130.

- Вишневский Ю. Р.* Профессиональное самоопределение студенчества / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко, Я. В. Дидковская // Актуальные проблемы развития современного российского общества : сб. ст. к 70-летию со дня рождения проф. М. А. Слюсарянского. Пермь, 2009. С. 216–234.
- Вишневский Ю. Р.* Социальная политика – социальная защита населения: от теории к практике / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Социальные технологии в государственном управлении и бизнесе : сб. тез. докл. Межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2009. С. 8–12.
- Вишневский Ю. Р.* Пожилые – молодые: Межпоколенческие социокультурные отношения в семье / Ю. Р. Вишневский, М. В. Пинженина // Старшее поколение в современной семье / под общ. ред. З.-Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2009. С. 220–226.
- Вишневский Ю. Р.* Студенчество – активный участник интеграционных процессов в сфере образования стран-членов ШОС / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, Л. Л. Кетов // Студенчество стран ШОС : социокультурное измерение : матер. междунар. молодеж. социол. чтений (Екатеринбург, 4–5 мая 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 12–15.
- Вишневский Ю. Р.* Студенчество стран ШОС : социокультурное измерение : матер. социол. исслед. (ноябрь 2008 г. – апрель 2009 г.): кол. Монография / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург, 2009. 288 с.
- Вишневский Ю. Р.* Введение / Ю. Р. Вишневский // Студент – 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга (январь–апрель 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 4–20.
- Вишневский Ю. Р.* Социальная защищенность студенчества // Студент – 2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга (январь–апрель 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 21–44.
- Вишневский Ю. Р.* Гражданская культура уральского студенчества / Ю. Р. Вишневский // Студент–2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга (январь–апрель 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 106–129.
- Вишневский Ю. Р.* Заключение / Ю. Р. Вишневский // Студент–2009. Материалы пятого этапа социологического мониторинга (январь–апрель 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 162.
- Вишневский Ю. Р.* Свобода в системе ценностных ориентаций студенчества / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Молодежь – будущее России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2009. Ч. 1. С. 12–17.
- Вишневский Ю. Р.* Студенчество: динамика ценностных ориентаций / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, О. Р. Белова // Академический вестник. Научно-аналитический журнал. 2009. № 3. С. 19–37.
- Вишневский Ю. Р.* Глобализация и развития предпринимательства / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Глобализация : мифы и реальность : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2009. С. 24–30.
- Вишневский Ю. Р.* Опыт подготовки специалистов по работе с молодежью в УГТУ–УПИ // Актуальные вопросы подготовки специалистов в молодежной сфере в системе высшего профессионального образования : матер. V Всерос. науч.-практ. конф. / Ю. Р. Вишневский, А. П. Коробейникова, А. В. Пономарев. Новосибирск, 2009. С. 28–32.
- Вишневский Ю. Р.* Итоги международного исследования «Студенчество ШОС : социокультурное измерение (ноябрь 2008 – апрель 2009 гг.)» / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Актуальные вопросы подготовки специалистов в молодежной сфере в системе высшего профессионального образования : матер. V Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2009. С. 155–173.
- Вишневский Ю. Р.* Введение / Ю. Р. Вишневский // Российское образование в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 5–7.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы социологии образования / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Российское образование в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 8–31.

- Вишневский Ю. Р.* Проблемы и перспективы российской социологии образования // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Екатеринбург, 2009. С. 31–51.
- Вишневский Ю. Р.* Динамика ценностных ориентаций учителей в свете межпоколенческих отношений / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Российское образование в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 51–60.
- Вишневский Ю. Р.* Ценностные установки и ориентации студентов: типичное и повседневное / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Сб. научных трудов преподавателей кафедры фило-соф. наук НТГСПА. Н. Тагил, 2009. С. 143–173.
- Вишневский Ю. Р.* Типичное и повседневное в ценностных установках и ориентациях студентов / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Российское образование в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 60–77.
- Вишневский Ю. Р.* Тенденции и проблемы формирования гражданской культуры студентов / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Российское образование в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 77–88.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональные стратегии студенчества в условиях экономического кризиса / Ю. Р. Вишневский [и др.] // Российское образование в условиях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 155–184.
- Вишневский Ю. Р.* Качество образования в оценках студентов стран ШОС : социологический анализ / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, С. В. Шадрин // Российское образование в усло-виях социальных трансформаций : социологические очерки. Екатеринбург, 2009. С. 241–254.

2010 год

- Вишневский Ю. Р.* Проблемы культурного взаимодействия Европы и России / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования : матер. междунар. конф. (Екатеринбург, 25–26 февраля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. Т. 1. С. 4–7.
- Вишневский Ю. Р.* Динамика валеологической культуры студенчества / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, С. Ю. Вишневский, Н. С. Лопаева // Актуальные проблемы социологии мо-лодежи, культуры и образования : матер. междунар. конф. (Екатеринбург, 25–26 февраля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. Т. 1. С. 41–46.
- Вишневский Ю. Р.* П. А. Сорокин о социальной роли образования / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, С. Ю. Вишневский // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования : матер. междунар. конф. (Екатеринбург, 25–26 февраля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. Т. 3.
- Вишневский Ю. Р.* Проблемы актуальной культуры в творчестве Л. Н. Когана и В. Т. Шапко / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : матер. XIII Междунар. конф. Екате-ринбург, 2010. Ч. 1. С. 10–17. [Электронный ресурс, CD].
- Вишневский Ю. Р.* Социология на Урале: особенности, достижения, проблемы / Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. СПб., 2010. С. 371–380.
- Вишневский Ю. Р.* Штрихи портрета студента УГТУ–УПИ на фоне мониторинга свердлов-ских студентов / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Н. С. Лопаева // Внеучеб-ная работа со студентами : опыт, проблемы, перспективы : сб. тез., докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 34–42.
- Вишневский Ю. Р.* Инновационность высшего образования – предпосылка формирования инновационной культуры предпринимателя / Ю. Р. Вишневский, А. А. Попов // Актуальные проблемы высшего профессионального образования : сб. науч. ст. / под ред. Е. М. Козакова. Екатеринбург, 2010. Вып. 75 (158). С. 183–205.

- Вишневский Ю. Р.* Социальная несправедливость – тормоз на пути инновационной экономики / О. Р. Белова, Ю. Р. Вишневский, А. А. Попов // Государственное и муниципальное управление в современной России : матер. второй межрегион. науч.-практ. студ. конф. (Пермь, ПГТУ, 16 апреля 2010 г.). Пермь, 2010. С. 7–18.
- Вишневский Ю. Р.* Ориентир подготовки выпускника – перспектива / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир–Россия–Урал : матер. XIII Всерос. науч.-практ. конф Гуманитарного университета (8–9 апреля 2010 г.): докл. / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. Т. 1. С. 596–602.
- Вишневский Ю. Р.* Оптимистический прогноз / Ю. Р. Вишневский // Студенчество диалоги о воспитании. 2010. № 5 (53). С. 12–13.
- Вишневский Ю. Р.* Ценностные ориентации и установки университетской молодежи (сравнительный анализ результатов российско-украинского исследования) / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, З. В. Сенук // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества : сб. науч. работ. Вып. 16. Харьков, 2010. С. 681–687.
- Вишневский Ю. Р.* Социальный капитал в ракурсе социокультурного подхода / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина // Экономические и экономические проблемы в меняющемся мире : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Тюменского гос. ун-та : в 2 ч. / отв. за вып. В. В. Зыков, Л. С. Киселева. Тюмень, 2010. Ч. 1. С. 297–305.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональный выбор студентов: общее и особенное / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : матер. X Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. З. И. Файнбурга. Пермь, 2010. С. 312–315.
- Вишневский Ю. Р.* Динамика представлений российских студентов о Великой Отечественной войне / Ю. Р. Вишневский, В. А. Ружа // Технологии реализации молодежной политики с работы с молодежью в современном мире : двуязычный сб. тез. междунар. конф. (20–21 июля 2010 г.). М., 2010. С. 129–140.
- Vishnevski Y. R.* The Great patriotic War (WWII) perception dynamics of Russian college students / Y. R. Vishnevski, V. A. Rouzha // Technologies for implementing youth policy and working with youth in the contemporary world: bilingual collection of abstracts of the international conference (July 20–21.2010). Moscow, 2010. P. 310–321.
- Вишневский Ю. Р.* Кетов Л. Л. Проблемы становления информационной культуры учащейся молодежи / Ю. Р. Вишневский, Л. Л. Кетов // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург, 2010. С. 133–149.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальные проблемы социологии молодежи / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Актуальные проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург, 2010. С. 12–21.
- Вишневский Ю. Р.* Системное качество молодежи: социализация и адаптация / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. Проблемы социологии молодежи / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург, 2010. С. 21–34.
- Вишневский Ю. Р.* Участие в конференции 1 ноября 2010 г. I Конференция ведущих университетов России (Управление и экономика ведущих университетов, организация научной деятельности в ведущих университетах, развитие инновационного потенциала студенческой молодежи).
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса // Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Банникова, М. В. Певная // Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (2009–2010 гг.). Екатеринбург, 2010. 194 с.

2011 год

Вишневский Ю. Р. Профессиональный имидж и престиж социальной работы: монография / Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская, Н. Б. Качайнова, М. В. Певная / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург, 2011. 184 с.

Вишневский Ю. Р. Л. Н. Коган о социологических проблемах культуры и личности / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 62–72.

Вишневский Ю. Р. Административная реформа и изменение требований к подготовке и деятельности государственных и муниципальных служащих / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина // Социальные технологии в государственном управлении и бизнесе : матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011. С. 16–26.

Вишневский Ю. Р. Профессиональный выбор студентов России и Украины: социологический анализ / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Сер. «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». 2011. № 948. Вып. 28. С. 230–235.

Вишневский Ю. Р. Социологический анализ отношения жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом : от исследований к практике / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина // Многофункциональность в науке: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию профес. Б. В. Личмана / под ред. проф. В. В. Запария. Екатеринбург, 2011. С. 159–172.

Вишневский Ю. Р. Оценка реформирования российского образования с позиции потребителей образовательных услуг / Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная // Социум и власть. 2011. № 1 (29). С. 16–19.

Вишневский Ю. Р. Гражданское общество: социокультурные характеристики / Ю. Р. Вишневский, Н. О. Миронова // Новая Россия в мировом политическом процессе : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21–23 апреля 2011 г.). Екатеринбург, 2011. С. 282–296.

Вишневский Ю. Р. Интегративное определение социальных технологий как фактор формирования социально-технологической культуры студенчества / Ю. Р. Вишневский, Л. Л. Кетов // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста : сб. матер. симп. Белгород, 2011. С. 55–59.

Вишневский Ю. Р. Социальное управление и социальная работа / Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная // Социальные науки в трансформирующемся обществе. Ижевск, 2011.

Вишневский Ю. Р. Комплексная поддержка молодой семьи / Ю. Р. Вишневский, А. П. Коробейникова, Е. П. Шихова, Т. И. Агинская, Е. Н. Икингрин, Е. В. Попова : в 2 ч. Екатеринбург, 2011. Ч. 1. 220 с.

Вишневский Ю. Р. Комплексная поддержка молодой семьи / Ю. Р. Вишневский, А. П. Коробейникова, Е. В. Зверева, Е. В. Попова. Екатеринбург, 2011. Ч. 2. 436 с.

Вишневский Ю. Р. Социология молодежи: курс лекций / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов. Екатеринбург, 2011. 238 с.

Вишневский Ю. Р. Проблема комфортной среда проживания в проектировании нового жилого района крупного города / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Заборова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : матер. 10 юбил. Всерос. науч. конф. : в 2 т. Т. II. Екатеринбург, 2011. С. 382–391.

Вишневский Ю. Р. Реклама: социологический и социально-психологический ракурс : учеб.-метод. пособие / Ю. Р. Вишневский, Н. Г. Хорошкевич. Екатеринбург, 2011. 244 с.

Вишневский Ю. Р. Введение / Ю. Р. Вишневский // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности. Екатеринбург, 2011. С. 4–8.

Вишневский Ю. Р. Семантическое пространство понятия «патриотизм» в массовом созна-

нии / Ю. Р. Вишневский, В. А. Ружа // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности. Екатеринбург, 2011. С. 69–89.

Вишневский Ю. Р. Историческая память и память о войне в общественном сознании / Ю. Р. Вишневский, В. А. Ружа // Современное российское студенчество : историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности. Екатеринбург, 2011. С. 89–94.

Вишневский Ю. Р. Представления российских студентов о Великой Отечественной войне: 5 лет спустя / Ю. Р. Вишневский, В. А. Ружа // Современное российское студенчество : историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности. Екатеринбург, 2011. С. 94–101.

Вишневский Ю. Р. Система социального обслуживания семьи и детей в Российской Федерации: развитие и перспектива / Ю. Р. Вишневский, О. В. Забирова // Актуальные проблемы теории и практики управления : кол. монография. Екатеринбург, 2011. С. 48–54.

Вишневский Ю. Р. Самосохранительное поведение и валеологическая культура / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский // Социально-психологические вопросы формирования ценностей самосохранительного поведения и преемственность поколений : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. С. 16–23.

Вишневский Ю. Р. Профессиональный выбор студенчества в ракурсе ресурсного подхода / Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная, О. Р. Белова, Я. В. Дидковская // Молодежь как ресурс регионального развития : матер. междунар. науч.-практ. конф. Киров, 2011. С. 29–34.

2012

Вишневский Ю. Р. Сравнительный анализ в межрегиональных исследованиях студенчества / О. Р. Белова, Ю. Р. Вишневский // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 11–15.

Вишневский Ю. Р. Социокультурный подход к анализу социального капитала / Т. Б. Багирова, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 47–55.

Вишневский Ю. Р. Профессиональный выбор студентов России и Украины: тенденции, проблемы и перспективы / О. Р. Белова, Ю. Р. Вишневский // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 123–135.

Вишневский Ю. Р. Учеба в развитии профессиональной идентичности студентов России и Украины / О. Р. Белова, Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 135–141.

Вишневский Ю. Р. Ценностные ориентации и установки университетской молодежи (сравнительный анализ результатов российско-украинского исследования) / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, З. В. Сенук // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 183–198.

Вишневский Ю. Р. Динамика развития гражданской культуры студенчества / Ю. Р. Вишневский, О. В. Путинцева, Д. В. Трынов // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 269–292.

Вишневский Ю. Р. Культурный досуг уральских и украинских студентов (по материалам социологических исследований) / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Нархова, Н. О. Южакова // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 324–345.

Вишневский Ю. Р. Ресурсный подход как обогащение управления персоналом / Ю. Р. Вишневский // Актуальные проблемы управления персоналом в условиях социально-экономической модернизации страны : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27–28 апреля 2012 г.). Екатеринбург, 2012. С. 221–225.

- Вишневский Ю. Р.* Студент–2012. Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012 гг.) / Ю. Р. Вишневский, П. А. Амбарова, Л. Н. Банникова [и др.]. Екатеринбург, 2012. 332 с.
- Вишневский Ю. Р.* Повседневная культура студенчества : социологические модели повседневности / Ю. Р. Вишневский, А. П. Багирова, Л. Н. Банникова и [и др.]. Екатеринбург, 2012. 181 с.
- Вишневский Ю. Р.* Стратегическое планирование : учеб.-метод. пособие / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский. Екатеринбург, 2012. 114 с.
- Вишневский Ю. Р.* Гражданский выбор студенчества: тенденции и перспективы / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3 (104). С. 116–130.
- Вишневский Ю. Р.* Мониторинг студенчества Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы / Ю. Р. Вишневский // Социология и общество : глобальные вызовы и региональное развитие: матер. IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. [Электронный ресурс]. М., 2012. С. 1762–1768.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 1 (25). С. 22–27.
- Вишневский Ю. Р.* Белова О.Р. Гражданский выбор студенчества: тенденции и перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3 (104). С. 116–130.
- Вишневский Ю. Р.* Мониторинг студенчества Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : матер. IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. [Электронный ресурс]. М., 2012. С. 1762–1768.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2012. № 1 (25). С. 22–27.
- Вишневский Ю. Р.* ЕГЭ и проблемы взаимодействия школа–вуз / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Д. Ю. Нархов // Школа–ВУЗ : достижения и проблемы фундаментального образования : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (УрФУ, 4–5 декабря 2012 г.) : в 2 ч. Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 16–23.
- Вишневский Ю. Р.* Проектирование социокультурного пространства нового городского района / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина // Общество–культура–человек. Актуальные проблемы социологии культуры : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти проф. В. Т. Шапко (Екатеринбург, УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина, 28–29 февраля 2012 г.). Екатеринбург, 2012. С. 243–250.
- Вишневский Ю. Р.* Культурный досуг уральских и украинских студентов (по материалам социологических исследований) / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Нархова, Н. О. Южакова // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики: сб. ст. Екатеринбург, 2012. С. 324–345.
- Вишневский Ю. Р.* Сравнительный анализ в межрегиональных исследованиях студенчества / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики: сб. ст. Екатеринбург, 2012. С. 11–14.
- Вишневский Ю. Р.* Социокультурный подход к анализу социального капитала / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Л. Н. Боронина // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики : сб. ст. Екатеринбург, 2012. С. 47–54.
- Вишневский Ю. Р.* Профессиональный выбор студентов России и Украины: тенденции, проблемы и перспективы / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики : сб. ст. Екатеринбург, 2012. С. 123–134.

- Вишневский Ю. Р.* Учеба и развитие профессиональной идентичности студентов России и Украины / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, М. В. Певная // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики : сб. ст. Екатеринбург, 2012. С. 134–140.
- Вишневский Ю. Р.* Ценностные ориентации и установки университетской молодежи (сравнительный анализ результатов российско-украинского исследования) / Ю. Р. Вишневский, Л. Н. Боронина, О. Р. Белова, З. В. Сенук // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики : сб. ст. Екатеринбург, 2012. С. 183–197.
- Вишневский Ю. Р.* Развитие общественной самодеятельности и общественного самоуправления – основной ориентир развития нового района мегаполиса / Ю. Р. Вишневский, Е. Н. Заборова // Индустриальная Россия : профессорский сб. науч. ст. (к 60-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария). Екатеринбург, 2012. С. 127–134.
- Вишневский Ю. Р.* Социология культуры / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко // Общество–культура–человек. Актуальные проблемы социологии культуры : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти проф. В. Т. Шапко (Екатеринбург, УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина, 28–29 февраля 2012 г.). Екатеринбург, 2012. С. 243–250.
- Вишневский Ю. Р.* Актуальность теории «актуальной культуры» Л. Н. Когана и В. Т. Шапко / Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский // Общество–культура–человек. Актуальные проблемы социологии культуры : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти профессора В. Т. Шапко (Екатеринбург, УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина, 28–29 февраля 2012 г.). Екатеринбург, 2012. С. 243–250.
- Вишневский Ю. Р.* Студент УрФУ–2011 : представления о модернизации высшего образования / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов // Общество–культура–человек. Актуальные проблемы социологии культуры : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти профессора В. Т. Шапко (Екатеринбург, УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина, 28–29 февраля 2012 г.). Екатеринбург, 2012.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Компьютерная верстка *П. А. Амбарова*

Подписано в печать 05.03.2013.
Формат 60x84/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,64. Уч.-изд. л.33,12.
Тираж 100 экз. Заказ _____.

Редакционно-издательский отдел УрФУ
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
rio@mail.ustu.ru

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел. +7(343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru